

современная
западная
русистика

Жизнь и время Ильи Эренбурга

Джошуа
Рубинштейн

Жизнь и время Ильи Эренбурга

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА

J. RUBENSTEIN

TANGLED LOYALTIES

The Life and Times
of Ilya Ehrenburg

New York
Basic Books
1996

ДЖОШУА РУБИНШТЕЙН

ВЕРНОСТЬ СЕРДЦУ
И ВЕРНОСТЬ СУДЬБЕ

Жизнь и время
Ильи Эренбурга

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2002

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА»:
Б. Ф. ЕГОРОВ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ),
Я. А. ГОРДИН, А. В. ЛАВРОВ, В. А. ТУНИМАНОВ, М. А. ТУРЬЯН.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО *М. А. ШЕРЕШЕВСКОЙ*
НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР *Б. Я. ФРЕЗИНСКИЙ*

ISBN 5-7331-0164-4

© 1996 by Joshua Rubenstein
© М. А. Шерешевская, перевод, 2002
© Б. Я. Фрезинский, послесловие, 2002
© Академический проект, 2002

Эта книга посвящается памяти моего отца, Бернарда Рубинштейна; с удивлением и тревогой следил он за карьерой сына. Он умер, когда первый полный вариант этой книги подходил к завершению.

К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Прошло более трех десятилетий со времени, когда в Москве 31 августа 1967 г. умер Илья Эренбург, и более десятилетия после распада Советского Союза, и уже давно пора напомнить соотечественникам писателя о его значении в жизни их страны. Русский писатель, советский патриот и еврей по национальности, Илья Эренбург был в течение полувека одной из самых загадочных фигур в культурной жизни советского государства. На его похороны десятки тысяч людей наперекор властям загрохотали улицы Москвы, отдавая дань уважения его гражданскому мужеству. Они помнили о его выдающемся вкладе в разгром нацистской Германии. Они, молодые и старые, понимали, что со смерти Сталина в марте 1953 года и до опубликования в ноябре 1962 г. повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» голос Эренбурга был, среди других известных, самым независимым в Советском Союзе, отдававшим всю свою энергию и репутацию делу борьбы за изменение культурной политики, за свободу творческого самовыражения.

В период хрущевской «оттепели» Эренбург оказался в центре споров и острых дискуссий. Это внимание — со стороны читателей, равно как и со стороны цензуры — воодушевляло Эренбурга. Оно помогло ему преодолевать груз лет и последствия болезни (раковая опухоль), укрепляя его физические и нравственные силы и практически выделяя его среди всех других знаменитых деятелей культуры его поколения.

Но после смерти Эренбурга его работу как писателя и общественного деятеля поспешили предать забвению. Главные его книги — мемуары «Люди, годы, жизнь» и первый и самый замечательный роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» многие годы не переиздавались; даже упоминание его мемуаров в жестко контролируемой советской печати было запрещено. А его исключитель-

ная роль как общественного деятеля, как человека, постоянно противостоящего и Хрущеву, и Брежневу, вскоре, с наступлением новой эры, заслонили молодые более бесстрашные писатели и защитники прав человека, которые добивались не только свободы творчества, но и государственных и политических реформ в целом.

Роль Эренбурга в подготовке почвы для движения за права человека остается неотмеченной и неоцененной. А между тем, настаивая на необходимости переиздать произведения таких, долгие годы запрещенных писателей, как Исаак Бабель, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Эренбург подавал пример новому поколению борцов за свободу. Они быстро поняли, как важно иметь доступ к культурной истории своей страны и почему такое требование столь ненавистно официальной партийной верхушке. Служа связующим звеном между искусством и литературой Запада и советскими людьми, жаждущими приобщиться к европейской и американской культуре, Эренбург побуждал новое поколение читателей и любителей живописи выступать против изоляции, навязанной Кремлем. И наконец, Эренбург был связан с рядом значительных деятелей из первых «диссидентов»; и Александр Гинзбург и генерал Петр Григоренко обращались к нему за советом. Высоко чтимый писатель Варлам Шаламов, чьи рассказы о долгих годах в Гулаге вдохновили Александра Солженицына, с восхищением относился к Эренбургу, с которым познакомился в шестидесятых годах.

На Западе, особенно, роль Эренбурга в культурной жизни Советского Союза часто заслонялась вопросом о верности — или неверности — писателя своему еврейскому происхождению. «Еврейский вопрос» был источником жарких споров еще при жизни Эренбурга. В данной книге исследуется отношение Эренбурга к своему еврейству и его ответ антисемитизму как внутри родной страны, так и за ее пределами. Для русских, которым приходится сталкиваться с этой темной стороной своей культурной и политической истории, готовность Эренбурга всегда и везде обличать антисемитизм, оставаясь верным русской культуре, также послужит полезным уроком.

Да, что и говорить, в конце жизни Эренбург испытывал глухое отчаяние и горечь. Но горько ему было не из-за неудач и поздних сожалений. Он с горечью наблюдал успешные усилия Брежнева по сворачиванию очень многих хрущевских реформ, сознавая, что он, Эренбург, не доживет ни до политической свободы, ни до свободы культуры в своей стране.

Теперь, в демократической России, я могу предложить эту книгу вниманию русских читателей, которые, надеюсь, как никакие иные, ее оценят.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1891 Илья Эренбург родился в Киеве.
- 1895 Семья переезжает в Москву.
- 1905 Эренбург — на баррикадах во время неудавшейся революции 1905 года.
- 1906 Участвует в большевистском подполье вместе со своим гимназическим товарищем Николаем Бухариным.
- 1908 Эренбург арестован, пять месяцев сидит в тюрьме; выпущенный под залог, уезжает в Париж, где встречается с Лениным.
- 1909 Недолгое время работает с Львом Троцким в Вене; разочаровавшись в партийной работе, отходит от большевиков и вообще от политики.
- 1910 Эренбург публикует первую книгу стихов.
- 1911 Становится завсегдатаем кафе «Ротонда» на Монпарнасе; рождение в Ницце дочери Ирины.
- 1914 Началась Первая мировая война.
- 1915 Эренбург пишет военные корреспонденции для московской газеты «Утро России».
- 1916 Становится постоянным корреспондентом петроградской газеты «Биржевые новости», освещающим события на Западном фронте.
- 1917 Отречение царя Николая II (февраль). Эренбург возвращается в Россию (июль). Власть в стране захватывают большевики (октябрь).
- 1918 Началась Гражданская война. Следующие три года Эренбург живет на Украине, в Крыму, в Москве.
- 1919 Эренбург в Киеве женится на Любове Михайловне Козинцевой.
- 1921 Уезжает из Советской России в Западную Европу; пишет и публикует «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».

- 1924 Приезжает в Москву; смерть Ленина.
- 1928 Роман Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» выходит в Европе, но в Советском Союзе его публикация запрещена.
- 1929 В Советском Союзе Сталин обретает полную власть.
- 1932 Эренбург становится парижским корреспондентом «Известий».
- 1934 Роман Эренбурга «День второй» опубликован в Москве. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Эренбург сопровождает Андре Мальро в его поездке в Советский Союз.
- 1935 Эренбург участвует в организации Всемирного конгресса писателей в защиту культуры в Париже.
- 1936 В Испании началась гражданская война; Эренбург едет в Испанию корреспондентом «Известий».
- 1937 В Валенсии, Мадриде и Париже проходит Всемирный конгресс писателей в защиту мира; Эренбург — один из организаторов конгресса.
- 1938 Эренбург присутствует на одном из заседаний суда над Н. И. Бухариным в Москве.
- 1939 Между Германией и Советским Союзом подписан пакт о ненападении; Эренбург заболевает: в течение восьми месяцев он не может есть твердую пищу; начинается Вторая мировая война.
- 1940 После оккупации Парижа немецкими войсками Эренбург возвращается в Москву.
- 1941 Гитлеровские войска вторгаются на территорию Советского Союза; Эренбург становится постоянным корреспондентом «Красной звезды».
- 1942 В Москве учрежден Еврейский антифашистский комитет; Эренбург получает Сталинскую премию за роман «Падение Парижа».
- 1944 Эренбург награжден орденом Ленина за заслуги в войне с Гитлером; он становится кавалером французского ордена Почетного легиона.
- 1946 Эренбург в первый и единственный раз посещает Северную Америку.
- 1948 Убийство Соломона Михоэлса в Минске; создание государства Израиль; ликвидация Еврейского антифашистского комитета; роман Эренбурга «Буря» отмечен Сталинской премией.
- 1950 Эренбург в Стокгольме знакомится в Лизлоттой Мэр.

- 1951 Поездка Эренбурга вместе с Пабло Нерудой в Китай.
- 1953 В советской печати появляется заявление о «врачах-убийцах» (январь); Эренбург получает Сталинскую премию мира; смерть Сталина (март).
- 1954 Эренбург публикует повесть «Оттепель»; поездка в Чили для вручения Сталинской премии мира Пабло Неруде.
- 1956 Эренбург посещает Индию; Хрущев разоблачает преступления Сталина в речи на закрытом заседании XX съезда.
- 1957 Поездки Эренбурга в Грецию и Японию.
- 1958 Присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии по литературе за роман «Доктор Живаго». Пастернак исключен из Союза советских писателей.
- 1960 Эренбург начинает публиковать свои мемуары «Люди, годы, жизнь».
- 1961 Эренбург награжден орденом Ленина по случаю семидесятилетия; в «Литературной газете» напечатано стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий яр».
- 1962 В журнале «Новый мир» опубликована повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».
- 1963 Н. С. Хрущев и другие партийные вожди публично резко критикуют Эренбурга за его мемуары.
- 1964 Н. С. Хрущев снят с руководящих должностей и отправлен в отставку.
- 1965 В Москве арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль за публикацию своих произведений за рубежом под псевдонимами; в Советском Союзе возникает правозащитное движение.
- 1966 Эренбург подписывает письмо в защиту Синявского и Даниэля и письмо, протестующее против готовящейся реабилитации Сталина.
- 1967 Эренбург умирает в Москве.

Его имя всегда в грязи — так или иначе. Он — это Илья Эренбург, прославленный советский писатель, взваливший себе на плечи тяжкое бремя быть постоянно ругаемым — кем-то, где-то, за что-то.

Дейли Миррор. Лондон, 1966

ВВЕДЕНИЕ

Вслед за крахом коммунизма в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе двойное наследие — репрессии и соучастие в них — продолжает тяготеть над обществами, которым еще предстоит залечить травму, нанесенную сталинским и постсталинским правлениями. При Сталине, чтобы выжить, нужно было молчать или внешне подыгрывать режиму; но диктатор требовал большего, чем молчаливое подобострашие. Он ждал лести, особенно от интеллигенции, и наслаждался, наблюдая, как интеллектуальный цвет страны выворачивает себя наизнанку, чтобы ему угодить. В тридцатые годы, когда режим официально принял «социалистический реализм» как предписанную форму для искусства во всех его видах, политика Советского государства стала властвовать в русской культуре и удушать ее. Ни один художник или писатель не был защищен от безжалостного давления, и редко кто сумел, пережив иезуитские четверть века под Сталиным, успешно сохранить известную меру личной и художественной честности. Эренбург был одним из них.

Жизненный путь Ильи Эренбурга — самого знаменитого советского публициста своего поколения — ставит перед нами вопросы о коллаборационизме, диссидентстве и выживании. В течение полуве-

ка в его жизни было много спорного и противоречивого. Подростком он вступил в партию большевиков, но вскоре из нее вышел, что не помешало ему приносить ей пользу позже, в сталинские десятилетия, выступая эмиссаром в среде европейской интеллигенции. В то время как другие советские писатели исчезали в застенках, Эренбург выполнял политические задания, живя во Франции, путешествуя по миру, и при том публиковался в Москве. Подобные привилегии, наряду с явной покладистостью Эренбурга, ставили под подозрение его мотивы и честность. Говорили, что как еврей он предал свой народ, как писатель — свой талант, а как человек — молчал о преступлениях Сталина и служил диктатору лишь для того, чтобы благоденствовать.

Но при более близком взгляде на жизнь Эренбурга, более оснащенном знанием фактов, открывается стойкое постоянство, которое сейсмические сдвиги истории, в случае Эренбурга, всегда затемняли. Его западные и советские хулители проходили мимо и актов независимости от сталинской политики, и полной боли реакции на Холокост, и прошедшее через всю его жизнь противостояние антисемитизму, как и его значения для миллионов советских граждан, чтивших его за старание поддерживать нерушимой связью России с искусством и культурой Европы. Все четверть века при Сталине и в хрущевское десятилетие — поначалу захватывающее, поманившее либерализацией, а в итоге обманувшее и разочаровавшее — Эренбург держал себя мужественно, порою даже говорил откровенно, когда никто из имевших такой же статус не осмеливался высказывать независимые взгляды.

Такая карьера ставит сложные проблемы перед биографом, стремящимся скорее понять и объяснить, нежели оценить и осудить. Жизнь Эренбурга прошла через все величайшие бедствия двадцатого века, включая Первую мировую войну, большевистскую революцию, гражданскую войну в Испании, сталинские чистки, Вторую мировую войну и «холодную войну». Он часто находился на переднем крае и фактически все, что писал, всегда кому-то сильно не нравилось. Ортодоксальных марксистов коробили его романы двадцатых годов. Нацисты жгли его книги в тридцатых. Его газетные статьи против немцев обладали такой разящей силой, что Гитлер в военных поражениях Германии винил Эренбурга, а в годы «холодной войны» он снискал себе недобрую славу нападениями на американскую культуру. Общественный деятель не меньше, чем писатель и журналист, он принимал сложные, просчитанные решения в период, когда в европейской и советской истории кризис следовал за кризисом. Ему посчастливилось выжить, но вопреки

---

* Здесь: эффектного произведения (фр.).

внешнему конформизму в нем всегда ощущалось нечто, что отличало его от других. Именно это имела в виду Надежда Мандельштам, вдова замученного поэта Осипа Мандельштама, называя его «белой вороной» среди советских писателей. «Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей», — писала она, вспоминая сталинские годы¹.

Илья Эренбург не принадлежал к бунтарям-мученикам. По иронии судьбы, самостоятельный жизненный путь, на который вступил подростком, он начал как активный участник большевистского подполья. Попав в семнадцать лет в тюрьму, бежал из царской России в Париж, где познакомился с Лениным. Эмигрантские политические интриги быстро приелись Эренбургу, и он ознаменовал свой разрыв в большевиками карикатурой на Ленина, высмеяв его в сатирическом журнале собственного производства. Предпочтя революции литературу, Эренбург в 1910 году опубликовал первую книжку своих стихов; завсегдатай парижских кафе, он вскоре подружился с такими художниками, как Пикассо, Модильяни, Шагал, Леже, Ривера. Он сделал себе имя репортажами из Франции о Западном фронте Первой мировой войны для петроградской газеты — репортажами, обнаружившими, с какой страстностью умеет он выражать себя. А затем его первый роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» — где таинственная, в духе Мефистофеля, фигура отправляется вместе с группой разнородных учеников по полям Первой мировой войны и российским весям после большевистского захвата власти — укрепил за ним репутацию провокационного начала в советской литературе. Ничего похожего до тех пор в русской литературе не появлялось. На первый взгляд, проходящие через весь роман нападки на претензии идеологических систем, включая западный капитализм, советский коммунизм и признанные религиозные учения, отражали собственный опыт разгневанного автора: утрату простодушной наивности в результате коренных перемен, внесенных войной и революцией. Западные институты себя не оправдали, а большевистская революция перерождалась в диктатуру — вот о чем ясно говорил роман Эренбурга в 1921 году.

И еще. «Хулио Хуренито» говорил о том, что Эренбург жаждал во что-то верить — верить, вопреки духовному краху Европы и России, который наблюдали Хулио Хуренито и его ученики. Эренбург чувствовал этот духовный вакуум и почти все двадцатые годы оплакивал ту Европу, которую некогда боготворил. Эта утрата иллюзий и даже в большей степени угроза нацистской агрессии толкнула Эренбурга к компромиссам и уклончивости, требуемым вер-

ностью Сталину. Всего за десятилетие, с 1921 года по 1932, Эренбург проделал путь от автора сатирического *tour de force* до парижского корреспондента «Известий», став затем частью сталинского механизма на Западе и войдя в многосложные отношения с советским режимом, которые продолжались до конца его жизни.

Эренбург, конечно, не предвидел всего, что это за собой повлекло. Как-то в частном разговоре он объяснил, что «большевики начали с уничтожения друг друга; это меня не затрагивало. Но затем, когда они начали уничтожать людей, мне близких, было уже слишком поздно»². Повернуть назад он уже не мог. Как верный советский писатель и журналист, Эренбург вынужден был молчать, «жить сжав зубы»³. В этом суть личной трагедии Эренбурга. Руководимый страхом и официальным благожелательством, он покорился необходимости участвовать в топорной пропаганде. В статьях и репортажах из Франции и Испании, Германии, Швейцарии и Англии он выступал не только против фашистской агрессии, но и обрушивался на идеологических противников Сталина — как, например, на Андре Жида, порвавшего с коммунистами несмотря на общую с ними ненависть к фашизму. Писать подобные статьи стало для Эренбурга особенно необходимым в тридцатых годах, потому что, оставаясь советским журналистом во Франции, он должен был демонстрировать свою верность режиму. А тем временем одних его ближайших друзей расстреливали, другие просто исчезали из жизни. Эренбургу оставалось тайно оплакивать их, и то, что он уцелел, словно проклятье, легло на его жизнь и доброе имя. Что и говорить, из всех крупных деятелей культуры, уцелевших в сталинские годы, среди которых были и композитор Дмитрий Шостакович, и поэты Борис Пастернак и Анна Ахматова, лишь Эренбург оказался тем, чья нравственная репутация остается под вопросом.

Ведущая роль в антифашистском движении не делала его слепым или равнодушным к сталинским репрессиям. При малейшей возможности он находил пути высказать то, что было у него на душе. В тридцатые годы он защищал право творить свободно даже после того, как «социалистическим реализмом» стали душить художественное творчество. В годы 1940—1941, когда правители СССР заключили союз с нацистской Германией, Эренбург продолжал выступать против фашизма, предостерегая каждого, кто его слушал, что война неизбежна.

Вершины своего официального признания Эренбург достиг во время Второй мировой войны, когда его страстная гневная публицистика, клеймившая немцев, помогала поддерживать в стране боевой дух; его статьи даже читались советским воинам перед боем.

При том Эренбург еще и шагнул за пределы проводимой Сталиным политики. О Холокосте он продолжал писать до конца войны — тогда, когда режим уже не считал полезным заострять внимание на пережитых евреями страданиях.

Война напомнила Эренбургу, что он — еврей. Столкнувшись с гитлеровским «окончательным решением» и доморощенным антисемитизмом, Эренбург решил документально подтвердить героизм солдат-евреев и поголовное уничтожение еврейского населения. Под его руководством десятки советских писателей собирали свидетельства людей, переживших нацистскую оккупацию советских территорий, и подготавливали собранные материалы для «Черной книги» — беспрецедентного рассказа о самой страшной катастрофе, обрушившейся на советское еврейство: истребление полутора миллиона евреев немецкими расстрельными командами. Эренбург надеялся, что «Черная книга» увидит свет, но Сталин запретил ее публиковать. Это было самое большое разочарование в жизни Эренбурга. Он сохранял письма, дневники и другие документы в собственной квартире. А после его смерти, в 1967 году, его семья первым делом позаботилась спрятать от режима папки с оригиналами «Черной книги», бесценные рассказы очевидцев о немецких массовых расправах.

И при Н. С. Хрущеве путь Эренбурга был все так же ухабист. Многие писатели, уцелев при Сталине, вели себя как ни в чем не бывало и не испытывали угрызений совести, когда диктатора не стало. Эренбургу, напротив, достало нравственной силы и мужества выступить против ограничений и запретов, которые Хрущев налагал на искусство, литературу и историческую правду. Единственный среди писателей своего поколения, Эренбург старался восстановить историческую память страны. Он упорно добивался реабилитации многочисленных известных деятелей, настаивая на праве нового поколения знать произведения его погибших друзей — Исаака Бабеля, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой. А пока Эренбург сражался против цензурных рогаток, советские бюрократы от культуры поносили его за «воскрешение трупов».

Хрущев собственной персоной устроил Эренбургу разнос. В своих мемуарах Эренбург имел смелость признаться, что знал о невинности многих сталинских жертв, но, боясь за собственную жизнь, молчал. Это покаяние наносило удар по самой легитимности режима: если журналист Эренбург знал правду о подоплеке чисток, то как могли не знать ее такие люди, как Хрущев и иже с ним, работавшие вместе со Сталиным в Кремле? «Теорию молчания» Эренбурга необходимо было заклеить, и в марте 1963 года Хрущев и другие партийные вожди всюду поносили Эренбурга, даже угрожая

ему — в завуалированной форме — арестом.

Надежда Мандельштам понимала, *что* Эренбург пытался совершить. Впервые она встретилась с ним в 1918 году в Киеве, где она и его будущая жена, Любовь Михайловна Козинцева, вместе учились в художественной студии. После ареста и смерти Осипа Мандельштама Надежда Мандельштам, чтобы избежать тюремного заключения, обрекла себя на одинокое изгнаничество, исчезла из Москвы и затаилась в глубокой провинции, переезжая из одного городка в другой. Квартира Эренбургов была одним из немногих мест, где она могла бывать во время своих нечастых осторожных наездов в Москву. Они никогда не отказывали ей в приюте. Все эти годы Эренбург хранил альбом с отрывками и вариантами стихов Мандельштама. Когда же в 50-х годах Надежда Мандельштам вновь получила право жить в Москве, он отдал ей этот альбом в знак верности поэзии и памяти ее покойного мужа.

Надежда Мандельштам знала Эренбурга полвека. Принимая во внимание обстоятельства ее жизни — мученическую судьбу мужа, борьбу за сохранение его стихов, нищету и отщепенство — не было бы ничего удивительного, если бы она порицала Эренбурга за достигнутые им успех и престиж. Но она принимала его дружбу и предлагала свою.

В письме к Эренбургу, написанному весной 1963 года, вслед за хрущевским наскоком на «Люди, годы, жизнь», Надежда Мандельштам выразила ему, с присущей ей прозорливостью, нравственную поддержку:

«Дорогой Илья Григорьевич!

Я много думаю о тебе (когда думают друзья, то у того, о ком думают, ничего не болит), и вот что я окончательно поняла.

С точки зрения мелкожитейской плохо быть эпицентром землетрясения. Но в каком-то другом смысле это очень важно и нужно. Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течения светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя всегда хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сдарились, что ты делаешь возможное.

Теперь, после последних событий, видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают все. И я рада сказать тебе это и пожать тебе руку.

Целую тебя крепко, хочу, чтобы ты был силен, как всегда.

Твоя Надя.

Любе привет»⁴.

«Он был последним человеком, с которым я была на 'ты'» — сказала Надежда Мандельштам приятельнице, когда узнала о том, что Эренбург умер⁵. «Толпы пришли на его похороны, — писала она в своих мемуарах, — и я обратила внимание, что в толпе — хорошие человеческие лица. Это была антифашистская толпа, и стукачи, которых массами нагнали на похороны, резко в ней выделялись. Значит, Эренбург сделал свое дело, а дело это трудное и неблагодарное»⁶.

Когда Илья Эренбург умер, в 1967 году, его смерть пришлось на другие времена, когда следующее, более правдивое поколение писателей уже бросало вызов установкам и правилам, предписанным режимом, и, независимое, публиковало свои произведения за границей. Творчество Александра Солженицына, Андрея Синявского, Георгия Владимова, Владимира Войновича, Иосифа Бродского, Андрея Амальрика, Василия Аксенова расцветало вместе с правозащитным движением и изменило контуры советской литературы. Все эти писатели, не подчинившиеся контролю режима над искусством и литературой, были вынуждены покинуть страну.

Когда наступала эта новая эра, жизнь Эренбурга пришла к концу. Но он, введя в литературный обиход, вопреки множеству бюрократических и идеологических рогаток, произведения запрещенных долгие годы писателей, помог подготовить для нее почву. И пусть история судит его в рамках времени, в которое он жил, а не по нормам последующих эпох.

Глава 1

ОТ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ ДО ПАРИЖА

История евреев в России начинается с конца восемнадцатого века, когда после раздела Польши большие еврейские общины оказались включенными в Российскую империю. Русские цари стремились свести к минимуму «вредоносное влияние» этих новых своих подданных. Первые распоряжения на их счет сделала Екатерина II, указав, где евреям дозволяется жить и трудиться. Дальнейшие ограничения вводились ее преемниками, Александром I и Николаем I, установившим в 1829 г. так называемые районы «черты оседлости», куда частично входили нынешняя Литва, Польша, Беларусь и Украина, где евреям надлежало жить.

В 1859 г. при Александре II «право повсеместного жительства» было даровано купцам первой гильдии, выпускникам университетов, лицам, прошедшим военную службу на основании рекрутского устава, лицам с медицинским образованием и особо нужным ремесленникам, которые могли ходатайствовать о проживании за «чертой оседлости». Это нововведение внушило евреям надежду на отмену «черты оседлости», однако вскоре они убедились, что упования их напрасны. Реформа Александра II имела иное назначение: предоставить «лучшим» евреям возможность свободного передвижения, дабы способствовать ассимиляции «в той мере, в какой это допускает нравственный статус еврейства»¹.

Убийство в 1881 году Александра II вызвало резкое противодействие каким бы то ни было реформам. Притеснения внутри «черты оседлости» еще ужесточились: теперь крестьяне могли требовать выселения евреев с территории своей общины; прокатилась волна погромов, угрожая жизни евреям. Преследования и антисемитская истерия достигли крайних размеров в 1891 году, когда по распоряжению правительства евреев стали изгонять из Москвы и около тридцати тысяч человек вынуждены были покинуть город. Сход-

ный приказ издали в С.-Петербурге, выслав оттуда две тысячи евреев, многих — в цепях.

В том же 1891 году, 14 января, в Киеве «в буржуазной еврейской семье» Эренбургов родился сын. Родители назвали мальчика Ильей, что соответствовало имени библейского пророка Илии. Он был единственным сыном, младшим ребенком после трех сестер — Марии, Евгении и Изабеллы. С детской фотографии напряженно смотрит мальчик с копной прямых волос и круглым лицом. По общим отзывам, маленький Илья был крайне избалованным и озорным; всячески изводил старших сестер: то подбрасывал им в платья лягушек, то, стоило девочкам зазеваться, привязывал к спинкам стульев их длинные косы. Однажды в приступе мстительной ярости он попытался поджечь дачу деда и очень гордился тем, что одного за другим выживал из дому учителей, которых нанимали ему родители. Привести озорника в порядок, заставить его слушаться казалось совершенно невозможным. Отец редко бывал дома: днем работал (он был инженером), а вечером развлекался в обществе приятелей. Мать из-за болезни легких была хрупкой, слабой. «В спальне, — вспоминал позднее Эренбург, — всегда пахло лекарствами, часто приходили врачи». Лишенный должного родительского попечения, Эренбург — по собственному его признанию — «только случайно» не стал малолетним преступником. Упрямый, своенравный, он тем не менее всегда был любимцем матери и остался таковым, даже когда его вынужденный отъезд из дома надолго их разлучил.

Семья Эренбургов может служить примером тех сложных отношений, которые на грани веков начали разрушать традиционный образ жизни еврейства в Российской империи. Отец Эренбурга не питал интереса к еврейскому укладу; он пошел учиться в русскую школу, дорожил своим светским образованием, которое вызвало страшный гнев его отца. Мать Ильи, Анна Аренштейн, напротив, продолжала соблюдать еврейские религиозные обряды, как и ее отец, весьма благочестивый еврей. Семья со стороны матери оказала сильное влияние на воспитание Ильи, так как ребенком он много времени проводил в киевском доме деда по матери, Бориса Аренштейна, старого бородатого еврея. «В его доме строго соблюдались все религиозные правила», — не преминул упомянуть Эренбург в своих мемуарах². «В субботу нужно было отдыхать, и этот отдых не позволял взрослым курить, а детям проказничать», — продолжает Эренбург, подчеркивая свое неприятие образа жизни деда с его суровыми ограничениями и деспотическими правилами. «Я все делал невпопад, — признается он, — писал в субботу, задувал не те

свечки, снимал фуражку, когда надо было ее надеть»³.

Хотя приверженность деда к религиозным обрядам порядком тяготила Илью, он отдавал должное его учености и доброму сердцу. В 1904 г. после похорон Бориса Аренштейна внук обратился к семье со своим поминальным словом и, судя по похвалам, какими он превознес усопшего, — а сестры с гордостью сохранили этот панегирик — Илья был тонко чувствующим, наделенным даром красноречия подростком.

«Удивительно редкий человек, таких людей нет», — говорили все про дедушку при его жизни, то же самое говорили все над прахом его <...>

Причина заключается в особом складе его характера <...>

Воспитанный на началах Ветхого Завета, он был глубоко религиозен, но не фанатичен — строго исполняя все обряды своей религии, он никогда не требовал исполнения таковых даже от своих детей. Для него религия была не только морем правил, приносящих известные обряды <...> она была кодексом нравственных правил, преосиенивающих отношение человека к самому себе и другим людям»⁴.

Однако при всем уважении к заветам деда, родители Ильи, даже его ортодоксальная мать, хотели, чтобы их сын получил полноценное образование и говорил по-русски. «Я вырос в семье, где религия сохранялась только в виде некоторых суеверий», — вспоминал впоследствии Эренбург⁵. Его не стали учить еврейскому языку; родители говорили всегда по-русски, переходя на идиш только в тех случаях, когда не хотели, чтобы мальчик их понимал. Это было не совсем обычным для еврейской семьи: согласно переписи 1897 года, едва ли 25 процентов российских евреев умели читать и писать по-русски. Подавляющее число — свыше 97 процентов — считали своим родным языком еврейский (идиш)⁶.

Другим способом вырваться из «черты оседлости», сохранив при этом верность исконному еврейству, нашел для себя дальний родственник Эренбургов, Лев Аренштейн. Несмотря на светское образование и диплом Киевского университета он занялся изучением древнееврейского языка и в 1893 году перевел на него рассказ Льва Толстого «Чем люди живы», который стал первым произведением великого русского писателя, появившимся на этом священном языке. Перевод Льва Аренштейна отразил настроение, господствующее среди многих евреев, которые стремились приблизить жизнь своих общин к современным веяниям, выйти за пределы местечкового еврейского уклада. Воодушевляло их движение Haskalah («просвещение» по-древнееврейски), образовавшееся в Германии в середине

восемнадцатого века. По мнению последователей Haskalah, евреи подвергались гонениям главным образом потому, что своим укладом и внешним видом резко отличались от своих соседей не-евреев; стоит евреям, — доказывали они — выучить язык страны своего обитания и усвоить принятые там формы поведения, как политические и социальные ограничения отпадут сами собой. По их почину древнееврейский язык, который прежде использовали только для изучения священных текстов, стал служить — в Восточной Европе и Палестине — для нерелигиозных целей. Переводя Толстого на древнееврейский, Лев Аренштейн знакомил с современной литературой тех своих соплеменников, для которых русская литература все еще оставалась за семью печатями. Вместе с тем интерес к древнееврейскому языку являлся частью набирающего силы сионистского движения, призывавшего евреев вновь обрести собственное отечество в Палестине.

Семья Ильи почти полностью вписалась в русское общество, но о существовании антисемитизма не забывала. «Я принадлежу к тем, кого положено обижать» — этот горький урок, усвоенный еще при царизме, Эренбург хорошо затвердил, повторив в своих мемуарах много лет спустя. Киев, где он родился, входил в черту оседлости. Но в скольких городах, больших и малых, евреям для проживания там требовалось особое разрешение. В 1861 г. власти Киева определили для евреев два предместья — в районе Лыбеди и на Подоле. Илья знал, что его дед перебрался в Киев из уездного городка Новгорода-Северского, откуда в 1860 году бежал от травли и преследований. Там ли или в другом месте таскали старика за пейсы? — спрашивал Эренбург, упоминая об этом в своих мемуарах. И все же ни антисемитизм, ни неприязнь к иудаистским обрядам не заставили Эренбурга сожалеть о том, что он — еврей. «Отец мой, будучи неверующим, — писал он, — порицал евреев, которые для облегчения своей участи принимали православие, и я с малых лет понял, что нельзя стыдиться своего происхождения»⁸. Такого же воззрения придерживалась и вся семья. Когда к дяде Ильи, талантливому химику Лазарю Эренбургу, начальство Харьковского университета приступило с требованием креститься, он отказался отречься от своего вероисповедания; он предпочел уйти из университета⁹.

Илья Эренбург рос среди противоположных убеждений: надо строго соблюдать религиозные обряды, надо ассимилироваться — стать русским по культуре, а тут же и сионизм и чудом воскресший древнееврейский язык. Он целиком вошел в русскую культуру, не соблюдал никаких религиозных обрядов, не знал ни еврейского (идиш), ни древнееврейского языка. Как большинство евреев в

Советском Союзе, Эренбург утратил свои национальные языковые и культурные корни. Однако, как и все они, чувствовал ущемленность. Мальчиком Илья слышал, как родители обсуждали дело Дрейфуса, видел, как вскинулся отец и заплакала мать, когда в сентябре 1902 года они прочли о смерти бесстрашного защитника Дрейфуса — Эмиля Золя. А год спустя Илья узнал о кишиневском погроме, когда озверевшая толпа убила сорок пять и покалечила вдвое больше евреев, разграбила и разорила их дома и лавки. Эренбург никогда не отказывался от своего еврейского происхождения и, бросая вызов мракобесам, до конца жизни не переставал повторять: «Я — еврей, пока будет существовать на свете хотя бы один антисемит»¹⁰.

МОСКВА

В 1895 г., когда Илье исполнилось четыре года, Эренбургам решили поселиться в Москве¹¹: отцу предложили должность директора пивоваренного завода, принадлежащего Бродским, известным еврейским предпринимателям и благодетелям еврейской общины. В конце девятнадцатого века на их заводах производилось около четверти всего сахара, потребляемого в России¹². Без сомнения, право жительства в Москве семья Эренбургов получила не без вмешательства Бродского. Всего четыре года назад большинство проживавших в Москве евреев были оттуда изгнаны, и в 1897 году на весь миллионный город насчитывалось около восьми тысяч евреев.

Московские евреи были, как правило, богатыми купцами или лицами так называемых свободных профессий — врачами, юристами, фармацевтами или же, подобно Григорию Эренбургу, инженерами. Городские власти враждебно относились к евреям; в особенности Великий князь Сергей Александрович — губернатор Москвы с 1891 по 1905 год (когда был убит русским революционером) — всячески старался «оградить Москву от евреев»¹³. За высылкой евреев из Москвы последовало закрытие главной синагоги и большинства молелен, и только в 1906 году, после многочисленных ходатайств, ее разрешили открыть вновь.

Семья Эренбургов разместилась в хорошей квартире вблизи пивоваренного завода в Хамовниках — районе, где, в основном, обитали среднего достатка торговцы и несколько крупных помещиков. Среди последних был Лев Толстой, чей дом находился рядом с пивоварней, и Илья мог не раз наблюдать, как великий человек прогуливается по хамовническим переулкам. Толстому тогда было уже за семьдесят, но он принимал живейшее участие в обществен-

ной жизни России. На его примере Илья воочию видел, каким огромным авторитетом может обладать писатель; всякий раз, когда начинались студенческие волнения, ворота пивоварни наглухо закрывали: опасались что студенты первым делом отправятся в дом Толстого — просить его поддержки. Однажды Толстой пришел на завод, и Илья услышал самого Толстого: тот говорил, что пиво может помочь в борьбе с водкой. Подобный взгляд, высказанный великим писателем, поверг Илью в недоумение. Пьянство было тогда бичом русской жизни — как, впрочем, осталось и сейчас. Юный идеалист ожидал от Толстого анафемы всякому алкоголю, а он предлагал заменить водку пивом. Какая же польза от такой замены?

Эренбурги принадлежали к состоятельным людям: их средств хватало не только на богато обставленную московскую квартиру, но и на поездки за границу. Вместе с матерью и сестрами Илья побывал в Германии и Швейцарии, проводя летние каникулы на водах в Эмсе и в других популярных курортах. Его родители, надо полагать, считали его уже взрослым — достаточно самостоятельным, чтобы во время одного из путешествий позволить ему задержаться в Берлине, когда мать вернулась в Россию. Илья остановился в скромном пансионе. Однако как-то вечером забрел в кафе, которое оказалось ночным баром; еда там стоила намного дороже, чем он ожидал. Пришлось телеграфировать родителям: не хватило денег на билет домой.

Много лет спустя, живя эмигрантом в Европе, Эренбург в своих стихах возвращался памятью в свое детство. В стихотворении «О маме» есть строки о том, как слуга убирает на лето меха и закрывает люстру, сверкающую от солнечных лучей в просторной гостиной. Мысль о матери вызывала тоску и нежность:

Если ночью не уснешь, бывало,
Босыми ногами,
Через темную большую залу,
Прибегаешь к маме.
Над кроватью мамина аптечка —
Капли и пилюли,
Догорающая свечка
И белье на стуле.¹⁴

Слуги, шубы, люстра. Немногие еврейские семьи, выбравшиеся из черты оседлости, жили в такой богатой обстановке. Однако счастливая судьба не закрыла Эренбургам глаза на страдания и беды, которых им удалось избежать. Всякий раз, когда Илья приносил из гимназии двойки (в 4-м классе его даже оставили на второй год),

отец напоминал ему: еврею, чтобы остаться в Москве, нужен диплом о высшем образовании. Но случилось так, что уехать из Москвы Илье пришлось не потому, что он — еврей, а потому, что он стал революционером, большевиком.

В подполье

Взрослея, Ильяс стал осознавать, что гонения, которым подвергались евреи, — часть общего кризиса царского режима. Живя в Москве, это нетрудно было понять. Он посещал одну из самых престижных московских школ — Первую гимназию. В классе было трое евреев. Гимназисты дразнили Илью «жидом пархатым» и «клали на [его] тетрадки куски сала». Одному из таких обидчиков Эренбург влепил пощечину.

Московские учебные заведения, подобные Первой гимназии, были питательной средой для юных революционеров. К 1905 году многие ученики уже вовсю вели споры о серьезной политической литературе и агитировали против самодержавия. Эренбурга, еретика по натуре, влекло на этот путь. «Я уважал неуважение, ценил послушничество, — впоследствии констатировал он. — Я читал только те книги, которые мне запрещали читать»¹⁵. Поначалу крамольное поведение и вызов старшим не выходили за рамки обычного подросткового ерничания — коллекционирования скабрёзных открыток, участия в азартных играх, курения в школьных уборных, испещренных непристойностями. Правда, у Ильи проявились и литературные наклонности: в 4-м классе он стал редактором журнала под название «Первый луч», который вместе с соавторами скрывал от учителей, «хотя ничего страшного там не было, кроме стихов о свободе и рассказов с описанием школьного быта»¹⁶.

Развитие событий вскоре побудило Илью к более существенным бунтарским поступкам. Начиная с 1900 года в России усиливались политические протесты и волнения, а после поражения в войне с Японией (1904—1905 гг.), наглядно показавшей отсталость царского режима, распространились по всей стране. В разгроме, учинённом России маленьким азиатским государством, винили самодержавие. Недовольство царской властью ширилось, охватывая города и села. Крестьяне, составлявшие 80 процентов населения, все чаще громили помещиков, захватывая их непомерные угодья. Они жаждали избавиться от полуфеодальных повинностей и обрабатывать собственную землю. Постоянно то тут, то там вспыхивали стачки на промышленных предприятиях. Профессиональные со-

общества, объединявшие врачей, адвокатов, инженеров выступали с заявлениями о необходимости конституционных реформ. Тщетно. Царь оставался к подобным призывам глухим. Зазвучали требования, выставляемые подпольными партиями, в особенности Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП), пропагандировавшей марксизм, и партией социалистов-революционеров (эсеров), призывавшей к крайним действиям и террору. Казалось, только насильем удастся вырвать у царя конституцию и парламент.

События 1905 года сыграли решающую роль в истории России. Решающую роль сыграли они и в жизни Ильи Эренбурга. В январе царские войска расстреляли в С.-Петербурге безоружную толпу, шедшую к Зимнему дворцу подать петицию, в которой излагались жалобы на тяжелое положение народа. Это Кровавое воскресенье стало началом революции 1905 года. Беспорядки охватили всю страну. На броненосце «Потемкин» восстали матросы; после расправы с офицерами — часть расстреляли, часть посадили под замок — над военным кораблем, одним из самых мощных в Черноморском флоте, взвился красный флаг. Волнения распространились и на другие суда: моряки отказались стрелять по «Потемкину», стачки парализовали военную базу в Севастополе и главный порт в Одессе.

Гимназисты и студенты также откликнулись на революционный призыв. Илья, как и тысячи молодых людей, бросил посещать гимназию и проводил все дни в Московском университете, где в лекционных залах митинговали рабочие, студенты и профессиональные революционеры. Там пели «Марсельезу», раздавали прокламации. «По рукам ходили барашковые шапки с запиской: “Жертвуйте на вооружение”»¹⁷. К декабрю правительство подавило забастовки. 3-го декабря власти разгромили Петербургский совет рабочих депутатов под председательством Льва Троцкого, отправив в тюрьму всех 190 депутатов, включая Троцкого.

Наивысшей своей точки революционные события достигли в Москве. Когда туда дошло известие об аресте Петербургского совета, московский комитет большевистской фракции РСДРП призвал к восстанию. На главных улицах города выросли баррикады, воздвигнутые тысячами активистов. Они надеялись оживить затухающий огонь революции. Это была отчаянная, самоубийственная попытка, окончившаяся полным провалом. На подавление восстания были брошены полк императорских гвардейцев и вооруженные артиллерией регулярные войска, противостоять которым революционеры не смогли. Свыше тысячи повстанцев были убиты, среди них много гимназистов и студентов. Вместе с другими революционерами Илья строил баррикады. «Тогда впервые я увидел кровь на сне-

гу, — напишет он много лет спустя в своих мемуарах. — Никогда не забуду рождества — тяжелой, страшной тишины после песен, криков, выстрелов»¹⁸.

В октябре, в разгар революционной борьбы, царь Николай II объявил об учреждении Думы — первом подлинном парламенте в истории России. Согласно царскому манифесту Дума должна была стать «представительным учреждением», без одобрения которого в стране не будет приниматься ни один закон. Однако после подавления революции 1905 года царь сильно урезал законодательные полномочия еще не успевшей собраться Думы. Политические партии решали вопрос об участии в этом парламенте. Ленин, тогда один из вождей РСДРП, опасался, что несмотря на урезанные полномочия Дума сможет бросить вызов царю, возьмет на себя известную долю политической власти и тем самым загасит побудительные мотивы к революционному сопротивлению. Опасался он напрасно. Царь и Дума не сумели прийти к согласию, которое могло бы открыть России путь к новому, несамодержавному правлению. Всего через два месяца после созыва Первая Дума была распущена.

В революции 1905 года царь устоял. Однако она, как заметил Ленин, была генеральной репетицией, из которой большевики извлекли много полезных уроков. Революция 1905 года пополнила партийные ряды энергичной молодежью — гимназистами и студентами, поколением будущих партийных вождей¹⁹. Как раз в это время — в 1906 г. — Илья и его старший товарищ, Николай Бухарин, вступили в партию. «Больше не было ни митингов в университете, ни демонстраций, ни баррикад. В тот год я вошел в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией», — вспоминал позднее Эренбург.

При желании он мог бы стать членом любой другой оппозиционной группировки. Но эсеров он отверг как партию чересчур романтическую, делающую ставку на террор и героическую личность. Его привлекли социал-демократы, загнанная в подполье партия русских марксистов, которая тогда состояла из двух фракций — большевиков и меньшевиков. Разъединение произошло в 1903 г., когда на очередном партийном съезде, начавшемся в Брюсселе и закончившемся в Лондоне, разгорелся спор о членстве в партии. Сторонники Ленина получили тогда большинство в Центральном комитете и название «большевики», а вторую группу окрестили «меньшевиками». В дальнейшем несогласие между фракциями происходило и по другим вопросам. Меньшевики оказались более терпимыми, возражали против необходимости диктатуры пролетариата, на которой Ленин делал особый упор, и ради

установления демократических порядков в России шли на сотрудничество с либералами.

Илья предпочел большевиков, потому что они были левее. «Меньшевики, — считал он, — умеренны, ближе к моему отцу». Нельзя не обратить внимания на то, что выбор в пользу большевиков для Эренбурга связан с его отрицательным отношением к умеренным взглядам отца. В книге «Люди, годы, жизнь» он мало пишет об отце, но немногие подробности, которые сообщает, весьма существенны для понимания того, как сам он рос и почему его потянуло в революцию. Григорий Григорьевич Эренбург благоденствовал в радушной атмосфере Москвы, вдали от Киева, от Подола и запретительных ограничений черты оседлости. Он состоял членом закрытого Охотничьего клуба, где господа проводили время, часами играя в вист, приятельствовал с журналистом В. А. Гиляровским, известным всей Москве своими похождениями.

Илья разделял антипатию отца к ортодоксальным еврейским обрядам, однако ту удобную нишу, которую отец нашел для себя в русском обществе, не одобрял, держался особняком и чуждался той жизни, какую вел в Москве отец. На Илью не производили впечатления рестораны, которые Эренбург-старший постоянно посещал, и он с презрением относился к пошлому препровождению времени за ломберным столом. Правда, несколько лет спустя, в Париже, Илья сам, по иронии судьбы, усвоил некоторые привычки своего родителя и даже превзошел его по части сидения в кафе, проявляя полное отсутствие интереса к нормальной домашней жизни.

Несмотря на привилегированное положение, домашняя жизнь Эренбургов отнюдь не была идиллией. О сложностях в отношениях родителей Эренбург в своих мемуарах говорит обиняками, но к 1904 году его отец и мать фактически уже разошлись и, хотя официально оставались в браке вплоть до смерти Анны Борисовны Эренбург в 1918 году, стали друг другу чужими. Пожалуй, уже ребенком Илья понимал, что соблазны, которыми полнилась московская ночная жизнь, не способствовали крепости семейной жизни его родителей. Он искренне любил мать, к отцу же нежных чувств не испытывал. Григорий Эренбург, разумеется, был против царя, но в пристойно допустимой манере. Он симпатизировал кадетам (конституционным демократам), основной партии либеральных тузов, тогда как Илья стоял на позиции, отвергавшей не только царя, но и буржуазный образ жизни, столь милый сердцу Эренбурга-отца.

В решении Ильи войти в большевистское подполье огромную, если не решающую, роль сыграла его дружба с Николаем Бухари-

ным, позднее ставшим одним из вождей Октябрьской революции, любимцем Ленина и одной из главных жертв сталинских чисток. Влияние Бухарина на жизнь и жизненный путь Эренбурга не ограничилось их гимназическими годами, не закончилось, когда в 1908 году Эренбург эмигрировал в Париж; их пути еще не раз пересекались в течение десятилетий. Суд над Бухариным в 1938 году и его казнь тесно связаны с самым страшным и опасным периодом в жизни Эренбурга, когда его самого, казалось, ожидал неминуемый арест. Эренбург никогда не отрекался от дружбы с Бухариным; он писал о нем в своих мемуарах, и упоминания в них, пусть краткие, в обход цензуры, «Николая Ивановича» — хотя все понимали, о ком речь, — были первыми добрыми словами, которые за долгие годы появились в советской печати об этом оболганном и обесчещенном большевистском вожде. Почти на все, что Эренбург писал о Бухарине, налагался запрет, включая и главу в мемуарах, которую стало возможным опубликовать только с началом горбачевской гласности, когда его полные любви воспоминания о старом друге наконец увидели свет:

«... сейчас мне хочется просто припомнить восемнадцатилетнего юношу, которого все мы любили, называли «Бухарчиком» <...> Бухарин, в отличие от других, был очень веселым, я, кажется, и сейчас слышу его заразительный смех; непрестанно он прерывал разговор шутками, придуманными или нелепыми словечками <...> Бывают мрачайшие люди с оптимистическими идеями, бывают и веселые пессимисты; Бухарин был удивительно цельной натурой — он хотел переделать жизнь, потому что ее любил».

Илье было всего пятнадцать лет, когда он стал большевиком. Он весь отдался революционной борьбе: разносил прокламации, действовал как «организатор» в том же районе Москвы, куда был послан Бухарин, писал листовки, спорил с меньшевиками, «записывал адреса на папиросной бумаге, чтобы при аресте успеть их проглотить»²⁰.

Он хорошо усвоил формы большевистской партийной работы, и ему стали доверять более сложные задания. Год 1907 был кульминационным в популярности РСДРП — число ее членов достигло ста тысяч. Весной 1907 года Илье, Бухарину и еще одному гимназисту, Григорию Сокольникову — позднее крупнейшему большевику, еще позднее казненному Сталиным — поручили издавать подпольный журнал. Летом того же года Бухарин привлек Илью к организации стачки на обойной фабрике. Илье выступал на собраниях, собирал среди студентов деньги для забастовочного комитета. А еще он осуществлял связь с солдатами пулеметной роты и создал партийную ячейку в казармах.

В подпольной работе, которую вел Илья, идеология шла об руку с романтикой. Налеты полиции на ночные собрания: бегство и спасение в последний момент — на волосок от ареста; тайные хранилища нелегальной литературы и других материалов. Один случай из своей подпольной деятельности Эренбург описал в «Необычайных похождениях Хулио Хуренито и его учеников»: «Митинг на фабрике Фабрэ в Замоскворечье. Полиция. Я бегу. Перелезаю через забор с колючками и оставляю на колючках штаны. Бух — упал в бочку с остатками красок! Городовые не хватают меня...»²¹.

Политическая агитация подобного рода была опасной игрой — Илья играл со своим будущим. Охранка — царская секретная полиция — взяла его на заметку. Для полного разгрома, предпринятого охранкой, необходимо было установить главных большевистских организаторов среди учащейся молодежи и московского населения. Сначала Илья был временно задержан полицией, но отпущен под подписку о невыезде. Это испугало его родителей: политическая деятельность Ильи грозила «волчьим билетом», означавшим исключение из гимназии навсегда и выселением из Москвы, как только он достигнет совершеннолетия, так как разрешения на право жительства он не получил бы. Памятуя об этих обстоятельствах, родители Эренбурга поспешили подать заявление о добровольном уходе сына из гимназии. Однако покончить дело с полицией это не помогло. На квартиру Эренбургов явился помощник пристава и произвел у Ильи обыск. «Ничего предосудительного найдено не было, — докладывал он. — отобраны ноты “Русской марсельезы” и различные открытки»²². Двумя месяцами позже, 18 января 1908 года, в докладе начальника Московского охранного отделения о влиянии эсдеков на учащуюся молодежь Илья упоминался в числе тех, кто играл «выдающуюся роль» и должен быть привлечен к ответственности как «районный пропагандист»²³. Две недели спустя всех их выдал один из членов ученической организации. Арестовывать Эренбурга пришли за полночь. «Я ничего не успел уничтожить. Обыск продолжался до утра. Мать плакала, и по квартире в ужасе носилась тетка, приехавшая погостить из Киева...»²⁴ Илье Эренбургу только что исполнилось семнадцать.

В ТЮРЬМЕ И ПОСЛЕ

На фотографии, сохранившейся в полицейских архивах, Илья стоит у длинной линейки, которая тянется от его колен чуть ли не до потолка. Рост — пять с половиной футов, одет в тужурку и тяже-

лое пальто. Плечи слегка ссутулены, густые черные волосы, зачесанные со лба. Вид усталый, словно после бессонной ночи. Политическую конспирацию Илья воспринимал как приключение. «В моей голове Карл Маркс мешался с Фенимором Купером»²⁵, — напишет позже Эренбург. Романтично убежать от полиции, но совсем не романтично — быть схваченным. В полиции с ним обращались жестоко, выбили несколько зубов.

В течение пяти месяцев Илью перемещали из одного участка в другой, из одной тюрьмы в другую²⁶. В одной полицейской части он видел, как избивают пьяных. В другой ему не отдали переданную с воли книгу Кнута Гамсуна, популярного тогда норвежского писателя, — «Кнут» насторожило зрителя: арестантам о телесных наказаниях читать не положено, рассудил он. Другой зритель брал за свидание «красненькую». Илью перевели в Басманную часть, там заключенных секли. Они объявили голодовку; продолжалась она шесть дней. «Я попросил товарища плюнуть на хлеб: мне хотелось есть, и я боялся себя.»²⁷ Но он выдержал, и в свои семнадцать лет чувствовал себя героем. Из Басманной его перевезли в Бутырки — в тюрьму, в которой много позже, в послесталинский период, сидели «инакомыслящие», диссиденты. В своих мемуарах Эренбург вспоминает, как однажды в тюремном коридоре увидел товарища по РСДРП — Григория Сокольникову. «Мы поздоровались глазами — конспирация не позволяла большего»²⁸. Две недели Илья провел в одиночной камере, по которой бегали крысы, — «среди тишины и зловония параша»²⁹. Выносить одиночное заключение ему, семнадцатилетнему, было особенно тяжело, он дошел — почти дошел — до нервного срыва.

«Я отвык от жизни. И какое-то тупое спокойствие мало-помалу овладевало мной. Но бывали под вечер трудные минуты: издали доносился в камеру певучий стон пролетающего по Драгомиловской трамвая. Мне было семнадцать лет — я повертывался к стенке и плакал, ибо было в этом звуке все: мама, дом, весенняя улица, жизнь...»³⁰.

Тем не менее Илья держался. Он отказался давать показания, даже признания в подпольных связях выжать из него не смогли. Тем временем Григорий Григорьевич пытался добиться освобождения сына по медицинским показаниям, доказывая, что заключение губительно скажется на хрупком, нервном организме Ильи и поставит под угрозу его жизнь. Сам Илья тоже подал ходатайство; он аргументировал просьбу об освобождении ссылкой на то, что жизнь в тюрьме «неминуемо приводит к сумасшествию или смерти». Наконец, в июне полиция смилостивилась и изменила меру пресече-

ния. Из тюрьмы Илью выпустили, приказав выехать из Москвы по месту рождения — в Киев, где за ним учредили гласный надзор полиции.

Илья возобновил свою деятельность в большевистском подполье. Полиция это обнаружила и стала гонять его из города в город. В течение нескольких последующих месяцев Илье пришлось бежать из Киева в Полтаву, обратно в Киев, а оттуда нелегально в Москву, где даже ближайшие друзья не могли дать ему пристанища. Отчаявшись и обессилев, Илья сдался. Он явился в полицию и попросил вернуть его в тюрьму. Тут в дело вмешался отец. Он добился разрешения отправить Илью за границу для лечения, необходимого, как он утверждал, его больному туберкулезом сыну. Сам же Илья, нарушив молчание, стал давать полукровенные показания о своей марксистской деятельности — правда, назвать чьи-либо имена отказался. Полицию это очевидно удовлетворило, и Григорий Григорьевич внес пятьсот рублей (значительная по тем временам сумма) залога, который должен был гарантировать явку на судебное разбирательство. Однако к тому времени, когда в сентябре 1911 года оно состоялось, Илья благополучно жил в Европе и не имел ни малейшего желания предстать пред лицом царского правосудия.

Мать умоляла Илью обосноваться в Германии и закончить свое образование. Она боялась Парижа, города с дурной славой, известного распушенностью нравов и чувственными удовольствиями. Париж, считала она, развратит ее сына, как развратила мужа Москва. Но тюрьма сделала Илью еще более убежденным большевиком. Он настаивал на Париже, куда ехал, как написал в своих мемуарах пятьдесят лет спустя, «с одной целью — увидеть Ленина»³¹. Предпочсть Берлину Париж у него, надо полагать, были иные причины: он знал французский, да и несколько друзей в том же году эмигрировали во Францию. Но когда в 1960 году Эренбург писал свои мемуары, ему было важно подчеркнуть, что подростком он благоговел перед Лениным. Так это было или иначе, но 7 декабря 1908 года, за пять недель до своего совершеннолетия, проделав весь путь один, Илья прибыл в Париж.

Глава 2

ЭКС-БОЛЬШЕВИК

Илья не рассчитывал застревать в Европе надолго. Он полагал, что вернется в Москву худо-бедно через год, когда царская охранка уймется с преследованием студенческого движения и тем паче не станет утруждать себя возней с уехавшим за границу юнцом. В первый же свой день в Париже Илья разыскал товарищей по московскому большевистскому подполью и в тот же вечер отправился с ними на собрание. Там был Ленин и, узнав, что молодой человек только-только из России, он пригласил его к себе.

В последующие годы Эренбург писал о Ленине в тоне чуть сдержанного преклонения. «Он [Ленин — *Дж. Р.*] с кем-то тихо разговаривал и пил пиво. Потом он выступил. Он говорил очень спокойно, без пафоса, с легкой усмешкой <...> Меня поразил его череп <...> он заставил меня думать не об анатомии, но об архитектуре.»¹ Несколько дней спустя Илья побывал у Ленина. Ленин внимательно слушал все, что Илья рассказывал о разгроме большевистского подполья, и согласился с его рассуждениями о спорах между большевиками и меньшевиками. К тому же Илья сообщил ему адреса явок в России, куда можно было посылать партийную литературу. К удивлению новоприбывшего эмигранта, Ленин оставил его обедать. Он расспрашивал Илью о настроениях среди молодежи и ее литературных вкусах. Гость ушел покоренный ленинской душевностью. «Он не посмеялся даже над нахальным мальчишкой».

У нас нет оснований сомневаться в том, что все так и было. В Париже Ленин чувствовал себя отрезанным от России и был рад получить сведения о происходящем там из первых рук. Но когда Эренбург писал об этом эпизоде много лет спустя, ему пришлось несколько приукрасить вынесенное тогда впечатление: после того как в 1950-х годах Коммунистическая партия заклеила культ Ста-

лина, его место занял равно раздутый образ Ленина, чью личность и жизненный путь теперь на все лады превозносили. Эренбург вспоминал о нем с благоговением — противопоставляя Сталину, этому неопишущему чудовищу, за которым уже официально признали ряд пороков — и в человеке, и в вожде. «Владимир Ильич был в жизни простым, демократичным, участливым к товарищам...», — утверждал Эренбург. — «Такая простота доступна только большим людям; и часто, думая о Ленине, я спрашивал себя: может быть, воистину великой личности чужд, даже неприятен, культ личности?»² Оценивая Ленина в своих мемуарах, Эренбург, пожалуй, не кривил душой. Но то, что произошло между ними в Париже в 1909 году, было гораздо сложнее, чем писатель мог позволить себе сказать. На самом деле встречи с Лениным и другими политическими эмигрантами сильно поубавили революционный пыл Эренбурга, а к концу года побудили его порвать с большевистской партией.

ПАРИЖ, О ПАРИЖ!

Илья навсегда сохранил в памяти день, когда, выйдя из Северного вокзала, он очутился на оживленных парижских улицах. Он зашел в бар, где у цинковой стойки увидел извозчиков в цилиндрах; они пили пиво. Потом, сидя рядом с кучером на империале омнибуса, он наблюдал жизнь Парижа. Бульвары пестрели палатками; чем только там не торговали: мясом, сырами, шляпками, кастрюлями. На тротуарах громоздились буфеты и кровати — целые мебельные магазины. Слух зевак услаждали уличные певцы. Высокие деревянные колеса манили любителей рулетки. Илью поразило количество писсуаров, из-под которых снизу виднелись солдатские красные штаны. В каретах, в барах, на перекрестках улиц целовались парочки. И вдруг Илью осенило — ведь в Париже Рождество справляют раньше, чем в Москве: тут другой календарь, и когда в России 7-е декабря, во Франции 20-е. Канун Рождества, и город уже начал его праздновать. Люди приятно проводили время на улицах, нигде не шли, просто гуляли. «Одет я был несуразно, — вспоминал Эренбург, — но никто не обращал на меня внимания, в первые же часы я понял, что в этом городе можно прожить незаметно — никто тобой не интересуется»³

И эмигранты, как вскоре стало ясно Илье, Парижем не интересовались. Они «жили замкнуто и сурово. Они редко выходили за пределы квартала» в более бедные рабочие районы, где «в крохотных столовых наспех ели тарелку борща и порцию котлет»⁴. Пона-

чалу Илья присоединился к эмигрантскому сообществу, посещал лекции, читал русские газеты в мансардном помещении библиотеки и почти не вылезал из полюбившегося эмигрантам кафе на авеню д'Орлеан. Но существование такого рода его не удовлетворяло. Он видел: русские эмигранты напрочь оторваны от окружающего их общества, их идеологический пыл порождает твердолобость, нетерпимость; они нагоняли на него скуку. К 1909 году и эсеры, и меньшевики обзавелись в Париже собственными штаб-квартирами. Эмигрантское сообщество погрязло в спорах о том, как разжигать пламя революции. «На партийных собраниях продолжались бесконечные дискуссии <...> Я сердился на себя: почему в Москве дискуссии меня увлекали, а здесь, где столько опытных партийных работников, я сижу и скукаю? Я стал реже ходить на собрания»⁵. Свое разочарование Илья выразил в стихотворении, которое написал совместно с друзьями через несколько месяцев после прибытия в Париж.

Верил я в диктатуру народную,
Был я эсдеком на час.
Сны мимолетные, сны беззаботные
Снятся лишь раз!

Прочь от политики

К весне Илья уже подумывал о выходе из партии. Покончив с политикой, он стал читать запоем и писать стихи с такой же страстью, с какой прежде отдавался политике. Интерес к поэзии пробудил случайный толчок. На одном из собраний большевистской группы Илья встретил студентку из Петербурга — Елизавету Полонскую. Елизавета обожала стихи и без конца читала их Илье вслух. Вернувшись в Россию, Елизавета Полонская стала настоящим и известным поэтом. Дружба между нею и Эренбургом выдержала испытание временем — она длилась более полувека.

Вдохновляемый Лизой, Илья ежедневно часами писал стихи. Однако совсем бросить политику ему пока тоже не хотелось, и он предпринял последнюю попытку найти свое место в революционном движении. Летом 1908 года по рекомендации Льва Каменева, ближайшего сподвижника Ленина, он направился в Вену — работать с Львом Троцким. Этой поездкой он приобрел уникальное отличие, оказавшись, пожалуй, единственным подростком, лично сотрудничавшим с Лениным, Троцким и Бухариным.

В русском социал-демократическом движении Троцкий занимал тогда независимую позицию. Поддерживая тесные отношения с Лениным, Троцкий не желал связывать себя ни с большевиками, ни с меньшевиками — позиция, объяснявшая интерес к нему со стороны Эренбурга: бесконечные споры о марксистской теории, которых Илья наслушался в Париже, все больше и больше разочаровывали его в политике. Живя в Вене со своей второй женой и двумя сыновьями от первого брака, Троцкий в ноябре 1908 года приступил к изданию газеты «Правда», унаследовав ее от прежних редакторов, не сумевших обеспечить изданию успех⁷. Илья поселился с семьей Троцкого в их скромной квартирке, где выполнял простую работу — клеивал экземпляры «Правды» «в картонные рулоны, а на них наматывал художественные репродукции и отсылал пакеты в Россию»⁷.

Описывая этот краткий эпизод в своей автобиографии полвека спустя, Эренбург предпочел не называть Троцкого. В 1966 году, выступая перед читателями одной из московских библиотек он объяснял, что издатели его мемуаров «были бы довольны, если бы я назвал имя этого человека. Но я считал нетактичным, даже аморальным, сделать это, так как мои слова о тогдашнем венском инциденте могли бы быть восприняты как утверждение, подсказанное дальнейшими делами и судьбой этого человека»⁸.

«В Вене я жил у видного социал-демократа Х <...> Х был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии и искусстве. Это были не мнения, с которыми можно было бы поспорить, а безапелляционные приговоры <...> Для Х обожаемые мною поэты были «декадентами», «порождением политической реакции». Он говорил об искусстве как о чем-то второстепенном, подсобном.

Однажды я понял, что я должен уехать, не решился сказать об этом Х. — написал глупую детскую записку и уехал в Париж.»

Сентенции Троцкого «об утилитарной сущности искусства» лишь подтвердили Илье то, что он предполагал, — нетерпимость революционеров⁹. (Эренбург как-то в частном разговоре признался, что вступил в партию из-за Бухарина, а вышел из нее из-за Троцкого¹⁰). В конце ноября, вернувшись в Париж в полном смятении, Илья не представлял себе, куда теперь повернет его жизненный путь. Одно он знал твердо — политику ему надо бросить и все свои силы и любовь отдать литературе.

Эта перемена в жизненной ориентации ознаменовалась весьма

---

⁷ Газету, издававшуюся Троцким, обычно называют венской «Правдой» — в отличие от большевистской «Правды», которая начала выходить в 1912 году.

неожиданными последствиями. Вместе с Лизой они выпустили сатирический журнальчик, на страницах которого были шаржи на Ленина и других видных революционеров. Источников, по которым можно было бы судить об этой затее, почти не сохранилось. Сам Эренбург по вполне понятным причинам об этом озорном издании ни словом не упомянул. Однако среди работавших тогда в партийных кругах в Париже была некая Татьяна Вулих, знавшая и Илью, и Лизу, и Ленина. В своих неопубликованных мемуарах она вкратце осветила то, что произошло: «Вскоре после моего приезда на группе появились двое новых — Илья Эренбург и еще одна молодая девица Лиза [Елизавета Полонская — Дж. Р.] — вспоминала Вулих. — Через некоторое время он стал приносить на собрания листки, отпечатанные на машинке, в которых очень мило «пробирали» членов группы <...> На одно заседание Эренбург явился с пачкой настоящего журнала <...> Мы стали расхватывать этот журнал, тут же читать, раздались шутки, смех. Заинтересовавшись, Ленин тоже попросил один номер. Стал перелистывать и по мере чтения, все мрачнее и все сердитее делалось его лицо; под конец, ни слова не говоря, отшвырнул буквально журнал в сторону. Все веселье группы сразу пропало, все притихли как-то и заседание началось.

Потом мне передали, что Ленину журнал ужасно не понравился и особенно возмутила карикатура на него и подпись. И вообще не понравилось, что Эренбург отпечатал и, по-видимому, собирался широко распространять»¹¹.

В Париже Илье довелось наблюдать Ленина и других вождей эмиграции вблизи, и ему не нравилось то, что он видел. Журнал «Бывшие люди» высмеивал весь спектр русского революционного движения, помещая шаржи на всех главных большевиков, Юлия Мартова (тогда вождя меньшевиков), Льва Троцкого и эсеров. Находясь на безопасном расстоянии от облав, истреблявших коммунистическое подполье по всей России, Ленин и иже с ним выглядели комично. Особенно Ленину досталось от юного карикатуриста: лидер большевиков изображен стоящим на высоком постаменте с метлой в руках, в тяжелой поддевке и картузе. Подпись — «старший дворник». Образ выражал грубую власть. Этот дворник, готовый и способный осуществлять контроль над жильцами дома, получил еще более недвусмысленную расшифровку во втором журнальчике «Тихое семейство», где Ленин изображен с огромным крепко сжатым кулаком¹². Ленин, относившийся к сатире нетерпимо, пришел в ярость. Вынужденный жить в парижском изгнании, тогда как партия его находилась в разладе и разброде, а перспекти-

вы революции были как никогда безнадежны, Ленин не был расположен терпеть мальчишеские выходки — карикатуры, да еще такие, которыеставляли его в потешном виде и грозили сделать посмешищем. Партийная верхушка предупредила Илью — больше никаких карикатур! Такая реакция на шутку его оскорбила; ему, возможно, вспомнились гимназические учителя, от которых он когда-то скрывал свой невинный мальчишеский журнал. Большевистские вожди отреагировали с такой же нервной обеспокоенностью. Разрыв с ними был теперь окончательно решен. Татьяне Вулих — как вспоминает она в своих мемуарах — доводилось тогда часто встречать Илью в Латинском квартале; «совершенно преобразившегося». Из подтянутого гимназиста он «превратился в нерышливового, лохматого представителя богемы», который целыми днями просиживал в кафе и всегда таскал под мышкой книгу.

«Лицо с гордостью говорило, что он живет как спартанец, спит без простыни, но переплетает Бальмонта в алый переплет. Во всяком случае, он порвал всякие отношения не только с группой в целом, но со всеми ее членами, кроме Лизы: перестал даже здороваться»¹³.

Вот тогда началась для Ильи Эренбурга его настоящая жизнь в изгнании и его единственная в своем роде парадоксальная карьера, которая прихлась на вторую половину столетия.

НОВАЯ ВЕРА

Еще в разгар своей политической горячки в Москве Илья увлекся литературой. Он пристрастился к романам, зачитываясь ими далеко за полночь. «Искусство забралось в мое подполье» — вспоминал Эренбург. Правда, он старался противиться этой «чепухе», относясь к своему увлечению литературой как к «постыдной слабости»¹⁴.

Но когда он порвал с большевиками, романтика политической конспирации перестала сдерживать его природу, его воображение. Лишенный подлинного дома, взбунтовавшись против большевиков и буржуазных понятий, внушенных воспитанием, Илья целиком отдался искусству и поэзии. Париж был для него превосходной средой — кафе, театры, книжные развалы послужили подмостками для самого естественного периода в жизни Эренбурга.

Отец ежемесячно высылал ему небольшое содержание, к которому добавлялись разные случайные заработки. Илья нанимался гидом к приезжим из России, присматривал в случае надобности за

детьми приятелей. Но по большей части проводил время за чтением или сочинением стихов, часами сидел в кафе.

Литература, однако, не смогла полностью заменить политику. Илья нашел для себя новую веру — католичество. «Я зашел в католическую церковь, — рассказывал он впоследствии в «Книге для взрослых». — Меня изумило все: витражи, шепот исповедален, орган. Мне показалось, что для чувств найден некий строй. Я хотел во что-нибудь верить: я не знал утром, как прожить день»¹⁵. Он стал подумывать о переходе в католичество и поступлении в Бенедиктинский монастырь и, хотя так и не крестился, его стихи нередко выражали искреннюю веру в Христа и Богородицу. В те годы он занимался и живописью — писал небольшие картины на библейские сюжеты и сцены из жизни Христа.

Особенно вдохновлял Илью пример французского католического поэта Франсиса Жамма. Перешедший в римско-католическую религию, Жамм воспевал природу с детской простотой, его стихи и рассказы прославляли его новонайденную религию. Для Эренбурга политика означала поглощенность деятельностью; искусство и религия предлагали возможность более духовной верности. «Жамм писал о растениях, о свежести обыкновенного утра, об ослах <...> Я вырос в городе, девять десятых моей жизни прожил в городе, но только вне города я начинаю свободно и легко двигаться, дышать не задыхаясь, смеяться без причин на то». Илья отправился к Жамму в надежде раскрыть перед ним смятенность своей души. Но его постигло разочарование. «Он [Жамм — Дж. Р.] ласково встретил меня, угостил домашней наливкой. Я ждал наставлений, но он говорил об обыденном...»¹⁶ Еще раз — так же как это было с отцом, с Толстым, с Лениным — боготворимый старший не оправдал возлагаемых на него Илей надежд. И все же поэзия Жамма сослужила Илье добрую службу. В 1914 г. в предисловии к книге стихов «Детское» он признает, что многим обязан Жамму: «Если моя душа в Париже не погибла, спасибо вам за это, Жамм! <...> молясь за всех, немного помолитесь за то, чтоб мог молиться я!»¹⁷

ПОЭТ СРЕДИ БОГЕМЫ

Крутой поворот Эренбурга к искусству и религии был не единственной переменной в его жизни. Примерно в конце 1909 года он познакомился со студенткой-медичкой Екатериной Шмидт. Двумя годами старше Ильи, эмигрантка, из семьи петербургских немцев, Катя Шмидт была первой серьезной любовью Эренбурга, и он все-

гда вспоминал ее как женщину, которой отдал самые сильные свои чувства. Летом 1910 года они вдвоем поехали в Бельгию, и Эренбурга поразил и очаровал старинный город Брюгге. А год спустя, 25 марта 1911 года, Катя родила в Ницце дочь, Ирину, ставшую единственным ребенком Эренбурга. Но тогда он был не готов взять на себя отцовские обязанности, и прошло добрых десять лет, прежде чем он и Ирина по-настоящему сблизились. На Кате Эренбург так и не женился. Она хотела иметь детей и жить обыкновенной семейной жизнью, какую он вести не хотел. И Катя порвала с ним, выйдя вскоре замуж за другого эмигранта из России. Но дружеские отношения продолжались. В 1913 году в Москве вышел сборник стихов и прозы Франсиса Жамма, составленный и переведенный Ильей Эренбургом и Екатериной Шмидт.

Между 1910 и 1916 гг. Эренбург опубликовал несколько небольших поэтических сборников. Издавал он их в основном за свой счет, рассылая русским поэтам в надежде на критический отзыв. Его первая книга называлась «Стихи» и содержала несколько опусов — о Христе, о Деве Марии, о Папе Иннокентии VI и Средних веках, — вдохновленных поездкой в Брюгге.

Хотя Эренбургу удалось напечатать всего двести экземпляров — он «голодал, чтобы напечатать всего двести экземпляров» — «Стихи» не остались незамеченными в русской печати¹⁸. Известный поэт Валерий Брюсов, один из основоположников символистского движения в канун двадцатого века, пришел в восторг от стихов Эренбурга и даже сравнил его с Николаем Гумилевым, одним из самых прославляемых тогда поэтов, мужем Анны Ахматовой. «Среди молодых, — писал Брюсов, — разве одному Гумилеву уступает он [Эренбург — *Дж. Р.*] в умении построить строфу, извлечь эффект из рифмы, из сочетания звуков <...> Пока И. Эренбурга тешат образы средневековья, культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью, но эти старые темы он пересказывает изяшно и красиво»¹⁹.

Гумилев не разделял восторгов Брюсова. Упоминая «Стихи» в одном из очередных обзоров, которые он давал во влиятельном петербургском журнале «Аполлон», Гумилев не находил в сборнике предмета для похвал. «И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: выявить лик средневекового рыцаря, только случайно попавшего в нашу обстановку, изобразить католическую влюбленность в Деву Марию, быть утонченным, создать четкий, изобразительный стих. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных.»²⁰

Воодушевленный похвалой Брюсова и отнюдь не обескуражен-

ный критикой Гумилева, Эренбург продолжал писать стихи. В 1911 году в С.-Петербурге вышел второй его поэтический сборник — «Я живу». Наряду со стихами о Париже, о тоске по России, Эренбург включил в него и несколько откровенно католических стихов. Наиболее интересно стихотворение «Еврейскому народу», первое публичное изъятие участия к своим братьям по крови. До тех пор Эренбург выступал как русский эмигрант, как поэт, как, пожалуй, католик. В этом стихотворении прозвучало нечто большее, чем отчаяние, вызванное исторически сложившейся горькой судьбой еврейского народа: в отдельных строках проскальзывает и нечто другое — отрицательное, снисходительное отношение к евреям, как если бы ассимиляция, с одной стороны, и преследования, с другой, превратили их в «бессильный и больной народ»²¹. Несмотря на увлечение католицизмом Эренбург по-прежнему называет себя евреем, всеми силами души сознавая страдания, которые терпят евреи. «Ты здесь не нужен; пришлый и гонимый / Сбери своих расслабленных детей, / Уйди к родным полям Иерусалима...»

Эти строки открыто подчеркивают сионистскую проповедь, вложенную в стихотворение: в Европе евреям нет места, им нужно вернуться в Израиль. Не в последний раз выразит Эренбург это свое дальновидное предостережение.

Николай Гумилев, прочитав «Я живу», обнаружил обнадеживающий прогресс в поэтических возможностях Эренбурга: «И. Эренбург сделал большие успехи со времени выхода его первой книги <...> Из разряда подражателей он перешел в разряд учеников и даже иногда вступает на путь самостоятельного творчества <...> Конечно, мы вправе требовать от него еще большей работы и прежде всего над языком — но главное уже сделано: он знает, что такое стихи.»²²

Искусство поглотило Эренбурга целиком и полностью. «Я писал стихи день и ночь» — отмечал он впоследствии в краткой автобиографии. — Я бродил по Парижу, бормоча что-то себе под нос и изумля прохожих»²³. В те же годы в Париж приехал его двоюродный брат — Илья Лазаревич Эренбург. Происходившие в Илье перемены не ускользнули от его взгляда, и он делился своими впечатлениями с оставшейся в России сестрой. Так, посетив собрание кружка, в письме от 11 ноября [1910 г.] он писал:

«Илья прочел нам даже не реферат, а художественное произведение. Красивое, яркое, не уступающее его лучшим стихотворениям. Когда слышишь такие красивые вещи — прощаешь ему «сжигание кораблей» и преувеличения. Если ему это нужно было для

того, чтобы развернуться — пусть. Не жаль.»

И месяцем позднее, в письме от 14 декабря 1910 года:

«Илья все дальше уходит в своих взглядах <...> Теперь он уже ценит искусство потому, что это религия. Спорить с с.-д., которые для него воплощение земного прогресса и разума, для него невозможно (хотя он постоянно спорит и ругает их), потому что религия и искусство вне жизни, выше ее <...> Он постригся теперь. Но отпустил бороду, которая торчит у него, как и голова [Эренбург, как известно, ходил слегка сутулясь — *Дж. Р.*]²⁴.

Как раз тогда у Эренбурга вошло в обыкновение забираться на целый день в свое любимое кафе «Ротонда», которое в 1911 году открылось неподалеку от Латинского квартала на углу бульвара Монпарнас и бульвара Распай. В теплом кафе было куда уютнее, чем в нетопленной комнате. В «Ротонде», как и в большинстве парижских кафе, завсегдатаи пользовались почтовой бумагой бесплатно, а художникам хозяин кафе, Виктор Либион, отпускал бутерброды и кофе в кредит, и это привлекало туда интернациональный круг художников, писателей и всяких горемык. Только единицы — как, например, Пабло Пикассо и поэт Гийом Аполлинер — пользовались известностью. Другие — Диего Ривера, Хуан Грис, Жан Кокто, Амедео Модильяни и Марк Шагал — только начинали свои карьеры и так же, как Илья Эренбург, приходили в «Ротонду» за теплом, общением и возможностью развлечься. «Художник Модильяни с клетком дикой птицы читал предсказания Нострадамуса: «Мир скоро погибнет!» Какой-то серб насиловал негритянку <...> В Уборной люди нюхали кокаин и глотали гашиш <...> Натурщица Марго к часу ночи раздевалась.»²⁵

Эренбург своим внешним видом вполне вписывался в эту компанию. Он почти всегда ходил неопрятным и патлатым. К Новому году друзья подарили ему гребенку, зубную щетку, зубной порошок, мыло и одеколон, надеясь, что он будет этими предметами пользоваться. Писатель Алексей Толстой послал ему однажды в «Ротонду» открытку, адресовав ее «au monsieur mal coiffé» (плохо причесанному господину), и ее, не задумываясь, передали по назначению — Илье Эренбургу.

Эренбурга тех лет хорошо знала Маревна (Воробьева), русская эмигрантка, ставшая второй женой Диего Ривера. У нее сохранился набросок, на котором она изображена среди друзей — восемь художников и поэтов шествуют в ряд по парижской Rue de la Gaîté. На рисунке, словно моментальной съемкой, схвачено настроение этой многонациональной богемной компании. Крайний слева — итальянский еврей Амедео Модильяни, высокий, складной, как

его собственные произведения — вертит в пальцах сигарету или, может быть, палочку гашиша, до которого он был большой охотник. За ним в коротком шейном платке и элегантно, шитом на заказ пальто, художник Хаим Сутин, вырвавшийся из белорусского местечка, чтобы заниматься искусством. Третий — мексиканец Диего Ривера с толстой тростью в руке; его массивная голова и плечи возвышаются над всеми остальными. Маревна — в вышитом платье и шляпке, а рядом русский поэт Волошин с книгой в руке. Далее Эренбург, воткнувшийся между Волошиным и испанцем Пабло Пикассо, в свою очередь, идущим рядом со своим закадычным другом Максом Жакобом, художником и литератором. Жакоб — еврей, перешедший в католичество то ли в 1914 году, то ли года за два до того, как сделан этот набросок, — единственный среди них уроженец Франции (и единственный, кто погиб в нацистском концентрационном лагере). На Жакобе и Пикассо схожего покроя кепки и пальто, плотные, добротные. Только Эренбург выглядит явным оборванцем: шнурки на ботинках развязаны, пальто — словно с чужого плеча, широкая фетровая шляпа, которая, по описаниям Волошина, стоит «торчком как средневековый колпак»²⁸.

Свое место в Париже Эренбург нашел не среди русских, а других эмигрантов — художников и писателей, экспатриантов из Испании, Италии, Мексики и Польши. Во французское общество он не вписался. И при всей своей любви к Парижу и французской культуре так и не закончил курса общего образования, что могло бы подготовить его к получению специальности в Европе. Но он выбрал делом своей жизни искусство и литературу. И еще удовлетворял горячее желание посмотреть Европу. Он много путешествовал — побывал в Голландии, Бельгии, три раза посещал Италию, которая покорила его живописью и архитектурой времен Ренессанса, укрепив в нем преданность искусству и интерес к католической вере.

Однако писал Илья по-прежнему только по-русски. Его стихи стали публиковать в Москве и Петербурге, а статьи — в Иркутске; время от времени он печатался и в эмигрантской прессе. Он принимал деятельное участие в эмигрантских литературных делах. В 1913 году содействовал выпуску двух номеров журнала «Гелиос» — там и появилась его первая пылкая похвала стихов Марины Цветаевой — а в следующем году помог осуществить два выпуска другого журнала — «Вечера»²⁹. Огромное удовольствие доставляло ему также переводить французскую поэзию, в особенности стихи Франсиса Жамма и средневекового барда Франсуа Вийона. В 1914 году Эренбург издал изысканную антологию, включавшую подборку из

двадцати девяти поэтов, среди которых были Поль Верлен, Артюр Рембо и Гийом Аполлинер³⁰.

В Париже Эренбург скрывался от русского правосудия. Еще в июле 1910 года московский суд запросил у Гр. Гр. Эренбурга европейский адрес сына, а месяц спустя потребовал представить его на судебное разбирательство. Но Илья не был расположен предстать перед судом. В сентябре Григорий Григорьевич лишился своих пятисот рублей залога, которые в положенное время пошли, как того требовал закон, «на устройство мест заключения». Правда, Эренбург не оставлял надежды вернуться. В 1912 году, памятуя, что в следующем, 1913 году, исполняется триста лет правления династии Романовых, по каковому поводу Николай II, вероятно, издаст манифест о широкой амнистии, Илья попросил похлопотать за него жену поэта Бальмонта (также живущего в изгнании)³¹. Действительно, двор разрешил тогда многим изгнанникам — Максиму Горькому, например, — вернуться на родину. К тому времени Эренбург совершенно уже отошел от большевиков и искренне надеялся, что попадет под царскую амнистию и сможет вернуться, не подвергаясь наказанию. Его родители, в свою очередь, ходатайствовали о помиловании. Однако им было отказано. В том же году Эренбург опубликовал цикл стихотворений под красноречивым заглавием «Вздохи из чужбины».

Значит, снова мечты о России
Лишь напрасно приснившийся сон.
Значит, снова — дороги чужие...
И по ним я идти обречен.³²

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Когда в августе 1914 г. началась Первая мировая война, Эренбург гулял по Амстердаму. Он тут же через Бельгию вернулся в Париж — поездом, набитым французскими зуавами в синих мундирах и ярко-красных штанах.

Война была для него полной неожиданностью. Эренбург, как и большинство его друзей, жил искусством; он понятия не имел о политических интригах, приведших к вооруженному столкновению. Тем не менее, его переполняли патриотические чувства, и он, не теряя ни минуты, бросился записываться в армию добровольцем. Однако врачи забраковали его: Эренбург выглядел уж чересчур тощим; слишком много лет он имел обыкновение «предпочитать сти-

хи говядине»³³. Пришлось вернуться к прежней жизни, разделяя с французами сначала энтузиазм в предвкушении немедленных побед, а затем неуверенность и панику, когда немцы, наступая, оказались в тридцати километрах от Парижа. Эренбург видел, что французы совершенно не подготовлены к войне; когда появились первые раненые, они мерзли на улицах. Фамилия Эренбург вызывала подозрения, его несколько раз таскали в полицию, где приходилось предъявлять документы, доказывая, что он не немец.

Изменились правила ведения финансовых дел; Эренбург перестал получать денежные переводы из России. Вынужденный зарабатывать на жизнь и все еще удрученный тем, что в армию его не берут, он пошел работать на товарную станцию — выгружал снаряды. Его внешний вид, особенно шляпа с высокой тульей, забавляла рабочих. Но они приняли его в свою среду, хотя и прозвали «Le Chapeau»^{*}. Работал Эренбург по ночам, возвращался к себе утром, полдня отсыпался, потом шел в «Ротонду». Был он отчаянно нищ, настолько нищ, что когда спал, чтобы не мерзнуть, накрывался газетами.

Война шла уже год, когда Эренбург начал писать о Западном фронте. Он знал, что из-за цензуры невозможно рассказать о том, что в действительности происходит на войне. Правительства стран Тройственного союза, как и кайзеровский режим, держали прессу под строжайшим контролем; большинство корреспонденций сводились к бледным, абстрактным описаниям окопной войны. Русские газеты вряд ли отличались тут в лучшую сторону. Эренбург выписывал «Утро России», консервативную ежедневную газету, которую доставляли нерегулярно, часто по десять номеров зараз с запоздалыми — за уже прошедшие дни — сообщениями. Читая репортажи с Западного фронта, Эренбург пришел к выводу, что у газеты нет «собственного корреспондента» (как значилось под статьями) во Франции, а все напечатанное стряпалось в Москве на основе не слишком достоверной, заплесневелой информации. Бесконечные фактические ошибки — по части кто есть кто во французском правительстве, армейской формы и просто парижской жизни — убедили Эренбурга, что он с этим делом справится гораздо лучше. Он пошел в «Ротонду» и сел писать. Первая его статья появилась в газете «Утро России» в ноябре 1915 года. А в апреле следующего года он с помощью своего друга Макса Волошина (поэта, известного в кругах русской эмиграции) стал парижским корреспондентом «Биржевых ведомостей», финансовой газеты, издававшейся в Петрограде.

---

* Шляпа (фр.)

Так началась самая замечательная журналистская карьера двадцатого века. Эренбургу было суждено пройти еще через две войны и в итоге стать самым известным и самым широко читаемым журналистом в Советском Союзе. В свете его последующей карьеры как советского корреспондента важно, однако, рассмотреть, как он писал о Первой мировой войне, когда был еще независимым журналистом.

Филип Найтли, автор книги о военных репортажах «Первая жертва», с осуждением пишет о прессе периода Первой мировой войны. Командование как Франции, так и Германии вело разрушительную массовую войну на истощение противника, вовлекая в нее сотни тысяч, даже миллионы людей, а потому в описании военных действий к журналистам предъявлялись особенно жесткие требования. «Населению необходимо было закалиться в преддверии грядущих жертв, а этого нельзя было достичь, если бы все происходящее на западном фронте стало известно», — замечает Найтли. Большинство корреспондентов, в свою очередь, «полностью идентифицировали себя с воюющими армиями <...> Они защищали командование от критики, живописали веселые сценки из окопной жизни, храня предписанное молчание о кровопролитной резне и позволяя втянуть себя в работу пропагандистской машины»³⁴.

Эренбург подобным веяниям не поддавался. Будучи скептиком по натуре, он легко устоял против всеобщего поветрия. Годы, проведенные в большевистском подполье и кафе «Ротонда», привили ему иммунитет к соблазнам политической власти и ненависть к насилию и принуждению. Сдержанный и обычно беспристрастный, он писал о том, что видел сам, излагая мысли, чувства и события такими, какими их воспринял, выискивая в них наиболее острое и парадоксальное, умея «превратить краткий диалог или случайную встречу в эмблему войны или человека на войне.»³⁵

Чтобы рассказывать о войне устами свидетеля, Эренбург ползал с солдатами по грязи под огнем и отдыхал вместе с ними за линией окопов, часто в деревнях, только что оставленных немцами. Испанский писатель Рамон Гомес де ла Серна, познакомившийся с Эренбургом как раз в этот период, однажды наблюдал его в тот момент, когда он, вернувшись после боя, разыскивал Диего Ривере.

«Как-то утром мне встретился [Эренбург], возвращавшийся из-под Вердена. Он прибыл прямо оттуда и, не заходя домой, пришел к Ривере. «Дай мне щетку, — сказал он Ривере, — счистить грязь Вердена». Надо было видеть его пальто: щетка подымала такую пыль, что, казалось, стоял дым от пожара.

Полковник, сопровождавший нас, предупредил: если вам пока-

жется будто с головы летит шляпа, падайте на землю... над вашей головой летит снаряд. Только я не стал его слушаться, потому что куда невыносимее падать лицом в грязь, чем перетерпеть снаряд.»³⁶

Эренбург часто выезжал на фронт, и особенно его поражало, что смерть стала «механической».

«Подвиги, добродетели, страдания мало что решали <...> Огромная пекарня пекла в сутки двести тысяч хлебов. Солдаты жевали хлеб. Война пожирала солдат»³⁷. В 1916 году он впервые увидел танк.

«В нем что-то величественное и омерзительное. Быть может, когда-то существовали исполинские насекомые, танк похож на них. Для маскировки он пестро расписан, его бока напоминают картины футуристов. Он ползет медленно, как гусеница; его не могут остановить ни окопы, ни кусты, ни проволочные заграждения. Он шевелит усами; это орудия, пулеметы. В нем сочетание архаического с ультраамериканским. Ноева ковчега с автобусом двадцать первого века. Внутри люди, двенадцать пигмеев, они наивно думают, что они властители танка...»³⁸.

Попадались ему на фронте и колониальные войска, в основном сенегальцы, которых забирали в солдаты и везли в Европу. Не разбираясь, где они, почему и за кого воюют, сенегальцы находились в полном смятении. Французы использовали их на особенно опасных — открытых — позициях. Ни английская, ни французская пресса ничего о них не писала; Эренбург писал, и его репортажи так досаждали французским властям, что его чуть было не выслали из Франции.

Война действовала на Эренбурга опустошающе. Отрезанный от своей семьи и своей страны, он чувствовал себя на грани нервного срыва. «Мне 24 года, на вид дают 35, — писал он двадцать лет спустя, вспоминая, каким был в то время. — Рваные башмаки, на штанах бахрама. Копна волос <...> Ем чрезвычайно редко. Заболел неврастенией, но болезнью своей доволен»³⁹.

О воздействии войны на Эренбурга упоминает в своих «Мемуарах» и Маревна.

«Илья чересчур много пил, непомерно много. Что-то громко выкрикивал... в кафе, на улице. Мы не могли разобраться, принимать ли его выкрики за шутку или это была форма белой горячки. Иногда он не спал ночами. Сидел и строчил далеко за полночь, а потом отправлялся бродить по Парижу. Утром его, бледного и опустошенного, можно было видеть в «Ротонде», редактирующим очередную статью. Я нашла его очень изменившимся — неизвестно почему. Я сказала себе: все мы неизбежно понемногу меняемся.

Шла война, и всем нам было трудно»⁴⁰.

Примерно к тому же времени принадлежит сделанный ею набросок, на котором она изобразила своих друзей. Рисунок, озаглавленный Маревной «Когда же кончится война», запечатлел Эрэнбурга, Модильяни и Риверу в мастерской мексиканского экспатрианта. Все трое выглядят хмурыми и подавленными; они сидят, не глядя друг на друга и молча буравят глазами пространство. Эрэнбург полулежит на узкой кровати, привалившись спиной к стене; во рту у него трубка, по одну сторону — чашка кофе, по другую — раскрытая книга. Война, кажется, хочет сказать Маревна, вторгшись в их существование, внесла ужасные разрушения в жизнь, какую они вели, и навязала им судьбы, в которых они не способны разобратся. Глядя на этот набросок, мы не можем не думать о том, какая судьба выпала на долю друзей Маревны: Модильяни через два года по окончании войны умрет от туберкулеза; он так и не узнает, какого почтения удостоится его картины, каких денег они будут стоить; Ривера покинет Париж и возвратится в обожаемую им Мексику, где станет одним из самых знаменитых ее художников; Эрэнбург, чьи длинные космы свисают до плеч, вряд ли мог даже вообразить, что год спустя вернется в Россию и что все его будущее окажется связанным со страной, которая, как он тогда считал, покинута им навсегда.

Война воскресила в Эрэнбурге любовь к отечеству, сведя его с простыми русскими мужиками — солдатами, отправленными воевать на Западный фронт. В ноябре 1916 года он колесит по северо-восточным регионам Франции, где были их позиции. «Всюду русские лица, русская речь, — рассказывал он своим читателям. — Восемь лет тому назад, в декабрьский вечер, у ворот Брестского вокзала я в последний раз глядел на какого-то подгулявшего мастерового, на извозчиков, на Москву, на Россию. Два дня спустя я проснулся в холодном и чужом Берлине. Прошло восемь лет, и вот сегодня в поселке Шампани, в нескольких верстах от немцев, я, видно, нашел родное, незабываемое, свое.»⁴¹

Судьба русских бригад с самого начала сложилась трагически. Офицеры, не стесняясь, подвергали солдат телесным наказаниям; впоследствии многие получили пулю от собственных подчиненных. Не обошлось и без бунтов; в 1916 году девять солдат, возглавившие один из таких бунтов, были казнены. Отношения между французами и русскими войсками также не сложились. Русское командование, стремясь изолировать своих солдат от французского демократического общества и многочисленных эмигрантов, нашедших во Франции второй дом, лишь усугубило положение. Расквартиро-

вываясь на отдых во французской деревне, русские офицеры собирали гражданское население и строго-настрого наказывали не продавать «нижним чинам» вина. Французы делали вывод, что русские — дикари: во Франции даже ребенку не возбраняется пить вино! В результате, французы чуждались русских и насмехались над ними: что это за пища — гречневая каша. Русские же, со своей стороны, не могли понять, как можно есть улиток и лягушек.

Наконец, отречение царя в марте 1917 года в разгар военных действий поставило русские войска во Франции в совершенно ложное положение. Если верить Эренбургу, десять дней, пока бригады находились на отдыхе за линией фронта, — им эту новость не сообщали. Боясь резкого падения дисциплины, французское командование решило немедленно бросить русских в бой. Эренбург стал свидетелем невероятного смятения. Рядовые разделились на тех, кто соглашался продолжать сражаться во Франции, и тех, кто требовал отправки в Россию. Разногласия возникали и по другим вопросам: как поступить с офицерами, как относиться к французам, верить ли слухам о том, что крестьяне в России захватывают землю; неделя шла за неделей, принося из дому все более ошеломительные и волнующие известия, и желание как можно скорее вернуться в Россию стало среди солдат всеобщим.

Февральская революция, как ее стали называть, ознаменовала конец царского самодержавия, однако она была лишь началом смутного времени и жестоких событий, которые привели в захвату власти большевиками. Поначалу стачки и многолюдные митинги казались повторением 1905 года. 23 февраля 1917 года в Петрограде забастовало девяносто тысяч рабочих. На следующий день число бастующих увеличилось до двухсот тысяч. Они требовали немедленно увеличить поставки хлеба и продуктов, а также срочно принять меры, чтобы облегчить потери от резкой инфляции, вызванной войной. Когда полиция не сумела справиться с беспорядками, ей на помощь был призван городской гарнизон, но солдаты отказались действовать против людских толп и в ряде случаев даже обращали оружие против полиции.

Сразу же за этими событиями Дума, отказавшись подчиниться царскому приказу о роспуске, образовала Временное правительство. Одновременно группа вождей разных социалистических партий заявила о создании Петроградского совета рабочих депутатов. Оба органа объявили царское самодержавие низложенным и оба возвестили, что намерены взять на себя управление страной.

Царь Николай II находился в ставке Верховного главнокомандующего в городе Могилеве. Он рассчитывал получить поддержку

армии, но когда генералы от него отвернулись, подписал отречение от престола, тем самым положив конец царствованию династии Романовых. О том, чтобы передать трон его сыну, не было и речи, а его брат, Великий князь Михаил, царствовать отказался. Страна оказалась без центрального правительства, обладающего достаточной властью как для того, чтобы эффективно продолжать войну с Германией, так и для того, чтобы решить продовольственный вопрос. Россия впадала в анархию.

Эренбург колебался, не зная, как ему реагировать на известие о революции в Москве и Петрограде. К его удивлению, эмигрантская колония так увязла в спорах, что даже не стала праздновать свержение царя. В одном он был уверен: как бы ни повернулись события, будут ли продолжаться военные действия или понадобится защищать революцию, ему нужно возвращаться в Россию. Россия была его домом. Война осиротила его. Для него Европа означала культуру и цивилизацию, свободу думать и творить, путешествовать, наслаждаться музеями, литературой и искусством. В такой Европе не нужны были визы и беспрепятственно пересекались границы стран и языков. Но война разрушила этот мир и наивную веру в него Эренбурга. После восьми лет на чужбине в нем взыграли чувства к России: захотелось увидеть мать и родную страну.

Вернуться оказалось не так-то просто. Русское посольство предложило помочь, но бралось организовать отъезд только бесспорно политическим эмигрантам. У Эренбурга уже несколько лет был роман с художницей Шанталь Кенневиль, дружба с которой продолжалась до самой его смерти. «Помню последний вечер в Париже, — писал он, оглядываясь на прошлое, в своих мемуарах. — Я шел с Шанталь по набережной Сены, глядел кругом и ничего больше не видел. Я уже не был в Париже и еще не был в Москве...»⁴² Шанталь пыталась отговорить его, убеждая, что из России он уже не вырвется. Но Эренбург был тверд, как скала, и едва дождался июня, когда смог уехать.

Путь в Россию лежал через Англию: сначала Илья переправился в Лондон, затем вместе с другими эмигрантами и пятью сотнями солдат, бежавших из немецких лагерей для военнопленных, поездом в Шотландию. Там они погрузились на транспорт, который должен был через Северное море доставить их в Норвегию. Судно сопровождали два миноносца: война шла своим ходом, и немецкие подлодки не дремали. Проведя несколько дней в Норвегии, Эренбург проследовал в Стокгольм, а оттуда к русской границе с Финляндией. Было начало июля. Его первое изгнание подходило к концу. Кто-то сообщил, что в Петрограде большевики

попытались захватить власть, но их подавили. Среди эмигрантов разгорелась перепалка. «В вагоне атмосфера накалилась, — писал Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь». — Я как-то съезжился: в Париже все говорили о “бескровной революции”; о свободе, о братстве, и вот еще мы не доехали до Петрограда, а они грозят друг другу тюрьмой»⁴³.

Много десятилетий спустя Эренбург признался, в каком смятении находился все годы революции и гражданской войны: он ненавидел насилие, он не мог понять происходящий в стране разброд — правда, советским читателям он так и не открыл, что был тогда против большевиков. Он поддерживал Керенского, большевиков же боялся, а больше всего его страшили беспорядки и хаос. Покинув Россию в 1908 году, он не был готов к вспышке ненависти, которая вырвалась наружу с отречением царя и крушением политической власти. Россию захлестнула социальная революция во всех ее проявлениях. Фабрики, гарнизоны и крупные поместья захватывались рабочими, солдатами и крестьянами. Ни одна политическая партия не направляла и не контролировала этот процесс бурной ломки. Царский режим пал. Временное правительство не сумело приобрести безраздельную и непререкаемую власть — иными словами, доверие народа, а немецкие войска по-прежнему угрожали значительной части Украины.

Через две недели после прибытия в Россию Эренбург написал для «Биржевых ведомостей» статью, озаглавленную «Париж—Петроград». Эта статья — одна из написанных и опубликованных им в России, свободной от цензуры, в тот краткий период, от марта до ноября 1917 года, когда Временное правительство, возглавляемое Александром Керенским, чтит свободу печати. Статьи эти заслуживают особого внимания: читая их, невозможно ошибиться, что именно Эренбург хотел сказать. В статье «Париж—Петроград» он передает, как на границе солдат спрашивает его: «Вы за кого? За Ленина или Керенского? Выслушав ответ, злобно посмотрел: “Из буржуазии будете? Может, дом свой, аль завод имеете?”»⁴⁴.

В Петроград Эренбург прибыл в июле, сразу после первой и неудачной попытки большевиков совершить вооруженный переворот. На улицах еще раздавались выстрелы, лежали убитые. «В трамвае какой-то старик сказал: “Все от жидов, их убить надо”. Все одобрили. — рисует типичную сценку Эренбург. — Второй сказал: “От буржуев”. Тоже одобрили. Озлоблены все друг против друга, что и почему — кто разберет. Каждый ищет своей пользы.» Эренбург не скрывал охватившего его чувства отчаяния. «Россия больна, — писал он. — Россия при смерти.»

«Девять лет я тосковал по России. На Западе я понял ее значение и духовную мощь. Вот уже со всех сторон льется кровь. Немцы надвигаются. Весь мир смотрит — неужели Россия была лжепророком, неужели дух примирения и любви столь же быстро вылинял, как красные флажки?»⁴⁵.

У него не было времени разбираться в своих смятенных чувствах, а тут еще вернулись в Петроград Екатерина Шмидт вместе с шестилетней Ириной, дочерью Эренбурга. Отец Кати, преуспевающий владелец нескольких мясных лавок и доходных домов, Эренбурга ненавидел. «Ко всем прочим грехам, — напишет впоследствии Эренбург, — я был евреем». Тем не менее Катя привела к нему Ирину и они вместе погуляли по городу. Тогда он плохо знал свою дочь, и прошло еще много лет, прежде чем они стали родными друг другу.

В Петрограде Эренбург не задержался надолго, поспешив в Москву. В Москве было тише, но не намного спокойнее. Он встречался с писателями и поэтами, пытался, как в Париже, писать в кафе, но официантки, в отличие от парижских, не жаловали посетителей, занимавших столик без солидного заказа, в особенности вина. Лето кончилось. Мать Эренбурга жила в Ялте, и он, взяв билет на многосуточный поезд, поехал повидаться с ней: «Мать я нашел сильно постаревшей; она кашляла, куталась в оренбургский платок и боялась выстрелов.»⁴⁶

Поездка в Ялту дала Эренбургу материал для его последней — перед большевистским переворотом — статьи в «Биржевых ведомостях» — «В вагоне», появившейся 15-го октября. Он еще раз излил свое отчаяние и безнадежность: его страшила судьба России. В поезде его спутниками были воры и спекулянты, создававшие атмосферу, насыщенную подозрительностью и алчностью, тогда как «товарищи» — то есть отряд большевиков — патрулировали поезд. Как и в Париже, когда он восхищался верой Франсиса Жамма, борясь с собственной застенчивостью, Эренбург, чтобы подчеркнуть духовный крах России, прибегает к образу молитвы:

«На станциях вползают все новые пассажиры. Кажется никогда в России столько не ездили — расходились, разбушевались воды. Бегут, кто откуда, кто куда и ни у кого нет надежды, но лишь унылая злоба и страх <...>

Старый, оборванный еврей здесь же напялил на себя шелковую накидку, нацепил на лоб ремешки, книгу раскрыл и покачиваясь стал молиться. Солдатик молодой начал очередное сложное ругательство, но другой постарше оборвал.

— Помолчи ты — видишь, жид молится...

Все мы глядели вновь на качающегося еврея. Не ведая его суро-

вого бога, не понимая толком слов молитвы, но все — чую! — завидую, что может он сейчас не только ненавидеть или страдать, но еще верить и молиться»⁴⁷.

Наблюдая за стариком евреем, Эренбург, вполне возможно, думал о вере своей матери, вере, недоступной ему, но которую он жаждал обрести и которую будет продолжать искать в различных обличьях.

Десять дней спустя после того, как появилась эта его статья, в Петрограде большевики свергли Временное правительство.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Эренбург находился в России всего четыре месяца, когда крайний разброд 1917 года закончился большевистским переворотом. В Москву из Крыма он прибыл как раз тогда, когда там шло решающее сражение. Дом, где жил Эренбург, оказался в зоне артиллерийского обстрела, а сам он стал свидетелем насилий и зверств. Вот как в его романе «Хулио Хуренито» переживает революционный террор литературный персонаж, поэт «Илья Эренбург»:

«Я сидел в темной каморке и проклинал свое бездарное устройство <...> Сейчас под окном делают — не мозгами, не вымыслом, не стишками — нет, руками делают историю <...> Кажется, что лучше — беги через ступеньки вниз и делай, делай ее, скорей, пока под пальцами глина, а не гранит, пока ее можно писать пулями, а не читать в шести томах ученого немца! Но я сижу в каморке, жую холодную котлету <...>

Запомните, господа из так называемого “потомства”, чем занимался в эти единственные дни русский поэт Илья Эренбург!»¹

Спустя месяц после ленинского переворота Эренбург вместе с группой писателей участвует в весьма неординарном протесте. Назвавшись Клубом московских писателей, ряд весьма разных и весьма значительных литераторов — таких как Константин Бальмонт, Иван Бунин, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Алексей Толстой, Юлий Айхенвальд — 10 декабря 1917 года выпустили одностороннюю газету «Слову — свобода». Эта газета явилась прямым откликом на первые усилия большевиков запретить оппозиционные им газеты и журналы². На ее страницах был помещен ряд откровенно оппозиционных лозунгов — в том числе «Да здравствует культурная демократия!» и «Без свободы слова и печати нет демократии». Эренбург напечатал в этой газете стихотворение «Божье Слово» — притчу о птице, чей голос необходим, чтобы спасти мир,

— стихотворение, в котором прозвучала щемящая боль за судьбу России и наивная чистая вера в ее спасение.

Насколько нам известно, ни Эренбург, ни другие писатели, причастные к выпуску «Слову — свобода», никаких последствий за выпуск этой газеты не понесли. В ту зиму большевики столкнулись с более безотлагательными угрозами своему владычеству, в частности, со стороны других революционных партий, желавших получить свою долю власти, и со стороны немцев, оккупировавших значительную часть Украины и готовых возобновить военные действия на Восточном фронте. Сентиментальная приверженность к свободе печати была вполне в духе профессиональных литераторов, высказавшихся на страницах «Слову — свобода», однако при всей их литературной значимости, никакого политического положения они не занимали, и большевики могли позволить себе проявить терпимость к их слабому протесту. Некоторые из них — например, Бунин — так и не примирились с большевиками и покинули страну. Другие были слишком стары, чтобы продолжать противодействие власти предрешающим. Немногие — как например, Эренбург и Алексей Толстой, — позднее уехали в Европу, чтобы вернуться, когда большевики установили более жесткую цензуру, чем та, против которой они протестовали в декабре 1917 года.

В ту зиму Эренбург продолжал в своей поэзии клеймить революцию. В начале 1918 г. в Москве появился его примечательнейший сборник стихов «Молитва о России» — вещественное подтверждение краткосрочной терпимости нового режима к свободе литературного и политического слова. В этих стихотворениях Эренбург выразил свое отчаяние, неоднократно представляя Россию в образе женщины, лежащей неприкрытой, даже обнаженной, к которой, глядя и издеваясь над ней, пристают насильники-мужчины.

В длинном, сбивчивом стихотворении «Судный день» Эренбург прослеживает, как прогрессирует вызванный революцией хаос, высказываясь по поводу трех судьбоносных событий 1917 года: отречения царя и образования Временного правительства, попытки Ленина взять власть в июле и успешного переворота, совершенного большевиками в октябре. Из всех стихотворений этого периода «Судный день» — самое откровенное изобличение большевиков. Россия предстает в образе умирающей матери, а кульминацией является совершаемое над ней насилие, метафорическое выражение революции.

В последний час
Бедные куцые девушки

В огромных шинелях,
Когда все предали,
Умереть за нее хотели —
За Россию.
Кричала толпа:
«Распни ее!»
Уже матросы взбегали по лестницам <...>
«Эй, тащи девуку! Разложим бедненькую!
На всех хватит! Черт с тобой!»
«Это будет последний
И решительный бой».
.....
Детям скажете: «Осенью
Тысяча девятьсот семнадцатого года
Мы ее распяли!»³

Женский батальон действительно оказался последней линией обороны перед Зимним дворцом — известный эпизод, увековеченный в фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь». В стихотворении Эренбурга большевики насилуют одну из этих женщин, отмечая свою варварскую победу восклицанием: «Это будет последний и решительный бой», в котором советский читатель моментально признавал строку из «Интернационала», гимна коммунистического движения. Такое могло восприниматься только как выражение крайнего презрения к большевикам и ко всему, за что они стояли.

В статье 1918 года Маяковский отозвался о «Молитве о России»: «Скучная проза, печатанная под стихи», а об Эренбурге: «Из испуганных интеллигентов»⁴. Зато Макс Волошин — друг Эренбурга — написал восторженную статью. Волошин отмечал широкий жизненный диапазон Эренбурга, который делал его поэзию столь убедительной: он был еврей, эмигрант, только что вернувшийся из Франции, экс-большевик; положение человека со стороны обеспечивало его поэзии уравновешенность и свежесть взгляда, который другие писатели, непосредственно оказавшиеся перед крахом России, утратили. Все стихотворения, считал Волошин, строятся вокруг двух идей —

«...идеи Родины и идеи Церкви <...> Никто из русских поэтов не почувствовал с такой глубиной гибели родины, как этот Еврей <...> “Еврей не имеет права писать такие стихи!” — пришлось мне однажды слышать восклицание по поводу этих поэм Эренбурга. И мне оно показалось высшей похвалой его поэзии. Да! — он не имел никакого права писать такие стихи о России, но он взял себе это право и осуществил его с такой силой, как никто из тех, кто был

наделен всей полнотой прав. Вот так оно всегда происходит»⁵.

Эренбург вскоре отрекся от этих стихотворений и в последующие годы старался обходить молчанием то, как в свое время откликнулся на победу большевиков. Вскоре по возвращении в Европу, в 1921 году, он забраковал «Молитву о России» как произведение «художественно слабое и идеологически бессильное»⁶. В тридцатые годы Эренбург оказался под куда более сильным давлением, и ему пришлось прояснить свое отношение к Октябрьской революции — как из-за господствующей при Сталине обстановки, так и потому, что стал теперь парижским корреспондентом газеты «Известия». Его стихи и прочие писания все еще тяготели над ним. В «Большой советской энциклопедии» 1934 года издания значилось, что Эренбург «революцию 1917 года встретил как антибольшевик»⁷.

В «Книге для взрослых» (1936) Эренбург предпринял первую попытку оправдать свою реакцию на Октябрьскую революцию.

«Я по-своему видел революцию: я ждал улыбок и счастья. Я хотел свободы для каждого <...> В октябрьские дни я поверил, что у меня отнимают родину. Я вырос с понятием свободы, которые достались мне от прошлого века <...> Я писал стихи: “Молитву о России” <...>, испуганно клялся тем Богом, в которого никогда не верил, и оплакивал тот мир, который никогда не был моим»⁸.

Используя неопределенный, поэтический язык, Эренбург, по сути дела, ссылается на смятенность своих чувств: он, де, всегда стоял за бедных и, когда большевики взяли власть, оставался таким же сентиментальным и не сумел понять необходимость их методов. И объяснения его были искренними: он нападал на революцию во имя русского православия и старого режима, который посадил его в тюрьму и изгнал из страны. Однако, судя по страстным обвинениям в «Молитве о России», Эренбург не был в столь сильном смятении, как пожелал допустить. Его объяснения, надо полагать, оказались приемлемыми, поскольку Сталин не счел нужным дать приказ об его аресте. Впрочем, Сталин предпочитал людей с замаранным политическим прошлым тем, чья партийная биография была без единого пятнышка. Так его главный прокурор, Андрей Вышинский, весьма помогший в проведении печально знаменитых показательных процессов 30-х годов, начинал как меньшевик и в 1917 году даже распространял в Москве приказ об аресте Ленина. Прошлое Вышинского с тем большей вероятностью делало его послушным слугой; Сталин ожидал от Эренбурга того же.

После Октябрьской революции Эренбург хотел уехать из России: «Я усиленно помышляю о загранице, — писал он Волошину в начале 1918 года, — как только будет возможность, уеду. Делаю

это, чтоб спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить <...> Очень хочется работать — здесь это никак нельзя»⁹. Но несмотря на эти порывы и антибольшевистские настроения, Эренбург остался в Москве. После многих лет жизни в изгнании он не нашел в себе сил снова покинуть Россию, к тому же подружился с несколькими ведущими поэтами, в том числе с Борисом Пастернаком и Владимиром Маяковским, с которыми — как с тем, так и с другим — стал часто встречаться. Иногда они часами читали друг другу стихи и проводили много времени в «Кафе поэтов», где писатели выступали перед публикой, получая за это грошовую плату.

Литературная репутация Эренбурга росла. В дневниковой записи за 31-е января 1918 года Александр Блок отмечал отношение молодежи: «Сначала было 3 Б. (Бальмонт, Брюсов, Блок); показались пресными, — Маяковский, и он пресный, — Эренбург (он ярче всех издается над собой; и потому скоро все мы будем любить только Эренбурга).»¹⁰

Жизнь в Москве, однако, была нелегкой. «Все жили тогда в тревоге»¹¹. Эренбург снимал комнату у одного московского профессора, зарабатывая на скудное существование чтением стихов в кафе и писанием очерков о Париже. Не колеблясь, писал и о политике. Партия эсеров еще не была запрещена и выпускала свои газеты — «Власть народа» и «Новости дня». Эренбург сотрудничал в них, всю весну печатая там статьи, в которых изъяслял свои взгляды не менее решительно, чем делал это в стихах. Используя прежние встречи с большевистскими вождями в Париже, он теперь ругал их в Москве, часто не стесняясь в выражениях. Ленин был «приземистый лысый человек», похожий на «добродушного бюргера». Его присные, Каменев и Зиновьев, «первосвященники», которые «молились на бога Ленина», и все большевики, по Эренбургу, только и делали, что ругались по поводу малозначительных пунктов в партийной догме.

Мало того, что Эренбург вспоминал, какой ненавистью большевики пылали друг к другу в Париже, он клеймил их пророческими словами:

«Судьба России от века быть порабощенной чужеземцами. Вы ждете теперь варягов, но разве не варяги прибыли к нам теперь в plombированных вагонах. Властвуют люди, духом чужие России, не знающие и не любящие ее. Пришли, уйдут, будут снова в накуранных кафе исключать друг друга — “троцкистов”, “бухаринцев”, самих себя. Пришли, уйдут, останешься ты, Россия, униженная, опозоренная этой милой семейкой»¹².

Написанные Эренбургом весной 1918 года в Москве, эти его

строки оказались лишь частично верны. Хотя большевики не возвратились в парижские кафе, они продолжали поносить друг друга в самом Кремле в тех же самых выражениях, какие Эренбург слышал раньше на Монпарнасе.

Как совершенно ясно из стихов и статей Эренбурга, у него не было иллюзий относительно намерений большевиков. Он узнавал их ненависть и понимал, что эта ненависть, так легко изливавшаяся по поводу незначительных идеологических разногласий, вот-вот захлестнет всю страну. И все же, для произведений Эренбурга, какими провидческими они ни кажутся, характерны скорее гнев и инстинктивное понимание большевистских методов, а не систематический анализ политики революции.

Эренбург был не единственным известным литератором, обрушившимся на большевиков. Максим Горький, знавший Ленина гораздо ближе, чем Эренбург, в ряде статей 1917—1918 года высказал свое убеждение, что Ленин — опасный фанатик. В те годы Горький достиг вершины своего значительного публицистического дара. Он непрестанно восставал против арестов и расстрелов, пытаясь поднять общественное мнение на защиту свободы слова и демонстраций. В июле 1918 года выпускаемую им газету «Новая жизнь» по указанию Ленина навсегда закрыли. Как и Эренбург, тремя годами позже, Горький покинул Россию и не возвращался в нее почти десять лет, пока не стал приверженцем сталинского режима. Статьи Горького против Ленина и большевиков долгое время — пока Горбачев не дозволил честнее подходить к советской истории — находились под запретом и в официальных биографиях Горького никогда не упоминались¹³.

То, что в Москве 1918 года крупные писатели могли открыто порицать большевиков, свидетельствовало о переменчивости политических течений. Художникам и писателям не возбранялось экспериментировать. В книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург подчеркивал, что тогда в Москве он и его друзья пользовались творческой свободой. Поэты-футуристы — Маяковский и Давид Бурлюк — расклеивали на зданиях «декреты», в которых извещалось, что «отныне <...> отменяется проживание искусства в кладовых, сараях человеческого гения — дворцах, галереях, салонах, библиотеках, театрах», каковые надлежало закрыть, а искусство сделать доступным каждому¹⁴.

Эренбурга несколько не удивляло, что сторонники авангарда поддерживали революцию, тогда как художники и писатели, приверженные традиционному искусству, бежали в Европу. «Остались футуристы, кубисты, супрематисты, — отмечал Эренбург в своих

мемуарах. — Подобно их западным единомышленникам, довоенным завсегдатаям «Ротонды», они ненавидели буржуазное общество и в революции видели выход.»¹⁵ Позднее эта связь между революционной политикой и экспериментальным искусством будет уничтожена Сталиным. Одной из задач, которые ставил себе Эренбург, когда писал свои мемуары, было восстановить репутацию этих советских художников, чье новаторское творчество успешно развивалось вплоть до середины двадцатых годов.

ЕВРЕЙ НА УКРАИНЕ

Осенью 1918 года до Эренбурга дошло известие, что его мать, жившая тогда в украинском городе Полтаве, тяжело больна. Он ринулся туда, но по приезде узнал, что она 13 октября скончалась: он опоздал на три дня. Анну Эренбург похоронили в Полтаве, на ее могильном памятнике — две надписи: на древнееврейском и на русском. В своих мемуарах Эренбург, говоря о смерти матери, роняет несколько невнятных слов об отце: «Я пробыл с ним две или три недели: об этом можно было бы многое рассказать, можно и промолчать»¹⁶. Эренбург предпочел промолчать. Однако память о матери всегда хранил как самое дорогое, особенно во время войны, когда она стала для него символом обреченных беспомощных евреев, беспощадно уничтожаемых гитлеровскими нацистами.

При чтении мемуаров Эренбурга создается впечатление, что о болезни матери он узнал, когда находился в Москве, откуда поспешно выехал к ней на Украину. На самом деле он еще в сентябре, боясь ареста, бежал из Москвы в Киев — факт, который в 60-х годах по политическим мотивам считал неудобным для себя разглашать. В течение лета 1918 года политическая ситуация в стране становилась все сложнее и опаснее. В июне отдельные члены партии эсеров захватили власть в некоторых провинциальных городах и угрожали Ленину переворотом. Их восстание, которое было большевиками подавлено, повлекло за собой массовые казни. Эсеровские газеты в Москве были закрыты, и это лишило Эренбурга его главного форума для печатных выступлений. В том же июне по приказу Ленина были расстреляны царь Николай II, его семья и домочадцы. Их содержали в Екатеринбурге, городе на Урале, к которому подходили силы Белой армии, также сражавшейся с большевиками за власть над страной. Ленин хотел иметь полную уверенность, что царя не спасут и что Россия, подобно Англии и Франции, избавится от монарха таким путем, который раз и навсегда

сделает возвращение старого режима невозможным.

Последнее пугающее событие произошло 30 августа. Некая психически неуравновешенная женщина, Фанни Каплан, совершила террористический акт против Ленина: она дважды выстрелила ему в грудь. Ленин остался жив. Фанни Каплан была расстреляна без суда и следствия. Большевики воспользовались этим инцидентом, чтобы усилить террор, расправиться со своими врагами, особенно с эсерами, уничтожив при этом сотни людей в одной только Москве.

Вот при каких обстоятельствах Эренбург, опасаясь за свою жизнь, бежал из Москвы на Украину. Его стихи и статьи в эсеровской печати уже наложили на него клеймо, а после выстрелов в Ленина он не был уверен, не захлестнет ли его широко раскинутая большевиками сеть. Своими страхами он поделился с Максом Волошиным, которому в письме от 30 октября писал: «В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики меня брали заложником. Путь кошмарный, но кое-как доехал я. Вскоре за мною поехали на Украину родители. Мама в пути заболела воспалением легких и, приехав в Полтаву, умерла»¹⁷.

Эренбург по-прежнему был полон решимости уехать из России. В цитированном выше письме к Волошину он писал, что намерен «пробираться в Швейцарию». Жизнь в Москве превратилась в нечто неописуемое: «Это наваждение, но более реальное, чем когда-либо существовавшая реальность. Я, кажется, совершенно опустошен и храню больше мысли и страсти по инерции». Смерть матери усугубила отчаяние, которое охватывало его при мысли о судьбе России. «На самом деле душа полна лишь отрицательным, и разрушение всего налицо. Что делать дальше — не знаю <...> Здесь мерзко и порой грущу даже о Москве последних дней». Однако уехать в тот момент Эренбургу не хватило духу. Вместо Швейцарии он очутился в Киеве.

Эренбург выбрал «скверное время» для приезда в Киев. Несколько армий боролись за власть над Украиной, включая украинских националистов, белых, желавших восстановить монархию, и отряды Красной армии. Немецкие оккупационные войска все еще находились в городе. В качестве правителя всего региона выступал некий украинский офицер — Павел Скоропадский; держался он на немецких штыках и, когда в декабре немцы отбыли восвояси, последовал за ними в Берлин. Их место заняли другие захватчики. За год, что Эренбург пробыл в Киеве, сменилось четыре разных режима. «Менялись правительства, порядки, флаги, даже вывески, — вспоминал он позднее. — Город был полем гражданской войны: громили, убивали, расстреливали»¹⁸. Со всей страны в Киев стека-

лись беженцы, чтобы, перекочевав в Одессу, плыть оттуда в Европу и добираться до Берлина или Парижа. Но Эренбург оставался в Киеве. Это был город, где он родился, и хотя с 1895 года там не жил, всегда думал о нем как о своем доме.

Как всегда, Эренбург выступал с чтением стихов и лекций. В январе 1919 года он и писатель Андрей Соболев ездили несколько недель — как вспоминал Соболев — «Ради хлебных злаков поездки по городам Украины. Эренбург читает стихи, я — рассказы. В Бердичеве в первом ряду сидит поп (на афишах “Молитва о России”)¹⁹.

Явная ирония состоит здесь в том, что послушать Эренбурга и Соболева, двух евреев, явился православный батюшка, чье внимание привлекли стихи Эренбурга: он решил, что вечер в Бердичеве будет посвящен чтению молитв.

Судьба Андрея Соболева была трагической. В 1921 году в Одессе его арестовали большевики, однако позднее он добрался до Москвы. Получив в следующем году разрешение на поездку в Берлин, он вернулся в Россию, где опубликовал ряд заявлений, которые звучали отречением от его прежних антибольшевистских настроений. А в 1926 году он покончил с собой. Эренбург оказался более жизнестойким и более гибким.

В Киеве присущий Эренбургу талант заводить знакомства с необыкновенными людьми отнюдь не иссяк. Дружба с Осипом Манделштамом началась в Киеве, где они часто встречались в Литературно-артистическом клубе, собиравшем художественную братию в подвале дома, где находился Союз писателей. Клуб носил забавное название «Хлам» — аббревиатура по начальным буквам слов «художники, литераторы, актеры, музыканты». Членами «Хлама» было немало знаменитостей, сыгравших видную роль в истории советской литературы. Кроме Эренбурга и Манделштама в «Хлам» входили еврейский поэт Перец Маркиш, живописец и театральный художник Александр Тышлер и переводчик Валентин Стенич, позднее познакомивший русских читателей с Джеймсом Джойсом и Джоном Дос Пассосом. С Маркишем и Тышлером Эренбург дружил и потом. Тогда же он познакомился со своей дальней родственницей Любовью Михайловной Козинцевой, учившейся в художественной школе у знаменитой художницы-декоратора Александры Экстер. Одной из соучениц Любы Козинцевой была Надежда Хазина. В 1919 году Эренбург женился на Любви Михайловне Козинцевой, а тремя годами позже Надежда Хазина стала Надеждой Манделштам.

Любовь Михайловна, образованная и привлекательная девушка, была на восемь лет младше Эренбурга. Как-то он признался другу,

что влюбился в Любу с первого взгляда, когда увидел ее гуляющей по улице с собакой²⁰. 13(26) августа они зарегистрировались вопреки возражениям родителей Любы, которые не принимали Эренбурга всерьез и пытались расстроить этот брак, настаивая на религиозном обряде. Однако Эренбург согласился. У него не было приличного костюма, и во время венчания ему пришлось шепотом попросить у Любови Михайловны булавку — закрепить спадающие штаны.

Их брак с самого начала отличался от общепринятого. Первое время они вообще жили врозь: Эренбург оставался у себя, а Любовь Михайловна продолжала жить с родителями. Привычки богемного поэта плохо сочетались с семейной жизнью, к тому же Эренбург никогда не был моногамен, даже когда бывал сильно влюблен.

К моменту венчания с Любовью Козинцевой Эренбург уже несколько месяцев был связан с другой женщиной — студенткой Ядвигой Sommer. Ядвига, происходившая из польской семьи, жившей в Киеве, училась в Педагогическом институте. Будущая учительница, любя серьезную литературу, не прошла мимо стихов и очерков Эренбурга и, когда весной 1919 года узнала, что им только что открыта студия для молодых поэтов, немедленно в нее записалась. Ее первое впечатление от Эренбурга похоже на то, какое он производил на всех, с кем общался в те годы. «Одежда на нем сидела мешковато. Волосы были взъерошены», — вспоминала в своих мемуарах Ядвига. Однажды когда закончилось вечернее занятие Ядвига «выходила последняя», и Эренбург «вежливо осведомился, в какую сторону я иду». Они ушли вместе. «Народу было мало. Время было весеннее; недавно прошел дождь, улицы блестели», дышалось легко. Я была в берете и черной суконной накидке. Мы заговорили о любимых поэтах и сразу нашли общий язык <...> И. Г. вел меня под руку, проводил до общежития, поцеловал руку», — вспоминала Ядвига Sommer полвека спустя²¹.

Эренбург в своих мемуарах вспоминал о ней с такой же теплотой: «Тоненькая смуглая Ядвига, похожая на героиню итальянских неореалистических фильмов...»²²

Вскоре их отношения приобрели интимный характер и оставались такими даже после того, как Эренбург объявил, что женится на другой. Ядвиге эта новость потрясла, в особенности желание Эренбурга представить ее своей будущей жене: «Я не думала, во что выльются наши отношения, не строила никаких иллюзий <...> И. Г., вероятно, боялся моей реакции и с опаской на меня поглядывал, но я сидела, как замороженная...»²³

Несколько дней спустя Эренбург привел Любовь Михайловну в

студию, где между нею и Ядвигой состоялся краткий вежливый, но во всех отношениях беспредметный разговор. Видимо, Эренбург устраивал Любови Михайловне экзамен. С самого начала их брака он был беспощадно откровенен с ней, каковым и оставался все сорок восемь лет их совместной жизни. Знакома Любовь Михайловну с Ядвигой, он желал удостовериться, что его будущая жена понимает, на каких условиях он вступает с нею в брак. Хотя он искренне любил ее и был ею увлечен, верности ей он не обещал; ей придется принимать и другие его сердечные привязанности, его многочисленные любовные связи. У них не было детей, о чем Эренбург сожалел, но он всегда опекал Любовь Михайловну. Когда в мае 1921 года он вернулся в Париж, он представил ее Диего Ривере, который вскоре начал за ней ухаживать. Эренбург умно ее сдерживал. Каждое утро он «писал сатирические стихи о влюбленном художнике и о ней»²⁴. И Любовь Михайловна осталась с ним, тем более, что они поселились в Париже, где, как жена преуспевающего литератора, она могла жить по европейским стандартам, которые весьма отличались от куда более жестких условий русской жизни.

В Киеве Осип Мандельштам помог Эренбургу устроиться на работу в созданном при большевиках (их власть установилась в Киеве весной 1919 г.) Отделе социального обеспечения, где Мандельштам уже работал. Эренбургу поручили вести эстетическим воспитанием несовершеннолетних преступников — неподходящая для него должность, но в те годы люди, чтобы выжить, брались за любого рода работу. А большевики, возможно, предпочитали евреев, полагая, что они скорее сочувствуют революции. Огромная еврейская община Киева куда больше натерпелась от украинских самостийников и белых, чем от большевиков, когда те взяли власть в городе.

К своей работе Эренбург отнесся всерьез. Посещая исправительные заведения, сиротские приюты и бывшие гостиницы, где размещали беспризорников, он познавал условия жизни в Киеве из первых рук. В отделе обсуждались планы организации детских хоров, театральных постановок и «опытно-показательной колонии» для малолетних правонарушителей. После того, как Ядвига закончила институт, ей, как и большинству ее однокурсников, предложили занять учительские вакансии в городах и селах по всей Украине. Но Эренбург настоял, чтобы она осталась в Киеве, где подыскал ей работу в своем отделе, поручив организацию театральных постановок в школах и приютах. Сам он, обследовав исправительные заведения, пришел к выводу, что их обитатели прежде всего нуждаются в пище, одежде и надежной среде обитания, чтобы де-

вочки не промышляли проституцией, а мальчишки не убегали в банды и отряды, действовавшие в деревнях и селах Украины. Как вспоминала одна из сотрудниц Эренбурга, «благодаря его настойчивости и отзывчивости в Киеве многое было налажено для медицинского обслуживания и общего улучшения быта сотен несчастных сирот и полусирот военного времени»²⁵.

Вот каким запомнился Эренбург Надежде Мандельштам: «В наш дружеский табунок постепенно просачивались гости с севера. Одним из первых появился Эренбург. Он на все смотрел как бы со стороны — что ему оставалось делать после «Молитвы о России»? — и прятался в ироническое всепонимание. Он уже успел сообразить, что ирония — единственное оружие беззащитных»²⁶.

Хотя до осени 1919 года власть в Киеве оставалась в руках большевиков, белые при любой возможности обстреливали город, ничем не оправданное насилие происходило на каждом шагу. Даже самые чуткие люди равнодушно взирали на жестокости и смерти. Впоследствии Надежда Мандельштам вспоминала, как Эренбург резким словом заставил ее осознать эту черствость в себе и настаивал на ум:

«Антропофагская психика распространялась, как зараза. Я на себе испытала легкий приступ этой болезни, но на меня нашелся умелый врач. В Киеве в мастерской Экстер какой-то заезжий гость <...> прочел частушки Маяковского о том, как топят в Мойке офицеров. Бодрые стишки подействовали, и я рассмеялась. За это на меня неистово набросился Эренбург. Он так честил меня, что я до сих пор чту его за этот разнос, а себя за то, что я, вздорная тогда девчонка, сумела смиренно выслушать и на всю жизнь запомнить урок»²⁷.

Большевики удержались в Киеве до сентября, когда армия генерала Антона Деникина завладела большей частью Украины. В прошлом офицер императорской армии, Деникин после ленинского переворота стал признанным вождем контрреволюционных белых сил и серьезной угрозой большевикам. Сражения за Киев продолжались, и в октябре большевики, предприняв контрнаступление, возвратили себе его на два дня, после чего деникинские войска их снова вытеснили. Эренбург жил в городе, который переходил из рук в руки. Полгода существования при большевиках укрепили его в неприязни к ним, и поначалу он приветствовал победу деникинцев, «встретив белых с надеждой»²⁸. За сентябрь-октябрь 1919 года, пока белые удерживали Киев, Эренбург опубликовал в газете «Киевская жизнь» шестнадцать статей, в которых излил свое неприятие Ленина и всего дела большевиков.

«Весной семнадцатого года были флаги, песни и праздничные улыбки. Наивная дева Россия <...> верила в прекрасного жениха, в ночь любви, в чудо преображения. Вместо жениха пришел Ленин, и в девичьей горнице началась попойка. Били, ломали, резали друг друга. Чужестранцы пробовали утихомирить, одни сами спились, другие брезгливо махнули рукой <....>

Магазины пусты, пусты наши головы. Мы не только босы и голодны, мы невежественны и мертвы <...> Мы дали Европе Достоевского и Толстого, Менделеева и Мечникова, Мусоргского и Иванова. Теперь у нас ничего нет — ни хлеба, ни книг, ни мыслей. По пустому дому бродит смерть.»²⁹

В октябре большевики на пару дней изгнали белых, но тут же вынуждены были отступить. Эренбург оказался свидетелем исхода киевлян, пытавшихся спастись от насилия. Сам он тоже вместе с Любовью Михайловной и Ядвигой Соммер бежал от большевиков, решив держать путь на Харьков, где тогда жил его отец. Целый день они шли вместе с толпой беженцев и поздно вечером добрались до Святошина (городка, ближайшего к Киеву), где заночевали в пустом вагоне, лежа в проходе между скамьями вповалку с другими. На следующее утро стало известно, что белые отбили Киев у большевиков. Измученные и обессиленные, Эренбург, Любовь Михайловна и Ядвига двинулись обратно в Киев.

Через несколько дней Эренбург опубликовал в «Киевской жизни» статью «Исход», одну из откровеннейших и поразительнейших за всю свою карьеру. Вряд ли найдется второй пример столь неприкрытой ненависти к большевикам, высказанной известным советским деятелем, не говоря уже о том, что она прозвучала из уст Эренбурга, позднее так процветавшего при Советах.

«...Большевики не политические враги, но насильники и завоеватели. Первое октября — не смена вех, но разбойный набег, исход горожан, и пленение тех, кто уйти не смог <...>

Снова смерть, разрушения, дикая злоба <...> Все равно — будем снова строить. От большевизма мы ушли, мы из него вышли, и никакая сила не заставит нас снова жить от декрета до декрета.»³⁰

Однако пылкая любовь Эренбурга к белым продолжалась недолго. Невзирая на острую неприязнь к большевикам, он быстро понял, что при Деникине подвергается неизмеримо большей опасности. Взяв власть, деникинцы тут же учинили погром в еврейских кварталах города, грабя лавки, насилюя женщин и убивая десятки людей. «У меня губы семита и подозрительная фамилия, — отмечал несколькими годами позже Эренбург. — При этих данных я мог в любой момент закончить свой земной путь.»³¹ Он презирал логику

реакционного антисемитизма. «Теперь еще многие верят, — писал в сентябре 1919 года Эренбург, — что еврейская кровь может помочь от чумной заразы большевизма. Я говорю не о торговке, которая сидит на углу моей улицы. Эта настолько крепко уверена, что на днях, когда собака опрокинула ее корзинку с пирожками, воскликнула: «Пока всех жидов не перебьют — не будет порядка». <...> Если бы еврейская кровь лечила — Россия была бы теперь цветущей страной. Но кровь не лечит, она только заражает воздух злобой и раздором.»³²

Эренбург не забыл ужаса тех дней. Девять лет спустя в рассказе «Старый скорняк» он вновь вспоминал чувство неизбежного страха, охватившего еврейские районы Киева: «А люди?.. Люди кричали <...> Крик одного подхватывается всеми, он заражает квартиру, этаж, и вот уже не человек кричит, кричит дом.»³³ Реакционная пресса Киева поспешила оправдать избиение евреев. В газетах фабриковались истории о том, как по таким-то адресам евреи, по слухам, стреляли в деникинцев или шпионили за их передвижением в пользу большевиков. Значительную роль в организации погрома сыграл известный антисемит Василий Шульгин, выступавший главным апологетом дела Деникина. Шульгин издавал влиятельную монархистскую газету «Киевлянин», где выступил со статьей «Пытка страхом», в которой заявлял, что евреи сами виноваты в своих бедах и страданиях.

«Поймут ли они [евреи — Дж. Р.], что значит разрушать государства, не ими созданные? Поймут ли они, что значит добывать равноправие какой угодно ценой? Поймут ли они, что значит по рецепту “великого учителя” Карла Маркса натравливать класс на класс? <...> Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посыпая пеплом главу, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?»³⁴

Отдельные евреи действительно играли исключительно важную роль в революционных партиях. Реакционеры вроде Шульгина воспользовались этим фактом, чтобы эксплуатировать антисемитские чувства, присущие некоторым слоям населения в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, — стратегия, применяемая и по сей день. Эренбург был среди тех, кто дал отпор Шульгину. «Есть и такие, — писал он в «Киевской жизни», рассказывая, какой страх испытал он сам и его братья по крови, — что не помышляют ни о Сионе, ни об Интернационале, но только о шапке-невидимке, которая спасла бы их от шального взгляда разгневанного прохожего.» Эренбург не мог убить в себе любовь к России. «Я хочу обратиться к тем евреям, — продолжал он в той же статье, — у которых, как у

меня, нет другой родины, кроме России, которые все хорошее и плохое получили от нее.» И несколькими абзацами выше: «...можно молиться и плакать, но разлюбить нельзя. Нельзя отречься даже от озверевшего народа, который убивает офицеров, грабит усадьбы и предает свою отчизну.»³⁵

Русский патриотизм Эренбурга вызвал негодование у многих евреев, заклеивших это его чувство как «рабское», унижительное. «Мы слышали проклятия русскому народу за “плетку” и “сапог” от Герцена и Чаадаева, — писал один из них. — И вдруг благословение, приятие, оправдание плетки от еврея, поэта Эренбурга <...> В эти дни еврей Эренбург забывает обо всем на свете, кроме любви к России, любви во что бы то ни стало...»³⁶ Не в силах разрядить напряженность между своей принадлежностью к еврейству и преданностью России, Эренбург искал пути сохранить верность обоим. Для него преследование евреев выступало в широком контексте крушения России; спасется Россия, считал он, и евреи избавятся от страданий. Но Россия приводила Эренбурга в отчаяние. Да, он встретил Деникина с надеждой, но погромы ненавидел, и в своих статьях почти в открытую — с немалым для себя риском — осуждал белых, видевших в избиении евреев средство спасти Россию. Подобные идеи ставили жизнь Эренбурга под угрозу. Как-то в «Киевскую жизнь» заявили несколько деникинских офицеров, которые искали Эренбурга. Но наборщики не выдали его, спрятав под лестницей, а офицерам сказали, что он еще не приходил³⁷.

Не желая дожидаться возвращения большевиков, но и не уверенный, что уцелеет при деникинцах, Эренбург, оказавшийся между двумя огнями, решил покинуть Киев и перебраться в Крым, где у его друга, Макса Волошина, был в Коктебеле собственный дом. В конце октября Эренбург предпринял необходимые приготовления для путешествия небольшой группы, включавшей, помимо его жены, Ядвигу Соммер, Осипа Мандельштама с братом Александром и художника Исаака Рабиновича.

Эренбург не мыслил отъезда без Ядвиги. Но после его женитьбы, состоявшейся в августе, Ядвига старалась с ним порвать — не являлась на условленные встречи или сводила их к минимуму. Эренбург, напротив, несмотря на женитьбу, демонстрировал преданность и просил ее быть ему по-прежнему верной. Он убеждал Ядвигу, что работу она найдет повсюду, куда бы ни попала, — «в белогвардейском Крыму так же, как в белогвардейском Киеве.»³⁸ Что касается Любви Михайловны, то отношения между ней и Ядвигой, по понятной причине, были «холодными и отчужденными, но вполне корректными. А ведь она [Люба — Дж. Р.] могла, имела право тре-

бовать, чтобы наше трио было ликвидировано», — впоследствии писала Ядвига³⁹. Но Любовь Михайловна на неверность Эренбурга закрывала глаза — как, впрочем, делала это на протяжении всей их последующей долгой совместной жизни.

Киевская схватка со смертью не была у Эренбурга за гражданскую войну последней. На пути в Крым его ждало не меньше опасностей, чем во время погрома в Киеве. До Харькова поезд тащился неделю — в нормальных условиях поездка занимала десять часов. Белые офицеры и казаки то и дело останавливали поезд: выискивали комиссаров и евреев. На одной из таких остановок в теплушку ворвались трое казаков с криком: «Жида, выходи!». Никто не двинулся с места. Казаки схватили друга Эренбурга, художника Исаака Рабиновича — у него была семитская внешность — и выбросили его из поезда. Затем принялись проверять документы; проверка шла медленно: только один из казаков умел читать. Эренбург оцепенел от ужаса. «Он стоял, держа в руках документы, дожидаясь своей очереди», — вспоминала Ядвига Соммер³⁹. В конце концов, выяснилось, что казаки, желая ехать этим поездом, просто освобождали себе место. Им немедленно очистили часть теплушки, и Исааку Рабиновичу разрешили вернуться. На этот раз, по крайней мере, казаки никого не собирались расстреливать.

Эренбург и Любовь Михайловна задержались в Харькове на три недели, их спутники двинулись дальше на юг — до Ростова. В Харькове Эренбург навестил отца. В годы, предшествовавшие революции, Григорий Григорьевич стал в Москве маклером по продаже недвижимости; с его участием состоялась последняя перепродажа гостиницы «Метрополь», которая потом была реквизирована революционным правительством. О дальнейшей судьбе отца Эренбурга мало что известно, разве только дата смерти — он умер в Харькове 26 марта 1921 года. Сын о нем почти забыл. Во время пребывания в Харькове Илья Эренбург продолжал писать, посылая очерки в «Киевскую жизнь», читал лекции об искусстве и поэзии, даже пытался поставить пьесу. В конце ноября он вместе с Любовью Михайловной выехал из Харькова в Ростов, где их дожидались друзья. В Ростове Эренбург так же, как и в Киеве, выступал против большевиков и писал о них с такой яростью, что редактор местной газеты счел необходимым «смягчить [его] кровавый ура-патриотизм»⁴⁰. Из Ростова Эренбурги, Ядвига и братья Мандельштамы доехали поездом до Мариуполя, а оттуда пароходом через Азовское море и Черное море добрались до Феодосии. «Мы ехали добрый (нет, недобрый) месяц, зарывались в темные углы теплушек, валялись в трюме пароходов, среди больных сыпняком, которые бреди-

ли и умирали, лежали густо обсыпанные вшами. Снова и снова раздавался монотонный крик: «А кто здесь пархатый?»⁴¹

На пароходе, плывшем из Мариуполя в Феодосию, на Эренбурга напал пьяный казак, угрожая «крестить» его в море. Они боролись на палубе и неминуемо, как считал Эренбург, оказались бы в ледяной воде; но Ядвига, услышавшая крики Эренбурга о помощи, подняла на ноги белого офицера, еврея, который выскочил из кубрика, размахивая револьвером, и спас Эренбурга от гибели.

Илья Лазаревич — двоюродный брат Эренбурга — оказался не столь удачлив. После февральской революции он также вернулся из Европы в Россию. До 1918 года жил в Киеве, где ему, художнику, нашлась работа: он преподавал, писал декорации и создавал театральные костюмы. Будучи активным меньшевиком, он, тем не менее, в июле 1919 г. пошел в Красную армию. «Наша партия мобилизована, — писал он жене в Женеву, — даже несмотря на то, что наш Центральный Комитет сидит в тюрьме»⁴². Более года о нем ничего не было известно и семья считала его погибшим; хотя какое-то время он жил в Александровске (ныне Запорожье), городе на юге Украины. В августе белые вплотную подошли к Александровску; Илья Лазаревич попал в число эвакуируемых и выехал из города. Однако жить ему оставалось недолго. Поезд окружили казаки. Они знали, что он еврей, допросили его и увели; труп Ильи Лазаревича его товарищи не нашли, живым его больше никто не увидел.

В КРЫМУ

В Коктебеле Эренбург провел девять трудных месяцев. Он прибыл туда в середине зимы — раздетый, голодный и вряд ли с какой-то суммой денег. Приходилось бродить по пляжу, собирая выброшенные морем куски дерева, чтобы топить печурку. Когда однажды он в песке нашел дохлую чайку, она была сварена и съедена. Любовь Михайловна продавала кольца и брошки, которые при отъезде из Киева сунула ей мать. Эренбург продолжал писать, но продать стихи и очерки в Крыму было некому.

Ядвига нашла работу воспитательницы за жилье и стол в Феодосии, в восемнадцати километрах от Коктебеля. Эренбург требовал, чтобы по воскресеньям она приходила в Коктебель, и каждое воскресенье после обеда она шла пешком к дому Волошина, пока Эренбург не придумал способ получше, как им содержать себя.

С помощью Ядвиги он открыл детскую площадку для крестьянских детей, надеясь брать с их родителей плату натурой. Детям

читали рассказы и стихи, репетировали с ними пьесу, занимались лепкой. Коктебельские крестьяне были прижимисты и подозрительны. Точная договоренность отсутствовала, и Эренбург получал за труды когда бутылку молока, когда пяток яиц. Он почти всегда ходил голодный, а его воспитанники, словно дразня его, у него на глазах уплетали пироги и сало. Площадка просуществовала всего несколько месяцев, потому что родители, разжигаемые местным попом, испугались вылепленных детьми фигурок. Такому мог научить только жид и большевик!

Вдобавок к нужде и голоду Любовь Михайловна заболела сыпным тифом. У Эренбурга, страдавшего болезнью сердца, не хватало сил ухаживать за ней. Обязанность сиделки взяла на себя Ядвига: она была моложе и крепче. Долгими ночами она дежурила около лежавшей в полусознании Любви Михайловны, а днем готовила еду. Тогда в Коктебеле еще жили Осип Мандельштам и его брат Александр — Надежда Хазина оставалась в Киеве. Чтобы сделать Любви Михайловне инъекцию, понадобился шприц, и Александр поехал верхом в Феодосию. Эренбург пошел доставать спирт — стерилизовать иглу. Он обратился к родителям своих учеников, но те, обозвав его пьяницей, ему отказали. В одну из ночей у Любви Михайловны пропал пульс; Эренбург, уже ни на что не надеясь, все же заставил впрыснуть ей стрихнин, и это поддержало сердце. Любовь Михайловна справилась с болезнью, но остальных ее сыпняк физически и духовно до крайности истощил. Ядвига впала в депрессию и однажды ночью даже попыталась покончить с собой — бросилась в море; спас ее Волошин, вовремя вытащив на берег.

Крым не оказался тем мирным убежищем, на которое рассчитывал Эренбург. Хотя в начале 1920 года деникинцы были на Украине разбиты, у белых в Крыму оставалась армия под началом Петра Врангеля. Эренбург присутствовал при обыске, учиненном белыми офицерами в доме Волошина. В Феодосии арестовали Мандельштама, обвинив в революционной деятельности. Узнав о его аресте, Эренбург обратился к Волошину с просьбой поехать в Феодосию и вызвать Мандельштама. «Его скоро выпустили, — вспоминал впоследствии Эренбург, — но это было лотереей — могли расстрелять.»⁴³

Постепенно Эренбург начал пересматривать свою оценку происшедшего в стране переворота. Три года он клял революцию в своих стихах и статьях, отвергая ее как катастрофу, единственное значение которой — в принесенных ею огромных разрушениях. Его «страшили бессмысленные жертвы и свирепость расправ», но в Коктебеле он начал рассматривать хаос и насилие в новом свете⁴⁴. Какое-то время он полагал, что белые способны остановить боль-

шевиков и восстановить в стране порядок, но после киевских погромов его вера в правоту их дела рухнула. Он понял, что как альтернатива большевикам они безнадежны, что победы им не одержать и что Россия не станет прежней.

В Коктебеле к Эренбургу и Волошину присоединился Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой. Он сражался на стороне белых (потом он в них разочаровался). Эфрон был непосредственным свидетелем чинимых ими зверств, и его рассказы оказали решающее воздействие на Эренбурга. Пережитое, которым Эфрон делился с коктебельцами, по воспоминаниям Ядвиги Соммер, слушали часами:

«Он [Эфрон — Дж. Р.] сидел с И. Г. возле стола, а мы с Любой в другом конце комнаты расположились на кровати, вытянув ноги и опершись о стену. Эфрон рассказывал несколько часов о белой армии, о страшном ее разложении, о жестоком обращении с пленными красноармейцами, приводил множество фактов <...> Чувствовалось, что все его мировоззрение рушилось, что человек опустошен и не знает, как будет жить дальше.»⁴⁵

Коктебельские разговоры с Осипом Мандельштамом также влияли на образ мыслей Эренбурга. Мандельштам помог ему понять, что революция неизбежно влечет за собой важнейшие перемены. Как писал вскоре после Эренбург:

«Поэты встретили русскую революцию вскриками, кликушескими слезами, плачем, восторженным беснованием, проклятьями. Но Мандельштам — бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды и, проходя мимо участка-комиссариата, переходит на другую сторону — один понял пафос событий. Мужики глаголили, а маленький хлопотун, завсегдатая петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Баха и готики, прославил безумье современности: “Ну что ж! Попробуем огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля!”»⁴⁶

Эренбург меньше всего имел в виду, будто Мандельштам приветствовал Октябрьскую революцию; скорее хотел сказать, что тот разъяснил ему, как бессмысленно обличать революцию неистовыми воплями и истерическими слезами, которыми Эренбург разразился в «Молитве о России». «Самое главное было <...> убедиться, что происходящее не страшный кровавый бунт, не гигантская пугачевщина, — писал Эренбург, оглядываясь на события тех лет в своих мемуарах, — а рождение нового мира с другими понятиями человеческих ценностей.»⁴⁷ Эта перемена в его взглядах выражена в стихотворении «России», написанном тогда в Коктебеле.

«Россия, твой родильный бред они сочли за смертный
<...>
Суровы роды <...>
На темном гноище, омытом кровью нашей,
Рождается иной, великий век.»⁴⁸

А гражданская война продолжалась. Части Красной армии все ближе и ближе подходили к Крыму. И недалек был час их победы над врангелевцами. Эренбургу не хотелось оставаться в Крыму, дожидаясь, когда власть над полуостровом перейдет к Красной армии. Ее части шли с Украины. Кто-нибудь мог вспомнить его статьи против большевиков и пожелать свести с ним счеты. И Эренбург решил податься в Грузию, которая была тогда независимой демократической республикой, где властвовали меньшевики. Оттуда он мог вернуться в Москву.

Две недели, проведенные Эренбургом в сентябре 1920 г. в Тбилиси, вспоминались ему как единственные беззаботные и безмятежные за всю гражданскую войну. Он назвал их «лирическим отступлением»⁴⁹. В Грузии было спокойно, страна процветала. Благодаря Осипу Мандельштаму, приехавшему в Тбилиси несколько ранее, Эренбурга, Любовь Михайловну и Ядвигу Sommer радушно приняли два ведущих грузинских поэта — Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. С Яшвили у Эренбурга произошло мимолетное знакомство в «Ротонде» в 1914 г., но в Тбилиси они встретились как старые друзья. Две недели крымские беженцы кочевали из духана в духан, наслаждались серными банями, восхищались древними храмами и гуляли по тбилисскому базару. Эренбург и Мандельштам выступили с чтением своих стихов.

Непредвиденный отдых закончился, когда из советского посольства дали знать, что переезд в Москву состоится. В своих мемуарах Эренбург обходит молчанием, почему советский посол оказал доверие двум поэтам, несколько месяцев проживших в Крыму при Врангеле; более того, посол поручил Эренбургу отвезти в Москву пакет с почтой и три набитых какими-то материалами тюка под десятью сургучными печатями (материалы оказались старыми газетами), превратив его в дипломатического курьера — самое неправдоподобное из всех случавшихся в его жизни занятий. Из Тбилиси они отправились впятером: Эренбург, Любовь Михайловна, Ядвига и примкнувшие к ним Осип и Александр Мандельштамы. Ехали в переполненном обычном вагоне, который прицепили к бронированному паровозу. По пути на них, как и на Украине, не раз нападали белые. На одном из перегонов они разобрали пути и обстреляли поезд. Мандельштам, у которого сдали нервы, уговаривал

Любовь Михайловну сойти с поезда и, пока опасность не минует, спрятаться в ближайших горах, но ей удалось убедить его остаться в вагоне. Красноармейцы открыли пулеметный огонь, отогнав белых, и путешествие продолжилось. Через восемь дней все целыми и невредимыми прибыли в Москву.

ЛЮБОПЫТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На этом невзгоды не кончились. Эренбург находился в Москве уже две недели, когда 1-го ноября был арестован Чека и посажен в Лубянскую тюрьму. Вызвавший Эренбурга на допрос следователь, вспомнив, что они встречались в «Ротонде», предложил ему доказать, что он не является агентом Врангеля. Никаких свидетельств против Эренбурга у Чека не было. Его друзья принялись за него хлопотать. Любовь Михайловна обратилась к товарищу Эренбурга по гимназии, Николаю Бухарину, который в 1920 году занимал пост главного редактора «Правды» и был одним из самых влиятельных людей в стране. Через четыре дня после допроса Эренбурга выпустили — без сомнения, в результате вмешательства Бухарина.

Сорок лет спустя Эренбург слегка коснулся этого происшествия в своих мемуарах, припомнив моряков, с которыми сидел в одной камере, а потом — после освобождения — повстречал в театре. Он прекрасно знал, что так, как ему, везло немногим. Он знал, как чекисты вели себя в Киеве; по свидетельству Надежды Мандельштам, из их главного управления трупы ежедневно вывозили телегами. Он, надо полагать, порядком боялся, что Чека известно о его деятельности в Киеве, о статьях в поддержку белых, об обвинениях по адресу большевиков. Стихи его вряд ли приняли бы всерьез — «людей в те годы убивали за все, только не за стихи», мимоходом бросил он в «Книге для взрослых» — а вот за такую статью как «Исход», знай о ней Чека, можно было жестоко поплатиться. Даже Бухарин, пожалуй, не смог бы его спасти⁵⁰.

Упомянув об этом случае в своих мемуарах, Эренбург постарался замаскировать охватившие его тогда страхи, однако в рассказе, написанном менее чем год спустя после ареста, он не скрывал своих чувств. «Любопытное происшествие» — история о большевистском руководителе, который решил проинспектировать тюрьму, в которой просидел четыре года при царском режиме. По нелепой случайности из тюрьмы его не выпускают, и он оказывается в одной камере со старым приятелем — меньшевиком. Эта встреча подрывает его большевистские устои. Тюрьма, стража, даже заключен-

ные — все те же, что были. Злом мир не спасешь. Когда ошибка обнаруживается, партийный начальник отказывается покинуть тюрьму, и Чека ничего не остается, как переправить его в лечебницу для душевнобольных, где он каждое утро кричит из окошка: «Ниспровергаю». Рассказ «Любопытное происшествие» не является чисто автобиографическим, но пронизывающая его ирония передает, какие чувства владели Эренбургом во время этого «происшествия»⁵¹.

Из Москвы в Париж еще раз

После освобождения Эренбурга из Лубянки, он и Любовь Михайловна вернулись к своим профессиональным занятиям. Любовь Михайловна была принята в художественное училище, где начала обучение у известного живописца и фотографа Александра Родченко. Эренбург изыскал возможность публично читать стихи. Он выступал в маленьких кафе, а в декабре 1920 года совместно с группой поэтических светил — Андреем Белым, Валерием Брюсовым, Сергеем Есениным и Борисом Пастернаком — принял участие в вечере «Россия в грозе и буре».

Он также продолжал писать о поэзии и поэтах. Между 1919 и 1921 гг. из-под его пера вышло несколько, составивших сборник, кратких очерков о двенадцати лучших поэтах России, среди которых были Анна Ахматова, Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Есенин, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Борис Пастернак и Марина Цветаева. Эти очерки выявляли вкус Эренбурга и умение распознать поэтическое совершенство. Многие поэты, о которых он писал, уже снискали признание, но Цветаева, например, была известна лишь узкому кругу, а Пастернак к 1920 году успел опубликовать лишь считанное число стихов. Тем не менее Эренбург называл его «самым любимым из всех моих братьев по ремеслу». Впоследствии он не раз писал о Пастернаке, но этот первый его отзыв о нем звучит особенно доброжелательно, даже нежно: «Ни одно из его стихотворений не могло быть написано до него. В нем восторг удивления, нагромождение новых чувств, сила первичности.» Хотя лирическую поэзию Эренбург чаще всего не жаловал, в лирике Пастернака он не находил «ничего от осени, заката, прочих милых, но неутешительных вещей. Он [Пастернак — Дж. Р.] показал, что лирика существует, — и может впредь существовать вне вопроса социального антуража.»⁵²

Дружеские связи Эренбурга определялись его литературным призванием. Пастернак жил по соседству и часто по пути заходил к

Эренбургам. Осип Мандельштам уехал в Петроград, но перед отъездом попросил Любовь Михайловну отыскать Надежду Хазину, и в январе 1921 года она сообщила ему новый киевский адрес Нади. В марте Мандельштам отправился в Киев; с тех пор он и Надя уже не разлучались до того дня в конце тридцатых годов, когда Осип Мандельштам был арестован, отправлен в концлагерь, где он умер. Эренбурги оказались непосредственно причастными к их браку, и Любовь Михайловна любила называть себя их «свахой»⁵³.

Эренбург продолжал писать стихи, но поэзия не кормила. К счастью, для него снова нашлась невероятная должность. Встреченный Эренбургом однажды режиссер Всеволод Мейерхольд зачислил его сотрудником театрального отдела Наркомпроса, поставив во главе секции детского театра. В своих мемуарах Эренбург говорит о Мейерхольде как о заведующем театральным отделом; на самом деле он был заместителем заведующего. Как это часто происходит в книге «Люди, годы жизнь», специфические обстоятельства советской историографии вынуждают Эренбурга изменять факты. Отделом заведовала сестра Льва Троцкого — Ольга Каменева; ее муж, Лев Каменев, стал одной из главных жертв сталинских процессов 1936—1937 гг. Тогда же исчезла и Ольга Каменева; она также была расстреляна.

Работа Эренбурга в Наркомпросе сводилась к обыденным делам тех лет. Большую часть времени он проводил, помогая составлять проекты и выколачивая для актеров пайки. Но все это окупалось возможностью тесного общения с Мейерхольдом, одним из самых значительных режиссеров в истории русского театра. Он тоже — в 1940 году — оказался жертвою Сталина. После смерти Сталина Эренбург — как и в случаях Бабеля и Мандельштама — немало содействовал восстановлению места Мейерхольда в истории русской культуры, воздавая ему должное в своих устных и печатных выступлениях.

Месяцы совместной работы с Мейерхольдом живо запомнились Эренбургу. У Мейерхольда был трудный характер: «доброта сочеталась с запальчивостью, сложность духовного мира — с фанатизмом.» Первая их ссора многое проясняет и в том, какие обязанности выполнял в секции Эренбург, и в том, как относились к нему завзятые коммунисты. Однажды какой-то моряк принес весьма посредственную пьесу для детей о революции. Эренбург ее отклонил, но Мейерхольд, прочитав, набросился на Эренбурга, обвиняя в том, что он «против революционной агитации, против Октября в театре». Эренбург, защищаясь, назвал подобное обвинение «демагогией». Мейерхольд пошел дальше — приписал Эренбургу сабо-

таж и готов был его арестовать. Но затем, так же внезапно, остыл. А на следующий день позвонил Эренбургу, чтобы с ним «посоветоваться»; «вчерашней сцены, — вспоминал Эренбург, — будто бы не было.»⁵⁴

Несмотря на работу в Наркомпросе, Эренбург сильно нуждался. Москва, подобно всем регионам, где властвовали большевики, жила при «военном коммунизме». В сельской местности это означало насильственную экспроприацию крупных поместий, изъятие продукции сельского труда у зажиточных крестьян и реквизицию зерна и других сельскохозяйственных продуктов постоянно посылаемыми из города вооруженными отрядами. Финансовые и промышленные предприятия были национализированы, система натурального обмена заменила торговлю. Как и следовало ожидать, результаты были катастрофическими. Коммерция и промышленность перестали существовать. Сельское хозяйство и распределение продуктов питания пришли в полный упадок. Только жестокие реквизиции и повсеместное распространение черного рынка удерживали страну на грани поголовного вымирания от голода.

Стало крайне трудно обеспечивать себя даже самым необходимым. Эренбург жил на паек из Наркомпроса и, когда полностью прохудились его единственные брюки, он мог только кое-как скрывать их дыры под ветхим пальто. Выручил его, совершенно случайно, Бухарин. В своих мемуарах Эренбург описал, как непредвиденно «встретил одного из товарищей по подпольной гимназической организации» — кодовый язык, который он вынужден был употреблять для упоминания Бухарина — и тот дал ему записку к «лорду-мэру Москвы». Этим «лордом-мэром», т. е. председателем Московского совета, был Лев Каменев. Он принял Эренбурга и распорядился его «одеть»⁵⁵.

Об этом многосложном процессе Эренбург поведал с юмором в одном из советских журналов в 1928 г. После встречи с Бухариным он колебался, идти ли ему к Каменеву, совестясь беспокоить столь высокое должностное лицо просьбой о брюках. «Как заявить человеку, занятому международными проблемами, что у меня прохудились штаны?» Но Каменев его успокоил: «Да вам не только костюм нужен, а и зимнее пальто». На следующее утро, спозаранку, Эренбург поспешил в Московское потребительское общество и, к своему удивлению, увидел длинную очередь, тянувшуюся от двери вдоль улицы.

«Записка Каменева была лаконична, возвышенна и абстрактна, как стихи. Она состояла всего из двух слов: “Одеть Эренбурга”. Заведующий меланхолично вздохнул: “У нас, товарищ, мало одеж-

ды. Выбирайте одно из двух: или пальто, или костюм". Да, это был выбор. Никогда в жизни я не испытывал подобного раздвоения! Приблизительно так искушал царя Соломона Бог. Я ответил не сразу, хоть гул очереди меня торопил. После дня, проведенного на морозе, я склонялся к пальто, я уже готов был малодушно сказать: "только потеплее"... Но самолюбие победило, я вспомнил унижения бесчисленных месяцев и твердо ответил: "Брюки". Мне выдали ордер на костюм.»⁵⁶

Это был не последний случай, когда Бухарин ему помог. К началу 1921 года Эренбург был готов выехать за границу. Он задумал роман о довоенных годах и революции, но чувствовал, что в Москве ему его не начать. «Мне казалось, что стоит мне сесть в каком-нибудь парижском кафе, попросить официанта кофе, несколько бутербродов, бумагу — и книга будет написана.» Своим замыслом Эренбург поделился с Бухариным, а некоторое время спустя его вызвали в Наркоминдел, где он изложил свою просьбу о поездке во Францию. Цель поездки — «художественная командировка»⁵⁷. Через несколько дней заместитель председателя Чека, ведавший заграничными поездками, предоставил паспорта Эренбургу и его жене, однако предупредил, что французы вряд ли примут их радушно. В 1921 году Советская Россия не имела дипломатических отношений с большинством европейских стран.

Просьба Эренбурга о поездке за границу пришлось как раз на то время, когда внутренняя политика большевиков начала меняться в сторону большей терпимости. В марте «военный коммунизм» был по настоянию Ленина отменен в пользу новой экономической политики (НЭП). Ленин понял необходимость прореагировать на происходящее в стране резкое падение популярности большевиков и увеличившуюся напряженность, которые наиболее ярко продемонстрировало Кронштадтское восстание, когда руководимые анархистами красные моряки потребовали свержения большевистского правительства. Восстание, вспыхнувшее в начале марта во время X съезда партии, на котором как раз обсуждались и получили одобрение предложения Ленина о новой экономической политике, было безжалостно подавлено. НЭП ознаменовал конец (временный) классовый борьбе на селе, что постепенно привело к значительному увеличению продуктов питания и потребительских товаров в городах.

Всего несколькими месяцами ранее Эренбурга по подозрению, что он врангелевский агент, посадили на Лубянку. Теперь, невероятным поворотом судьбы, большевистский режим даровал ему исключительную привилегию. Эренбурги получили разрешение на выезд в марте 1921 года — за год до того, как такие разрешения

начали получать другие писатели и ученые. Благодаря Бухарину, они были, пожалуй, первыми советскими гражданами, выехавшими из страны с советскими паспортами. Кроме них в 1921 году только Петр Капица, советский физик и будущий лауреат Нобелевской премии, получил паспорт для частной поездки*. С другими деятелями искусства и науки поступали отнюдь не так. Правда, осенью 1921 года в Италию выехал Максим Горький — якобы для лечения, на самом деле в знак протеста против большевистского режима. Паспорт Горькому обеспечила его всемирная слава. К весне 1922 года была установлена определенная процедура, позволявшая писателям ездить за границу. Многие (но не все) ездили и возвращались, некоторых стали принуждать к выезду из страны. Так, в сентябре 1922 года сто двадцать крупных деятелей культуры, включая философа Николая Бердяева, были высланы из страны за враждебность к большевистскому режиму; им не выдали никаких паспортов, лишив их советского гражданства.

Илья Эренбург уезжал, чтобы написать задуманный им роман «Хулио Хуренито». Но главной причиной отъезда, без сомнения, было разочарование в советском строе. Четыре года он терпел голод, болезни, жестокости гражданской войны, тщетно пытаясь найти в нем свое место. И дольше не хотел терпеть такую жизнь. Тем не менее он возобновил советский паспорт: он не хотел потерять Россию, как уже терял ее в 1908 году, когда политические обстоятельства вынудили его бежать из нее. На этот раз он желал быть уверенным, что сможет вернуться. Как он писал, сидя в поезде на Ригу: «Тогда, Москва, забудешь ты / Обиды всех разлук, / Ответишь гулом любящим / На виноватый стук.»⁵⁸ Эренбург намеревался оставаться советским писателем, но при этом сохранить независимость; паспорт и воспоминания о вольной жизни в Париже давали единственное в своем роде решение этой проблемы.

---

* В течение тринадцати лет Капица работал в Англии, проводя научные исследования в Кембридже под руководством Резерфорда. Выехал он молодым, перспективным студентом. Подобно Эренбургу, он сохранял советское подданство, время от времени наезжая в Советский Союз. Однако в отличие от Эренбурга, данное ему разрешение жить и работать за границей было внезапно в 1934 году отменено: после очередного визита в Россию советское правительство не позволило ему вернуться в Англию. Год спустя Кремль ассигновал значительную сумму для покупки в Британии необходимого Капице оборудования для воссоздания его кембриджской лаборатории в Москве.

ХУЛИО ХУРЕНИТО

К 1924 году — через три года после возвращения в Европу — Эренбург занял значительное место в советской литературе. Почти все им написанное либо выходило отдельными изданиями по обе стороны политического водораздела России, либо, опубликованное на Западе, открыто продавалось в Москве при полном невмешательстве правительства. Эти очерки, обзоры и романы, в особенности первый, «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», вызывали яростные споры как среди эмигрантских кругов, так и в самой России, где ортодоксальные критики и правительственные цензоры не обходили вниманием ни одной из его книг.

В 1922 году в Берлине появился сборник «Неправдоподобные истории», два рассказа из которого — «Любопытное происшествие» и «Ускомчел» в советских изданиях неизменно изымались — несомненно, из-за иронического описания в них жизни при большевиках. Как упоминалось выше, в «Любопытном происшествии» изображен партийный руководитель, который, уже после революции, случайно очутился в тюрьме. Содержание рассказа «Ускомчел» не менее саркастично. Само его заглавие — аббревиатура, составленная из начальных слогов синтагмы «усовершенствованный коммунистический человек». Герой рассказа, кремлевский бюрократ Возов, который был «чистой крови коммунистом, так что каждый эсер его бы с удовольствием ухлопал»¹, любит составлять диаграммы и схемы, даже сочиняет в мечтах проекты о регулировании рождаемости. Затем Возов создает идеального коммуниста-агитатора, который подменяет самого Возова, полностью нарушает течение его жизни, так что сам Возов теряет рассудок и умирает. Рассказ кончается описанием похорон Возова, на которых чей-то звучащий из-за гроба голос провозглашает, что Возов — подлинный «Ускомчел».

Хотя в Советском Союзе «Ускомчел» не публиковался, рассказ

этот был упомянут и одобрен не кем иным, как самим Иосифом Сталиным. Он тогда уже занял пост Генерального секретаря и искусно маневрировал против Троцкого и других вождей, добиваясь контроля над партией. В апреле 1924 г., через три месяца после смерти Ленина, Сталин прочитал в Свердловском университете лекцию «Об основах ленинизма». В ней он изложил свои взгляды на революционную тактику, реформизм, на фракции и единство внутри партии; тем самым заявляя свои притязания как законный наследник Ленина. Краткая последняя часть касалась двух особенностей ленинского стиля в работе, которые Сталин определил как «русский революционный размах» и «американская деловитость». Революционный размах, объяснял он, часто подвержен роковой болезни «революционного сочинительства» и «революционного планотворчества», которая имеет «своим источником веру в силу декрета, могущего все устроить и переделать.» И Сталин сослался на «Ускомчел»: «Один из русских писателей, И. Эренбург, изобразил в рассказе “Ускомчел” (усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью “большевика”, который задался целью набросать схему идеально-усовершенствованного человека и... “утоп” в этой “работе”. В рассказе имеется большое преувеличение. — продолжал Сталин, — но что он верно схватывает болезнь, это несомненно.»²

В этом контексте Сталин нашел слова похвалы лишь еще для одного писателя — Бориса Пильняка, чей роман «Голый год» был тогда самой широко читаемой книгой о революции и гражданской войне. К концу двадцатых годов Пильняк, тем не менее, стал подвергаться резкой официальной критике и, несмотря на попытки напомнить о благожелательной сталинской оценке, исчез в разгар репрессий 1937 года.

Эренбург оказался удачливее. Пусть «Ускомчел» пришлось не по вкусу Гослиту (официальное учреждение цензуры), Сталину, не доверявшему коммунистам-идеалистам, Сталину, чьи планы вели к уничтожению ведущих кадров, в сарказмах Эренбурга, надо полагать, привиделось нечто привлекательное, нечто двусмысленное, что в какой-то момент окажется весьма кстати. А, может быть, ему просто понравилась мысль о коммунисте, который сам себя извел.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ПАРИЖЕ

Возвращение Ильи Эренбурга в Париж в 1921 году сильно отличалось от его эмиграции в 1908, когда он прибыл туда прямо из

Москвы поездом. Опустошительная война, крах королевских династий в Берлине и Вене, победа большевиков в России необратимо изменили Европу. Теперь Эренбургу нужны были визы для себя и для жены. Получить визу для Ядвиги Соммер оказалось невозможным; она осталась в Советской России, вышла замуж и вскоре, в 1924 году, родила дочь, которая была единственным ее ребенком.

Предвидя осложнения, Эренбург в доказательство того, что он уже жил в Париже, захватил паспорт, выданный ему в 1917 году Временным правительством. Но на французского консула в Риге (первая остановка Эренбургов по выезде из Советской России) это никакого действия не возымело. Эренбург обратился за помощью к парижским друзьям и стал терпеливо ждать. В Риге, помимо хлопот о визах, он занимался также изданием новой книги стихов — «Раздумия», — и чтением лекций о художественных и литературных достижениях в Советской России. Наконец пришли французские визы. Однако немцы отказали в разрешении следовать через Германию; Эренбургу с женой пришлось ехать через Данциг в Копенгаген, оттуда в Лондон. 8 мая 1921 года они, наконец, прибыли в столицу Франции.

«Ротонда» сменила хозяина; место художников и литераторов заняли туристы. Аполлинер умер в 1918 г. от полученных на войне ран; Модильяни в 1920-м — от туберкулеза. «Париж — не тот, я не тот, и все не то, — посетует позднее Эренбург. — Но сидеть на террасе Rotonde все же приятно.»³ Он разыскал своих друзей, облюбовавших на Монпарнасе новые кафе. Пикассо и Ривера обняли его. Им не терпелось услышать о Москве, о революции. Однако русские эмигранты отнеслись к нему подозрительно, даже враждебно. «Природа щедро одарила Эренбурга, — язвил писатель Виктор Шкловский. — У него есть паспорт.»⁴ Эмигранты от Эренбурга отворачивались — «одни возмущенно, другие с опаской».

Если Эренбург не политический эмигрант, то кто же он? У французской полиции нашелся на это скорый ответ. Через две недели после прибытия в Париж Эренбурги в сопровождении полицейского агента были грубо выдворены в Бельгию. Причины высылки Эренбург так и не узнал. Один чиновник заявил ему: «Франция — самая свободная страна в мире. Если вас высылают, значит, на это имеются резоны...» Другой заявил его друзьям: «Эренбург занимался большевистской пропагандой.»⁵ Эмигрантская пресса выразила удивление. Ежедневная газета «Общее дело» вынесла историю с изгнанием Эренбурга на первую полосу. «Высылка эта, очевидно, результат какого-то недоразумения, — комментировали издатели. — Эренбург, прежде всего, не политик, а декадентский поэт.»⁶

Трудно сказать, была ли депортация Эренбурга вызвана чем-либо более существенным, чем его советский паспорт. Возможно, кто-то из эмигрантов доложил в префектуру, что Эренбург с восхищением отзывается об искусстве и литературе, отнюдь не загложивших в России, и своими эстетическими восторгами исподволь внушает политические симпатии. Иван Бунин, который тогда находился в Париже, встретил Эренбурга вскоре после его приезда. Бунина его высказывания крайне возмутили: Эренбург, по всей видимости «приемлет большевиков» и «старается все время указывать то, что они делают хорошее, обходит молчанием вопиющее». Бунин считал, что дело нечисто: он хотел знать, каким образом Эренбург так просто выехал и откуда у него «так много денег». По мнению Бунина, было «все это очень странно»⁷. А по мнению писательницы Нины Берберовой, приехавшей в Берлин следующей весной, абсолютно всем было известно, что Алексей Толстой, который до революции дружил с Эренбургом и даже в 1918 г. писал с ним совместно пьесу, от него полностью отшатнулся⁸. Они действительно в 1921 году разошлись — Эренбург в своих мемуарах утверждает, что не помнит причины разрыва, — и помирились лишь несколько лет спустя.

Восемнадцать дней в Париже оказалось достаточно, чтобы зарядить Эренбурга и вдохновить на роман. Очутившись в Бельгии (куда им удалось проскочить без виз), Эренбурги поселились в приморском городке Ля Панн, где «кругом были только дюны и ветер». Там он написал «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»⁹. Хотя поэзия и военные корреспонденции уже снискали Эренбургу известность, этот роман обеспечил ему особое место в советской литературе — возмутителя спокойствия, писателя дискуссионного и непредсказуемого.

«Хулио Хуренито» Эренбург «репетировал» еще в Киеве. Он любил сидеть с Надеждой Хазиной, Любовью Козинцевой и Ядвигой Sommer, потчует их рассказами о похождениях своих парижских лет, и эти рассказы часто «облекал в стихотворную форму — такая импровизация длилась часами.»¹⁰ Подумать только — ведь наперекор усилиям немцев, грабителей-коммунистов и мстящих им антисемитов, он был жив. Как того подростка, который когда-то спасся бегством в Париж, сознание, что он выжил, пьянило его. Написанный за двадцать восемь дней, роман «Хулио Хуренито» читается так, словно был продиктован на одном дыхании. «Мне казалось, — вспоминал Эренбург много лет спустя, — что я не вожу пером по листу бумаги, а иду в штыковую атаку.»¹¹ «Хулио Хуренито» ознаменовал духовное возрождение Эренбурга назло всем тем, кто травил его или предавал.

МЕФИСТОФЕЛЬ-ПРОРОК

Действие «Хулио Хуренито» начинается в Париже, где бедствующий поэт Илья Эренбург сидит «как всегда в кафе “Ротонда” на бульваре Монпарнас перед чашкой давно выпитого кофе, тшкетно ожидая, кто бы освободил [его — Дж. Р.], уплатив терпеливому официанту шесть су». Слегка посмеиваясь над самим собой, Эренбург иронизирует по поводу собственного образа жизни и привычек, а одной из центральных фигур разыгрывающейся в романе драмы является «Илья Эренбург, автор посредственных стихов, писавшийся журналист, трус, отступник, мелкий ханжа...»¹²

Сидя в «Ротонде», Эренбург знакомится с таинственным господином, который быстро вовлекает его в свои планы относительно Европы. Господин этот — Хулио Хуренито, современный Мефистофель, мексиканец по происхождению (явная дань дружбе Эренбурга с Диего Риверой), и, как обнаруживает Эренбург, человек, у которого «не было ни религиозных канонов, ни этических заповедей.»¹³ Приняв позу метафизического вдохновителя и поборника способностей человечества уничтожить себя, он выступает как «великий провокатор», рвущийся подорвать священные мифы Европы и ее самодовольные представления о религии и политике, любви и браке, искусстве, социализме и правилах ведения войны.

Эренбург становится первым учеником Хулио Хуренито, и вскоре к ним присоединяется воодушевленный идеями нового учителя табун из представителей разных национальных типов: французский предприниматель, владелец похоронного бюро, которого волнует только удовлетворение своих чувственных желаний; американец м-р Куль, в чьей жизни властвуют часы, чековая книжка и Библия; русский интеллигент, погрязший в жалости к самому себе и беспрестанно рассказывающий историю своей незадачливой жизни; итальянец, в котором воплощена «хаотическая любовь к свободе» человечества, так и не научившийся трудиться; африканец, чья простая душа и наивная вера отличают его от европейцев, и Карл Шмидт — самый убедительный из всех портрет, — чей неистовый патриотизм вкупе с крайней преданностью социализму превращает его в пророческий прообраз национал-социалиста.

Хуренито отправляется со своими учениками в вольное путешествие по Европе, Африке и Советской России. В Риме они добиваются аудиенции у Папы, который оказывается дряхлым старичком, а в Ватикане торгуют освященными амулетами, продавая их солдатам-фронтовикам. В Гааге заседает комитет самовлюбленных знаменитых старцев, от которых Хуренито и его ученики узнают, что

война не является «тем диким убийством, которым она [им — Дж. Р.] казалась, но чем-то весьма облагороженным 1713 параграфами правил о гуманных способах убоя людей.»¹⁴ В Женеве они наблюдают интернациональное скопище социалистов, расположившихся в одном из отелей, который превратили в карикатурный вариант поля военных действий, где все корпуса, фойе и коридоры разделены рвами, насыпями и проволочными заграждениями. На вопрос, выступают ли они против войны, социалисты с обеих сторон заявили о том, что война — преступление, и тут же начали нападать друг на друга.

Хотя эти злые карикатуры и весь цинический тон романа весьма способствовали тому, что за Эренбургом утвердилась репутация человека, который ни во что не верит, «Хулио Хуренито» есть нечто большее, чем собрание экстравагантных пасквильных образов. Первая мировая война и разруха в результате русской революции толкали Эренбурга на невероятно мрачные фантазии; особенно это касается трех, как указывает своим ученикам Хуренито, специфических предметов — образа Карла Шмидта, природы советского коммунизма и судьбы евреев. Тут Эренбург исследует самые страшные преступления XX века, проявляя поразительное предвидение и психологическую проницательность.

Неприязнь Эренбурга к немецкому национальному характеру родилась задолго до того, как нацизм поднял голову. Еще ребенком, находясь с матерью в Германии и услышав от нее, что поезд прибудет по расписанию минута в минуту, он ей не поверил. В России железные дороги не отличались порядком; ни одному русскому и в голову не могло прийти, что поезд появится у платформы вовремя. И в тот день, в Германии, Эренбург с волнением смотрел на материнские часы, а когда поезд прибыл точно в указанное время, испугался и расплакался: в этой немецкой пунктуальности он почувал что-то зловещее¹⁵.

Карл Шмидт воплощает худшие крайности немецкой страсти к порядку; его жизнь проходит по строгому расписанию: работа, занятия, прием пищи, сон и посещения проститутки — все детально расписано. В Первую мировую войну Шмидт — ревностный поборник колонизации России и включения Франции и Англии в Германскую империю ради «организации единого хозяйства Империи и к счастью всего человечества». Согласно своей философии, Шмидт готов даже оправдать «уничтожение тысячи младенцев для блага общества».

«Вы думаете, что мне, что всем нам, немцам, приятно убивать? — обращается он с риторическим вопросом к остальным ученикам

Хуренито. — Уверяю вас, что пить пиво или этот коньяк, пойти на концерт <...> гораздо приятнее. Убивать это неприятная необходимость. Очень грязное занятие, без восторженных криков и без костров. Я не думаю, что хирург, залезая пальцами в живот, надутый газами и перепереваренной пищей, испытывает наслаждение. Но выбора нет.

...Убить для блага человечества одного умалишенного или десять миллионов — различие лишь арифметическое. А убить необходимо, не то все будут продолжать глупую, бессмысленную жизнь. Вместо убитых вырастут другие. Детей я сам люблю не меньше вашего...»

Идеи Шмидта вызывают бурю негодования у Эренбурга, но Хуренито признает в немце достойного ученика. «Вашим надеждам суждено сбыться скорее, нежели вы думаете», — говорит он Шмидту. — «А вы, господа, смотрите, — обращается он к остальным, — вот один из тех, которым суждено надолго стать у руля человечества!»¹⁶ Сказанное Хуренито вряд ли могло сбыться точнее.

История спародировала искусство: в 1943 году Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС и глава немецкой полиции, ничего не зная о патологических планах Карла Шмидта, повторил их в своей речи об «Окончательном решении», адресованной немецким офицерам в Познани: «Большинство из вас знает, что это такое, когда сотня трупов лежит рядом, когда их там пятьсот или там лежит тысяча. Выдержать это и в то же время — не говоря об исключениях из-за человеческой слабости — сохранить благопристойность, вот что сделало нас твердыми. Это — славная страница нашей истории, какая еще никогда не была в нее вписана и никогда не будет вписана.»¹⁷

Эренбург создал нациста в своем воображении задолго до того, как мир получил первое представление об Адольфе Гитлере. Но в 1921 году, когда писался «Хулио Хуренито», Эренбург уже понимал, что нацизм с его ужасами не будет изолированным явлением и что еще одна диктатура в Европе — на этот раз в Советской России — дополнит правовую идеологию гитлеризма своей собственной.

Хуренито привозит своих учеников в Москву как раз в тот момент, когда власть в России берут большевики. Неразберихе, революционным митингам и бюрократам не видно конца, а защитников свободы в стране — единицы. Россия превратилась в «дикий корабль». Хуренито и его учеников арестовывают и отправляют в Бутырки — тюрьму, где Эренбург сидел подростком. Знакомство с бутырской камерой подтверждает, что русская революция будет опираться на принуждение точно так же, как опиралось на него

самодержавие. Революция обещала свободу, но индивидуальная свобода оказывается «растлевающим призраком». В кульминационной главе Эренбург сопровождает Хуренито в Кремль, где Учитель берет интервью у безымянного вождя революции; им, безусловно, является Ленин. Партия, объясняет Ленин, должна была захватить власть: «Надо было взять и всю силу гнева, всю жажду новой жизни направить на одно — четкое ясное.» Что же до противников нового режима, то у Ленина нет к ним иных чувств, кроме безжалостного презрения и клятвы всех их уничтожить. Эти откровенные признания вызывают в памяти Эренбурга Карла Шмидта, который прошел путь от «генерала германской имперской армии до спартаковца в заплатанном пиджаке». В Москве Шмидт, поняв, что «коммунистический интернационал сможет вернее подчинить Европу единому плану, стал всесильным комиссаром.»¹⁸ Этот прототип нациста чувствует себя дома среди большевиков, и это только подтверждает, что им отнюдь не чужды две страсти, обуравшие Шмидта: неистовый германский (в его случае) национализм и экстремистский социализм. При обеих этих идеологиях, ясно дает понять Эренбург, Шмидт свободен проявлять патологические стороны своей натуры.

В 1921 году Эренбург осознал, что присутствует при рождении страшного нового мира, догадываясь, что излюбленными жертвами новой Европы будут евреи. Впервые он заговорил об антисемитизме в стихотворении «Еврейскому народу», написанном в 1911 году; четыре года спустя написано «Где-то в Польше» — стихотворение о погроме, грозящем смертью матери и ребенку, стихотворение, навеянное сообщениями об антисемитских актах на восточном фронте. «Наше племя / Очень дрессированное, — вздыхал Эренбург. — Мы видели девятьсот пленений»¹⁹. Однако ни одно из этих произведений не обнаруживает той пророческой тревоги за судьбу еврейского народа, которую Эренбург пронес через всю свою жизнь.

В романе «Хулио Хуренито» Учитель, к удивлению своих учеников, готовит приглашения на сеансы «уничтожения еврейского племени» в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих других местах». Хуренито предвидит, что евреев будут живыми закапывать в землю и применять другие методы «очистки от подозрительных элементов». На сеансы приглашаются «кардиналы, епископы, архимандриты, английские лорды, румынские бояре, русские либералы, французские журналисты, члены семьи Гогенцоллернов...» Вход бесплатный. Русский ученик Хуренито, Алексей Тишин протестует: не может быть, чтобы такие ужасы происходили! Но Хуренито уверяет его, что двадцатый век «окажется очень веселым и

легкомысленным веком, без всяких моральных предрассудков». И, ссылаясь на историю, объясняет, что во все времена евреи были козлами отпущения: в Египте, в Испании, в Италии их обвиняли в засухе, голоде, эпидемиях и землетрясениях. А потому составленные им приглашения лишь заготовка для следующей неизбежной фазы насилия. «Разве евреи не такие же люди, как мы?» — в смущении спрашивает его Тишин. В ответ Учитель предлагает провести эксперимент — «детскую игру», которая наглядно продемонстрирует, что евреи не такие, как все другие люди. «Скажите, друзья мои, — обращается Хуренито к своим ученикам, — если бы вам предложили из всего человеческого языка оставить одно слово, а именно «да» или «нет», остальные упразднив, — какое бы вы предпочли?» Ученики по очереди дают свои ответы. Американец выбирает «да» как слово выражающее утверждение, тогда как «нет» безнравственно и преступно; француз предпочитает «да», потому что в нем заключается радость; русский предпочитает «да» как символ духовной веры; немец стоит за «да», ибо в нем — организующее начало, итальянец решает в пользу «да», так как «да» говорят «во всех приятных случаях жизни», а африканец выбирает «да», потому что этим словом отвечают боги, когда удовлетворяют его желания. Один только еврей, то есть персонаж по имени Илья Эренбург, оставляет «нет», и пока он аргументирует свой выбор, остальные ученики отсаживаются от него подальше. Проведенный Хуренито «эксперимент» доказал его правоту: там, где все нации согласны, евреи готовы протестовать. Они — «великое лекарство мира». Это — их роль в истории и причина всеобщей ненависти, которую им суждено терпеть.²⁰

Эренбург всегда считал, что евреи отличаются от других людей. Через четыре года после написания «Хулио Хуренито», он, говоря о роли еврейских писателей в мировой литературе, сравнивал их с «ложкой дегтя в бочке меда». Именно они вносят некую долю скептицизма, даже когда скептицизм «плохо вяжется с повседневными нуждами»²¹. Эренбург считал себя носителем этой традиции.

Первоначально «Хулио Хуренито» был издан в начале 1922 года в Берлине. Прошло больше года прежде, чем роман появился в советской печати. За это время в Россию просочились лишь отдельные экземпляры. Одну книгу получила давняя приятельница Эренбурга по Парижу Лиза Полонская, которая теперь жила в Петрограде. Она давала «Хулио Хуренито» читать друзьям, да и другие экземпляры распространялись в городе. «Появление “Хулио Хуренито” памятно всем, — писал впоследствии романист Вениамин Каверин, — в две или три недели Эренбург стал известен»²². Даже

газета «Правда» поместила заметку об удачном романе Эренбурга. Критик А. Воронский назвал книгу «превосходной», одной из тех русских книг из опубликованных за рубежом, «которые давно следовало бы переиздать нашему Госиздату». ²³ Тем не менее ГПУ усердно конфисковывала все экземпляры этого эмигрантского издания, какие смогла осенью 1922 года в Петрограде обнаружить. Узнав об этом, Эренбург очень огорчился: «Я пишу только для России, — писал он критику П. С. Когану. — Эмиграции я чужд и враждебен.» ²⁴

Своими тревогами и досадой Эренбург поделился и с Е. Полонской: «То, что он [*«Хулио Хуренито» — Дж. Р.*] «опасен», — писал он ей в письме от 25-го ноября 1922 года, — я знал. Но это заметили как будто поздно: ведь Госиздат купил у меня второе издание, оговорив, что снабдит оное предисловием, которое должны были писать или Бухарин (я хотел), или Покровский. М. б., теперь они передумают (точнее их). Напиши мне подробно все, что знаешь об изъятии этой книги.» ²⁵ В конце концов Бухарин все-таки написал предисловие и уверил автора, что первое советское издание появится в начале 1923 года пятнадцатитысячным — очень большим по тем временам — тиражом. В двадцатых годах книга выходила в Советском Союзе еще дважды, оба раза с предисловием Н. И. Бухарина. Назвав произведение Эренбурга «увлекательнейшей сатирой», Бухарин далее писал, что Эренбургу удалось «показать ряд смешных и отвратительных сторон жизни при всех режимах.» При этом Бухарин особенно подчеркивал, что в романе прежде всего бичуются капитализм и война. ²⁶

«Хулио Хуренито» пользовался огромным успехом и навсегда остался любимым романом Эренбурга. «Это единственная моя книга “всурьез”, — писал он в 1922 году. — Кажется, ни критики, ни читатели, ни я сам, никто не может точно определить, где в ней кончается усмешка.» ²⁷ К 1930 году «Хулио Хуренито» был переведен на французский, идиш, чешский, испанский и английский, не говоря уже о том, что в самой России книга была очень популярна, особенно среди молодых, идеалистически настроенных членов партии. Даже Ленину, как вспоминала Н. К. Крупская, «Хулио Хуренито» понравился, и он отозвался о романе Эренбурга с одобрением. «Это знаешь, Илья Лохматый (кличка Эренбурга), — торжественно рассказывал он. — Хорошо у него вышло.» ²⁸

«Хулио Хуренито» вызвал и другие весьма основательные отзывы. Самый глубокий принадлежал писателю Евгению Замятину. В рецензии, опубликованной в 1923 году, Замятин с удовольствием отмечал иронию Эренбурга, называя ее «европейским оружием»,

которым редко пользуются русские писатели. Он аплодировал Эренбургу за то, что тот вел свои сатирические атаки не с какой-то одной особой идеологической позиции, а пускал стрелы по всем доступным мишеням. «Это — конечно еретик (и потому — революционер)» — отмечал Замятин, что означало в его устах величайшую похвалу. — У настоящего еретика есть то же свойство, что у динамита: взрыв (творческий) идет по линии *наибольшего* сопротивления.»²⁹

Не прошло и полвека, как «Хулио Хуренито» стал читаться как пророчество, подтверждая безысходный пессимизм его автора. Фигура Карла Шмидта, предчувствие того, что толпы европейцев будут наблюдать, как тысячами сжигают евреев, даже мимоходом брошенное замечание об оружии массового уничтожения, которое употребят против японцев, — все это облегчает нам восприятие мрачной картины европейской цивилизации, вышедшей из-под пера Эренбурга. Эренбург не только воочию видел и пережил первые всплески насилия двадцатого века, но он почувствовал, кто будут его главные герои и то направление, каким этот век пойдет.

Эренбург никогда не отрекался от «Хулио Хуренито», даже в конце сороковых годов, когда культурная политика Кремля дошла до дичайших крайностей. К тому времени роман стал уже библиографической редкостью; о его переиздании, само собой разумеется, не могло быть и речи. Но Эренбург по-прежнему относился к нему с нежностью. В 1947 году на официальной выставке в Союзе писателей, отмечавшей тридцатилетие советской литературы, Эренбург обнаружил, что на стенде с его произведениями отсутствует «Хулио Хуренито». Илья Григорьевич пришел в ярость и немедленно демонстративно ушел³⁰. В те годы такое публичное проявление негодования в сталинской России, даже в отношении незначительного действия со стороны цензуры, требовало подлинного мужества. Для Эренбурга, понимавшего, что режим предпочитает его романы тридцатых годов — такие, как «День второй» или «Не переводя дыхания», которые соответствовали сталинскому вкусу к «индустриальной» мыльной опере — исключение «Хулио Хуренито» из экспозиции его произведений было мучительным оскорблением и, несомненно, мучительным напоминанием о его литературной судьбе. «Хулио Хуренито» был его первым, его любимым, его самым честным романом. Он хотел, чтобы его помнили по «Хулио Хуренито». Однако вплоть до 1962 года роман не переиздавался, появившись вновь лишь в девятомном собрании сочинений И. Г. Эренбурга. Предисловием Бухарина пришлось пожертвовать, и глава, в которой Хуренито берет интервью у Ленина, была снята.

В «Хулио Хуренито» Эренбург не противопоставлял Запад идеализированной России; ни то, ни другое не вызывает у него восторга. В конце романа его вымышленный повествователь, ученик Хуренито Илья Эренбург, покидает Россию и возвращается в Европу, чтобы написать предлагаемую читателю книгу. Вместе с другими учениками (Хуренито умер) он предпочитает покинуть «чистилище революции» и возвратиться в «уютный ад» Европы. И хотя Эренбург не смягчает своей иронии, когда вновь попадает в Европу, в его описании путешествия на Запад, которое является «одной, непрерывной демонстрацией торжества мира, порядка, благоразумия, цивилизации»³¹ ощущается искреннее облегчение. Пусть Европа далека от совершенства, Европа — то место, где Илья Эренбург предпочитает осесть.

ПИСАТЕЛЬ В ДВУХ МИРАХ

Если до и сразу после революции политическим центром русской эмиграции был Париж, то в начале двадцатых годов ее литературным центром стал Берлин. Пока советскому правительству все еще приходилось налаживать отношения с Францией и Англией, Веймарская республика, как только окончилась гражданская война и началась ленинская новая экономическая политика, охотно установила с Москвой дружеские связи.

Обладателям советского паспорта — как, например, Эренбургу и его жене — въезд в Германию был открыт. Более того, высокая инфляция и сравнительно низкие цены благоприятствовали развитию книгоиздательского дела. В 1922 году в Берлине существовало уже целых тридцать русскоязычных издательств, и по числу выпускаемой ими продукции они соперничали с немецкими. Издатели русских книг работали не только на эмигрантскую аудиторию. Многие поддерживали непосредственные отношения с советскими писателями, и значительное число книг, печатавшихся на Западе, вплоть до 1925 года свободно продавалось в России. В то же самое время ряд советских писателей — Борис Пастернак, Владимир Маяковский, Сергей Есенин — наезжали в Берлин, участвовали в его богатой культурной жизни и открыто встречались с собратьями по перу, эмигрировавшими туда из России.

Не имея возможности жить в Париже, Эренбурги, уехав в октябре 1921 года из Бельгии, примкнули к огромной русской колонии в Берлине. В берлинских рабочих кварталах тогда теснилось тысяч триста русских эмигрантов. И хотя Эренбург не ждал, что ему понравится Берлин, общий дух этого города — нищета, упадочничество, понесенные утраты — отвечал собственному настроению Ильи Григорьевича и отражал истинное состояние послевоенной Европы.

«Если я живу в Берлине, то отнюдь не потому, что в нем появи-

лись мимозы или кьянти. Нет, просто я полюбил за годы революции грязные узловые станции с мечущимися беженцами и недействующими расписаниями <...> В Дрездене коммунисты устраивают рабочее правительство, а в Мюнхене фашисты готовятся к перевороту. Читая это, берлинцы думают, что и Дрезден и Мюнхен — счастливые города. Там имеются хотя бы поддельные расписания. В Берлине же никто не знает, когда и куда уйдет ближайший поезд.»¹

То, что Эренбург написал о Берлине, он мог бы написать о самом себе.

Серьезным критико-библиографическим эмигрантским журналом из выходящих в Берлине была «Русская книга». Ее начал выпускать с января 1921 года Александр Яценко, юрист, профессор Пермского университета, прибывший в Германию в 1919 году в составе советской торговой делегации. Яценко был одним из первых советских чиновников-невозвращенцев. Несмотря на свое неприятие большевиков, Яценко сочувственно относился к развитию искусства в Советской России и хотел содействовать преодолению идеологического разделения русской литературы. Для этой цели «Русской книге» нужно было «оставаться вне какой бы то ни было политической борьбы»². Редакция «Русской книги» занимала единственную в своем роде позицию: пыталась быть совершенно беспристрастной. В журнале печатались статьи и обзоры, сообщения о новых изданиях и произведениях искусства, появившихся как в России, так и в многочисленных эмигрантских колониях, разбросанных по всему свету.

Первый номер «Русской книги» Эренбург прочел еще в Москве, а по прибытии в мае 1921 года в Париж немедленно написал Яценко, выражая восхищение его начинанием. Эренбург сообщил Яценко сведения почти о восьмидесяти крупных деятелях русской литературы и искусства, обычное течение жизни которых было так или иначе нарушено из-за Гражданской войны — щедрый и беспрецедентный дар «Русской книге», которым ее издатели тут же воспользовались. Главной целью письма Эренбурга было исправить характерную для эмигрантских сообществ тенденцию всячески чернить оставшихся в России писателей, художников и других представителей разного рода искусств. «К сожалению, — писал Эренбург, — известные выпады <...>, основанные, быть может, на ложной информации, а, быть может, на непонимании особенности современной русской психологии и быта, закрались и в ваш орган, дорогой нам как преданный русской литературе...»³

В конце лета 1921 года в «Русской книге» (№ 7—8) появилась первая статья Эренбурга — «Над схваткой». Написанная в Бельгии,

где он только что завершил «Хулио Хуренито», эта статья выражала особую позицию Эренбурга в эмигрантских кругах — позицию человека, желавшего создать себе место между обеими половинами русского литературного мира.

«Я позволю себе, средь непрекращающейся гражданской войны, остаться еретиком, который полагает, что ни Бальмонт, проклиная коммунизм, ни Брюсов, его восхваляющий, не теряют равного права на уважение к их литературной деятельности, как два поэта предыдущего поколения, основоположники символизма. Лично я, как поэт, не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, по своим социальным симпатиям равно далек от обоих, но все это не может служить оправданием хулы или хотя бы пренебрежения.»⁴

В многочисленных статьях, публикуемых в «Русской книге», Эренбург не защищал советский режим, но постоянно и красноречиво утверждал, что, несмотря на жестокий бумажный голод и хотя «стихи сейчас распространяются в России главным образом устно»⁵, искусство и литература в советской России не вымирают. Он защищал Владимира Маяковского — поэта, чьи стихи будут читать и тогда, когда «Правда» и эмигрантские газеты будут напрочь забыты. Пропагандировал поэзию Есенина, Цветаевой, Пастернака и Мандельштама. Тогда эти поэты не пользовались тем почтением, каким окружены сегодня, и Эренбург своими рецензиями старался развеять враждебность и равнодушие к их произведениям. Он отчитывал эмигрантских критиков, видевших в Пастернаке «незначительного дебютанта»⁶. Его рецензия на стихи Цветаевой обретала форму задушевных личных писем, в которых он вспоминал, как в 1910 году вышли в свет первые книжки их стихов: «Мы шли рядом и, может быть, от этой близости, от того, что Ваш шаг стал для меня шумом ливней и боем сердца, я видел Ваше лицо, но не вглядывался в него.»⁷

Не мог Эренбург удержаться, чтобы порою не поднять на смех отъявленные антибольшевистские выдумки, ходившие в эмигрантских кругах. В фельетоне по поводу книги Григория Бостунича «Масонство и русская революция», он дает шуточное описание одного дня из жизни русского эмигранта, который упивается своими крайне реакционными взглядами; повсюду он видит знаки заговора, мешая в одну кучу евреев, большевиков, ИМКА (ассоциацию молодых христиан) и Ллойд-Джорджа. Высмеив паранойю Бостунича, Эренбург поставил под фельетоном такую подпись:

Масон ложи Хулио Хуренито,
мексиканского толка, 32 ст.

(«принц королевской тайны»),
хасид и цадик,
чекист в 4 личинах
(жид-мадьяр-латыш-китаец)
Илья Эренбург.⁸

В апреле 1922 года в Берлин приехал по официальному делу Николай Бухарин и разыскал своего давнего товарища по гимназии. Они нашли маленькое окраинное кафе, где просидели за разговором три часа. Мало кто из писателей имел такую, как Эренбург, возможность — поговорить по душам с одним из главных деятелей большевистской партии; и оба они всегда были откровенны друг с другом. «Помню, я сказал, — писал Эренбург, — что многое происходит не так, как мерещилось на Новинском бульваре. Он ответил: “Вы известный путаник”, потом рассмеялся и добавил: “Меня тоже называют путаником. Но вам легче — вы путаете в романах или в частных разговорах, а я, как-никак, член Политбюро”»⁹. Вскоре после этой встречи Бухарин отбыл в Москву, где вернулся к своим политическим обязанностям.

Эренбург прожил в Берлине без малого еще два года, играя значительную роль в культурной жизни русской колонии. Касаясь этого периода в своих мемуарах, он подчеркивал, что писатели — к какому бы лагерю они ни принадлежали — относились с уважением друг к другу. «В Берлине существовало место, напоминавшее Ноев ковчег, где мирно встречались чистые и нечистые; оно называлось Домом искусств. В заурядном немецком кафе по пятницам собирались русские писатели»¹⁰. «Дом искусств» — как и «Русская книга» — служил мостом между двумя, все дальше расходившимися половинами русской культуры. Эренбург постоянно участвовал в дебатах, происходивших в «Доме искусств», читал свои произведения, сопровождал на проводившиеся там собрания прибывавших из Москвы друзей — Пастернака, Маяковского. Когда в ноябре 1922 года Маяковский направился в Париж, Эренбург помог ему в получении визы и сообщил своим друзьям во французской столице о предстоящем приезде Маяковского, прося показать ему город.¹¹

Эренбург опекал также Марину Цветаеву и Бориса Пастернака во время их пребывания в Берлине. По приезде в 1921 году в Европу, он оказал Цветаевой очень важную услугу. Марина Ивановна попросила Эренбурга разыскать ее мужа, Сергея Эфрона, который как бывший белый офицер был вынужден бежать из большевистской России. Узнав, что Эфрон находится в Праге, Эренбург связался с ним и сообщил о его местопребывании Марине. Вне себя от

счастья, что она жива, Эфрон немедленно написал ей в Москву. А когда Цветаева вместе с дочерью Ариадной (Алей) в мае 1922 года прибыла в Берлин, Эренбург радушно встретил их и поселил у себя в гостинице. На Алю новый знакомый сразу произвел чарующее впечатление. Он, «как серый тучистый день», — записала она в своем дневнике. — «Но такие глаза, как у собаки.» Особенно пленила ее любовь Эренбурга к табаку и двум трубкам, которые лежали у него в разных карманах. Цветаева высоко оценила щедрую помощь, оказанную ей Эренбургом. В том же мае 1922 года она подарила ему книгу своих стихов со следующей надписью: «Вам, чья дружба мне дороже любой вражды, и чья вражда мне дороже любой дружбы»¹².

В течение тех трех месяцев, которые Цветаева провела в Берлине, ее личная жизнь осложнилась из-за некоторых новых знакомств. Русское литературное сообщество раздирали романтические страсти, и Цветаева поддавалась этому наваждению. Сергей Эфрон все еще оставался в Праге, а Марина влюбилась в издателя Абрама Вишняка. В те годы основным издательством Эренбурга в Берлине был «Геликон». В «Геликоне», который возглавлял Абрам Вишняк (двоюродный брат фотографа Романа Вишняка, позднее, до Холокоста, снабжавшего документами евреев из Восточной Европы), издавались многие крупнейшие писатели, в том числе Цветаева, Пастернак, Андрей Белый. Абрам Вишняк и его жена Вера принадлежали к ближайшим друзьям Эренбургов. С Верой Вишняк у Эренбурга был страстный роман, Абрам Вишняк и Любовь Михайловна удовлетворились более спокойными дружескими отношениями. Среди всех этих «любовей» и «дружб» Цветаева чувствовала себя «пятым колесом». В августе, не имея сил вынести эмоционального напряжения, она уехала в Прагу. Даже предстоящий приезд Пастернака в Берлин не мог удержать Марину Ивановну в Германии¹³. Она очень любила поэзию Пастернака, а их переписка помогла ей выстоять, но даже в Берлине она предпочитала дружить с Пастернаком на расстоянии.

Пастернак пробыл в Берлине с августа 1922 года по март 1923. В письмах к друзьям он с добрым чувством отзывался об Эренбурге: «Эренбург — прекрасный человек, слишком однажды возлюбивший Достоевского, в сущности, кающийся патриот, человек большого кругозора, добрый друг»¹⁴. Однако далеко не все любили Эренбурга, и он часто подвергался нападкам со стороны ряда писателей. Наиболее скандально известен инцидент, происшедший 28 октября 1922 года, когда критик Илья Василевский, писавший под псевдонимом «Не-Буква», разругал Эренбурга в престижной эмигрант-

ской газете «Накануне», обвинив его в саморекламе и омерзительной порнографии. К этому времени Эренбург уже опубликовал в Берлине двенадцать книг, и Василевский, подстегиваемый завистью к столь плодовитому таланту, не нашел для его произведений иного слова, как «графомания», вопрошая: «Что если здесь срочно нужен психиатр, а вовсе не литературный обозреватель? Что если здесь, между нами, на *Kurfürstendamm* бродит душевнобольной и гримасничает, и хихикает, и забрасывает нас этими своими разнокалиберными, разноликими книгами». Статья «Не-Буквы» крайне неприятно поразила многих; они потребовали исключить Василевского и литературного редактора газеты «Накануне», Алексея Толстого, из «Дома искусств». Сам же Эренбург реагировал с полной невозмутимостью. В письме к одному из своих приятелей, упомянув о «большом литературном скандале», он писал: «Статья действительно аховая. Но, по-моему, — ерунда. А Белый, Шкловский, Ходасевич хотят исключить его [Василевского — *Дж. Р.*] и Толстого из «Дома искусств»¹⁵.

В то же время Эренбург всячески старался вести себя так, чтобы политические страсти не затрагивали его личную жизнь. Он подружился с писателем Романом Гулем, который до своего появления в Берлине сражался против большевиков. Гуль был одним из редакторов «Русской книги», где часто помещал восторженные рецензии на книги Эренбурга, которого считал подлинно независимым писателем. Если верить Гулю, Эренбург очень высоко отзывался о Бухарине, но любил подшучивать над Лениным и его женой, Надеждой Константиновной Крупской. Любимым писателем Эренбурга был Бабель, чей сборник рассказов «Конармия» он ставил очень высоко. Когда Эренбург примирился с советским режимом, Гуль счел невозможным оставаться с ним в близких отношениях. Много позже Гуль выступил против Эренбурга с рядом уничтожающих статей, бичуя его за служение Сталину¹⁶.

Из-за политики рухнула и еще одна дружба. В конце двадцатых годов и Эренбурги, и Вишняки — все жили в Париже. Но по мере того как Эренбург становился все более просоветским, Вишняки стали встречаться с ним все реже и реже. Правда, после Мюнхенских соглашений в 1938 году, потрясших до основания всю Европу, дружба вновь наладилась, и, уезжая в Москву в 1940 году, Эренбург оставил свою личную библиотеку на хранение Вишнякам. Остатки библиотеки пережили войну, но Абраму и Вере это не было суждено. Оба они были схвачены во Франции нацистами и погибли в газовых печах Освенцима¹⁷.

***

По сути, из всей экспатриантской колонии один лишь Эренбург утверждал, что советское искусство следует рассматривать как неотъемлемую часть европейской культуры. Он расхваливал экспериментальные композиции Владимира Татлина и Александра Родченко, живопись Казимира Малевича и Любови Поповой, чьи работы были почти неизвестны и никак не оценены за пределами Советской России. Эренбург писал об их достижениях в критико-библиографическом журнале Яшенко и в собственной книге «А все-таки она вертится», увидевшей свет в 1922 году, и в своеобразном, но недолговечном журнале «Вещь», который в том же 1922 году издавал совместно с художником и дизайнером Эль Лисицким.

В книге «А все-таки она вертится», как и в журнале «Вещь», отразилось глубочайшее убеждение Эренбурга, что искусству не должны ставиться политические барьеры. «Национализм, католицизм, классицизм» — все это попытки воспрепятствовать прогрессу, — утверждал Эренбург. В Брюсселе, вспоминал он, нельзя было купить немецкую книгу, за исключением одной лавки, где ее доставали из-под прилавка, чтобы не вызвать нападков со стороны «героических патриотов». Россия проявляла вряд ли большую терпимость. Ее революционные деятели были крайне реакционны, когда дело касалось искусства. «Россия являет пример многих неясностей» — заявлял Эренбург в книге «А все-таки она вертится»¹⁸.

В журнале «Вещь» воплотились мечты Эренбурга. Вместе с Эль Лисицким они подготовили к печати шесть номеров, но выпустить смогли только три — весной 1922 года. Каждый номер содержал материал на трех языках — французском, немецком и русском. Первый номер открывался длинным манифестом, принадлежавшим перу Эренбурга. Эренбург заявлял о намерении издателей объединить под обложкой своего журнала художественный авангард, перешагнув через национальные границы:

«Блокада России кончается. Появление “Вещи” один из признаков начавшегося обмена опытами, достижениями, вещами между молодыми мастерами России и Запада. Семь лет отъединенного бытия показали, что общность заданий и путей искусства различных стран не случайность, не догма, не мода, но неизбежное свойство возмужалости человечества. Искусство ныне ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО»¹⁹.

«Вещь» так же, как и «А все-таки она вертится», превозносила достижения техники и промышленности, видя в них главный источник вдохновения для искусства в двадцатом веке. Эренбург даже

заявлял, что «единственный аппарат, способный ввести искусство в жизнь — индустрия»²⁰. В особенности его восхищал конструктивизм, новая крайне радикальная школа в изобразительном искусстве, которая, сочетая материалы и геометрические фигуры, взятые из знакомых индустриальных образов, создавала формы, выражающие современный век науки. Оба течения, как конструктивизм, так и второе новое течение — супрематизм, которое соединяло трехмерные и плоские абстрактные формы, — родились в Москве. Четвертый номер журнала «Вещь» Эренбург собирался посвятить художественным достижениям в России. В письме Маяковскому от 3 июня 1922 года он просил присылать ему русские материалы — «стихи, статьи, хронику и т. д. <...> без материала и без возможности распространения в России «Вещь» прикончится»²¹. Распространять журнал в Советской России Эренбургу практически не разрешили. Четвертый номер так и не увидел свет. Почему? Этого Эренбург не объяснил. Возможно, судьбу журнала решили политические и культурные взгляды его редактора. «Вещь» выпускалась эмигрантским издательством «Скифы», которое, как известно, принадлежало к правому крылу, придерживалось славянофильской ориентации. «Вещь» была журналом сугубо интернационалистским, во главе его стояли двое редакторов-евреев, поддерживали их несколько наиболее прогрессивных деятелей в Европе — Фернан Леже, Ле Корбюзье, Владимир Маяковский, чьи статьи и стихи там печатались. Вряд ли «Скифам» нравилось то, что пытался осуществить в своем журнале Эренбург.

БЕРЛИНСКИЕ РОМАНЫ

В Германии Эренбург вернулся к своим прежним привычкам. «Люблю курить трубку и в кафе глядеть, как кругом развлекаются. Работаю тоже в кафе, дома трудно (Парижская привычка, корни экономические — в комнате не топят)»²². Его необычная манера работать стала притчей во языцех. Живой образ Эренбурга — такой, каким он рисовался его соотечественникам в России, — дал романист Вениамин Каверин:

«О нем много и охотно говорили: он — человек богемы, он с утра сидит в кафе. За окном — Париж, Мадрид, Константинополь. Гора исписанной бумаги не помещается на маленьком столике. Листки падают на пол, он терпеливо подбирает их, складывает и снова исчезает в клубах дыма. Он — европеец, улыбающийся углом рта — воплощение равнодушия, сарказма, иронии. Он — путеше-

ственник, журналист, легко пишущий книгу за книгой»²³.

Продуктивность Эренбурга была поразительной. На протяжении одного десятилетия он опубликовал девятнадцать книг, десятки статей, рецензий, путевых очерков. «Мне казалось, что я вышел на дорогу, нашел свои темы, свой язык, — напишет он в своих мемуарах многие годы спустя²⁴. Рассказы и романы, написанные за два года в Берлине, — наглядный пример проявления природного чутья Эренбурга как писателя. Сборник рассказов «Тринадцать трубок» и три романа — «Жизнь и гибель Николая Курбова», «Трест Д. Е.» и «Любовь Жанны Ней» — все пользовались необычайной популярностью, и не только благодаря своей завлекательности и изобретательности, но и потому, что Эренбург с готовностью высмеивал как европейские, так и советские порядки и нравы. Он был советским писателем особого рода — писателем, не воспринявшим оптимистической формулы и не проходившим мимо тревожных сторон нового революционного строя. За большинством его произведений двадцатых годов стоят горестные размышления над судьбой родной страны.

В центре романа «Жизнь и гибель Николая Курбова» фигура преданного чекиста, который, не щадя себя, неутомимо борется с врагами режима. Не испорченный властью, чуждый сентиментальности, Николай Курбов беспрепятственно подписывает расстрельные приговоры — высший показатель верности сотрудника Чека. Но тут провозглашают ленинскую новую экономическую политику (НЭП), с точки зрения Курбова — примиренческую, и вера его поколеблена. Не умея разрешить свои сомнения, оскорбленный в своих революционных понятиях о нравственном, Курбов кончает с собой.

Хотя никакой особой политической линии в романе не проводится, «Курбов» крайне не понравился блюстителям чистоты идеологии как в Москве, так и в Берлине. В статье, опубликованной в «Русской книге», Роман Гуль пророчил, что и консервативно настроенные эмигранты, и ортодоксальные марксисты будут «не прочь запретить эту книгу навеки»²⁵. Как и предсказал Гуль, большевистские критики взяли презрительный тон. У московского журнала «На посту» Эренбург с его популярностью вызывал крайнее раздражение. В первом же номере журнала, вышедшем в июне 1923 года, Борис Волин, позже начальствовавший в Главлите, писал о «Курбове»: «эта рвотная литература искажает революционную действительность, пасквильничает, утрирует факты и типы и клеветает, клеветает, клеветает без конца и без зазрения совести на революцию, революционеров, на партию и на коммунистов». И выше: «надо

потерять всякое революционное чутье, чтобы решиться на выпуск в свет и распространение такой, с позволения сказать, “революционной литературы”, как “Жизнь и гибель Николая Курбова”»²⁶.

Нападки такого рода воспринимались как сигнал принять более строгие официальные меры. Прошло всего несколько месяцев, как издатель Эренбурга получил разрешение Льва Каменева опубликовать «Курбова». Теперь же, после того, как ортодоксальные критики разругали Эренбурга, другой, второй по значению член Политбюро, Григорий Зиновьев, санкционировал изъятие книги в Петрограде — запрет, длившийся несколько недель и приведший к утрате части тиража²⁷. Положение Эренбурга как советского писателя оставалось сомнительным.

***

Двумя годами ранее, когда Эренбург писал «Хулио Хуренито», приходя в себя от своего пребывания в Советской России, он все еще оплакивал крушение европейской культуры под ударами, нанесенными ей войной. Правда, несколько месяцев жизни в послевоенной Европе несколько поумерили его ностальгические привязанности; теперь он скорее признавал, что разочарован в тех путях, какими Европа себя восстанавливала.

Этим разочарованием насквозь пронизан следующий роман Эренбурга — «Трест Д. Е.», книга, вызывающая в памяти темы и язык «Хулио Хуренито». «Трест Д. Е.» (Д. Е. — начальные буквы от «Дашесть Европу») — рассказ о приключениях Енса Боота, международного бродяги, который приходит в отчаяние от жизни Европы и ее состояния. Енс Боот — Эренбург как-то назвал его «племянником Хуренито» — осуществляет фантазии любимого героя Эренбурга²⁸. Решив уничтожить всё в Европе, Боот убеждает трех американских миллионеров профинансировать задуманный им план. Он пускает в ход вирусы и ядовитые газы, которые превращают континент в пустыню. «Почему же Европу?» — спрашивают Енса Боота. «Потому что я ее люблю» — таков его ответ²⁹.

В 1923 году в Берлин приехал режиссер Всеволод Мейерхольд, под началом которого Эренбург служил в Москве, и предложил ему переделать «Трест Д. Е.» для сцены. У Мейерхольда уже сложился план постановки, которая должна была стать «смесью циркового представления с агитационным апофеозом»³⁰. Эренбург, работавший тогда над следующим своим романом, «Любовь Жанны Ней», большого интереса к инсценировке «Треста Д. Е.» не про-

явил. Однако узнав, что Мейерхольд все же собирается ставить по его роману пьесу, Эренбург сообщил ему, что будет инсценировать роман сам³¹. Мейерхольд, тем не менее, обошелся без него и — так же, как два года назад — его неуважение к мнению Эренбурга привело к острейшей, а на этот раз еще и публичной, идеологической ссоре. «В моем театре, который служит и будет служить делу Революции, — Мейерхольд писал Эренбургу в письме, опубликованном в 1924 году в Москве, — нужны пьесы тенденциозные, такие пьесы, которые имеют в виду только одну цель: служить делу Революции. Напоминаю: от произведения коммунистических тенденций Вы решительно отказывались, указывая на Ваше в отношении социалистической революции безверие и Ваш природный пессимизм»³².

Презрев решительный отказ Эренбурга, Мейерхольд и драматург Михаил Подгорецкий заимствовали заглавие эренбургского романа, основную сюжетную линию, главного героя Енса Боота и соорудили свою пьесу, совершенно непохожую на то, что создал Эренбург. На сцене в дело вступал доблестный пролетариат, который, прорыв туннель из Петрограда в Нью-Йорк, огорошивал своим появлением злодеев-монополистов в самом их логове. Европу удастся спасти от гибели на самом краю. Меж тем Красная армия обеспечивает победу революции в разлагающейся Америке. Ничего подобного у Эренбурга не было и в помине.

***

«Любовь Жанны Ней» отмечала новый этап в мастерском экспериментировании Эренбурга с повествовательными стилями. В романе рассказывалось о любви Жанны Ней, молоденькой наивной француженки из буржуазной семьи, и русского коммуниста Андрея, который убивает отца Жанны по политическим мотивам. На этот раз Эренбург, вдохновленный Диккенсом, разработал красочный, крепко сплетенный сюжет с кучей героев и неожиданных встреч и столкновений, переносящих читателя из Крыма в Париж и Берлин. Хотя шаблонные герои и сентиментальные уловки ослабляют впечатление от романа, Эренбург по-прежнему отстаивал в нем свою независимую позицию. К большевикам и Чека он относится с иронией и опаской, а персонажи, представляющие буржуазную Европу, изображены пекущимися исключительно о своем благосостоянии и личном комфорте.

«Любовь Жанны Ней» — единственный роман Эренбурга, который был экранизирован. (По одному из его рассказов, «Трубка ком-

мунара», в 1929 г. был поставлен фильм Константином Марджановым). Фильм был снят знаменитым немецким режиссером Г. В. Пабстом, скорее всего потому, что прошедшие тогда, в 1926 году, в Германии картины С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» и В. Пудовкина «Мать», имели небывалый успех, и в киностудии Пабста — «Уфа» — пожелали использовать для очередной ленты русскую тему.

Фильм получил высокую оценку кинокритиков и вызвал много споров, в особенности о новых стилистических приемах и «безошибочном выборе [Пабстом — Дж. Р.] нужного угла съемки для передачи настроения»³³. Пабст, что называется, из кожи лез, чтобы создать картину белого движения в Крыму. «Для этих кадров — сообщал киножурнал «Close-up», — сто двадцать офицеров [белоэмигрантов — Дж. Р.], включая семь генералов, работали на студии за двенадцать марок в день. Пабст обеспечивал их водкой и женщинами, ждал, а затем снимал их скрытой камерой»³⁴.

Как раз в тот день Эренбург пришел на съемки и был «слегка растерян», даже напуган, при виде бывших белых офицеров. Ему вспомнилось, как он пробирался в Крым во время Гражданской войны и как офицер «в такой же барашковой шапке» чуть было не сбросил его в море. Впрочем, Пабст выжимал из нанятых на день статистов все, что ему было нужно. «Они ведь знают, как кутить, как бить посуду и резвиться с дамочками», — иронизировал про себя Эренбург, но отмести полностью этих жалких эмигрантов он не мог; он понимал весь трагизм их судьбы, признавал в них своих соотечественников: «Вот так, среди бутафорских советов и бесстрастных операторов доигрывается один из мелких эпизодов великого исторического фильма», — вздыхал про себя Эренбург. Он имел в виду не только произведение Пабста. «Я видел русских женщин в матросских притонах Константинополя. Теперь я вижу этих исполнительных фигурантов. Они, конечно, считают каждого, кто остался в России, «предателем». Они берегут эти мундиры от моли и бесчестия. Они изображают сейчас развратных белогвардейцев и мечтают о том, чтобы изображать через неделю мужественных большевиков»³⁵. Они все были русскими, — даже эта кучка бывших белогвардейских офицеров, чьи сотоварищи готовы были — и не раз! — расстрелять его. Они все были фигурантами в одном и том же «великом историческом фильме». И точно так же, как он заново открывал для себя свое отечество, когда в 1916 году ездил репортером в русские войска во Франции, так и сейчас, десять лет спустя, попав на съемки немецкого фильма, сознавал, что и он, и эти эмигранты вышли из одного и того же горнила истории.

* «Крупный план» (англ.)

СМЕРТЬ ЛЕНИНА

В начале 1924 года, прожив почти три года в Европе, Эренбург и Любовь Михайловна приехали в Советский Союз. Несколько месяцев Илья Григорьевич провел путешествия, читая лекции и отрывки из своих книг. Он побывал в Одессе, которую посетил впервые, выступал в Харькове, Гомеле, Киеве, где погостил в семье жены. В Киеве он посетил тщательно выполненную постановку по мотивам собственных романов. «На сцене показывали Илью Эренбурга, — вспоминал Эренбург, — у него на плечах сидел американский мистер Куль и покрикивал: “Живей, живей, моя буржуазная кляча...” Мой тесть, доктор Козинцев, возмущался, а мне было смешно»³⁶.

На самом деле, Эренбургу спектакль также совершенно не понравился. Озаглавленная «Универсальный Некрополь» и основанная на трех его романах — «Хулио Хуренито», «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Трест Д. Е.», — постановка все их искажала. Эренбургу, который жил в Германии, было крайне трудно, вернее невозможно, помещать превратному толкованию своих романов. «Такого рода переделки по отношению к живым авторам, работающим в СССР, являются недопустимыми», — писал он в феврале 1924 года в киевской газете. В ответ на его публичный протест постановщики переименовали главных героев и перенесли действие в другие страны. Эренбург решил — «из уважения к работе, проделанной коллективом мастерской»³⁷ — не настаивать на своих требованиях.

Не только профессиональные дела побудили Эренбурга приехать в Россию. Ему хотелось повидать свою дочь, которой тогда уже исполнилось тринадцать лет. Она жила в Москве вместе с матерью, Екатериной Оттовной Шмидт, и отчимом, Тихоном Ивановичем Сорокиным, которого Эренбург знал и любил еще по довоенным парижским годам. До тех пор Эренбург не брал на себя воспитание дочери; кроме писем он мог посылать ей из Европы разве что цветные мелки и детские книги. Теперь же он принял решение стать ей настоящим отцом и всерьез заняться ее воспитанием. К тому же он надеялся, что Париж для него вскоре откроется: весной 1924 года французское правительство признало большевистский режим, а это означало, что Эренбург сможет переехать во французскую столицу. При рождении Ирины ее родители — Эренбург и Е. О. Шмидт — не состояли в законном браке, и теперь, желая, чтобы его дочь закончила образование во Франции, Эренбург ее официально удочерил. И еще он, с помощью Бухарина, получил визы для трех своих сестер, так что и они, вместе с Ириной, получили возможность отправиться в Париж³⁸.

Эренбург не преминул объяснить дочери, что родина их — Россия и что в Париже она не останется. Живя во Франции, Ирина Эренбург как-то, во время летних каникул, соприкоснулась с несколькими русскими семьями. «На пляже собирались их дети, танцевали и купались, — позднее вспоминала она. — Узнав, что я “советская” и собираюсь в СССР, они начали меня изводить»³⁹. В Москву Ирина Эренбург вернулась только в 1933 году, закончив в Париже среднюю, а затем и высшую школу.

Почти сразу по приезде в Москву Эренбург оказался свидетелем эпохального события. Он не пробыл в русской столице и трех недель, когда 21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Узнав об этом, Эренбург инстинктивно потянулся к Бухарину. «Я пошел к Николаю Ивановичу, моему товарищу по нелегальной школьной организации, он жил во Втором доме Советов [гостиница «Метрополь» — Дж. Р.]. Обычно веселый, он молчал, и вдруг я увидел в его глазах слезы». Однажды Бухарин признался Эренбургу, что революция оборачивается не совсем тем, чем мечталось. «С Ильичем мы не пропадем», — заверил он тогда старого приятеля⁴⁰. Ленин фактически скончался на руках у Бухарина. И революция, если уж на то пошло, была в опасности.

Смерть Ленина заставила Эренбурга пересмотреть свои прежние оценки создателя Советского государства. Его бывшие портреты Ленина — полная сарказма карикатура, которую он юношей нарисовал в 1909 году в Париже, презрительные разоблачения, сделанные в Москве и в Киеве во время Гражданской войны, образ беспощадного кремлевского вождя из «Хулио Хуренито» — нельзя было повторять. Большевики теперь крепко держали кормило власти, и Эренбургу следовало остерегаться. Да и Бухарин боготворил Ленина, с чем не считаться Эренбург не мог. Время вынуждало его по-иному взглянуть на Ленина и публично продемонстрировать свой патриотизм, даже идеологическую преданность.

Решение продиктовала необходимость — политическая и профессиональная. Вместе с очень немногими писателями Эренбургу предложили принять участие в однодневной газете, посвященной памяти Ленина, выпуск которой был приурочен к дню его похорон. Этим Эренбургу — среди приглашенных он был единственным, кто жил за границей, — оказывали большую честь. И он сделал все, что мог. Его статья «Об обыкновенном и необыкновенном» была взглядом в прошлое, который мог принадлежать ему одному. Описывая парижскую квартиру Ленина, Эренбург упомянул, как привратница не раз жаловалась, что полиция часто навешивается к этому «самоу обыкновенному человеку», Эренбург тут

же добавлял: не стоит винить эту женщину, что она так на это реагировала. Даже «самые хитроумные начетчики» не понимали значения и величия Ленина. «Это знал только он, и в этом его величие <...> Кто мог подумать, что из ребячески-романтических баррикад, из библиотечных томов, из долгих споров среди вот таких «неудобных жильцов», будет создана огромная живая пирамида, пятая часть планеты, построенная по плану и скрепленная вязкой кровью?»⁴¹.

В том же году, позднее, по возвращении в Париж, Эренбург, завершая роман «Рвач», окончил его кратким, берущим за сердце описанием похорон Ленина. Смерть Ленина оставила ужасную брешь. «Кто победит? — спрашивал себя Эренбург, прощаясь с прахом Ленина. И невольно «сопоставлял суровую точность черепа и стихийное копошение толпы, дымность костров, ухабистость речи. А может быть, и вовсе праздный это вопрос, — заключал он, — ибо и он, и они одно — Россия»⁴².

ПАРИЖСКИЕ РОМАНЫ

Посещение Советского Союза не разрешило сомнений Эренбурга в отношении революции и общества, складывавшегося при НЭПе. В трех следующих его романах — «Рвач», «В Проточном переулке» и особенно наглядно в «Бурной жизни Лазика Ройтшванеца» — говорится о советском обществе, каким он сам непосредственно его увидел. Эти книги отнюдь не выражают неприятия советской жизни и не являются пасквилем на нее. Все три романа — зоркий и трезвый вердикт обществу, находящемуся в процессе формирования. Религия, экономика, политика, литература и зачастую сам язык находятся в упадке. Старые вехи снесены. Существует лишь унылый повседневный быт с его нуждой и хамством, да новая, все более нахрапистая сила — советское государство, — которую все персонажи, кто восторженно, кто с опаской, принимают. Мрачные, насыщенные грубыми чувствами и насилием, эти романы рожают в воображении читателя картину сложного переходного периода, когда советское общество не вполне знало, как ему справиться с разрухой и чувством растерянности.

Взятые вместе, эти романы дают ясное представление о настроении Эренбурга и главной его проблеме. Хотя местом своего пребывания он избрал Европу, эмигрантом он себя никоим образом не считал, а между тем это было время, когда многие русские художники решали для себя вопрос, вернуться ли в Советский Союз, или

обосноваться на Западе. Написанные в 1924—1927 гг., эти три романа подтверждают литературную и психологическую автономность Эренбурга и отражают его достоинства как писателя: умение выразить наблюдаемые им острые социальные явления в динамичном увлекательном повествовании. Именно эти его качества имел в виду В. Каверин, когда назвал «Рвача» лучшей книгой Эренбурга*. «Это была первая попытка автора [Эренбурга — Дж. Р.] увидеть страну изнутри, — написал Каверин, — а не в перевернутый бинокль»⁴³.

У Михаила Лыкова, героя романа «Рвач», нет твердых убеждений, которые помогли бы ему благополучно пройти через ужасы Гражданской войны и соблазны НЭПа. Он хочет не просто выжить, он жаждет преуспевать. И при этом побаивается революции и большевиков. С большевиками, считает Михаил, ему не по пути, и он вступает в партию эсеров. Его биография начинает походить на историю самого Эренбурга: летом 1918 года, когда поднятое эсерами восстание против Ленина провалилось, герой Эренбурга бежит из Москвы в Киев, где вскоре оказывается воспитателем малолетних преступников и беспризорных детей. В Киеве Михаил оказывается свидетелем всего спектра насилий Гражданской войны.

В романе «Рвач» Эренбург ясно говорит, что большевики разделяют ответственность за жестокости Гражданской войны. Все население страны смертельно боится Чека. Когда старуха соседка Михаила слышит, что ее вызывают в Чека, она кончает с собой. Само слово «Чека» обретает мифические пропорции. Даже малые дети знали эти «два слога <...>, предшествовавшие “маме”, ибо ими пугали в колыбели, как некогда “букой”»⁴⁴.

Михаил возвращается с Гражданской войны целым и невредимым. Он вновь едет в Москву, но теперь уже не понимает, по каким правилам идет в ней жизнь. Начался НЭП, полки магазинов ломятся от товаров, беззастенчиво процветают взятки, спекуляция, хапужество. Политика НЭПа означает привилегии и неравенство. Даже в конце «Хулио Хуренито» Учителем овладевает отчаяние, он сознает, что революция и Гражданская война окончились новой прагматической политикой. «Я не могу глядеть на этот нелетающий самолет! — восклицает он. — Скучно!»⁴⁵ И объявляет, что предпочитает смерть от руки воров, позарившихся на его английские, шнурующиеся доверху сапоги. Михаил Лыков также становится жертвой НЭПа. Сотрудничество с валютчиками кончается для него тюрьмой, и, не выдержав тюремного режима, Михаил Лыков кончает с собой.

---

* Это мнение одного из четырех персонажей статьи В. Каверина (прим. ред.).

Действие романа «В Проточном переулке» также происходит при НЭПе, в 1926 году, в то самое время, когда Эренбург с женой жили в советской столице. Поначалу они собирались остановиться в гостинице, но это оказалось им не по карману, и они приняли приглашение Е. О. Шмидт и Т. И. Сорокина поселиться у них, в Проточном переулке. В те годы этот уголок Москвы был весьма колоритен и пользовался дурной славой: место, облюбованное «ворами, мелкими спекулянтами, рыночными торговцами» — вспоминал в книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург⁴⁶.

Роман «В Проточном переулке» рисует измученное, надломленное население. Почти все обитатели Проточного переулка — герои книги — предельно бедны; они живут при общественном строе, который им ничего не дает. Центральный эпизод романа — случай, свидетелем которого был сам Эренбург: хозяин одного из домишек заваливает снегом, облив его водой, лазейку в подвал, где ночует кучка беспризорных. Замуровав их, он надеется таким образом от них избавиться.

Однако иногда эти брошенные, бездомные дети, вынужденные лгать, воровать и даже разбойничать, чтобы выжить, находят сочувствие у взрослых, которые понимают, что они, по сути, ни в чем не виноваты. Во время Гражданской войны Эренбургу приходилось работать с детьми и не в первый раз он уделял им место в своих романах. Их беды означали для него нечто большее, чем присущая людям жестокость. Хотя его маленьким героям из Проточного переулка удастся спастись, будущее их, как и будущее России, по-прежнему не внушает Эренбургу уверенности: «И сдается мне, идет это наша Россия, — писал он, — такая же ребячливая и беспризорная, мечтательная и ожесточенная, без угла, без ласки, без попечений <...> все дальше и дальше, по горячей пустой дороге...»⁴⁷

В следующем году Эренбург написал самую необычную за всю свою творческую карьеру книгу — роман «Бурная жизнь Ластика Ройтшванца». Построенный вокруг приключений персонажа из еврейского фольклора — нищего загнанного портняжки, который и мухи не способен обидеть, но которого обижают и эксплуатируют всяк, кому не лень — этот роман оказался единственным в наследии Эренбурга, целиком посвященным еврейской теме. Ни одно из его предшествующих произведений не предвещало такой этнической насыщенности; язык и происхождения Ластика, как и его истории, даже сама его смерть делают этого героя типичной жертвой общего

отношения к еврейству. Шестью годами ранее, в «Хулио Хуренито», Эренбург утверждал, что от всего остального человечества евреев отчуждает желание сказать «нет», когда другие говорят «да». «Лазик» еще и подрывная книга, в которой подвергаются осмеянию все мирские, религиозные и политические авторитеты; Лазик бросает вызов им всем, а они все попирают его и травят.

Роман представляет собой ряд разрозненных историй и анекдотов, сопутствующих Лазикю всю его жизнь — начиная с места его рождения, белорусского города Гомеля с преимущественно еврейским бытом, затем в Москве, Варшаве, Германии, Франции и кончая Англией, где Лазик присоединяется к группе евреев, отплывающих в Палестину. Что бы ни предпринял Лазик — занимается ли он своим портняжным ремеслом или затевает какой-нибудь невинный «гешефт» — ничего у него не клеится. В Киеве он пытается вступить в коммунистическую партию, и ему предлагают продемонстрировать верность идеям: он должен гарантировать, что в ночном клубе, куда его посылают, будут танцевать вальс — танец политически приемлемый, а не фокстрот — танец чересчур буржуазный. В Туле он разводит кроликов — несуществующих кроликов (в проводимом якобы эксперименте нет ни одного) и все его усилия создать видимость успеха остаются втуне.

В подобных эпизодах Эренбург дает себе полную волю, делая мишенью своих насмешек промышленность, сельское хозяйство и интеллектуальную жизнь страны. Он так и не примирился с насилием, развязанным революцией. За фарсовым юмором повествователя слышится глубокое возмущение, идущий от сердца крик протеста произвольных побоев и убийств, от которых едва спасается его герой. Чека то и дело арестовывает и расстреливает по ошибке ни в чем не повинных людей. «Когда гуляет по улицам стопроцентная история, — иронизирует Лазик, — обыкновенному человеку не остается ничего другого, как только умереть с полным восторгом в глазах». Размышляя о Чеке, Лазик вспоминает хасидскую легенду о знаменитом бердичевском цадики. Случай, о котором идет в ней речь, приключился в Йом-Кипур. По велению Бога цадик подымается на Небо, чтобы сказать слово в защиту умершего хапуги. Цадику удастся быстро вымолить ему прощение и, решив воспользоваться добрым расположением Бога, он начинает «наседать» на него, доказывая безотлагательную необходимость послать на Землю мессию для спасения мира. Цадик убеждает, упрашивает и, вконец запутав Бога, уже было добивается его согласия, но тут, — когда мир вот-вот мог бы избавиться от всех зол и бед, — цадик вспоминает о все еще молящихся в синагоге евреях, которые, полагая, что

он дремлет (телесная оболочка цадика на небо не вознеслась, и они не знают, что душа его беседует в Богом) не могут без него завершить молитвы:

«И вот, вдруг цадик видит, что старый Герш падает на пол без чувств. Шутка сказать — со вчерашнего дня он ничего не ел и ничего не пил. Цадик понял, что если сейчас же не кончится молитва, старый Герш умрет на месте. И цадик сказал Богу: «Я, может быть, поступаю очень глупо. Я должен был убедить тебя, что больше ждать нельзя. Тогда бы ты спас все обширное человечество. Но я не могу сейчас больше с тобой разговаривать, потому что мне некогда: если я останусь еще один час на небе, старый Герш, который стирает в Бердичеве постыдное белье, обязательно умрет. А где это сказано, что я имею право заплатить за счастье всего обширного человечества жизнью старого Герша?»»

Для Лазика мысль, проповедуемая мудрым ребе, ясна и убедительна. Революция, Гражданская война, бесконечные казни — все это совершалось во имя будущего счастья человечества. Но если раввин не может допустить, чтобы старый еврей умер ради прихода на землю мессии, то *кто* может взять на себя право приказывать принести в жертву другое человеческое существо?⁴⁸

В своих мемуарах Эренбург бегло говорит о том, как у него возник замысел «Бурной жизни Лазика Ройтшванца», когда в 1927 году во время посещения Польши он услышал массу забавных историй о хасидах и их суевериях. Однако это безобидное объяснение лишь камуфляж. Если не считать нескольких хасидских историй, которые рассказывает Лазик, ничего общего с традиционным еврейским бытом, с жизнью евреев в бесконечном числе *shtetls*^{*}, разбросанных по Польше и Украине, у Лазика нет; о еврейских общинах Эренбург имел весьма смутное представление, почерпнутое из поездок к деду в Киев. Роман этот — вовсе не о той жизни, с которой Лазик и семья Эренбурга расстались навсегда; это — книга о еврее, который, отказавшись от традиционного образа жизни, тщетно пытается найти себе место в жизни широкого гражданского общества. Живет ли Лазик в коммунистической Москве или в капиталистическом Париже, его все равно постоянно шпыняют и бьют, пока он, наконец, не решается уехать в Палестину, где надеется оказаться членом общества, созданного для его блага.

Отнюдь не случайно и вовсе не ради изобретательного поворота фабулы Лазик Ройтшванец ищет прибежища в Палестине. Палестина — логическое его прибежище. Однако Лазик и там не находит желанного счастья. Евреи ведут себя не хуже и не лучше всех про-

---

* Местечек (*идиш*).

чих — даже по отношению к «своему»; Лазика снова бьют и бросают в тюрьму — в девятнадцатый раз. Неугомонный Лазик решает организовать «Союз по возвращению на родину» и вернуться в Гомель. Но подобные чувства вызывают такое возмущение, что за Лазиком гонятся по улицам Иерусалима, пока он не оказывается за пределами города — один, ночью, на проезжей дороге. Дошагав до каменного шатра над гробом Рахили, он, обессилив, теряет сознание и умирает⁴⁹.

***

Когда в 1934 году Эренбург приехал в Москву на Первый съезд советских писателей, его пригласили на прием, устроенный на даче Горького, куда прибыли все члены Политбюро — кроме Сталина⁵⁰. Оказалось, что многие читали «Бурную жизнь Ластика Ройтшванца» (надо полагать, в зарубежном издании); говоря с Эренбургом о его романе, они высказывали опасение, что такая жалкая фигура, как Лазик, может способствовать антисемитизму. Только Лазарь Каганович, единственный еврей в составе Политбюро, неодобрительно отозвался о романе — и по причине прямо противоположной: он считал, что от «Ластика» веет «еврейским национализмом». Это было опасное обвинение, которое Каганович охотно выдвигал всякий раз, когда упоминались страдания евреев. «Лазик» был первым среди романов Эренбурга, который наотрез отказались публиковать в Советской Союзе. Там его напечатали лишь в 1989 году.

РЕАКЦИЯ КРИТИКИ

Романы Эренбурга явились частью возрождения литературы и культуры в период НЭПа. Крупнейшие писатели этих лет не состояли в коммунистической партии. Эренбург, Анна Ахматова, Алексей Толстой, Борис Пильняк, Евгений Замятин — все они в разной степени сохраняли независимость и в своих произведениях не подлаживались ни под какую определенную идеологию.

Эренбург был, однако, единственным советским писателем, жившим за границей, и это делало его сугубо уязвимым для крикливых идеологических нападок. Судьба его романов двадцатых годов отражала все более ужесточавшееся, по мере приближения следующего десятилетия, отношение большевистского режима к искусству и литературе. Ортодоксальная марксистская критика была

к произведениям Эренбурга особенно непримирима. В длинной статье, напечатанной в «Известиях» от 1-го октября 1923 года, подчеркивалось, что Эренбург пребывает «на стыке двух культур», «поэтому ему не дано ни с одной из них органически слиться. Характерно, что белые считают Эренбурга красным, а красные — белым. А он в действительности, — продолжал автор известной статьи, — только великолепный анархистствующий, интеллигентствующий обыватель, т. е. в политическом смысле слова ни рыба, ни мясо». И в итоге делался вывод: Эренбург — рабочему классу «вреден»⁵¹. Другой критик обзывал Эренбурга «последышем буржуазной культуры», «литературным анахронизмом»⁵². Для критиков подобного толка Эренбург был инородным элементом, своего рода проводником чуждых влияний, порочные книги которого отражали мировоззрение писателя, чье воображение и преданность были отданы буржуазному Западу, а не большевистскому Востоку.

«Рвач» подтверждал репутацию Эренбурга как писателя опасного. Автор внутренней рецензии на книгу предупреждал издательство, что ее необходимо снабдить предисловием, в котором нужно «вскрыть буржуазность, подчас враждебность Эренбурга советской власти»⁵³. В «Красной газете» (ленинградская «вечерка», выходившая огромным тиражом) Эренбурга обвиняли в том, что он изображает низменное растленное общество — не иначе как «выполняет социальный заказ эмигрантской интеллигенции, рисуя уголок советской Москвы, где нет коммунистов, нет социалистического строительства, нет вдохновенного созидания новой жизни»⁵⁴.

Эренбург пристально следил за критическими отзывами в советской печати, пытаясь оценить, в какой мере эти нападки скажутся на его положении. Судьба «Рвача» особенно его волновала. Книга писалась им в Париже с июля по ноябрь 1924 года, сразу по приезде из Москвы. В январе 1925 года он уже знал, что советского издания «Рвача», скорее всего, не будет. Издательство «Ленгиз» от романа отказалось; Эренбург получил официальное письмо, в котором сообщалось, что «тов. Ионов [директор «Ленгиза» — Дж. Р.], ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен»⁵⁵. Тем временем Эренбург договорился о напечатании «Рвача» в одном эмигрантском издательстве; книга вышла в июле 1925 года в Париже.

Эренбург тотчас послал несколько экземпляров книги в Россию друзьям, в том числе и Е. Полонской, на чье суждение и дружбу очень полагался. Он с волнением ждал ее отзыва; в письме к ней, отправленном в сентябре, он писал: «Боюсь, что “Рвач” не пойдет у вас [в Советском Союзе — Дж. Р.]. Как тебе кажется? Покажи

твой экземпляр литературной публике и напиши мне нелицеприятное суждение. Я очень изолирован, и это не всегда приятно». В том же письме он мимоходом упоминал, что «начал роман (еще один) «автобиографический» (или псевдо): Париж, босячество, скука...» Речь шла о романе «Лето 1925 года», самом личном и самом печальном из всех им написанных. (Первоначально он собирался назвать книгу «Отчаянье Ильи Эренбурга»). Книга эта пронизана сумеречным угнетенным настроением. Эренбург вновь выступает в качестве героя собственного романа, на протяжении которого то и дело охотится за окурками на парижских тротуарах. Осенью 1925 года в письме к Е. Полонской, написанном в разгар работы над романом, он жаловался, что «впал в "черную бедность"». Живу скандинавскими переводами и аскетической фантазией», — писал он, имея в виду свои заметки, поставляемые им в советские газеты⁵⁶. Месяц спустя он снова сетовал на свои беды, делясь с Полонской своим горячим желанием побывать в России, и тут же вздыхал: «не знаю, удастся ли — из-за денег»⁵⁷.

Эренбург еще не раз настоятельно просил Полонскую сообщать ему о судьбе «Рвача». В октябре он интересовался: «Неужели ты не видела ни одного человека, который похвалил бы ее [книгу «Рвач» — Дж. Р.]⁵⁸. В декабре, все еще переживая неудачу, постигшую его роман в России, спрашивал, не покачнулось ли за прошедший год его положение «1) в сферах и 2) среди читателей»⁵⁹. Мандельштам, которому были известны сложности, возникшие на пути публикации романа, писал жене в феврале 1926 года, после посещения Ленгиза, что К. Федин и И. Груздев «в числе других, пытаются протащить "Рвача"»⁶⁰. Только в 1927 году Эренбургу удалось напечатать книгу — и то со значительными купюрами — в кооперативном одесском издательстве.

На протяжении двадцатых годов у критиков Эренбурга, при всех их стараниях, не было сколько-нибудь определенной — пожалуй, вообще какой-нибудь — цели. Коммунистическая партия в период НЭПа еще не была готова учредить над литературой строгий политический контроль. Эренбургу эта терпимость властей играла на руку. Он много публиковался в журнале «Красная новь», который выходил под руководством Александра Воронского и считался самым значительным. Журнал был открыт в 1921 году, когда Воронский получил партийное задание создать периодическое издание такого типа, который в России называют «толстым журналом» — орган, печатающий серьезную, высокую литературу и критику, весьма принятый в интеллектуальной жизни дореволюционной России. Воронский возглавлял «Красную новь» до 1927 года и как никто

другой способствовал возрождению литературы после всех пертурбаций, произведенных революцией и Гражданской войной. Честный и бесстрашный редактор, он принимал во внимание не столько классовое происхождение автора и его идеологию, сколько литературные достоинства предполагаемого для публикации материала. Эренбург напечатал в «Красной нови» ряд рассказов, эссе и путевых очерков. Для него этот журнал был, в сущности, отдушиной в советской печати, и он предпочитал его всем остальным. Не удивительно, что Воронский стал излюбленной мишенью напостовцев. Так, глава журнала «На посту» обвинял Воронского в том, что своей «политикой» он дает возможность буржуазным элементам «использовать нашу [советскую — *Дж. Р.*] литературу против нас самих» и таким образом «под знаком коммунистической партии» выгребает на страницы своего журнала «кучи грязи»⁶¹. Под «грязью» критик подразумевал, среди прочих, романы Эренбурга.

МОСТ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

При всем обилии литературной продукции, выпускаемой Эренбургом, его роль в советской литературе двадцатых годов не ограничивалась только писанием книг и статей. Живя по-прежнему в Париже, он служил мостом между современными художественными направлениями в Европе и в новом советском государстве. В той мере, в какой это было для него возможно, Эренбург старался познакомить с советским искусством Европу, а с европейским — Советы. Уезжая в 1921 году из Москвы, он вез с собой рукописи Пастернака, Цветаевой, Есенина и других в надежде найти для них в Европе издателей⁶². В 1921—1922 гг. он выпускал в Берлине журнал «Вещь», где широко публиковались статьи и рецензии о советском искусстве. Кроме того, в Берлине Эренбургом была издана антология русской поэзии, дававшая возможность европейским писателям и эмигрантским кругам судить о современных советских поэтах.

К Эренбургу обращались за содействием и советом многие советские писатели. В 1926 году он привез в Москву Борису Пастернаку новые стихи Марины Цветаевой. Когда в 1927 году отрывки из антиутопии Замятина «Мы» — позднее вдохновившей Оруэлла на роман «1984» — появились, без его разрешения, в пражском эмигрантском журнале, Замятин, узнавший об этом из письма Эренбурга, обратился к нему за помощью. По просьбе Замятина Эренбург написал издателям «Воли России», потребовав, чтобы печатание отрывков было прекращено. Два года спустя роман «Мы» вы-

шел во французском переводе в Париже, и есть все основания полагать, что это издание состоялось не без участия Эренбурга. Ни шаткое положение Замятина в Советском Союзе, ни явно антисоветская направленность его антиутопии не остановили Эренбурга в его попытках помочь товарищу по перу⁶⁴.

Эренбург брал на себя и другие дела, которые предпринимал для поддержания связей между Советским Союзом и западной культурой. Отправляясь в 1926 году в Москву, он специально захватил с собой отрывки из фильмов самых знаменитых тогда кинорежиссеров, в том числе Абея Ганса, Рене Клера и Жана Ренуара, проиллюстрировав ими дважды прочитанную в Москве лекцию «Новое французское кино». Это выступление широко обсуждалось в советской печати, и его инициатива заслужила благодарности публики. По мнению рецензента «Вечерней Москвы», для москвичей, почти незнакомых с новым направлением во французской кинематографии, это было полным откровением⁶⁵. В следующем году Эренбург выпустил в Москве брошюру о развитии европейского киноискусства. Подобно многим такого рода изданиям, часто оформляемым современными художниками, «Материализация фантастики» (так называлась эта брошюра Эренбурга) была издана в обложке, выполненной Александром Родченко, который подчеркнул принадлежность Эренбурга к последним могикам авангардизма.

Но и это еще не все. В 1931 году Эренбург вместе со своим ближайшим другом Овадием Савичем, также работавшим в Париже советским корреспондентом*, собрал богатый и разнообразный материал, составивший сборник «Мы и они» — высказывания о французской жизни, почерпнутые из русской литературы за два последних столетия. Как объясняли Эренбург и Савич: «Для России она [Франция — Дж. Р.] олицетворяла Европу, и порою, под видом разговоров о достоинствах и пороках Франции, шел спор о целительности для России всей европейской культуры»⁶⁶. В «Мы и они» были представлены столь разные писатели как Ф. М. Достоевский, О. Э. Мандельштам, А. И. Герцен, Эльза Триоле и Н. В. Гоголь; знаменательно, что в книгу вошли и несколько выдержек из Троцкого, тогда уже два года как изгнанного из Советского Союза. Надо полагать, что цитирование Троцкого и послужило препятствием для издания книги в СССР. Эренбург и Савич сумели напечатать ее только в Берлине.

В Москве, однако, Эренбургу удалось выпустить альбом своих фотографий, изображавших жизнь Парижа. «Мой Париж» вобрал в

* Как и Эренбург, Савич стал советским корреспондентом не раньше 1932 г. (прим. ред.).

себя целую галерею неприкрашенных портретов рабочих, детей и представителей чисто французской профессии — *conciergerie*^{*}. Пользуясь «лейкой», снабженной боковым видеоискателем, Эренбург снимал одну уличную сценку за другой, не привлекая внимания тех, кого фотографировал. В альбоме нет ни одного снимка внутренних помещений; даже привратники и привратницы сняты или на тротуаре, или в дверях дома. Вдобавок камера Эренбурга запечатлела такое пикантное учреждение как парижский *pissoir* — французскую общественную уборную, «удобство», тогда еще советским гражданам неведомое и почти непостижимое. Альбом «Мой Париж» предлагал Москве живой облик столицы Франции как раз в тот момент, когда Советский Союз становился все более и более закрытой страной.

И все-таки Эренбург был осторожен, стараясь обезопасить себя. Когда в конце двадцатых годов его приятель, итальянский журналист Нино Франк, предложил ему в Париже поддержать новый интернациональный журнал «Бифур», Эренбург охотно это предложение принял. Однако не преминул оговорить, что в обращении редакционной коллегии должно быть указано: он, Эренбург, заранее отмежевывается от любых политических заявлений и демонстраций, которые могут быть журналом предприняты⁶⁷. Желая участвовать в «Бифуре», Эренбург также желал быть уверенным, что ни одна художественная или политическая акция, предпринимаемая журналом, не скомпрометирует его как советского писателя. Памятуя, насколько уязвимо его положение, Эренбург понимал необходимость вести искусную игру и не провоцировать своих советских хозяев.

---

^{*} Привратник, привратница (фр.)

ГЛАВА 6

СТАЛИН И ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА

НЭП просуществовал недолго. В «сферах» разворачивались драматические события, исходу которых суждено было сказаться на всем советском обществе. После смерти Ленина среди членов Политбюро началось лавирование в борьбе за власть. К 1927 году Сталин, опираясь на Бухарина, одержал верх и удалил из Политбюро своих главных врагов — Льва Троцкого, Льва Каменева и Григория Зиновьева. Троцкого с позором изгнали в далекую ссылку — в Алма-Ату. Каменева и Зиновьева выселили из кремлевских квартир; по свидетельству очевидцев, Зиновьев, некогда особенно близкий Ленину, его личный секретарь, съезжал, неся в руках ленинскую погребальную маску. Хотя и Каменеву, и Зиновьеву на политической карьере пришлось поставить крест, оба они остались в Москве и получили солидные должности. Окончательная расправа с ними была еще впереди.

От союза со Сталиным Бухарин выиграл; многие даже считали его вторым лидером страны. Однако воспользоваться этим удачным политическим шагом он не сумел, уже к 1929 году, когда Троцкого изгнали из Советского Союза, Сталин полностью Бухарина затмил.

Достигнув верховной власти, Сталин приступил к свертыванию НЭПа и стремительному внедрению Первого пятилетнего плана. НЭП был переходным периодом, когда партия решила пойти навстречу нуждам крестьянства и установить экономическое и социальное равновесие. Тем не менее, многие активисты восприняли НЭП как упадок боевого духа в партии, как нежелание осуществить быстрые социальные перемены; Сталин положил конец их неудовлетворенности. С принятием в 1928 году Первого пятилетнего плана, он приступил к программе быстрой индустриализации страны, а затем к принудительной коллективизации ее сельского хозяйства.

Партия пошла в наступление против жителей страны. Были мобилизованы все человеческие ресурсы, включая литературу и искусство. С НЭПом и атмосферой терпимости было покончено. Страна становилась царством Сталина — царством страха.

Трудности Эренбурга с Главлитом усугубились. Его книги и статьи по-прежнему публиковались, но опасения на их счет зазвучали в критике настойчивее и приобрели более серьезный характер. Так, сборник его эссе о европейской культуре и европейском обществе — «Белый уголь, или слезы Вертера» — вышел в 1928 году с необычным, если не сказать странным предисловием, в котором после похвал стилю Эренбурга и его знанию Запада утверждалось: «легко доказать, что автор “Николая Курбова” еще тесно связан с тем прошлым, которое он обливает ядом желчной сатиры и скептицизма»¹. Эренбург, говорилось в статье, остается «по другую сторону баррикад». Даже Н. И. Бухарин счел необходимым отступить от Эренбурга. В статье, напечатанной в «Правде», Бухарин упомянул «Лазика Ройтшванца» в числе романов, авторы которых предпочитают «размазывать безыдейную, скучную, совсем неправдивую в своей односторонности литературную блевотину»².

В конце двадцатых годов Анатолий Гольдберг — тогда иностранный студент в Берлине, а позже известный комментатор русского вещания Би-Би-Си, чьи программы жадно ловили миллионы советских слушателей, — стал свидетелем инцидента в Берлине, отражавшим это отрицательное отношение к Эренбургу официальных советских лиц. Однажды Гольдбергу довелось присутствовать на чтениях, устроенных группой советских и немецких писателей. Среди прочих попросили выступить и Эренбурга, которому тогда случилось быть в Берлине. Аудитория, как запомнилось Гольдбергу, состояла из немецкой интеллигенции, русских эмигрантов и таких, как он сам, студентов-иностранцев; вторая половина зала была представлена сотрудниками из огромного штата советского посольства. Эренбургу предстояло читать последним, но как только он открыл свой новый роман «Заговор обреченных» — о Граксе Бабефе, отвергавшем террор и ратовавшем за эгалитарную демократию, за что и был арестован, а затем, в 1797 году, казнен, — советская часть слушателей покинула зал³.

Несколько позже, 26 августа 1929 года, последовал неожиданный и сокрушительный удар. Борис Волин, прежде вовсю поносивший Эренбурга в журнале «На посту», разразился погромной статьей против Евгения Замятина, Бориса Пильняка и Ильи Эренбурга, напечатанной на первой полосе «Литературной газеты», официального органа Всероссийского союза писателей. Волин обвинял

всех троих в том, что каждый из них разрешил публикацию по крайней мере одного своего произведения на Западе после того, как оно было запрещено или не рекомендовано к печати советскими цензорами. Пильняк и Замятин жили в Советском Союзе, где Пильняк возглавлял Московское отделение союза писателей, а Замятин — Ленинградское. «Красное дерево» Пильняка и «Мы» Замятина были сочтены «неприемлемыми». Что касается Эренбурга, то, живя во Франции, он опубликовал там отдельным изданием роман «Рвач», причем на Западе роман появился в более длинном и полном варианте, чем в Советском Союзе. «Мы обращаем внимание на этот ряд совершенно неприемлемых явлений, компрометирующих советскую литературу, и надеемся, что в их осуждении нас поддержит вся советская общественность», — заканчивал свою статью Б. Волин⁴.

Судьба Пильняка и Замятина была прямо противоположна той, какая сложилась у Эренбурга. Все двадцатые годы Замятин пользовался репутацией талантливейшего и честнейшего писателя России, честь, за которую заплатил дорогой ценой. Дважды он сидел в одиночной камере: первый раз в 1905—1906 гг. за революционную деятельность при царе, второй — в 1922 г. при комиссарах; оба раза в одном и том же тюремном отсеке. Подобно Эренбургу, он являлся главной мишенью напостовских критиков. Его роман «Мы» был в Советском Союзе запрещен и стал объектом злобной ругани. В 1929 г., вслед за погромным наскоком «Литературной газеты» Замятина отлучили от советской литературы. Травля, которой подверглись Замятин и Пильняк, была, по правде говоря, частью общего плана режима принудить писателей работать на социалистическое переустройство страны, покончив с аполитичностью членов Всероссийского союза писателей, состоявшего в основном из беспартийных попутчиков.

В последующие за статьей Волина недели Замятина и его роман «Мы» вовсю громили члены Ленинградского отделения писательского союза, однако исключать его им не довелось. Замятин сам в знак протеста подал заявление о выходе из этой организации. Два года спустя, в 1931 году, он, в порыве отчаянья, обратился с письмом прямо к Сталину, прося разрешения выехать за границу. Разрешение — не без помощи Горького — было дано, и Замятин выехал в Париж. Однако там снова вступить на литературное поприще он не смог и, сокрушенный безысходностью своего положения, умер в 1937 году.

Судьба Бориса Пильняка была еще трагичнее. В 1926 году он опубликовал повесть, которая в итоге стоила ему жизни. В этой

повести он коснулся острого вопроса — смерти Михаила Фрунзе, народного комиссара армии и флота, умершего в 1925 году в результате хирургической операции. По Москве ходили слухи, что на операции, скорее всего ненужной, настоял Иосиф Сталин, замысливший убить Фрунзе. «Повесть непогашенной луны» — так называлось это произведение Пильняка — печаталась в «Новом мире». Пильняк предпослал ей предисловие, в котором специально оговаривал: фабула «Непогашенной луны» никоим образом не связана со смертью М. В. Фрунзе. Тем не менее, обстоятельства безвременной кончины народного комиссара и рассказанная в «Непогашенной луне» история полностью совпадали. Более того, сходство созданного Пильняком образа «негорбящегося человека» — холодной, параноической политической фигуры — не оставляло места для сомнений. Меры были приняты немедленно. Весь тираж этого номера «Нового мира» был сразу конфискован; редакторы журнала каялись, признавая опубликование повести грубой ошибкой. Воронский, которому она была посвящена, отказался от этой чести и заклеил повесть как «зловещую клевету на нашу партию»⁵. Однако НЭП, с его относительной терпимостью, еще считался официальной политикой партии; Пильняку дали заграничный паспорт и возможность совершить путешествие по Дальнему Востоку, откуда он присылал красочные путевые заметки. Возмездие пришло позднее.

«Красное дерево» Пильняка — роман, подвергшийся критике Бориса Волина — был опубликован в 1929 г. в Берлине. В решении Пильняка издать книгу вначале в эмигрантском издательстве ничего предосудительного не было: так поступали многие советские писатели, желавшие защитить свое авторское право. К тому же «Красное дерево» было уже принято к печати в советском журнале — правда, со значительными купюрами. Поэтому статья Волина и вызванная ею кампания травли свалились на Пильняка как снег на голову.

В отличие от Замятина, Пильняк стал каяться: его поведение — наглядный пример того, как подчинение советской власти сокрушало талантливых писателей даже прежде, чем она физически их уничтожала. Пильняк попытался переписать «Повесть непогашенной луны» в роман «Волга впадает в Каспийское море», но его старания и последующая работа лишь отразили медленное творческое оскудение. В 1933 году он отправился в турне по Америке, результатом чего явилась анти-американская агитка. С удушением его таланта приближался и конец самой его жизни: Сталин так и не простил ему повести о Фрунзе. В 1937 году Пильняка арестовали по обвинению в шпионаже в пользу Японии и вскоре расстреляли.

Именно в этой атмосфере — когда Сталин укреплял свой авторитет, свертывал НЭП и ужесточал цензуру — Илья Эренбург примирился с режимом. Бывший большевик, поэт, приветствовавший Октябрьскую революцию взрывом ненависти, советский писатель, предпочитавший жить во Франции, романист, вызвавший гневные обвинения наиболее бдительных критиков, Эренбург как писатель шаг за шагом сдавал свои независимые позиции — процесс, который достиг высшей точки в 1932 году, когда он стал парижским корреспондентом «Известий». Этот сдвиг, один из самых настораживающих в жизни Ильи Эренбурга, знаменует начало его карьеры в качестве официального советского журналиста.

В отличие от сотен друзей и знакомых, Эренбург никогда не помышлял стать эмигрантом и отказываться от советского гражданства. Живя в Париже, он имел уникальный статус и не хотел терять его. На этот статус ссылался Евгений Замятин в своем обращении к Сталину в 1931 году: «Илья Эренбург, оставаясь советским писателем, давно работает главным образом для европейской литературы — для переводов на иностранные языки: почему же то, что разрешено Эренбургу, не может быть разрешено и мне»⁶. Но Эренбург пользоваться привилегией быть советским писателем на собственных условиях уже не мог. Надвигалась нужда: ему приходилось жить на деньги с продажи переводов, тогда как советские издательства, которым полагалось платить ему в твердой валюте, зачастую не платили ничего. К 1927 году его все чаще охватывало отчаяние. «Моего “Рвача” изъяли, — писал он Лизе Полонской. — “Белый уголь” никто не берет. “Лазик” обречен на заграничную жизнь»⁷. Такая судьба была не для него, Эренбург твердо решил сделать все, чтобы ее избежать.

КРИЗИС НА ЗАПАДЕ

Эренбург чувствовал необходимость приноровиться к ужесточившейся политической и культурной атмосфере, воцарившейся в советском обществе. Идеологическая амбивалентность облегчала эту задачу. Он всегда был изменчив в своих приверженностях: от политики его бросало к искусству, от религии к мистицизму, от одного литературного стиля к другому. Критик В. Шкловский, с которым Эренбург поддерживал дружеские отношения, однажды назвал его Павлом Савловичем, имея в виду, как часто и с какой завидной гибкостью он менял свои увлечения. По ощущению Шкловского, всякий раз, когда Эренбург был готов принять новую

веру, он и со старой расставаться не хотел; он был Савлом, так до конца и не став Павлом.

Новые требования сталинского режима были оселком, на котором прошла поверку переменчивая натура Эренбурга. К 1928 году в его произведениях начал меняться тон, смещаться акценты; его статьи и книги стали тенденциознее, более просоветскими. Впервые, после поездки по центральной Франции и сельским районам Словакии, он счел нужным написать об европейском крестьянстве⁸. Побывав в Польше, он тотчас опубликовал в «Красной нови» заметки — весьма искусные — об этом путешествии. Путевой очерк «В Польше» — воплощение той политической публицистики, которая на многие годы займет значительное место в творчестве Эренбурга. С самого начала он изображает Польшу экспансионистским государством, вынашивающим планы захвата русских земель. Еще в приемной польского консульства в Париже Эренбургу бросается в глаза настенная географическая карта, где «огромный кусище СССР отхвачен, и на нем значится «Польские земли»». Польша представлена им страной с жестким авторитарным режимом. Уже в первый день своего пребывания там Эренбург заметил за собой «хвост», и не без гордости узнал, что польских студентов сажают по «сто второй статье Уголовного уложения» — той самой, по которой в 1908 году его привлекали к суду, когда у него нашли революционные журналы. Евреев, отмечал он, не пускают во многие церковные учреждения, а посещать общественные парки можно «только в европейском платье» — явная уловка, закрывающая доступ туда хасидам, чьи широкополые шляпы и лапсердаки оскорбляли, надо полагать, вкус прочих посетителей⁹.

Среди друзей Эренбурга многие возлагали вину за дурные стороны в жизни Польши — антисемитизм, полицейскую слежку, наличие политических заключенных — на полученное от России наследие. Однако правители страны — на что подчеркнуто указывал Эренбург — вовсе старались искоренить употребление русского языка и тяготение к русской культуре. «Они успели уничтожить не только русский собор, но и русские школы, русские библиотеки, зачастую даже память о русской речи». Особенно неприятно Эренбурга поразила официальная враждебность Польши к России: «Польша могла быть мостом между Россией и Европой, — писал он. — Вместо этого «она предпочитает стать военным рвом <...> часовыми Запада на неких варварских границах». Тем не менее, убеждал Эренбург свою советскую аудиторию: «несмотря на это (а может быть именно поэтому), никогда еще тяготение поляков к нашей полузапретной стране не было так сильно, как теперь. На

этом сходятся фабриканты и рабочие, поэты и инженеры, спортсмены и мечтатели». Для натренированного уха в этих словах Эренбурга слышится типично советская интонация. «Одно дело — политика правительства, другое — душа народа». Эренбург винит Польшу в том, что при авторитарном правлении генерала Йозефа Пилсудского она стала смотреть только на Запад. Генерал культивировал в своих подданных слепое преклонение перед своей особой, и польские литераторы проявляли восхищение «государственной силой», «громкими словами», «военной музыкой». В кабинете некоего поэта Эренбург обнаружил не один, а два портрета Пилсудского. «Это были не документы эпохи, а иконы.»¹⁰ Вряд ли Эренбург тогда прозревал всю иронию брошенной им фразы: не пройдет и двух лет, как Сталин намного превзойдет Пилсудского с его скромным культом, и понадобится четверть века, прежде чем Эренбург сможет об этом написать.

Тем временем Эренбург стал часто обращаться к темам, связанным с нравственными аномалиями Европы. В 1931 году он подверг язвительной критике открывшуюся в Париже Международную колониальную выставку. Европейские державы выхвалялись своими колониями. «Негры должны были на виду у всех работать, есть, спать <...> Зеваки толпились вокруг, как в зоопарке». Эренбурга это возмутило; в статье, напечатанной в советской прессе, он предложил устроить для просвещения жителей Азии и Африки такой же «белый город», где биржевой маклер, надрывая глотку, продавал бы акции, член парламента произносил речь, а салон красоты и бордель обслуживали клиентов. Во Франции ирония Эренбурга пришлась не по вкусу, и его чуть ли не выслали из страны¹¹.

По мере того как Эренбург все больше усваивал советскую точку зрения, в его романах смешался фокус. Теперь его занимал новый, весьма изощренный проект — исследовать и описать на документальной основе западный капитализм, «сложную машину, которая продолжала изготавливать изобилие и кризисы, оружие и сны, золото и одурь»¹². Проект этот он назвал «Хроникой наших дней» и с 1928 года — за год до того, как произошел обвал на американской фондовой бирже — до 1932 года, когда он стал корреспондентом «Известий», Эренбург создал цикл книг, в центре которых — рассказ об отдельных отраслях промышленности и алчности их хозяев-миллионеров. Как и всё, что выходило из-под пера Эренбурга, эти его книги вызвали бурю негодования и горячие споры. Основываясь на подробном экономическом и историческом анализе, Эренбург взялся за нескольких богатейших магнатов мира. По использованным в этих произведениях приемам они, в сущности, ас-

социруются не с художественной, а с публицистической литературой. В книге «10 л. с.» Эренбург выводит современных автомобильных тузов — Андре Ситроена, Пирпонта Моргана, Генри Форда; в «Короле обуви» он сосредоточивает внимание на Томасе Бате, легендарном чешском предпринимателе, первым создавшем обувную компанию, которая заполонила рынки Европы дешевой обувью; в «Фабрике снов» он описывает Голливуд, Джорджа Истмена и его фотокамеру «кодак»; а в книге «Единый фронт» — Ивара Крейгера, шведского короля спичек.

Книги Эренбурга их героям не понравились. После того как в немецкой прессе появились статьи Эренбурга, излагавшие, какими жесткими диктаторскими методами управляет своими фабриками Батя, разъяренный обувной король возбудил против Эренбурга дело в германском суде, надеясь взыскать с него порядочные суммы по гражданскому и уголовному искам. Ивар Крейгер также вступился за свою честь. Когда в 1930 году появился «Единый фронт», он выступил против Эренбурга во французских газетах; позже секретарь Крейгера сообщил, что после самоубийства Крейгера обнаружил «Единый фронт» на его ночном столике.

При всем том, несмотря на антикапиталистический тон, эти книги нелегко находили путь в Советский Союз. Да, в них осуждались язвы капитализма, но и не восславлялся коммунизм как противовес торжествующему на Западе злу. В 1930 году Эренбург в письме к Е. Полонской повторял прежние жалобы:

«Я написал за последнее время, кроме Бабефа, “10 л. с.”. Отрывки, точнее лохмотья, были напечатаны в “Красной Нови”. Книга должна была выйти в “Зифе”, выйдет ли — не знаю. После сего написал “Единый фронт” — это роман о европейских трестах, о новых видах акул, в частности, о шведских спичках и о Крейгере. У меня обидное для писателя положение — я пишу для... переводов.»¹³

«10 л. с.» были впервые опубликованы в 1929 году в Берлине; последующие советские издания ни разу не давали текст книги полностью. «Единый фронт» — самая длинная и самая лихая книга из этого цикла — до сих пор не напечатана в Москве, несмотря даже на то, что она обличает прожженного выжигу-капиталиста. «Хроника наших дней» вышла в 1935 году одним томом, с текстом, прореженным многочисленными купюрами. Сталин все крепче забирал страну в свои руки, и положение Эренбурга как публициста и романиста оставалось шатким. «Единый фронт» был последней книгой, которую он осмелился напечатать в Европе, не заручившись благословенным советским изданием; а когда его книги выходили в Москве, им предпосылались предисловия, в которых чи-

тателя предупреждали о спорной позиции автора. Забавно, но в те годы Эренбург был, по правде говоря, рад этим предисловиям: без них такие его произведения как «10 л. с.» или «Виза времени» вообще вряд ли увидели бы свет.

Тем не менее предисловия эти отражали шаткое положение Эренбурга на культурном небосводе. В 1931 году крупный большевистский деятель и дипломат Ф. Ф. Раскольников — позже, в 1939 году, в силу обстоятельств переменивший фронт и выступивший с сокрушительной критикой диктатуры Сталина — в предисловии к «Визе времени» говорил об Эренбурге с дружеским укором, что он замкнулся в скорлупу гордого индивидуализма и пессимистического скептицизма». Что же касается борьбы рабочего класса в Европе, то Эренбург «не уделяет внимания коммунистическим партиям, которые, например, во Франции, Германии и Чехословакии существуют легально». По мнению Раскольникова, это «как раз плохо»¹⁴ и отражает политическую неустойчивость Эренбурга.

Таков был официальный взгляд на литературный путь Эренбурга. Вышедшая в 1931 году Малая советская энциклопедия относила Эренбурга к категории писателей противоречивых, двойственных, награждая следующей безапелляционной формулировкой: он «высмеивает западный капитализм и буржуазию, но не верит в коммунизм и творческие силы пролетариата».¹⁵

Сталин требовал более непреходящей верности. А Эренбург... «До сорока лет я не мог найти себя, — вспоминал он, говоря о 1931 годе, — петлял, метался». Он был в растерянности, устал «жить одним отрицанием»¹⁶. Его романы и памфлеты высмеивали и Восток, и Запад, советские учреждения и европейский капитализм. Шестью годами ранее, в романе «Лето 1925 года» он откровенно писал о приспособляемости своей натуры и об утрате веры:

«Мои годы наполняют водевиль с переодеваниями, но, ей-ей, я не халтуру, я подчиняюсь <...> Вы верите <...>, я же не верю ни во что. Так я устроен, и мой окостеневший позвоночник уже не поддается никакому выпрямлению. Но бывают часы <...>, когда я готов от злобы любить, от отчаяния верить, верить во что угодно — в программу, в анкеты, в регистрации»¹⁷.

Успехи нацизма в Германии поставили Эренбурга перед выбором. В книге «Люди, годы, жизнь» он вспоминает кризис, охвативший Европу, депрессию, фашизм и надвигающийся триумф Гитлера. Действия и маневры Гитлера были ему хорошо известны. В 1931 году он дважды побывал в Германии в командировках. Статьи, которые он написал после этих поездок, кричали об опасности того, что он там увидел:

«На вокзале расписание. Такой-то поезд приходит в 11 часов 30 минут 30 секунд. Кому нужны эти секунды? Продавцу блоков “Принтатор”¹⁷? Ветеринару? Общественному мнению? Философам? Смерти? Это порядок, порядок наперекор кризису, нищете, отчаянию, порядок до самого конца, наперекор концу, порядок во что бы то ни стало, жестокий порядок, который мыслим разве что на небе или в убежище для умалишенных <...>

Что станет в тот, видимо, и впрямь недалекий день, когда страсти одолеют? <...> Что станет в тот день хотя бы с расписанием поездов? Эта секундная точность не превратится ли в громадный хаос, в столь же маниакальную разруху?...»¹⁸

В Германии Эренбург столкнулся с почти всеобщей нищетой и унижением, когда вполне здоровые на вид парни, чтобы заработать две-три марки, становились на путь преступления и проституции. «Страх перед будущим похож на боязнь пространства», — писал он о Берлине. Город напоминал ему самоубийцу, «который, решив перерезать себе горло бритвой, сначала мылит щеки и тщательно бреется». Глубокое беспокойство вызывал оголтелый антисемитизм нацистов. «В Берлине запрещены эмблемы наци, однако целые улицы покрыты знаками свастики и надписями: “Бей жидов”» — писал о столице Германии конца 1931 года Эренбург¹⁹. Его дочь, проводившая в Германии каникулы по студенческому обмену, также собственными глазами видела, как нацистские громилы разносили витрины еврейских магазинов на Курфюрстендам. Нацисты приобретали власть и влияние, и Эренбург понимал: ему необходимо сделать выбор, найти свое место. Он уже не мог оставаться над схваткой — ироничным скептиком. «Между нами и фашистами, — считал он, — нет даже полоски ничьей земли»²⁰.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Первые сообщения в «Известиях» Ильи Эренбурга как специального корреспондента этой газеты появились в июле 1932 года: он освещал суд над Павлом Горгуловым, психически неуравновешенным русским эмигрантом, застрелившим в мае того же года французского президента Поля Думера²¹. По ходу судебного разбирательства выяснилось, что Горгулов крайне враждебен коммунистам, восхищается нацистами и что намечающиеся переговоры Франции с советским правительством вызвали у него маниакальную злобу. Из-за его преступления туго пришлось русским эмигрантам. Мно-

---

¹⁷ Сорт сигар.

гих уволили с работы, к тому же среди населения стали раздаваться истерические призывы изгнать их всех из Франции. В ответ члены огромной эмигрантской диаспоры объявили Горгулова — частично ради самозащиты — советским агентом, попытавшимся внести хаос в политическую жизнь Франции. Это убийство и политические игры вокруг него придали делу широкую сенсационную огласку, а Эренбургу дали возможность показать, на что он способен как наблюдатель жизни французского общества.

После столь успешного начала в сотрудничестве с «Известиями» Эренбург, вместе с женой, приехал в Советский Союз и провел там вторую половину лета и осень 1932 года, разъезжая по стране. За шесть лет это был их первый визит. Поездку оплачивали «Известия», так что Эренбург мог, не задумываясь, бесплатно вояжировать по городам и весям России. Он, надо полагать, не задумываясь, выпускает ли его назад — что отнюдь не разумелось само собой. Находясь в столице, Эренбург прочел лекцию о жизни во Франции и не преминул посетить несколько школ с целью собрать материал о молодежи. Он также нашел время провести день-другой со своей давней приятельницей Ядвигой Соммер. Прошло шесть лет с тех пор как они виделись в последний раз. Ядвига пришла на его лекцию, оставшись на беседу со студентами. Когда Эренбург и Ядвига вернулись в гостиницу, где он остановился, он показал ей фотокарточку французской актрисы Дениз Монробер (по мужу Лекаж), с которой, недавно познакомившись, завязал нежную дружбу (их отношения, став серьезной привязанностью, продолжались много лет). «По этому жесту, по лицу его, — писала Ядвига, — я догадалась, что это его новая подруга. М. б., даже любимая. Я долго смотрела на нее [фотокарточку — Дж. Р.]... и расплакалась. Он смущенно вынул из моих рук карточку и, не сказав ни слова, провел рукой по моим волосам. Говорить было не о чем и незачем. Мы понимали друг друга хорошо»²². Верный своей почти бессердечной откровенности, Эренбург не мог удержаться, чтобы не поделиться подробностями своей личной жизни с близким человеком, бесконечно ему преданным. Ядвига и он продолжали переписываться, а когда в последующие годы Эренбурги жили в Москве, они встречались либо в Москве, либо в Ярославле, где Ядвига преподавала в институте.

В 1932 году строительство Первой пятилетки было в самом разгаре. Эренбургу не терпелось увидеть, как развивается страна. Оставив Любовь Михайловну в Москве, он несколько недель колесил по Сибири, побывав на стройках в Свердловске, Новосибирске, Томске, Кузнецке. Эти годы стремительной индустриализации делали Советский Союз другим. Эренбург жадно наблюдал происхо-

дившие в стране перемены и перемещения. В Сибири он видел сосланных туда кулаков и пункты найма рабочей силы, вербовавших на производство сбежавших из села крестьян. «Я попадал в деревни, где трудно было найти мужчину — женщины, старики, дети. Многие избы были брошены»²³. Отнюдь не равнодушный к людскому горю, он больше всего интересовался молодыми энтузиастами. И они охотно отзывались на его любопытство, предоставляя ему свои дневники и письма, объясняя, над чем и как трудятся.

14 октября 1932 года Эренбург написал письмо в Париж — друзьям, Овадию и Але Савич. При всей осмотрительной сдержанности оно передает и трудности поездки, и горячее желание Эренбурга разобратся в превращениях, которые происходят с его страной.

«Дорогие кролики,

пишу вам в поезде: еду из Новосибирска в Свердловск. Видел Кузнецкую стройку, дома, и студентов Томска, Сибчикаго, т. е. Корбюзье и пыль, тайгу и степь. Еще неделю было бабье лето, ходил по Томску без пальто, зима пришла сразу — ледяным ветром, выпал снег. Сейчас здесь голая степь, кое-где она побелела.

Вечер (у вас еще день, вы, м. б., сидите в «Дом»'е). Голова моя набита до предела. Свердловск смотрю из жадности. Устал так, что в вагоне все время спал тупым и тяжелым сном. В Москве буду 19-го <...> Я провел уже 12 ночей в вагоне! (не считая пути из Парижа в Москву). Ем когда как, но курю, что попадется. Мысль о литератур. работе прельщает и страшит. Обидно, что ты не приехал, ты, Сава, должен сюда приехать! Встретимся вскоре и обо всем поговорим»²⁴.

В ноябре Эренбург вернулся в Париж и еще до конца месяца сел за следующую книгу — роман «День второй» (намеренная аллюзия на библейскую легенду о сотворении мира). Взволнованный тем, что повидал за поездку по Сибири, Эренбург решил написать книгу, которая упрочила бы его политическое реноме, повысила его политические акции. Для этого необходимо было поступиться свойственной его натуре иронией и засвидетельствовать новообретенную преданность советскому режиму.

В письме к своему московскому секретарю, Валентине Мильман, от 14 января 1933 года Эренбург горько сетовал, что «когда автор находится достаточно далеко от дома Герцена, трудно сыскать справедливость!» Его книгам в Союзе по-прежнему чинят препятствия, но теперь он всю свою энергию вкладывает в новую вещь, а вещь эта — специально оговаривал он — «Роман — советский»²⁵. К концу февраля «День второй» был закончен, о чем Эренбург немедленно сообщал Мильман и, еще не отослав книгу в издательство, писал, что «меня волнует все, касающееся моего нового ро-

мана»²⁶. Если роман не был бы принят в Москве, на его будущности советского писателя, боялся Эренбург, можно было бы поставить крест.

Его уверенность в благополучном исходе убывала. Отношения с «Известиями», по-видимому, застопорились. По заключенному соглашению Эренбург должен был писать для газеты по очерку в месяц, за что ему полагалось твердое помесечное вознаграждение. Однако прошел уже месяц, как он вернулся в Париж, а о нем словно забыли. «“Известия” мне ничего не написали. Газету не высылают. Хуже всего, — писал Эренбург в январе Валентине Мильман, — денег тоже не прислали»²⁷. Это стало постоянной жалобой. Когда же гонорар из «Известий», «Вечерней Москвы» или «Литературной газеты» поступал, Эренбург нередко просил переслать деньги теще в Ленинград или матери Ирины в Москву. Финансовые обязательства в отношении членов семьи по-прежнему лежали на нем тяжелым грузом. От успеха «Дня второго» очень много для него зависело.

Победа Гитлера на выборах в Германии в 1933 году усилила беспокойство Эренбурга и поставила под угрозу его финансовую самостоятельность. «Немецкие события отразились на мне, — делился он своими невзгодами с Мильман в письме от 9 марта 1933 года. — Не только погибло мое издательство, но в нем погибли пять тысяч марок — мой гонорар от американской фирмы “Юнайтед Артистс”, которая делает теперь “Жанну Ней” и часть денег для меня передала “Малику”»²⁸.

Впереди его ждали несколько тяжелых месяцев. Первоначальная попытка издать «День второй» сложилась крайне неудачно. 11 марта Эренбург отослал единственный беловой экземпляр романа дипломатической почтой С. И. Гусеву, чиновнику от литературы, возглавлявшему отдел печати ЦК; слово Гусева могло решить судьбу романа. Но Гусева тогда как раз освободили от занимаемой должности, о чем Эренбург, естественно, не знал, и послали в Казахстан, где он вскоре умер. Прошло две недели, прежде чем Эренбургу стало известно, что Гусева в Москве уже нет.

«Я очень встревожен, — писал он Мильман, — у меня нет сейчас копии рукописи. А Вы сами понимаете, как мне важно узнать скорей об ее судьбе. Я не знаю, кто вместо Гусева. С рукописью произошло одно из двух: или ее отправили в Казахстан Гусеву, или пакет вскрыли, и рукопись отдали заместителю Гусева. Пожалуйста, сообщите мне телеграфно», — просил он Мильман²⁹.

Удар следовал за ударом. Мильман, не спросив Эренбурга, отдала рукопись в издательство «Советская литература», и один из

штатных редакторов с ходу ее пригвоздил: «Передайте вашему отцу, — заявил он Ирине Эренбург, — что он написал плохую и вредную вещь». — и предложил ей сообщить эту «новость» в Париж³⁰; Эренбург едва сдерживал свои чувства. «Я впадаю во мрак», — признавался он Мильман³¹. Но он был не из тех, кто бессильно складывает руки. Решив во что бы то ни стало издать роман в Советском Союзе, он отпечатал несколько сот экземпляров романа в Париже — «отчаянный поступок», напишет он об этом в своих мемуарах — и, пронумеровав каждую книгу, чем ясно дал понять, что не собирается распространять ее во Франции, прежде чем ее опубликуют в Москве, отослал членам Политбюро, редакторам ведущих периодических изданий и ряду писателей. Сталин получил экземпляр за номером «два». «В тридцатые-сороковые годы, — вспоминал Эренбург, — судьба книги порой зависела от случайности, от мнения одного человека. Это было лотерей, и мне повезло»³². Не прошло и нескольких недель, как Эренбургу сообщили: издательством «Советская литература» роман принят к производству.

***

На первый взгляд «День второй» может показаться заурядным примером «социалистического реализма», официально санкционированного художественного метода, одобренного партией в 1932 году. В романе рассказывается о молодых рабочих, которые возводят домну в ужасных условиях. Восхищенный их силой духа, Эренбург живо и образно описал убогие бараки и суровый климат, в которых они живут, героические усилия, на которые идут, чтобы преодолеть сопротивление природы. Это была неприкрашенная — без малейшей «лакировки» — картина невыносимо тяжелой жизни, что, не устраивая советских чиновников, препятствовало публикации романа; «социалистический реализм» предполагал воспевание достижений и умолчание о том, какой человеческой ценой они оплачивались; описание жизни такой, какой она должна быть, а не такой, какой была на самом деле.

Рискованно отождествлять того или иного персонажа романа с его автором, приписывая ему страхи и верования героя. И все же, мысли и высказывания Володи Сафонова так близко совпадают с собственными взглядами Эренбурга, что вполне законно воспринять судьбу Володи как символическое обозначение судьбы самого Эренбурга. Володя — студент, исповедующий отринутые социальные и культурные ценности России. «Он <...> не верит, что домна пре-

красней Венеры <...> Когда на дворе весна и в старых садах Томска цветет сирень, он не ссылается на Маркса. Он знает, что весна была и до революции. Следовательно, он ничего не знает». Его профессор, видя, каким чужеродным Володя выглядит среди своих однокашников, клеймит его словом «изгой», что, как выясняет Володя по словарю, означает «исключенный из счета <...>, князь без имения, проторговавшийся гость, банкрот». Любовь к литературе, к Пастернаку и Лермонтову, Бодлеру и Паскалю делают его отщепенцем, «обреченным», подобным тем, что «сбежали в Париж» или, кого «вывели в расход». Что касается его товарищей по университету или стройке, Володе до них не дотянуться. Неспособный к дружбе, Володя доверяет свои мысли дневнику: «По классовому инстинкту, или по крови, или, наконец, по складу ума, я привязался к культуре погибающей». Случай дает ему возможность высказаться: на стройке созывают собрание, посвященное «культурному строительству», и Володя решает выступить с откровенной речью, «которая должна была походить на выстрел»:

«Вас, наверно, удивят мои слова, — намечал он свое будущее выступление. — Вы привыкли к молчанию. Одни молчат потому, что вы их запугали, другие потому, что вы их купили. Простые истины теперь требуют самоотверженности. Как во времена Галилея, их можно произносить только на костре <...> Вы устранили из жизни еретиков, мечтателей, философов и поэтов. Вы установили всеобщую грамотность и столь же всеобщее невежество».

Но выступить с задуманным обвинением своим однокашникам Володе не хватает смелости. И он говорит совсем другое: рассказывает о недавней встрече с заезжим французским журналистом, которого расспрашивал о жизни молодежи в Париже. «Они много знают, но ничего не могут, — объясняет Володя собранию. — Для них важно занять место в готовой жизни, а вы хотите эту жизнь создать! <...> Я хочу быть с вами <...> Но надо мной висит какое-то проклятие»³³.

Не имея сил ни разрешить гнетущие его противоречия, ни жить с ними, Володя обречен. Сам того не желая, он распялывает подвыпившего рабочего, который совершает варварский поступок, вредительство, и попадает под суд. Признать себя соучастником преступления Володя боится. Стыдясь самого себя, подавленный одиночеством и своим, как он считает, духовным банкротством, Володя кончает с собой.

«Будь у него немного меньше совестливости и немного больше цепкости — он не повесился бы», — рассуждает в своих мемуарах Эренбург. То же можно сказать и о многих других главных героях

его романов, которые либо кончают самоубийством, либо так или иначе содействуют собственному уничтожению — Хулио Хуренито, Николай Курбов, Михаил Лыков, Лазик Ройтшванец, называя лишь немногих. У самого Эренбурга было больше веры в себя и способности выжить.

Он не мог отринуть Россию, он должен был остаться с ней, даже если это означало принять сталинский режим; но пошел он на это отнюдь не цинично и не питаясь слепыми иллюзиями. Эренбургу было известно куда больше, чем миллионам людей на Западе. «Друзья, приезжавшие из Советского Союза, рассказывали о раскулачивании, о трудностях, связанных с коллективизацией, о голоде на Украине», — писал он в книге «Люди, годы, жизнь» десятилетия спустя. Но угроза фашизма перевешивала все другие соображения. «День второй» сигнализировал капитуляцию. Эренбург давал знать режиму, что будет предан, будет молчать, заслужит доверие. Части его «я» не стало, его художественное чутье подчинилось политическому нажиму. «Я не отказывался от того, что мне было дорого, ни от чего не отрекался, но знал: придется жить сжав зубы, научиться одной из самых трудных наук — молчанию»³⁴.

Глава 7

ПОДЛОЕ, БЕССОВЕСТНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

После стольких лет жизни в Париже Эренбург был на Левом берегу Сены уже старожилом. Его приятель, итальянский журналист Нино Франк, любил шутить, что Эренбург жил не во Франции, а на Монпарнасе, «где, выкроив время, соорудил себе карманный, уютный С.С.С.Р., учрежденный им в том Париже, который он тоже сам для себя построил»¹. Квартира Эренбурга — в первом этаже небольшого изящного дома на улице Котантен, с несчетным числом книг и десятками курительных трубок, красовавшихся на стенах кабинета, — стала местом встреч для его друзей и товарищей по перу. Он даже оставлял ключ во входной двери: пусть каждый чувствует себя желанным гостем. Квартира находилась неподалеку от кафе «Дом» и бара «Куполь». «Дом» — излюбленный приют журналистов, писателей, художников и политиков — был и его любимым кафе. Симоне де Бовуар, не раз заставлявшей его там или в соседнем «Куполе», хорошо запомнилось «его полное лицо и копна густых волос»².

Внешний вид Эренбурга, его манера одеваться и держаться, поражали всех, кому приходилось его встречать. Итальянский журналист Луиджи Барзини как-то написал об Эренбурге, что «у него глаза полузакрыты веками, но смотрят зорко, как у аллигатора, притаившегося в тине»³. Широкие покатые плечи служили постаментом для непропорционально крупной головы, такой большой, что во время Второй мировой войны в Красной армии не нашлось для нее фуражки — пришлось делать на заказ. И при этом руки у него были маленькие и слабые, с длинными тонкими изящными пальцами в желтых пятнах от табака. Ноги тоже были непомерно тонкими, а ходил он быстрым мелким шагом.

Плодовитый романист Жорж Сименон, с которым Эренбург подружился в начале тридцатых, вспоминал о нем в одном из своих

интервью: «Эренбург был очень приятным, несколько странным человеком. Он больше слушал, чем говорил. Сидит где-нибудь в углу, словно его и нет, и, кажется, что он ничего не слышит. Однако он помнил все, о чем мы говорили»⁴.

Среди многочисленных наблюдателей загадочного обыкновения Эренбурга присутствуя не присутствовать интересные заметки оставил американский писатель Сэмюэл Путмен, также долго живший в Париже:

«С его мощно развернутыми, но сутулыми плечами, придававшими ему вид горбуна, Эренбург был человеком-вехой на перекрестке Вавен <...> Чаше всего он сидел один. Время от времени он подымал глаза над краем газетного листа — французского или русского — озира́л ярко освещенную залу и, вперив на секунду взгляд в стайку шумливых “художников”, по всей видимости, американцев, в следующую опускал его, словно смутившись от того, что увидел»⁵.

В декабре 1932 года, вернувшись в Париж после своего продолжительного визита в Москву и Сибирь, Эренбург начал приспособливать свой критический ум к политической конъюнктуре. Мало того, что он написал «День второй», он усвоил новый, резко полемический тон, зазвучавший в цикле статей о французской культуре, даже не постеснялся чернить новаторские эксперименты во французской литературе. «Я знаю также, что молодые писатели пишут замечательные книги ни о чем, — писал он зимой того года. — Это большое искусство — надо написать роман в триста страниц без характеров, без сюжета и без мыслей»⁶. Излишне говорить, что в устах бывшего завсегдатая «Ротонды» сие мнение было более чем странным.

Большинство статей, написанных им за 1933 год, — о Мигеле де Унамуно, Франсуа Мориаке, французских сюрреалистах, Андре Жиде и Андре Мальро — появились в «Литературной газете»⁷. Когда эти статьи, переведенные в 1934 году на французский язык, были опубликованы во Франции, они утвердили за Эренбургом репутацию ядовитого полемиста; сюрреалисты во главе с Андре Бретоном выразили ему, в частности, свое глубочайшее недоверие: по их мнению, он стал откровенным прихвостнем Сталина.

Только в 1934 году, когда во Франции разразился политический кризис, работа Эренбурга в «Известиях» в качестве аккредитованного газетой корреспондента началась всерьез. 6 февраля 1934 года орава воинственных молодчиков напала на полицейский кордон, пытаясь прорваться к зданию французского парламента. Предвидимая реакционными и монархистскими организациями «Француз-

ская солидарность» и «Боевые кресты», питавших симпатию к гитлеровскому антисемитизму, разъяренная толпа прокатилась по улицам Парижа с криками «Долой правительство Даладье!». Беспорядки и демонстрации захлестнули Париж. «У нас теперь довольно бурная жизнь, — писал Эренбург из Парижа Валентине Мильман. — Стреляют на улице и т. д. Так что я несколько выбит из колеи»⁸.

За считанные дни силы левых, страшась, что Франция, подобно Германии, уступит самому что ни на есть отъявленному фашизму, объединились. На 12 февраля была назначена всеобщая забастовка. В отличие от левых в Германии, социалисты и коммунисты вместе сомкнули ряды под знаменами антифашизма. «Много лет я прожил в Париже, — писал Эренбург в «Известиях», — но еще не видал такой решимости, такой выдержки, такого душевного напряжения»⁹. Это было начало Народного фронта, который два года спустя с избранием первого, за всю историю республики Франция, премьер-министра социалиста, Леона Блюма, пришел к власти.

В феврале того же года Эренбург получил от «Известий» еще одно задание. Всего через несколько дней после всеобщей забастовки в Париже его направили в Вену — освещать попытку австрийских рабочих противодействовать фашистскому влиянию на их страну. Эренбург прибыл в столицу Австрии в разгар событий, застав там кровавые поля: артиллерийские снаряды крушили рабочие окраины Вены¹⁰. Первая из цикла статья Эренбурга об австрийских событиях появилась в «Известиях» 6-го марта¹¹. Как и следовало ожидать, она отражала советскую политику в вопросе борьбы с фашизмом. В Австрии, как и в Германии, социал-демократы и коммунисты соперничали за руководство рабочим классом. Следуя указаниям Сталина, международное коммунистическое движение всячески разоблачало деятельность социалистических партий, включая австрийских социал-демократов, которые могли бы быть их союзниками в борьбе против Гитлера. Самым роковым образом эта политика сказалась на судьбе Германии, где распри между коммунистами и социалистами полностью деморализовали левые силы и содействовали приходу к власти Гитлера.

В своих репортажах Эренбург рассказывал, как по всей Австрии активных рабочих разоружали, тогда как их социалистические лидеры искали возможности компромисса, выжидали и решительно отказывались что-либо предпринять. Правда, он попытался проявить понимание, перед каким тяжелым выбором они стояли. Не разоблачал их шершавым сталинским языком. Ни разу не назвал «социал-фашистами», как это практиковалось в советской печати, и даже скупой отдал дань уважения их арестованным вождям. «Лич-

ное мужество не исключает политической трусости» — вот все, что он смог вставить¹². В целом же его статьи обвиняли социалистов за отсутствие у них веры в рабочий класс.

Все же Эренбург не мог не огорчиться тем, как «Известия» печатали его репортажи. «Дело в том, — писал он Мильман 9 марта, — что австрийский очерк напечатан не только с купюрами, но и с недопустимой отсебятиной»¹³. Он очевидно выражал свой протест редакторам и не так-то легко принимал советское насилие над своими текстами.

Статьи Эренбурга наглядно предостерегали, чего можно ожидать от правительств, идущих на поводу у нацистов. Подавляющее число европейских лидеров не относилось всерьез к агрессивной риторике Гитлера и не понимало, что жестокие расправы, включая массовые казни, над безоружными левыми в Австрии, — предвестники еще более страшных событий. Эренбург документально показывал, какую опасность являет собой раздробленность рабочего класса и насколько реальна угроза инспирированного нацистами насилия. Его статьи печатались в «Известиях» более недели; переведенные на немецкий, французский, английский и чешский языки, они обошли всю Европу. Из советских писателей Илья Эренбург первым становился свидетелем обвинения против фашизма.

ЭРЕНБУРГ, БУХАРИН И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Начало 1934 года ознаменовалось для давнего друга Эренбурга, Н. И. Бухарина, поворотом судьбы; на короткое время он вернул себе прежнее положение. В январе он выступил на XVII съезде партии, что в какой-то мере означало официальное признание. Затем 22 февраля, пока Эренбург выполнял задание в Вене, имя Бухарина впервые было названо в «Известиях» как главного редактора. Бухарин возглавлял газету уже несколько недель, и, без сомнения, именно по его инициативе Эренбург получил более широкие полномочия. Работа в «Известиях» дала Бухарину последний раз возможность оказывать воздействие на общественную жизнь. В «Известиях», как и во всех газетах, основное внимание сосредоточивалось на политике и экономике, Бухарин же сделал крен в сторону развития культуры, превратив газету в самый живой — пробуждающий мысль — и популярный печатный орган в стране. Он привлек прославленных писателей и поэтов и всячески подчеркивал, какую угрозу несет общественной и социальной жизни фашизм.

В высшей степени важной инициативой Бухарина была публикация на страницах «Известий» произведений Пастернака. Газеты редко его печатали. Но вот не прошло и двух недель после назначения Бухарина главным редактором «Известий», как там появились отдельные переводы Пастернака из поэзии крупнейших грузинских поэтов¹⁴. Вполне вероятно, что идею обратиться к Пастернаку подсказал Бухарину Эренбург, никогда не упускавший случая похвалить поэта. Пастернак был благодарен ему за поддержку; более того, он внимательно следил за успехами Эренбурга на журналистском поприще, с удовольствием читая его «блестящие статьи»¹⁵.

Меж тем Эренбург создавал свою роль — роль, которая была бы чем-то большим, чем просто работа журналиста, и незаменима для советского режима. Как только Бухарин возглавил «Известия», статьи Эренбурга об угрозе фашизма стали появляться значительно чаще. Тогда — весной 1934 года — главной темой его публицистики были хаос и нравственное смятение, охватившие Европу. Он много путешествовал, усиленно лепя для Москвы свой образ — человека, чьи связи и чья осведомленность в европейских делах не имели себе равных среди живущих в Европе советских граждан. Вот он в Англии; слушает, как оксфордские студенты ведут дебаты о пацифизме. Их представления о Гитлере — сплошные иллюзии. Так, «студент-либерал» рассуждает: «От фашизма страдают только социалисты и евреи, а от войны страдают все»¹⁶. В цикле статей, озаглавленных «В джунглях Европы», Эренбург делится с читателями впечатлениями, полученными в Румынии и Чехословакии, в Югославии и Италии, где чернорубашечники Муссолини преподали жителям этих стран живые уроки, как они умеют запугивать¹⁷.

Будучи знаком чуть ли не со всеми крупными писателями Европы, Эренбург использовал эти связи, чтобы поднимать престиж Советского государства, в особенности как борца против фашизма. Он стал посредником между прокоммунистически и некоммунистически настроенной интеллигенцией, делая необходимость противостоять Гитлеру средством помогать Советскому Союзу. Среди ближайших друзей Эренбурга был французский романист Андре Мальро, разделявший его веру в то, что сталинская Россия способна быть оплотом против фашизма. Эренбург весьма и весьма способствовал решению Мальро и его жены отправиться в Москву на Первый всесоюзный съезд советских писателей, который должен был состояться в начале лета. Лучшее доказательство своей полезности Эренбург вряд ли мог представить. Мальро был уже легендарной фигурой, знаменитым исследователем Востока, автором недавно выпущенного романа «Условия человеческого существо-

вания» — завлекательного повествования о революционных перипетиях в Китае; он только-только получил Гонкуровскую премию, самую почетную награду во французской изящной словесности. Присутствие Мальро на писательском съезде в Москве убедительно показало бы, что советский режим, в отличие от нацистского, обращается с высокой интеллигенцией с завидной терпимостью и уважением.

В тридцатых годах Андре Мальро и Илья Эренбург были почти неразлучны: «в течение восьми лет в Париже, в Германии я видел его неизменно рядом»¹⁸. Эренбург написал для советской печати восторженную рецензию на «Условия человеческого существования», говоря о романе с проникновенностью, какую редко позволял себе в эти годы. Он понимал, что «Условия человеческого существования» отнюдь не является призывом к революции. Все книги Мальро «рождены внутренней необходимостью», — писал Эренбург. «Условия человеческого существования» Мальро были не меньше данью его поискам романтических приключений, чем интересу к революционным событиям в Шанхае¹⁹.

Решение Мальро присутствовать на писательском съезде означало для Эренбурга и многообещающий знак, и личный триумф. Они поехали вместе, с женами, на советском теплоходе «Дзержинский» (по имени основателя Чека), который вышел из Лондона в конце мая и прибыл в Ленинград 14 июня. Прибытию Мальро и Эренбурга в Ленинград было придано значение большого события: «Литературная газета» поместила на первой странице фотографии и интервью, в котором Мальро ясно выражал преданность Стране Советов в словах, вполне устраивавших его гостеприимных хозяев. «Если разразится война, — заявил Мальро, — а я думаю, что начнет ее Япония, я первым буду работать над созданием иностранного легиона, в рядах которого буду с винтовкой в руках защищать СССР, страну свободы»²⁰. Это не было пустыми словами. Когда в Испании вспыхнула гражданская война, Мальро поспешил в Мадрид, затем организовал поставку республиканцам французских самолетов, а во время Второй мировой войны играл важную роль во французском подполье.

По прибытии в Ленинград Эренбург влился в коммунистическую пропаганду, развернутую накануне съезда писателей. «Вопрос о создании нового человека и новой культуры в Советской стране поставлен конкретно и <...> от успеха этого опыта зависит судьба Европейской культуры, — провозглашал он. И далее продолжал в духе того образа, который лепил — советского эксперта по делам Европы. Не преминул упомянуть, что его литературные эссе — це-

лый том, включивший и жесткую критику консерваторов и анти-сталинистов вроде Франсуа Мориака — переведены на французский. И с гордостью рапортовал, что его статьи о восстании австрийских рабочих нелегально распространяются в Вене; похвастал успехом «Дня второго» в Европе. И тут же заявил претензию, дерзость которой поражает и поныне. За месяц до его приезда «Литературная газета» заклеила «День второй» как клевету на советскую действительность. Разгневанный на «Литературку», Эренбург не скрывал своего удивления ее позицией: «когда советская критика <...> начинает говорить о книге советского писателя тоном, который был бы уместен только в том случае, если бы речь шла о произведении, написанном нашим врагом»²¹. Роман и впрямь все еще в официальных кругах, видимо, считался двусмысленным. Он вышел в свет в начале 1934 года, но в советской печати с откликами на него медлили. В течение марта и апреля Эренбург не раз просил Валентину Мильман сообщить ему, есть ли рецензии. А в письме от 8 мая уже едва сдерживал владевшую им тревогу: «Почему [вокруг книги — Д.ж. Р.] “заговор молчания”?» — настоятельно спрашивал он²².

Ему пришлось ждать еще десять дней. 18 мая 1934 года в «Литературной газете» наконец появилась рецензия на «День второй» — длинная, уничтожающая. (Когда Эренбург 14 июня прибыл в Ленинград, он о ней уже знал). Автор статьи, озаглавленной «Жертвы хаоса», публицист А. Гарри, обвинял Эренбурга в «клевете», заявляя, что его герои «потерялись в хаосе новостройки, они заблудились в канавах, экскаваторах и кранах»²³. Единственное, чем мог утешиться Эренбург, было сопровождавшее статью неожиданное заявление от редакции, в котором говорилось, что она не разделяет мнения А. Гарри и в ближайшее время откроет о романе дискуссию.

Через три дня после приезда Эренбурга в Россию его уверенность в правильности взятого им курса нашла подтверждение в необычайно проникновенной статье, напечатанной в газете «Известия». Написанная Карлом Радеком, видным журналистом, который, по слухам, получал директивы лично от Сталина, статья изливала хвалы роману «День второй» и превозносила Илью Эренбурга, нашедшего «новую принципиальную установку» для изображения советской жизни. Радек обзирал весь литературный путь Эренбурга, откровенно напоминая, что «Октябрьская революция нашла Эренбурга в рядах своих врагов, хотя в юности он был большевиком». Эренбург «метался между границей и СССР, создавая талантливейшие, но порочные книги, книги, лишённые понимания, куда идет первая пролетарская страна». «Бурная жизнь Лазика Ройтшва-

неца», по мнению Радека, явилась «завершением первого периода литературной деятельности Эренбурга, ибо она лучше других раскрыла, что не позволило Эренбургу встать в наши ряды». Но преобразование страны за Первый пятилетний план и царящие в Европе политическая и экономическая неразбериха изменили Эренбурга. Его репортажи из Парижа и Вены воплощали его новое отношение к пролетариату. «Мы будем ждать новых его творений, — заключал свою статью Радек, — которые покажут, в какой мере ему удалась перестройка»²⁴. Статья Радека обозначила точку поворота. «День второй» был теперь полностью принят, и Эренбург мог занять свое место в рядах советских писателей.

Тем временем открытие съезда советских писателей с конца июня перенесли на середину августа. У Эренбурга оказалось свободное для отдыха лето, и он почти весь июль провел вместе с дочерью в поездках по Северу, а вернувшись в Москву, посвятил оставшиеся дни встречам с другими писателями. Тогда же он написал для «Известий» не совсем обычную для себя вещь — фельетон «Откровенный разговор». В нем рассказывалось о гостинице «Националь», где Эренбургу был предоставлен номер и откуда его выселили в связи с прибытием западных туристов. На глазах у Эренбурга гостиница внезапно преобразилась. Весь штат облачился в новую форму, залы и ресторан обновили и разукрасили, официанты и горничные учились улыбаться и кланяться. Эренбург решил, что приезжает Эйнштейн или подобная мировая величина, но когда он увидел, что все это угодливое лакейство затеяно ради заурядных иностранных гостей, он пришел в ярость: люди, заведовавшие гостиницей, не знали «разницы между комфортом и шантаном, между гостеприимством и угодливостью». Впрочем, вопрос ставился шире:

«Будь я вашим гидом, граждане интуристы, — писал Эренбург, — я не кривил бы душой, я не скрыл бы от вас многих злых сказок. Я не говорил бы вам: “Посмотрите направо — там старая церквушка”, только потому, что налево стоит очередь <...> В нашей стране еще вдоволь нужды, косности и невежества: мы ведь только-только начинаем жить <...> я мог бы вам рассказать немало дурных сказок. У нас много говорят об уважении к человеку, но уважать человека у нас далеко еще не все научились»²⁵.

Фельетон навлек на Эренбурга неприятности. Приведя выдержки из «Откровенного разговора», лондонская «Таймс» объявила, что Россия обманывает иностранных туристов, а советские чиновники возложили на Эренбурга вину за аннулированные путевки и инкриминировали нанесение стране материального ущерба. Тем не менее — вспоминал Эренбург в своих мемуарах — «Известия» (т. е.

Бухарин) встали на его защиту, и дело обошлось без дальнейших последствий²⁶.

Тем же летом 1934 года, как раз когда Эренбург и Мальро отбывали в Советский Союз, за церемониями и осмотром достопримечательностей происходило другое, не предававшееся огласке, происшествие: 14 мая, за месяц до прибытия званных гостей в ленинградский порт, в Москве был арестован поэт Осип Мандельштам.

Непосредственной причиной ареста послужило стихотворение о Сталине, которое Мандельштам, написав в ноябре прошлого года, прочитал небольшому кругу знакомых и друзей. Яркое и лаконичное, оно было одним из первых, открыто высказавшим то, о чем все тогда уже в глубине сердца начинали ощущать: «Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны, / Только слышно кремлевского горца, / Душегубца и мужикоборца»²⁷.

На этот раз Мандельштама пощадили. Его жена сделала все возможное, чтобы его спасти²⁸. Она бросилась к Бухарину, который не однажды уже выручал Мандельштама. И Пастернак, извещенный Ахматовой, также пошел к Бухарину, высказав ему свою тревогу. Бухарин, не колеблясь, обратился непосредственно к Сталину, упомянув в своем письме и о чувствах, испытываемых Пастернаком. Предпринятые шаги возымели действие. Через несколько недель Надежде Мандельштам разрешили свидание с мужем на Лубянке. И вместо расстрела или тюрьмы (стихотворение квалифицировалось как «террористический акт») Мандельштам был приговорен к трехгодичной ссылке, которую отбывал в Воронеже; его судьбу решило распоряжение свыше: «Изолировать, но сохранить».

К моменту прибытия Эренбурга, в конце июня, в Москву, Мандельштам был уже от нее за сотни километров. Затем история эта получила беспрецедентную кульминацию. В конце июня Пастернаку позвонил сам Сталин, подтвердивший, что с Мандельштамом ничего ужасного не произойдет. Пастернак немедленно поделился этой новостью с Эренбургом, и никто иной как Эренбург постарался, чтобы о милостивых словах Сталина узнали все и вся²⁹. Он даже поехал в Воронеж и пытался разыскать там Мандельштама, но его адреса никто не знал, и, проблуждав по городу день, Эренбург вернулся в Москву ни с чем.

У Сталина имелись свои причины пощадить Мандельштама и выступить таким милостивцем. Как же было в канун открытия писательского съезда не убаюкать интеллигенцию, внушив ей чувство благой безопасности. «Чудо ведь не чудо, если им не восхищаются» — прокомментировала сталинский звонок Надежда Мандельштам³⁰.

Сталинский звонок получил широкий резонанс. Мгновенно изменился статус Пастернака; даже самые кусачие его критики были вынуждены признать его Поэтом с большой буквы. Выиграл, по всей видимости, и Бухарин. Сразу после его вмешательства в дело Мандельштама он получил поручение выступить на съезде писателей с докладом. Судя по всему, казалось, вполне можно верить, что на съезде будет провозглашено терпимое отношение к литературе — шаг, который предполагал и более широкую терпимость в отношении всего общества. Однако эти надежды оказались иллюзорными, и к концу года, всего четыре месяца спустя после съезда, Сталин запустил новую волну террора.

НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Учреждая Союз советских писателей, Сталин нашел способ как превратить творческую элиту страны — литераторов — в служанку государства. Подобно таким же союзам, организованным в других областях культуры, новое сообщество было использовано Сталиным, чтобы властвовать над интеллигенцией страны, распределяя льготы, квартиры, дачи, деньги и поездки за границу не за таланты художника, а за верное служение и рабское подобоострастие. Но в 1934 году Эренбург искренне надеялся, что съезд даст писателям творческую автономию. Прошло два года, как Сталин ликвидировал Российскую ассоциацию пролетарских писателей, более известную под аббревиатурой РАПП. Эта организация зарекомендовала себя как воплощение доктринерского партийного подхода к литературе, в результате которого советских писателей разделили, под руководством РАПП'а, на две группы: правильные «пролетарские» писатели и неправильные «попутчики» или злопыхатели. В течение ряда лет Эренбург числился по разряду «попутчиков». Теперь, когда РАПП был распушен и создавался новый союз писателей, который, как предполагалось, включит в себя литераторов всех направлений, Эренбург предавался оптимизму. Он, без преувеличения, «готовился к съезду советских писателей, как девушка к первому балу»³¹.

Судя по всем имеющимся отчетам, этот писательский съезд походил на небывалый литературный цирк. Огромные портреты Шекспира, Толстого, Гоголя, Сервантеса, Гейне, Пушкина и Бальзака украшали Колонный зал Дома Союзов, самый величественный в

тогдашней Москве, где десять лет назад происходило прощание с Лениным. Почти шестьсот делегатов от советских литераторов присутствовали на двадцати шести заседаниях, продлившихся пятнадцать дней. В первый день съезда играл оркестр и все время у входа собирались толпы народа, жаждавшие увидеть любимых писателей воочию. Официальную повестку дня то и дело прерывали выступления колхозников, красноармейцев, юных пионеров — представителей явившихся в зал делегаций. Андре Мальро был одним из сорока иностранных гостей, среди которых были Оскар-Мария Граф, Клаус Манн и Густав Реглер, приехавшие из Германии, Луи Арагон и Жан-Ришар Блок — из Франции³².

Эренбург принадлежал к самым видным фигурам на съезде. Дважды он председательствовал на заседаниях и неоднократно переводил речи иностранных гостей; его фотография два раза за время съезда появлялась в «Известиях»; роман «День второй» получил официальную поддержку, и его обложка фигурировала в числе другой советской «классики» на первой полосе «Известий»³³. Многие из выступавших даже специально отмечали новообретенное Эренбургом восторженное отношение к строительству социализма³⁴.

Съезд оказался сложным спектаклем. Многие речи были совершенно бессодержательны. Максим Горький, будущий руководитель писательского союза и почти бессменный председатель на съезде, произнес трехчасовую вступительную речь — нескончаемый обзор истории литературы и места литературы советской. Западной культуре досталось от него в полную меру. На съезде впервые заявил о себе сталинский прихвостень Андрей Жданов, выступив с тупым заявлением, будто советская литература организует рабочих «на борьбу за окончательное уничтожение <...> ига наемного труда»³⁵. Но были и мгновения подлинного чувства и настоящих дебатов. Как и надеялся Эренбург, с большим интересом был выслушан доклад Бухарина. Присутствовавшим хорошо было известно, что он выступал в защиту арестованных писателей и боролся против регламентации культуры. Горячее, чем ему, когда он появился на трибуне, аплодировали только Горькому.

Темой доклада Бухарина была советская поэзия, однако подлинным ее предметом стал контроль партии над литературой. «Перед нами возникает опасность, — заявил он съезду, — ведомственного отчуждения, бюрократизации поэтического творчества». Настоящая литература требует «многообразия и качества». При социализме писателю нужно выявлять и исследовать «весь мир эмоций — любви, радости, страха, тоски, гнева», — настаивал Бухарин, порою впадая в острый, полемический тон. «Дело ведь для поэта —

вовсе не в том, чтоб уметь пересказать газетную статью или обнаружить минимум политграмоты». К удивлению многих, Бухарин высоко поставил лирическую поэзию, а среди советских поэтов выделил Бориса Пастернака, сказав о нем: «один из замечательнейших мастеров стихов в наше время»³⁶. У ряда делегатов такие суждения вызвали неудовольствие, но подавляющее большинство отозвалось бурными аплодисментами. «Многие писатели, — по наблюдению одного из присутствующих, — буквально бросаются друг другу в объятия, и захлебываясь от восторга, говорят о перспективах подлинного освобождения искусства от вульгаризаторства и рапповской тенденциозности»³⁷. Для немецкого коммуниста Густава Реглера, который через несколько лет вышел из партии «речь [Бухарина — Дж. Р.] была золотом по сравнению с детским лепетом Горького»³⁸.

Выступление Бабеля прозвучало скромно и неожиданно искренне. Он старался объяснить, что его искусство служит делу Советов и рекомендовал товарищам по перу изучать, как «Сталин кует свою речь, как кованы его немногие слова, как полны мускулатуры». И еще он оправдывался — правда, в том юмористическом, самоуничижительном тоне, примером которого являются его рассказы. Да, он мало публиковался в последние годы: «Если заговорили о молчании, нельзя не сказать обо мне, — шутливо защищал себя он, — великом мастере молчания. Надо сказать прямо, что в любой уважающей себя буржуазной стране, я бы давно подох с голоду, и никакому издателю не было бы дела до того, как говорит Эренбург, кролик я или слониха <...> Я этому [молчанию — Дж. Р.] не радуюсь, но это, пожалуй, живое доказательство того, как в нашей стране уважают методы работы, хотя бы необычные и медлительные»³⁹.

В «молчании» Бабеля, однако, было нечто большее, чем скрупулезное отделявание стиля. «У меня есть право не писать, — признался он Кларе Мальро в частном разговоре. — Но я — писатель. В ящике моего письменного стола лежат два романа. Только если их обнаружат, я буду уже покойником»⁴⁰. Оба романа были конфискованы при аресте Бабеля и исчезли навсегда. Эренбург также говорил с Кларой и Андре Мальро, не таясь. Так, он сообщил им, что Анну Ахматову на съезд не пригласили, а у Бориса Пастернака, при всей его известности, трудности с публикацией собственных стихов, а хвалы поют ему на съезде за переводы из грузинских поэтов.

Борис Пастернак оказался в центре внимания съезда. Многие ораторы упоминали его произведения, и зал с нетерпением ждал, когда он сам появится на трибуне. Но он говорил недолго, не вступая в полемику по каким-либо литературным или политическим

вопросам. Как и Бабель, он защищал prerogative писателя удивлять и ошеломлять читателя.

Другие делегаты требовали, чтобы книги удовлетворяли вкусам только-только овладевших грамотой рабочих и приближали цели социалистического строительства. Съезд, в итоге, провозгласил «социалистический реализм» методом советской литературы. Кое-кто из иностранных гостей выступил с возражениями, ратуя за сложность искусства. Жан-Ришар Блок — его переводил Эренбург — напомнил о многообразии и терпимости: «Неизбежно и необходимо, — сказал он, — чтобы были писатели для миллионов читателей, писатели для тысяч читателей и писатели для пяти тысяч читателей». В такой стране, как Советский Союз, стране, которая старается создать первое в мире бесклассовое, социалистическое общество, «необходимо следить за тем, чтобы в искусство не проникали исключительно вульгарные массовые концепции». Андре Мальро высказал такое же предостережение. Искусство не должно доводить до простого отражения реальности, до фотографии. «Если писатели действительно инженеры душ, то не забывайте, что самая высокая функция инженера — это изобретение! — заявил Мальро. — Искусство — не подчинение, искусство — это завоевание. Завоевание чего? Чувств и способов выразить эти чувства победы. Над чем? Над бессознательным <...> У художника — над логикой»⁴¹.

В этой намагниченной разноголосицей атмосфере Эренбург поднялся на трибуну. Годы, проведенные в Париже, дружба с Андре Мальро и Жаном-Ришаром Блоком делали его в глазах зала носителем европейской культуры, и он-таки был единственным советским писателем, высказавшим те же взгляды, что и они. Знаменательно, что, выступая за терпимость, многообразие, индивидуальный вкус и художественное мастерство, он тогда выражал те же взгляды, какие отстаивал два десятилетия спустя, после смерти Сталина.

Стремление Эренбурга дать бой условностям советской художественной жизни при Сталине не привлекли к себе особого внимания. А между тем он утверждал, что нужны книги, которые удовлетворяли бы потребностям только «интеллигенции и верхушки рабочего класса». Он защищал право Исаака Бабеля и Бориса Пастернака писать медленно, публиковаться мало; он поддержал Бухарина в его призыве к большей толерантности по части художественных методов. Но как он впоследствии писал в книге «Люди, годы, жизнь», «к сожалению, я, видимо, не доживу до того дня, когда вопросы, поднятые мною на съезде, устареют»⁴².

«Вместо серьезного литературного разбора мы видим красную и

черную доску, на которые заносятся авторы, причем воистину сказочна легкость, с которой их с одной доски переносят на другую. Нельзя, как у нас говорят, поднимать на щит писателя, чтобы тотчас сбрасывать его вниз. Это не физкультура. Нельзя допустить, чтобы литературный разбор произведений автора тотчас же влиял на его социальное положение. Вопрос о распределении благ не должен находиться в зависимости от литературной критики. Нельзя, наконец, рассматривать неудачи и срывы художника как преступления, а удачи как реабилитацию»⁴³.

Очевидно, было еще возможно вести диалог о советской культуре, потому что откровенные речи Эренбурга не сказались на его положении. Среди остальных тридцати семи членов он был избран в Президиум правления союза писателей СССР, а по окончании съезда оказался одним из двух десятков самых выдающихся писателей, которые получили дачи в небольшом подмосковном поселке Переделкино — дар, положивший начало знаменитой писательской колонии.

В своих мемуарах Эренбург смог дать лишь краткое, благожелательно-тактичное изложение того, что происходило на съезде — но сумел вставить длинные отрывки из собственного выступления, утверждая, что те проблемы, которые он ставил при Сталине, те ценности, которые он тогда защищал, сохранили свое значение и при Хрущеве. Не сохранились люди — многие друзья ушли в небытие. Не в силах Эренбурга было уберечь их. Он едва уцелел сам.

УБИЙСТВО КИРОВА

Сразу после съезда Эренбург и Любовь Михайловна возвратились в Париж. Ехали они кружным путем. Сначала на юг — в Одессу, где сели на советский пароход, шедший курсом через Черное море в Средиземное, сделали остановку в Афинах и, сойдя в Бриндизи (Италия), оттуда поездом проследовали во Францию. В своих мемуарах Эренбург оказывает подчеркнутое внимание тому, насколько обострился кризис в Европе: 9 октября в Марселе были убиты король Югославии Александр и французский министр иностранных дел Жан-Луи Барту; убийца — хорватский фашист, прошедший подготовку у наемных убийц, приверженцев Муссолини. Хотя Барту принадлежал к политикам правых убеждений, он стоял за пакт с Советским Союзом, который мог бы обуздать Гитлера. «Убийство Барту, — вспоминал Эренбург, — все поняли как один из симптомов наступления фашизма». Мысль о необходимости противо-

стоять Гитлеру все больше и больше овладевала Эренбургом. 23 октября он принял участие в митинге в Париже, говорил о съезде советских писателей. Среди других ораторов были Андре Мальро и Андре Жид, стоявшие на трибуне вместе с вождями французских коммунистов и рабочих. На митинге присутствовали четыре тысячи парижан. Если верить тому, что написано в книге «Люди, годы, жизнь», именно тогда, по возвращении в Париж, Эренбургу пришла идея организовать конгресс писателей и ученых Запада. «Я написал в Москву длинное письмо, рассказывая о настроении западных писателей, об идее антифашистского объединения»⁴⁴.

На самом деле письмо Сталину было отослано Эренбургом месяцем ранее — 13 сентября 1934 года из Одессы на пути во Францию*. Эренбург имел серьезные причины датировать письмо более поздним числом и поубавить себе смелости, камуфлируя подлинные обстоятельства, при которых он обратился со своим призывом в Кремль. Дело в том, что в сентябре, когда он находился в Одессе, туда приехал Николай Иванович Бухарин, чтобы поделиться впечатлениями о писательском съезде с местными писателями и журналистами. Ни одна русскоязычная газета города не поместила даже строки о его приезде; об этом было упомянуто лишь в одесской газете, выходившей на украинском языке. Вопреки недавней и широко разрекламированной речи на съезде писателей, звезда Бухарина на политическом горизонте явно закатывалась.

Эренбург и Бухарин разделяли серьезные опасения касательно доктринерского неприятия Сталиным объединения левых сил. Вернувшиеся с только что закончившегося съезда писателей, где Андре Мальро и Жан-Ришар Блок призывали к менее ортодоксальному подходу к культуре, Эренбург и Бухарин, само собой разумеется, не могли не обсуждать политических последствий сталинской политики в отношении западноевропейских левых сил и не обдумывать письма в Кремль. Тем не менее, обоим было ясно, что под таким посланием должна стоять лишь одна подпись — Эренбурга, чтобы не возбудить у Сталина лишних опасений. К тому же Эренбург, который впервые направлял письмо Сталину, проявлял необходимую осмотрительность, обращаясь к нему исключительно от своего имени и не объединяясь открыто с Бухариным, хотя, без сомнения, именно Бухарин забрал письмо с собой в Москву⁴⁵. Даже четверть века спустя, упоминая об этом в своих мемуарах, Эренбург счел необходимым все еще соблюдать осторожность. Правда, одного факта скрыть он не сумел: ему явно хотелось начать играть

---

* Подробнее об этом см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 24. СПб., 1998. С. 166—239 (прим. ред.).

политическую роль; оставаться рядовым советским корреспондентом — пусть даже весьма полезным — было ему уже мало.

Письмо Эренбурга сделало свое дело — подтолкнуло к фундаментальному сдвигу в иностранной политике СССР. До тех пор Сталин был упорно против широкой антинацистской коалиции. В течение нескольких лет Международное объединение революционных писателей (МОРП) исключало не поддерживавших Сталина левых писателей, распространяя догматические методы, свойственные советским чиновникам от культуры, на дискуссии о культуре в Европе. Такая политика отпугивала от сплочения с советскими писателями как крупнейших американских — Теодора Драйзера, Шервуда Андерсона, Дос Пассоса, — так и французских — Андре Мальро, Роже Мартен дю Гара, которых Эренбург упомянул в своем письме.

Эренбург и Бухарин считали необходимым покончить с подобной нетерпимостью. Съезд советских писателей, который приветствовали не-коммунист Андре Мальро наряду с идейным коммунистом Ж.-Р. Блоком, позволив обоим выразить свои опасения относительно засилия «социалистического реализма», давал идеальную возможность расширить анти-фашистский фронт.

«Положение на Западе чрезвычайно благоприятно, — писал Сталину Эренбург, — большинство наиболее крупных, да и наиболее талантливых и наиболее известных писателей искренно пойдут за нами против фашизма. Если бы вместо МОРП'а существовала широкая антифашистская организация писателей, в нее тотчас же вошли бы такие писатели как Ромен Роллан, Андре Жид, Мальро, Ж.-Р. Блок <...>, Томас Манн, Генрих Манн [следует длинный список — *Дж. Р.*]. Скажу короче — такая организация, за редкими исключениями, объединит всех крупных и непродажных писателей.

Политическая программа такой организации должна быть очень широкой и в то же время точной:

- 1) Борьба с фашизмом
- 2) Активная защита СССР»⁴⁶.

Предложение Эренбурга заинтересовало Сталина. 23 сентября он послал записку Лазарю Кагановичу, одобряя идею Эренбурга и предписывая Кагановичу и А. Жданову поработать с ним. «Хорошо бы расширить рамки МОРП (1. Борьба с фашизмом. 2. Активная защита СССР), — писал Сталин Кагановичу, — и поставить во главе МОРП т. Эренбурга. Это большое дело»⁴⁷. Недели три спустя советский посол во Франции пригласил Эренбурга в посольство и ошеломил потрясающим известием: Сталин хочет видеть его лично.

Эренбург с женой вернулись в Москву. Их друзья ликовали; они были убеждены, что писательский съезд подтвердил: в стране уста-

навливается более обнадеживающая, более «либеральная» атмосфера. Исаак Бабель дал в честь Эренбурга грандиозный обед. Эренбург часто виделся с Всеволодом Мейерхольдом, от которого был рад услышать, что его последние постановки шли с неизменным успехом. Удачно складывалась и карьера Ирины Эренбург. Ее записки о жизни французской школьницы только что появились в журнале, а вскоре должны были выйти отдельным изданием⁴⁸. Эренбург был доволен ее замужеством (в декабре 1933 года). Муж Ирины, Борис Лапин, еврей по национальности, был превосходным лингвистом и талантливым писателем, увлеченным исследованием дальних районов России, где собирал материал для своих работ о малочисленных народах Азии. Хотя погода стояла отвратительная — ветренная и промозглая — Эренбург «на все глядел радужно». Но встретиться со Сталиным ему не пришлось.

1 декабря 1934 года жизнь в Советском Союзе перевернулась.

«...я отправился в “Известия”, зашел к Бухарину, на нем лица не было, он едва выговорил: Несчастье! Убили Кирова... Все были подавлены — Кирова любили. К горю примешивалась тревога: кто, почему, что будет дальше?... Я заметил, что большим испытаниям всегда предшествуют недели или месяцы безмятежного счастья — и в жизни отдельного человека, и в истории народов. Может быть, так кажется потом, когда люди начинают вспоминать о канунах беды? Конечно, никто из нас не догадывался, что начинается новая эпоха, но все приумолкли, настрожились»⁴⁹.

Вот все, что было позволено Эренбургу сказать в шестидесятых годах, но в 1988 году в советской печати появился не исковерканный цензурой вариант рассказа о том, что произошло тогда с ним в «Известиях»:

«“Идите и пишите о Кирове...” Я знал, что Киров и Орджоникидзе были друзьями, защитниками Николая Ивановича. И он меня втолкнул в пустую комнату: “Пишите! Второго такого не будет...” Я еще не успел ничего написать, когда вошел Николай Иванович и шепнул: “Не нужно вам писать. Это очень темное дело...”»⁵⁰.

Сергей Миронович Киров возглавлял ленинградскую партийную организацию; он был очень популярной и независимо мыслящей фигурой. К 1934 году он выделился как глава умеренной группы в составе Политбюро. Киров и его единомышленники никогда не посягали на верховную власть Сталина. Они помогли ему в конце двадцатых годов одолеть Бухарина и поддержали крутые меры по проведению Первого пятилетнего плана, включая насильственную коллективизацию и сверхнапряженную лихорадочную кампанию по внедрению тяжелой индустрии. Но когда коллективизация

была в основном проведена, Киров решил, что следует несколько обуздать Сталина в его чрезмерных крайностях и своевольном правлении, прекратить государственный террор и восстановить в партии таких оппозиционеров, как Бухарин.

Кирова убили в коридоре у его кабинета в знаменитом Смольном институте, откуда Ленин руководил большевистским переворотом в октябре 1917 года. Полностью история этого преступления остается тайной. Вполне возможно, что оно было организовано Сталиным, потому что он видел для себя угрозу в популярности Кирова. Во всяком случае убийство Кирова он использовал как повод развернуть кровавую чистку; взяв на себя расследование, он в тот же вечер поспешил в Ленинград со своими ближайшими приспешниками по Политбюро — Молотовым, Ворошиловым.

Немедленно начались репрессии. Уже 6 декабря газеты сообщили о десятках расстрелянных в Москве и Ленинграде. 16 декабря были арестованы Григорий Зиновьев и Лев Каменев, которых вскоре осудили за причастность к убийству Кирова — правда, приговор не был смертельным. Сталин относительно них вынашивал особый план. Зато в течение трех последующих лет десятки тысяч других жертв были расстреляны как «сообщники» совершенного преступления.

На следующий же день после убийства «Известия» начали публиковать отклики — слова любви и скорби — от писателей. Самым примечательным среди них было письмо, подписанное среди прочих Эренбургом и Пастернаком. Озаглавленное «Скорбь и гнев», оно скорее всего принадлежало перу Эренбурга и выражало скорбь по постигшей страну утрате виднейшего партийного вождя типичной советской риторикой:

«Мы знаем, что никакие подосланные убийцы не могут остановить истории. Но сейчас у нас горе: перед нами человек, только что он дышал, горел, боролся. И вот он лежит неподвижный. Историк когда-нибудь скажет: “Нелегкой ценой они купили счастье человечества!” Но у нас сейчас нет спокойствия историка: скорбь и гнев, гнев и скорбь!»⁵¹

Встреча со Сталиным в Кремле так и не состоялась. В последующие годы Эренбургу не раз случалось видеть диктатора на официальных приемах и церемониях, но личного свидания он не удостоился. Тем не менее, Эренбург вызвался «официально» служить советскому государству в его борьбе с фашизмом, и предложение это было принято. Еще в декабре Эренбурга отослали назад — в Париж — теперь уже с определенным заданием. С этого момента и впредь он был уже не просто рядовым советским корреспондентом; он был частью сталинского аппарата, работающего на Западе⁵².

ЕВРОПЕЙСКИЙ КРИЗИС

Через несколько дней после возвращения в Париж Эренбург уже любовался гитлеровскими воззваниями с весьма близкого расстояния: газета «Известия» послала его в Саар, где разыгрывался первый акт нацистской агрессии. До Первой мировой войны Саарский бассейн был частью германской территории у самой границы Франции. После победы над кайзеровской Германией Франция предъявила претензию на богатую углем землю. Однако американский президент Вудро Вильсон воспротивился, и был достигнут компромисс, согласно которому 13 января 1935 года в Сааре проводился плебисцит: саарским немцам предоставлялась возможность выбрать между экономическим союзом с Францией и немедленным воссоединением с Германией.

В результатах голосования не было даже малейших сомнений, однако с приходом к власти Гитлера население Саара стало колебаться. Руководимое коммунистами меньшинство пыталось развернуть кампанию против воссоединения. Эренбург стал свидетелем их тщетных усилий. Искусно используя национальную символику, нацисты сминали на свою сторону поголовное большинство, а их молодчики срывали коммунистические собрания. С помощью Густава Реглера Эренбургу удалось побывать в нескольких небольших поселках, где он беседовал с антинацистски настроенными шахтерами. Однако голосование было предreshено: 90% населения подало бюллетени за воссоединение с Германией. «Битва может быть проиграна, — внушал своим советским читателям Эренбург. — Война никогда»⁵³.

Следующие полгода Эренбург, выполняя задания «Известий», колесил по Франции и Бельгии. Европа казалась не готовой противостоять Гитлеру. В июне Эренбург побывал в Эльзасе, французской провинции с преимущественно немецким населением. Сторонники нацистов действовали там открыто, уверенные в «освобождении»⁵⁴. Июль застал Эренбурга в Эйкене, бельгийском городе, до 1918 года принадлежавшем Германии; в Эйкене он чувствовал себя так, словно находился в самой Германии. Стены многих домов украшали портреты Гитлера, а жители города приветствовали друг друга словами «Хайль Гитлер!».

Саар, Эльзас, Эйкен — все эти области ранее принадлежали Германии, и гитлеровцы знали, как всколыхнуть крайние националистские страсти. Европа находилась под гипнозом. «Последние месяцы я занят изнурительным делом, — писал Эренбург, — я езжу по различным областям, находящимся в непосредственном соседстве с Германией. <...>

Можно долго смотреть на змею и остаться в своем уме: если змея заглатывает кролика, это в конечном счете — обед. Но нельзя долго смотреть на кролика: остановившиеся глаза <...> способны заразить своим паническим безумием даже человека с воловьими нервами»⁵⁵.

Эренбург считал, что только Советский Союз может помешать победе фашизма. В Женеве он зашел в кафе, где любил работать и дискутировать с друзьями Ленин. «Это одно из тех мест, — писал Эренбург, — которые заставляют нас остановиться и призадуматься <...> вся Европа сейчас превратилась бы в цепь окопов или в огромный концлагерь»⁵⁶.

Нацисты не были немцами 1914 года. Европа, тем не менее, не была готова смотреть правде в глаза.

ПОЛИТИКА АНТИФАШИЗМА

Победа Муссолини, а вслед за ним и Гитлера, показали, что в период экономического и политического кризиса крайне правые движения пользуются громадным успехом. Фашизм вылился в массовое движение, и его триумфы нельзя было сбрасывать со счетов как некий временный сдвиг в народном сознании. Однако главными организаторами борьбы против фашизма, как и главными антифашистскими писателями были чаще всего коммунисты или сочувствующие коммунистам; они сурово осуждали Гитлера, но оставались слепы и равнодушны к таким же зверствам в Советском Союзе, а то и сознательно их замалчивали.

Для многих европейских писателей и ученых, исповедывавших левые взгляды, к этому нравственному и политическому дисбалансу добавлялись и другие факторы. Гитлер использовал яростную фразеологию расизма; его методы и цели не вызывали сомнений; когда он угрожал евреям, клялся отомстить за поражение Германии и требовал для себя политической власти, было ясно: он пойдет до конца. Сталин, напротив, был большим лицемером, хорошо усвоившим гуманистический язык социализма. Царская Россия была растленным жестоким самодержавным государством, и большевики весьма выиграли, выступая в образе современной, передовой партии, провозгласившей, что желают служить народу. Сталин вовсю трудился, чтобы скрывать свои преступления. Достоверные сведения о насильственной коллективизации, об искусственно созданном голоде на Украине, унесшем пять, если не больше, миллионов жизней, на Запад не проникали. Как заметил Эренбург в своих

мемуарах, «многие писатели Запада не понимали метода социалистического реализма; но методы фашизма были понятны всем: он сулил книгам костры, авторам — концлагеря»⁵⁷.

Гитлер и Сталин оба были беспощадно жестоки, но в тридцатых годах Гитлер угрожал стабильности и миру на европейском континенте; Сталин не стремился к военным захватам за счет своих европейских соседей. Его министр иностранных дел, М. М. Литвинов, выступал за коллективную безопасность, тщетно пытаясь сколотить союз западноевропейских демократий, чтобы предотвратить агрессию со стороны Германии.

Для Эренбурга, как и для массы других европейских интеллигентов, военная угроза нацизма перевешивала любые возражения, возникавшие против сталинского режима в самой России. Правда, многим ученым и писателям, ненавидевшим фашизм — как например, Ромену Роллану, — сотрудничество с коммунистами внушало опасения, оставаясь проблемой, которая нависала над антифашистским движением вплоть до 1939 года, когда Гитлер и Сталин заключили пакт. Но в начале тридцатых годов усиление фашистских режимов в Японии и Германии толкало антифашистскую интеллигенцию к тесным контактам с коммунистами и заставляло молчать о том, что творится внутри Советского Союза⁵⁸.

Иметь на Западе красноречивых апологетов — в особенности такого общественного веса как Ромен Роллан, Андре Жид и Андре Мальро — служило целям Сталина. Их расположение к Советскому Союзу помогало морочить международное общественное мнение и отвлекать внимание от деспотизма сталинского режима. Только диву даешься, читая полвека спустя высказывания этих утонченных интеллектуалов о жизни в Советском Союзе. В октябре 1934 года Андре Жид возглашал в Париже: «Что для нас останется утопией, вскоре станет действительностью в СССР»⁵⁹.

***

Вскоре события во Франции заставили враждующие левые партии кооперироваться. Мятеж правых сил 6 февраля 1934 года напугал и либерально настроенных и левых рабочих, и интеллигенцию. Социалисты и коммунисты отложили раздоры до лучших времен. Даже Сталин начал пересматривать свои политические ходы. К 1935 году Коммунистический интернационал, более известный как Коминтерн, кремлевское орудие для руководства иноземными коммунистами, принял политику «народного фронта», выступая против фа-

шизма вместе с социалистическими партиями. Вопреки первоначальному намерению Сталина, Эренбургу не предложили возглавить МОРП; он, скорее всего, даже не знал, что у Сталина некогда мелькнула такая мысль. Теперь, в декабре 1934 года, на это место предпочли поставить французского писателя-коммуниста Анри Барбюса, а штаб МОРП'а перевести в Париж. На первый взгляд, выбор был сделан удачно. Барбюс приобрел известность в Первую мировую войну, опубликовав роман «Огонь» — о пехотном взводе французских солдат, испытывающих все невзгоды окопной войны; книга удостоилась Гонкуровской премии. К тому же Барбюс был ярым пацифистом и в начале тридцатых годов вместе с Роменом Ролланом принимал активное участие в организации в Амстердаме и Париже грандиозных конференций против фашизма и войны.

В своих мемуарах Эренбург пишет о Барбюсе вполне уважительно, но на самом деле эта кандидатура внушала ему сомнения. Барбюс был чересчур одержимым коммунистом и слишком стар (в 1935 году ему исполнилось шестьдесят два года), чтобы привлечь более молодых, более талантливых писателей — как, скажем, Мальро — или более влиятельных, независимых, как Олдос Хаксли и Э. М. Форстер. Эренбург написал Михаилу Кольцову, своей главной «связи» с Москвой, письмо, в котором не скрывал опасений по части тех методов, какими Барбюс станет руководить МОРП'ом. Он зашел даже так далеко, что пытаясь развенчать Барбюса, намекнул: Барбюс хвастает личной поддержкой Сталина — проступок, каких Сталин не терпел⁶⁰. Но Барбюс собирался опубликовать во Франции биографию Сталина, раздутую пропаганду, а это обеспечивало ему дружбу Кремля и, без сомнения, делало его в высшей степени «подходящим» для главы МОРП'а. Попытка Эренбурга развенчать Барбюса осталась, по всей очевидности, без внимания; работа же по подготовке Конгресса продолжалась.

Международный конгресс писателей в защиту культуры открылся в Париже в июне 1935 года. Эренбург был одним из главных его организаторов вместе с Андре Жидом и Андре Мальро, а также коммунистами — такими, как Ж.-Р. Блок — и солидным романистом Андре Шамсоном, правой рукой Эдуарда Даладьё, лидера радикальных социалистов. Ни помещения, ни секретарей не было. Собирались чаще всего у Эренбурга. Машинистки работали на квартире Андре Жида. Организаторы сами, не жалея времени и усилий, созывали писателей со всего мира.

Политическая атмосфера 1935 года способствовала проведению конгресса. Как и следовало ожидать, французскую делегацию возглавили Мальро, Барбюс и Луи Арагон, к которым присоединился

основатель дадаизма Тристан Тцара и сюрреалист Рене Кревель. От британцев прибыла весьма внушительная группа, включавшая романистов Олдоса Хаксли и Э. М. Форстера. Присутствовали и немецкие писатели-эмигранты Генрих Манн, Бертольд Брехт, Эрнст Толлер, Анна Зегерс.

За несколько дней до открытия конгресса произошли два события, определившие его политическую повестку и нанешие удар по взаимному доверию его организаторов. 16 июня Андре Мальро дали знать, что Максим Горький приехать не сможет. Мальро был вне себя. Горького ждали. Создавалось впечатление, что Москва «дурачит» организаторов⁶¹. Конгресс должен был продемонстрировать солидарность с Советским Союзом, а Сталин посылал делегацию, состоящую из писателей, которых на Западе мало кто, если вообще кто-нибудь, знал. За исключением Эренбурга, журналиста Михаила Кольцова и прозаика Алексея Толстого, делегация состояла преимущественно из чиновников от литературы — посредственностей, которых никак нельзя было поставить на одну доску с Мальро и Э. М. Форстером. Горький, возможно, и впрямь был очень болен и не мог путешествовать — в следующем году он умер, однако не кто иной как Сталин набрал или, по крайней мере, одобрил подобный состав делегации, так что вполне возможно, Сталин решил не выпускать Горького за границу.

Мальро немедленно связался с Эренбургом и Густавом Реглером. Посоветовавшись, они решили побудить Жиду посетить Советское посольство и потребовать включить в делегацию дополнительно Бориса Пастернака и Исаака Бабеля. Андре Жид с таким планом действий согласился. «Таков был наш вклад, — иронизировал впоследствии Реглер, — в потемкинскую деревню, которую мы старались построить для просоветски настроенного Запада»⁶². У Эренбурга на уме была и другая цель: он хотел не только укрепить престиж Советского Союза, но и помочь своим старым друзьям. Появление на конгрессе Пастернака и Бабеля показало бы их популярность на Западе, что помогло бы защитить их в Москве⁶³. Кремль принял предложенное добавление, послав Пастернака и Бабеля в Париж; для обоих эта поездка оказалась последней за пределы Советского Союза.

Со вторым кризисом дело обстояло хуже. На той же неделе писатель Андре Бретон столкнулся с Эренбургом в табачной лавке на Монпарнасе. Бретон был признанным вождем сюрреалистов, завязых экспериментаторов, которые считали, что «социалистический реализм» означает цензуру и подчинение властям. Бретон не желал закрывать глаза на методы сталинского полицейского госу-

дарства и безбоязненно высказывал свое сочувствие изгнанному из СССР Льву Троцкому. Это вело к расколу между ортодоксальными коммунистами и сюрреалистами, создавая напряженность во французских литературных кругах; и советская пресса не могла не нападать на сюрреалистов. Двумя годами ранее в статье, опубликованной в «Литературной газете» в июне 1933 года, Эренбург, говоря о сюрреалистах, поносил их самыми зазорными словами, какие только мог сыскать, называя «фанатиками безделья» с программой «онанизм, педерастия, фетишизм, эксгибиционизм, даже скотоложество»⁶⁴. Эта злая статья (переведенная на французский язык и напечатанная в Париже в 1934 г.) развезла брешь между сюрреалистами и коммунистами еще шире. Бретон прочитал статью Эренбурга и искал случая с ним поquitаться. Встретив его в табачной лавке, он, не в силах сдержаться, стал кричать на него и ударил по щеке. Эренбург пришел в ярость и тут же заявил, что Бретон, оскорбивший делегата Международного конгресса писателей, будет лишен права в нем участвовать.

Единственным сюрреалистом, который тогда ухитрился ладить с коммунистами, поддерживая с ними рабочие отношения, был Рене Кревель. Он помогал в организации конгресса и продолжал писать для «*Commune*», литературного журнала, издаваемого Луи Арагоном на средства коммунистов. Кревель решил во что бы то ни стало добиться примирения и восстановить право Бретона на выступление, но советские делегаты пригрозили покинуть конгресс, если в нем будет участвовать Бретон. Как заявил Эренбург: «Люди, которые решают разногласия во мнениях кулаками, — фашисты». Кревель сделал последнюю попытку переубедить Эренбурга, прося его восстановить Бретона как участника конгресса. Но Эренбург остался тверд: «Бретон действовал как коп, — сказал он Кревелю. — Если ему разрешат выйти на трибуну, советская делегация уйдет из зала»⁶⁵. В отчаянии Рене Кревель, придя домой, той же ночью отравился. В своих мемуарах, много лет спустя, Эренбург признал, что «сам того не подозревая, сыграл в этой трагической истории некоторую роль»⁶⁶. Страдавший депрессией, больной туберкулезом, Рене Кревель не смог вынести боли, причиненной политическим и личным поражением. Его самоубийство мрачной тенью висело над конгрессом, а тридцать лет спустя Эренбург мог лишь подтвердить свою роль в этой трагедии.

Международный конгресс писателей в защиту культуры открылся в пятницу, во второй половине дня, в огромном зале дворца «Мютюалитэ». Стояла необычайно жаркая погода, но делегаты и гости — три тысячи человек — кротко вытерпели пять дней речей, переводов и дискуссий. Конгресс был зеркалом политических проблем

и нравственных просчетов тридцатых годов. Проходя под эгидой коммунистов и их союзников, он должен был продемонстрировать веру в Советский Союз и отвращение к фашизму. Это был момент наивысшего подъема Народного фронта. В конгрессе участвовали либералы, коммунисты, христианские демократы, сюрреалисты, и Эренбургу с товарищами приходилось постоянно лавировать между делегатами, примиряя личные и политические разногласия.

Прибытие Пастернака и Бабеля облегчило Эренбургу хлопоты. Из его ежедневных корреспонденций в «Известиях» видно, что он использовал любую возможность подчеркнуть: Пастернак как никто другой поддерживает честь советской культуры. Как только его приезд получил подтверждение, Эренбург уже в первом своем репортаже рассказывал, как рядовой француз, не владевший русским языком, жаждал услышать Пастернака — «стихи настоящего живого поэта»⁶⁷. Пастернак прибыл 24 июня, за день до закрытия конгресса, и появился в зале во второй половине дня как раз, когда с трибуны говорил ленинградский поэт Николай Тихонов. До того советская делегация никак себя не проявила. «Они не понимали ни слова, зато сверх всякой меры хвалились своим пятилетним планом, — вспоминал впоследствии экс-коммунист Густав Реглер. — Все это порядком раздражало. Эдакие самодовольные душки-гитлеровцы»⁶⁸. Пастернак же был встречен как герой, ему устроили овацию, что дало возможность Эренбургу в очередном репортаже описать, как «зал поднялся, долгими рукоплесканиями он приветствовал поэта»⁶⁹. Пастернак пробыл в Париже больше недели, повидав старых друзей — Марину Цветаеву и Замятина; на конгрессе, как сообщает тот же Густав Реглер, «он быстро ушел в тень, а Эренбург ограждал его от любителей задавать вопросы»⁷⁰.

Как ни старались Эренбург и Мальро держать конгресс под контролем, помешать всем нежелательным выступлениям они не могли. И восторженное чувство солидарности дважды полностью разрушалось — оба раза по вине социалистов, которые подняли вопрос о Викторе Серже, писателе и пламенном революционере, подвергшемся в 1933 году аресту и отправленному в трехгодичную ссылку на Урал.

Виктор Серж был известным в Европе левым деятелем. Он родился в 1890 году в Брюсселе в семье русских эмигрантов — его отец состоял в родстве с одним из убийц Александра II. Когда в 1919 году, в разгар гражданской войны, Серж добрался до Петрограда, он уже успел дважды побывать в заключении во французской тюрьме и принять участие в восстании рабочих Барселоны. Став активным членом коммунистической партии, он, тем не менее,

остался верен своим либеральным воззрениям и в 1926 году в ходе внутрипартийной борьбы присоединился к антисталинистам. Исключенный из партии, он зарабатывал себе на жизнь литературным трудом, посылая свои романы и исторические очерки во Францию, где очень скоро приобрел читателей и почитателей. В 1933 году за так называемые троцкистские связи он был арестован.

Уже на второй день конгресса его имя прозвучало в выступлениях нескольких делегатов — некоммунистов, в том числе и бывшего члена итальянского парламента Гаэтано Салвемини, которого Муссолини бросил в тюрьму. Салвемини не побоялся учинить допрос сталинской власти — спросить, почему Виктор Серж лишен в Советском Союзе свободы. В ответ Луи Арагон заявил, что Салвемини не пристало даже упоминать о Серже: слишком много чести этому «контрреволюционеру»⁷¹. В зале началось столпотворение. Тогда вмешался Мальро и в драматическом тоне прокричал, что каждый, кто упомянет Виктора Сержа, будет выведен из зала, тем самым наглядно демонстрируя подчиненность организаторов сталинской линии.

Заступники Сержа не успокоились. В последний день конгресса они снова взяли слово. Мадлен Паз, издательница-социалистка левого крыла и давний друг Сержа, вновь попытались, несмотря на свистки и брань, заговорить о его судьбе. Несколько русских делегатов, включая Эренбурга, — действовавшего, без сомнения, согласно полученному им общему инструктажу, — возразили, что советское правительство имеет право защищать себя от врагов.

Советская печать об этой полемике не проронила ни слова, сообщив только, что двое троцкистов попытались использовать конгресс «для гнусных антисоветских выпадов»⁷². Эренбург не нашел нужным упомянуть о Викторе Серже ни в репортажах с конгресса, ни в своих мемуарах четверть века спустя, хотя вокруг этого дела во всю кипели страсти и его особо выделили все западные газеты, писавшие о заседаниях. Зато в своей статье о последнем дне Эренбург очень живо писал, какое неизгладимое впечатление произвело на него бесстрашие немецкого коммуниста, которому предстояло не сегодня-завтра вернуться в берлинское подполье. «Я часто прошу судьбу, — писал в «Известиях» Эренбург, — об одном: не стереть в памяти тех редких минут, когда человек всем своим существом чувствует, зачем он живет»⁷³. Думать о судьбе Виктора Сержа Эренбургу не хотелось, он предпочитал напоминать себе о беспредельной верности. Пока Советский Союз оставался оплотом против фашизма, Эренбург готов был принять что угодно. «Что ни приключилось, — писал он об этих годах, — какими мучительными ни были сомнения <...>, нужно молчать, бороться, победить»⁷⁴.

Сам Виктор Серж в своих «Мемуарах революционера» не слишком жалуется Парижский конгресс. Он был организован «закулисными коммунистическими политиками», чтобы «взвинтить французскую интеллигенцию и купить совесть нескольких знаменитостей». Эренбург для него — «наемный агитатор-романист», позабывший «свое бегство из России, свои запрещенные романы, свои обвинения большевизму, “распявшему Россию”»⁷⁵. Высланный из Советского Союза в 1936 году, Серж поселился сначала в Брюсселе, затем в Париже, откуда в 1940 году едва спасся при стремительном наступлении нацистов, найдя пристанище в Мексике. Там — в полном одиночестве, в нищете, постоянно травимый в коммунистической прессе — он жил и писал до последних своих дней в 1947 году.

ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА

Пока Эренбург вживался в свою роль советского журналиста, его семейная жизнь была не менее многосложной. В 1936 году любовь к Дениз Лекаж, серьезный роман с которой длился почти все тридцатые годы, поставил его на грань развода с Любовью Михайловной. Дениз происходила из знатной французской семьи. Ее двоюродная бабушка Каролин Реми Гвабар играла значительную роль в культурной жизни Франции на грани девятнадцатого и двадцатого веков. Под псевдонимом Северин она опубликовала статьи о деле Дрейфуса. Ренуар написал ее портрет. Муж Дениз, Бернар Лекаж, также был журналистом и литератором. Исключенный из коммунистической партии в 1923 году, он завоевал себе имя открытыми выступлениями против антисемитизма. В 1927 году с его помощью была учреждена Международная лига против расизма и антисемитизма. Его роман «Жакоб» рисует картину жизни русско-еврейских эмигрантов в Париже. В «*Quand Israël Meurt*» рассказывается о погромах во время гражданской войны в России, в том числе и об учиненной Деникиным резне в Киеве, свидетелем которой был Эренбург. Дениз тоже не чуждалась политической деятельности, принимая участие в левом движении и, пока не получила престижную работу на радио, играла для рабочих в составе сборной труппы. Эренбург был от нее без ума, но Любовь Михайловна, боясь, что без его опеки она пропадет, крепко за него держалась. К 1936 году от душевных переживаний у нее почти отнялись ноги, она едва ходила. В конечном итоге ее мольбы взяли верх, Эренбург до конца жизни оставался ее мужем.

---

⁷⁵ Пока умирал Израиль (фр.).

Любовь Михайловна легко приходила в волнение и нередко пользовалась этой своей нервозностью, чтобы привлечь внимание мужа. Вот какой случай живо запомнился ее приятельнице Але Савич. Любовь Михайловна обычно совершенно выходила из границ, когда на платье ее садилось насекомое, но после смерти Эренбурга такие истерики прекратились. Приметив это, Аля как-то спросила Любовь Михайловну, почему она больше не боится букашек-таракашек. «А я и раньше не боялась, — отвечала Любовь Михайловна. — Но теперь мне некого бередить»⁷⁶.

Талантливая художница, Любовь Михайловна не относилась к своему призванию всерьез. Московские друзья полагали, что это вина Эренбурга: он, де, ее расхолаживает, не желая соперничать с женой по части художественной одаренности. На самом деле Эренбург всячески ее поощрял, и их подмосковная дача была увешена ее картинами. Только Любовь Михайловна далеко не всегда их заканчивала: ей не доставало воли сосредоточиться и целиком отдать работе, как того неизменно требует творческий порыв.

***

Несмотря на политические задания, частые поездки и журналистские обязанности, Эренбург умудрялся оставаться плодовитым писателем. В начале тридцатых годов он наряду с «Днем вторым» написал еще два коротких романа: «Москва слезам не верит» (1932) — о трудностях на пути русского художника, получившего возможность учиться в Париже, — и «Не переводя дыхания» (1934) — о героических усилиях жителей Дальнего Севера развить там современную лесную промышленность. В последующие годы Эренбургу этот роман разонравился. Ему казалось, что в нем повторено слишком много тем, использованных в «Дне втором». Тем не менее, роман «Не переводя дыхания» содержит несколько необычных эпизодов, какие меньше всего ожидаешь найти в правдивом советском романе. Эренбург написал эту книгу после нескольких дней пребывания в Архангельске, где его — как двумя годами ранее в Кузнецке, — поразило отношение и поведение жителей Севера в период стремительной индустриализации этого района. Поездил он и вокруг Архангельска, где, увидав повсеместное уничтожение деревянных церквей и икон семнадцатого-восемнадцатого века, и еще полное небрежение, в котором находился кружевной промысел, да и все основополагающие элементы традиционной культуры, веками питавшие провинциальную деревенскую жизнь, почувствовал

себя обязанным рассказать об этих утратах в романе «Не перевода дыхания». Спустя три года он выпустил сборник из пятнадцати коротких новелл «Вне перемирия», основная тема которых — антифашистское движение. В 1936 году он закончил самое значительное свое произведение этих лет — роман «Книга для взрослых», коснувшись в нем многих тем, которые позднее более полно осветит в своих мемуарах. У «Книги для взрослых» необычная композиция: автобиографические главы перемежаются в ней с эпизодами вымышленной истории. Пройдут годы и Эренбург разжалует эту книгу, назвав «черновиком» своих мемуаров «Люди, годы, жизнь»: «Я задумал нечто увлекательное и порочное»⁷⁷.

Тем не менее, «Книге для взрослых» нельзя отказать в известном обаянии, включая ряд портретов и описания событий, благодаря которым Эренбург стал таким необычным советским писателем. В ней он рассказал о своем религиозном деде, о вступлении в партию большевиков, о парижских художниках и страшных мытарствах Гражданской войны. В одном абзаце Эренбург сумел сопоставить Женеву, Москву и Париж, сумел передать свое впечатление от Пикассо, Модильяни и Мальро, что ни одному другому советскому писателю было не по зубам. Эренбург вспоминал, как Пикассо, продав дорогую картину, накопил сотни тюбиков краски; он часто сидел без гроша и «пуше всего боялся остаться без краски». Вспоминал Модильяни, который «жил на грани безумия» и часто, чтобы поддержать себя, прибегал к гашишу. Но тот же Модильяни мог часами сидеть в кафе и «рисовать портреты соседей. Все они были похожи на живые модели, и все они были похожи друг на друга»⁷⁸. Эренбург любил своих друзей и, делясь с советским читателем воспоминаниями о своей богемной юности, приоткрывал перед ним мир, который становился для него все более чужим и недоступным.

«Книгу для взрослых» также отличает удивительная искренность чувств. Побывав в Советском Союзе, Эренбург не побоялся сказать, как часто встречал там людей, которые «смеялись громко, но жили сжав зубы». Что до собственного отношения к тому, что там происходило, то Эренбург предпочитал держаться загадочно, даже таинственно: «Есть многое, о чем я могу рассказать лишь близким друзьям, — признавался он, — есть многое, о чем я не скажу даже себе»⁷⁹.

Публикация «Книги для взрослых» проходила в Советском Союзе с немалыми трудностями. Первоначально она увидела свет на страницах журнала — обычная практика в СССР, однако публикация отдельным изданием заняла необыкновенно долгое время. «Из

книги изымали целые страницы с именами, ставшими неугодными, — писал об этом в своих мемуарах Эренбург. — В том экземпляре, который у меня сохранился, один листок блее и короче других, его вклеили»⁸⁰. Убрали имена Николая Бухарина и Григория Сокольников. Несмотря на давление со стороны редакторов журнала «Знамя», Эренбург все же включил в «Книгу» безобидный материал об этих двух старых друзьях, попавших в немилость к Сталину, когда «Книга для взрослых» была впервые напечатана весной 1936 года.

«Сокольников был старше меня. Он казался мне стратегом: мало разговаривал, почти никогда не улыбался, любил шахматы. Бухарин был весел и шумен. Когда он приходил в квартиру моих родителей, от его хохота дрожали стекла, а мопс Бобка неизменно кидался на него, желая покарать нарушителя порядка»⁸¹.

Это и был тот идеологически порочный абзац, который советские власти не могли перенести и дошли до того, что вклеили новую страницу во все десять тысяч экземпляров выпущенного только что тиража.

И все же, несмотря на такую зверскую цензуру, «Книга для взрослых» увидела свет. Меньше повезло Эренбургу с переизданием другого его детища, которое было ближе его сердцу — с «Необычайными похождениями Хулио Хуренито и его учеников». 14-го января 1935 года Эренбург пишет о желании переиздать книгу в письме к Валентине Мильман. Месяца два спустя она дала ему знать, что появление книги потребует «редактуры». Эренбург был тверд, отказавшись принять какие-либо вымарки в тексте романа, как и принести извинения за то, что написал. «Объяснить различие эпох я могу, — отвечал он Мильман, — но “отмежевываться”, “покаяться” и пр. — “нет”»⁸². В связи с этими соображениями Эренбург сочинил весьма противоречивый эпилог к роману, где сообщалась дальнейшая судьба учеников Хуренито в свете недавней советской истории и идеологии⁸³.

Новый эпилог, однако, не смог возместить идеологические промахи, отмеченные в романе, а латать свой текст Эренбург отказался. В июне 1936 года, после того как эпилог — с объявлением о том, что он войдет в новое издание романа — был напечатан в одном из московских журналов, Эренбург писал Мильман: «Все это очень прискорбно и очень серьезно... Я никак не согласен на поправки, и если они настаивают, необходимо добиться расторжения договора»⁸⁴. В тридцатых годах полный текст «Хулио Хуренито», каким его хотел видеть Эренбург, так и не появился: снова в Москве книга вышла только в 1990 году*.

---

* Без главы о Ленине и с купюрами роман был издан в 1962 г. (прим. ред.).

В период тридцатых Эренбург брал на себя инициативу и в других не совсем обычных делах. Среди прочих намечалась его поездка в Москву, в которой он рассчитывал сопровождать Андре Жид. В те годы Жид был самым почитаемым из числа интеллектуалов, поддерживающих коммунистов во Франции, пожалуй, даже во всей Европе. Подталкиваемый Эренбургом, Жид, казалось, был уже готов впервые взглянуть на Москву. Он, однако, был человеком непредсказуемым, в последний момент он передумал: насморк изменил его планы. Судя по записи в дневнике Марии ван Риссельберг, Эренбург горько жаловался Мальро на Жид.

«Эренбург буквально закатил сцену. В таких делах, возмущался он, нездоровье не должно играть никакой роли. Долг обязывал его [Жид — *Дж. Р.*] поехать — и с партийной точки зрения, и с точки зрения всей политической ситуации. Отмена решения в такой момент, когда это исключительно важно для консолидации франко-русского союза, союза интеллигенции, — просто катастрофа. В какой мере, говоря так, Эренбург исходил из собственных интересов, в какой мере боялся, что провал поездки будет отнесен на его счет, трудно было разобраться»⁸⁵.

В Москву Эренбург и Любовь Михайловна отправились одни.

Прошло немногим более года после Съезда советских писателей, а сталинский контроль над всеми видами искусств становился все более непреклонным. Готовилась начавшаяся в январе 1936 года кампания против «формализма» — о чем Эренбург ничего не знал — кампания, которая открылась нападками на композитора Дмитрия Шостаковича и тотчас распространилась на все формы творчества.

По прибытии в ноябре 1935 года в Москву Эренбург получил приглашения прочесть лекции в ряде организаций. В своих выступлениях он защищал те же взгляды, какие изложил на Съезде писателей — художник имеет право на индивидуальные формы выражения. Он по-прежнему прославлял Бориса Пастернака; например, выступая перед редакторами журнала «Знамя», рассказал, как на Парижском конгрессе аудитория только трижды устроила овацию ораторам, аплодируя стоя, — «когда на трибуну съезда вошел Андре Жид, после речи немецкого писателя-революционера и когда сказал свое краткое слово Борис Пастернак. Так, — говорит Эренбург, — конгресс как бы выделил три слагаемых большой революционной литературы — культуру, политику, поэзию»⁸⁶.

Несколько позже, 26-го ноября, выступая перед работниками кинопромышленности, Эренбург высказал суждения, граничащие с вызовом. Защищая Исаака Бабеля — на которого как раз усилен-

но давили, требуя от него произведений, годных для печати, — Эренбург ясно высказал свою точку зрения: «...молчание Бабеля значительно ценнее, чем появление ряда книг, — декларировал он. — Когда Бабель молчит, то все ждут, и правильно ждут». И еще с восхищением отзывался о Пикассо, хвалил Эйзенштейна и Довженко, которые утрачивали благоволение Кремля, и характеризовал Всеволода Мейерхольда — вскоре всюду разруганного в официальной печати — как замечательного, страстного художника⁸⁷.

Только Эренбург мог поставить в пример подлинного художественного совершенства работу Бабеля, Мейерхольда, Эйзенштейна и Пикассо, противопоставляя их мастерство стерильным творческим формулам, которые все чаще и чаще преобладали в Москве. Признание, которым он пользовался за границей, давало ему большую свободу, и он от нее не отказывался. «Перед нами убеждение, будто писатель, кинорежиссер или художник — своего рода универмаг. Он может все перевести в реальность, сделав выбор из предлагаемых тем... Это абсурд, — продолжал Эренбург, употребляя свою любимую метафору, — советовать художнику, как ему «заболеть» темой». На следующий день Эренбург принял участие в конференции Союза советских художников, где не побоялся повторить то, что выложил кинематографистам. Вспомнив о совете Льва Толстого, он процитировал его требования к хорошему писателю: «Писатель никогда не должен писать о том, что ему самому неинтересно; если писатель задумал книгу, но может ее не написать, то ему лучше отказаться от своего замысла». Исходя из этих принципов, Эренбург сделал горький вывод, сказав, что если очень многие отнесутся к совету Толстого всерьез, это «сильно уменьшит количество произведений советского искусства в разных областях, зато, возможно, улучшит их качество». Рассуждения Эренбурга не всем пришлись по вкусу. Один из участников заседания высказал сомнения в их правильности: ведь жена Эренбурга — ученица Пикассо! Эренбург отменил это обвинение со всеми вытекающими из него последствиями: «Моя жена не ученица Пикассо, — парировал он. — Хотя ничего такого, если бы и была, потому что у Пикассо много чему можно научиться»⁸⁸.

Отстаивая свою точку зрения, Эренбург не ограничился устными выступлениями. В статье, написанной для «Известий», он снова защищал талант Мейерхольда, напоминая советским бюрократам о недавнем триумфе режиссера во Франции, где он покорила «весь театральный, художественный и литературный Париж: от Андре Жид до Мальро, от Пикассо до Ренэ Клера»⁸⁹. Вернувшись в Париж, он вскоре разразился еще статьей для «Известий» на сходную

тому, на этот раз о Маяковском, где подчеркивал новаторство поэта, его склонность к экспериментированию — качества, которые Эренбург хотел бы по-прежнему видеть в советском искусстве⁹⁰.

Три недели спустя дальнейшие дебаты сделались невозможны. Сталинская кампания против «формализма» началась всерьез. Настало время внедрять стандарты «социалистического реализма». В январе 1936 года диктатор посетил представление оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», которая уже два года пользовалась признанием у критики и публики в Советском Союзе, Европе и Соединенных Штатах. Сталин отреагировал иначе. 28 января того же года в «Правде» появилась редакционная, без подписи, статья «Сумбур вместо музыки». Продиктованная Сталиным, она прямо угрожала Шостаковичу. «Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный сумбурный поток звуков. Обрывки мелодий, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой “музыкой” трудно, запомнить ее невозможно»⁹¹. Иными словами, Сталин вознамерился запретить любую музыку, какую был неспособен напеть сам.

Еще через неделю «Правда» поместила второй погромный отзыв о Шостаковиче. Чуть позже настала очередь архитекторов, за ними художников, затем драматургов и театральных режиссеров. Пьесы Михаила Булгакова были сняты с репертуара. Устроили «проработку» Мейерхольда. Повсеместно проводились собрания, на которых художникам, писателям, музыкантам, актерам давалась возможность одобрять статью в «Правде», поносить друг друга и отрекаться от своих прежних творений.

В этой кампании Эренбург не был главной мишенью. Он находился во Франции. Последние его романы были политически приемлемы, а его роль советского корреспондента в Европе создала ему имя, которое нелегко было очернить. Правда, преклонение Эренбурга перед Пастернаком делало его уязвимым для критики. На одном из писательских собраний поэтесса Вера Инбер возмущалась Эренбургом, посмеявшись сказать, что среди советских поэтов только у Пастернака есть совесть⁹². На московской писательской конференции, проходившей в марте того же года, писатель Лев Никулин ругал Эренбурга за его восторженные отзывы о Пастернаке: «Эренбург делает медвежью услугу Пастернаку, когда утверждает, что лесорубы на Севере читают стихи Пастернака... Это, конечно, неверно. И когда он таким образом старается делать литературную погоду за границей (всякому лестно делать литературную политику), он в достаточной степени дезориентирует французских читателей и писателей»⁹³.

Эренбург не оставил эту критику без ответа. В письме (от 5 апреля 1936 г.) к одному из руководителей партии А. С. Щербакову он напоминал советской бюрократии, что старается делать за рубежом: «Я не могу обойти молчанием вопрос о той “литературной политике”, которую я якобы провожу за границей, — писал он Щербакову. — В этой “политике” я руководствуюсь общеполитическими резонами, а не моими личными литературными вкусами. Дело не в том, нравится ли мне Пастернак, Бабель, Шолохов и др., а в том, что может легче и верней привлечь к нам западноевропейскую интеллигенцию»⁹⁴. Хотя Эренбург подвергался менее резким нападкам, чем многие другие, он счел необходимым поставить заслон дальнейшей критике. Либо ему разрешат выражать свои взгляды, настаивал он, либо он вообще перестанет выступать. Связывая свою деятельность с общественным мнением на Западе, Эренбург тем самым также демонстрировал, что он в состоянии манипулировать советскими бюрократами, которые, по всей видимости, побаивались задеть его, когда он опирался на интерес западной аудитории. Именно этот его политический талант сохранил ему жизнь при Сталине и оказался в высшей степени полезным десятилетия спустя при Хрущеве.

В феврале, в разгар сталинской кампании против формализма, Эренбург получил неожиданную возможность подтвердить свои наихудшие опасения: в Европу на два месяца приехал Бухарин. Прибыл он, сопровождаемый молодой беременной женой — остальные родственники, включая ее старика отца, остались в России, фактически заложниками, — как один из трех членов делегации, присланной, чтобы приобрести архивы немецкой социал-демократической партии, включавшие рукописи самого Маркса. Эти архивы были тайно вывезены из нацистской Германии и находились на хранении у историка Бориса Николаевского, меньшевика-эмигранта, с которым Бухарин вел переговоры о покупке. О парижских встречах с Бухариным Эренбург написал очень сдержанно, тщательно надеясь включить этот материал в издаваемую в 60-х годах книгу «Люди, годы, жизнь». Запомнилось ему, как однажды, когда они с Бухариным шли вдоль Сены, Бухарин вдруг разволновался: «“Нужно в “Лютетию” [гостиница — *Дж. Р.*] — я должен написать Кобе”. Я спросил, о чем он хочет писать — ясно, что не о красоте старого Парижа и не о холстах Боннара, которые ему понравились. Он растерянно засмеялся: “В том-то и беда — не знаю о чем. А написать нужно. Коба любит получать письма”»⁹⁵.

Бухарин вернулся в Москву в конце апреля. Четыре месяца спустя судьба его была решена. Сталин подготавливал первый большой «показательный процесс», на котором подсудимыми выступа-

ли ближайшие сподвижники Ленина — Григорий Зиновьев и Лев Каменев. Они уже находились под арестом и ранее дважды приговаривались к длительным срокам тюремного заключения. Суд над ними состоялся в августе 1936 года. Направляемые в своих показаниях сталинским главным прокурором Андреем Вышинским, подсудимые послушно признались в заговоре с целью убить Кирова и других вождей партии. В заговор якобы были вовлечены Бухарин, бывший председатель Совнаркома Алексей Рыков и бывший глава советских профсоюзов Михаил Томский, и на процессе было объявлено о начале следствия по делу об их преступлениях. На следующий день Томский покончил с собой, предпочтя таким образом избежать оскорблений и унижений, которым подверглись Зиновьев и Каменев, вскоре расстрелянные. Бухарин получил короткую передышку. Судебное расследование в отношении него было в сентябре прекращено и 7 ноября в годовщину Октябрьской революции он даже получил приглашение на трибуну Ленинского Мавзолея. Однако менее чем через месяц нападки в печати возобновились: Бухарина связывали с другими «врагами народа».

Тем временем в январе 1937 года начался второй печально знаменитый процесс. С рядом подсудимых, среди прочих с Юрием Пятаковым и Григорием Сокольниковым, Бухарин состоял в давней дружбе, с другим, Карлом Радеком, многие годы сотрудничал в газете «Известия». Обвиняемые в убийствах и шпионаже, подсудимые все как один давали очень странные показания, приписывая себе фантастические преступления против советского государства. Главными мишенями в их показаниях были Бухарин и Рыков; вскоре оба были арестованы.

Эренбург следил за этой трагедией издали. Он был в безопасном месте — в Париже, но крушение, постигшее друга, повергло его в отчаяние — отчаяние, которое он выразил двумя годами позже, в 1938 году, после казни Бухарина: «Додумать не дай, — написал он. — <...> Не дай доглядеть <...> Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось». Он молил об одном — о «точной, срочной работе», чтобы отвлечься. Его обязанности журналиста и политического деятеля были ясны. «Шла борьба с фашизмом, и я находился на поле боя». На защиту Бухарина он встать не мог. «Кто знает, как мы были одиноки в те годы! <...> Мы не могли признаться во многом даже близким, — писал Эренбург годы спустя. — Только порой особенно крепко сжимали руки друзей — мы ведь все были участниками великого заговора молчания»⁹⁶. (Одних этих слов было достаточно, чтобы советский режим не простил его никогда).

***

В апреле 1936 года Эренбург две недели провел в Испании, где наблюдал политические стычки, которые всего через два месяца привели к гражданской войне. Вернувшись в Париж, он принялся за корреспонденции об общенациональных выборах, приведших к власти Леона Блюма и Народный фронт. Теперь и в Испании, и во Франции были левые правительства. Европой, казалось, владела решимость не допустить победы фашизма. В июле из России приехала погостить дочь Эренбурга, Ирина, и они с Любовью Михайловной отправились отдыхать в Бретань, а Эренбург остался в Париже заканчивать сборник «Вне перемирия» и писать репортажи о праздновании Дня взятия Бастилии (14 июля), на этот раз вылившиеся в миллионную демонстрацию парижан, из которых многие несли карикатурные изображения Гитлера и Муссолини. Наступило 18 июля, «душный летний вечер на улице Котантен»⁹⁷. Эренбург сидел и писал. Была полночь. Он отложил рукопись и включил радио. То, что он услышал, ошеломило его: в Мадриде толпа штурмовала казармы, под Овьедо шли бои. Генерал Франсиско Франко и генерал Эмилио Мола подняли мятеж. В Испании началась гражданская война.

Глава 8

ИСПАНИЯ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Впервые Эренбург попал в Испанию в 1926 году. Разъезжая по югу Франции, он «случайно» — надо же такому случиться! — проскочил «во двор с раскрытой калиткой», пересек границу и заглянул в испанский городок Сео де Урхель в шести милях южнее Андорры. Паспорта он никому не предъявлял и, как тогда написал, «радивость писателя и нерадивость пограничника заменили визу». В те годы Испанией правил генерал Мигель Примо де Ривера. За свой короткий набег Эренбург успел посмотреть несколько деревушек, пока местный жандарм не посоветовал ему убраться подобру-поздорову и «укротить несоответствующее международным отношениям любопытство»¹.

Пять лет спустя военная диктатура рухнула. Не теряя времени, Эренбург обратился за визой, но пришлось ждать четыре месяца, прежде чем он получил разрешение на въезд в Испанию. На вокзале в Мадриде его задержали, и товарищ министра внутренних дел, восторгавшийся книгами Эренбурга, потребовал от него — «для безопасности» — список городов, которые он собирается посетить, и тут же учредил за ним негласный надзор. Отпущенный бдительным стражем порядка, Эренбург пустился в путешествие по Испании. С присущей ему энергией он колесил по всему полуострову, наведываясь в дальние деревеньки, куда добраться можно было лишь пешком или на осле. Тогда же довелось ему увидеть в кортесах знаменитого писателя Мигеля де Унамуно, который произносил речь «против требований [испанских — Д.ж. Р.] национальных меньшинств». Унамуно, по мнению Эренбурга, был «прекрасный поэт, печальный философ и беспомощный политик»³. И вообще среди испанской интеллигенции слишком многим их эрудиция мешала правильно мыслить политически; таких людей с добрыми намерениями в испанском парламенте было через край.

Уже в последние дни своего визита Эренбург познакомился с

легендарным анархистом Дуррути, с человеком, которого высылали из доброй дюжины стран и не раз приговаривали к смертной казни. Дуррути понравился Эренбургу, и его путевые очерки заканчиваются описанием их встречи в барселонском кафе. Они были не одни; с ними сидели еще двое: скульптор и член коммунистической партии. Между сотрапезниками Эренбурга разгорелся спор. Каждый выступал за свое: «скульптор за красоту. Дуррути за свободу. Коммунист за справедливость»⁴. Слушая их пререкания, Эренбург понял: Испании не миновать быть втянутой в сложную путаницу общей перепалки по вопросам идеологии и взаимоисключающих идей, перепалки, бушевавшей по всей Европе. История доставляла Испанию. Ее нищета, ее слабая демократия, ее мечущийся из стороны в сторону парламент не могли остаться безнаказанными.

Пять лет спустя, вслед за февральскими выборами, когда Народный фронт получил в кортесах большинство мест, Эренбург провел в Испании две недели. На этот раз он много встречался с коммунистами, в том числе с поэтом Рафаэлем Альберти и с негнбаемой коммунисткой Долорес Ибаррури — Пассионарией, — теперь членом парламента. Он побывал в Овьедо, в северо-западной части Астурии, где в 1934 году генерал Франсиско Франко подавил восстание шахтеров. Теперь проходили стачки в Мадриде и Барселоне. Правая пресса бурно призывала военных взять в свои руки власть.

Эренбург не питал никаких иллюзий по части намерений фашистов. Вернувшись в Париж, он использовал каждую возможность воззвать к общественному мнению, выступая на митингах, перед собраниями интеллигенции, предупреждая об опасности каждого, кто соглашался слушать, что «фашизм точит нож»⁵. После мятежа генералов в июле Испанская республика первой в Европе предприняла согласованные действия против фашизма.

Эренбург ни минуты не сомневался, что его место в Испании. Он обратился в «Известия» с просьбой командировать его, но редакция медлила с посылкой военного корреспондента. Со дня на день ожидалось начало «показательного процесса» над Каменевым и Зиновьевым, и партийному аппарату было не до Испании. Тем временем друзья Эренбурга — Андре Мальро, Жан-Ришар Блок, Поль Низан — поспешили в Мадрид, а 8 августа в столицу Испании прибыл от газеты «Правда» Михаил Кольцов, внешне чтобы давать сводки о военных событиях, на самом деле как личный эмиссар Сталина. Эренбург огорчился из-за этой ситуации, но сложа руки не сидел. Собрав материал из статей во французской и испанской прессе и использовав рассказы друзей — Мальро и других, —

он уже через неделю, 25 июля, телеграфировал свои репортажи в Москву. И тут же собрал из прежних своих фотографий и текстов об Испании альбом, который, за месяц подготовив к изданию, 24 августа отправил в Москву. Двумя днями позже он выехал поездом в Барселону без ведома «Известий» и без их согласия.

Первые недели он разъезжал по Каталонии. Там царила безнадежная неразбериха. «...В Барселоне никто не мог ответить на вопрос, в чьих руках Кордова, Малага, Бадахос, Толедо», — возвращаясь памятью к тем дням, писал он в мемуарах «Люди, годы, жизнь». Только 4 сентября Эренбург смог отправить первую корреспонденцию — описание воздушного налета на городок Монт-Флорид. Однако, он был не только военным корреспондентом, он делал много больше. При том, что к концу года он написал для «Известий» более пятидесяти статей, он еще всю занимался политической деятельностью, используя свои связи для укрепления левых сил. Для него не существовало трений между его репортерскими обязанностями и желанием помогать делу борьбы с фашизмом. Точно так же, как в Париже, он пользовался своим положением корреспондента «Известий», чтобы сплотить общественное мнение против Гитлера, так и в Испании его не покидало неугасимое стремление активно участвовать в борьбе против Франко. Он «выступал на митингах, собирал материалы о фашистских зверствах для западной печати, писал анонимные брошюры»⁶. Рафаэль Альберти сказал ему о казни Гарсиа Лорки, а в одну из августовских ночей он пережил первый воздушный налет на Мадрид.

Будь эта война внутренним делом Испании, без вмешательства других держав, республика, вполне возможно, сумела бы себя успешно защитить. Но с самого начала восставшие генералы рассчитывали на щедрую помощь своих союзников из Германии и Италии. К концу июля немецкие и итальянские транспортные самолеты доставили в Испанию военное подкрепление из Марокко — первый в истории военный десант, а их гражданские суда под прикрытием итальянских истребителей переправили через Средиземное море еще несколько тысяч солдат. Поначалу премьер-министр Франции Леон Блюм изъявил готовность помочь республиканцам, разрешив доставку военных припасов через границу с Испанией, но Англия, желавшая избежать войны с Германией любой ценой, надавила на Францию: экспорт оружия прекратился. Демократические государства (включая Соединенные Штаты) предпочли в течение всей войны сохранять нейтралитет, оставив Испанию с несколькими ненадежными союзниками, а практически предоставив самой себе.

Тем временем Сталин взвешивал все за и против, делая выбор. 23 августа Советский Союз присоединился к соглашению о невмешательстве. Тем не менее, не прошло и недели, как в Испанию прибыла команда высококвалифицированных дипломатов под руководством Марселя Розенберга, установившая формальные отношения с республиканским правительством. На тот момент, на протяжении первых месяцев войны, Эренбург был единственным советским гражданином, обладавшим широкими связями в испанском обществе, прежде всего в Каталонии, где Луис Компанис возглавлял необычное коалиционное правительство из коммунистов, социалистов, анархистов и каталонских националистов. У Эренбурга установились добрые отношения с Дуррути. Среди анархистов многие читали романы Эренбурга двадцатых годов, прежде всего «Хулио Хуренито» и чувствовали в их авторе родственную душу. Эренбург также поддерживал знакомство с Компанисом и Хосе Диасом, главой Испанской коммунистической партии. Эренбург, согласно его мемуарам, объяснил Розенбергу ситуацию, подчеркивая, что Советскому Союзу желательно войти в дружеские отношения с рядом конкурирующих политических движений в Каталонии, и Розенберг предложил ему телеграфировать свое мнение непосредственно в Кремль, что он и сделал.

Была у Эренбурга еще одна задумка: выезжать на фронт и вести в войсках боевую пропаганду. Он раздобыл грузовик с кинопередвижкой и небольшой печатный станок. Ему хотелось научить анархистов тактике партизанской войны; дерзкие и изобретательные, они были не в ладу с дисциплиной. Позднее, осенью, он демонстрировал им два классических советских фильма — «Чапаев» и «Мы из Кронштадта» — оба о Гражданской войне в России. Помогала ему в качестве ассистентки, сопровождая во многих поездках на фронт, его знакомая по Парижу, украинская эмигрантка Стефа Хераси⁷.

19 сентября Эренбург вернулся в Париж, откуда продолжал посылать в «Известия» сообщения об Испании. Его статьи, в целом, подчеркивали человеческий фактор: страдания, причиненные войной, и мужество защитников республики. Ревностный ее поборник, Эренбург и не пытался писать объективные репортажи о том, что видел. В Париже его разыскал старый революционер Владимир Антонов-Овсеенко, назначенный советским консулом в Барселону. Они знали друг друга по Монпарнасу еще до Первой мировой войны, когда оба часто сживали в «Ротонде». Знакомство с Кольцовым, Розенбергом, Антоновым-Овсеенко означало для Эренбурга связь с тремя главными представителями Сталина в

Испании, давая ему уверенность в первые месяцы гражданской войны, что он сможет внести существенный вклад в дело Испанской республики⁸.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНДРЕ ЖИДА

Незадолго до отъезда Эренбурга в Испанию до него дошло, что посещение Андре Жидом Советского Союза грозит неожиданными последствиями. Эренбург всячески склонял Жиду на эту поездку, рассчитывая, что она укрепит его симпатии к Москве. Как это бывало с именитыми гостями, Жиду принимали с особыми почестями. Ему предоставили слово на похоронах Горького, где он появился вместе с членами Политбюро, включая Сталина. Сотни тысяч открыток с изображением французского гостя возводили его в ранг сегодняшнего светила первой величины. Поезд, на котором он ехал, встречали толпы поклонников его таланта. Однако Жид и его спутники вскоре заметили, что встречи эти срежиссированы, и даже обнаружили, что красочные плакаты, которыми его приветствовали на каждой станции, везут в том же составе⁹.

Сколько бы Жид ни объявлял себя коммунистом, к «истово верующим» он не принадлежал. Даже в разгар своей самой горячей любви к Советскому Союзу, он нет-нет да делился с друзьями некоторыми сомнениями. На его взгляд, сектантские споры, которые вели левые, вредили делу коммунизма. Его не устраивала нетерпимость к гомосексуализму, всполошили известия о расстрелах после убийства Кирова. Уже при первом знакомстве с Жидом Эренбург почувствовал его независимую позицию, и когда восторженно писал о нем в 1933 году, не преминул позаботиться, чтобы в его дифирамбах прозвучала и остерегающая нотка: «Он поэт, философ, психолог, естествоиспытатель, но отнюдь не политик»¹⁰.

Чутье не подвело Эренбурга. В Советском Союзе Жид ничего не принимал на веру. Вернувшись в сентябре в Париж, он засел за изложение своих впечатлений и за семь недель подготовил к печати небольшую, но взрывную книгу «Возвращение из СССР», которая должна была расколоть французскую интеллигенцию. По сегодняшним меркам, когда перед нами горы красноречивейших личных свидетельств и признания Кремля о преступлениях Сталина, книжка Жиду не более чем скромный, сдержанный очерк. Написанный с болью и гневом — «слишком часто то, что является правдой об СССР, говорят с враждебностью, а то, что есть ложь — с любовью»¹¹ — она яснее ясного показывала, что духовное и поли-

тическое единодушие советского народа маскирует жестокую диктатуру, которая не сулит никаких надежд миру Запада.

Мария ван Риссельберг, приятельница Жиды, рассказала о том, что произошло, когда в конце октября Эренбург позвонил Жиде и попросил о встрече. «Он явно желал прощупать почву, отвести опасность от СССР», — комментировала она. Эренбург действительно пытался уговорить Жиду воздержаться от публикации, добавив, что одобряет то, что он написал, и сам «мог бы и не такое написать, если бы захотел». Но «когда Россия делает огромное усилие, чтобы помочь Испании, право, не время напускаться на нее»¹². Жид остался при своем мнении, и 5 ноября 1936 года книга «Возвращение из СССР» увидела свет.

Четверть века спустя Эренбург дружески писал о Жиде в своих мемуарах. Жид сыграл важную роль в сплочении общественного мнения против фашизма, и «было бы глупым малодушием, — откровенно присовокуплял Эренбург, — восстанавливая те годы, вырезать из них [Жиды — *Дж. Р.*]¹³. Тогда, однако, после публикации книги «Возвращение из СССР» и ее невероятного успеха коммунистическая печать беспощадно поносила Жиду. Партийные функционеры заявляли, что он «хуже Франко»¹⁴. Эренбург примкнул к разносному хору. В его новогоднюю статью 1937 года было включено отречение от Андре Жиды. Жид, писал в «Известиях» Эренбург, «пытался разбить шатер между окопами. Резонёрствующий турист и легкомысленный пуританин, он резвится между людьми, которые строят культуру, и другими, которые эту культуру уничтожают. В тяжелые дни, когда наши мысли и чувства идут к героям в Каса де Кампо, мы сумели достойно пройти мимо того мудрствования, которое оказывается обыкновенным обывательским скудоумием»¹⁵. Подобные филиппики лишь закрепляли за Эренбургом репутацию апологета Сталина, «старого циника, — как выразился о нем польский писатель (некогда член коммунистической партии) Александр Ват, — повалявшегося во всех сточных канавах Парижа»¹⁶.

Обвинение Эренбургу в том, что он является «пропагандистом» Сталина, прозвучало также из уст его старого друга Рамона Гомеса де ла Серны. Они были знакомы еще по «Ротонде», но теперь, двадцать лет спустя, весной 1936 года, встретив Эренбурга во время его пребывания в Мадриде, Гомес де ла Серна отмечал в нем разительную перемену. «Он уже не был застенчивым мягким писателем, человеком из плоти и крови, а неким пропагандистом, жестким и беспощадным». Больше всего Гомеса де ла Серну поразило превращение молодого длинноволосого богемного поэта, которого он когда-то знал на Монпарнасе, в аккредитованного советского

журналиста. «Страх берет от того, что открывается взгляду, когда оглядываешь через годы карьеру подобного изощренного международного молодчика, — писал де ла Серна в кратком очерке об Эренбурге, — когда видишь, как своей суетностью, страхами, расчетами и выгодными поручениями он убил в себе художника. Под далеким надзором царского режима он, что и говорить, мог в Париже писать что хотел, но теперь — шалишь! Не то исчезнешь в один прекрасный день и никто о тебе никогда уже не услышит. Словно он находится под электрическим током и ничего себе позволить не может»¹⁷.

Статьи Эренбурга, его саркастические разоблачения и впрямь граничили с демагогией. Он был предан делу борьбы с фашизмом, но он был и советским журналистом — два обязательства, вынуждавшие идти на компромиссы как с правдой, так и с совестью. Работая в Париже над своими корреспонденциями для советской прессы, Эренбург знал, что должен на каждом шагу доказывать свою верность. Иногда это требовало от него принять участие в огульной травле таких людей как Виктор Серж или Андре Жид, чья совесть продиктовала им выступить против сталинского курса. В другой раз политические обязательства Эренбурга требовали промолчать о преступлениях, совершенных против тех, кого он хорошо знал — Бухарина, Бабеля, Мандельштама — и кого искренне любил. Как все, опутанные сталинской сетью, Эренбург понимал, какую цену заплатит, встав поперек политики Сталина, и вел себя так, чтобы сохранить жизнь.

Осень и зима 1936 года

К концу сентября Сталин решил продать Испанской республике оружие и послать военных советников. Советский Союз был практически единственным источником, снабжавшим республику тяжелым вооружением. Хотя одновременно в Испании никогда не было больше двух тысяч советских офицеров (итальянцы и немцы послали на много тысяч больше), в знаменитой Интернациональной бригаде, организованной Коминтерном, за два года сражались сорок тысяч человек, прибывавших в нее в ходе боев со всех концов Европы и Северной Америки. Многие добровольцы были политическими беженцами из Германии и Италии; большинство из них состояли в коммунистической партии, и их подразделения включали комиссаров, следивших за политической верностью.

Эренбург вернулся в Испанию в конце сентября. Полный реши-

мости помочь военным усилиям республики, он почти все время находился среди анархистов и бойцов народного ополчения. Особенно ему нравилось работать с Дуррути, в котором он чувствовал готовность пересмотреть свои нереальные политические принципы и даже поступиться ими, чтобы эффективнее противостоять Франко. Эренбург имел значительное влияние на Дуррути, поддерживая его усилия дисциплинировать своих бойцов. Прагматизм Дуррути — он выступал за участие анархистов в центральном правительстве — возможно, стоил ему жизни. В черные для Мадрида дни он повел колонну анархистов защищать западные окраины Университетского городка, где в тяжелых боях республиканцы сдерживали фашистское наступление. Там 21 ноября он был убит — не исключено, что пулей товарища-анархиста, противника соглашения об участии в национальном правительстве.

***

В Мадрид Эренбург попал в декабре. Город по-прежнему обстреливали артиллерийские орудия и бомбили с воздуха; Мадрид был первым огромным городом, испытавшим на себе то, что многим другим — Лондону, Токио, Ленинграду, Роттердаму — пришлось вынести позднее. В своих репортажах Эренбург старался донести до советских читателей настроение, царившее в городе:

«Сегодня немецкий самолет скинул здесь бомбу. Переулочка больше нет: развалины, земля, мусор. Пожарные. Вот они вытащили два трупа — старуха и девочка. У девочки нет ног. А лицо спокойно. Кажется, что это разбитая кукла <...> О чем писать? Снова и снова кричать в телефонную трубку, что фашисты звери?»¹⁸

Советский Союз был теперь крепко втянут в схватку, и Эренбург стал главным глашатаем дела республики. В январе он вернулся в Париж, где собрал второй альбом об Испании, поместив в нем репортажи 1936 года, фотографии и фрагменты антифашистских плакатов кисти испанских художников. В феврале он был уже снова в Испании, чтобы писать о войне. Февраль оказался для республики черным месяцем: мятежники захватили Малагу, впервые подверглась налетам Барселона.

Эренбург жил в Мадриде или Барселоне, но то и дело отправлялся в Валенсию, куда перебралось испанское правительство и где базировался руководимая Андре Мальро эскадрилья добровольцев. Был среди них еврей из Палестины, Йехецкель Фиккер, которому довелось не раз видеть Эренбурга и которому запомнилось, что он

не скрыл своего чувства гордости, когда встретил среди защитников республики палестинского еврея. Фиккер знал, что Эренбург отличается исключительным самообладанием, и был крайне удивлен, застав его в минуту прорвавшихся чувств. Вблизи казарм эскадрильи был убит шрапнелью молоденький солдат. «Когда мы поняли, что он мертв, многие заплакали, — вспоминал Фиккер. — И тут я увидел Эренбурга. Он стоял чуть в стороне и смотрел на мальчика, которого мы подняли на руки. Крупные слезы катились у него из глаз»¹⁹.

СТАЛИНИЗМ И ВОЙНА В ИСПАНИИ

Эренбург понимал, что работа в Испании связана с риском для жизни — риском, удвоенным опасной политической обстановкой. Трагедия гражданской войны в Испании заключалась не только в победах фашистов; война совпала с великой сталинской чисткой, и если советское общество было пронизано сексотами, то точно так же ими кишели ряды советских офицеров и дипломатов в Испании. Эренбург знал, что за каждым его шагом следят. Многие советские «добровольцы» чувствовали себя в опасности, находясь в иностранном государстве, а к Эренбургу относились с подозрением. Он был для них чужаком, чья верность Сталину не могла не быть наигранной. «Он не совсем наш, — говорил кое-кто из них Стефе. — Все время живет за границей». В свою очередь, Эренбург предостерегал Стефу, советуя держать некоторые свои мнения при себе: «Не надо объяснять им как вы любите русских, но не любите Сталина», — одергивал он ее²⁰.

Эренбургу крайне не нравился Андре Марти, верховный политический комиссар Интернациональных бригад. Андре Марти был старым членом французской коммунистической партии. Впервые его имя прозвучало, когда в 1919 году молодым матросом, служившим во французской эскадре, вторгшейся в Черное море, он выступил против усилий Франции поддержать белое движение. Марти пользовался безоговорочным доверием Сталина и платил ему фантастической преданностью. Позднее Эренбург писал о Марти: «это был человек честный, но легко подозревавший других в предательстве, вспыльчивый и не раздумывавший над своими решениями <...> Он говорил, а порой и поступал, как человек, больной манией преследования»²¹. Убийственный портрет Андре Марти — коммуниста, который отдает бесконечные приказы расстрелять верных добровольцев, — дал в романе «По ком звонит колокол» Эрнест

Хемингуэй: «нет ничего опаснее, чем обращаться к нему [Марти — Дж. Р.] с каким-нибудь вопросом»²².

В Испанию в феврале 1937 года Эренбург вернулся вместе со своим закадычным другом Овадием Савичем, который должен был представлять там «Комсомольскую правду». Несколько недель спустя Савича попросили давать корреспонденции и для ТАСС (советского агентства, ведавшего сбором известий из-за рубежа); прежнего корреспондента, Елену Мирову, отозвали в Москву. Когда Эренбург спросил по телефону свою дочь, что с Мировой, Ирина вместо ответа на вопрос заговорила о погоде. Среди живых Мировой уже не было.

Отправляясь на войну в Испанию, Эренбург лелеял честолюбивые помыслы внести значительный вклад в дело борьбы с фашизмом, но после нескольких месяцев в Испании счел необходимым вести себя предусмотрительнее: сталинские агенты были вездесущи. Вернувшись в Испанию из Парижа в феврале 1937 года, Эренбург стал воздерживаться от прямых политических инициатив. Отложил пропагандистские разъезды на грузовике, уклонялся от роли посредника между советскими дипломатами и анархистами.

В романе «По ком звонит колокол» атмосфера фальши и интриги, характеризовавшая советское присутствие в Испании, метко схвачена Хемингуэем. В одном из знаменитых эпизодов Роберт Джордан, этот американский идеалист, попадает в «Гэйлорд», гостиницу вблизи Прадо, служившую штаб-квартирой советской миссии, «Там, у Гэйлорда, — вспоминает про себя Джордан, — он узнал, например, что Валентин Гонсалес, прозванный *El Campesino*, то есть крестьянин, вовсе и не крестьянин, а бывший сержант Испанского иностранного легиона»²³. Кампесино был легендарной фигурой в Испании, бесстрашный, эффективный командир, в чьей знаменитой бороде и «крестьянских корнях» воплощалась решимость республики. В подтасовке его происхождения заключалась маленькая ложь — удобный пропагандистский трюк. Эренбург тоже участвовал в этой игре: не он ли в «Известиях» наградил Кампесино титулом «Чапаев испанской революции»²⁴?

С Эрнестом Хемингуэем Эренбург впервые встретился в гостиничном номере Михаила Кольцова. Это первое их знакомство описывалось не раз. Эренбург, говоря на французском, спросил Хемингуэя, передает ли тот для американской прессы очерки или новости, как это делает он, Эренбург, для советской печати. К величайшему удивлению Эренбурга, его вопрос вывел Хемингуэя из себя: схватив бутылку, американец чуть было не запустил в него ею. Присутствовавшие в комнате успели ее перехватить, недоразу-

мение быстро разъяснилось: Хемингуэй принял французское nouvelles (информация, новости), за испанское novelas (романы) и решил, что Эренбург над ним надсмехается.

Вскоре они подружились, встречались в мадридских кафе, ездили вместе на фронт. Вместе наблюдали, как после битвы под Гвадалахарой в марте 1837 г. — важной победы — республиканцы производили зачистку местности, вынося из фашистских окопов итальянские гранаты, «красные, похожие на крупную клубнику»²⁵. В декабре 1937 г. фотограф Робер Капа заснял их последнюю встречу. Произошла она в барселонской гостинице. Эренбург крепко спал, когда Хемингуэй разбудил его. Именно этот момент и запечатлел Робер Капа: Эренбург полулежит в постели, небритый, с взъерошенной космой волос, а над ним стоит Хемингуэй.

В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй уделил Эренбургу лишь несколько далеко не лестных строк. Эпизод, где появляется безымянный персонаж, за которым стоит Эренбург, происходит в «Гэйлорде». Он подходит к Каркову (Кольцову) с явным почтением. Именно в Каркове выражается с полным цинизмом, что он знает, «как все происходит на самом деле, а не как оно должно бы происходить», а персонаж, о котором сказано, что он корреспондент «Известий» и что у него «отвислая нижняя губа», всячески изворачивается, выступая недалекой мелкой сошкой²⁶. Эренбург не обиделся на Хемингуэя за такой портрет. Напротив, он очень любил «По ком звонит колокол» и не отступил от своей высокой оценки романа, когда стало модным ругать Хемингуэя за якобы порочное изображение советских постояльцев отеля «Гэйлорд». Эренбург знал им истинную цену. Он знал, что все написанное в романе было очень близко к правде.

Сам же он, связанный сталинским курсом, правду говорить не мог. В статьях о Дуррути и других республиканцах, он всегда подчеркивал их жалостливое отношение к захваченным в плен солдатам противника. Эренбург сильно романтизировал Дуррути, приписывая ему гуманность. На самом деле республиканцы были не менее жестоки, чем фашисты. Симона Вейль, находившаяся в отрядах Дуррути на протяжении всех боевых действий, была более честным свидетелем. В письме к Жоржу Бернаносу она рассказывает о казни пятнадцатилетнего фалангиста, которого Дуррути расстрелял собственноручно²⁷. Есть у Эренбурга и другие столь же удручающие умолчания. Так, вспоминая отряд анархистов, воевавший на арагонском фронте, Эренбург упоминает, что первоначально, в августе 1936 года, независимость их «колонн» делала невозможным любые координированные действия; зато теперь, весной

1937 года, когда наладилось с дисциплиной, бойцы-анархисты влились в республиканскую армию. Не мог, однако, Эренбург сказать о том, что единение это было достигнуто ценою арестов и убийств ряда анархистских вожakov, произведенных тайной агентурой Сталина. Другой ее мишенью были социалисты антикоммунистических убеждений, в первую очередь члены Объединенной марксистской партии (повсеместно известной под аббревиатурой ПОУМ), которая была объявлена троцкистской.

В марте Испанская коммунистическая партия провела конференцию в Валенсии. Влияние коммунистов, по мере того как помощь Советов усиливала их престиж, росло как на дрожжах. На этой конференции партийные вожди обличали своих союзников из других левых партий. Хосе Диас, как писал об этом Эренбург, во всю клеймил «демагогов, которые обещают народу все и которые ведут его к поражению». Из его речи было ясно, что он говорит о «саботаже и предательской, подрывной работе троцкистов»²⁸. В апреле 1937 года внутри большой гражданской войны в Барселоне вспыхнула подлинная междоусобная война, затеянная анархистами и социалистами-антисталинистами, с одной стороны, и коммунистами, с другой. Эренбург в апреле давал сводки из Мадрида и с южного фронта, и это облегчало ему задачу: он мог не писать о стычках в Каталонии.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ

Борьба республиканской Испании продолжала вызывать горячую поддержку либеральных и левых кругов — писателей и ученых. Даже если бы американцы и европейцы понимали, какую политику вел в Испании Сталин, вторжение в Испанскую республику нацистской Германии и фашистской Италии являлось достаточной причиной для ее защиты. Несмотря на войну, а может, именно из-за нее, в июле 1937 года Международный конгресс в защиту культуры был созван в Валенсии. На него прибыло около восьмидесяти писателей, в том числе Андре Мальро, британский поэт Стивен Спендер (незадолго до того вступивший в коммунистическую партию), американский критик Малькольм Каули.

Почти перед самым началом конгресса Эренбург дважды был на волосок от гибели. Первый раз они с Мальро катили в Мадрид, когда их машину смял грузовик, перевозивший артиллерийские снаряды. Происшествия подобного рода были обычным делом на этой дороге. К счастью, оба остались невредимы. Два дня спустя Эренбург попал в переделку из-за беспечности уже иного рода. Двое

советских делегатов, узнав о наступлении на Брунете, захотели во что бы то ни стало сопроводить Эренбурга на фронт. До Брунете, откуда фашистов за день до этого выбили, они добрались благополучно. Но задержались, а тем временем фашисты предприняли контратаку и дорога обратно на Мадрид оказалась под шквальным огнем. Только по счастливой случайности Эренбург избежал столкновения с марокканскими войсками Франко.

А вот двум другим иностранцам, также находившимся под Брунете, выпала другая судьба. Две недели спустя, после того как чуть не сложил голову Эренбург, там погиб Джулиан Белл, любимый племянник Вирджинии Вульф; он вел санитарную машину. А 23 июля была смертельно ранена Герда Таро, подруга Робера Капа: по машине, на подножке которой она стоя ехала, нанес удар фашистский танк. Герда была страшно изувечена и на следующий день скончалась.

***

Работа конгресса отразила не только жестокость гражданской войны, но много большее. За месяц до его открытия московская чистка достигла новой, непостижимой фазы — расправы с ведущими военачальниками Красной армии, включая Михаила Тухачевского, Иону Якира и Иеронима Уборевича. Осужденные за измену, они были немедленно расстреляны. Эренбург мучительно переживал их казнь, но сделать он ничего не мог, даже поговорить об этом с кем-нибудь вряд ли мог. Как и многих других русских, сражавшихся тогда в Испании, судьба Тухачевского повергла Эренбурга в ужас²⁹. В июле же советские агенты учинили кровавую чистку в ПОУМ, облыжно обвинив эту организацию в сотрудничестве с генералом Франко. Андрес Нин был арестован и исчез; позднее стало известно, что его после жестокого допроса расстреляли.

Две недели спустя начали прибывать делегаты конгресса, включая большую группу советских писателей. В своих мемуарах Эренбург обозвал конгресс «бродячим цирком»: открывшись в Валенсии 4 июля, он 6 июля продолжался в Мадриде, откуда перекочевал в Барселону и через две недели закончился в Париже³⁰. Воскресным пикником тут и не пахло. В Валенсии делегаты заседали в ратуше, наполовину разрушенной недавним воздушным налетом, а в Мадриде артиллерийский обстрел поднял их ночью с постелей.

Советская делегация — совсем как и предшествующая на конгрессе в Париже — выступала с чисто риторическими речами и за-

давала тон на большинстве заседаний. Участвовавший в конгрессе Жеф Ласт, друг Андре Жида, не преминул отметить, что «главной целью русской делегации было добиться какого-нибудь постановления против Андре Жида» — инициатива, которой вмешательство Ластва не дало хода³¹. Книга Жида, пользовавшаяся огромным успехом, оказалась опасной, однако страсти, разыгравшиеся вокруг французского писателя, имели своей целью еще и отвести внимание от судьбы Андреса Нина.

Хотя Эренбург был одним из главных организаторов конгресса, как только начались заседания, он дистанцировался от резких публичных сталинистских выступлений. К неудовольствию советских коллег, он отказался участвовать в нападках на Жида и предавать анафеме военачальников Красной Армии — Тухачевского, Якира и других. В своих репортажах с конгресса для «Известий» Эренбург обходил молчанием проклятия, сыпавшиеся на казненных генералов, и лишь однажды упомянул об осуждении Андре Жида, приведя цитату из выступления испанского писателя Хосе Бергамина, обвинившего Жида в клевете и попытке бросить тень на оборону Мадрида³².

Политическая атмосфера становилась все более опасной, и Эренбург, зная что каждое пожатие плечами или неосторожное слово могут быть обращены против него, держался особняком. И советские, и западные собраты по перу отметили эту присущую ему сдержанность. Драматург Всеволод Вишневский, по возвращении в Москву докладывая 7 августа 1937 г. о конгрессе сотрудникам журнала «Знамя», сказал об Эренбурге, что тот был в своем обычном стиле, сам по себе: «такова уж его натура»³³. Британский журналист Александр Верт вынес такое же впечатление. Познакомившись с Эренбургом в Мадриде, он нашел его человеком «замкнутым и необщительным»³⁴.

После конгресса Эренбург несколько месяцев провел во Франции. Он засел за книгу о гражданской войне — «Что человеку надо», — придав ей форму коротких зарисовок с фронта, в том числе и о действиях в фашистском тылу. Он также уделил место анархистам и их острому чувству товарищества по отношению друг к другу — качество, которое было по сердцу его романтической натуре; вопреки советской пропаганде, даже расправам с анархистами, Эренбург отдавал должное тому хорошему, что в них было.

К осени 1937 года война приняла для республиканцев несомненно плохой оборот: им нечем было поддержать свое наступление, тогда как Франко, по всей видимости, пользовался неограниченной возможностью в любое время призвать себе в помощь не-

мецкие самолеты и итальянские войска. Яснее стала и сталинская стратегия: Сталин посылал достаточно оружия, чтобы республиканцы могли держаться, но недостаточно, чтобы дать им победить. Он не хотел вступать в прямую конфронтацию с Германией и Италией, надеясь, что республика продержится, пока Франция и Англия не пересмотрят свою политику невмешательства. Только в этом случае республиканцы получили бы достаточно тяжелого вооружения, чтобы одолеть армии Франко.

Во внутренней политике республиканская Испания все больше подчинялась вмешательству и манипулированию советской стороны. Многие советские дипломаты, журналисты и офицеры были отозваны в Москву, где исчезали в сталинской чистке. Такая судьба среди многих других постигла Марселя Розенберга, Владимира Антонова-Овсеенко, даже Михаила Кольцова, который, уехав в Москву осенью 1937 года, в Испанию уже не вернулся никогда: его, как выразился в своих мемуарах Эренбург, «ни за что ни про что загубили свои». Никто не может сказать наверняка, «загубил» ли их Сталин, потому что они сопротивлялись его политике, или потому, что как агенты его политики знали слишком много и могли кое-что разгласить. На их место представлять интерес Советского Союза прибыли другие. Слишком многие из них, по меткому замечанию Эренбурга, не были «ни дипломатами, ни солдатами», а были членами сталинского тайного сыска³⁵.

Эренбург оставался во Франции. Он писал главным образом о европейской политике, возвращаясь к темам тридцатых годов, когда демократические государства впервые поддались чарам Гитлера. В ноябре 1937 года он также выступил с наиболее развернутой филиппикой против Андре Жида в связи с его обращением к республиканскому правительству Испании в защиту политических заключенных в Каталонии. На этот раз сдержанность изменила Эренбургу. Описав расправы, учиняемые над рабочими, включая и женщин, Эренбург набросился на Жида, обвинив его в том, что, отказавшись протестовать «против палачей Астурии», он критикует республиканское правительство, «которое осмелилось арестовать фашистов и провокаторов ПОУМ». Эренбург видит в Жиде «нового союзника марокканцев и чернорубашечников, старика со злобой ренегата, с нечистой совестью московского плаксы»³⁶.

Жид счел необходимым ответить. Напечатанный в независимом журнале «La Fleche» (Стрела), его отклик прозвучал кратко и остро: «Я считаю честью для себя получать оскорбления от фашистов. Но те, что бросают мне прежние друзья, — писал Жид, прямо указывая на Эренбурга, — сначала крайне меня огорчают, но когда они

переходят определенную степень низости, мне уже не до чувственности». И далее Жид заявлял, что полагает безнадежным обращаться с просьбами о милосердии к Франко, но «огромная любовь [к республиканской Испании — Дж. Р.] заставляют его стараться защитить республику от компрометирующих действий, которые ее позорят»³⁷.

Месяц спустя Эренбург на короткое время вернулся в Испанию. Республиканцы готовили серьезное наступление под Теруэлем — операция, которая длилась два месяца и закончилась ужасным поражением. В декабре, однако, Эренбург бы полон надежд: наступившее сильное похолодание, писал он, расхолаживающе действует на марокканцев Франко и итальянских наемников. Через две недели, вернувшись в Париж, он принял безрассудное решение, которое вполне могло стать для него роковым, — отправиться для короткого отдыха в Москву и в Тбилиси. Чтобы миновать Германию, они с женой поехали поездом через Италию и Австрию и 24 декабря 1937 года прибыли в Москву.

ВЕЛИКАЯ ЧИСТКА

Несмотря на все, что Эренбург знал, он не был готов к той атмосфере страха, которая владела советской столицей. Кто-то из друзей спросил его, как его угораздило приехать. Разве он не знает, что происходит? Его дочь Ирина крайне изумилась наивности отца. Эренбург и Любовь Михайловна остановились у Ирины и Бориса Лапина в импозантном серого камня десятиэтажном доме, построенном в тридцатых годах в Лаврушинском переулке для литературных знаменитостей. Среди многих писателей, живших в этом доме, числился и Борис Пастернак.

Но безопасным убежищем этот дом отнюдь не был. В первый же вечер, подымаясь в лифте, Эренбург прочел странное, написанное от руки объявление: «Запрещается спускать книги в уборную. Виновные будут установлены и наказаны». (Люди опасались оставлять у себя книги, принадлежавшие перу только что разоблаченных «врагов народа»). Позже Эренбург узнал, что жильцы дома просили останавливать лифт на ночь: шум поднимающейся кабины не давал им спать, они с трепетом прислушивались, где она остановится и в какой квартире сейчас производится очередной арест.

Рассказ Эренбурга о великой чистке — не самый яркий и подробный в его мемуарах «Люди, годы, жизнь», но эта книга вышла менее чем через десять лет после смерти Сталина и была первой,

где описана атмосфера смятения и ужаса, царившая среди московской интеллигенции.

«Когда мы вошли в квартиру, Ирина наклонилась ко мне и тихо спросила: “Ты что, ничего не знаешь?”

Полночи она и Лапин рассказывали нам о событиях: лавина имен, и за каждым одно слово — “взяли”.

“Микитенко? Но он ведь только что был в Испании, выступал на конгрессе...” — “Ну и что, — ответила Ирина, — бывает, накануне выступает или его статья в Правде...”

Я не мог успокоиться, при каждом имени спрашивал: “Но его-то почему?...” Борис Матвеевич пытался строить догадки: Пильняк был в Японии, Третьяков часто встречался с иностранными писателями, Павел Васильев пил и болтал, Бруно Ясенский — поляк, польских коммунистов всех забрали <...> А Ирина на все отвечала: “Откуда я знаю? Никто этого не знает...”. Борис Матвеевич, смущенно улыбаясь посоветовал: “Не спрашивайте никого. А если начнут разговаривать, лучше не поддерживайте разговор...”³⁸.

Когда Эренбург прибыл в Москву в канун Рождества, ему в «Литературной газете» сказали, что недели через две он вернется в Испанию³⁹. Но не тут-то было. «Теперь все требует времени, — объясняли ему, — большие люди очень заняты, придется месяц-другой подождать»⁴⁰. Подождать Эренбургу пришлось больше пяти месяцев.

Друзья не скрывали, что боятся за него. Михаил Кольцов, предупреждавший Эренбурга, чтобы он не показывался в Москве, пришел в ужас, когда увидел его в Советской России⁴¹. Он провел Эренбурга в примыкавшую к его кабинету уборную (позднее вспоминал Эренбург) и рассказал свежий анекдот. Один говорит: «Ты слышал последнюю новость? Взяли Теруэль». «А жену?» — спрашивает другой⁴². В январе Всеволод Мейерхольд лишился своего театра, который закрыли как «чуждый» элемент в советской культурной жизни. Многие знакомые Эренбурга держали наготове чемоданчик с двумя сменами теплого белья. Писать Эренбург не мог, да и вряд ли пытался, но благодаря известности, которую он приобрел своими репортажами, его без конца приглашали выступать, и за пять месяцев, что он провел в России, у него было пятьдесят, если не больше, встреч с читателями.

Его особенно тянуло к Бабелю. «Мудрого ребе» он «нашел печальным, но его не покинули ни мужество, ни дар рассказчика»⁴³. Бабель рассказал о фабрике, где запрещенные книги превращают в измельченную массу, из которой потом изготавливают бумагу, и про дома для сирот при живых родителях. «Теперь человек разгова-

ривает только с женой — ночью, покрыв головы одеялом...», — сказал Бабель о терроре⁴⁴.

Никто не знал, чему верить. «Мы думали (вероятно, потому, что нам хотелось так думать), что Сталин не знает о бессмысленной расправе с коммунистами и советской интеллигенцией», — признавался Эренбург в своих мемуарах. Такой давний член партии, как Мейерхольд, уверял Эренбурга, что репрессии от Сталина скрывают. И Борис Пастернак разделял это общее заблуждение. Однажды ночью Эренбург встретил его в Лаврушинском переулке, где оба выгуливали своих собак. «Он размахивал руками среди сугробов: “Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину!...”»⁴⁵. Конечно, Сталин знал, но страх поразил людей так глубоко, а чувство беспомощности было столь сильным, что лишь немногие понимали: не кто иной, как Сталин организовал террор для своих целей. Аппелировать было не к кому.

Самым страшным испытанием для Эренбурга во время его пребывания в Москве был суд над Бухариным. На скамье подсудимых находилось еще двадцать человек и среди них два известных дипломата — Н. Н. Крестинский, бывший посол в Германии, и Х. Г. Раковский, не так давно представлявший советское правительство в Париже и Лондоне. Их обвиняли в развернутом заговоре, правым крылом которого внутри России ведал Бухарин, а левым управлял из-за рубежа Троцкий. Бухарину инкриминировался приказ убить Кирова и даже попытка уничтожить Ленина в 1918 году, когда покушение на вождя большевиков чуть было не оказалось успешным.

У Эренбурга не было ни малейших иллюзий в отношении этого судилища. Скорее всего, Сталин велел дать ему пропуск в Октябрьский зал, где оно происходило. Как впоследствии вспоминал Эренбург, «один крупный журналист, вскоре погибший по приказу Сталина, в присутствии десятка коллег сказал редактору “Известий” <...>: “Устройте Эренбургу пропуск на процесс — пусть он посмотрит на своего друга”». Этим журналистом был Михаил Кольцов, который, возможно, цитировал слова самого Сталина. Только такому извергу, как Сталин, могло понадобиться отправить Эренбурга в зал суда смотреть на Бухарина на скамье подсудимых. Эренбург присутствовал на открытии процесса, состоявшегося 2-го марта 1937 года, но написал о нем впервые только в шестидесятые годы — в надежде, дав в книге «Люди, годы, жизнь» правдивый портрет Бухарина, содействовать его реабилитации.

«Они [обвиняемые — Дж. Р.] рассказывали чудовищные вещи, их жесты, интонации были непривычными. Это были они, но я их не узнавал. Не знаю, как Ежов добился такого поведения. Ни один

западный автор халтурных полицейских романов не мог бы напечатать подобную фантастику <...>

Все мне казалось нестерпимо тяжелым сном, и я не мог толком рассказать о процессе даже Любе и Ирине. Я теперь также ничего не понимаю, и “Процесс” Кафки мне кажется реалистическим, вполне трезвым произведением»⁴⁶.

Вернувшись домой, в Лаврушинский, Эренбург едва мог говорить. Только сказал своим, что это — ужасно, и лег на диван лицом к стене. Несколько дней он ничего не ел — не мог⁴⁷.

В «Известиях» рассчитывали получить от него статью о судебном заседании. «Я вскрикнул “Нет!” — И, видно, голос у меня был такой, — возвращаясь памятью к тем дням, писал Эренбург, — что после этого никто не предлагал мне писать о процессе»⁴⁸. Савич слышал, как он сказал: «Есть вещи, о которых приличный человек не пишет».

За эти месяцы жизни в Москве Эренбург написал только две статьи об Испании и дал одно интервью для печати. Первая статья, «За жизнь», появившаяся, когда не прошло еще двух недель со дня расстрела Бухарина, описывает бомбежку Барселоны и указывает, что Франко опирается на помощь Германии и Италии⁴⁹. Ни то, ни другое особого интереса собой не представляли. В конце очерка Эренбург, однако, приводил нелепый лозунг, принадлежащий генералу Миллану Астрею: «*Muera la inteligencia! Viva la muerto!*» («Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!») и часто провозглашаемый на фашистских сборищах. Эренбургом были написаны сотни ярких гневных очерков о гражданской войне в Испании, но, видимо, не случайно единственная статья, в которой нашлось место для чудовишного призыва генерала Астрея, пришлась на время после бухаринского процесса, когда Эренбург стал прямым свидетелем уничтожения близкого друга, да и сам имел серьезные основания опасаться за свою жизнь. Читая статью, невольно задаешь себе вопрос, а не является ли защищаемая Эренбургом «жизнь» его собственной и не означает ли само заглавие, поставленное автором во время *Walpurgisnacht*^{*} взаимных обвинений и смертей (когда шел процесс, вокруг костров и ночного Кремля собирались толпы, требовавшие смерти подсудимым), замаскированным или, по крайней мере, подсознательным протестом против чисток, против ужасной участи стольких друзей. Фашисты скандировали: «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!», советские прокуроры требовали крови «врагов народа». Рядовой советский гражданин не осмелился бы, даже в самых глубинных закоулках сознания, помыслить о

---

* Вальпургиева ночь (нем.).

параллели между Сталиным и Франко. Но Эренбург не был рядовым советским гражданином.

После расстрела Бухарина, о котором публично объявили 15 марта, Эренбург уже не мог терпеливо сидеть и ждать, когда ему разрешат уехать. Он решил обратиться непосредственно к Сталину, аргументируя, что место, где его талант найдет наилучшее применение, сейчас Испания. Прошло несколько недель, и Эренбурга вызвали в «Известия», чтобы объявить ему — придется остаться в России: «Товарищ Сталин считает, что при теперешнем международном положении вам лучше остаться в Советском Союзе». А за книгами и вещами, оставшимися в Париже, разрешат съездить жене. У Эренбурга были все основания считать, что он задержан. И в этот момент он решился на неслыханный поступок. Не слушая возражений жены и других членов семьи, Эренбург вторично написал Сталину, повторив свою просьбу о разрешении уехать. «Я понимал, конечно, — вспоминал он впоследствии, — что, скорее всего, после такого письма меня арестуют, и все же письмо отправил <...> От волнения ничего не ел». Однако риск себя оправдал, что подтвердил звонок из «Известий». В майские праздники Эренбург принимал участие в трансляции с Красной площади: говорил про Испанию, а несколько дней спустя они с Любовью Михайловной уже заняли свои места в поезде на Хельсинки. Оба испытывали огромное чувство облегчения. «Мы сидели с Любой на скамейке в сквере и молчали, — вспоминал Эренбург о пересадке в Финляндии. — Не могли разговаривать даже друг с другом»⁵⁰.

Почему советский аппарат передумал и выпустил Эренбурга за границу, установить невозможно. Сам он в своих мемуарах не дает тут никаких объяснений — разве что жил в такие «времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею»⁵¹. И все же поведение Эренбурга в этот критический момент остается уникальным, и то, что его не репрессировали в 1938 году, ни позднее, было не просто счастливым подарком судьбы. Начиная с 1924 года, когда Сталин впервые обратил на него внимание в лекции «Об основах ленинизма», его жизнь стала зависеть от воли этого одного человека. Других литераторов, менее известных или по другой причине более уязвимых, могли арестовывать и уничтожать сидящие в правительственных креслах разных уровней десятки, сотни, даже тысячи партийных вождей и гепеушников. Десятки миллионов людей были в тридцатых годах ими схвачены. Сталин физически не мог подписать каждый арест. «Если бы он читал списки всех жертв, — справедливо писал Эренбург, — то не смог бы делать ничего другого»⁵². Как

только жертвы оказались разнесенными по графам — кулаки, верующие, националисты всех видов, сионисты, троцкисты, бухаринцы, — выполнять разнарядку было уже делом местных гепоушников. Никто, однако, не хотел брать на себя ответственность за ликвидацию человека, заслужившего положительный отзыв самого Сталина. Однажды отметив Эренбурга, он вполне мог в любое время вспомнить о нем снова. Эренбург жил под дамокловым мечом, но чтобы перерезать державшую его нить, нужен был кивок Сталина.

Эренбург, надо полагать, что-то такое чувствовал, и это придало ему решимости привлечь к себе внимание в злоешие недели после суда над Бухариным. Это был опасный шаг — даже безрассудный, как оценили его жена и дочь, — но при непредсказуемости советской системы Эренбург решил презреть осторожность, махнув на все рукой. Возможно, его первое письмо вообще не передали Сталину, а возможно, Сталин затребовал досье Эренбурга и, удовлетворенный, отправил его обратно в Европу. Так или иначе, но Эренбург не стал ждать в Лаврушинском переулке, где посреди ночи остановится шумный лифт. Он отказался быть свидетелем собственной гибели. К тому времени он, без сомнения, понимал, как ему повезло, что личная беседа со Сталиным в 1934 году у него не состоялась; встреча с диктатором с глазу на глаз сильно увеличивала вероятность ареста в будущем. В отличие от Михаила Кольцова Эренбург научился держаться от Кремля на достаточном расстоянии.

Только недавно стало известным, какой опасности тогда он подвергался. Много лет спустя после расстрела Бухарина Эренбург узнал от секретаря Бухарина и от его вдовы, Анны Михайловны Лариной, — почти двадцать лет проведенной в лагерях и ссылке, — что он чуть было не стал обвиняемым на бухаринском процессе. На допросах Карл Радек показал, что Эренбург сопровождал Бухарина в поездке к нему на дачу, где Бухарин и Радек «за глазуньей» планировали государственный переворот⁵³. Хотя в феврале 1937 года Радек был осужден, тогда расстрелян он не был, и есть все основания полагать, что следователи, допрашивавшие Бухарина, устроили ему очную ставку с Радеком, подтвердившим свои ложные показания. Однако к марту 1938 года Эренбург в бухаринском деле уже не фигурировал.

Похожие события произошли годом позже. На этот раз их главными жертвами оказались Всеволод Мейерхольд и Исаак Бабель⁵⁴. Шестидесятилетнего Мейерхольда арестовали 20 июня 1939 года. На допросах, в ходе которых его жестоко избивали, он «сознался», что входил в заговор, возглавлявшийся Бухариным и Радеком, и

является членом троцкистской ячейки, куда был «завербован Илей Эренбургом». Только в 1955 году, когда дело Мейерхольтца было пересмотрено, а сам он реабилитирован, Эренбургу стало известно об этих обвинениях.

Исаака Бабеля арестовали также в 1939 году, примерно за месяц до Мейерхольтца. На жесточайшем допросе, длившемся без перерыва три дня и три ночи — знаменитом «конвейере» — Бабеля заставили оговорить Эренбурга: он якобы вовлек Бабеля в троцкистскую ячейку, членом которой состоял и Андре Мальро, служивший «связным» шпионом. Бабель был расстрелян 27 января 1940 года; Мейерхольтц и Михаил Кольцов пятью днями позже. Всех троих судила сталинская пресловутая «тройка» — трибунал в составе трех человек — выносящая приговоры «врагам народа» на судебных разбирательствах, длившихся иногда не более нескольких минут. Возможно, НКВД (новое наименование ЧК — ГПУ) замышляла, «подрабатывая», постановку очередного «показательного процесса», на этот раз над видными деятелями советской культуры. Как бы там ни было, Бабеля, Мейерхольтца и Кольцова судили и казнили, не предавая дела гласности, и много лет их семьям официально о расстреле не сообщалось. Эренбургу несказанно повезло, что он, когда его друзей сначала «взяли», а затем казнили, находился в Париже. Он знал, что они исчезли, но он не знал, как близок был от того, чтобы разделить их судьбу.

ПАДЕНИЕ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В июне Эренбург был уже в Испании. Военные действия развивались не в пользу республики. В апреле войскам Франко удалось перерезать полуостров на две части и блокировать прямой путь по суше из Барселоны на северном побережье в Мадрид и Валенсию на юге страны. Исход казался неизбежным, но это не остановило Эренбурга. После шести месяцев, проведенных в Москве, он не мог рассказывать о том, что переживал его собственный народ, зато он мог рассказывать о мужестве и страданиях испанцев. В июне он написал восемь статей и еще одну в июле. Эти статьи — вершина его деятельности в Испании; в них берущие за душу подробности, ирония, жгучий гнев и зоркая вера, что испанская война — лишь репетиция войны грядущей, много большей и много губительней.

В июле того же 1938 года Эренбург предпринял дерзкую авантюру, которую впоследствии назвал «затеей двадцатилетнего юноши»⁵⁵. Зная, что французские баски провозят через границу кон-

трабанду на занятую фашистами территорию, он как-то ночью отправился с контрабандистом в деревушку Вера де Бидасоа, где мог убедиться сам, в каком страхе живет под франкистами испанское население. Он пробыл там несколько часов, а на рассвете вернулся во Францию. В очерке, написанном для «Известий», Эренбург употребил образы, которые впоследствии применял для изображения сталинской эры: из осторожности муж говорит только с собственной женой; женщины оплакивают своих детей; жизнь лишена радости и смеха. Как ни невероятно это предположить, но он, возможно, подумывал о том, чтобы рассказать и о жизни в Москве⁵⁶.

К осени Эренбургу пришлось делить свое время между Францией и Испанией. Как парижский корреспондент «Известий» он стал давать репортажи об усиленном маневрировании, которым ознаменовалась французская политическая жизнь 1938—1939 годов, когда Франция сначала пыталась умиротворить Гитлера, а затем оказалась перед лицом войны, которую тщетно надеялась избежать. С 11 октября 1938 года Эренбург стал подписывать свои короткие репортажи из Франции псевдонимом Поль Жослен. В последующие полгода статьи Эренбурга обличали крушение решимости Франции бороться с фашизмом после бесславного Мюнхенского соглашения от 30 сентября 1938 года, когда Англия и Франция согласились отдать Гитлеру Судеты. В то же самое время Эренбург отмечал рост антисемитизма во Франции, зараженной примером Гитлера. Сообщения о погромах в Германии — о которых Эренбург, не жалея красок, рассказывал своим советским читателям — во Франции обходили молчанием. Французские антисемиты устроили избиение евреев в Дижоне и Лилле. Нашлась провинциальная социалистическая газетка, заявившая, что не желает следовать Леону Блюму, то есть «защищать сотню тысяч судетских евреев»⁵⁷. Французское общество терпело крах. Казалось, что только Советский Союз проявляет готовность противостоять Гитлеру. «С какой гордостью, — писал Эренбург в начале октября, — я сейчас думаю: я — советский гражданин. Нет народа, который больше любил бы мир, чем мой народ. Он знает, что такое родина, верность, честь»⁵⁸.

Как нам понимать эту готовность Эренбурга к плоской затасканной риторике всего через несколько месяцев после расстрела Бухарина? К этому времени у него уже не было никаких иллюзий относительно истинного значения великой чистки. И в Испании, он знал, как Сталин скомпрометировал дело республики. Эренбург разрывался между верностью России и верностью друзьям, ненавистью к фашизму и стремлением выжить — и видел наступление великого зла, много большего, чем то, какое нес Сталин. На взгляд

поверхностного наблюдателя, Эренбург казался твердолобым советским журналистом, пишущим об Испании, о европейском кризисе, как и положено безраздельно преданному сталинскому курсу сталинисту. Однако стихи его говорят об ином: ни на происходящее в мире, ни на собственную жизнь он не смотрел глазами отпечатавшегося циника. В его стихотворении «Додумать не дай, оборви...» выражено скрещение несовместимых сил, которое отметило весь его творческий путь.

Додумать не дай, оборви, молю, этот голос

.....

Чтоб капля за каплей, чтоб цифры, рифмы, чтоб что-то

Какая-то видимость, точной, срочной работы,

Чтоб биться с врагом, чтоб штыком — под бомбы, под пули,

Чтоб выстоять смерть, чтоб глаза в глаза заглянули.⁵⁹

Вернувшись во Францию, Эренбург выполнил то, что обещал Исааку Бабелю. Последний раз они виделись в мае 1938 года, во время приезда Эренбурга из Парижа в Москву. «Невыразимо грустным было наше расставание», — напишет он много лет спустя⁶⁰. В том же году, несколько позже, Эренбург съездил в Брюссель, чтобы повидать сестру Бабеля, Мери Шапошникову. Польщенная посещением знаменитого писателя, Мери собрала у себя круг друзей послушать его рассказы о жизни в Москве, которую он изобразил в пылких оптимистических тонах. Только когда гости разошлись и они с Мери остались вдвоем, Эренбург заговорил откровенно: «Исаак велел передать тебе одно слово — *schlecht*» — что на идише значит «плохо»⁶¹.

***

За последним этапом испанской войны Эренбург следил из Парижа, отсылая сообщения, основанные на репортажах во французской, а часто и в итальянской печати. Еще 20 января 1939 года «Поль Жослен», цитируя профашистские источники, заявлял, что упорные бои впереди, но последние недели сопротивления не могли помешать неизбежному.

Эренбург находился в Париже, когда в конце января итальянские войска вошли в Барселону. Он бросился на франко-испанскую границу, где увидел лавину беженцев, ищущих убежища во Франции. Он разыскал своего друга Овадия Савича в Фигерасе — пока Эренбург был во Франции, Савич писал для «Известий» под псевдонимом Хосе Гарсия — они вместе присутствовали на последнем заседании кортесов.

Мадрид и Валенсия продержались еще месяц. К этому времени французское правительство, которое полагало, что с него хватит испанских дел, жаждало, чтобы республиканцы признали свое поражение. Этим настроением во Франции посвящена самая горькая статья Эренбурга из всех написанных им за всю его журналистскую карьеру. Из Аржелеса, на юге Франции, он пишет о невыносимом положении испанских беженцев. Над ними, согнанными в концентрационные лагеря, испытывавшими недостаток в пище, в воде и медицинской помощи, нависла угроза насильственной высылки обратно в Испанию. С чувством стыда за Францию Эренбург сообщал о решении французского правительства передать Франко испанскую собственность и признать его режим законным.

Эренбург в эти дни не только писал для «Известий». В марте он телеграфировал в Союз писателей СССР, хлопоча о денежной субсидии, чтобы поддержать поэта Рафаэля Альберти и других испанских беженцев. Тогда же, чуть позднее, он разыскал во французском лагере для интернированных секретаря Савича, Габриэлу, и добился ее освобождения. В Париже он собирал вещевые посылки — одежду и обувь — для беженцев, скрывавшихся по жалким маленьким гостиничкам. Делу борьбы с фашизмом он отдавался целиком и полностью, только борьба эта оказалась много сложнее — и политически, и нравственно, — чем он это себе представлял. Андре Жид и те, кто с ним не желали молчать о тирании в Советском Союзе. А демократии — Франция и Англия — старались поладить с Гитлером. «Мне кажется, что я задыхаюсь», — писал Эренбург в «Известиях» в марте 1939 года⁶².

Удар куда страшнее был еще впереди. Продолжая обсуждать возможное соглашение с Англией и Францией, Сталин тайно договоривался с Гитлером. К середине апреля искусство и искренность Эренбурга оказались «Известиям» не ко двору. С зарплаты его не сняли, но перестали печатать его статьи. (Только 26 июня 1941 года, после вторжения Гитлера на территорию Советского Союза, его имя снова появилось в «Известиях»). Несколько недель спустя старейший дипломат и нарком иностранных дел М. М. Литвинов был заменен В. М. Молотовым. Литвинов, еврей по национальности и ярый антифашист, не мог вести советской дипломатией. И Эренбурга, по тем же причинам, пришлось до поры до времени «заморозить».

Для растущей, провидческой тревоги весьма характерен небольшой инцидент, случившейся в ту весну, когда Эренбург с Савичем и еще несколько человек сидели в кафе, и какой-то русский эмиг-

рант стал рассказывать привидевшийся ему кошмарный сон: два чудовища, Сталин и Гитлер, заключали договор и делили между собой Европу. Савич рассмеялся, назвав этот сон несусветной чушью, а Эренбург очень рассердился. Сама мысль о таком сговоре настолько его разволновала, что, поднимаясь из-за стола, он опрокинул стул, на котором сидел. Ночной кошмар слишком близко соответствовал действительности⁶³.

В середине мая большая группа испанцев и русских, включая Овадия Савича, отправлялась на советском теплоходе из Гавра в Москву; Эренбург оставался во Франции⁶⁴. Он поехал в Гавр проводить Савича, но сам на отъезд еще не решился. Не только победа Франко, но и сталинские репрессии, под которые попали многие искренние антифашисты, глубоко травмировали Эренбурга. Это тоже было частью испанской трагедии. В конце мая Эренбург написал Савичу в Москву, что прочел книгу Артура Кестлера «Испанское завещание», в которой Кестлер показывал подрывную деятельность коммунистов и в душераздирающих подробностях рассказал о собственном тюремном заключении в Севилье, где он ожидал исполнения над собой смертного приговора, вынесенного ему фашистами. Книга, признавался Савичу Эренбург, произвела на него «страшное впечатление» и очень ему понравилась⁶⁵. Один из давних знакомых Эренбурга, Роман Якобсон, видел его в Париже через несколько месяцев после подписания советско-германского пакта, когда Эренбург оказался изолированным от многих знакомых ему людей. «Эренбург был в очень желчном настроении, — вспоминал Якобсон в беседе с автором этой книги. — Он не понимал поведения Сталина. Когда речь зашла о репрессиях, которым подверглись те, кто воевал в Испании, все, что Эренбург мог сказать: «У Сталина свои счета»⁶⁶.

Все вокруг него были подавлены, испытывая нравственное смятение и безнадежность. В Нью-Йорке покончил с собой друг Эренбурга — немецкий писатель Эрнст Толлер. «Приходя в посольство, я видел новые лица, — вспоминая те годы, писал Эренбург в своих мемуарах. — Все, кого я прежде знал <...> исчезли. Никто не осмеливался даже вспоминать эти фамилии»⁶⁷.

***

Несколько летних недель Эренбург провел на юге Франции, гуляя в сельской глуши и гадая, что готовит завтрашний день. Писать прозу он бросил: ни в одном советском журнале не желали печатать его произведений, но он мог, по крайней мере, излить свою

тревогу в стихах. Проблема верности — вот что лежало в основе его личного кризиса.

Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься! Пройдут по тебе
Верность сердцу и верность судьбе.⁶⁸

Сбывались его самые дурные предчувствия. Вернувшись в августе в Париж, он услышал по радио, что между нацистской Германией и Советским Союзом заключен пакт о ненападении. Пакт был подписан 23 августа 1939 года. А десять дней спустя немецкие войска вторглись в Польшу. Франция и Англия объявили Германии войну, а Советский Союз, связанный пактом и тайным соглашением, оккупировал прибалтийские страны и восточную половину Польши. Советский Союз был теперь союзником Гитлера.

Мир Эренбурга полностью перевернулся. Пакт был злом, которое он перенести не мог. Его поразила странная болезнь: нервный спазм сдавливал горло, не пропуская твердой пищи. Встретив Луи Арагона и Эльзу Триоле в доме общего знакомого, он поссорился с ними из-за пакта и ушел, что называется, хлопнув дверью⁶⁹. Андре Мальро, совершенно потерявший душевное равновесие, нет-нет да забегал к Эренбургу, кричал на него и, уйдя, тут же возвращался, чтобы вновь излить свое возмущение. Другие друзья и знакомые почти перестали бывать в квартире на улице Котантен; изоляция и подавленное настроение Эренбурга усугублялись. «Как это вы заглянули ко мне? — накинулся он на одного знакомого. — Ведь я же — советский. Я предал Францию»⁷⁰.

Болезнь длилась восемь месяцев. Он мог есть только жидкую пищу, питался травами, овощами, в особенности укропом. С августа 1939 до апреля 1940 года Эренбург потерял в весе почти двадцать килограммов. «Костюм на мне висел, и я напоминал пугало»⁷¹. Многие считали, что он близок к самоубийству⁷².

Тем временем в Москве длительное пребывание Эренбурга во Франции воспринималось как протест. Поползли слухи, что он не намерен возвращаться. Эренбург по-прежнему сохранял права на дачу в Переделкине. И вот весной 1940 года писатель Валентин Катаев обратился в заявлением в Литературный фонд (организацию при Союзе писателей) о разрешении занять дом Эренбурга. Катаев открыто объявлял Эренбурга невозвращенцем, который, порвав с Советским Союзом, собирается остаться во Франции навсегда. 4 мая 1940 года Правление Литфонда постановило передать «временно» дачу Эренбурга Катаеву «на том условии, что он немед-

ленно ее освободит, в случае если тов. Эренбург вернется» (Катаев дачу так и не освободил). Месяц спустя Ирина Эренбург послала в Литфонд телеграмму, заверяя его членов, что отец в ближайшее время возвращается, и указывая, что только Президиум секретариата Союза писателей вправе передать дачу Катаеву⁷³. Ответа не последовало. Это был критический момент для Ирины Эренбург; если бы ее отец и впрямь предпочел остаться за границей, ее судьба была бы решена. На нее уже обрушились угрожающие письма и анонимные телефонные звонки. И хотя она была уверена, что отец вернется, решение Литфонда как бы подтверждало сомнения на этот счет многих из ее окружавших, включая и власть предержащую.

Сам Эренбург, честно говоря, не знал, что ему делать. Армия Гитлера оккупировала Польшу, но ни Франция, ни Англия активно Германии не противодействовали, хотя и объявили ей войну. Собственное будущее рисовалось Эренбургу в самых мрачных красках. Он не верил, что Франция и Англия смогут противостоят натиску нацистов. Подобно своему творению, Лазику Ройтшванцу, Эренбург, казалось, утратил способность найти для себя безопасное место в Европе и, подобно Лазику, подумывал об отъезде в Палестину⁷⁴. Он действительно связался с представителями еврейского агентства в Париже, но из этой затеи ничего не вышло, и он остался во Франции. Только когда 10 мая 1940 года немцы вторглись в Бельгию, болезнь Эренбурга вдруг сама собой излечилась. Он был вновь в состоянии есть любую пищу и начал набирать силы.

Майское наступление немецких войск было давно лелеемым Гитлером броском на Западном фронте. «Странная война» предыдущего года закончилась. До тех пор французы наблюдали, как другие страны покоряются Гитлеру, не веря, что наступит и их черед; теперь Франции предстояло дорого заплатить за бывшее бездействие. Эренбург оставался в Париже, когда немецкие войска наступали широким фронтом, захватывая Голландию, Бельгию, Люксембург и северо-восточную Францию. После пяти дней боев Париж уже был под угрозой. Поражение Франции почти завершилось.

Тем не менее отдельные члены французского правительства не теряли надежды на возможность сопротивления Германии. Пьера Кота, давнего знакомого Эренбурга, уполномочили отправиться в Москву за боевой авиацией; Эренбурга также втянули в этот план. Его вызвал к себе де Монзи, министр общественных работ, и попросил передать соответственное послание в Кремль: если Франция не сможет купить у Советского Союза самолеты, она в ближайшие дни капитулирует. Эренбургу очень хотелось помочь, и он немедленно телеграфировал в Москву из советского посольства.

Но планы эти ни к чему не привели. 28 мая, через три дня после встречи с де Монзи, Эренбурга арестовали. Ордер на арест подписал вице-премьер Анри Филипп Петен, который вступил в эту должность только десять дней назад, и которому вскоре предстояло возглавить правительство Виши. В квартире был произведен обыск, просмотрены рукописи, газеты, книги, и «улики» заговора со стороны «коммунистов и немцев» отдать Францию в руки нацистов оказались налицо⁷⁵. Эренбурга забрали в префектуру; допрос длился почти целый день, пока в советском посольстве, случайно узнав о его аресте, не связались с Жоржем Манделем, министром внутренних дел. Жорж Мандель, еврей по национальности и убежденный антифашист, приказал освободить Эренбурга. Что же касается миссии Пьера Кота, то ему не разрешили вылететь в Москву; любые попытки сближения между Францией и Советским Союзом были перечеркнуты.

Застрыв в Париже, Эренбург наблюдал, как город настраивался на оккупацию. «Закрывают наглухо железные двери, задерживают шторы и занавески, опускают на витрины жалюзи — словно закрывают глаза мертвецу»⁷⁶. Зная, что немцы не сегодня-завтра докатятся до Парижа, он и сам начал готовиться: сжег личные бумаги, среди них дневники и обширную переписку — например, с Н. И. Бухариным и многими другими советскими величинами. 14 июля он стал свидетелем того, как немецкие солдаты входили в Париж. Эренбург «отвернулся, постоял молча у стенки. Нужно было пережить и это»⁷⁷.

Еще шесть недель он с женой оставался в Париже при немцах, живя в маленькой комнатке в помещении советского посольства, куда их пригласили переехать для безопасности. Он старался, насколько такое было возможным, поехать по стране и, сопровождая сотрудника посольства, совершил длительную поездку по северной и центральной Франции. Лондонское радио передало призыв генерала де Голля к сопротивлению — Эренбург поймал его по приемнику. В июле он помог немецкой писательнице Анне Зегерс, эмигрантке и коммунистке, бежать из Парижа: за нею следили, она боялась ареста⁷⁸.

В своих мемуарах, писавшихся двадцать лет спустя, Эренбург предполагал рассказать о сотрудничестве советского посольства с нацистскими оккупантами. В черновом варианте стояло: «Между Советским Союзом и Третьим рейхом существовали дружеские отношения, но не между мной и гитлеровцами, захватившими Францию. Я их ненавидел, и много сил требовалось, чтобы скрыть это чувство». Все же, он не всегда мог совладать с собой, и в присут-

ствии сотрудников посольства нередко бормотал: «фашисты, убийцы, палачи!». Возникло даже сотрудничество между оккупантами и бывшими левыми. В раннем черновике мемуаров Эренбург описал, как увидел Жака Дорио, бывшего лидера французской коммунистической партии, постепенно переходившего на сторону фашистов, обедающим с немецким офицером. «Он излагал гитлеровскому офицеру план пропаганды. Я невольно прислушался, и меня затошнило»⁷⁹.

Формально Франция признала себя побежденной 22 июня, когда в Кампъенском лесу, к северу от Парижа, совершилась церемония подписания капитуляции. Через месяц, 23 июля, Эренбург с Любовью Михайловной вместе с группой посольской obsługi выехали поездом в Москву. Другого выбора у Эренбурга не было. Приходилось возвращаться. Несмотря на его статус советского журналиста, ему не могли обеспечить безопасность в оккупированном немцами Париже.

В русской эмигрантской колонии распространился слух, что Любовь Михайловна, смертельно напуганная перспективой вернуться в Москву, чуть ли не заболела, и в вагон ее пришлось внести⁸⁰. Эренбурги миновали Брюссель и две ночи провели в берлинской гостинице, на дверях которой значилось, что евреям вход в нее воспрещен⁸¹. Но Эренбург ехал как советский служащий, как представитель, к его невыразимой досаде, союзной державы, и хотя в своих мемуарах он упоминает, что «его фамилии в документах не было», вряд ли немцы не знали, кто он такой⁸².

Из Берлина их путь на восток лежал через Польшу и Литву, где в поезд сел поэт Костас Корсакас, получивший место в одном купе с Эренбургами. «Илья Эренбург оказался очень доступным, дружелюбным и разговорчивым», — напишет он потом в своих мемуарах. Эренбург сказал ему, что «проехав практически через всю Европу, они не встретили ни одного улыбающегося лица», что «карта Европы ежедневно меняется <...> и это еще не предел. Таков был весьма пессимистический и пророческий прогноз старого писателя». Корсакас оставался с Эренбургами до самой Москвы. Когда 29 июля они прибыли в Москву, он «был крайне удивлен, не увидев на вокзале никого из Союза писателей. Илью Эренбурга, вернувшегося в Москву после длительного отсутствия, никто не встречал. И он, и его жена, оба, пораженные, оглядывались вокруг. Очевидно, они полагали, что коллеги придут их встретить». Через несколько дней, находясь в литовском представительстве, Корсакас выразил удивление, что московские писатели никак не отметили возвращение Эренбурга в Москву. Ему объяснили, «что Эренбург теперь фигура non grata. А почему? Кто же это может понять»⁸³.

В КАНУН ВОЙНЫ

Следующий год Эренбург делал все, что только мог, чтобы довести до сознания своих соотечественников: война с Германией вполне вероятна! — задача, куда более трудная и потребовавшая гораздо больше усилий, чем казалось. Сталин принял свой пакт с Германией всерьез и старался снискать доверие фюрера, принимая все возможные меры, чтобы не дать повода к враждебным действиям. Советский Союз обменивался с Германией информацией о польских отрядах сопротивления; Сталин предоставил нацистам военно-морскую базу под Мурманском, где немецкие корабли заправлялись топливом и ремонтировались; советские суда сообщали сводки погоды *Luftwaffe*, при том что немцы бомбили Англию. По разрешению Сталина по транссибирской железной дороге из Японии в Германию транспортировалось стратегическое сырье.

И советская пропаганда полностью перестроилась. Уже 24 августа, сразу после подписания с Германией пакта о ненападении, «Правда» объясняла своим читателям, что «дружба народов СССР и Германии <...> отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета». Двумя месяцами позже нарком иностранных дел В. М. Молотов винил Францию и Англию в продолжении войны, заявляя, что только Германия хочет мира. В обращении, последовавшем за нападением Гитлера на Польшу, Молотов пошел еще дальше, наделив нацистскую идеологию известной долей законности. «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать — это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной», — говорил он, выступая 31 октября 1939 года в Верховном Совете. — «Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”»⁸⁴. И советская пресса хранила молчание о судьбе евреев в оккупированной нацистами Европе, оставляя тем самым миллионы евреев, живущих на территориях, контролируемых Советским Союзом, в неведении об участи их соплеменников в Польше и не готовыми к тому, что затем произошло после вторжения Гитлера в пределы СССР в 1941 году⁸⁵.

Эренбургу эта новая политическая ориентация была ненавистна. Тщетно добивался он приема у Молотова. И хотя читал много лекций по Москве, статьи его в советской печати почти не прини-

мали, а в «Известиях» не принимали вообще. «В любой строке, — напишет он о том времени в своих мемуарах, — редакторы видели намеки на фашистов, которых остряки называли “заклятыми друзьями”»⁸⁶. Между тем Эренбург старался, насколько мог, оставаться в курсе европейских событий, ловя по приемнику французские передачи, которые Би-Би-Си транслировала на коротких волнах. Родители и сестра Пастернака жили в Англии и, беспокоясь за них, он часто за полночь подымался в квартиру Эренбурга послушать вместе с ним последние известия⁸⁷.

И все же Эренбург, который всегда, несмотря на риск, был мастером найти пути сказать то, что возможно, сумел отыскать сочувственно настроенного редактора в официальной профсоюзной газете «Труд» и «после длительных переговоров, правок, купюр» в августе-сентябре появился цикл из пяти его очерков⁸⁸.

Несмотря на цензуру Эренбург излагал свои мысли, выражая точку зрения, идущую вразрез с официальной политикой. Он не мог дать выход своему отвращению к фашистам, зато мог поносить в полный голос тех французов, кто предпочел борьбе коллаборационизм. Он не преминул огласить, как ущемляли Шарля де Голля и подобных ему французских офицеров, которые возражали против сидения на линии Мажино и других несуразных тактических действий военного командования Франции. Он с презрением отметал мысль, что войны с ее страданиями удастся избежать. Подробно и не жалея красок рассказывал о тысячах парижан, бежавших из города, когда к нему приблизились немцы. Он писал об антисемитизме, вспомнив объявление на дверях немецкой гостиницы — «Только для арийцев. Евреям вход воспрещен» — и передовицу во французской газете, повторявшей за нацистскими расистами: «В каждом из нас есть частица еврея. Нам нужен внутренний, личный погром»⁸⁹. В его статьях звучал голос заведомого антифашиста и антимюнхенца, а если умиротворение Гитлера со стороны западно-европейских держав было пагубным, значит — такой вывод напрашивался сам собой — и сталинский сговор с Гитлером оказывался равным образом непростительным.

Выход в свет нескольких статей не повлиял на положение Эренбурга: оно оставалось неопределенным. Примером того, насколько сомнительным был его статус, может, в частности, служить казус с журналом «Интернациональная литература». В связи с приближающимся пятидесятилетием Эренбурга редакторы французской версии журнала обратились с А. А. Фадееву, возглавлявшему тогда Союз писателей, за советом, спрашивая, нужно ли согласно принятому ритуалу послать Эренбургу как лицу значительному поздравление

и вообще как-то отметить дату его рождения. Редакторы сочли необходимым получить на этот счет указание свыше⁹⁰. Неизвестно, каков был ответ, но в январе 1941 года ни одна советская газета ни словом не упомянула, что Эренбург — в отличие от многих его друзей, бесследно исчезнувших, — дожил до своих пятидесяти лет.

***

С выходом в свет романа «Падение Парижа» дела Эренбурга должны были улучшиться. Он сел за него в сентябре 1940 г., вскоре по возвращении в Москву, стремясь подвести итог нравственному хаосу, партийным интригам и политической близорукости, которые довели Францию до военного поражения. Для русских читателей «Падение Парижа» сразу стало одной из самых памятных книг Эренбурга, приоткрывших окно в жизнь Западной Европы и Латинского квартала, где прошло так много творческих лет самого автора.

Роман подтверждал репутацию Эренбурга как ведущего в России писателя-антифашиста. Первая часть, охватывающая время победы Народного фронта и последовавшее за ней решение французского правительства придерживаться политики невмешательства в испанские дела, публиковалась в журнале «Знамя» в начале 1941 года. Появления немцев сюжет еще не требовал, и это сделало первую часть приемлемой для цензуры, хотя слово «фашизм» пришлось убрать, заменив его более обтекаемым — «реакционеры»⁹¹.

Но когда Эренбург представил в журнал вторую часть, ему тотчас объяснили, что в ней затронуты чересчур щекотливые для советской печати политические области, а потому о публикации не может быть и речи. Эренбург не сдался и продолжал писать роман. 24 апреля, поздно вечером, в квартире Эренбургов раздался телефонный звонок. Эренбургу показалось, что звонят в дверь, и он уже было протянул руку к заветному чемоданчику, стоявшему у кровати на случай, если за хозяином «придут»⁹². Однако звонил телефон; Эренбурга попросили набрать продиктованный номер: с ним хотел говорить «товарищ Сталин».

Это был единственный разговор Эренбурга со Сталиным. Короткий и загадочный. Сталину понравилось «Падение Парижа», — по-видимому, кто-то из предусмотрительных редакторов прислал ему рукопись — он спросил, собирается ли Эренбург обличать немецких фашистов. Эренбург мог лишь вкратце изложить содержание последней части — наступление немцев и оккупация ими фран-

цузской столицы. Он опасается, сказал Эренбург Сталину, что остальные страницы романа так и не увидят свет. «А вы пишете, — сказал Сталин, — мы с вами вместе постараемся протолкнуть и третью часть»⁹³.

Эренбург понимал значение сталинского звонка: дело не в литературе; война была неизбежной. Нацисты оккупировали Югославию и Грецию, их намерения относительно Востока уже мало у кого вызвали сомнения. Каждый день был на счету. Неожиданное и стремительное поражение Франции нарушило планы Сталина: он надеялся, что Гитлер увязнет на Западе, а это даст Советскому Союзу достаточно времени накопить военной мощи. Советская военная промышленность лихорадочно производила оружие и тяжелое вооружение, но на границах военные никаких мер предосторожности не принимали — чтобы не дать Гитлеру повод для нападения.

Сталинская поддержка естественно сыграла решающую роль. Слух о ночном разговоре мгновенно разлетелся по Москве; положение Эренбурга стало еще загадочнее, но судьба романа круто повернулась. Журнал «Знамя» принял к печатанию вторую часть; редакторы других изданий обрывали телефон Эренбурга, наперебой прося отрывки из романа.

В мае Эренбург побывал в Харькове, Киеве и Ленинграде, выступал с лекциями и чтениями. Повсюду слушатели спрашивали, возможна ли война с Германией; ну а более «ортодоксально» настроенные коммунисты считали нужным посоветовать Эренбургу, чтобы в романе он разоблачил британский империализм. 31 мая в разговоре с друзьями Эренбург обронил, что через три недели начнется война — предсказание, которое оказалось прискорбно точным⁹⁴.

Мысли о войне, о страданиях были у каждого на уме. 5 июня Эренбурга в Москве навестила Анна Ахматова, она прочитала свое стихотворение о падении Парижа, города, которого не видела с 1912 года⁹⁵. Эренбург переписал эти стихи, которые начинаются ставшими знаменитыми скорбными строками — «Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит» — в свою записную книжку. Тогда же он переписал и стихотворение Мандельштама (очевидно, приведенное Анной Ахматовой), написанное им в 1931 году и через три года конфискованное при первом его аресте. Это стихотворение, содержащее строки: «Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей» — одно из самых безнадежных, самых трагичных из написанных в тот период. Мандельштам, который видит набирающий вокруг него силы террор, хотел бы

затаиться, исчезнуть, «чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
/ Ни кровавых костей в колесе...». Но нет у него возможности исчезнуть, и он повторяет: «не волк я по крови своей / И меня только равный убьет»⁶. Зная, какая правда заключена в этих стихах, Эренбург решил сохранить их как из дерзкой верности таланту Мандельштама, так и как мужественный акт свидетеля. Если при жизни Сталина стихи эти были бы у него обнаружены, он поплатился бы карьерой, весьма возможно, даже самой жизнью.

***

Из Европы продолжали поступать тревожные новости. 13 июня Би-Би-Си передало, что немцы сосредоточили у советской границы большие военные силы; Кремль не озаботился предостеречь ни свой народ, ни свои войска. А рано утром 22 июня, собрав небывалый по моши военный кулак, Германия начала внезапное наступление на Советский Союз. Эренбург выслушал по радио выступление Молотова — не Сталина! — объявившего о начале войны. Вторжение немцев поколебало уверенность Сталина. Он рассчитывал на большой запас времени, но Адольф Гитлер действовал по собственному графику. И понадобилось четыре года борьбы, чтобы союзные армии Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов его остановили.

ГЛАВА 9

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ХОЛОКОСТ

27 января 1941 года Илье Эренбургу исполнилось пятьдесят. С восемнадцати лет он практически всю свою взрослую жизнь провел за границей. Он был евреем, интеллигентом, скорее европейцем, чем россиянином. К тому же бывшим большевиком, чья краткая партийная карьера в подростковом возрасте ассоциировалась с заклеянной деятельностью расстрелянного Н. И. Бухарина. Какое-то время Эренбург выступал яростным противником коммунистов.

С 22 июня, когда Гитлер напал на Советский Союз, Эренбург стал ведущим и самым влиятельным журналистом в Советском Союзе. Это была третья в его жизни война. «Я помнил Первую мировую войну, — писал он в своих мемуарах, возрождая в памяти Западный фронт, — пережил Испанию, видел разгром Франции, казалось, был ко многому подготовлен, но, признаюсь, порой мною овладевало отчаяние»¹. Советский Союз был почти сокрушен немцами. За шесть месяцев около трех миллионов советских солдат были убиты, четыре миллиона взяты в плен. Республики Балтии, Белоруссия и Украина оказались оккупированными, Ленинград — в осаде, немецкие войска угрожали самой Москве. 6 ноября Сталин обратился с речью к Московскому городскому совету, находясь в одной из подземных станций метрополитена. На следующий день, в годовщину большевистской революции, состоялся парад советских войск на Красной площади, откуда они прямоком шли на фронт: немцы были в считанных километрах от Москвы.

В эти первые трагические месяцы война непосредственно коснулась семьи Эренбургов. В сентябре без вести пропал зять Эренбурга — Борис Лапин. Журналист, работавший в газете

«Красная звезда», он находился на переднем крае, в Киеве, когда на город началось остервенелое наступление немцев. Вместе с советскими войсками Лапин и его друг Захар Хацревин отступали в юго-восточном направлении к городу Борисполю. Они должны были вылететь из Киева последним самолетом, но по какой-то причине рейс не состоялся, и им пришлось уходить с армией. В Борисполе у Хацревина, страдавшего эпилепсией, произошел очередной припадок, и двигаться дальше он не мог. Лапин остался с другом. Из оружия у них были только пистолеты, и ни о том, ни о другом больше никто никогда не слышал.

***

Чуть ли не на следующий день после вторжения Эренбурга вызвали в армейскую газету «Красная звезда». Главный редактор, генерал Давид Ортенберг, писавший в газете под псевдонимом Вадимов, внимательно следил за карьерой Эренбурга, да и был наслышан о нем от Бориса Лапина, которого хорошо знал. Ортенберг был уверен, что Эренбург как раз тот человек, которого следует привлечь в газету, поручив ему вести постоянную «колонку». Это было судьбоносное решение, и хотя Эренбург писал для «Правды» и других периодических изданий, именно статьи в «Красной звезде» завоевали ему прочную славу.

С первых дней войны Эренбург почувствовал, что советские люди не понимают, с каким противником имеют дело, не сознают его подлинной природы. «У наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой». После ряда лет определенной пропаганды красноармейцы считали, что «солдат противника пригнали к нам капиталисты и помещики, <...> что если рассказать немецким крестьянам и рабочим правду, то они побросают оружие»². Эренбург поставил себе задачу развеять эти мифы, научить Красную армию ненавидеть врага.

Первое лето Эренбург оставался в Москве. Его талант и энергия немедленно оказались востребованными; ему наперебой звонили из многих газет и государственных агентств. В «Красную звезду» он, как правило, приходил в шесть вечера, писал там свои статьи, участвовал в совещаниях, оставаясь в редакции до полуночи. Эренбург пользовался пишущей машинкой «Коро-

на», снабженной русским и латинским шрифтами — правда, без заглавных букв. Прежде чем отдать газету в печать, ее посылали на просмотр Сталину, и из-за этого Эренбургу нередко приходилось задерживаться. «Мой первый читатель — Сталин», любил он говорить друзьям. После того, как от «первого читателя» в редакции получали «добро», Эренбург шел домой. В течение всей войны он страдал жестокой бессонницей, и ночами, когда не спалось, писал стихи или переводил, чаще всего Франсуа Вийона. Ложился часа в четыре утра, а в семь был уже на ногах, садился писать для зарубежной прессы и не вставал от стола до пяти вечера. Час спустя он уже продолжал в «Красной звезде». И так изо дня в день³.

За четыре военных года Эренбург написал свыше двух тысяч статей, из которых без малого четыреста пятьдесят были напечатаны в одной лишь «Красной звезде»; многие перепечатывались областными газетами, распространялись за границей, включались в антологии и выходили отдельными выпусками. Половина всего созданного им за войну приходится на первый год войны, самое тяжелое для Советского Союза время. Только в 1942 году вышло тридцать девять книг Эренбурга, большинство в виде небольших сборников-брошюр. Газетные «колонки» и подвалы Эренбурга обладают особыми неожиданными свойствами. Написанные в традиции французского памфлета, они были исключительно эмоциональны, непосредственны, без помпезных, избитых фраз, типичных для большинства советских статей. Он не увертывался, а признавал силу немцев и их победы. Он не боялся говорить о поражениях — как, например, в статье о падении Киева — и тем самым завоевывал доверие читателей.

Известие о сдаче Киева застало Эренбурга в редакции. «Он сел против меня в глубокое кресло и задумался, — вспоминал генерал Ортенберг. — Киев был городом его детства и юности. Там остались близкие ему люди. Он долго сидел, сжавшись, молча, а потом, словно стряхнув оцепенение, сказал:

— Хорошо, я напишу о Киеве».⁴

Давать какие-либо материалы об утрате столицы Украины было строго-настрого запрещено. Эренбург повел себя осторожно: он не мог огласить, сколько там полегло солдат и сколько взято немцами в плен, не мог рассказать о боях, но он мог выразить решимость к сопротивлению, выказав ее в присущем ему стиле, который сделал его знаменитым. «Мы освободим Киев.

Вражеская кровь смывает вражеский след. Как птица древних Феникс, Киев восстанет из пепла, молодой и прекрасный. Горе кормит ненависть. Ненависть дает силу надежде»⁵. Эренбург «Киев» произвел столь сильное впечатление, что впредь «Красная звезда» уже не молчала о потерях — о каждом очередном поражении в газете либо появлялась информация фронтовых корреспондентов, либо об этом писал в Москве Эренбург.

В октябре, через несколько недель после взятия Киева, немцы уже подходили к советской столице. Газеты печатали нечто туманное, сообщая только, что враг пытается прорваться к «нашим важнейшим жизненным промышленным центрам»⁶. Ортенберг впал в уныние: позиция Кремля не давала поднять в войсках боевой дух. И не кто иной, как Эренбург в своей статье от 12 октября — «Выстоять!» — с предельной ясностью заявил, что Москва в опасности.

«Враг наступает. Враг грозит Москве. У нас должна быть одна только мысль — выстоять. Они наступают, потому что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся, потому что мы хотим жить. Жить, как люди, а не как немецкие скоты. С Востока идут подкрепления. Разгружают пароходы с военным снаряжением: из Англии, из Америки. Каждый день горы трупов отмечают путь Гитлера. Мы должны выстоять <...> Гитлеру не уничтожить Россию. Россия была, есть и будет»⁷.

В начале декабря немецкое наступление было остановлено на подступах к Москве. Казалось, самое худшее осталось позади. Однако Гитлер быстро перегруппировал свои войска и возобновил наступление, двинув их на юг от Москвы. И хотя взять столицу Советского Союза гитлеровские армии не смогли, к концу лета 1942 года они дошли до Кавказа и уже хозяйничали чуть ли не на половине европейской территории страны. Эренбург был в отчаянии. Страх вместе с чувством безнадежности, усиливаемые победами нацистов, вырвали у него самые жестокие за всю войну слова.

«Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятие. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать <...> Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучить их в своей окаянной Германии <...> Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов»⁸.

Два десятилетия тому назад, в разгар Гражданской войны в России, Макс Волошин сказал об Эренбурге, что «никто из русских поэтов не почувствовал с такой глубиной гибели родины, как этот еврей»⁹. Нашествие гитлеровских орд вызвало у Эренбурга такую же яростную реакцию. Большинство советских солдат (а они составляли его исходную аудиторию) вряд ли догадывались о его происхождении. Он был «Ильюша», «наш Илья» и то, что он писал, пробуждало в них чувства, какие было не под силу породить страшнейшим описаниям нацистских зверств. Статьи Эренбурга читались нарасхват и был даже издан указ, запрещающий использовать газеты, где они печатались, на самокрутки; статьи Эренбурга предлагалось вырезать и дать прочесть товарищам.

Александр Верт, английский журналист, освещавший события на Восточном фронте для агентства Рейтер и газеты «Санди Таймс», так характеризовал воздействие статей Эренбурга:

«Каждый солдат в армии читал Эренбурга; известно, что партизаны в тылу врага охотно обменивали лишний пулемет-пистолет на пачку вырезок его статей. Можно любить или не любить Эренбурга как писателя, однако нельзя не признать, что в те трагические недели он, безусловно, проявил гениальную способность перелагать жгучую ненависть всей России к немцам на язык едкой, вдохновенной прозы; этот рафинированный интеллигент интуитивно уловил чувства, какие испытывали простые русские люди <...> Надо поставить себя на место русского, который смотрит летом 1942 г. на карту и видит, как занимают один город за другим, одну область за другой; надо поставить себя на место русского солдата, который отступает к Сталинграду или Нальчику и говорит себе: “Докуда мы еще будем отступать? Докуда мы сможем еще отступать?” Статьи Эренбурга помогали каждому такому человеку взять себя в руки»¹⁰.

Эренбург часто пользовался образами, почерпнутыми из истории и литературы, из Ветхого Завета, даже из греческой мифологии с ее историями о богах, их страстях, триумфах и трагедиях. Сегодня такие аллюзии, встречающиеся в его статьях («похожих одна на другую, — иронизирует Эренбург в своих мемуарах, — которые теперь сможет прочитать только чрезмерно добросовестный историк») могут показаться чересчур сложными, далеко превосходящими образованность и интеллектуальный уровень рядового красноармейца, как правило, из крестьян и в

лучшем случае элементарно грамотного¹¹. Тем не менее, когда в часть поступали выпуски «Красной звезды», солдаты всегда первым делом смотрели, есть ли в них статьи Эренбурга, и просили офицеров читать их вслух, и очень интересовались, кто такой Вотан или в какой мере подвиги Суворова сравнимы с их собственными. Советским солдатам не требовалось досконального понимания подробностей, для них гитлеровцы были извергами, бесчеловечными и жестокими, как персонажи древнего мифа. Для Эренбурга война, которую вели советские армии, равнялась космическим сражениям богов за власть над судьбой человечества. Его призывы были по сердцу советским воинам — вот почему статьи Эренбурга читались перед боем и почему их находили у павших в бою солдат.

Все же нашелся, по крайней мере, один советский офицер, который считал риторику Эренбурга чрезмерной. Летом 1942 года Лев Копелев, который позднее приобрел широкую известность как писатель и диссидент, упрекнул Эренбурга за его статьи. Фронтовой офицер, Копелев собственными глазами видел, как советские солдаты расстреливали немцев, пытавшихся сдаться. Он был убежден, что своими призывами к ненависти и мести Эренбург чересчур взвинчивает войска, и советовал ему умерить их тон. И еще пенял Эренбургу, зачем он пишет, что советские люди до войны жили хорошо, когда всем известно, что это неправда. «Пишите, что мы будем жить лучше, чем жили раньше», — убеждал он Эренбурга. Эренбург заподозрил, что автор письма — «провокаатор», и предпочел не иметь с ним дела. Копелев продолжал критиковать Эренбурга, высказывая несогласие с ним перед своими боевыми товарищами. Убежденный марксист, он не принимал ярого русского национализма Эренбурга. Десятью годами ранее, в 1934 г., читая газеты в одном из закрытых партийных архивов, Копелев наткнулся на весьма неодобрительные отзывы Эренбурга о Ленине. В спорах с товарищами на фронте он нередко их цитировал и даже утверждал, что Эренбург так же язвительно пишет о немцах, как раньше писал о большевиках — утверждение, по сути, верное. Такие откровения кончились для Копелева большой бедой. В апреле 1945 года, когда война уже кончалась, он был арестован. Главным обвинением против него были «пропаганда буржуазного гуманизма» и «жалость к противнику», поскольку Копелев пытался останавливать солдат, когда те обрушивались на гражданское население Германии.

Первоначально в предъявленном ему обвинении значилась также «клевета на Илью Эренбурга». Лицо столь значительное, столь необходимое, как Эренбург, не могло подвергаться критике простого майора¹².

***

Слава, которой имя Эренбурга было окружено в войсках, дала пищу многим легендам и анекдотам. Один снайпер, на счету которого было сто сорок убитых немцев, «семьдесят фрицев» отдавал Эренбургу, и в остальных, оставленных за собой, попасть ему помогли статьи Эренбурга. Другой солдат прозвал Эренбурга «литературным пулеметом». В Москве состоялись художественные чтения, на которых публицистику Эренбурга декламировали под музыку. Немцы также отдавали должное силе его статей и принимали меры, чтобы они не распространялись среди оккупированного населения. Так, «на месте преступления» была казнена женщина, которую застали за чтением прикрепленной партизанами на дереве газетной вырезки со статьей Эренбурга¹³.

Престиж Эренбурга среди советских бойцов не имел себе равных. Один солдат соорудил манекен Эренбурга, водрузил его на заднем сиденье пикапа и с криком «Пропустите Эренбурга!», прорывался через забитые дороги вокруг Москвы¹⁴. Другие, зная, как их кумир любит все французское, посылали ему бутылки божоле, бордо, французского шампанского, реквизированные у отступающих нацистов¹⁵. Были случаи и другого рода, когда на славе Эренбурга играли с дурными намерениями. Как-то вечером в квартиру Эренбургов постучалась молодая беременная женщина. Она разыскивала Илью Эренбурга. Увидев его — явно впервые — она поняла, что оказалась жертвой обмана: ее соблазнитель, выдававший себя за прославленного публициста, был намного моложе хозяина квартиры. Смушенная и подавленная, она убежала, даже не перешагнув ее порога¹⁶.

В разгар войны прошел слух, что генерал Ортенберг внес правку в статью Эренбурга, которая ему не пришлась по вкусу. И действительно, несколько дней его имя не появлялось в «Красной звезде». Это заметил Сталин и позвонил в редакцию. Генерал Ортенберг объяснил, что Эренбург недоволен тем, как его

отредактировали. «И не нужно его редактировать, — осадил генерала Сталин. — Пусть пишет, как ему нравится»¹⁷.

КУЙБЫШЕВ

В середине октября 1941 года немецкая авиация стала регулярно прорываться к Москве. Квартира Эренбургов на верхнем этаже писательского дома в Лаврушинском переулке сильно пострадала от бомбежек. Но едва Эренбург успел подыскать новое жилье, как его с женой, а также и многих крупных государственных работников, деятелей культуры и весь корпус иностранных корреспондентов эвакуировали в Куйбышев — город в тысяче с лишком километров к востоку от столицы. Там Эренбург провел почти три месяца и, пока его не вернули в Москву, «писал статьи в коридоре» или пустом гостиничном номере — «машинку ставил на ящик»¹⁸.

Жизнь в Куйбышеве теснее столкнула Эренбурга с неуядицей и путаницей, вызванными войной. Он старался, где мог, оказать содействие попадавшим в беду. Так, Даниил Данин, тогда начинающий поэт и литературный критик, был знаком с Эренбургом еще в довоенные годы. Во время немецкого наступления на Москву Данин вместе с еще семнадцатью бойцами попал в окружение. Благодаря везению и находчивости им удалось добраться до Москвы. Военный корреспондент, Данин тут же был направлен в Куйбышев, где у него начались неприятности. Ко всем советским солдатам, по той или иной причине побывавшим за вражеской линией фронта, относились с подозрением, предлагая им доказать, что они не шпионы, не дезертиры; могли и на месте расстрелять. Из своей группы Данин попал в Куйбышев первым и целую неделю не мог представить доказательств тому, что о себе рассказал. Он находился под подозрением и опасался ареста. И тут на улице он увидел Эренбурга. Когда до Эренбурга дошло, что молодому человеку грозит расстрел по обвинению в дезертирстве, он немедленно связался с несколькими официальными лицами и добился для Данина твердого положения. Данин закончил войну в чине капитана, командира артиллерийского соединения¹⁹.

Также во время пребывания Эренбурга в Куйбышеве к нему обратился за помощью Виктор Зорза, бежавший из лагеря для

интернированных. Поляк по национальности, Зорза был задержан советскими властями, когда спасался от наступающих немцев. Воспользовавшись военной неразберихой, он сумел ускользнуть и после долгих скитаний осенью 1941 года добрался до Куйбышева, где разыскал Илью Эренбурга. «Я пришел к нему одетый в отрепья и в галошах, сделанных из автомобильных покрышек», — рассказывал Зорза много лет спустя, давая интервью корреспонденту «Известий». Эренбург обеспечил его одеждой, работой, жильем и помог стать солдатом польской армии, с которой несколько месяцев спустя Зорза покинул Советский Союз. Как и Даниил Данин, Зорза уезжал, считая, что обречен Эренбургу жизнью²⁰.

Благие вмешательства Эренбурга имели определенные пределы, раздвинуть которые он не мог. В начале декабря он побывал в Бузулуке, городке к юго-западу от Куйбышева, ближе к Саратову, где располагалась армия польских добровольцев генерала Владислава Андерса. Там Эренбург встретился с группой еврейских волонтеров, желая услышать их мнение о военном потенциале польских сил. Разговорившись, солдаты-евреи откровенно говорили о том, что их польские товарищи, многие из которых прошли через советские тюрьмы, «ненавидели русских не меньше, чем немцев». И перед отъездом «Эренбург предупредил их, чтобы они остерегались иметь дело с этими “фашистами”»²¹. Один из тех, с кем Эренбург беседовал в тот день, был польский капитан Юзеф Чапский. Вскоре Чапский, художник по профессии, получил от своего командования задание навести справки о судьбе нескольких тысяч польских офицеров, находившихся в заключении (и, как теперь известно, расстрелянных сталинским НКВД в Катыньском лесу под Смоленском). Решив посоветоваться с Эренбургом, Чапский посетил его в Москве в начале 1942 года, но Эренбург принял его крайне холодно. Чапский тотчас уразумел, что его миссия слишком щекотлива, чтобы, выполняя ее, обращаться к Эренбургу.

«Я сразу понял, что если бы Эренбург и впрямь пожелал помочь мне в моем деле, если бы выражением глаз или взглядом выказал готовность дать дельный совет, он не занимал бы в нынешней России то положение, какое занимал, а уже давно сложил кости в каком-нибудь “волчьем углу” необъятной Сибири <...>

Я как сейчас вижу его — в низком уютном кресле, отстоящем

от моего на почтительном расстоянии; и слышу, как он говорит громким голосом, как человек постоянно сознающий, что его подслушивают. Он лично незнаком, сказал он, практически ни с кем из чиновников, к которым мне следует по моему делу обратиться»²².

Как понял Юзеф Чапский, Илья Эренбург, при всем своем престиже, хорошо знал, в каких границах он может оказать влияние и не забывал, что живет под сталинской рукой.

ЭРЕНБУРГ И ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

За годы войны Эренбург познакомился со многими иностранными корреспондентами. В отличие от других советских журналистов он не чувствовал себя стесненно в обществе западных коллег и отдавал должное их значению в общем усилии. Особенно теплые отношения сложились у него с Генри Шапиро. Генри Шапиро впервые приехал в Москву в 1933 году изучать советское право. Вскоре он начал давать очерки в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» и стал профессиональным журналистом, заняв место главы информационного бюро, работавшего на агентство Рейтер, а затем и на Юнайтед Пресс.

Шапиро был с Эренбургом в июле 1941 г. во время первого воздушного налета немцев на Москву. Корреспондентам приходилось тогда работать в здании Комиссариата иностранных дел, где правительственные цензоры тут же визировали их репортажи. Спустившись при сигнале сирены в подвальное помещение, Эренбург и Шапиро часами беседовали о Париже, об оккупации города немцами. Это положило начало их дружбе. В то лето Шапиро получил согласие нескольких крупных советских писателей давать статьи для Юнайтед Пресс. Константин Симонов, Валентин Катаев, Александр Фадеев и Эренбург — все пообещали, но сдержал слово только Эренбург. Он регулярно писал для агентства очерки.

Почти всю войну Шапиро по несколько раз на неделе встречался с Эренбургом в гостинице «Москва» и в «Метрополе», где размещался корреспондентский корпус и где у журналистов были офисы. Благодаря тому, что оба они, и Эренбург и Шапиро, были евреи и оба говорили по-русски, Эренбургу было легче доверять американцу. Шапиро как-то пожаловался: Сталин от-

ветил на вопросы, заданные другим корреспондентом — Сталин дважды откликнулся на просьбы Генри Кассиди, работавшего на Ассошиэйтед пресс, — но не разу не удовлетворил запросы Шапиро. «С вашей фамилией, — комментировал Эренбург, — вы никогда ответа не получите». Обсуждал Эренбург с Шапиро и положение с Палестиной, интересуясь, «какая там жизнь и с чем евреи могут столкнуться там в будущем»²³.

Добрые отношения сложились у Эренбурга и с американским журналистом Леландом Стоу, репортером-ветераном, освещавшим события гражданской войны в Испании, Второй мировой в Греции, в Норвегии, революции в Китае. Осенью 1942 года Стоу прибыл в Москву, где впервые встретился с Эренбургом. С помощью Эренбурга он получил возможность свыше недели наблюдать бои подо Ржевом, городом в полтораста километрах от Москвы, где Красная армия, несмотря на большие потери, продолжала наступательные операции против немецких дивизий. «Это была для меня беспрецедентная привилегия, — писал тогда же Стоу. — Для Красной армии Илья Эренбург, бесспорно, самый безотказный мандат, лучший из всех, какие выдают в Советском Союзе»²⁴. Вместе с шофером и женщиной-офицером, бывшей участницей гражданской войны в Испании, они колесили по фронту на старой латаной машине, проделав за девять дней километров восемьсот. Грязь от осенних дождей превратили дороги в непролазные хляби, устланные срубленными деревьями, а их поездку — в буквальном смысле в зубодробительную. Дважды они ночевали в крестьянских избах, один раз — в полевом госпитале. На один день Эренбургу удалось раздобыть американский «джип» — «дань престижу, которым он пользовался у бойцов и командиров Красной армии, потому что почти за неделю, — вспоминал позднее Стоу, — нам попалось от силы двадцать “джипов”»²⁵. Довелось Стоу присутствовать на допросе немецких пленных — обязанность, которую не без чувства мрачного удовлетворения взял на себя Эренбург. Он неизменно спрашивал немцев: зачем Германия вторгается в одну страну за другой? Пленные «либо отмалчивались, либо намеренно уклонялись в сторону, обходя все нравственные вопросы, связанные с гитлеровскими вторжениями в другие страны и казнями мирного населения». И еще Эренбург почти каждого спрашивал, поют ли немцы песни на стихи Генриха Гейне, и, получив утвердительный ответ, доставлял себе удовольствие напо-

нить, что Гейне — еврей²⁶.

Далеко не всем корреспондентам высказывания Эренбурга о войне были по душе. К 1944 году американцы чувствовали себя с ним особенно неловко. «По его мнению, Соединенные Штаты не несли своей доли в войне. Война в Тихом океане была для него не в счет. Он хотел одного — открытия Второго фронта, — вспоминал годы спустя Гаррисон Солсбери. — Эренбург считал американцев наивными, невежественными, полуобразованными колониальными людьми, не способными ценить европейскую культуру. Все это он выдавал острым, язвительным тоном, в длинных монологах, произносимых по-французски. Кое-кто из американцев пытался отругиваться, Эренбург выходил из себя, некоторые переставали разговаривать с ним и покидали комнату, если он входил»²⁷. Вряд ли стоит удивляться, что еженедельный журнал «Ньюс уик» как-то характеризовал Эренбурга как человека «чрезмерно эмоционального, настроенного крайне про-французски, который очень раздражает американцев, решившихся завести с ним знакомство»²⁸.

Все корреспонденты отмечали у Эренбурга «классическое презрение француза ко всему американскому или британскому, — свидетельствует Генри Шапиро. — Он любил повторять, что все, чем американцы обогатили цивилизацию — это Хемингуэй и сигареты “Честерфилд”. И всегда стрелял у меня “Честерфилд”. После войны он вернулся из Нюрнберга в том же настроении. Жаловался, что в офицерском клубе “американские варвары” — так он их называл — первым делом подавали кофе и перебивали у него аппетит. Такой порядок в еде оскорблял его типично французские гастрономические вкусы. Эренбург мог быть настоящим снобом»²⁹.

Французы относились к нему иначе. Французы обожали Эренбурга, и он опекал их, как только мог. Он охотно ездил в эскадрилью «Нормандия», летную часть из французских пилотов на Восточном фронте, летавших на советских истребителях. Он также объяснял советским чиновникам, что среди немецких военнопленных есть солдаты, набранные в Эльзас-Лотарингии, которых насильно загнали в вермахт, и что их не надо отправлять в лагерь. Он ездил на фронт, чтобы помочь выявлять эльзасцев, и его заступничество многих спасло от плена и даже от худшей участи³⁰.

Во время войны гуляла полусуштливая, полужлая острота, что

«Эренбург ненавидит немцев за то, что они оккупировали Париж и ему приходится жить в России»³¹. Его номер в гостинице и впрямь напоминал парижский уголок. «На столе стояла пепельница Дюбоне, любовно свистнутая в каком-то кафе, — писал о временном жилище Эренбурга Жан-Ришар Блок. — В крошечной кухоньке — бутылка вермута, давно уже опорожненная и грустная: ведь ее занесло в такую даль и в такое тяжелое время»³². Эренбург даже отказывался носить нижнее белье советского производства, и его жена всю войну штопала и латала вывезенное из Франции³³. В разгар борьбы, в мае 1942 года, Эренбург мечтал о возвращении в Париж. «И после войны мы вернемся к своей прежней жизни. Я съезжу в Париж, в Испанию. Буду писать стихи и романы», — говорил он поэту Семену Гудзенко. Гудзенко поразило, что «он очень далек от России, хотя любит и *умрет за нее как антифашист*»³⁴. С другой стороны, случалось, что провинциализм русских соотечественников вызывал у него оторопь. Так, в одной из корреспонденций американский журналист назвал Эренбурга «франкофилом». Цензор ему этого не пропустил, заявив в объяснение: «всем известно, что Эренбург терпеть не может Франко»³⁵.

О чувствах Эренбурга к Франции хорошо знал Шарль де Голль. Когда в апреле 1942 года Эренбургу за «Падение Парижа» была присуждена Сталинская премия, де Голль послал ему из Лондона поздравительную телеграмму. В октябре Эренбург написал о де Голле восторженную статью, черпая из своих парижских переживаний 1940 года, когда он был свидетелем тщетной попытки де Голля сплотить французскую армию, а позже слушал по приемнику передаваемый из Англии его первый призыв к сопротивлению. Во время посещения де Голлем Москвы в декабре 1942 года Эренбурга пригласили на званый обед в посольство и посадили рядом с генералом. В мае 1944 года де Голль еще раз приветствовал Эренбурга как «верного друга Франции», когда тот получил высочайшую награду — орден Ленина³⁶.

Эренбург оставался пристрастным поклонником французов. Даже после дня «Д» — 6 июня 1944 года — когда союзники форсировали Ла-Манш и высадились в Нормандии, он не изменил своим симпатиям. Казалось бы, ему следовало воздать должное англо-американскому десанту. Вместо этого он написал прочувствованную статью о французском сопротивлении, наделив Вердена, включив туда даже образ неизвестного солдата,

встающего на борьбу с бошами. Он не мог побороть в себе недовольства вкладом союзников в войну с Гитлером и ограничился кислым комплиментом — «Мы восхищены отвагой наших союзников — англичан, канадцев, американцев». Три дня спустя в заявлении, напечатанном в газете «Правда», Сталин сказал то, что нужно было сказать, поздравив союзников с небывалой операцией — операцией, которую и Наполеон, и Гитлер грозились осуществить, но на которую даже не осмелились решиться: «...широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск на севере Франции»³⁷.

Холокост

С первых шагов своего творческого пути Эренбург обращался к еврейской теме. Даже начало двадцатых годов, когда он подумывал о принятии католичества, отмечено стихами об антисемитизме и надеждах, пробужденных сионистской мечтой. Во время Первой мировой войны он написал стихи о погроме в Польше, а в «Хулио Хуренито» — любимейшей из книг — центральная глава стала предсказанием Холокоста. Правда, во всем этом прочитывались лишь наметки будущего — того, что во Вторую мировую войну судьба еврейского народа станет важнейшей заботой Эренбурга.

24 августа 1941 года, два месяца спустя после вторжения Гитлера на территорию Советского Союза, группа признанных советских деятелей, евреев по национальности, обратилась по радио с призывом к «братьям евреям» во всем мире. Возглавляемые Соломоном Михозлсом, прославленным актером и главным режиссером Московского государственного еврейского театра, выступавшие, один за другим, подчеркивали необходимость единения еврейского народа и угрозу его существованию со стороны нацистов. Писатель Самуил Маршак рассказал об убийстве еврейских детей в Польше, Перец Маркиш, искуснейший из поэтов, писавших на идиш, чья слава перешагнула далеко за пределы еврейских кругов, напомнил о вошедших в историю случаях гонений и героизма еврейского народа. Эренбург также внес существенный вклад, произнеся речь, насыщенную картинами из своего детства и нацистских облав, — картинами, звучащими призывом о помощи.

«Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас, как все русские, защищаю мою родину. Но гитлеровцы мне напомнили и другое. Мать мою звали Ханой. Я — еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит <...> Я обращаюсь теперь к евреям Америки, как русский писатель и как еврей. Нет океана, за который можно укрыться»³⁸.

Эта международная передача и многотысячный митинг, состоявшийся в тот же день в Московском парке культуры, ознаменовали создание Еврейского антифашистского комитета. Еврейский антифашистский комитет прошел тернистый и сложный путь: почти все, кто его возглавлял, были арестованы, а в 1952 году расстреляны. В самых истоках его — вкус пролитой крови.

Идея образовать антифашистский еврейский комитет первоначально принадлежала Хенрику Эрлиху и Виктору Альтеру, руководителям Еврейского социалистического бунда Польши. Осенью 1939 года оба они были арестованы в Литве советскими органами, но два года спустя, после угроз засадить на долгий срок в тюрьму или расстрелять, их отпустили. К тому времени — в начале осени 1941 года, — когда Советский Союз оказался на волосок от военной катастрофы, Сталин кинулся улучшать отношения с западными державами. У Эрлиха и Альтера сохранились крепкие связи с рабочими движениями Запада и с еврейскими организациями. Освободив обоих, Кремль рассчитывал убаюкать их хсдатаев, а заодно включить в советские планы борьбы с Гитлером. По заданию советских властей Эрлих и Альтер разработали предложение о создании еврейского антифашистского комитета, в который вошли бы беженцы из оккупированных нацистами стран и представители Советского Союза. Согласно их плану, комитет должен был носить международный характер; предполагалось также создание в составе Красной армии Еврейского легиона из американских добровольцев.

Их идеи так и не получили осуществления. Составленный ими проспект был представлен на рассмотрение Лаврентию Берии, главе НКВД, который внес ясность: одобрить дело такого рода может только Сталин. Сталин же отнюдь не собирался учреждать подлинно самостоятельную еврейскую организацию. Более того, к декабрю 1941 года Красная армия предприняла первое согласованное контрнаступление, ослабив давление на

Москву и вытеснив немцев из Ростова. К Сталину вернулась уверенность в себе, Эрлих и Альтер были ему теперь ни к чему — отработанный пар. Многие годы считалось, что оба были тогда же, в начале декабря, уничтожены, однако на самом деле их арестовали и содержали в одиночном заключении в Куйбышеве. Эрлих покончил с собой в мае 1942 года; Альтер был расстрелян в феврале 1943³⁹.

Тем не менее, идея еврейского антигитлеровского формирования того или иного рода витала в воздухе. За зиму 1941—1942 гг. Кремль основал несколько совместно действовавших «фронтовых» организаций — женщин, ученых, украинцев, славян, — которым надлежало подымать дух в войсках внутри страны и взывать о помощи Советскому Союзу за рубежом. Еврейский антифашистский комитет был образован в апреле 1942 года и влился в мозаичное объединение остальных групп, которые все как одна действовали под непосредственным надзором Советского Информбюро, возглавляемого сначала А. С. Щербаковым, а затем С. А. Лозовским, заместителем наркома иностранных дел.

Хотя зарубежные депутаты не вошли в Еврейский антифашистский комитет и хотя комитет этот находился под бдительным оком, он все же стал для советских евреев национальным представительным органом, во главе которого стояли Соломон Михоэлс, Перец Маркиш, Давид Бергельсон и Илья Эренбург — лица, известные безупречной нравственностью и высокой культурой, чей авторитет признавался не только в еврейских кругах, но и, в ряде случаев, во всей стране. Позволив им выступать от имени советского еврейства, Сталин невольно создал надежду на культурное возрождение и более широкие, более свободные контакты с евреями за рубежом, породил иллюзии, шедшие вразрез с советской политикой, проводившейся уже более двадцати лет.

С самого основания Еврейского антифашистского комитета среди его руководителей шли споры относительно точной природы его обязанностей. Все сходились на том, что максимум усилий должен быть направлен на помощь фронту, сбор средств и воззвания к евреям других стран. Однако с успешным развитием военных действий и выяснением того, какие огромные потери понесло еврейское население, многие члены комитета — правда, не все — хотели бы расширить его функции. Предпо-

лагалось помочь переселению еврейских беженцев, восстановить еврейские колхозы и возродить национальную культурную жизнь еврейства.

Эренбурга волновали другие проблемы. Неуклонный в своей ненависти к антисемитизму, он стремился собрать документы, свидетельствующие о перенесенных евреями страданиях и вкладе, внесенном евреями, солдатами и партизанами, в борьбу с гитлеровцами — давнее стремление, о котором знали его близкие друзья. Эренбург был ассимилированным евреем — в том смысле, что не соблюдал ортодоксальных обрядов, не владел ни идиш, ни древнееврейским языком. Он считал себя русским по языку и культуре, тем не менее, еврейское происхождение было постоянным источником его силы. В письме к Елизавете Полонской, написанном в 1923 году, он ободрял ее следующими волнующими, подымающими дух словами: «Не отдавай еретичества, — писал он ей из Берлина. — Без него людям нашей породы (а порода у нас одна) и дня нельзя прожить. Мы — евреи. Мы глотнули парижского неба. Мы поэты. Мы умеем насмехаться. Мы... Но разве этих 4-х обстоятельств мало для того, чтобы не сдаваться?»⁴⁰.

Парижский приятель Эренбурга журналист и критик Нино Франк, впервые познакомившийся с ним в двадцатые годы, дал портрет Эренбурга, многое в нем проясняющий:

«Сначала я увидел в нем советского человека, посланника страны Октября, человека новой эры. Но он это отверг. Затем он показался мне внуком Вольтера, верным этому источнику, при том, что он сильно вышел из моды <...> Но ни то, ни другое его до конца не объясняло. В нем было что-то еще, более фундаментальное, чем оба эти начала — революция и культура — переплетались, своего рода паровой котел, в котором хлопотала тайная сила <...>

В ту пору, если я заговаривал с Эренбургом об иудаизме, он только смеялся, да и сам я смеялся. До 1930 года такого рода разговоры казались нам чем-то архаичным и мы предоставляли рассуждать на эту тему археологам и злополучным неудачникам. Нам и в голову не могло прийти, что этих несчастных скоро будет не счесть. Только сегодня, думая о кипучей энергии Эренбурга и его приспособляемости, я понимаю, что отдаю должное неисчерпаемой тяге к свободе, неистовому чувству свободы <...>

Эренбург прежде всего еврей <...> Он отрешился от своего

происхождения всем своим существованием, облаченным в иные одежды на Западе, куря голландский табак и путешествуя через контору Кука <...> Но он не стер в себе еврея, и для меня это был новый тип еврея, истый Ашкенази»⁴¹.

Задолго до гитлеровского «окончательного решения» Эренбург осознал, в чем главная проблема в жизни современного еврея: отождествляя свою судьбу с положением своего народа, оставаться верным гражданином определенной страны. В статье «Французские евреи и война», написанной в апреле 1917 года, Эренбург указывал, что еврейские солдаты, кем бы они ни были в мирное время — притесняемыми рабочими или благополучными торговцами, — сражаются с одинаковым рвением, в том числе и русские и румынские евреи, чей статус угнетаемых хорошо известен. Он говорил о французских евреях-пацифистах и о «тысячах алжирских, марокканских и тунисских евреев, которые откликнулись на призыв Франции», и подчеркивал, с каким удовлетворением французские солдаты еврейского происхождения восприняли решение недавно учрежденного в России Временного правительства отменить черту оседлости и предоставить евреям равные права. При всей его ассимилированности, Эренбурга крайне волновала эта проблема, по-прежнему стоявшая перед евреями в любом обществе, потому что евреи были вынуждены жить в двух мирах, не являясь неотъемлемой частью ни одного, ни другого. Антисемиты полагают, что евреи не могут быть в равной степени верными как стране своего рождения, так и братьям по крови. Эренбург признавал существование этого предрассудка. Именно поэтому свою статью 1917 года он начал с провидческого напоминания: «греко-римский мир обвинял евреев в том, что они среди космополитического общества оставались националистами, современный мир их обвиняет в том, что среди националистов они являются космополитами»⁴².

Эренбург никогда не забывал, что он еврей. В 1944 году ему довелось прочесть статью Юлиана Тувима «Мы — польские евреи», выражавшую те же чувства, которые волновали Эренбурга и как русского патриота, и как еврея. В первую годовщину восстания в Варшавском гетто Тувим, узнав о гибели матери от рук нацистов, написал об антисемитизме и своей польской родине. Прочитав это обращение, он — вспоминал Эренбург — «долго не мог ни с кем говорить». «Мы — польские евреи» не удостои-

лось быть переведенным на русский язык; Эренбург перевел его сам, часто цитировал, а затем включил несколько отрывков в мемуары «Люди, годы, жизнь».

«И сразу я слышу вопрос: “Откуда это “мы”?” Вопрос в известной степени обоснованный. Мне задавали его евреи, которым я всегда говорил, что я — поляк. Теперь мне будут задавать его поляки, для подавляющего большинства которых я был и остаюсь евреем. Вот ответ и тем и другим. Я — поляк, потому что мне нравится быть поляком. Это мое личное дело, и я не обязан давать кому-либо в этом отчет. Я не делю поляков на породистых и непородистых, я предоставляю это расистам, иностранным и отечественным. Я делю поляков, как евреев, как людей любой национальности, на умных и глупых, на честных и бесчестных, на интересных и скучных, на обидчиков и обиженных, на достойных и недостойных. Я делю также поляков на фашистов и антифашистов <...> Я мог бы добавить, что в политическом плане я делю поляков на антисемитов и антифашистов, ибо антисемитизм — международный язык фашистов <...>

Я слышу голоса: “Хорошо. Но если вы — поляк, почему вы пишете “мы — евреи”? Отвечу: “Из-за крови”. — “Стало быть, расизм?” — Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двойная кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил. Первая — это сок тела <...> Другая кровь — это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей»⁴³.

Война с гитлеровцами продолжалась, а в Советском Союзе — и это страшно удручало Эренбурга — рос антисемитизм. Еще в ноябре 1941 года он услышал антисемитские высказывания не от кого-нибудь, а от знаменитейшего советского писателя Михаила Шолохова: «ты воюешь, а Абрам в Ташкенте торгует», — бросил ему Шолохов. Эренбург пришел в ярость и крикнул, что не хочет «сидеть за одним столом с погромщиком!»⁴⁴. Расизм Шолохова был широко известен. Позже, в ноябре того же года, Василий Гроссман в подробном письме об антисемитизме опровергал постыдные инсинуации Шолохова, упоминая, как много солдат-евреев он встретил на фронте:

«Несколько раз с болью и презрением — вспоминал антисемитскую клевету Шолохова. Здесь на юго-западном фронте тысячи, десятки тысяч евреев. Они идут с автоматами в снежную

метель, врываются в занятые немцами деревни, гибнут в боях. Все это я видел. Видел и прославленного командира I Гвардейской дивизии Когана, и танкистов, и разведчиков. Если Шолохов в Куйбышеве, не откажите передать ему, что товарищи с фронта знают о его высказываниях. Пусть ему стыдно будет»⁴⁵.

В ходе войны евреи действительно были отмечены непропорционально большим числом наград, чем бойцы любой другой национальности Советского Союза. Они отличались во всех родах советских войск. Эренбург остановился на этом вопросе, говоря о нем с особой болью в выступлении на очередном собрании Еврейского антифашистского комитета в феврале 1943 года, сразу по возвращении из Курска.

«Я встретил еврея преклонных лет, отца знаменитого летчика, и вот что он мне рассказал: “Говорил я с неким официальным лицом, и он спросил меня: “Как вы объясните тот факт, что на фронте нет евреев? Почему на войне не видно евреев?” Я ничего ему не ответил, потому что почувствовал: комок подступает к горлу. Это было всего через четыре дня, как я получил извещение о гибели сына”»⁴⁶.

Эренбург в полный голос и где только мог воевал с антисемитскими предубеждениями; многим казалось, будто он единственный журналист, пишущий «о муках евреев»⁴⁷. В ноябре 1943 года в статье, опубликованной в «Красной звезде», он рассказывал о героических подвигах, совершенных бойцами-евреями в различных воинских подразделениях советских вооруженных сил: «Гитлер хотел сделать из евреев мишень. Евреи России показали ему, что мишень стреляет, — писал он. — <...> Когда-то поэты мечтали об обетованной земле. Теперь для еврея есть обетованная земля: передний край, там он может отомстить немцам за женщин, за стариков, за детей»⁴⁸.

Для Эренбурга не существовало сомнений в преданности евреев войне, которую Советский Союз вел против гитлеризма. Однажды в узком кругу, который среди прочих включал и Шолохова, Эренбург поднял тост «За родину». Шолохов не преминул поддеть его. «Какую родину?» — спросил он, намекая что Эренбург делит свою верность между двумя родинами, из которых вторая — Палестина. Эренбург тут же его срезал. «За родину, которую предал Власов», — ответил он, и этого было достаточно⁴⁹. (Генерал А. А. Власов, попав в плен к немцам, принялся набирать среди советских военнопленных согласных сражаться

вместе с гитлеровцами). Среди русских могли быть предатели, перешедшие на сторону немцев, среди евреев не было ни одного, кто изменил Сталину, предпочтя ему Гитлера.

***

В разгар немецкого наступления советские власти сочли полезным использовать страдания советских евреев. Такая политика относилась главным образом к периоду между 1941 и 1943 гг., когда Сталин особенно нуждался в британской и американской помощи, к тому же необходимо было загладить политический вред, нанесенный пактом о ненападении с Гитлером. Именно по этой причине послом в Вашингтон отправился М. М. Литвинов, еврей по происхождению. Но к лету 1943 года, вслед за блистательными победами в Сталинграде и Курске, Красная армия стала вытеснять немцев из пределов Советского Союза; Сталин предложил поуменьшить официальное расположение к евреям.

Эренбург немедленно ощутил эту перемену. В цензуре стали нещадно резать его статьи, в которых говорилось о муках или героизме евреев. Возмущенный Эренбург обратился к А. С. Щербакову, который тогда надзирал над прессой. Щербаков не принял его сторону. «Солдаты хотят услышать о Суворове, а вы цитируете Гейне», — заявил он Эренбургу⁵⁰. В то же лето 1943 года ряд занимавших видные посты евреев был смещен. М. М. Литвинова отозвали из Соединенных Штатов, генерала Д. И. Ортенберга, главного редактора «Красной звезды», освободили от занимаемой должности. В 1943 году Ирина Эренбург была уволена из фронтовой газеты «Уничтожим врага». Приехавший инспектировать работу газеты некий полковник нашел, что в ее штате слишком много евреев. «Это что — синагога?» — орал он. Газету закрыли, а журналистов разбросали кого куда — по разным другим изданиям⁵¹.

Примерно в то же время власти развалили главный замысел Эренбурга, который он только что завершил. По мере успешного продвижения Красной армии к границе, к Эренбургу стали поступать сотни писем от солдат; они рассказывали о зверствах, которые обнаруживали по свежим следам отступающих гитлеровцев. Считая необходимым использовать этот материал, Эрен-

бург договорился с Жаном-Ришаром Блоком создать книгу на русском и на французском языках — «Сто писем»; летом 1943 года она должна была увидеть свет. «Книгу набрали, свертали и вдруг запретили, — вспоминал Эренбург в «Люди, годы, жизнь». — Я спрашивал почему, мне не отвечали; наконец, один из работников издательства многозначительно сказал: «Теперь не сорок первый...»» Французское издание вышло два года спустя, но на русское, где тексты шли в оригинале, был наложен запрет — слишком много там было упоминаний о евреях и их муках, чтобы появиться в Москве. Даже в мемуары, которые писались Эренбургом в шестидесятых годах, ему не позволили включить следующую историю:

«В марте 1944 года я получил письмо от офицеров части, освободившей Дубно, они писали, что В. И. Красова вырыла под своим домом убежище и в течение почти трех лет прятала там одиннадцать евреев, кормила их. Я написал об этом М. И. Калинину, спрашивал, не сочтет ли он справедливым наградить Красову орденом или медалью. Вскоре после этого Калинин вручал мне орден. Когда церемония кончилась, Михаил Иванович сказал: «Получил я ваше письмо. Вы правы — хорошо бы отметить. Но видите ли, сейчас это невозможно...» М. И. Калинин был человеком чистой души, подлинным коммунистом, и я почувствовал, что ему нелегко было это выговорить.»⁵²

ЭРЕНБУРГ И ПАРТИЗАНЫ-ЕВРЕИ

В 1944 г. Эренбург сопровождал солдат Красной армии, очищавшей один за другим советские города и села от немецких оккупантов. В июле он вместе с войсками вошел в освобожденный Вильнюс. В сражениях за Вильнюс участвовали и партизаны, среди них группа партизан-евреев, около сотни мужчин и женщин. «Если кто из фашистов от нас удерет, — сказал им один из офицеров Красной армии, — хватайте его вы», — вспоминал Шломо Коварский, член партизанского отряда. О встрече с Эренбургом в Вильнюсе 12 июля 1944 года он рассказывал:

«Мы сидели, отдыхая, на улице, когда подъехала машина и вышедший из нее человек направился к нам. «Я — Илья Эренбург». Наши закричали, побежали ему навстречу: «Здесь Эренбург! Эренбург здесь!» Мы знали о нем по газетам. Эренбург

был очень взволнован встречей с нами — партизанами-евреями. Он спросил, чем мы занимались, и мы рассказали ему, как взрывали поезда и железнодорожные станции. Он был необычный, не совсем похожий на советского журналиста. Мы принимали его как сородича, как еврея.»⁵³

В последние годы войны Эренбургу довелось познакомиться со многими евреями, участвовавшими в партизанском движении. Он полностью доверял им, приглашал к себе домой, вел откровенные разговоры. Каждая из этих встреч оставляла глубокий след в его душе, как и в душах его собеседников. Им открывалась та сторона Эренбурга, которую мало кто наблюдал. Они видели, как он гордится тем, что он — еврей, видели, как надывается у него сердце от страданий евреев и как бесит равнодушие к ним Кремля. Для многих из этих партизан, потерявших родных и долгие тяжкие месяцы, а то и годы, отщепенцами спасавшими свою жизнь в лесах, он был первым «официальным лицом», обращавшимся с ними с тем уважением, которое они заслужили. В декабре 1944 года один из руководителей партизанского движения минчанин Хирш Смоляр приехал в Москву, в Еврейский антифашистский комитет, где познакомился с Эренбургом. Смоляр, родившийся в Польше в 1905 году, стал активным участником коммунистического движения; гитлеровское нашествие застало его в Минске, где он тогда жил. Вскоре он возглавил большой партизанский отряд, который в октябре 1943 года помог не менее десяти тысячам евреев спастись от верной смерти в лесах.

«Эренбург тогда только что вернулся из Киева, — вспоминал Смоляр. — Настроение у него было отчаянное. “Это мой родной город, — сказал он. — Но я больше никогда туда не поеду”. Он был потрясен разгулом антисемитизма после ухода немцев». Смоляр рассказал Эренбургу, что после освобождения Минска происходило в городе. Партийных функционеров интересовало только, как партизаны воевали в немецком тылу, но о том, чтобы оказать помощь уцелевшим евреям, они и думать не хотели. «Эренбург слушал. Он сидел передо мной — старый еврей, отец, с трудом сдерживавший слезы, готовые пролиться по погибшему сыну», — воскрешал былое Смоляр. — “Посмотрите на мой стол, — сказал Эренбург. — А теперь на пол». Повсюду лежали кипы писем. “Возьмите любое. Все они об одном. Об антисемитизме”»⁵⁴.

Эренбург только что побывал в Киеве. Он видел тот огромный ров, где нацисты уничтожили десятки тысяч киевских евреев. В 1961 году Евгений Евтушенко заставил содрогнуться мир стихотворением «Бабий яр», не только заклеившим немцев, но и осудившим русских антисемитов. Евтушенко возмущался отсутствием памятника, который увековечил бы гибель киевского еврейства. Но первым о кровавой бойне в Киеве еще в 1944 году написал стихи Илья Эренбург:

Бабий яр

К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу чужую память? <...>
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.
Мы поднатужимся и встанем,
Костями загремим — туда,
Где дышат хлебом и духами
Еще живые города.
Задуйте свет, спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы — овраги.⁵⁵

Эренбург покидал «Бабий яр» смертельно потрясенный, он был ни жив, ни мертв, он чувствовал себя то ли чудом спасшимся, то ли жертвой, похороненной в этой чудовищной массовой могиле. Как никогда прежде он чувствовал себя евреем, сознавая, что «каждый яр» был предназначен и для него⁵⁶. Тогда он еще не знал, что Мария, старшая из его сестер — все они во время немецкой оккупации оставались в Париже, числясь бельгийками — исчезла и, по всей вероятности, была депортирована нацистами. В Киеве, увидев, какому поголовному уничтожению подверглось еврейское население города, он вместо заупокойной молитвы «Кадиш», которую не помнил, написал стихи.

Из всех встреч Эренбурга с партизанами самой впечатляющей и значительной была его дружба в еврейском поэтом Абрамом Суцкевером. После вторжения гитлеровцев Суцкевера, как всех евреев Вильнюса, загнали в гетто, где каждый день производилась «селекция». Суцкеверу удалось спастись: он выбрался через канализационные трубы. Вместе с сотнями других евреев Суцкевер вступил в один из литовских партизанских отрядов.

Два года спустя, весной 1944 года, Суцкевер познакомился с Эренбургом, когда оба они выступали перед трехтысячным митингом, организованным Еврейским антифашистским комитетом. Хотя полагалось в конце речи провозгласить здравицу Сталину, Суцкевер завершил ее страстным призывом к возмездию⁵⁷. Эренбург сразу подружился с молодым поэтом. «Он стал мне ближе всех моих московских знакомых, еврейских и нееврейских писателей и художников», — утверждал Суцкевер много лет спустя⁵⁸. В конце апреля 1944 года Эренбург опубликовал в «Правде» большой очерк о Суцкевере — «Торжество человека», — в котором рассказал о той роли, какую поэт играл в еврейском гетто, о том, как спас от уничтожения ценные русские рукописи, о его партизанской судьбе. Закончил Эренбург очерк кратким изложением знаменитой поэмы Суцкевера «Кол Нидре», в которой говорится о старом еврее, убивающем своего сына, чтобы избавить его от пыток в фашистском застенке⁵⁹.

Два следующих года Суцкевер, часто бывая у Эренбурга, мог близко наблюдать его жизнь и работу. «Он прочел мне удивительные, переписанные от руки стихи из тетрадки в зеленом переплете из змеиной кожи, — вспоминал Суцкевер. — Это были стихи Осипа Мандельштама, написанные в концлагере, у костра, среди снегов и волков. Какой-то человек, таинственным образом не то бежавший, не то освобожденный из лагеря, принес их Эренбургу. Любовь Михайловна сказала мне, что я был одним из очень немногих, кому Илья Григорьевич их читал». Еще Эренбург декламировал по-испански стихи Лорки и Мачадо и просил Суцкевера читать ему вслух древнееврейские стихи. «Как я люблю эти пророческие звуки», — говорил он. Согласно Суцкеверу, Эренбург был единственным московским литератором, заинтересовавшимся стихами Элиши Родина, последнего в Советском Союзе писавшим по-древнееврейски поэтом. Сын Ро-

дина, Григорий, сражавшийся в бронетанковых войсках к северу от Москвы, погиб в марте 1942 года. Родин посвятил его памяти цикл стихов, написанных по-древнееврейски. Благодаря Эренбургу он смог в 1942 году послать их в Палестину, где они были изданы в Тель-Авиве.

Для Суцкевера Эренбург олицетворял собою весь Еврейский антифашистский комитет; он был для него русским Иосифом, открытым для просьб своих сородичей, уцелевших в разразившемся катаклизме. Суцкевер был свидетелем многих добрых дел Эренбурга. Он помог десяткам молодых евреев получить разрешение на жительство в Москве; по просьбе Суцкевера он вмешался в судьбу нескольких партизанок из Гродно, облыжно обвиненных в сотрудничестве с нацистами, и добился их освобождения; он отвечал на сотни писем одиноких людей, отчаявшихся разыскать своих близких; он послал тысячи рублей вдовам, которые изливали ему свои горести в письмах, приходивших со всех концов страны.

Советские официальные лица отнюдь не всегда были рады выслушать Эренбурга. «Однажды, — вспоминал Абрам Суцкевер, — Любовь Михайловна предупредила меня: Эренбург — в постели, сам не свой от гнева и возмущения... С месяц назад приехавший из Киева красноармеец, еврей по национальности, сообщил Эренбургу, что на месте массовой могилы киевских евреев, в Бабьем яру проектируют построить открытый рынок». Эренбург обратился с письмом к Н. С. Хрущеву, возглавлявшему тогда партийные органы Украины, с просьбой воспрепятствовать намечаемому строительству. Как раз в тот день Илья Григорьевич получил из канцелярии Хрущева ответ. «Советую вам, — грубо одергивали его, — не вмешиваться в дела, которые вас не касаются. Пишите лучше хорошие романы»⁶⁰.

Но Эренбурга не легко было унять. Его настойчивые напоминания о совершенных нацистами преступлениях раздражали многих окружавших его людей. Это заметили даже американцы. В тайном донесении Управления стратегических служб, помещенном апрелем 1945 года, отмечалось, что «страстность и искренность Эренбурга были неоспоримы, но его целеустремленная преданность своим темам, о которых он бесконечно говорил на приемах и при беседах, начали превращать его в фигуру одиозную»⁶¹.

Весною 1945 года Эренбург вложил много сил, помогая част-

ным порядком Ирине Эренбург удочерить еврейскую девочку-сироту. Фаня Фишман выросла в Ровно (Западная Украина). После оккупации города немцами ее мать и обе сестры были убиты, а Фаня с отцом бежали в леса. Два старших брата стали солдатами — один сражался в рядах Красной армии, другой — Польской; оба прошли всю войну и закончили ее в Берлине. Отец Фани не выдержал зимы в лесу; Фаню взяли к себе партизаны. Узнав о судьбе девочки, Эренбург забрал ее и привез в Москву, поместив вначале в еврейской семье одного московского инженера. Однако там не нашли к Фане подхода, не понимая, что после многих месяцев, проведенных в лесу, девочка нуждалась не в строгом воспитании, а в терпении и внимании.

Эренбург вновь вмешался в ее судьбу, забрав к себе. Он заботился об ее образовании и помог отыскать ее братьев, которые вскоре после окончания войны приехали повидаться с сестрой. Они уговаривали Фаню уехать в ними в Палестину, но безуспешно: за время жизни с Эренбургами Фаня привязалась к Ирине, оставшейся бездетной после гибели мужа, и, когда Ирина предложила удочерить ее, согласилась. Фаня Фишман осталась в Москве, получила медицинское образование и стала известным кардиологом. Ее братья и по сей день живут в Израиле⁶².

ЧЕРНАЯ КНИГА

В конце 1944 года Эренбурга разыскал в Москве Шломо Перлмуттер, подросток, сражавшийся в партизанском отряде. Эренбург только что побывал в Литве, где ему в руки попала брошенная книга на древнееврейском. Он не читал по-древнееврейски и попросил Перлмуттера перевести ему титульный лист. Оказалось, что эта книга, озаглавленная «Сиротство», была напечатана в Каунасском гетто и посвящена учителю древнееврейского языка. Взяв из рук Перлмуттера книгу, Эренбург показал ее писателю Борису Горбатову, как раз заглянувшему «на огонек». «Вот видите, мы действительно книжники, — сказал ему Эренбург. — Покажите мне другой такой народ, который, запертый на бойне в преддверии массового уничтожения, станет печатать книгу. Нет такого другого народа»⁶³.

А война продолжалась. И участвуя в Еврейском антифашистском комитете, Эренбург сосредоточился на важном деле. Под

его руководством более двух десятков писателей — хотя борьба с гитлеровцами еще далеко не закончилась — стали работать над «Черной книгой», сводом документов о величайшей катастрофе, постигшей советское еврейство: полтора миллиона евреев были убиты так называемыми Einsatzgruppen, четырьмя расстрельными командами, которые следовали за вторгшимся на советскую территорию германским вермахтом.

Подобное совместное усилие было в Советском Союзе беспрецедентным. Используя связь с Еврейским антифашистским комитетом, Эренбург создал свой писательский комитет без официального разрешения и без руководства, назначенного «сверху». «Черная книга» открывала писателям возможность сказать правду о том, что с ними происходит. Пройдет еще немало лет, прежде чем советские писатели осмелятся заговорить о преступлениях Сталина с такой же страстностью и прямотой. Писать о гигантских концлагерях в Воркуте и на Колыме они не могли, но писатель Василий Гроссман, побывавший в Майданеке и Трешлинке после освобождения их Красной армией летом 1944 года и одним из первых разговаривавший с теми, кто остался там в живых, теперь знал и мог рассказать о том, как проводились немцами массовые уничтожения⁶⁴.

Яркие картины геноцида, основанные на материале, предоставленном Эренбургом или самостоятельно собранном, создали и другие писатели. Абрам Суцкевер подготовил свыше двухсот страниц текста о нацистских зверствах в Литве, Овадий Савич побеседовал со спасшимися от смерти в Лагвии, Маргарита Алигер занялась показаниями, поступившими из Бреста (Белоруссия). Приняла участие в работе над «Черной книгой» и дочь Эренбурга Ирина. Она побывала в Каунасе, где французские евреи оставили перед казнью надписи на стенах тюремных камер. Скопировав эти надписи, она, вернувшись в Москву, перевела их на русский язык. Сам Эренбург подготовил для публикации бездну материала: письма детей из Белоруссии, письма солдат, утративших свои семьи, показания тех, кто в занятых немцами городах, поселках и деревнях чудом спасся от геноцида. Вот одна из историй о еврее, которого прятала от нацистов жена, не еврейка, — история, рассказанная с почти библейской лаконичностью и выразительностью:

«Наталья Емельяновна спрятала мужа в яме под печкой. Там он провел два с лишним года. Он сидел согнувшись; нельзя было

ни лечь, ни встать. Когда он иногда ночью выходил наверх, он не мог выпрямиться. От детей скрывали, что их отец прячется в подполье. Однажды четырехлетняя девочка, заглянув в щель, увидела большие черные глаза. Она закричала в ужасе: «Мама, кто там?» Наталья Емельяновна спокойно ответила: «Я ее давно заметила — это очень большая крыса». <...>

Наталья Емельяновна заболела сыпняком. Ее увезли в больницу. Детей приютила соседка. Исаак Розенберг по ночам вылезал наверх и ел клей на обоях. Так он продержался две недели. А Наталья Емельяновна, лежа в больнице, терзалась: вдруг она в бреду расскажет о муже?

В сентябре 1943 года части Красной армии подошли вплотную к местечку Монастырщина — узел дорог, немцы здесь оказали сильное сопротивление. Шли бои. У дома Розенберга стояли немцы с оружием. Наталья Емельяновна взяла детей и, как другие жители Монастырщины, убежала в лес. Она вернулась, когда в местечко ворвались красноармейцы. Она увидела еще дымившуюся золу и печь: дом сгорел. Исаак Розенберг задохнулся от дыма. Он просидел в подполе двадцать шесть месяцев и умер за два дня до освобождения Монастырщины советскими частями»⁶⁵.

Эренбург продолжал собирать материал, а судьба «Черной книги» находилась в зависимости от меняющихся целей советской пропаганды. Собственно говоря, идея «Черной книги» зародилась в Соединенных Штатах в конце 1942 года, когда Альберт Эйнштейн, писатель Шолом Аш и Б. З. Гольдберг (зят. Шолом Алейхема), возглавлявшие Американский комитет еврейских писателей, художников и ученых, отправили телеграмму в Еврейский антифашистский комитет, предлагая создать совместный труд о преступлениях нацистов против евреев. Соломон Михоэлс, председатель Еврейского антифашистского комитета, с энтузиазмом подхватил эту идею, но самостоятельно принять решение комитет не мог и ему пришлось обратиться в Совинформбюро за позволением заняться этим делом.

Только летом 1943 года Еврейский антифашистский комитет утвердил проект о создании «Черной книги». В то лето Михоэлс и его заместитель, еврейский поэт Ицик Фефер, провели несколько месяцев в поездке по Северной Америке и Англии; они встречались с еврейскими общинами, призывая жертвовать средства на поддержку военных усилий Советского Союза против

Гитлера. В Нью-Йорке состоялось знакомство с Эйнштейном, который окончательно склонил их принять участие в проекте «Черная книга», — правда, только после того, как они обменялись несколькими телеграммами со своими политическими боссами в Москве. Получив разрешение, Михоэлс и Фефер условились о совместной работе с рядом еврейских организаций — Всемирным еврейским конгрессом, Национальным советом в Иерусалиме и Американским комитетом еврейских писателей, художников и ученых. Каждая из названных организаций должна была собирать информацию о Холокосте и предоставлять ее для последующей совместной публикации на нескольких языках.

В январе 1944 года Еврейский антифашистский комитет одобрил проект в целом, признав Эренбурга «одним из активнейших инициаторов создания “Черной книги”»⁶⁶. Эренбург стал председателем литературной комиссии Еврейского антифашистского комитета. В апреле Шахно Эпштейн, секретарь Еврейского антифашистского комитета и главный редактор газеты «Эйникайт», объявил об издании «Черной книги» на русском, еврейском, английском, древнееврейском, испанском, немецком и других языках. У Эренбурга были все основания считать себя вознагражденным за потраченные усилия. Для него работа над «Черной книгой» совпадала с его стремлением, последовательно осуществляемым на протяжении всей войны, документировать трагедию и героизм советских евреев. Его читатели являлись постоянным источником информации. Московская квартира Эренбурга была завалена горами писем — тысячами писем, главным образом от советских евреев, которые делились с ним своей болью. Эренбург тщательно собирал эти письма, сортировал и нумеровал их по национальностям; со многими своими корреспондентами он вступал в переписку, прося сообщить подробности того, чему были свидетелями, или судьбы своих близких. Многие из этих писем стали первичными источниками «Черной книги», в особенности после 27 июля 1943 года, когда Еврейский антифашистский комитет печатно призвал сообщать информацию о Холокосте. Эренбург получал такие письма до конца своей жизни. В них сполна отразилась вся боль и горечь существования евреев в Советском Союзе: массовое уничтожение нацистами, доморощенный антисемитизм, «дело врачей», зажим еврейских тем в советской литературе и последствия для советского еврейства образования государства Израиль.

О чем только не писали Эренбургу. Еще во время войны один офицер просил его помочь в организации еврейской дивизии в составе Красной армии. Другой хлопотал об отдельной территории для евреев на Украине. Многие писали о том, как их соседи помогали «вылавливать» евреев. В июле 1944 года пришло письмо из Одессы; «румыно-немецкая зараза, — писал автор письма, — проникла во все советские учреждения», полагая, правда, что антисемитизм пойдет на убыль по той причине, что имущество, принадлежавшее евреям, «уже разграблено». Для этих евреев Эренбург был единственным занимающим значительное положение человеком, кому они могли излить свои горести и от кого ждали сочувствия и помощи. Автор одного из писем сравнивал его с Моисеем, другой с Иеремией, а «Черную книгу» — с Книгой Плача, полагая, что она будет для еврейского народа «как памятник, как холодный камень, на который каждый еврей сможет проливать свои слезы по своим любимым и близким»⁶⁷.

Энергия и решительность Эренбурга казались безграничными. В более раннем, неосуществившемся проекте «Сто писем» и в многочисленных статьях, публиковавшихся на страницах главных советских газет и газет незначительных, вроде «Биробиджанской звезды», — статьях, адресованных специально еврейскому населению страны, Эренбург, когда только мог, заострял внимание на страданиях евреев. Теперь, при поддержке Еврейского антифашистского комитета он получил даже больше каналов для распространения материала, собранного по Холокосту. Публикацию из подготовленных для «Черной книги» дневников, писем, записанных рассказов очевидцев уже начала «Эйникайт». Отдельные выдержки Эренбург получил возможность напечатать в журнале «Знамя» и обширный материал вошел в сборник на идиш — «Мердер фан фельнер» («Убийцы народов»), который вышел в двух томах, первый — в 1944, а второй — в 1945 году⁶⁸.

С осени 1944 года Эренбург стал все пессимистичнее относиться к перспективе публикации «Черной книги». На совещании литературной комиссии 13 октября 1944 года он жаловался, что «не ясно, будет ли издание санкционировано». Руководство Еврейским антифашистским комитетом, докладывая на коллега, заявило ему: «Вы подготовьте книгу. Получится хорошо — мы ее опубликуем». Подобные указания не могли быть восприняты иначе, как отрицательно: «Поскольку не мы, а немцы пи-

шут эту книгу, — саркастически заметил Эренбург, — цель ее ясна. Я не понимаю, что значит “получится хорошо”. Речь ведь идет не о романе, сюжет которого еще не вполне известен». Тем не менее он не сдавался и вместе со своим другом Василием Гроссманом продолжал компоновать и редактировать десятки свидетельств. Стратегия Эренбурга была очевидна. «Мне кажется, — сказал он коллегам по комиссии, — раз сам факт составления рукописи стал возможным, уже легче будет бороться за ее опубликование»⁶⁹.

Однако дальнейшие события весьма его разочаровали. В конце 1944 года свыше пятисот страниц рукописи были отправлены в Соединенные Штаты для размещения в американской печати. Эренбург был в ярости. Мало того, что никто не озаботился получить на это его разрешение, его даже не уведомили о том, что Америка просила прислать материалы. Эренбург сразу понял, что с появлением материалов книги на Западе опубликовать ее в Москве станет труднее. Он хотел, чтобы книга сначала увидела свет в Советском Союзе, где она была особенно нужна для борьбы с внутренним антисемитизмом. На Западе главы из «Черной книги» появились главным образом в еврейских газетах, а не в изданиях с многотысячным тиражом, с широкой читательской аудиторией. Эренбург считал, что руководство комитета намеренно подорвало и распылило то, что он старался завершить. В бешенстве он порвал с Еврейским антифашистским комитетом, и затем не раз в присутствии партизан-евреев называл его *Judenrat*^{*} и «антиеврейский комитет»⁷⁰.

С выходом Эренбурга из Еврейского антифашистского комитета отпала нужда считаться с его упорством и его престижем. Совинформбюро, возглавляемое С. А. Лозовским, образовало специальную комиссию, которой поручалось ознакомиться с работой литературной комиссии и дать рекомендации для дальнейшей работы. На совещании, состоявшемся 24 февраля 1945 года, ревизоры в основном одобрили работу над книгой, однако указали и на существенный недостаток в подготовленной Эренбургом для печати рукописи. По мнению комиссии, в ней слишком много места было отведено случаям гнусной деятельности предателей среди украинцев, литовцев и других, и это ослабляло силу главного обвинения против немцев, которое

^{*} Еврейский совет (нем.). *Judenrat*'ы обычно создавались немцами в еврейских гетто.

должно быть основной и решающей целью книги. (При дальнейшем редактировании сообщения о сотрудничестве с немцами были, к огорчению Эренбурга, изъяты)⁷¹.

Судя по рекомендациям комиссии и последующему письму Лозовского Эренбургу, комиссия, видимо, рассматривала две различные рукописи: свидетельства, собранные и подготовленные к печати под руководством Эренбурга, и еще один сборник документов. Лозовский попытался убедить Эренбурга, что оба тома подлежат публикации и что фактически предстоит также подготовить сотни острых статей; он просил Эренбурга продолжить работу над собранным материалом. Но Эренбург был слишком удручен, слишком обижен. Он подтвердил свой отказ от руководства литературной комиссией и разослал письма помогавшим ему писателям, включая Гроссмана и Суцкевера, которых благодарил и призывал публиковать при любой возможности собранные материалы. «Я глубоко уверен, что проделанная Вами работа не пропадет для истории»⁷².

Василий Гроссман, проработавший рука об руку с Эренбургом над «Черной книгой» более года, взял на себя обязанности редактора. В Еврейский антифашистский комитет продолжали поступать новые свидетельства о фашистских зверствах, к тому же Гроссман намеревался использовать материал, связанный с победой союзных сил и Нюрнбергским процессом. Эренбург отнюдь не полностью отстранился от проекта. Он внимательно следил за событиями и даже еще в 1946 году полагал, что книга непременно выйдет. «Книга была набрана, доведена до стадии корректуры, и нам сказали, что в 1948 году она выйдет в свет» — вспоминал он⁷³. Тем не менее 26 ноября 1946 г., не имея дальнейшего подтверждения от власти предержащих, Эренбург с Гроссманом, вместе с Михоэлсом и Фефером, поставили свои подписи под обращением, адресованном А. А. Жданову, который был секретарем ЦК и, видимо, по своему положению мог принять соответствующее решение. Не потрудившись ответить, Жданов передал письмо в отдел пропаганды. Только 7 октября 1947 года из комитета по печати при отделе пропаганды в канцелярию Жданова поступила бумага: в «Черной книге» допущены «серьезные ошибки». Ее публикация была запрещена⁷⁴. У Сталина теперь были другие планы касательно евреев. В январе 1948 года был убит Соломон Михоэлс, а несколько позже в том же году закрыт Еврейский антифашистский комитет, за-

одно и издательство, выпускавшее книги на идиш. Набор «Черной книги» был рассыпан. В Советском Союзе она так никогда и не появилась; три десятилетия спустя ее опубликовали в Иерусалиме.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

К последнему году войны признание Эренбурга казалось бесспорным. Советские власти дважды отметили его деятельность высшими наградами: в 1942 году — Сталинской премией по литературе за роман «Падение Парижа», 1 мая 1944 года — орденом Ленина за военные заслуги. В декабре 1944 года В. М. Молотов в порыве откровенности заявил в конфиденциальной беседе с французским дипломатом Жоржем Бидо: «Эренбург стоит нескольких дивизий»⁷⁵. И де Голль лично признал вклад Эренбурга в победу над нацистами. После освобождения Франции новое де-голлевское правительство возвело Эренбурга в кавалеры ордена Почетного легиона — самая престижная награда во Франции.

В Соединенных Штатах значение Эренбурга признавалось высшими кругами Вашингтона. В 1943 году вице-президент США Генри Уоллес, изучавший русский язык, свое первое письмо, написанное по-русски, адресовал Эренбургу:

«Я хочу вам сказать, — писал Уоллес, — что когда я говорю о нашем веке как о “веке простого человека”, я имею в виду именно ту народную душу, которая спасла вашу родину и которую вы так мастерски описываете в вашей статье “Заря”. Я читаю ваши статьи всегда с большим интересом, в них звучит такая вера в народную душу. Да, будущее принадлежит народам со стойкой душой и с любовью к свободе. Желаю вам всего лучшего.

Генри А. Уоллес.»⁷⁶

Столь высокого статуса среди граждан Советского Союза не достигало ни одно частное лицо. Как заметил один американский журналист, Эренбург пользовался такой «славой и положением в своей родной стране, каких нет и не было ни у одного писателя»⁷⁷. В марте 1945 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» поздравила Эренбурга как автора блестящих репортажей о войне.

«Илью Эренбурга, знавшего, как проникнуть в суть многих

горьких истин, страстно ратовавшего за русский народ в час его тяжелейших испытаний и в час победы, следует лучше знать в Соединенных Штатах. То, как он недавно подвел итоги военного положения, стоит всех разглагольствований пятидесяти конгрессменов, двадцати комментаторов и дюжины политических экспертов»⁷⁸.

В Москве одно время прошел слух, будто Гитлер поклялся повесить на Красной площади трех человек: Сталина, Эренбурга и Шостаковича (последнего за Седьмую Ленинградскую симфонию). И. М. Майский, бывший послом Советского Союза в Англии, по возвращении в 1944 г. в Москву выразил на встрече в Союзе писателей в узком кругу мнение, что во время войны было только два человека, влияние которых можно сравнить: «имя одного — Эренбург, второго он не назвал, как видно, испугавшись собственной идеи — сравнить»⁷⁹.

Возможно, именно такое всеобщее признание и внушило Сталину игривую мысль арестовать Эренбурга как шпиона. Существует лишь одно свидетельство этого намерения — разговор Александра Фадеева с его близким другом Корнелием Зелинским. Сталин якобы вызвал Фадеева как ведущую фигуру в Союзе писателей и спросил, обретаются ли в его Союзе «два главных международных шпиона». У Фадеева язык прилип к гортани. Сталин объяснил: Алексей Толстой — «британский шпион», Илья Эренбург — «международный»⁸⁰. Что было у Сталина на уме — сказать невозможно. Толстой был тогда смертельно болен и в том же месяце умер от рака. Эренбурга, разумеется, и не подумали арестовывать. Тем не менее два вероятных мотива для поведения Сталина, при всей их гипотетичности, заслуживают внимания. Возможно, немецкая разведка в отчаянной попытке внести смуту в советские вооруженные силы, как раз когда Красная армия продвигалась уже по исконным землям Германии, подбросила сфабрикованный компромат на Эренбурга и Толстого. Разговор с Фадеевым мог быть затеян Сталиным для проверки, а поскольку обвинения, к его удовлетворению, оказались ложными, вопрос более не поднимался. Второе объяснение, которое тут напрашивается, более правдоподобно: Сталин уже наметил свою послевоенную стратегию. Красная армия, освободив Восточную Европу, вот-вот должна была завладеть большими частями самой Германии. Четыре месяца спустя, в апреле 1945 года — о чем будет сказано ниже — Сталин инициировал

жесткую критику Эренбурга, и это явилось сигналом изменения политики в отношении Германии. Возможно, в январе он хотел дать понять писательскому сообществу, что хватит возвеличивать Эренбурга, а возможно, замыслил отделаться от него куда более грубым способом, но потом передумал. Время для этого еще не пришло, да и способ показался чересчур топорным, даже по сталинским меркам.

***

В августе 1944 г., когда советские войска подходили к немецкой территории, Эренбургу уже в подробностях было известно о концентрационных лагерях и газовых камерах. Десятки тысяч советских солдат побывали в Майданеке и Трешлинке; это эмоционально готовило их к последнему наступлению. Эренбург не собирался умерять силу своего голоса. В статье, опубликованной в «Правде» 7 августа 1944 года, он описывал, как евреев из Франции, Голландии, Бельгии привозили поездами в оборудованные в Польше центры уничтожения. «Мы не только на границе Германии, — мы на пороге суда, — писал Эренбург в статье «Накануне». — Не мстительность нас ведет, — тоска по справедливости. Мы хотим растоптать змеиное гнездо <...> Мы хотим пройти с мечом по Германии, чтобы навеки отбить у немцев любовь к мечу. Мы хотим прийти к ним для того, чтобы больше никогда они не пришли к нам»⁸¹.

А в декабре, когда советские войска вот-вот должны были ворваться в Восточную Пруссию, Эренбург в газете «Правда» особенно выделял как величайшее преступление нацистов поголовное истребление ими еврейского народа. «Спросите пленного немца, во имя чего его соотечественники уничтожили 6 миллионов неповинных людей, он ответит: они евреи. Они черные (или рыжие). У них другая кровь. Это началось с пошлых анекдотов, с криков уличных мальчишек, с заборных надписей и это привело к Майданеку, к Бабьему Яру, к Трешлинке, к рвам, набитым детскими трупами»⁸².

На статьи, подобные цитированным выше, нельзя было отмолчаться. В марте 1943 года вслед за катастрофическим поражением немцев в Сталинграде ведущая нацистская газета «Фолькишер Беобахтер» на первой странице оказывала Эренбургу пол-

ное иронии внимание. Для нацистской прессы Эренбург был «типичный интеллигент, “асфальтовый” еврей», который чувствует себя дома в московском Кремле, в парижском ночном клубе и в еврейском салоне Нью-Йорка». Но «то, что он сейчас пишет, — <...> непотребное месиво из сентиментальных до карикатурности мягкосердечных, великодушных советских солдатиков и бесстыдной клеветы на поведение немецких войск на Восточном фронте. Все это ложь от начала до конца». Вместе с фотографией Эренбурга был помещен призыв «посмотреть на эту отвратительную жидовскую морду, одного взгляда на которую достаточно, чтобы распознать дух сталинского военного корреспондента номер один»⁸³.

Теперь же, в декабре 1944 года, когда советские войска вплотную подошли к границам Германии, Эренбург превратился в чудовищное исчадие ада. Стремясь поднять боевой дух своих солдат, некий немецкий командующий пугал их тем, что «Илья Эренбург призывает азиатские народы “пить кровь” немецких женщин». Йозеф Геббельс распространял похожий слух, утверждая в брошюре, которую раздавали немецким солдатам, что Эренбург подстрекает советских солдат насиловать их жен. Даже Гитлер присоединился к этому хору. В приказе от 1 января 1945 года фюрер негодовал: «Сталинский придворный лакей, Илья Эренбург, заявляет, что немецкий народ должен быть уничтожен»⁸⁴.

Из Англии некая леди Дороти Гибб звывала к Эренбургу, чтобы он предоставил вершить суд Богу и перестал звать к мести немцам. Эренбург включил это письмо в очередную статью, опубликованную в «Красной звезде» в октябре 1944 года, вызвав поток писем в английский городок от советских бойцов, которые, как Эренбург, жаждали справедливого возмездия⁸⁵.

***

Эренбург с надеждой и оптимизмом ждал конца войны, твердо веря, что «жизнь будет лучше, чище, справедливее». Он рассчитывал на дружеские отношения с другими странами Европы, на более открытые границы. Казалось немыслимым, чтобы диктатура Сталина возобновилась с той же безжалостной силой. В разговорах с Генри Шапиро Эренбург не раз повторял, как сильно

надеется на перемены в своей стране, когда Германия и фашизм будут полностью сломлены. Эренбургу хотелось верить, как он писал в своих мемуарах, что «прошлое не может повториться». Трудно объяснить, почему он «принимал свои желания за действительность»⁸⁶. В личном плане он чувствовал себя свободнее во время войны — чувство, разделявшееся миллионами, особенно на фронте. Советский народ показал свою верность системе в самый роковой ее час. Наперекор всему Эренбург мечтал, что Кремль проявит больше доверия к народу. Он был не единственный, кто верил. Борис Пастернак тоже ожидал, что с окончанием войны наступят значительные перемены к лучшему. «Но все же победила инерция прошлого»⁸⁷.

Наивный оптимизм Эренбурга себя не оправдал. В марте 1945 г. Ирина Эренбург отправилась как журналистка в Одессу, откуда британских, французских и бельгийских солдат, освобожденных Красной армией, транспортировали морем домой. Там же ей довелось увидеть, как власти обращались с возвращавшимися на родину советскими военнопленными. Вернувшись в Москву, она рассказала отцу о тысячах людей, включая тех, кто, сумев убежать, сражался во французском подполье, которых встречали как преступников и отправляли в концлагеря; они были отнюдь не первыми советскими гражданами, которых Сталин истязал во время войны, и незаслуженная жестокость по отношению к ним — самая циничная политика из всех, изобретенных Сталиным, — предсказывала возобновление официальных репрессий, которые ознаменовали последние годы жизни диктатора.

Эренбург продолжал писать, как писал прежде, не подозревая, что разгром Германии уже отошел для Сталина на второй план. 11 апреля 1945 года в «Красной звезде» появилась статья Эренбурга «Хватит», одна из последних наиболее значимых его статей военного времени. Она мало отличалась по тону от прежних. Только теперь кроме ненависти к Германии (Эренбург называл немецкий народ «колоссальной шайкой», сваливая всех немцев в одну кучу как военных преступников, несших коллективную ответственность за совершенные преступления) прозвучала еще одна тема: немецкое командование снимало войска с западного фронта, где американские и британские силы продвигались почти без сопротивления и собирало мощный кулак под Берлином для защиты его от советского наступления⁸⁸. Нем-

цы, по всей видимости, предпочитали сдаваться американцам, боясь последнего расчета с Красной Армией. Тем временем советские войска уже подошли к стенам Берлина; два миллиона бойцов и 6.200 танков окружили город.

Эренбург прекрасно понимал, почему немцы предпочитают сдаваться западным силам. Он сам — во время пребывания в Восточной Пруссии в начале 1945 года — видел далеко не рыцарское обращение советских солдат с немецким гражданским населением. Тогда по возвращении в Москву Эренбург выступил с двумя лекциями: 5 марта перед редакционными работниками «Красной звезды» и 21 марта перед ста пятьюдесятью штабными офицерами в Военной академии им. Фрунзе. Он заклеил мародерство и насильничество на фронте, «излишнее истребление имущества, продовольствия и скота», даже то, как советские солдаты «не отказываются от “любезностей” немок». Возможно, Эренбург чувствовал свою долю ответственности за это желание мстить, но, не задумываясь, осудил «низкий культурный уровень» солдат и отсутствие у них «политической подготовки». Такого рода суждений в Москве тогда не слыхивали, и они немедленно были взяты на заметку на самом верху. В секретном донесении Сталину от 29 марта, глава советской разведки В. С. Абакумов докладывал, что лекции Эренбурга основаны на свидетельствах очевидцев. По мнению Абакумова, лекции Эренбурга были «политически вредны»⁸⁹. Исходи эта критика из уст менее значимого лица, высказывания, подобные тем, какие позволил себе Эренбург, повлекли бы за собой арест и расстрел. Эренбурга не тронули, хотя донос Абакумова напомнил Сталину об открытости Эренбурга и его не имеющем себе равных престиже — и Сталин позаботился их поубавить.

Через несколько недель после абакумовских обличений Эренбурга резко одернула газета «Правда». 14 апреля в статье Г. Ф. Александрова, помещенной на видном месте, Эренбург обвинялся в «упрощении» политической ситуации; Красная армия «никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ», к чему якобы призывал Эренбург⁹⁰. Инициированная Сталиным статья Александрова, представляла собой свехупрошенное толкование военной риторики Эренбурга. Он выступал за немедленное возмездие, но никогда не призывал к поголовному истреблению немецкого народа и к уничтожению Германии как государства. Стоило, однако, Эренбургу высказать

критические замечания о поведении Красной Армии, как его военные статьи и недавние выступления были повернуты Сталиным против него же.

Александровская статья была еще и ловким тактическим ходом. Как в 1939 году, Сталин, ведя переговоры о пакте с Гитлером, заставил замолчать Эренбурга и М. М. Литвинова, точно так же теперь, в апреле 1945 года, антинацистская и антинемецкая репутация Эренбурга рассматривалась им как помеха. К тому времени советские войска уже полностью контролировали восточную часть Германии. У Сталина теперь появились «свои» немцы и, если ему понадобилось бы культивировать их верность — или, по крайней мере, послушание, — это было бы проще сделать без Эренбурга. В канун победы статьи Эренбурга перестали появляться; его имя исчезло со страниц газет до капитуляции Германии.

Эренбург был выбит из колеи. Никакие горы писем от друзей и из фронтовых частей не могли утишить чувство потери и унижения. На всю страну радио транслировало статью Александрова; ее перепечатала «Красная звезда», и Эренбург еще глубже почувствовал себя преданным. Он не мог есть, не мог спать, сидел дома, решая французские кроссворды.

Газеты и журналы союзников мгновенно разобрались в значении александровских попреков. «Нью-Йорк Таймс», назвав Эренбурга «мастером искусного, но порою весьма театрального сарказма», характеризовала статью Александрова как «одну из интереснейших за последние месяцы [о военной ответственности Германии]», добавляя в отдельном сообщении из Вашингтона, что эта статья «являет собой важный исторический и дипломатический шаг» и будет «вероятно, содействовать взаимопониманию среди союзников»⁹¹. «Ньюсуик» вышла с заголовком «Пощечина Илье» и повторила мнение Запада, что Александров намекает на перемену в политике Сталина, выдергивая «жало из эренбурговой критики западных союзников»⁹². «Тайм» писала, что «Эренбурга звучно отшлепали», тогда как лондонская «Таймс» в присущей ей сдержанной манере отмечала, что Александров сделал «твердые, хотя и вполне корректные укоризны популярному и независимому писателю Илье Эренбургу»⁹³. Самый глубокомысленный отклик последовал от «Ле Монд». В передовой, занявшей первую полосу выпуска от 20 апреля 1945 г., французская газета называла дискуссию между Александровым и Эрен-

бургом «любопытной полемикой»⁹⁴. Обозреватели из «Ле Монд» считали, что александровские нарекания по адресу Эренбурга означают «неожиданный поворот» в политике, связанный, возможно, с советской оккупацией Вены, где уже прозвучали примирительные в отношении австрийцев слова; сходные заверения, надо полагать, будут даны и немцам.

Распаленный и удрученный, Эренбург обратился с письмом к Сталину в иллюзорной надежде, что если он выразит свои чувства откровенно и открыто, Сталин сменит гнев на милость:

«Прочитав статью Г. Ф. Александрова, я подумал о своей работе в годы войны и не вижу своей вины... В течение четырех лет ежедневно я писал статьи, хотел выполнить работу до конца, до победы, когда смог бы вернуться к труду романиста. Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа... Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно, и накануне появления статьи, осуждающей меня, мне сообщили из издательства “Правда”, что они переиздают массовым тиражом статью “Хватит!”. Статья в “Правде” говорит, что непонятно, когда антифашист призывает к поголовному уничтожению немецкого народа. Я к этому не призывал. В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчеркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях <...> я подчеркивал, что мы подходили к гражданскому населению с другим мерилom, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста. Накануне победы я увидел в “Правде” оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила... Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной...»⁹⁵.

Ответа из Кремля Эренбург не получил. Ему оставалось утешаться лавиной писем и телеграмм, сочувствием незнакомых людей, которые останавливали его на улице, чтобы пожать ему руку. Вот типичная телеграмма из многих им тогда полученных, которая пришла от двух летчиков из Берлина:

«Дорогой Ильюша, сегодня 3/5—45 мы летчики имеем удовольствие находиться в Берлине в районе рейхстага, на котором водружено Знамя Победы <...>

Очень удивлены, почему не слышно Вашего голоса. Кто тебя обидел? Мы летчики <...> читая Ваши призывы с первого дня войны мобилизовали нас работать с полной отдачей любимой

Родине, ненавидим врага. Не унывай, дорогой друг, шуруй так, как ты начал»⁹⁶.

Другая группа красноармейцев старалась утешить Эренбурга необыкновенным подарком. Они послали ему охотничье ружье восемнадцатого века, преподнесенное некогда Бонапарту. Нацистские солдаты украли его во Франции — часть огромной добычи, которой они рассчитывали попользоваться после войны⁹⁷.

А вот еще один пример того, как бойцы Красной армии проявили свое уважение к Эренбургу. Старый знакомый Эренбурга, киноактер Фриц Расп, снимавшийся в «Жанне Ней», уцелел во время войны, жил в Берлине, когда туда вошли советские войска. При виде солдат он отправился в сад и вырыл спрятанную там от нацистов пачку книг Эренбурга. Это были книги на немецком языке, с теплой дарственной надписью от автора на каждой. Книги, надписанные самим Эренбургом, произвели на солдат впечатление и они повесили на дверях Фрица Распа объявление: «Здесь живет друг Ильи Эренбурга. Дом взят под охрану советскими войсками»⁹⁸.

Советское наступление на Берлин, несмотря на отчаянное сопротивление нацистов, успешно продолжалось. 30 апреля 1945 г., через две недели после начала наступления, Гитлер покончил с собой. 1 мая советский флаг победы взвился над рейхстагом. Но только 8 мая в Реймсе и еще раз 9 мая в Берлине Третий Рейх формально капитулировал. Советскому народу о капитуляции сообщили поздно ночью. В четыре часа утра Красная площадь и прилегающие к ней улицы заполнили ликующие толпы. Эренбург был вместе со всеми, и его, словно молодого героя, качали узнавшие его солдаты. Он чувствовал себя счастливым, «радовался вместе со всеми». Но позже, в ту же праздничную ночь, поддался другому настроению. Он уже не был столь оптимистичен. В ту ночь он написал стихотворение «Победа». «Вероятно, в природе поэзии чувствовать острее, да и глубже, — объяснял он много лет спустя, — в стихах я не пытался быть логичным, не утешал себя, я передавал недоумение, тревогу, которые таились где-то в глубине».

О них когда-то горевал поэт;
Они друг друга долго ожидали,
А встретившись, друг друга не узнали —
На небесах, где горя больше нет.

Но не в раю, на том земном просторе,
Где шаг ступи — и горе, горе, горе,
Я ждал ее, как можно ждать любя,
Я знал ее, как можно знать себя,
Я звал ее в крови, в грязи, в печали.
И час настал — закончилась война.
Я шел домой. Навстречу шла она.
И мы друг друга не узнали.

Гитлер кончился, и вместе с ним кончился Третий Рейх. «Наверно, все в тот день чувствовали: вот еще один рубеж, может быть, самый важный — что-то начинается»⁹⁹.

ГЛАВА 10

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Наиболее компрометирующие с нравственной точки зрения действия в жизни Ильи Эренбурга относятся к последним годам сталинского режима, с 1945 г. по 1953 г. Военный союз между западными демократиями и Кремлем распался; изоляция советских людей с каждым днем увеличивалась, и они все усиленнее подвергались яростной пропаганде против западной культуры и общества. Эренбург был вынужден в этом участвовать. Продемонстрировав верность режиму, когда его врагом был Гитлер, он теперь, когда главным противником Кремля становился Запад — Соединенные Штаты, в особенности, — оказался перед необходимостью доказать свою верность вновь.

Чтобы соблюсти хоть какую-то меру честности, Эренбургу пришлось вести двойную жизнь. Вся страна находилась в строжайшей изоляции, а ему разрешалось ездить по миру. Ведущих еврейских деятелей подвергли пыткам и казням, а его награждали орденами и премиями. Внешне Эренбург процветал, внутренне тяжело терзался. Он хотел помочь своим друзьям, помочь соплеменникам-евреям, и он хотел выжить; и то и другое требовало от него быть полезным Иосифу Сталину.

Намерения Сталина в отношении Восточной Европы в конце войны обнаружились не сразу. В декабре 1945 г. Британия и Соединенные Штаты, все еще надеясь на проведение свободных выборов в Польше, Чехословакии, Болгарии и Румынии, послали своих министров иностранных дел в Москву вести переговоры с советскими лидерами. 23 декабря вечером госсекретарь США Джеймс Бернс посетил Кремль для личной беседы со Сталиным. Ошарашенной несговорчивостью чиновников ком-

мисариата иностранных дел, Бирнс попытался надавить на Сталина американской категоричностью, пригрозив, в частности, предать огласке политический доклад Марка Этриджа, главного редактора газеты «Лусвилл курьер-джорнал». Президент Трумэн послал Этриджа в Румынию и Болгарию своим личным представителем; предполагалось, что доклад Этриджа станет основанием для США для непризнания «в существующих обстоятельствах»¹ политических режимов обеих стран. Правда, до обсуждения «этих обстоятельств» с советскими официальными лицами госсекретарь Бирнс решил за лучшее доклад Этриджа придержать.

Сталин выслушал Бирнса, но аргументы госсекретаря на него никакого впечатления не произвели. Если Бирнс, ответил Сталин, опубликует доклад Этриджа, тогда «он [Сталин — Дж. Р.] попросит <...> Илью Эренбурга, человека столь же беспристрастного, опубликовать свои взгляды»². Эренбург тогда уже отправился в поездку по Восточной Европе, Германии и Балканам, и его очерки были готовы для печати, о чем Сталин, вероятно, знал. В конечном итоге, Бирнс не воспользовался откровениями Этриджа, а, как он заявил, «употребил доклад Этриджа, чтобы добиться некоторых улучшений на Балканах», Эренбург же, напротив, всю печатал свой цикл очерков о Восточной Европе³.

Эренбурга, путешествовавшего летом и осенью 1945 года по Восточной Европе, встречали как героя, осыпая орденами и почестями буквально в каждой стране, которую он посещал. В Болгарии, как только он переправился через Дунай, его «подняли и долго несли на руках <...> то же самое повторялось в каждом болгарском городе»⁴. Когда он прибыл в Софию, новое правительство наградило его Большим крестом ордена Святого Александра; церемония происходила в антракте между действиями «Трубадура» в Оперном театре. В Албании и Югославии Эренбурга ждали такие же пышные многолюдные встречи. Типичным для этого его триумфального тура можно считать эпизод в Румынии, когда в ресторане, куда он зашел перекусить, его узнал известный румынский поэт (писавший на идиш) и журналист Мейер Рудич, тут же оповестивший своих коллег; в результате в течение следующих пяти часов Эренбург дал двадцать интервью подряд⁵.

Тем не менее, Эренбург был свидетелем начала огромной катастрофы — насильственного введения сталинского режима в странах Восточной Европы, и его корреспонденции помогали

наводить камуфляж на истинную природу новых правительств. В типично советской манере Эренбург вещал о том, сколько иномарок отремонтировано в Югославии, сколько километров железнодорожного полотна восстановлено, сколько издается книг и газет. В Албании он видел «подлинно новый образ жизни, что означало школы, дороги, а кроме всего, веру в человеческую природу и уважение к достоинству личности». В Албании к власти как раз пришел Энвер Ходжа, «человек большой культуры, — писал Эренбург, — большой скромности». Ходжа был партизанским вожаком и помогал сопротивлению албанцев фашистской оккупации. Вряд ли Эренбург мог предположить, что этот джентльмен — человек «большой скромности» — будет железной рукой удерживать власть до самой своей смерти, запретит все религиозные конфессии и оставит Албанию самой нищей и изолированной во всей Европе страной.

Такую же предвзятость Эренбург проявил и при посещении Румынии. «Бухарест теперь, — писал он, — самый благополучный город во всей Европе; людям здесь живется куда легче, чем в Будапеште, Риме или Париже». И всюю расхваливал коммунистических вождей, таких как Иосип Броз Тито, президент Югославии, и Георге Георгиу-Деж, генсек Румынской компартии, наперед клеймя их противников как «авантюристов» или «спекулянтов», побуждаемых иностранными подстрекателями; поверить в существование истинно демократических оппозиционных партий, которым коммунистическое правление внушало опасения, было для Эренбурга решительно невозможно⁶.

Путевые очерки Эренбурга соответствовали целям Сталина. Их широко публиковали в советской печати; более полные версии появлялись в таких престижных периодических изданиях как журнал «Огонек» и газета «Известия», а очерки покороче печатались в малоизвестных областных газетах и менее популярных журналах, вроде «Вокруг света» и «Молодь Украины», часто иллюстрируемые фотографиями самого Эренбурга⁷. Когда эти очерки опубликовали в английском переводе под заголовком «Европейские перекрестки» («European Crossroad»), они вызвали резкую критику американских комментаторов. «Saturday Review of Literature», в типичной для 1947 года заметке, клеймила книгу как «поверхностную, завиральную, слюнявую и не соответствующую действительности». Что же касается Эренбурга, то он превратился в «главного пропагандиста Советского Со-

юза», человека Сталина, на которого тот может полностью положиться, когда нуждается в изощренной демагогии⁸.

Эренбург закончил свой вояж в 1945 году коротким посещением Нюрнбергского процесса. Прием, который оказали ему, публицисту, несколько месяцев прославляемому в Восточной Европе, американцы, распорядившиеся ведением суда, усилил его давно питаемое предубеждение против Соединенных Штатов. Ему чуть ли не отказали предоставить место как в гостинице, так и в зале суда. В гостинице ему помог поселиться Борис Ефимов, знаменитый карикатурист и брат Михаила Кольцова, убедивший американцев не оставлять Эренбурга на улице, хотя у него и не было должных документов. Однако разрешение присутствовать на заседании суда Эренбург на следующий день так и не получил, поскольку никак не мог заставить «некоего неуловимого полковника, во власти которого было давать пропуски». Доведенный наконец до белого каления, Эренбург взял пропуск одного из членов советской группы и прошел в зал под чужим именем. «Появление его лохматой седой головы и слегка сутулящейся фигуры в коричневом грубошерстном костюме с многочисленными орденскими ленточками на груди, не остается незамеченным, — запечатлел этот момент много лет спустя в своих воспоминаниях Ефимов. — Я вижу, как обращается в сторону вошедшего мутный взор Розенберга, слегка поворачивает надменную физиономию Кейтель, и “сам” Геринг косится на Эренбурга заплывшим, налитым кровью глазом»⁹.

О Нюрнбергском процессе Эренбургом написано мало. С нацистами было покончено, и такие люди как Геринг и Штрайхер уже не вызывали у него интереса. Они были «мелкие преступники, которые совершили чудовищные преступления»¹⁰. Теперь их держали в заключении, а скоро отправят на эшафот. С помощью Михозлса Эренбург организовал выступление на процессе Абрама Суцкевера со свидетельскими показаниями о Вильнюсском гетто. Перед самым выступлением, назначенным на 24 февраля 1946 г., Суцкевер признался Эренбургу, что собирается пронести в зал пистолет и застрелить Геринга. Эренбург отговорил его от этой безумной затеи: такой поступок окончился бы смертью самого Суцкевера, а нацисты уже не стоили того, чтобы жертвовать собой из-за них¹¹.

Внимание Эренбурга уже захватывали другие сюжеты. Возник новый враг, и с ним предстояла более сложная борьба.

***

Несколько позже, в марте 1946 г., Уинстон Черчилль принял приглашение выступить в речь в Вестминстерском колледже, частной художественной школе небольшого городка Фултона (штат Миссури). Хотя в результате выборов июля 1945 г. Черчилль уже не был премьер-министром, в Соединенных Штатах его принимали как приехавшего с визитом главу государства. После встречи с президентом Трумэном в Вашингтоне они вместе, в сопровождении внушительной свиты помощников и журналистов, отправились поездом через пол-Америки в Миссури (родной штат Трумэна). 2 марта Трумэн сам представил Черчилля аудитории, перед которой тому предстояло произнести речь — речь, в которой Черчилль, говоря о присутствии войск Советского Союза в Восточной Европе, употребил слова и выражения, памятные и по сей день. «От Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. За этой линией лежат все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы, — сказал Черчилль, — и все они подчинены — в очень высокой, а в некоторых случаях все возрастающей степени — контролю Москвы»¹².

Реакция на речь Черчилля последовала немедленно, особенно на его предложение, чтобы Соединенные Штаты и Великобритания вступили в новый военный союз. Многих членов Конгресса его слова неприятно поразили. Элеонора Рузвельт резко его раскритиковала. Даже те, кто поддерживал идеи Черчилля, считали, что ему не следовало произносить подобные речи, стоя рядом с президентом Соединенных Штатов. Советская пресса повсюду честила британского лидера; «Правда» заклеила его как «поджигателя войны против Советского Союза», жаждавшего роспуска Организации Объединенных Наций¹³. В интервью корреспонденту «Правды», озвученном по радио, Сталин сравнил Черчилля с Гитлером, заявив, что бывший британский премьер стремится развязать войну с Советским Союзом. Желая смягчить эффект, произведенный речью Черчилля на Кремль, Трумэн тайно пригласил Сталина выступить в Соединенных Штатах, предлагая лично, как прежде Черчилля, представить его слушателям. Сталин от этой чести отказался¹⁴.

В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Спустя месяц Илья Эренбург совершил свой первый и единственный визит в Соединенные Штаты, который был частью первых культурных обменов с Советским Союзом. В предшествующем, 1945 году, три американских редактора посетили Москву «с целью представить взгляды американской свободной прессы русским официальным лицам и редакторам»¹⁵. Теперь по приглашению Американского общества редакторов газет советское министерство иностранных дел отправляло трех журналистов в Америку. Эренбург представлял «Известия»; поэт, романист и драматург Константин Симонов — «Красную звезду», завершал список представлявший «Правду» генерал Михаил Романович Галактионов. Эренбург и Галактионов прибыли на советском самолете в Берлин, где к ним присоединился вызванный из Японии Симонов. Из Берлина недавно назначенный в Москву новый американский посол генерал Уолтер Бидл Смит доставил их на своем личном самолете в Париж.

Посольство Соединенных Штатов организовало гостям короткий отдых во французской столице. Это был первый визит Эренбурга в Париж за истекшие шесть лет. Первым делом он разыскал своих пожилых сестер. Изабелла и Евгения пережили войну; Мария, самая старшая, — пропала без вести: она, вероятно, была депортирована гестапо. Друзья Эренбурга рассказали ему, как прятались от немцев, об облавах, об участии в Сопротивлении, Эренбург также не остался в долгу, дав двухчасовую пресс-конференцию в советском посольстве, на которой говорил «о войне, о восстановлении, об отношении советских людей к Франции»¹⁶. В России, сказал он, сражались все. «Из тридцати двух писателей», работавших в «Красной звезде», «семнадцать погибло на фронте»¹⁷. А вот Америка, по всей видимости, совсем не пострадала. Уже на пути туда Эренбургу казались чужими и неприятными «и шумливые [американские — Дж. Р.] офицеры, и американская еда» в отеле, в котором он останавливался¹⁸. Для него было естественным смотреть на американцев сверху вниз с типичной французской снисходительностью.

***

19 апреля 1946 г. Эренбург и его спутники приземлились в Ла-Гуардиа, международном аэропорте Нью-Йорка. Их тут же сопроводили на поезд в Вашингтон, где после заезда в советское посольство они в тот же вечер отправились на встречу с американскими редакторами и владельцами разных газет. Первую скрипку на ней играл Эренбург — собранный, находчивый, настороженный. Он произнес страстную речь, призывая триста собравшихся в зале издателей не прекращать борьбы с фашизмом и воздерживаться от «злой лжи и клеветы» на Советский Союз. «Фашизм вовсе не сломлен навсегда» — предостерегал он. Эренбург держался решительно. «Фашист — тот, кто ненавидит Советский Союз» — заявил он своей аудитории. Это — лакмусовая бумага¹⁹.

На следующий день Эренбург и его спутники отвечали на вопросы своих американских коллег. Один из них спросил о визах — почему их так подолгу приходится ждать. Эренбург не задержался с ответом: «Я не выдаю виз, — сказал он. — Если бы я их давал, то давал бы широкой рукой. Может быть, поэтому мне не поручают их выдавать»²⁰. Другой журналист поинтересовался, может ли советская газета потребовать отставки Сталина. Когда генерал Галактионов услышал перевод, он повернулся к Эренбургу, и тот «увидел на его лице ужас»²¹. И снова дать ответ на каверзный вопрос осмелился только Эренбург: он честно признал, что это исключено. «Не такие уж трудные вопросы, — заявил он в интервью для “Крисчен сајенс монитор”, — вы могли бы придумать и много труднее»²².

В Вашингтоне трем советским журналистам помощник госсекретаря Уильям Бентон предложил познакомиться со страной на правах гостей Соединенных Штатов, т. е. за счет правительства. Гости приняли приглашение, однако от американских субсидий отказались: советское правительство, заявили они, в состоянии оплатить все их расходы. После недолгих обсуждений каждый выбрал ту часть, куда хотел бы поехать. Симонов попросил показать ему Голливуд; Галактионов, который поначалу отклонил предложенную поездку — и без того испуганный самим пребыванием в Соединенных Штатах, он был на грани нервного срыва, — но, посоветовавшись с работниками советского посольства, остановился на Чикаго. Эренбург же, к ужасу

своих гостеприимных хозяев, выбрал тур по южным штатам.

Пока шло оформление, Эренбург, Симонов и Галактионов несколько недель провели в Нью-Йорке. Самым востребованным вновь оказался Эренбург: он читал лекции, давал интервью и встречался с друзьями. В «Плаза» и «Уолдорф-Астория», в двух самых фешенебельных отелях Нью-Йорка, в его честь состоялись приемы. Вместе с Симоновым они по просьбе Американско-Биробиджанского общества выступили перед аудиторией в тысячу сто человек и способствовали сбору свыше сорока тысяч долларов на военных сирот — евреев и не евреев. Четыре дня спустя, 12 мая, больше трех тысяч слушали выступление Эренбурга в отеле «Астор», где раввин Стивен С. Уайз с похвалой отозвался о «репутации Советского Союза как противника расовой дискриминации», а собравшиеся обязались собрать три миллиона долларов на восстановление разрушений, которые война нанесла России²³.

Пресса ловила каждое движение Эренбурга. Нью-йоркская левая газета «Пи эм»^{*} посвятила целую страницу его покупкам в Манхэттене, где он примерил костюм, купил сигары и кисет для табака²⁴. Такого рода репортажи выводили Эренбурга из себя, особенно, когда печать вдруг занялась вопросом, почему он предпочитает ширинку на пуговицах, а не на молнии. Он даже «выдал» редактору, ехидно спросив его, с чего это «интерес к человеку» выражается у него в любопытстве «к его нижней половине»²⁵.

В «Нью-Йорк Таймс бук ревью» проявили любопытство к более серьезным вещам, уделив по целой странице характеристике каждого из троих советских журналистов. И в этом случае наибольшее внимание досталось Эренбургу. «Эренбург, который значительную часть жизни обитал в Париже, <...> европеец, — сообщала своим читателям «Бук ревью», — прекрасно знает свою роль. Самый опытный из трех, он начеку, даже в разлив гостеприимства». Так, он попросил обойтись без вопросов, наводящих на критические замечания об Америке: «Мама хорошо его воспитала, научив быть вежливым с хозяевами дома, в который он приглашен». Он не забыл высоко оценить своих любимых американских писателей «четыре гигантов, подобных деревьям», — Хемингуэя, Стейнбека, Колдуэлла и Фолкнера. «Они огромные, здоровые, даже удивительно, что они выросли среди народа, который так мало — сравнительно — пострадал, так мало

---

^{*} Аббревиатура названия «Пост Меридиэм».

почувствовал войну <...> и среди культуры, чей уровень вряд ли достаточно высок, чтобы объяснить их появление»²⁶.

Находясь в Нью-Йорке, Эренбург постарался повидать всех старых своих друзей. Он встретился с Марком Шагалом, Фернандо и Стефой Херасси, Романом Якобсоном, Ле Корбюзье и Леландом Стоу. Побывал в Гарлеме у Поля Робсона. Повидался с Джоном Стейнбеком и бывшим вице-президентом Генри Уоллесом. Друзья друзей помогали ему в знакомстве с Нью-Йорком. Так, Зина Фогельман, русская эмигрантка, свояченица Сергея Эйзенштейна, сопровождала Эренбурга в «Бергдорф Гудмен» — магазин женского платья: Эренбургу хотелось привезти жене и дочери щедрые подарки, а Джон (Тито) Херасси, сын Фернандо и Стефы, отправился с ним в универсальный магазин «Сакс» на Пятой авеню. Подросток был поражен тратами Эренбурга. В его глазах такое было по карману богачу-«капиталисту», а вовсе не «коммунисту»²⁷.

Были и личные поездки, весьма укромные. Как-то вечером Эренбург разыскал мать Овадия Савича, жившую в районе Вашингтон Хайтс на севере Манхэттена. Чтобы не повредить своей карьере, Савичу приходилось лгать; в анкетах он писал, что его мать умерла, потому что советским журналистам, имевшим близких родственников за границей, выезд за пределы страны был закрыт. В тридцатых годах, пока Эренбург жил в Париже, он регулярно отправлял письма матери Савича и теперь, находясь в Нью-Йорке, решил во что бы то ни стало ее навестить²⁸.

Эренбург не скрывал своих подлинных чувств от верных друзей. Со Стефой и Фернандо Херасси он откровенно говорил о том, как мучительно переживает советский антисемитизм, как угнетен давлением, которое оказывают на Бориса Пастернака в Москве. Стефа стала спрашивать о судьбе товарищей по Испании. Когда она упомянула Марселя Розенберга, Эренбург произнес лишь одно слово — «сгинул»; казалось, он вот-вот заплачет. Стефа назвала еще два имени, и в ответ каждый раз услышала то же безнадёжное «сгинул». А потом Эренбург и сам продолжил скорбный список, назвав десяток, а может, и больше друзей, и после каждого имени добавлял слово «сгинул». Он говорил, а Тито смотрел на родителей — такими несчастными, такими убитыми он никогда их не видел²⁹.

Прежде чем пуститься в далекое путешествие на Юг, Эрен-

бург дважды на короткое время выезжал за пределы Нью-Йорка. Уже через неделю после прибытия в Америку они с Симоновым направились поездом в Бостон, где их выступления ждали во вновь объединившемся союзе журналистов. Как писал Энтони Льюис, тогда студент выпускного курса и репортер газеты «Гарвард кримзон», этот визит был «гвоздем программы съезда <...> То, что началось как послеобеденные речи, кончилось массовой пресс-конференцией». Особенно Льюиса поразил внешний вид Эренбурга: «Изможденный, выглядевший на все свои пятьдесят пять, в мешковатом потертом костюме, он скорее злобно, чем серьезно наезжал (среди прочего) на реакционную буржуазную прессу, и не в шутку, а закусив удила»³⁰.

Неделю спустя Эренбурга повезли на машине в Принстон — к Альберту Эйнштейну. Великий физик изъявил готовность принять всех троих советских журналистов, но воспользовался его согласием один лишь Эренбург. На эту поездку его побуждало не только любопытство: ему хотелось показать Эйнштейну части «Черной книги». В свое время, когда надежда на ее осуществление еще теплилась, Эйнштейна попросили написать вступление, но его краткая — всего две странички — статья, представленная в 1945 году, была отвергнута Еврейским антифашистским комитетом в Москве, потому что, воспользовавшись случаем, Эйнштейн высказал в ней одобрение и поддержку созданию еврейского государства. Сталинский режим тогда еще не выработал своей политики по Палестине, и выступление Эйнштейна оказалось преждевременным и неприемлемым³¹. Эренбург, разумеется, знал, какие чувства испытывал Эйнштейн.

Через два дня после визита к Эйнштейну началось странствие Эренбурга по американскому Югу. Уильям Бентон пытался его отговорить, объясняя, какие плохие на Юге гостиницы и как трудно будет обеспечить надлежащий график. Кое-кто из журналистов по-своему подливал масла в огонь: на Юг, утверждали они, Эренбургу понадобится отнюдь не из любознательности. Марквиз Чайлдс, «колумнист», чьи статьи печатались сразу в десятках газет, уверял читателей, что Эренбург «цинично ищет подходящих для него историй», демонстрирующих «расовую проблему в Соединенных Штатах»; он-де, знает, «что издатели “Правды” с руками оторвут рассказы о том, в какой мерзости запустения живут бедные белые в захолустных городках нашего Юга»³².

Илья Эренбург — гимназист. Москва.
(Архив И. И. Эренбург)

Илья Эренбург. Париж.
(Архив И. И. Эренбург)

Эренбург с дочерью Ириной.
Москва, 1924. (Архив Б. Я.
Фрезинского)

И. Эренбург и С. М. Эйзенштейн.
Париж. (Архив И. И. Эренбург)

И. Эренбург и Б. Пастернак
на Международном конгрессе писателей.
Париж, 1935. (Архив И. И. Эренбург)

У. Франк, И. Эренбург, А. Барбюс, П. Низан на Международном конгрессе писателей в защиту культуры. Париж, 1935. (David Seymour/Magnum Photos)

И. Эренбург и Э. Хэмингуэй. Барселона, 1937.
(Robert Capa/Magnum Photos)

И. Эренбург и еврейские партизаны.
Вильнюс, июль 1944. (Архив И. И. Эренбург)

И. Эренбург и В. Гроссман на фронте. (Архив И. И. Эренбург)

И. Эренбург и А. Эйнштейн. Принстон, май 1946.
(Архив И. И. Эренбург)

И. Эренбург и П. Пикассо. Париж, апрель 1949.
(AP/Wick World Photos)

И. Эренбург и П. Неруда. Пекин, осень 1951.
(Архив И. И. Эренбург)

И. Эренбург, К. Федин и Н. Тихонов у гроба Сталина.
Москва, март 1953. (Архив И. И. Эренбург)

А. Корнейчук, И. Эренбург, М. Котов, Н. Хрущев и Н. Тихонов.
Москва, январь 1960. (Архив С. Мера)

И. Эренбург и П. Пикассо. Франция, 1966.
(Архив С. Мера)

И. Эренбург в своем саду
под Москвой. 1967.
(Архив И. И. Эренбург)

Лизотта Мер
(Архив С. Мера)

Л. М. Эренбург, И. И. Эренбург, А. Я. Савич на Новодевичьем кладбище
в Москве во время похорон И. Эренбурга 4 сентября 1967 г.
(Архив И. И. Эренбург)

Трудно представить себе другого официального гостя Соединенных Штатов, которому предоставили бы такую же возможность знакомства с Югом. Эренбурга туда повез в своем вместительном «Бьюике» нью-йоркский издатель левого толка Дэниэл Гилмор. Официальным переводчиком с ними отправился Уильям Нельсон, штатный сотрудник госдепартамента, первый редактор русскоязычного журнала «Америка», который посольство Соединенных Штатов распространяло в Москве. Через десять дней с начала поездки к ним, в Бирмингеме, присоединился Сэмюэл Графтон, известный журналист, работавший на популярную ежедневную газету «Нью-Йорк пост»; в течение недели он подробно рассказывал читателям о поездке русского гостя и его спутников по южным штатам. Как можно узнать из очерков Графтона, Эренбург настаивал на встречах с самым широким кругом обитателей Юга — от мэров небольших городков до издателей негритянских газет и фермеров-арендаторов. К встречам с южанами он готовился, цитируя Графтона, как «хирург, делающий разминку перед операцией». Каждая беседа длилась как минимум два-три часа, а бывало, что он держал всех до двух часов ночи, столько у него находилось вопросов. «Эренбург любил говорить нам: “Теперь спросите этого рабовладельца <...> о том или о том”, — смеясь, иронизировал Графтон годы спустя. — Он порядком озадачивал американцев, и они склонны были считать его сушим наказанием»³³.

В ряде больших центров Эренбург имел возможность встречаться с отцами города. В Джексоне (штат Миссисипи) газета «Дейли ньюс» устроила диспут с участием юриста и члена городской Торговой палаты на тему «Индустриализация Юга и расовые проблемы». В ходе полемики естественно перешли на Советский Союз и растущие трения с Соединенными Штатами. Эренбурга возмутила сама постановка вопроса о войне с Россией. «Что же это за американец, — спросил он, — способный вообразить, что все наши матери, которые оплакали своих детей, стремятся пережить этот ужас снова?»³⁴

Из своего путешествия Эренбург вынес впечатления, подтверждавшие его европейские предубеждения. Сколько раз после очередной трапезы он «выражал недовольство неизменным цыпленком, которым его кормили на ланч, да еще без вина <...> Слово “ланч” он произносил “линч”. А однажды сострил: “В Америке два вида линча, один они применяют к неграм, другой

— к заезжим гостям. Оба — дрянь”»³⁵. Крайне удивляло Эренбурга сравнительное благосостояние рабочих. Однажды, катя по сельской дороге в Алабаме, Эренбург и его спутники проезжали мимо фабрики, недалеко от которой виднелась автостоянка с доброй сотней машин. Эренбург решил, что это, вероятно, автомобильный завод. Сколько его спутники ни уверяли его, что перед ним текстильная фабрика, а все эти машины принадлежат находящимся в ней рабочим, он не верил. Пришлось дожидаться 5-ти часов, когда фабричный гудок возвестил конец смены и из ворот высыпали рабочие — черные и белые, расселись по машинам и покатили домой. Эренбургу крыть было нечем³⁶.

К тому времени, когда Эренбург прибыл в Детройт, где к нему присоединился Симонов, он уже более-менее освоился с капиталистическим окружением. Оба — и он, и Симонов — стали докучать своим гостеприимным хозяевам просьбой помочь им приобрести машины. Автомобильная индустрия тогда только-только начинала набирать темпы после военных поставок, и «производители автомашин вовсе не жаждали ущемлять американских потребителей ради двух русских»³⁷. Но не тут-то было. Эренбург теребил чиновника из госдепартамента, пока нужные распоряжения не были сделаны, и Эренбург смог послать домой «Бьюик», холодильник и стиральную машину. Симонову, которому очень хотелось обзавестись большим «Крайслером», пришлось довольствоваться «Кадиллаком». (В московской квартире Эренбурга стиральную машину установили неправильно, и когда ее в первый раз запустили, она поползла по полу, чем ужасно напугала домработницу)³⁸.

Вслед за визитом в Детройт и еще одной неделей, проведенной в Нью-Йорке, где в честь русских журналистов состоялся огромный митинг в «Мэдисон сквер гарден», Эренбург и его спутники направились на шесть дней в Канаду. Чувства, навеваемые «холодной войной», проявились там куда острее: как раз в это время там был разоблачен обширный круг людей, шпионивших в пользу Советского Союза. Наивысшего накала визит достиг в Торонто, где все трое советских журналистов выступали перед пяти тысячной толпой в «Мейпл лиф гарденс». Главной приманкой был Эренбург, и он не упустил случая вслух попрекнуть аудиторию в недоброжелательстве, которое он на себе ощущает. «Почему канадцы так настроены против русских? — недоумевал он. — Ряд газет пугает своих читателей русскими,

как пугают малых детей букой!» Когда же Эренбурга спросили о русских танках в Иране, он отвел вопрос, заявив, что «русские заводы сейчас производят детские коляски»³⁹. Такая демагогия вызвала резкую отповедь со стороны «Глоб энд мейл». В пере­довнице, озаглавленной «Сказки про коляски», газета жестко вы­говаривала Эренбургу: «А вот какое отношение детские коляски имеют к иранской проблеме, которая является несомненно ос­новательной причиной для подозрений, вот это-то, как и мно­гое другое, трое русских не дали себе труда объяснить»⁴⁰.

В то лето Эренбург дважды подвел итоги своей поездки по Америке. В колонке, появившейся в день отъезда русских жур­налистов, — все трое возвращались морем, отбыв 26 июня из Бостона на лайнере «Ile de France», — Эренбург выражал благо­дарность за предоставленную возможность побывать в Соеди­ненных Штатах. «Нельзя понять мир и человечество, не погля­дев на Америку», — охотно признавался он. И так же с удоволь­ствием отдавал должное американской литературе и музыке, «и сказочным видам Нью-Йорка, и фабрикам Детройта, и мощ­ным производствам Теннесси, и великолепным магистралям, и высокому уровню жизни»⁴¹. (А вернувшись в конце года в Мос­кву, Эренбург признался Фане Фишман, что «Европа на два столетия отстала от Соединенных Штатов»⁴²).

Но одну сторону американского образа жизни Эренбург не мог не подвергнуть критике. Сэм Графтон отметил «жадную по­лемическую направленность ума [Эренбурга — *Дж. Р.*], талант, которым он в полную меру воспользовался, говоря о расовых взглядах американцев»⁴³.

«Я помню, как американские газеты возмущались тем фак­том, что на выборах в Югославии те, кто запятнал себя сотру­дничеством с оккупантами, были лишены права голоса. Я побы­вал в штате Миссисипи, где половина населения лишена права голоса. Что лучше? Лишать права голоса того, у кого черная душа, или того, у кого черная кожа?»⁴⁴

Менее чем через месяц Эренбург уже более широко освещал те же темы в газете «Известия», где поместил цикл из шести статей. Писал он их в Париже, хваля все — от корпоративного управления ресурсами бассейна Теннесси до автоматов для хра­нения багажа, знаменитого трио «Братья Маркс» и даже муль­тиков Диснея. И что удивительно, говоря о расовых отноше­ниях в Америке, обошелся, даже в очерках для советской печати,

без сарказмов и цинизма. Посетив Юг, его глубокое захолустье, Эренбург не мог промолчать об этом самом кричащем примере американской несправедливости. Тем не менее он писал это не без чувства надежды, указывая на существование многочисленных организаций по защите гражданских прав, писал об Университете Фиска в Нашвилле, который посетил, — университете, где черные студенты получали высшее образование. «Юг накануне решающих событий, — писал Эренбург в 1946 году, — или рабовладельцы отступят, или негры — вчерашние фронтовики — начнут борьбу за равенство»⁴⁵. Такого рода существенная информация о Соединенных Штатах редко попадала на страницы советских газет; для Эренбурга же было характерно даже в публикациях, являвшихся чистой пропагандой, включать полезные факты, которые в ином случае никогда не дошли бы до советского читателя.

В заключительной статье цикла Эренбург, однако, не удержался от привычной советской лжи. Он с возмущением утверждал, что американские средства массовой информации соорудили «железный занавес», который «мешает среднему американцу увидеть, что происходит [в Советском Союзе — *Дж. Р.*]», словно все увеличивающаяся политическая и культурная изоляция Восточной Европы, которую так удачно выразило словосочетание «железный занавес», не имела места сама по себе⁴⁶.

Несмотря на такого рода полуправду, по крайней мере одно периодическое издание Америки оценило статьи Эренбурга как положительный рассказ о том, что он видел. В декабрьском выпуске того же года ежемесячник «Харперс мэгэзин» поместил полный перевод цикла, снабдив его душещипательной припиской: «Нас не покидает тягостное чувство, что этими статьями мистер Эренбург поставил себя под угрозу. Мы надеемся, ради его благополучия, что прежде чем пойти на это, он не забыл о предосторожностях и снял галстук»⁴⁷. Эренбург и впрямь вернулся из Штатов с двойственным чувством. С одной стороны, он собственными глазами увидел, насколько американская экономика преуспела за время войны, — что вызывало у него зависть и возмущение — с другой, он видел демократическую республику, не способную покончить с расовой несправедливостью. Ничто так не раздражало его, как нажившиеся на войне американцы, уже забывшие, чем она была, в особенности для советских людей.

Как-то после многолюдного митинга Эренбурга обступила

толпа любителей автографов с американскими изданиями его книг. Эренбург терпеливо ставил свое имя на одной за другой, пока среди желавших получить его подпись не сыскался человек, которому этого было мало. Он попросил добавить к автографу еще что-нибудь. Эренбург написал несколько слов, но и это показалось просителю мало, и он «стал говорить, что он в свое время внес в помощь России целых двадцать пять долларов и Эренбург должен написать ему за это все, что он просит». Эренбург, бросив на него сердитый взгляд, достал бумажник: «Вот вам пятьдесят долларов, чтобы вы больше никогда не напоминали нам о том, как вы много сделали для России. Возьмите и отстаньте от меня»⁴⁸.

Покинув Соединенные Штаты, Эренбург не сразу вернулся в Советский Союз. С разрешения В. М. Молотова он на несколько месяцев остался во Франции, — куда из Москвы к нему смогла приехать Любовь Михайловна, — чтобы собрать материал для романа о войне, включая и французское движение Сопротивления⁴⁹. При всем том Эренбург понимал, что ему надо быть начеку. Однажды, когда он с Любовью Михайловной и Вишняки, Жак и Изабелла, обедали в обществе двух восторженных коммунистов, жаждавших встретиться с Эренбургом, он держал себя крайне замкнуто. Только когда эта пара энтузиастов ушла, Эренбург объяснил — как вспоминал Жак, — что ему подумалось, «они, возможно, осведомители. Откуда было знать, не попросили ли их послушать, что он [Эренбург — Дж. Р.] говорит о Советском Союзе. А тот факт, что они члены французской коммунистической партии, делало их в его глазах еще более подозрительными»⁵⁰.

В августе Эренбург с женой отдыхали в центральной Франции — в городке Вувре близ Тура. В своих мемуарах Эренбург вспоминает, как однажды, когда он прилег вздремнуть в номере гостиницы, его разбудила жена, чтобы прочитать тревожное известие. Листая парижскую газету, она наткнулась на краткое сообщение: Анна Ахматова и Михаил Зощенко подверглись официальному поношению. Вернувшись в Париж, Эренбург помчался в Советское посольство читать московские газеты. Подробности оказались даже тревожнее, чем он предполагал. В пространной речи А. А. Жданов, секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза, ответственный за идеологию, заклеил Ахматову и Зощенко, инициировав их исключение из Союза писателей. Слова, которые он употребил, говоря об

Анне Ахматовой, звучали особенно вульгарно и грубо. «До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — заявил Жданов, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной <...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой»⁵¹.

Нападки Жданова были первым залпом в кампании против советской культуры. Известная под названием «ждановщина», кампания эта ознаменовалась жестокой цензурой и яростным русским шовинизмом. Нанесенный Ждановым удар, последовавший за сравнительно спокойным по своей атмосфере периодом в культуре военных лет, оказался совершенно неожиданным для писателей и художников в Советском Союзе. Для Эренбурга ждановская речь прозвучала как гром среди ясного неба. Он был совершенно ошеломлен. Даже Любовь Михайловна удивилась его, мягко говоря, наивной реакции⁵². Но, как вскоре ему пришлось испытать самому, это были только цветочки. Худшее ждало впереди.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

В октябре Эренбург вернулся в Москву. Он пробыл за границей без малого шесть месяцев. Холодная война шла уже полным ходом, и ему необходимо было найти свое место в складывающихся обстоятельствах. Он не мог отсидиваться. Эренбург быстро уловил перемену в политической линии и стал рупором нового официального курса. Он первым заклеил «Голос Америки», как только в феврале 1947 года в эфир вышла русскоязычная программа. В своих нападках на американских комментаторов Эренбург прибег к трескучей риторике, которая многие годы характеризовала советские отзывы об обществе Запада. «“Голосу Америки” приходится рекламировать самый неходовой товар — американскую реакционную политику, — писал он в статье “Фальшивый голос”. Репортажи о событиях в Москве “Голоса Америки” мало чем отличались от нацистских. «Геринг и Геббельс покончили с собой, Розенберга и Риббентропа повесили. Таким образом, — продолжал Эренбург, — их лишили возможности требовать от нью-йоркской радиостанции осуществления их авторских прав»⁵³.

Американцы не замедлили отреагировать. Госдепартамент

чрезвычайно обрадовался, понимая: писания Эренбурга свидетельствуют, что «русские слушают “Голос Америки”»⁵⁴. Посол Соединенных Штатов, генерал Уолтер Билл Смит телеграфировал в Вашингтон: «То, что публицисту высшего ранга, такому, как Эренбург, поручено громить наши передачи, — самый отрядный резонанс из всех, какие мы наблюдаем. Он показывает, что программа на верном пути»⁵⁵. У посольства была лишь одна претензия: «Эренбург не счел нужным указать длину волн, на которых транслируется наша программа»⁵⁶.

Эренбург продолжал писать о своей поездке в Соединенные Штаты. Но с каждым очерком и книгой рисуемые им картины становились более удручающими и однобокими. В книжице, озаглавленной «В Америке», Эренбург сделал сильнее акцент на расовые проблемы, тогда как прежние его восторги американской техникой почти совсем заглохли. В одном крайне резком опусе «Германия — Америка», послужившем также основой радиопередачи, Эренбург проводил параллели между политикой нацистской Германии и американским планом восстановления Европы⁵⁷. В пьесе «Лев на площади» он бессовестно обрушивался на поведение американцев в послевоенной Европе. Пьеса недолго шла в Москве в 1948 году, вызвав критические отзывы в Западной Европе, отмечавшие искаженное изображение подлинной действительности⁵⁸.

В 1949 г. Эренбург подготовил к печати рукопись — свыше двухсот страниц — о Соединенных Штатах для журнала «Знамя». «Ночи Америки», как называлось это произведение, по желчности и резкости суждений далеко превосходили все, написанное об Америке Эренбургом ранее. С самого начала он заявлял, что раньше он сдерживался, но на этот раз он не станет налагать на себя узду. Через три года после посещения Америки все, что он там увидел, действовало ему на нервы — от культуры до политики, от личных взаимоотношений до ведения иностранных дел. Он восстанавливал свои впечатления отраженными в кривом зеркале: все американцы одеваются одинаково, живут в однотипных домах, носят схожую одежду и пьют только «кока-колу». Что до прошедшей войны, то она была для них чем-то вроде несколько напряженного отпуска, возможностью для американских солдат «отдохнуть от своих жен, <...> приземлиться в доброй мужской компании и насладиться объятиями англичанок, француженок, итальянок и немок». По мнению Эренбурга,

поскольку в Соединенных Штатах мало кто непосредственно испытал на себе, что такое война, там, видимо, легко и естественно процветала военная истерия. Атомную бомбу рекламировали таким же образом, как рекламируют пятьдесят семь соусов Гейнца. Изготавливалось биологическое оружие с целью убить «миллионы Красных». Эренбург заявлял даже, что американский министр обороны Джеймс Форрестол покончил с собой, так как решил, что «красные» уже штурмуют столицу Соединенных Штатов — Вашингтон⁵⁹.

«Ночи Америки» не были напечатаны. То ли Эренбург сам решил не выпускать их в свет, то ли кто-то из советских официальных лиц заблокировал их появление, остается неизвестным. Книга вполне отвечала требованиям советской пропаганды и могла быть опубликована. Как показали «Ночи Америки», тогда не было предела тому, что Эренбург изъяслял готовность сказать о Соединенных Штатах. Позднее в своих мемуарах он выразит сожаление по поводу двух высказываний того периода, в одном из которых дурно отозвался о британском философе Бертроне Расселе, назвав его «апологетом правящего класса», а в другом разразился оскорбительными замечаниями о Жане-Поле Сартре⁶⁰.

Самая компрометирующая Эренбурга статья появилась в декабре 1949 года в связи с семидесятилетием Сталина. Получить «приглашение» выступить в печати по поводу дня рождения Сталина считалось великой честью, и колонка Эренбурга появилась на видном месте в «Правде» среди многих славословий и фотографий, которые заполнили страницы газет. Свой дифирамб Эренбург кончал образом Сталина как великого кормчего, ведущего судно человечества через буйные воды.

«В беспокойную погоду на море у руля стоит капитан. Люди работают или отдыхают, смотрят на звезды или читают книгу. А на ветру, вглядываясь в темную ночь, стоит капитан. Велика его ответственность, велик его подвиг. Я часто думаю о человеке, который взял на себя огромный груз, думаю о тяжести, о мужестве, о величии. Много ветров на свете. Люди работают, сажают яблони, нянчат детей, читают стихи или мирно спят. А он стоит у руля»⁶¹.

Подобными статьями Эренбург вносил свою долю в «культ личности», одновременно укрепляя свое положение. Быть может, Эренбург хотел изобразить Сталина таким, каким он его

сам себе воображал, но Сталин в образе отечески заботливого, зоркого кормчего — не просто несообразность. Это нечто большее: такой образ помогал маскировать террор, который чувствовали в стране все и каждый, включая коллег Сталина по Политбюро и самого Эренбурга.

Впрочем, по крайней мере одному человеку эти статьи сослужили добрую службу. Близкая знакомая Эренбурга, чей муж сгинул во время чистки, использовала их для собственных целей. На фабрике, где она работала, ей, как и другим рабочим, нужно было выступить с панегириком Сталину и его режиму. В отличие от Эренбурга, у нее язык не поворачивался восхвалять Сталина. О своей проблеме она рассказала Валентине Мильман, секретарю Эренбурга, и та дала дельный совет: прочесть абзац-другой из одной из многочисленных статей ее шефа. Уловка сработала, приятельница Эренбурга спаслась от циничного политического пустозвонства. Все же ей было мучительно тяжело за Эренбурга, и она так и не поблагодарила его за невольную помощь⁶².

ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Еще полезнее Сталину Эренбург была за пределами Советского Союза, где в нем видели компетентного представителя советской страны. Сразу после окончания войны Кремль оказался стратегически явно позади Соединенных Штатов, которые не только вдруг заявили о себе как страна с огромным индустриальным потенциалом, но и единственным обладателем атомного оружия. Для восстановления равновесия Сталин задействовал лучших физиков страны — среди прочих Игоря Евгеньевича Тамма и молодого Андрея Дмитриевича Сахарова, — рассчитывая покончить с атомной монополией Запада.

А пока Сталин постарался превратить слабую сторону своей державы в ее преимущество, всячески поддерживая международное движение за мир, которое играло на естественной тревоге многих, многих людей, страшившихся возможности новой войны. Нагнетая этот страх, Сталин мобилизовывал мировое общественное мнение против атомного оружия Запада. Именно в этой политической атмосфере — одновременно укрепляя контроль над Восточной Европой, возобновляя репрессии внутри

Советского Союза и ускоряя развитие советского атомного потенциала, — Сталин выступил спонсором Движения сторонников мира.

Непосредственно начало движению за мир было положено в Польше, где в августе 1948 года во Вроцлаве собрался Всемирный конгресс интеллигенции. Организованное французскими и польскими коммунистами, это мероприятие явилось попыткой возродить стратегию, ассоциируемую с Парижским конгрессом в защиту культуры, заседавшим на тринадцать лет ранее; только на этот раз мишенью был не фашизм, а Запад и угроза атомной войны в Европе. Несколько известных писателей и художников, участвовавших в Парижском конгрессе 1935 года, — в том числе Жюльен Бенда и Поль Элюар — приехали во Вроцлав. Пабло Пикассо, тогда еще член французской компартии, подарил делегатам свой знаменитый рисунок голубя, символ, который был тут же принят Движением мира. Тогда же, во время заседаний, Пикассо набросал портрет Эренбурга.

Двумя наиболее представительными членами советской делегации были Эренбург и Александр Фадеев. Их речи задали резкий антиамериканский тон, царивший на заседаниях.

«Культуре разных европейских стран угрожает опасное варварское вторжение, — заявил Эренбург. — Теперь у нас буржуазное варварство. Это варварство может изобиловать холодильниками, автомобилями и стереофильмами, лабораториями и психологическими романами, но все это все равно варварство. Они кричат, будто боятся наших танков. Но на самом деле они боятся наших тракторов, наших кастрюль, нашего будущего»⁶³.

Швейцарский писатель Макс Фриш, присутствовавший на конгрессе, оставил сочную зарисовку того особого отношения, каким пользовался Эренбург.

«В прениях каждому выступающему предоставляется десять минут. Эренбург говорит уже двадцать минут, когда председательствующий, Джулиан Хаксли, напоминает ему о регламенте. Бурные аплодисменты. Разрешить Эренбургу продолжать. На тридцать пятой минуте кто-то из американцев не выдерживает: почему Эренбург все еще говорит? Эренбург кончает на сороковой минуте. Умный оратор. Дантон. Яркий, агрессивный, ироничный»⁶⁴.

На конгрессе, когда дело касалось вопросов искусства, Эренбург старался сохранять известную меру честности. Британский

писатель-коммунист Айвор Монтегю, впервые познакомившийся с Эренбургом во Вроцлаве, много лет спустя вспоминал, какую страстную речь произнес Эренбург, заявляя, что европейская жизнь и культура, «веками развивавшиеся и воздействовавшие друг на друга как единое целое, — никак не могут быть разделены на восточные и западные отсеки»⁶⁵. И Макс Фриш также отметил риторический вопрос, брошенный Эренбургом: «Да можно ли представить себе европейскую музыку без русской?»⁶⁶ Фриш, правда, недоумевал, какое отношение это имеет к делу мира. Он не уловил, в кого метил Эренбург: ведь это Кремль старался отлучать советских людей от европейской культуры. Высказывания Эренбурга задевали — пусть слегка — его коммунистических боссов.

Свою независимость, на этот раз явно, Эренбург продемонстрировал по другому поводу. Он еще находился в Польше, когда в Москве умер Жданов. «Литературная газета» сообщила об этом в скорбной заметке — «Друг советских писателей», — под которой стояли подписи делегатов Вроцлавского конгресса. Подписи Эренбурга среди них, чего нельзя было не заметить, почему-то не значилось⁶⁷.

Как и антифашистское движение, развернувшееся в десятилетие, предшествовавшее Второй мировой войне, движение сторонников мира сумело привлечь в свои ряды сотни престижных художников, писателей, ученых и видных политических деятелей — включая многих не-коммунистов, — и это окружало аурой респектабельности то, что, без сомнения, было орудием советской пропаганды. Хотя сторонники мира гордо заявляли, что принимают людей всех национальностей и любых политических воззрений, контроль советского правительства над Движением становился все более очевидным. (После разрыва Тито со Сталиным в 1948 году югославская делегация была из Движения изгнана). Большинство членов исполнительного бюро Движения сторонников мира принадлежали к коммунистам, включая Фредерика Жолио-Кюри, лауреата Нобелевской премии по химии 1935 г., полученной им совместно с женой Ирен (дочерью Пьера и Мари Кюри), и Александра Фадеева, генерального секретаря Союза советских писателей.

Эренбург входил в Движение с самого начала. Он принимал участие в конференциях в Париже и Вене, в Лондоне, Берлине и Хельсинки. Его выбирали на руководящие посты, он помогал

составлять проекты главных заявлений, таких как Стокгольмское воззвание 1950 г., призывавшее приостановить испытания ядерного оружия, — воззвание, под которым поставили подписи десятки миллионов людей.

Несколько факторов способствовали кипучим усилиям, которые Эренбург вкладывал в то, что русские называли «борьбой за мир». Во-первых, он видел, какими богатыми и сильными Соединенные Штаты вышли из Второй мировой войны, и это его оскорбляло. Во-вторых, он верил, что ядерная война, которая опустошит Европу и его родину, вполне может разразиться. А потому делать все, что было в его силах, чтобы восстановить военное и политическое равновесие, стоило того. Так чувствовали тогда очень многие, включая молодого Андрея Сахарова, который в те же годы посвятил себя выполнению советской программы ядерного вооружения. «Это была действительно психология войны» — скажет Сахаров годы спустя о чувствах, которые владели им и его коллегами; они считали себя обязанными обеспечить Советскому Союзу стратегическое равенство и ядерное средство устрашения⁶⁸. Если делом Сахарова стало помочь Сталину догнать Соединенные Штаты, то пропагандисты вроде Эренбурга старались ради достижения главной цели советской внешней политики — задержать дальнейшее развертывание западного атомного оружия.

Не говоря о политических аргументах, у Эренбурга были свои личные задачи на повестке дня. К концу Второй мировой войны он стал неотъемлемой частью советской пропагандистской машины и уже не мог повернуть назад или отказаться от тех заданий, которые на него возлагали. С основанием Движения за мир Эренбург вновь вошел в ту роль, какую создал себе в тридцатых — роль единственного в своем роде и (он надеялся) незаменимого выразителя советских интересов среди западной интеллигенции. Эренбург и впрямь не был просто винтиком в этой машине, он был самой заметной фигурой в любой советской делегации за рубежом. Его умение владеть собой, общаться на нескольких языках и с широким кругом разнообразных людей положительно сказывались на его образе и репутации.

И еще. Движение за мир позволяло Эренбургу разъезжать по странам и континентам. После его возвращения в июне 1940 года в Москву о постоянном проживании в Париже не могло быть и речи. Однако его обязанности в связи с Движением за

мир давали ему возможность выезжать в Европу на недели, даже на месяцы — возможность, отказываться от которой было выше его сил. Позднее, после 1950 г., когда он встретил и полюбил Лизлотту Мэр, жившую в Стокгольме, поездки по официальным заданиям стали для него необходимостью — иначе как же он мог бы видеться с ней?

***

Зимой 1952—1953 гг. Ив Фарж с женой навестили Илью Эренбурга на его подмосковной даче. Ив Фарж был независимой фигурой во французской политике, героем Сопротивления; в 1946 г. он недолгое время занимал пост министра продовольствия во французском правительстве и отличился тщетными попытками бороться с «черным рынком». Фарж представлял Францию на вторых испытаниях атомной бомбы на тихоокеанском острове Бикини, откуда вернулся ярым противником атомного оружия. Подобно Эренбургу, он стал активным участником Движения сторонников мира и именно в связи с этой своей деятельностью приехал тогда в СССР.

В тот день, когда они все вместе ехали на машине Эренбурга к нему на дачу, выпал сильный снег, и сотни людей вручную сгребали его с шоссе на дороге. Фарж поинтересовался, кто эти люди, и Эренбург разъяснил, что это заключенные уголовники. «В какой стране их нет!». Несколько лет спустя, после смерти Сталина и хрущевских откровений, разоблачивших преступления диктатора, мадам Фарж обедала с Эренбургом и Лизлоттой Мэр в Стокгольме. Вспомнив людей, сгребавших лопатами снег, она спросила Эренбурга, почему он не сказал, что люди эти — политические заключенные. Как мог он солгать, упрекнула она Эренбурга, когда она и ее муж так рассчитывали на него, свято веря, что уж он-то скажет им правду о своей стране. Эренбург с минуту молчал, потом спросил: «А вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы собственной смерти?» Назавтра Лизлотта сказала мадам Фарж, что весь вечер Эренбург места себе не мог найти. Он знал, что солгал, и знал, что был вынужден лгать, и ему было нестерпимо быть вынужденным обманывать друзей⁶⁹.

НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ

Главные произведения Эренбурга послевоенных лет отражают пристрастия и предубеждения, присущие советской политике. Его роман «Буря» — глубоко прочувствованный рассказ о войне и тех невероятных усилиях, которыми Красная армия одержала победу над нацистской Германией. Второй роман, «Девятый вал», опубликованный в 1951—1952 г., принадлежит к числу самых сырых писаний Эренбурга и является единственным, которое он откровенно признал неудачным. Почти пародия на советское толкование «холодной войны», роман этот имел своей целью внушить читателю, что только Советский Союз — верная надежда на мир во всем мире, тогда как трусливые американские политики, генералы и журналисты заняты фантастическими заговорами, чтобы подорвать достижения коммунистов.

В послевоенные годы Эренбурга щедро награждали. В 1948 г. «Буря» получила Сталинскую премию по литературе. Первоначально комиссия рекомендовала присудить роману премию второй степени, но по личному указанию Сталина, которому «Буря» понравилась, оказываемая честь была повышена, и книгу наградили премией первой степени⁷⁰.

В следующем году Эренбург стал одним из немногих депутатов-евреев в Совете национальностей Верховного Совета. Ему предложили баллотироваться в одном из округов г. Риги, от которого он и был избран. Это тоже являлось знаком того почета, которым режим отличал Эренбурга; депутатом он оставался до самой смерти, последовавшей в 1967 году⁷¹.

В конце сороковых годов об особом статусе Эренбурга ходила легендарная история. Рассказывали, что на очередном собрании Союза писателей он подвергся жестокой критике: один оратор за другим поносил роман «Буря» как антисоветскую, прозападную пропаганду. Когда же Эренбургу предоставили слово для ответа, он, поблагодарив всех и каждого за ценные замечания, зачитал телеграмму от Сталина, поздравлявшего его с романом «Буря». Немедленно мнение всех присутствующих повернулось на сто восемьдесят градусов; выступавшие из кожи лезли, выражая свое восхищение романом⁷².

Для многих на Западе высокое положение Ильи Эренбурга, когда другие советские писатели — такие, как Ахматова и Зощенко, — подвергались жестокому публичному давлению, дела-

ло его примером того, что происходило с русской литературой при большевиках. Американский писатель Бадд Шульберг, посещавший Советский Союз в тридцатых годах и позднее вступивший в американскую компартию, обобщая свои наблюдения, писал в статье, опубликованной в «Субботнем литературном обозрении» в 1952 г. о тяжком выборе, стоявшем перед советскими писателями — «либо писать так, как Зощенко и Ахматова и проследовать путем Пильянка, Бабеля <...> поэта Мандельштама <...> во тьму небытия и забвения, либо писать по указке Центрального Комитета, как Симонов, Алексей Толстой, Эренбург и другие члены прирученного кружка литературных миллионеров»⁷³. Вот так выглядел образ Эренбурга на взгляд Запада — послушный и угодливый наемник, продавший свой талант, чтобы жить, и жить припеваючи.

Несмотря на официальные овации, Эренбург далеко не всегда подчинялся общепринятым точкам зрения. Продолжая пользоваться престижем и привилегиями, он, тем не менее, сохранял известную степень независимости и помогал тем людям, которые гораздо больше, чем он, были уязвимы для репрессий. Да и в своих романах высказывал взгляды, какие ни один другой советский писатель не осмеливался выразить. Не случайно, прежде чем «Буря» получила Сталинскую премию, книга подверглась сильнейшей критике. Эренбургу ставилось в вину, что его герои-французы человечнее и симпатичнее советских героев и что русский инженер, приехавший в Париж, влюбляется во француженку. Ведь это нарушало серьезное табу, принятое в советском обществе. Недаром в том же году последовал указ, запрещавший браки с иностранцами⁷⁴.

Внимание советских читателей задерживалось и на других непривычных эпизодах и высказываниях. Так, французский антрополог приводит в разговоре пример Галилея, чтобы заявить: ученый обязан говорить правду, даже если это грозит ему тюрьмой. Один из советских персонажей припоминает, что немцев называли «заклятыми друзьями» — косвенная, но несомненная насмешка над сталинско-гитлеровским пактом. Несколько глав Эренбург посвящает описанию массового убийства киевских евреев в Бабьем яру и депортации французских евреев в Освенцим, передавая простым, но берущим за душу языком весь ужас и масштаб трагедии, чинимой нацистами над евреями расправы. Этими эпизодами Эренбург явно демонстрировал, что не

желает жертвовать правдой в мире, где господствует политика силы, и что судьба евреев должна быть неременной частью любой картины Второй мировой войны. Немногие, вернее, вряд ли кто-либо из советских писателей, отваживался при жизни Сталина проводить такие идеи.

Даже в романе «Девятый вал» есть несколько поразительных эпизодов и диалогов. Иностранные журналисты в открытую потешаются над тем, как мало им разрешается посмотреть из того, что действительно происходит в Советском Союзе — будь то на Красной площади или в заштатных яслях. Французский журналист иронизирует: в советских газетах никогда ничего не сообщается ни о засухах, ни о разводах, ни о раке; можно подумать, что эти явления присущи исключительно капиталистическому миру. Самый глубокий, вызывающий шемящую тоску эпизод — возвращение майора Осипа Альпера, еврея по национальности, в Киев, где его семья была уничтожена нацистами. В романе «Буря» Осип сражается на фронте, пройдя весь путь войны до Берлина; теперь, в романе «Девятый вал», он посещает массовую могилу в Бабьем яру; там же, в Киеве, он наталкивается на антисемита, который оскорбляет его презрительным вопросом: «Чего вы в Палестину не едете? У вас теперь свое государство»⁷⁵. В 1951 г. — когда появился «Девятый вал» — в разгар ужасающего официального антисемитизма, эти две фразы были единственным упоминанием антисемитизма, бытующего в народе, которое прозвучало в советском романе.

Значительная часть событий как в «Буре», так и «Девятом вале», происходит в Западной Европе — часто в парижском Латинском квартале, — приоткрывая перед советским читателем нечто для него заведомо запретное. Даже когда, говоря о политической жизни Запада, Эренбург намеренно лгал, преувеличивал или занимался явной пропагандой, его романы, как заметил писатель Василий Аксенов, были окнами в Европу, в известной степени увлекая читателя, и это перевешивало их литературные недостатки⁷⁶. Более того, Эренбург не утратил уважения своих товарищей по искусству; они знали, где живут, и каждый из них — от самых принципиальных писателей, таких как Пастернак, до заклеянных изгоев, таких как Ахматова, и признанных композиторов, таких как Шостакович и Прокофьев, — поддерживали с ним дружеские отношения и ценили его общество; они понимали, что компромиссы, на которые шел Эренбург,

были необходимы: без них он не уцелел бы⁷⁷.

Даже когда карьера Эренбурга успешно шла в гору, он по-прежнему не чуждался добрых дел и великодушных поступков, которые в сталинской России требовали немалого мужества. В 1946 году Эренбург и Пастернак вместе с большой группой поэтов участвовали в публичных чтениях в большом московском зале. Когда Пастернак поднялся на кафедру, а выступал он последним, публика устроила ему овацию. Раздались выкрики. Пастернака просили прочесть любимые стихи, многие на память произносили вслух строки, которые он читал. Эта демонстрация любви к поэту, чей статус считался весьма сомнительным, привела в нервное состояние других поэтов, и они потихоньку покинули сцену — кроме Эренбурга, который не тронулся со своего места⁷⁸.

В следующем, 1947 году, во время короткого визита в Ленинград Эренбург навестил Анну Ахматову. Впервые они встретились в 1924 году и с тех пор поддерживали дружеские, хотя и не регулярные контакты. Ахматова была среди тех, кто обращался к Эренбургу с просьбой помочь друзьям, нуждавшимся в содействии. «Еще раз благодарю Вас, — писала Ахматова Эренбургу из Ташкента 30 мая 1944 г., — за готовность сделать добро и за Ваше отношение ко мне»⁷⁹. Эренбург знал, какая пустота образовалась вокруг Ахматовой после ждановских поношений: увидев ее на улице, знакомые переходили на другую сторону. Эренбург был давним поклонником Ахматовой и когда только мог, старался встретиться с нею. В то жуткое время «она сидела, как всегда, печальная и величественная — вспоминал он в своих мемуарах, — читала Горация»⁸⁰.

Джону Стейнбеку и Роберу Капа довелось быть свидетелями независимого поведения Эренбурга в ином роде. В 1947 году американский писатель и фоторепортер два месяца разъезжали по Советскому Союзу — поездка, запечатленная ими в на редкость свежей по восприятию книге «Русский дневник» (1948). На прощальном банкете один из тридцати приглашенных на него писателей стал поучать Стейнбека: он должен писать правду о том, что увидел. После чего еще один писатель «встал и сказал, что правды бывают разные» и что американским гостям «надлежит говорить ту правду, которая будет способствовать добрым отношениям между русским и американским народами». Эренбург тут же дал отпор и, по словам Стейнбека, «про-

изнес гневную речь». «Говорить писателю, сказал он, что писать, — оскорбительно. Если писатель, сказал он, имеет репутацию честного человека, поучения ему не нужны»⁸¹.

Позже, в том же году, Эренбург выразил свое несогласие с набиравшей силу кампанией против западной культуры. 27 ноября 1947 года такая высокая правительственная фигура как В. М. Молотов, тогда министр иностранных дел, в речи по случаю тридцатой годовщины Октябрьской революции, осудил любые формы преклонения перед Западом. И почти сразу же Эренбург решительно с ним не согласился. В статье, появившейся в журнале «Новое время» он начисто отверг тезис, будто восхищаться западной культурой означает низкопоклонство перед Западом. «Нельзя низкопоклонничать, — писал он, — перед Шекспиром или Рембрандтом, — как низко таким ни поклонись, поклон не унизит поклоняющегося»⁸².

И в ряде других жизненных обстоятельств, требующих осторожности, Эренбург вел себя иначе, чем подавляющее большинство его советских сограждан. После избрания Эренбурга, в 1949 году, депутатом Совета национальностей, ему понадобились услуги более расторопной, чем Валентина Мильман, помощницы, и он пригласил себе в секретари недавнюю выпускницу университета Елену Зонину, которая занимала эту должность до 1955 года. При первой же беседе Зонина сообщила Эренбургу, что ее отец находится в концлагере, — факт, который, она считала, должен быть известен ее нанимателю. Однако Эренбург не побоялся взять ее к себе на работу⁸³.

Два года спустя, в 1952 году, Василий Меркулов, освобожденный из заключения, приехал в Москву: он выполнял предсмертную просьбу Осипа Мандельштама — найти Эренбурга и рассказать ему обо всем что произошло с Мандельштамом в лагере. «Вы человек сильный, — сказал Мандельштам Меркулову. — Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга! Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце. Думаю, что он будет вашим другом»⁸⁴. Надежда Мандельштам полагала, что ее покойный муж «правильно указал биологу М[еркулову] на Эренбурга, прося его сообщить Илье Григорьевичу о своих последних днях, потому что никто из советских писателей, исключая Шкловского, не принял бы в те годы такого посланца»⁸⁵.

В посольстве Соединенных Штатов внимательно следили за карьерой Эренбурга, подшивая отправляемые в Вашингтон до-

несения о его значительных статьях и общественной деятельности. Его выступления, как и романы, были окнами в более широкий мир и привлекали огромное число слушателей. В декабре 1950 г. Эренбург выступал в Москве, рассказывая о только что закончившемся Варшавском конгрессе, одном из многих конгрессов за мир, в которых в те годы участвовал. В посольстве быстро поняли, что само появление Эренбурга на публике — значительное событие. «Тысячестный лекционный зал набит битком, — значит в начале официальной записки, — и на улице перед входом в здание толпятся москвичи, спрашивая, нет ли лишнего билета — совсем как у входа в театр, где идет модный балет или нашумевшая пьеса». Двухчасовая лекция Эренбурга произвела на сотрудника посольства — автора записки — большое впечатление, и он с неожиданной для иноязычного слушателя восприимчивостью, пишет о том, чем лекции Эренбурга привлекают москвичей.

«Создается впечатление, что огромные толпы, которые собирают лекции Эренбурга, интересуют не их политическая начинка, а возможность увидеть одного из любимых писателей собственной персоной и услышать его личные истории о людях, о событиях в других странах. Внешний облик Эренбурга, начиная от очков и кончая ботинками, не советский, а западный. И лекции его притягивают не советской тематикой — то есть политической пропагандой, — а их западным духом, западной культурой, отразившейся в самом Эренбурге, и личными по-человечески простыми историями, которыми он, в отличие от заурядных советских пропагандистов, уснащает свои лекции, придавая им остроту».

В посольской записке об этом вечере отмечен и один пикантный инцидент. Хотя Эренбург говорил о движении за мир, один из слушателей, поймав его на слове — Эренбург назвал Пикассо «одним из величайших художников нового времени», — попросил описать произведения французского художника. «Эренбург ответил, — сказано в записке, — что трудно воссоздать должным образом великую живопись. «Лучше всего, конечно, было бы показать ее вам, — и он поспешно обратился к своим запискам, обронив как бы в сторону, — но сие от меня не зависит»»⁸⁶.

Официальная публичная карьера Эренбурга при всем ее престиже, почестях и всплесках независимости не исчерпывает историю его жизни между окончанием Второй мировой войны и

смертью Сталина. Как заметил Г. Солсбери, вновь посетивший Москву в мае 1949 года по заданию «Нью-Йорк Таймс», Эренбург «здоровался <...> с друзьями из пресс-корпуса, но в разговоры с ними не вступал»⁸⁷. В 1954 г., после смерти Сталина, Эренбург, столкнувшись с Генри Шапиро в Копенгагене, просил у него прощения и чуть ли не со слезами в голосе клялся ему в любви, объясняя, что «был слишком напуган», боялся, что их увидят вместе. У Эренбурга, что и говорить, были веские причины, как у интеллигента, а особенно как у еврея, считать последние годы жизни Сталина самыми ужасными в своей собственной жизни.

ГЛАВА 11

АНТИСЕМИТИЗМ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Годы с 1946 по 1953, когда Кремль развязал систематическую антисемитскую кампанию, называют «черными годами советских евреев». В 1946 году советская печать стала усиленно «прорабатывать» литературу на языке идиш за «проявление еврейского национализма». В январе 1948 года в Минске был убит Соломон Михоэлс. К концу года сталинский режим начал массированное наступление на еврейскую культуру. Были арестованы известные литераторы и поэты, пишущие на идиш, и закрыты еврейские культурные учреждения¹.

В своих мемуарах Эренбург характеризовал эти годы словами: «быть может, самые тяжелые в моей жизни»². Многое в недоверии и враждебности, с какими стали относиться к нему на Западе в этот период, возникло потому, что он один из немногих членов Еврейского антифашистского комитета остался тогда невредимым. Его публичная деятельность не ограничивалась, однако, участием в конгрессах в защиту мира и поношением Запада. Он еще и пытался предостеречь советских евреев, предупреждая о грозившей им опасности, а также косвенно осудить режим за инициирование антисемитской кампании.

***

Весною 1947 г. три бывших участника еврейского партизанского движения, Александр Риндзинский, Шломо Коварский и Израиль Кроник, пригласили Эренбурга посетить Еврейский музей в Вильнюсе³. Эренбург охотно согласился и вместе с же-

ной и друзьями, Овадием и Алей Савичами, поехал в Литву. Аля была дочерью раввина Якова Мазэ, знаменитого главного раввина московской еврейской общины до и после Октябрьской революции. Эренбург и Савичи отправились в Вильнюс на купленном Эренбургом в Америке «Бьюике». А так как водить машину никто из них не умел, Эренбург воспользовался услугами бывшего военного шофера, которого знал со времен своей работы в «Красной звезде»⁴.

По предложению бывших партизан Эренбург дважды выступал в Вильнюсе; первый раз — перед переполненным залом в Еврейском музее. Он говорил уклончиво, придерживаясь обычных советских штампов, о политике и своей поездке в Соединенные Штаты, хотя в отдельных случаях то и дело соскальзывал на войну и Холокост. Несколько дней спустя группа бывших вильнюсских и каунасских партизан устроила в честь Эренбурга банкет на частной квартире, где гостей потчевали еврейскими блюдами — фаршированной рыбой, кутелем, цимесом. Эренбург, который во время обеда не спускал с колен своего пуделя, держался намеренно сдержанно, хотя позволил себе говорить откровеннее, чем неделю назад. Поздравив гостеприимных хозяев с открытием музея, он счел нужным предостеречь их от чрезмерного ликования по поводу успехов, которых они на первых порах добились. Всю войну, сказал Эренбург, он был знаменит и всеми востребован, «но посмотрите, что со мной произошло», — напомнил он. После александровской статьи в апреле 1945 года, сказал Эренбург, «телефон у меня замолчал, почта перестала приходить, никто не нажимает кнопку дверного звонка. Пока вы будете нужны, двери музея будут открыты. Но если вы станете им не нужны, музей закроют»⁵.

Тогда же, в Вильнюсе, Эренбург предложил передать в музей оригиналы документов, собранных для «Черной книги» — сотни писем и полученных из первоисточника свидетельств о нацистских зверствах. «Это письма о реках еврейской крови, — пояснил он. — Я сделал все, что было в моих силах, чтобы они увидели свет. К сожалению, опубликовать их оказалось невозможным». Эренбург поставил одно непереносимое условие: его устроители дадут слово, что, если музей станут закрывать, все материалы вернутся к нему в Москву. Бывшие партизаны запротестовали: они не представляют себе, по какой причине могут закрыть музей. «Ну, кому-то может прийти в голову, — возразил

им Эренбург, — что подобному музею место в Биробиджане, или, скажем, на Луне. Вот если такое случится, я хотел бы, чтобы материалы вернулись ко мне»⁶. Он настоял на подписании соответствующего соглашения, и три недели спустя один из партизан отбыл в Москву, чтобы забрать папки с документами.

УБИЙСТВО МИХОЭЛСА

Среди советских евреев Михоэлс стоял на недостижимой высоте. После его убийства друг семьи Михоэлса сказал: «Перед чистками тридцать седьмого года необходимо было убить Горького, точно так же необходимо было убрать с дороги Михоэлса, чтобы начать сажать евреев»⁷. Хотя Михоэлс играл только на идиш, он был широко признан в театральном мире и его спектаклями «Тевье Молочник» и «Король Лир» одинаково восхищались и евреи, и неевреи. Ведущие члены Еврейского антифашистского комитета, Михоэлс и Эренбург как никто другой были готовы прийти на помощь спасшимся от нацистского геноцида. К ним обоим бесконечным потоком текли письма о масштабах постигших еврейство утрат, и они часто совещались друг с другом, как лучше на них откликнуться.

Михоэлс понимал, что у сталинского режима были скрытые мотивы терпеть его всеобщее признание. Однажды он сказал дочери, что его и Эренбурга используют как ширму; Кремль мог всегда ткнуть в них пальцем, коль скоро кто-нибудь на Западе подымет вопрос о притеснении евреев. И Михоэлс знал, что взят на мушку. Еще в 1946 году он начал получать письма с угрозами, а потому стал принимать кое-какие меры предосторожности: так, когда поздно вечером он шел выгуливать собаку, то, как правило, чтобы не быть на улице одному, звал с собою Переца Маркиша, жившего по соседству.

Но бесконечно оберегать себя Михоэлс не мог. В январе 1948 г. его как члена театрального отдела Комитета по Сталинским премиям послали в Минск — якобы для просмотра выдвинутой на премию постановки. Поздно вечером 13 января его вместе с критиком Владимиром Голубовым-Потаповым вызвали из гостиницы. Назавтра утром обнаружили их тела; оба были убиты или раздавлены машиной.

Свое соучастие в преступлении сталинский режим замаски-

ровал пышными похоронами. Пришли тысячи людей, произносились официальные поминальные восхваления, давались обещания назвать театр и школу именем Михоэлса. Его дочери были убиты горем; они и представить себе не могли, что Михоэлс — жертва спланированного убийства, не могли не согласиться с предложенной версией, будто в смерти отца повинен несчастный случай⁸.

Эренбург понял, что Михоэлса убили. Кампания против евреев, однако, еще не приняла открытый характер; никто не мог разгадать конечных намерений Сталина. Прошло несколько месяцев. В мае было создано государство Израиль. Советский Союз первым признал новое еврейское правительство, даже когда против него начались военные действия со стороны арабов. Сталин одобрил посылку — через Чехословакию — в Израиль необходимого оружия и оборудования. Хотя Эренбург не считал себя сионистом, он от души радовался поддержке Израиля со стороны Кремля. В заметке, подготовленной для газеты «Эйникайт», он выражал возмущение Англией, не порвавшей связи с арабами, удовлетворение созданием Израиля и его усилиями отстоять себя.

«Трагично рождение еврейского государства Израиль — акт о его рождении написан не чернилами — кровью. Корыстные и низкие джентльмены тщательно подготовили нападение. О, разумеется, как опытные преступники они умывают руки. Они готовят прочувствованные речи. Диккенс некогда хорошо описал гнусных ханжей и убийц с медоточивыми улыбками, но и Диккенс не мог предвидеть, до чего дойдут некоторые из его соотечественников <...>

Советское правительство тотчас признало новое еврейское государство. Это признание придает силы героям, которые теперь отстаивают Израиль от наемных легионеров.»⁹

Неделю спустя Эренбургу представилась уникальная возможность обратиться к московской еврейской общине. Смерть Михоэлса не была забыта, и 24 мая в Государственном Еврейском театре, который теперь носил имя Михоэлса, состоялось собрание его памяти. Одну из главных речей произнес Илья Эренбург. Он мог бы ограничиться простым похвальным словом, упомянув о деятельности Михоэлса в период войны, о его огромном сценическом таланте. Вместо этого Эренбург заговорил о том, что с каждым днем все больше тревожило еврейскую об-

щину, демонстративно разделяя ее ненависть к антисемитизму, ее гордость достижениями еврейской культуры и озабоченность безопасностью государства Израиль. Речь эта была воплощением умения Эренбурга передать то, что было у него на душе, и в то же время остаться в пределах фразеологии, используемой в советской политике. «Я убежден, что в старом квартале Иерусалима, в катакомбах, где сейчас идут бои — сказал в конце своей речи Эренбург, — образ Соломона Михайловича Михозлса, большого советского гражданина, большого художника, большого человека, вдохновляет людей на подвиги...»¹⁰.

Слушатели были поражены неприкрыто произраильскими высказываниями Эренбурга, сочтя их не только неожиданными, но и опасными по своей откровенности¹¹. Впрочем, осуждение антисемитизма Эренбург адресовал не только непосредственным слушателям, а и власть предержащим, напоминая им, что антисемитизм — краеугольный камень фашизма и что, перенимая расизм у своего заклятого врага, сталинский режим предаёт им же самим заявленные идеалы. В этом, без сомнения, заключалась главная мысль его обращения; и это был тот предел, дальше которого в своих упреках советской власти он пойти не мог.

ПРИБЫТИЕ ГОЛДЫ МЕИР

Шли месяцы, война на Ближнем Востоке продолжалась, и советскими евреями все сильнее владело желание выразить солидарность с Израилем в открытую. В сентябре в Москву была послана молодая функционерка израильской рабочей партии Голда Меир, впоследствии обретшая известность как премьер-министр Израиля. Тогда она возглавляла дипломатическую миссию в СССР. Израильцы не ожидали, что московские евреи осмелятся демонстрировать свою любовь к Израилю в нескольких кварталах от Кремля. Но как только 3 сентября Голда Меир прибыла в Москву, у гостиницы «Метрополь» выстроились жаждавшие увидеть ее евреи. И к другим членам миссии подходили отдельные евреи, справлявшиеся о родственниках или вручавшие записки с приветствиями на древнееврейском языке.

11 сентября Меир и ее коллеги впервые посетили московскую Большую синагогу, чтобы присутствовать на субботней утренней службе. Когда они подошли к зданию, Меир отвели на-

верх — на места для женщин; мужчин, членов миссии, усадили на возвышении возле раввина. На виду у молящихся висели два деревянных щита: на одном было написано по-древнееврейски «Народ Израиля жив», на другом значилось по-русски: «Государство Израиль провозглашено 14 мая 1948 года». Когда кончилась служба, синагогу огласили мощные аплодисменты и крики «шалом» и «ура», длившиеся все время, пока израильтяне выходили на улицу. Но и там их встретила толпа, которая, не давая им тихо и незаметно удалиться, сопровождала их по улицам до самой гостиницы.

«Уставшие от напряжения, мы вернулись к себе в “Метрополь” со смешанными чувствами, — вспоминал в своих мемуарах “Миссия в Москву” первый секретарь миссии Мордехай Намир. — При всей радости, что судьба даровала нам такое воссоединение в нашими братьями, в глубине души нас не оставляло смутное чувство: мы подозревали, что бурное поведение евреев в синагоге перешло дозволенные в Москве границы и что мы стали участниками очень трагического события»¹².

Эренбург разделял тревогу Намира: соотечественники Эренбурга, московские евреи, вели себя чересчур восторженно, ничего хорошего это им не сулило, и он решил их предостеречь. Десять дней спустя в «Правде» появилась его знаменитая статья «По поводу одного письма». Долгое время эту статью приводили как свидетельство соучастия Эренбурга в сталинском разгроме еврейской культуры. Даже такой ветеран прессы как корреспондент Гаррисон Солсбери, хорошо знавший Эренбурга и писавший о нем с приязнью, считал, что эта статья послужила сигналом для начала пресловутой кампании «борьбы с космополитизмом» и что Эренбург «резко осуждал евреев, для которых их еврейская культура оказалась дороже советского национализма»¹³. Однако внимательное прочтение статьи в свете тех обстоятельств, в которых она была написана, приводит к иным выводам. Как показал оказанный Голде Меир прием, московские евреи, впадшие в эйфорию, распалили паранойю Сталина, и без того подозревавшего их в неверности. Эренбург понимал душевное состояние евреев, к которым принадлежал и сам. К тому же, насмотревшись на гитлеровские зверства, он всем сердцем радовался созданию государства Израиль. Но он знал, чем угрожает набирающий силу официальный антисемитизм, и знал, что советских евреев необходимо остеречь, напомнить, где они живут.

Статья Эренбурга — без малого 3500 слов — заняла в «Правде» добрую половину страницы. Как и в речи памяти Михоэlsa, которую Эренбург произнес четыре месяца назад, он сумел, используя обычную советскую фразеологию, передать более тонкую и сложную главную мысль. Статья написана в форме открытого ответа на письмо — скорее всего, несуществующее — молодого немецкого еврея Александра Р., который бежал из Германии и всю войну сражался против нацистов во французском коммунистическом подполье. Вернувшись после войны в Мюнхен, он узнает, что из всей его семьи уцелел он один. Александр поступил в медицинское училище, где столкнулся с махровым антисемитизмом. «Убирайся отсюда, катись в Палестину!» — слышал он от многих своих соучеников. «Что делать, чтобы не дать повториться [нацистским — Дж. Р.] ужасам? — спрашивает Александр Р. Эренбурга. — Я никогда не был сионистом, но я начинаю верить в идею еврейского государства. Я жду ответа от вас — так как вы писатель в стране, в которую я всем сердцем верю». Эренбург начал ответ с напоминания читателям, что «Советское правительство первым признало новое государство <...> Но если я верю в будущее Израиля, — продолжал Эренбург, — то на второй вопрос моего корреспондента, который спрашивает, является ли создание этого государства разрешением так называемого “еврейского вопроса”, я должен ответить отрицательно». И далее Эренбург явно указывает своим читателям, чего от них ждут: «...я знаю, что разрешение “еврейского вопроса” зависит не от военных успехов в Палестине, а от победы социализма над капитализмом, от победы высоких интернациональных принципов, присущих рабочему классу, над нацизмом, фашизмом и расизмом <...> Октябрьская революция принесла свободу и равноправие всем гражданам советской страны, среди них и евреям. Одни из них считают своим родным языком русский, другие украинский, третьи еврейский, но все они считают советскую страну своей родиной, и все они горды тем, что они граждане той страны, где нет больше эксплуатации человека человеком».

Это — единственное использование слова «еврейский» (идиш) в статье Эренбурга, а потому несправедливо обвинять его в том, будто он подал сигнал к последовавшей ликвидации Еврейского антифашистского комитета и еврейских культурных учреждений. Более того, Эренбург по-прежнему клеймил антисемитизм,

оставив самые страстные, самые красноречивые слова для дальнейшего разговора о том, как предрассудки и суеверия преследовали евреев многие века.

«Если бы завтра появился какой-нибудь бесноватый, который объявил бы, что все рыжие люди или все курносые подлежат гонению, мы увидели бы естественную солидарность всех рыжих или всех курносых. Неслыханные зверства немецких фашистов, провозглашенное ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление еврейского населения <...> — родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных».

И далее Эренбург впервые публично цитирует любимый им афоризм, сформулированный во время войны его другом Юлианом Тувимом: «Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил <...> Почему я говорю: “Мы, евреи”? Из-за крови». Антисемитизм существует, а потому, делает вывод Эренбург, по всем законам, нравственным и политическим, евреи имеют право на собственное государство, «корабль, ковчег, плот, на котором держатся люди, застигнутые кровавым потоком расизма и фашизма». Это уже давным давно было аксиомой сионистской философии. Эренбург даже согласен, в ответе своему корреспонденту, что, «может быть, при таких условиях Александру Р. ничего не остается, как обойти рогатки, расставленные различными наблюдателями, и пробраться в Израиль. Но если это будет разрешением личной драмы Александра Р., то это не может стать разрешением драмы евреев, живущих в различных странах, где властвуют деньги, ложь, предрассудки»¹⁴.

Мордехай Намир считал статью Эренбурга «произраильской и антисионистской»¹⁵. В статье, в сущности, выражено подлинное уважение к Израилю и ненависть к антисемитизму. Она не является антисионистской в том смысле, что утверждает, будто Израиль не имеет права на существование или что преследуемые евреи не имеют нужды в «ковчеге»; она — антисионистская в тех пределах, в каких Эренбург напоминает советским евреям, что их родина — Советский Союз. Русский патриот и еврей, Эренбург понимал, что в условиях сталинского режима опасно выражать в открытую чувства преданности, даже просто поддержки другому государству.

Много лет спустя в откровенном разговоре с Менахемом Флаксером (автором перевода «Хулио Хуренито» и «Лазика Рой-

тшванец» на идиш) Эренбург поведал ему, как была написана эта статья¹⁶. Сталин, сказал Эренбург, считал войну с Соединенными Штатами реальной возможностью. И хотя евреи героически сражались против Гитлера, они — поскольку, как считалось, у каждого еврея есть родственники в Америке, — могут, в случае вооруженного конфликта со Штатами, нарушить верность Советскому Союзу. Эренбург полагал, что Сталин собирался депортировать евреев в Сибирь в 1948 году, но члены Политбюро убедили его, что такая акция, проведенная почти сразу после нацистского геноцида, крайне оскорбит международное общественное мнение. Тогда Сталин решил расправиться с верхушкой еврейского сообщества — художниками, поэтами, учеными — с тем, чтобы навести страх на остальных. Эренбург также рассказал Флаксеру, что двое членов Политбюро, Л. М. Каганович и Г. М. Маленков, обратились к нему за помощью, убеждая в необходимости объяснить советским евреям, что их судьба непреложно связана с Советским Союзом.

В книге «Двадцать писем к другу» Светлана Аллилуева передает, какое настроение владело Сталиным в описываемое время. Ее воспоминания подтверждают рассказываемое Флаксером.

«В конце 1948 г. поднялась новая волна арестов. Попали в тюрьму мои тетки — вдова Павлуши, вдова Реденса, попали в тюрьму и все их знакомые. Арестовали и отца моего первого мужа — старика И. Г. Морозова. Потом пошла кампания против “космополитов” и арестовали еще много народу.

Арестовали и Полину Сменовну Жемчужину — не убоявшись нанести такой страшный удар Молотову. Арестовали Лозовского, убили Михоэлса. Они все обвинялись в том, что входили в сионистский центр».

Когда Светлана сказала отцу, что нет никаких оснований обвинять ее бывшего свекра в сионизме, Сталин еще пуше разъярился. «Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко. — Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»¹⁷

Эренбург уловил этот сдвиг в настроении Сталина, но его усилия оказались тщетными. Еврейское сообщество не вяло призыву к осторожности. Через несколько дней после появления статьи Эренбурга наступила Рош-га-Шана*, и московские евреи выказали израильтянам еще более восторженное отношение, чем две недели назад.

---

* Рош-га-Шана — Новый год по еврейскому календарю.

«Мы, конечно, ожидали, что нам окажут внимание, — вспоминал Намир, — но происходившее превзошло все, что мы могли бы вообразить. Несметная толпа приветствовала Голду Меир у дверей синагоги и не расходилась несколько часов, пока шла служба, чтобы проводить Меир по улицам столицы, крича “Следующий год в Иерусалиме”». Намир был ошеломлен. «Один человек <...> сказал нам: “Это наш ответ Эренбургу!”». Московские евреи не хотели знать никакого удержу — еще одна многолюдная демонстрация произошла неделю спустя в Йом Кипур*. Эренбург держался в стороне от израильтян. Через некоторое время после праздников он присутствовал на большом дипломатическом приеме в чешском посольстве, куда приехала и Голда Меир. Ральф Паркер, британский журналист левого толка, предложил ей познакомиться с Эренбургом. С ее согласия Паркер подошел к Эренбургу, который не стал отказываться, однако поставил условие: никаких разговоров на политические темы. Затея эта закончилась чуть ли не скандалом. Эренбург — по виду пьяный — стал с места в карьер стыдить Меир за то, что она не говорит по-русски. Паркер и Генри Шапиро вызвались переводить, одновременно пытаясь установить благожелательную атмосферу. Но хотя Шапиро опускал антиамериканские выпады Эренбурга, ничего из его стараний не получилось. Попрепивавшись с Голдой Меир минут десять, Эренбург ушел. Эренбург «произвел на нас тягостное впечатление, — подвел итоги этой встрече Намир, — впечатление человека, намеренно не желавшего говорить о еврейских делах — позиция, которая в силу того, что он был пьян, обнаруживалась особенно явно»¹⁸.

Эренбург, скорее всего, не был пьян, как не был он враждебен, даже равнодушен к находившейся в Москве израильской миссии. Но он всегда, когда дело касалось Израиля, вел себя осмотнительно¹⁹. Той осенью он неоднократно предупреждал своих друзей, советуя держаться от израильтян на расстоянии, а встретив Голду Меир, специально постарался произвести дурное впечатление, избегая даже намека на внимание и интерес. Среди иностранных корреспондентов Ральф Паркер считался сексотом, и Эренбург, без сомнения, об этом знал; он никогда не вел серьезных разговоров в присутствии Паркера. И на этот раз он притворился пьяным и вел себя крайне грубо, чтобы быть уверенным: доноса Сталину, опровергающего его верность и извращающего его намерения, состряпать не удастся²⁰.

* Йом Кипур — Судный день.

Несколько недель спустя на приеме в албанском посольстве Эрэнбургу выпал случай поговорить с Мордехаем Намиром откровеннее, и он без обиняков выразил свою озабоченность «еврейским вопросом». Из советских евреев не получится «алия», сказал Эрэнбург, и израильтянам не следует склонять их к сионизму. Эрэнбург несколько раз настоятельно повторил, что говорит «как друг» и что к его совету следует прислушаться. В противном случае, действия миссии вызовут гневную реакцию и у советского правительства, и у советских евреев, а это будет не на пользу государству Израиль.

Полина Семеновна Жемчужина, жена В. М. Молотова, тогда советского министра иностранных дел, вела себя отнюдь не осмотрительно. В тридцатые годы она возглавляла парфюмерную промышленность Советского Союза, позднее занимала пост министра рыбной промышленности. Встретив Голду Меир 7 ноября 1948 г. на дипломатическом приеме по поводу годовщины Октябрьской революции, она с трудом сдерживала свои чувства. «Я слышала, вы ходите в нашу синагогу, — обратилась она к Голде Меир на идиш. — Очень хорошо. Ходите туда почаще. Евреи хотят вас видеть». А когда Меир поинтересовалась, откуда она знает идиш, с гордостью ответила: «Ich bin a Yiddische Tochter»^{*} — фразой, которую затем неоднократно повторила. Жемчужина расспрашивала Меир о жизни в Израиле, о пустыне Негев, об условиях существования в киббуцах. Прощаясь, она со слезами на глазах говорила: «Желаю, чтобы у вас там все было хорошо, и тогда всем евреям будет хорошо»²¹. Восторги и произраильские речи Жемчужиной обратили на себя внимание Сталина. Не прошло и двух месяцев, как она была арестована, сослана и только после смерти диктатора смогла вернуться в Москву.

Той же осенью параноический антисемитизм Сталина привел к гораздо худшим последствиям. Были арестованы десятки — может быть, сотни — еврейских писателей, включая Ицика Фефера, заместителя председателя Еврейского антифашистского комитета, Давида Бергельсона, Самуила (Шмуеля) Галкина, Льва (Лейба) Квитко. Вслед за этими арестами были закрыты профессиональные еврейские театры в Киеве, Минске, Москве и московское издательство «Дер Эмес». В январе наступление на «еврейский национализм» получило продолжение в кампа-

---

^{*} Я дочь еврейского народа (идиш).

нии, нацеленной против «космополитизма» и интеллигенции еврейского происхождения.

Начиная с 28 января 1949 года, когда в «Правде» появилась статья, разоблачавшая «одну антипатриотическую группу театральных критиков», потоки злобной ругани захлестнули советскую печать. Почти все названные в статье критики были евреями. Эта статья, а вслед за ней сотни других, пестрела характерными антисемитскими выпадами. В них подчеркивалось, что евреи чужды русской культуре. «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?» — задавался риторический вопрос. Евреев называли «безродными космополитами», «беспаспортными бродягами»²².

В последних числах января был арестован Перец Маркиш. Почти сразу после ареста Маркиша Эренбург навестил его жену Эстер и детей — поступок, требовавший истинного мужества. Несколько дней спустя семья Маркиша была выслана из Москвы, куда вернулась лишь после смерти Сталина²³.

Эренбург отнюдь не был защищен от развернувшегося хода событий. В феврале 1949 года его перестали печатать, а в публиковавшихся статьях других авторов вычеркивали его имя. Хорошо знакомые сигналы! Каждую ночь Эренбург ждал ареста. Его друзья также опасались худшего. Многие звонили по телефону, но услышав его голос, бросали трубку. В конце марта некий высокопоставленный партийный деятель объявил тысячной аудитории, что «разоблачен и арестован космополит номер один, враг народа Илья Эренбург». Когда Эренбургу сообщили об этом на следующий день, он тут же написал письмо Сталину, излагая, в какое поставлен положение и прося одного — «чтобы кончилась неизвестность». Уже назавтра ему позвонил Маленков и его успокоил. Редакторы стали приглашать его снова и он возвратился на свою успешную стезю.

В этот период, как и прежде, Эренбург уцелел благодаря тому, что обратился непосредственно к Сталину. Знал ли Сталин о чинимых ему препятствиях или просто играл с ним, желая посмотреть, как он будет реагировать, — установить невозможно. Прошел всего год, как Эренбурга — по рекомендации самого диктатора — наградили Сталинской премией за роман «Буря»; сажать его в тюрьму было как-то не совсем удобно, но и оставлять на свободе в разгар кампании «борьбы с космополитизмом», казалось в равной мере странным. Источником причины,

по которой Эренбурга не тронули, невольно был он сам. Как верно заметил Михоэлс, он и Эренбург служили ширмами; теперь остался только Эренбург, а в апреле 1949 года режиму необходимо было, — о чем Эренбург упоминает в своих мемуарах, — чтобы он появился на Конгрессе сторонников мира в Париже. Его попросили подготовить выступление и представить для просмотра. «Когда передо мной оказался белый лист, я начал писать о том, что меня волновало» — а именно о «расовой и национальной спеси». В своих мемуарах Эренбург старается создать впечатление, что эти его слова предназначались Кремлю — в предостережение против развернутой режимом «антисемитской» кампании. Однако, к удивлению Эренбурга, его вызвали в Кремль и, показав экземпляр составленной им речи, «отпечатанный на хорошей бумаге» (такой, на которой обычно печатали то, что давали на просмотр Сталину), похвалили. Против строк о расизме и шовинизме «на полях значилось “Здорово!” Почерк показался мне мучительно знаком...», — завершает рассказ об этом эпизоде Эренбург²⁴.

Прибыв в Париж, Эренбург встретился со своими давними друзьями — Луи Арагоном и Эльзой Триоле. Они спросили о кампании «против космополитов», но Эренбург отвечать на их вопросы не мог. Он чувствовал, что заболевает; им владело только одно желание — вернуться домой, чтобы избежать выступления на Конгрессе. В ту ночь он ни минуты не спал. «Передо мной вставал Перец Маркиш таким, каким я его видел в последний раз. Я вспоминал фразы из газетных статей и тупо повторял: “Домой!”»²⁵. Но несмотря на нервное истощение и депрессию, он выполнил задание. Он не раскрыл что случилось с Перцем Маркишем, с Соломоном Михоэлсом, с десятками друзей и знакомых, которые уже погибли или еще сидели по тюрьмам. Он не хотел просить политического убежища на Западе, оставив жену и дочь на расправу мстительным властям. Возможно, он и считал, что его слова о расизме требовали мужества, но увидев сталинское «Здорово!», понял, до какой степени его беззастенчиво используют. Как заметила Эстер Маркиш в своей книге «Долгое возвращение»: «Я просто не могу поверить, что человека столь пронизательного и опытного, как Эренбург, можно было одурачить такой типично сталинской уловкой. Ведь никогда не было столько разговоров о демократии и правах, гарантированных конституцией, как в разгар чисток!»²⁶ В своих ме-

муарах Эренбург подчеркивал, каким несчастным чувствовал он себя в Париже, когда понял «какой ценой человек расплачивается за то, что он “верен людям, веку, судьбе”»²⁷. Эти туманные высокие слова не могут скрыть того, что Эренбург и сам несомненно сознавал: его покорное служение режиму, в особенности, когда он, путешествуя, общался с иностранцами, было той ценой, которую он заплатил за то, что остался жив.

Но и в этих жесточайших обстоятельствах несвободы и принуждения, Эренбургу удавалось проявлять незаурядную независимость. Через три месяца после его командировки в Париж был закрыт вильнюсский музей, а его фонды распределены по разным архивам и культурным учреждениям Литвы. Бывшие партизаны не забыли данного Эренбургу слова: Израиль Кроник с приятелем отправился в Москву, везя два чемодана, набитые папками с материалами «Черной книги». Они отвезли их на квартиру Эренбурга. По воспоминаниям Кроника, Эренбург был очень бледен, с взъерошенными волосами. Только два года прошло с тех пор, как он приезжал в Вильнюс, но, стоя в передней, Кроник думал о том, как Эренбург состарился и что с ним что-то произошло²⁸. После отъезда вильнюсцев Эренбург спрятал папки у себя в квартире, храня их в чулане без окон. Один из его друзей вспоминал, что еще в 1965 году видел эти папки у него под кроватью²⁹. Когда Эренбург умер, власти попросили его вдову сдать их, но Любовь Михайловна заявила, что не знает, где они находятся³⁰.

***

Внешне Эренбург продолжал преуспевать. Он, как и прежде, разъезжал по конгрессам сторонников мира и публиковал ругательные статьи о Соединенных Штатах и их западных союзниках. Как только что избранный член Верховного Совета, он серьезно относился к своим обязанностям; время от времени он наезжал в Ригу, стараясь помочь своим избирателям с решением их проблем — получить жилплощадь, работу, возможность учиться в Москве.

Поездки Эренбурга в Европу проходили отнюдь не так гладко, как бы ему хотелось. Весною и летом 1950 года он побывал в Швеции, Бельгии, Швейцарии, Германии и Англии, и во всех

этих странах сотрудники американских посольств пристально следили за его деятельностью, стараясь помешать этим вояжам «столя известного хулителя Соединенных Штатов». В Брюсселе, где Эренбург находился в апреле, его выступления были, в сущности, сплошной пропагандой — «едким и ироническим поношением Соединенных Штатов, которое он основывал на своем визите туда в 1946 году», как докладывали наблюдатели из посольства. К досаде посольства, послушать Эренбурга собралось около 1800 бельгийцев, толпа, «состоявшая вовсе не из обычных на таких сборищах экстремистски настроенных заурядных коммунистических оборванцев <...> Аудиторию составила чистая публика, а в королевской ложе в течение почти двухчасовой речи Эренбурга сидела вдовствующая королева Бельгии Елизавета». Елизавета вскоре дружески приняла Эренбурга у себя. У них оказалась общая страсть — к цветам, и на протяжении нескольких последующих лет королева посылала Эренбургу редкие луковичи и семена для цветника, который он разбил на своей даче. Из Бельгии Эренбург попытался попасть во Францию и Италию, но в обеих странах ему отказали в визе. А когда в аэропорту «Ле Бурже» под Парижем он «попросил разрешения задержаться в Париже на двадцать четыре часа, Министерство внутренних дел распорядилось его из аэропорта не выпускать» — не бывало жестокое обращение с кавалером ордена Почетного легиона³¹.

Три недели спустя, в июле, Эренбург пережил совсем иной и более бурный прием в Лондоне. Неожиданно ему дали визу, и он смог выступить на грандиозном митинге «за мир», который состоялся на Трафальгарской площади. А затем он оказался втянутым в незапланированную пресс-конференцию, где его ожидала толпа журналистов. Четыре года назад, в Соединенных Штатах, когда представители американской прессы засыпали его вопросами, он легко находил на них ответы. Но в 1950 году слишком многое о событиях внутри Советского Союза начало просачиваться наружу — выходя, увы, правдой. В своих мемуарах Эренбург не преминул отметить, что «зал был набит журналистами и вели они себя настолько вызывающе, что меня бросило в пот»³². Только что разразилась Корейская война, и без малого двести журналистов, явившиеся на пресс-конференцию, меньше всего были настроены на легкую пикировку. Анатолию Гольдбергу, присутствовавшему там от Би-Би-Си, запомнилось, как Эренбург «в течение двух часов доблестно держал оборону,

увертываясь от одних вопросов и парируя другие контрвопросами, спасаясь полуправдой и туманными двусмысленными ответами, но отчаянно стараясь избежать прямой лжи». Правда, в одном случае искусно отбиться оказалось невозможным. Эренбург спросили о судьбе Давида Бергельсона и Ицика Фефера, которых — не без основания — считали арестованными. Эренбург ответил, что два года ни того, ни другого не встречал, правда, и раньше, поскольку его близкими друзьями они не были, виделся с ними лишь изредка — и это, по существу, было правдой. Однако затем он добавил тонкую ложь, которая, как это воспринял Гольдберг, «была намеренно преподнесена так, чтобы прозвучать правдой <...> “Если бы с ними произошло что-нибудь дурное, — заверил по-французски Эренбург, — я бы об этом знал”»³³. Что и говорить, поскольку перспектива просить политического убежища в Англии его не устраивала, у него не было иного выбора, как помогать камуфлировать устроенный сталинским режимом погром и отводить подозрения от того, какова истинная цена жизни и смерти в Советском Союзе.

Таким поведением Эренбург обеспечивал себе благосклонность режима и по-прежнему оставался у него в чести. В январе 1951 года было публично отмечено шестидесятилетие Эренбурга. «Литературная газета» не пожалела места, воздавая ему хвалы³⁴. Союз писателей устроил торжественный прием и выставку его произведений; зал с экспозицией дополняли экспликации о его творчестве. На этом вечере ему был вручен орден Трудового Красного знамени — одна из высших наград в Советском Союзе. Эренбург обратился к собравшимся на чествовании с благодарственной речью, он знал, как надо выразить свою признательность:

«Мне хочется от всего сердца поблагодарить человека, который помог мне, как всем нам, написать многое из того, что мною написано, и который поможет написать то, о чем я мечтаю. Этот человек был со мной на фронте, и на шумных митингах, посвященных защите мира, и в тишине ночной комнаты, когда я сижу перед листом бумаги. Благодаря его, я благодарю и наш великий народ»³⁵.

Не впервые Эренбург опускался до подобострастной лести, играя на слабости Сталина к напыщенным комплиентам. Впрочем, в Советском Союзе это было общим явлением — так вели себя все, даже те, кто отстаивал свою нравственную независи-

мость. Осип Мандельштам, заклеивший Сталина в нескольких своих стихотворениях, в 1937 году пытался спасти себе жизнь созданием «Оды Сталину». Анна Ахматова в отчаянной попытке вызволить сына из исправительно-трудового лагеря в 1947 году написала цикл «Слова миру».

Отдавая и далее дань заслугам Эренбурга, Секретариат Союза писателей в связи с юбилеем постановил издать собрание его сочинений. Такое издание всегда весьма важно для советского писателя, поскольку означает крупные гонорары. Эренбург смог построить себе небольшую дачу в московском пригороде, Новом Иерусалиме, расположенном к северу от столицы и на значительном расстоянии от Переделкина, где находились летние резиденции знаменитых писателей (и где у него тоже была дача, которую он утратил в 1940 г.). За редкими исключениями Эренбург не жаловал своих коллег по Союзу писателей и намеренно выбрал для своей дачи участок подальше от мест, где жили они.

С изданием своего собрания сочинений Эренбург, однако, порядком «намучился»³⁶. Рецензенты, назначенные Союзом писателей, тщательно изучали каждую написанную им страницу в поисках «криминала». «Буря» появилась до разрыва Тито со Сталиным; там, сказали Эренбургу, имелись «явные восхваления этого шпиона, врага югославского народа». И де Голль был теперь «англо-американским протезе и врагом французского народа»³⁷. Другой рецензент высказывал недовольство романом «Не переводя дыхания»: атмосфера в стране, как это подавалось в книге, была «слишком мрачной»; Пастернак не пользовался в тридцатых годах такой большой популярностью, как это выходит по Эренбургу. Еще следовало убрать две фамилии людей, которых с тех пор разоблачили как «врагов народа», а абзац, где говорится о положении кулаков, нуждался в исправлениях — «в таком виде он мог вызвать к ним сострадание»³⁸.

Но особенно резали этим читателям глаза еврейские имена и еврейские темы. Прочитав «Бурю», один из рецензентов ставил Эренбургу в вину, что он, видимо, неспособен «найти героев-патриотов украинцев» и что Киев от нацистов защищают у него одни евреи³⁹. Другой рецензент не погнушался сосчитать, сколько в «Дне втором» и в «Не переводя дыхания» героев евреев. «В обеих книгах, написанных о русском народе <...> непомерно много фамилий лиц не коренных национальностей». Затем давался список в семнадцать фамилий из первой книги и в девять

из второй, все явно еврейские⁴⁰.

Эренбург энергично возражал против такого рода изучения его текстов. Его книги выходили во многих изданиях и было бы унижительно переиздавать их со столь явными изменениями. Что же касается слишком большого числа еврейских имен, то по поводу этой проблемы Эренбург не мог удержаться, чтобы не спросить: «А что делать с фамилией, которая стоит на титульном листе?»⁴¹.

Переписка тянулась два года, требования рецензентов все больше тяготили Эренбурга. В конечном итоге за три года, с 1952 по 1954, собрание вышло. Сталин умер в марте 1953 г., а Эренбургу все еще приходилось вести переговоры по поводу текстов. Пять недель спустя он категорически отказался вносить еще какие-либо изменения⁴². Со смертью Сталина отпала необходимость плясать под дудку советских бюрократов от культуры.

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

Эренбург продолжал свою деятельность от имени Движения сторонников мира. Осенью 1951 г. он вместе с Пабло Нерудой отправился на месяц в Китай, где они вручили вдове Сун Ятсена Сталинскую премию «За укрепление мира». Годом позже, в декабре 1952 г., Кремль объявил следующих лауреатов этой премии, в числе которых был и Эренбург. До тех пор эту награду приберегали исключительно для иностранных коммунистов или попутчиков, таких как Ив Фарж или Поль Робсон, чьи усилия, весьма полезные для советской пропаганды, заслуживали признания. Эренбург был первым советским гражданином, удостоившимся премии «За укрепление мира». Фотографии семи лауреатов, включая Эренбурга, украсили верхнюю половину первой страницы «Правды» и «Литературной газеты». «В своих острых памфлетах, так же, как в романе “Девятый вал”, — гласило правительственное сообщение, — Эренбург разоблачил ничтожность и внутреннюю пустоту американских претендентов на мировое господство»⁴³. Однако время, на которое пало награждение, было смутным. Четыре года назад, зимою 1948—1949 гг., Кремль арестовал ведущих представителей еврейской культуры. Никто не знал, какая их постигла судьба, хотя среди них были высоко чтимые писатели. В тюрьме находилась и Л. С. Штерн,

выдающийся биолог, первая женщина, избранная членом Академии наук. Она входила в Еврейский антифашистский комитет, как входил в него и С. А. Лозовский, бывший заместитель министра иностранных дел, также арестованный.

В этом деле тень падает на Фефера за ту роль, какую он сыграл на процессе. Фефер состоял осведомителем и будучи арестован, дал показания против остальных еврейских писателей. Поэт Самуил Галкин сообщил, что видел его на «очной ставке», устроенной ему с Фефером следователем. От Фефера остался «скелет с бородой» — все, что Галкин смог о нем сказать⁴⁴. Между маем и июнем 1952 г. состоялся закрытый процесс. На скамье подсудимых сидело пятнадцать обвиняемых. Единственным свидетелем обвинения среди них выступал Фефер. Формально им инкриминировался тайный сговор — захватить земли Крыма для евреев, лишившихся прежнего места жительства в ходе войны. Действительно, по инициативе Фефера, поддержанной, среди прочих, Михоэлсом, члены комитета обращались к Сталину с просьбой поставить вопрос о предоставлении части Крыма советским евреям, которые не могли вернуться на Украину или в Белоруссию. Возможно, идея эта была политически наивной, но она не содержала и намека на намерение создать в Крыму «сионистскую базу» для последующего расчленения Советского Союза, как утверждал на процессе Фефер. Эренбург, вышедший из Еврейского антифашистского комитета в 1944 году, никакого участия в инициативе по созданию в Крыму автономной еврейской области не принимал. Его отказ поддержать этот проект, по мнению одного бывшего агента КГБ, «спас ему жизнь и положение»⁴⁵. Закрытый процесс закончился вынесением смертного приговора всем обвиняемым, кроме Л. С. Штерн (ее на пять лет отправили в ссылку) и Соломона Брегмана, который потерял сознание на суде и так и не пришел в себя (он умер в тюремной больнице в январе 1953 г.). Все остальные были тайно расстреляны ночью 12 августа 1952 года — дата, отмечаемая как «ночь казненных поэтов».

Следующей расправы не пришлось долго ждать. В ноябре 1952 г. четырнадцать руководителей чешской компартии — из них одиннадцать евреев — предстали перед судом по обвинению в заговоре против коммунистического строя в странах Восточной Европы. Главным обвиняемым был Рудольф Сланский, бывший глава компартии Чехословакии. Давний друг Эренбур-

га, Владимир Клементис, министр иностранных дел Чехословакии в 1945—1948 гг., также оказался на скамье подсудимых. Слова «сионистские проходимцы» встречались в обвинительном заключении чуть ли не через строку, а прокуроры особенно напирали на еврейское происхождение большинства подсудимых, в прошлом заслуженных членов коммунистической партии, беззаветно преданных Сталину. Пока шел процесс, газеты и радио Восточной Европы и Советского Союза во всю клеймили Сланского и его «подельников», неизменно повторяя антисемитские издевки, которыми были пересыпаны речи прокуроров. Бухарестское радио в типичной передаче вещало: «У нас тоже есть преступники в нашей среде и уничтожить их наш долг»⁴⁶. Через неделю после окончания процесса Сланский и десять его товарищей были повешены, их тела кремированы, пепел развеян вдоль шоссежных дорог.

Но на этом замыслы Сталина не кончались. Чудовищная драма близилась к своей кульминации.

13 января 1953 г. в двух передовицах на первой странице газеты «Правда» сообщалось об аресте девяти врачей, «ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Арестованные обвинялись в убийстве А. А. Жданова и А. С. Щербакова — которые, как до тех пор считалось, умерли естественной смертью — и в умысле убить целый ряд крупных военачальников Советской армии, находившихся под их медицинским надзором. «Все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода», были завербованы американской разведкой по наводке «известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса». Это сообщение ТАСС появилось ровно через пять лет после убийства Михоэлса⁴⁷.

В середине двадцатого века Кремль воскрешал клеветнический вымысел о злодеях-евреях, норовивших изводить ядом своих врагов. Советское общество охватила паника. Врачам, прежде всего врачам евреям, перестали доверять. «Все повторяли, в больницах ад, — писал, оживляя в памяти те дни, в своих мемуарах Эренбург, — многие больные смотрят на врачей как на коварных злодеев, отказываются принимать лекарства». Знакомый рассказал Эренбургу о женщине-враче, которой «пришлось весь день глотать пилюли, порошки, десять лекарств от десяти болезней — больные боялись, что она “заговорщица”»⁴⁸.

По всей стране началась всеохватывающая антисемитская кампания. Из университетов отчисляли студентов-евреев, выпускников медицинских вузов, евреев по национальности, загоняли в самые отдаленные районы, многих специалистов вынуждали уходить с работы. В лагерях заключенных-евреев подвергали наказаниям — так, ни за что. С каждым днем Эренбург все яростнее ощущал, что почва колеблется у него под ногами. Надежде Мандельштам, встретившей его тогда, он сказал: «Я готов ко всему»⁴⁹.

О настроении в стране Эренбург был много лучше осведомлен, чем большинство его соотечественников. После сообщения ТАСС о «деле врачей», он получал письма пачками; каждое было криком боли и страха перед растущей антисемитской истерией:

«Мне тридцать два года, — писала ему одна москвичка. — Я родилась в Москве. Я не знаю другого отечества. Я не знаю другого строя. Я даже ни разу не выезжала из Москвы.

Мои родители, которые за месяц до войны поехали в Минск повидать мою сестру, были там зверски убиты. Мой муж погиб под Сталинградом. Я тогда была беременна, но не покидала Москву всю войну и работала, сколько хватало сил.

У меня одиннадцатилетний сын, которого я подымаю сама. И вот несколько дней назад, его соученики загнали его в уборную и с криками: «Получай, жид! Так их всех!» избили. Что же это происходит?

Неужели вы обо всем этом не знаете? Неужели вы не можете рассказать об этом соответствующим властям?

На работе <...> я сижу в комнате еще с двадцатью товарищами. Я единственная еврейка. Последнее время со мной никто не разговаривает. Уборщица всем наливает чай, но меня обносит, и никто не обращает на это внимания.

Моего сына избили. Он два дня пролежал в постели, но в школе никто не принял никаких мер, никто даже не сказал ребятам, как надо, а как не надо поступать.

Кто же вы? Почему вы молчите? Вы — продажная душа или вы честный человек?

Я хотела прийти поговорить с вами, но раздумала. Я боюсь, я не доверяю вам»⁵⁰.

В большинстве полученных Эренбургом писем его просили заклеить арестованных врачей как предателей. Один из корреспондентов проклинал Израиль — эту «военную базу амери-

канского империализма», соглашаясь с тем, что среди советских евреев есть такие, «кто способен совершить гнуснейшее преступление — покуситься на жизнь руководителей советского правительства — за доллары и фунты». Он заклинал Эренбурга «сказать всему советскому народу, всему миру, что мы, советские граждане, советские трудящиеся евреи, не имеем ничего общего с группой подлых буржуазных националистов»⁵¹. Легко, увы, понять, что побуждало простых евреев писать эти отчаянные письма. Одни верили официальным обвинениям, другие понимали, что сообщение в «Правде» было частью более обширного замысла. И все искали путей, как защитить себя.

В этой атмосфере умопомрачения и смуты Эренбурга наградили Сталинской премией «За укрепление мира», что подтверждало высказанное Михоэлсом: их обоих, Эренбурга и Михоэлса, Кремль использовал, чтобы маскировать официальный антисемитизм. За несколько дней до церемонии вручения премии высокопоставленный чиновник попросил Эренбурга в ответной речи сказать несколько слов о «врачах-преступниках». Эренбург отверг это предложение наотрез, заявив, что готов отказаться от премии. 27 января 1953 года церемония все же состоялась; она проводилась в Свердловском зале Кремля. Эренбургу в этот день исполнилось 62 года. Несколько его личных друзей, включая Луи Арагона и Анну Зегерс, выступили с поздравительными речами. Ни Сталин, ни другие члены Политбюро на церемонии не присутствовали. Премии мира претендовали на выражение гуманных чувств, присутствие же высоких государственных лиц выявило бы фальшь подобных притязаний.

Эренбург произнес краткую речь: но от того, что он говорил, у слушавших его холодок побежал по коже. «На этом торжестве <...> я хочу вспомнить тех сторонников мира, которых преследуют, мучают, травят и убивают. Я хочу сказать про ночь тюрем, допросов, суды — про мужество многих и многих»⁵². Любовь Михайловна, находившаяся в зале, потом сказала мужу, что когда он упомянул о тюрьмах, «люди, сидевшие рядом с нею, замерли»⁵³. На завтра речь Эренбурга появилась на первой полосе газеты «Правда»; только к словам о преследованиях, дабы советские читатели не сделали нежелательных выводов, было сделано многозначительное добавление — «силами реакции». В тот же день из американского посольства полетела докладная в Вашингтон: речь Эренбурга «можно отнести к “делу врачей”»⁵⁴.

Но самое страшное было еще впереди. В своих мемуарах Эренбургу пришлось говорить об этом уклончиво, даже загадочно:

«События должны были развернуться дальше. Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того что хотел. Конечно, эта история — глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить...»⁵⁵

В конце января на дачу к Эренбургу приехали двое видных советских деятелей — историк Исаак Минц и один из редакторов «Правды» М. Маринин (подлинное имя — Яков Семенович Хавинсон); оба — евреи по национальности. Они предложили Эренбургу подписаться под «открытым письмом», адресованном Сталину, которое должно было появиться в «Правде». В письме говорилось, что «дело врачей» вызвало грозные чувства и, чтобы спасти советских евреев от «народного гнева», подписавшиеся — все они были евреями — просят Сталина отправить советских евреев в Сибирь и Биробиджан, где их расселят и защитят.

Эренбург подписать письмо отказался и выпроводил незваных гостей из дома. Но Минц и Маринин не унялись.

Несколькими днями позднее они заявили на московскую квартиру Эренбурга, настаивая, чтобы он поставил свою подпись под письмом Сталину. Теперь Эренбургу стало ясно, что они действуют не по собственному почину, что эта «инициатива» знаменует новый зловещий поворот в «деле врачей». Он снова ответил отказом, но принялся обдумывать, какие действия мог предпринять.

Эренбург принадлежал к той горстке знаменитых советских евреев, к которым приходилось обращаться лично и с глазу на глаз. С остальными поступали иначе. Писателя Вениамина Каверина просто вызвали в редакцию «Правды», где те же Минц и Маринин понуждали его подписать «открытое письмо», уверяя, что содержание якобы одобрено Эренбургом. Каверин не поддавался. «Я не могу подписывать, не подумав» — заявил он обоим «инициаторам». Из редакции «Правды» он напрямик направился к Эренбургу, от которого услышал, что его старший друг отнюдь не сочувствует затее с так называемым «открытым пись-

мом». Оба понимали, что подписи под подобным документом, навсегда лишали их доброго имени, и оба боялись, что их подписи вполне могут появиться и без их на то разрешения.

Пока Эренбург и Каверин ждали, каков будет следующий шаг высоких сфер, десятки других деятелей культуры, евреев по национальности, были вызваны скопом в общий зал, где от них потребовали подписаться под таким же письмом. Поэт Маргарита Алигер сидела там рядом с Василием Гроссманом. Запуганные, оба они подписали. Покидая собрание, Гроссман, убитый и растерянный, не переставал твердить: «Я должен поговорить с Эренбургом»⁵⁶.

Однако режиму требовалось согласие Эренбурга. Однажды вечером — когда на улице Горького у него как раз были Овадий и Аля Савич — его вызвали в редакцию «Правды», где главный редактор Дмитрий Шепилов настоятельно убеждал его подписать «открытое» письмо. Эренбург остался тверд: наотрез отказавшись, он решился на беспрецедентный поступок, граничащий с вызовом — сел за машинку и напечатал собственное обращение к Сталину, настаивая, чтобы Шепилов передал его в Кремль.

Пока Эренбурга обрабатывали в «Правде», Любовь Михайловна позвонила Ирине Эренбург и Вениамину Каверину, сообщив им, что произошло. Ирина и Каверин с женой немедленно приехали на улицу Горького; вместе с Савичами они в тревоге ждали возвращения Эренбурга. Глубоко за полночь, испуганный и подавленный, он появился в дверях. По свидетельству Али Савич, таким она его никогда не видела; «потрясенный, мертвенно-бледный, пришибленный» — вот те слова, какие она употребила. В руках он держал экземпляр напечатанного на машинке своего письма к Сталину⁵⁷.

Илья Эренбург и Вениамин Каверин были не единственными, кто отказался содействовать своими подписями чинимому Сталиным погрому: генерал-майор Яков Крейзер, кавалер многих орденов, герой, руководивший советскими войсками при освобождении Крыма от немецких захватчиков, и Марк Рейзен, прославленный певец, солист Большого театра, также из принципиальных соображений отказались подписать пресловутое письмо. Но только Эренбург отважился возразить Сталину. Он знал, что прибегать к нравственным доводам бессмысленно. Поэтому в своем письме он, ссылаясь на свой опыт эмиссара в

среде западной интеллигенции и европейских компартий, объяснял, как такая акция против советских евреев подорвет престиж Кремля и его политическое положение. Только так можно было писать Сталину, и шаг этот требовал глубочайшего понимания обстановки и мужества. Вот текст этого письма:

«Дорогой Иосиф Виссарионович,

я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и тов. Маринин сегодня ознакомили меня с текстом письма в редакцию “Правды” и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. В тексте письма имеется определение “еврейский народ”, которое может ободрить националистов и людей, еще не понявших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого “Письма в редакцию” на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей “черты оседлости” и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами, которые говорят о некоторой общности советских евреев, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т. д., нет понятия “еврей” как представитель национальности, там “еврей” понятие религиозной принадлежности, и клеветники могут использовать “Письмо в редакцию” для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против вся-

ческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, в том числе подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и прочих. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции “Правда” и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, поможет справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы, и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне — желательно ли опубликование такого документа и желательна ли под ним моя подпись. Само собой разумеется, что, если это может быть полезным для защиты нашей Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу “Письмо в редакцию”.

С глубоким уважением

Илья Эренбург.»⁵⁸

Сталин намеревался выполнить свой план до конца. В Сибири и Биробиджане для высылаемых евреев построили бараки. В больших городах составили по районам списки евреев с указанием местожительства. Поэт Иосиф Бродский вспоминал, как его отец, служивший в одной из ленинградских газет, вернулся с работы подавленный и чуть ли не плача: в тот день он видел текст «открытого письма» готовым к печати. Среди прочих под ним стояла и подпись Эренбурга; режим не постеснялся сыграть на его добром имени, с его согласия или без⁵⁹. Механизм был отлажен, ждали слова вождя, чтобы его запустить. Эренбург попытался остановить процесс. Во всяком случае, после того как его письмо ушло к адресату, сбор подписей прекратился. Организаторы кампании сообразили, что до ответа Сталина — того или иного, — им нельзя добиваться согласия еще неохваченных жертв.

---

* Верстка с запланированными подписями была набрана еще до сбора этих подписей; Эренбург письмо так и не подписал (*прим. ред.*).

Но тут вмешалось Провидение. У Сталина произошло кровоизлияние в мозг, и 5 марта 1953 г. он умер. Не прошло и месяца после его похорон, как «дело врачей» было публично дезавуировано. Семь из девяти врачей вышли на свободу; двое умерли под пытками.

Возымело ли письмо Эренбурга какое-то действие на Сталина, сказать невозможно. Заставило ли оно диктатора задуматься или изменить решение? Был ли последний приказ отложен на тот момент, а тут тиран умер и его убийственный замысел потерпел крах? На эти вопросы история не дает ответа. Но то, что в письме Эренбурга проявился его гений дипломата и политика — не вызывает сомнения. Напомнив Сталину о политических фактах, о политических последствиях его умысла, Эренбург с почтением и благоговением, как и положено вассалу обращаться к своему феодальному владыке, изъявил готовность подписаться под письмом, коль скоро Сталин того потребует. Однако Сталин знал, что Эренбург трижды отказался поставить свою подпись под пресловутым письмом и что только Эренбург принял и следующий шаг — написал ему, выражая протест. Этим жестом Эренбург ясно давал Сталину — и себе самому — понять, что есть предел верноподданности. За этот брошенный диктатору вызов его вполне могли расстрелять. Но смерть Сталина положила конец долгому кошмару — кошмару, который длился четверть века. Вопреки столь многим неблагоприятным обстоятельствам и вопреки столь многим врагам Эренбург не погиб. Он остался жив⁶⁰.

ОТТЕПЕЛЬ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Илья Эренбург вначале опасался, что со смертью Сталина грянет самое худшее. Подобно многим другим, он «связывал будущее страны с тем, что ежедневно в течение двадцати лет именовалось “мудростью гениального вождя”». Несметные толпы одетых в траур людей шли к Красной площади мимо дома, где жил Эренбург, а вскоре он узнал о трагических происшествиях, когда из-за нервного перенапряжения и мгновенной паники люди насмерть затапывали друг друга. «Не думаю, чтобы история знала такие похороны»¹, — написал он в своих мемуарах. Пришлось Эренбургу выполнять и некоторые предусмотренные церемонией похорон обязанности: вместе с другими писателями он стоял в почетном карауле у гроба в Колонном зале, а 11 марта по просьбе газеты «Правда» почтил память Сталина в статье, озаглавленной «Великий защитник мира». В ней Эренбург уделял главное внимание проблемам, связанным с его собственным служением диктатору — разгром фашизма, необходимость сохранения в мире мира и устойчивого равновесия, — ратоборцем которых якобы был Сталин; это была последняя дань Эренбурга этому тирану². Три недели спустя, 4 апреля, в «Правде» появилось ошеломляющее сообщение: все обвинения против врачей в заговоре с целью убийства советских вождей объявлялись ложными, а лица, ответственные за нарушение норм «социалистической законности», оказались сами взятыми под стражу и преданными суду.

Теперь можно было и передохнуть от затянувшихся мучительных страхов. Иностранцам, встречавшим Эренбурга за пределами СССР, казалось, что он остался тем же жестким борцом за советские интересы, который — как писал об Эренбурге обозреватель «Нью-Йорк Таймс» С. Л. Сулицбергер после того, как столкнулся с

ним в Будапеште в июне 1953 г., — «держит курс по ветру»³. Такова была обычная поза, особенно для американцев, которую Эренбург использовал для прикрытия своей конечной цели, — писать на пределе возможного в условиях советской цензуры, возродить связи с европейской культурой, восстановить имена и произведения тех, кого Сталин сначала убил, а затем стер со страниц истории.

***

Советское общество менялось. Все следующее десятилетие, пока у власти стоял Н. С. Хрущев, защитники режима и ведущие деятели советской интеллигенции вели борьбу за контроль над советской культурой, ее историей и смыслом. Литературная и политическая деятельность Эренбурга была воплощением этой борьбы. Его повесть «Оттепель», его очерки о Цветаевой и Бабеле, о Стендале, Чехове и множество других на разные темы беспрестанно вызывали гнев властей. «Для меня те годы, — писал он впоследствии в своих мемуарах, — были хорошим испытанием, я понял: можно писать и нужно писать»⁴.

Сказать все, что он знал, или о том, во что верил, Эренбург не мог, но был полон решимости сказать столько, сколько возможно. Другие писатели, такие как Михаил Булгаков, Василий Гроссман, Борис Пастернак, Надежда Мандельштам, писали «в стол», решив ждать, когда следующие поколения смогут оценить их труды, или, переправив рукопись за границу, делали ее достоянием международной аудитории. Эренбург этот путь ни разу не избрал. Он непременно должен был реализоваться в свое время — это породило как слабые, так и сильные стороны его прозы — и он непременно должен был публиковаться для своих сегодняшних читателей. Поэтому он предпочел играть по установленным правилам, всегда стремясь писать на пределе того, что было разрешено. Он обладал необыкновенной способностью угадывать, что можно сказать и как это сказать, и каждый раз, задевая официальные догмы, был готов рисковать своей карьерой и положением. На протяжении всего хрущевского десятилетия он так умело сочетал чутье журналиста с талантами дипломата, что власти не могли ни игнорировать его, ни заставить его молчать.

В сущности, все, что Эренбург писал после смерти Сталина, подтверждает его особость среди старшего поколения писателей — тех, кто уцелел, — в период, когда Эренбург стал все откровеннее высказываться о «социалистическом реализме» и официальном над-

зирательстве над творческой свободой. Так, например, в его статье «О работе писателя», появившейся в октябре 1953 г., прямо отвергается любая попытка предписывать, как или что должен создавать художник.

«Писатель не аппарат, механически регистрирующий события. Писатель пишет книгу не потому, что умеет писать, не потому, что он — член Союза советских писателей и его могут спросить, отчего он так долго ничего не публикует <...> Писатель пишет книгу потому, что ему необходимо сказать людям нечто свое, потому что он «заболел» своей книгой, потому что он увидел таких людей, такие чувства, которых не может не описать»⁵.

Это было началом наступления Эренбурга на принципы «социалистического реализма», на все идеологическое построение, которое подавляло писателей и композиторов, художников, поэтов и театральных режиссеров, не давая им постигать то, что их самих заставляло творить.

Несколько недель спустя после опубликования этой статьи Эренбург, выступая перед читателями одной из московских библиотек, затронул вопрос о незащищенности писателя в советском обществе. «Его подвергают тяжким испытаниям, — пояснял аудитории свою мысль Эренбург. — Разрушают его, все время держат под огнем». «А как же насчет “великолепных условий”, предоставляемых писателям издательствами и Союзом писателей?» — спросили его из зала. «Хорошо платят? — отвечал Эренбург. — Верно, платят. И дают квартиры? Более или менее дают. Кому дают, кому не дают»⁶. Слушатели от такой откровенности опешили.

В ту зиму Эренбург спешил закончить «Оттепель». В последующие месяцы кто-то из друзей Эренбурга сострил, что он, верно, для того только и написал эту повесть, чтобы ее заглавием обогатить словарь советского общества. И действительно, «Оттепель» стала названием целого периода в истории страны.

***

Исключительной особенностью русской и советской жизни (по крайней мере, пока «гласность» не покончила с принудительной цензурой) всегда было то, что роман или стихотворение могли вызывать всеохватывающую серьезную политическую полемику. «Отцы и дети» Ивана Тургенева, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, стихотворение «Бабий яр» Евгения Евтушенко, гигантский труд о сталинской системе исправительно-трудовых лагерей «Архипелаг

Гула» Александра Солженицына — каждое это произведение, на свой лад и по свойственным ему причинам, сотрясало все политическое устройство страны.

С политической точки зрения «Оттепель» принадлежит к тому же литературному ряду. Сюжет повести прост и прямолинеен. Действие происходит в небольшом южном приволжском городке. Иван Васильевич Журавлев, в общем вполне компетентный директор завода, утратил обычные человеческие чувства. Подобно Сталину и всем бессердечным бюрократам, которых он расплодил, Журавлева волнует только одно — выполнение производственного плана. Равнодушный к ужасным условиям, в которых живут рабочие его завода, он расходует отпущенные для строительства нового жилья фонды на возведение литейного цеха, который обеспечит производительность. Разочаровавшись в Журавлеве, его жена Лена перестает понимать его и решает порвать с ним.

У других героев свои тяжелые переживания. Врач Вера Григорьевна, еврейка по национальности, вдова, чей муж погиб на войне, а мать и сестра убиты нацистами. Излагая ее историю, Эренбург первым в советской литературе коснулся, пусть мимоходом, «дела врачей». На минуту утратив обязательный для врача спокойный тон, Вера Григорьевна извиняется перед Леной Журавлевой: «Вы меня простите, виновата я. Нервы не выдержали... Теперь такое приходится выслушивать... после сообщения... Плохо, когда врач ведет себя, как я...» Из повести Эренбурга явствует, что умные, добросердечные люди, такие как Лена и Вера Григорьевна, ведут тяжелую жизнь в обществе, в котором нет ни покоя, ни должного вознаграждения.

Другая главная тема «Оттепели» — положение искусства в Советском Союзе. Двое персонажей — Володя Пухов и Сабуров — представляют две непримиримые крайности, существующие в творческом сообществе страны. Володя, талантливый от природы живописец, жертвует своим даром ради преуспевания в качестве официально признанного художника; его картины — воплощение пустых штампов «социалистического реализма»: парадные портреты рабочих и сцены из колхозной жизни. Некоторое время он живет в Москве, где «нужно любезничать с художниками, смотреть, кого похвалили, кого разругали, все время отстаивать свое право на кусок пирога»⁷. Его карьера стала циничной игрой, где нет даже претензии на творчество. По другому пути идет его школьный товарищ, Сабуров, также наделенный большим талантом. Влюбленный в живопись, Сабуров проводит свои дни в жалкой комнатенке, создавая красочные пейзажи и портреты своей простоватой хромо-

ножки жены, чьи черты в его утонченном изображении обретают подлинную красоту.

Смерть Сталина (о которой открытым текстом ни разу не упоминается) изменила возможности в жизни людей. Лена, набравшись смелости, рвет со своим мужем, а в конце повести признается в любви человеку, которым уже давно восторгалась. Даже у Сабурова хорошие новости. Две его картины отобраны на официальную выставку, и можно надеяться, что действительно талантливый художник получит признание общества, в котором живет. Что же касается Журавлева, то ему воздается по заслугам. Хибарки рабочих разрушает поднявшаяся буря, и это стихийное бедствие высвечивает его бездушное отношение к рабочим; его вызывают в Москву и снимают с поста директора.

Написанная в спешке, на сентиментальный сюжет, с вялым, невыразительным диалогом — недостатки, общие для большей части художественной прозы Эренбурга, — «Оттепель» имела громкий резонанс, и ее воздействие можно оценить только тем, что удалось Эренбургу высказать советской публике в то памятное время. В атмосфере страха и недоговоренности, через год после смерти Сталина, эффект, который производила повесть, был почти шоковый. Само заглавие звучало укором. На заседании редакционной коллегии журнала «Знамя» 24 февраля 1954 г., в котором «Оттепель» в апреле намечалось опубликовать, раздавались ожидаемые возражения. «Это оттепель или весна после суровой зимы? Или очередная ступень в нашей жизни? — спрашивал один из редакторов. — Создается впечатление, что все предшествующее было ошибкой. Пусть будет название “Новь” или “Новая ступень”»⁸. Эренбург не прислушался к такого рода советам.

В июле старт резкой критике «Оттепели» дал давний товарищ Эренбурга по цеху — Константин Симонов. В двух пространных статьях, появившихся в «Литературной газете», Симонов пытался развенчать повесть; главный довод — она рисует мрачное общество, в котором на долю людей выпадает много несчастий и мало радости. Вслед за Симоновым выступил старый недоброжелатель Эренбурга — Михаил Шолохов. На писательской конференции, проходившей в Казахстане в сентябре, он раскритиковал статью Симонова об «Оттепели», заявив, что «автор затушевывает недостатки повести, вместо того, чтобы сказать о них прямо и резко»⁹. Даже «Литературная газета» приняла официальную позицию и подписалась под нападками на Эренбурга, поместив в начале октября соответствующую подборку читательских писем.

Режим не простил Эренбургу «Оттепели»: зачем он поставил в

ней слишком много вопросов, подрывающих устои! Выступая в октябре 1954 г. на обсуждении повести в одной из московских библиотек, Эренбург затронул дилемму: личная жизнь человека или ответственность перед обществом. «Думаю, — сказал он слушателям, — что надо думать о культуре эмоции. Это задача литературы. Что такое культура эмоции? Это то, что помогает людям понять друг друга»¹⁰. Для многих политическая идея «Оттепели» усугублялась тем, что ее герои жаждали счастья. Разве это не было таким же подрывающим устои уроком, как и антисталинские аллюзии? Политика слишком долго и слишком властно вторгалась в семейную жизнь и личные отношения, утверждал Эренбург. Люди имеют право жить вне политики, они имеют право быть счастливыми, беззаботными, влюбленными.

Собственная жизнь Эренбурга отражала драмы его героев. Для Любови Михайловны не было тайной, что ее муж всегда увлекался и другими женщинами. В 1950 г. он познакомился с Лизлоттой Мэр, женой Яльмара Мэра, крупной фигуры в шведской социал-демократической партии (Яльмар Мэр длительное время, с 1948 по 1971 г., состоял в должности советника города в Стокгольме, а с 1971 по 1978 г. — главой администрации стокгольмского округа. Известнейший политик-еврей в истории Швеции, он был также политическим наставником У. Пальме). Лизлотта Мэр стала последней большой любовью в жизни Эренбурга. Как писал он в одном из последних своих стихотворений, — «Календарей для сердца нет»¹¹. Со смертью Сталина и с увлечением Лизлоттой Мэр Эренбург открыл в своей жизни новую страницу. Когда в мае 1953 года, через два месяца после того как тирана не стало, Лизлотта встретила Эренбурга в Стокгольме, она сразу увидела, что у него совсем другой вид. «Лизлотта сказала мне, что я помолодел, вероятно, оттого, что многое в жизни начало меняться; весна отогрела человека, слышшего неисправимым скептиком»¹². Отношения с Лизлоттой Мэр сыграли существенную роль в том, что Эренбург до самой смерти, последовавшей в 1967 г., оставался в полной форме: эти отношения поддерживали в нем силу воображения, волю и здоровье.

И Лизлотта, и Яльмар Мэр происходили из еврейских семей, поддерживавших тесные связи с международным социалистическим движением. Единственный ребенок у своих отца и матери, Лизлотта родилась в Берлине в 1919 году; ее детство и отрочество прошли в Ганновере. Отец Лизлотты умер молодым, и ее будущую судьбу определил отчим, Альфред Корах. Санитарный врач по профессии, он возглавлял в Германии группу врачей-социалистов. Триж-

ды отсидев в тюрьме за общественную деятельность, он с приходом Гитлера к власти вместе с женой и падчерицей бежал из Германии. Сначала они оказались в Париже, откуда перекочевали в Москву, где Альфред Корах получил работу, участвуя в нескольких проектах по развитию советского здравоохранения. Мать Лизлотты, дипломированный психотерапевт, лечила членов Политбюро, и среди ее пациентов была, говорят, жена Молотова. Большая чистка набирала силу; люди, которых они знали, исчезали. Родители Лизлотты быстро поняли, что им опасно оставаться в сталинской Москве. Через три года после прибытия в советскую столицу им удалось всей семьей уехать в Швецию.

Эти три года, проведенные в Москве, где школьницей Лизлотта оказалась очевидцем большой чистки, плюс знание русского языка и русской культуры, обогатили ее отношения с Эренбургом взаимопониманием и глубиной. Она видела, как уничтожались семьи, как без всяких объяснений исчезали из жизни люди. Лизлотта была почти на тридцать лет моложе Эренбурга и, когда они впервые встретились в Стокгольме, была уже матерью двух детей. Он прозвал ее «Сиам»¹³. С самого начала они нашли общий язык, и у них был общий взгляд на мир, а еврейское происхождение сближало их еще теснее. Во время войны Яльмар и Лизлотта в знак солидарности с европейскими евреями стали посещать стокгольмскую мозаичную синагогу. После войны Лизлотта долгое время бесплатно работала в доме для еврейских беженцев.

Эренбург и Лизлотта были до необычайности откровенны друг с другом. Она попросила у него список его главных возлюбленных и пожелала узнать, кого он больше всех любил. Ответ Эренбурга ее изумил. Самую большую любовь в своей жизни он пережил, заявил он, много лет назад — с Катей Шмидт, матерью Ирины; Лизлотте, в этом отношении, пришлось примириться со вторым местом (Катя была единственной, кто из всех серьезных увлечений Эренбурга ушла от него, обстоятельство, которое, без сомнения, повлияло на его воспоминание о силе чувств, которые он питал к ней, когда они с Катей были вместе).

Все пятидесятые и шестидесятые годы Эренбург, выезжая за рубеж, неизменно отправлял Лизлотте краткую телеграмму по-французски, например: «Буду проездом Копенгагене понедельник 11 вечера» (из Москвы 28 мая 1959 г.)¹⁴. Лизлотта все бросала и ехала к нему — в Рим, Брюссель, Вену, Лондон, Париж. С Любовью Михайловной, которая, как и ее муж, много лет провела во Франции и очень хотела бы бывать в Европе и навещать старых друзей, Эренбург путешествовал крайне редко. Не мог же он, взяв с собой

Любовь Михайловну, одновременно встречаться с Лизлоттой. Но как ни горько было Любви Михайловне, она принимала их любовь, как, впрочем, и прежде принимала бесчисленные увлечения своего мужа.

В свою очередь, Лизлотта, не желая компрометировать мужа, — что сказалось бы на его общественном положении, — или обижать его, предложила ему развестись, но Яльмар, по своим причинам, принял ее любовь к другому мужчине и предложение отклонил. Он тоже подружился с Эренбургом. Как председатель Круглого стола Восток-Запад Яльмар Мэр организовал постоянные неформальные встречи для европейских и советских деятелей науки и культуры и политиков, в которых Эренбург принимал участие. В конце пятидесятых годов Яльмар и Лизлотта Мэр дважды посещали Москву, останавливаясь на даче Эренбурга. Яльмар Мэр всегда проявлял доброжелательность к Эренбургу. Был даже случай, когда Эренбург и Лизлотта, находясь в парижском отеле, оба заболели тяжелой формой гриппа, и Яльмар Мэр поспешил во Францию — убедиться, что их должным образом лечат. Ирина Эренбург, которая очень сблизилась с Лизлоттой, всегда шутила по поводу этого происшествия, называя его «историей о том, как Яльмар спас им жизнь».

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ

Статья «О работе писателя» и повесть «Оттепель» сделали Эренбурга мишенью для Центрального Комитета и нервничающего литературного руководства. Нужно было обругать Эренбурга, да так, чтобы дискриминировать его идеи и запугать его самого — запугать до покорной молчаливой забитости, и сделать это не с помощью «литературной критики», а другими методами — задача, выполнение которой началось на Втором съезде писателей, состоявшемся в декабре 1954 года.

Накануне открытия съезда сотню писателей пригласили на совещание в Центральный Комитет. Многие писатели говорили о надеждах, возлагаемых ими на съезд. Последним взял слово Михаил Шолохов и с места в карьер ополчился на «Оттепель», а затем, вынув из кармана листок бумаги, процитировал восемь строк из стихотворения Эренбурга, написанного в марте 1921 г. на пути из Москвы в Ригу: «Но люди шли с котомками, с кулями шли и шли / и дни свои огромные тащили, как кули. / Раздумий и забот своих вертели жернова. / Нет, не задела оттепель твоей души Москва!». Шолохов не погнушался использовать эти старые стихи, написан-

ные, когда Эренбург, спасая свою жизнь, бежал от большевиков, как средство дискредитировать «Оттепель». Но главный сюрприз был впереди. «Писатель-классик, — пишет Эренбург, — припомни мой давний роман “В Проточном переулке”, сказал, что в нем я изобразил дурными русских людей, а героем сделал еврейского музыканта». Спектакль, устроенный Шолоховым, происходил в присутствии Хрущева и явно был срежиссирован Кремлем. Как только Шолохов кончил свою речь, Хрущев объявил совещание закрытым, не дав возможности выступить с возражениями. Эренбург получил предупреждение. Партия не забыла его юношеских (и не только юношеских) эскапад; в любое время их можно было использовать против него. Эренбург пришел в негодование и пригрозил, что не пойдет на съезд. Тогда один из членов ЦК заверил его, что Шолохова «отчитали», а его, Эренбурга, отсутствие на съезде будет «плохо истолковано»¹⁵.

Второй съезд писателей по сравнению с предшествующим выглядел бледным. Двадцать лет, прошедшие между двумя съездами, были ужасны. Выступавшие поминули тех, кто пал в боях — в том числе и зятя Эренбурга, Бориса Лапина, но имена собратьев по перу — таких как Исаак Бабель, Тициан Табидзе, Борис Пильняк, Осип Мандельштам, — исчезнувших из жизни при Сталине, никто не назвал. Двадцать лет назад Колонный зал украшали портреты литературных исполинов; теперь на стенах Кремлевского дворца, где открылся съезд, лежали невидимые тени обреченных на молчание жертв.

Режим чувствовал себя неуверенно, не зная, как славить советскую литературу и в то же время сохранять над ней полный контроль. Съезд дважды откладывали. Все же появились и проблески надежды: от Ленинграда в числе делегатов была Анна Ахматова, от Москвы — Борис Пастернак. Ни она, ни он на съезде не выступали. Пастернак, который на съезде 1934 года являлся видной фигурой, теперь был упомянут лишь один раз — среди двадцати крупных переводчиков. Иностранные писатели, прибывшие на съезд — такие, как Пабло Неруда, Жоржи Амаду, Анна Зегерс и Луи Арагон (все близкие друзья Эренбурга), — в дискуссиях не участвовали; они ограничились положенными по церемониалу приветствиями, предпочитая держаться над схваткой.

Хотя Второй съезд не украшали театральные эпизоды и помпезность, свойственная его предшественнику, заседания оживлялись трениями и взаимными упреками, столь характерными для периода «оттепели». В своем трехчасовом докладе о советской литературе Алексей Сурков (вскоре он заменит Александра Фадеева на посту

первого секретаря Союза писателей, а в 1958 г. возглавит кампанию за исключение Пастернака) поздравил Эренбурга с его статьей военной поры и привел в пример как писателя, преодолевшего буржуазную развлекаемость «Любви Жанны Ней» и созревшего до пролетарской мощи «Дня второго». А затем, словно по чьей-то команде, Сурков прошелся по «Оттепели» и даже расписался под сталинской кампанией против «космополитизма». «Наша общественность в 1949—1950 годах, — заявил он, — со всей резкостью выступила против этого вредоносного “течения”, разоблачив перед обществом чуждую и враждебную его сущность»¹⁶. После того как Шолохов, а теперь и Сурков занялись явными антисемитскими выпадами, Эренбург, по крайней мере, знал, кто его враги.

Единственная возможность выступить предоставилась Эренбургу на третий день съезда. Делегаты тепло его приветствовали, но в его речи прозвучало демонстративное нежелание принять высказанную в его адрес критику. С первых слов он открыто высмеял своих коллег. «В Союзе писателей имеется секция детской литературы, — начал свое выступление Эренбург, — которая дала детям много хороших книг. Но порой, читая в журнале роман, где с первой страницы автор докучливо поучает читателя, думаешь — не пора ли открыть в Союзе писателей секцию литературы для взрослых?» Далее Эренбург перешел к защите «Оттепели» и права каждого на личное счастье. Говоря о критике, Эренбург использовал образы, которые не раз употреблял в прошлом, спрашивая: «Почему тон некоторых критических статей все еще напоминает порой обвинительное заключение?». В конце своей речи Эренбург напомнил делегатам — в первый и единственный раз за все заседание съезда — о судьбе, которая была для советского писателя гораздо страшнее, чем обрушивавшаяся на него критика. «Один из руководителей Союза писателей, резонно говоря о значении “средних писателей”, сказал, что без молока не получишь сливок, — заявил Эренбург. — Продолжив это несколько неудачное сравнение, можно сказать, что без коров не получишь молока. Полезно об этом помнить»¹⁷.

Четыре дня спустя — съезд длился двенадцать дней — Михаил Шолохов, не в силах сдержать ненависть к Эренбургу, повторил оскорбительное заявление, будто Симонов умышленно не дал ему заклеить «Оттепель», а тем самым «спас Эренбурга от резкой критики»¹⁸. И тут Шолохов утратил свою неприкосновенность. Даже литературные генералы согласились, что он слишком далеко зашел. И, действительно, почти все последующие ораторы публично его укоряли. Получилась нелепость: сначала сделали Эренбурга

мишенью для критики, потом упрекали тех, кто его критиковал. Эренбург, понаблюдав абсурдное поведение устроителей съезда, чья бестолковость только усилила его позиции и подняла его авторитет, утешился и успокоился.

РЕАБИЛИТАЦИЯ И РЕГЕНЕРАЦИЯ

В 1954 г. начался огромный процесс по освобождению сталинских узников и реабилитации жертв. В течение последующих пяти лет, благодаря Хрущеву, не менее четырнадцати миллионов заключенных вернулись к своим семьям из тюрем, исправительно-трудовых лагерей и ссылок. Многие родственники репрессированных и сами бывшие узники обращались к Эренбургу за помощью. Так, во время Съезда писателей к нему подошла Анна Ахматова с просьбой похлопотать за ее сына Льва Гумилева, который все еще, спустя два года после смерти Сталина, находился в лагере. Эренбург написал прямо Н. С. Хрущеву, но ответа не удостоился, что «принял за знак неприязни к собственной особе»¹⁹. Тем не менее, ходатайство Эренбурга привлекло внимание к делу Льва Гумилева. В мае 1956 года, после знаменитой речи Хрущева, избличавшей Сталина и подстегнувшей процесс освобождения ссыльных и заключенных, Льва Гумилева освободили.

Немногие уцелевшие после погрома еврейских писателей также искали поддержки у Эренбурга. Вдова Переца Маркиша, Эстер Маркиш, добиваясь разрешения вернуться в Москву, пришла к Эренбургу за помощью. Он написал необходимые прошения и дал советы по части обращения с советскими чиновниками. После посмертной реабилитации Соломона Михоэлса помощь Эренбурга понадобилась также его дочерям Нине и Наталье Вовси-Михоэлс. Без соответствующих справок Нину не принимали в университет. У нее не было диплома, а все преподаватели театральной студии ее отца, которые могли удостовериться, что она в ней училась, сидели по лагерям и тюрьмам. Эренбург обратился в Центральный Комитет, и вскоре, после получения нужной справки, Нина смогла продолжить занятия, чтобы закончить свое образование.

Помогать тем, кто уцелел, оказалось не всегда так же просто, как обращаться с ходатайствами к советскому чиновничеству. Примером сложного в нравственном плане положения Эренбурга могут служить его отношения с семьей Бабеля.

Эренбург всегда считал Бабеля одним из своих ближайших друзей. Первая жена Бабеля, Евгения Борисовна Гронфайн, остано-

ливалась у Эренбургов, когда впервые в 1925 г. приехала в Париж, еще до знакомства Ильи Григорьевича с Бабелем. В последующие десять лет Бабель имел возможность несколько раз побывать у жены, жившей в Париже. В 1929 г. там у них родилась дочь, Наталья. Когда в 1935 году Бабель приехал в Париж на Конгресс в защиту культуры, он всячески убеждал Евгению Борисовну вернуться с ним в Москву, но она отказалась. Бабель тогда уже жил в Москве с другой женщиной — Антониной Николаевной Пирожковой, она была инженером и работала на строительстве Московского метрополитена. После возвращения в Советский Союз Бабель вступил в гражданский брак с Антониной Николаевной, от которой у него была дочь, Лидия. Радоваться счастью со второй своей семьей Бабелю пришлось недолго. В 1939 г. он был арестован и в следующем году расстрелян. После его исчезновения из жизни только секретарь Эренбурга, Валентина Мильман, передавала Антонине Николаевне деньги; все остальные ее избегали. После Второй мировой войны Эренбург дважды встречался в Париже с первой женой Бабеля, Евгенией Борисовной. Первый раз в 1946 г., находясь в Париже, он, по словам Натальи Бабель, явился к матери с вестью, что Бабель жив и всю войну отбывал ссылку, находясь под домашним арестом, недалеко от Москвы. Если эта версия того, что сказал Эренбург, верна, лгал ли он по собственному почину, или получил указание свыше пустить ложный слух, выяснить невозможно. Так или иначе, но вскоре Евгения Борисовна узнала из другого источника, что Исаака Бабеля нет в живых.

Последний раз Эренбург встретился с Евгенией Борисовной в 1956 году; сообщив, что Бабель уже два года как реабилитирован, он приступил к Евгении Борисовне с неожиданной просьбой — подписать документ, удостоверяющий, что она и Бабель находились в разводе, хотя это было не так. Эренбург объяснил: Бабель женился вторично, и от второго брака у него осталась дочь, Лидия. На своей просьбе он очень настаивал. Евгения Борисовна отвечала решительным отказом и, ошеломленная и потрясенная, лишилась чувств. Поведение Эренбурга может показаться непристойным, однако исходил он из благородных — по крайней мере, для 1956 года — мотивов. Когда выяснилось, что произведения Бабеля можно будет переиздавать, он счел необходимым утвердить Антонину Николаевну как вдову писателя в правах наследства. Евгения Борисовна и Наталья, жившие в Париже, могли беспрепятственно пользоваться своими правами, получая гонорары за книги Бабеля, издаваемые на Западе. Антонина Николаевна и ее дочь Лидия находились в куда более уязвимом положении и были куда менее

защищены в своих притязаниях на бабелевское наследство.

Летом 1961 г. Наталья Бабель впервые отправилась в Москву. Ей было тридцать два года. К этому времени сестра Бабеля, Мэри Шапошникова, жившая в Брюсселе, без ведома Натальи завязала переписку с Антониной Николаевной. По настоянию тетки Наталья, попав в Москву, в первый же день посетила Антонину Николаевну и встретилась со своей сводной сестрой Лидией. Они сразу поняли, что их объединяет любовь к высокочтимому ими, замученному Бабелю. Горюя и плача, — «как героини в русских романах», по воспоминаниям Натальи, — они несколько часов рассказывали друг другу о своей жизни и вспоминали навсегда утраченного отца и мужа. Наталья поведала о двух свиданиях своей матери с Эренбургом, который «отравил ей последние десять месяцев жизни» (Евгения Борисовна Бабель умерла в 1957 г.). Наталья полагала, что Эренбург требовал от ее матери засвидетельствовать развод с Бабелем по инициативе Антонины Николаевны, но Антонина Николаевна заверила ее, что, хотя Эренбург и Любовь Михайловна принадлежали к числу ее ближайших друзей, о его парижских встречах она ничего не знала. Но она знала, как много сил вложил Эренбург, опекая ее и Лидию, и какие старания прилагал, чтобы рассказы Бабеля увидели свет — чтобы вышел в 1957 г. «реабилитационный» сборник, который после более чем двадцати лет полного забвения представил этого замечательного писателя новым поколениям³⁰. Не что иное, как предисловие Эренбурга к книге рассказов Бабеля сделало ее появление возможным. Очерк о Бабеле Эренбург написал еще в 1956 году, надеясь на незамедлительное издание, но месяц шел за месяцем, а книга не появлялась. Тогда Эренбург обратился с письмом к П. Н. Поспелову, секретарю ЦК, ведавшему в те годы делами культуры. Как всегда в подобных случаях, Эренбург, чтобы привлечь внимание своих хозяев, мотивировал свою просьбу иностранными связями.

9 августа 1957 г.

Дорогой Петр Николаевич!

Решаюсь Вас потревожить по следующему поводу. Товарищ Пузиков мне сказал, что мое предисловие к сочинениям Бабеля находится у Вас. Предисловие это написано год тому назад и подвергалось некоторым изменениям по просьбе издательства. Арагон настоятельно просил меня дать ему это предисловие для французского перевода книги Бабеля.

С однородной просьбой ко мне обратились из Венгрии и Италии. В течение четырех месяцев я отвечал просьбой повременить,

но дальше оттягивать мне кажется неудобным. Я считаю, что мне нужно или послать им текст предисловия, или ответить, что такого текста я им не дам <...>²¹

Письмо Эренбурга Пospelову произвело желаемое действие. Власти не могли дальше задерживать выпуск сборника, коль скоро иностранные почитатели Бабеля, в том числе такие, как Луи Арагон, видный член французской компартии, выражали явное нетерпение по поводу этого издания; Бабель пользовался признанием и был слишком хорошо известен. В предисловии Эренбург выразил свою любовь к Бабелю, и свою боль за судьбу друга. Антонина Николаевна была благодарна Эренбургу, чьи усилия подтолкнули выход книги, а ей и дочери обеспечили причитающийся им гонорар²².

Не всем, однако, выход в свет сборника рассказов Бабеля оказался по нутру. Недовольные успехом Эренбурга, чиновники от культуры при Центральном Комитете распространили среди его членов докладную записку, в которой разносили предисловие Эренбурга как «написанное с субъективных позиций, которые могут дезориентировать читателя»; Бабеля еще рано было реабилитировать²³. В том же ключе, с учетом инструкции свыше, нападали и на Эренбурга, и на Бабеля ортодоксальные критики. В пресловутой статье 1958 года, принадлежащей перу Александра Макарова, обвинения в адрес Эренбурга использовались, чтобы нанести удар по Бабелю и очернить его достижения на идеологических основаниях. Согласно Макарову, книги Бабеля будут иметь «большой успех на Западе, чем у советских читателей», — прозрачный намек на то, что выпуск его рассказов следует ограничить²⁴. Равным образом и «Литературная газета» была непримирима. В редакционной (без подписи) статье, в которой обильно цитировался макарковский опус, Эренбурга поносили за стремление «амнистировать любое явление прошлого» и «неправомерно» [sic!] сравнивать гуманизм Бабеля «с гуманизмом всех великих русских писателей»²⁵. Эти критики еще не знали, что в 1958 году Эренбург только начинал «воскрешать трупы».

Ревностное служение Эренбурга памяти Бабеля не кончилось с пятидесятыми годами. Где бы он ни путешествовал — в Европе, в Индии, в Японии, — он считал своим долгом отыскивать переводы рассказов Бабеля и привозить их Антонине Николаевне. (Из пятидесяти трех отдельных иностранных изданий, которые она показала мне в 1984 году, значительная часть была доставлена Эренбургом).

В 1964 г. московская семья Бабеля решила публично отметить его семидесятилетие. Эренбург и Антонина Николаевна хотели,

чтобы вечер памяти Бабеля прошел в большом вместительном зале, но руководство Союза писателей сочло, что для этого мероприятия достаточно выделить небольшую гостиную в Доме литераторов. Когда Эренбург и Антонина Николаевна прибыли к началу заседания, они увидели огромную толпу людей, тшечно добивавшихся, чтобы их пустили в здание (на улице поспешно устанавливали громкоговорители). В знак протеста — ведь они просили дать другое помещение! — Эренбург и Антонина Николаевна отказались занять места в президиуме с почетными лицами, предпочтя сидеть среди публики в зале.

Этот вечер, на котором произносились речи о Бабеле и читались отрывки из его произведений, был поворотным пунктом в возрождении интереса к творчеству писателя. Заседание, проходившее под председательством Константина Федина, генерального секретаря Союза писателей, знаменовало официальное признание. К этому времени ряд рассказов, долгое время не пропускавшихся для публикации, интервью и даже воспоминания Бабеля просочились в печать. Но Эренбурга это не удовлетворяло. Было уже поздно за полночь, когда он закрыл заседание, произнеся речь, полную любви и гнева, — речь, придавшую всему событию высокий эмоциональный накал.

«Те, которые живут, перед Бабелем и читателями обязаны. Разве не удивительно, что страна языка, на котором он писал, издает его в десять раз меньше, чем издают его в социалистических странах и на Западе. Ведь это страшно! (Аплодисменты) <...>

Если бы он жил, если бы он был бездарен, то уже десять раз его собрание сочинений переиздали бы. (Продолжительные аплодисменты).

Не думайте, что я кричу впустую. Я хочу, чтобы, наконец, мы, писатели, вмешались в это дело, чтобы мы заявили, что нужно издать Бабеля, чтобы мы добились устройства вечеров <...>

И вот семьдесят лет. Мы как бы на празднике его. Я согласен встать и служить, как пес, перед всеми организациями, сколько скажут, для того, чтобы выполнить, наконец, переиздание книг, которые стали редкостью теперь, когда препятствий [для их публикации — Дж. Р.] нет. Бумаги нет? Пускай я выключу один свой том. Нельзя злоупотреблять терпением людей, которые хотят послушать о давно погибшем писателе...»²⁶

Выступление Эренбурга, да и других ораторов были последним толчком к полному возрождению интереса к творчеству Бабеля. Воспоминания о нем и исследования его произведений не заставили себя ждать. Вслед за ними, в 1966 году, появились два отдель-

ных сборника его рассказов²⁷. К одному из них предисловие написал Эренбург. До конца своей жизни он оставался верен памяти Бабея.

ПОЕЗДКИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР

Все пятидесятые и шестидесятые годы Эренбург принимал активное участие в Движении за мир. Это давало ему возможность разъезжать по странам и континентам, в особенности, когда его отправляли вручать премии мира иностранным сторонникам Движения, которые зачастую были и его личными друзьями. Весною 1954 года он впервые после пятилетнего перерыва побывал в Париже, где вручил награду своему давнему приятелю Пьеру Коту. В августе того же года отправился в Латинскую Америку (его единственное путешествие на этот континент), чтобы вручить такую же премию в столице Чили, Сантьяго, Пабло Неруде. В 1956 г. он посетил Индию, а в 1957 — Грецию и Японию. В одном только 1960 г. он пересекал советскую границу тринадцать раз, совершая поездки в Скандинавию и Западную Европу. Как и при Сталине, Эренбург оставался полезен режиму в качестве его представителя на Западе — представителя, владеющего языками и хорошими манерами.

Поездка Эренбурга в Чили была особенно каверзной. Прибыв с Любовью Михайловной в Сантьяго 5 августа 1954 года, он был задержан в аэропорту. Хотя таможенники и чиновники иммигрантской службы беспрепятственно его пропустили, внезапно явившееся специальное подразделение политической полиции при министерстве внутренних дел конфисковало все бумаги Эренбурга, включая диплом о присвоении Неруде Сталинской премии, русский перевод его поэмы, книжку французских кроссвордов и латинский список декоративных растений, специфичных для Чили. Эренбург, возмущенный этой конфискацией, заявил, что не покинет аэропорт, пока ему не вернут все изъятые у него бумаги.

Инцидент принял крайне неприятный оборот. Просмотрев якобы конфискованные у Эренбурга бумаги, начальник полиции заявил, что он привез директивы для коммунистических партий Латинской Америки. На следующий день чилийские газеты это раздули, намекая на подготовку подпольной армии и тайного партийного съезда. В сложившихся обстоятельствах подобные инсинуации, при всей их абсурдности, звучали тяжкими обвинениями. Начальник полиции приступил к составлению списка преступлений Эренбурга, добавив, что советский писатель провез грампластинки

с инструкциями чилийским коммунистам. Но и этого полиции показалось мало; однажды рано утром вокруг дома Неруды, где остановился Эренбург, стали взрываться петарды. Только после четырех дней упорной травли наконец вмешался президент и приказал вернуть Эренбургу все его бумаги²⁸.

Провокации эти Эренбурга вовсе не развлекали. Для него лично они представляли собой лишь досадные неудобства, и не более. Однако прибыв в Чили в 1954 г., всего несколько месяцев спустя после военного переворота в Гватемале, где демократически избранное левое правительство было свергнуто в сговоре с Соединенными Штатами, Эренбург не мог не догадаться об их участии в травле, которой подвергся. Несколько месяцев спустя на Совете мира в Швеции он познакомился с молодым чилийским социалистом Сальвадором Альенде. Нетрудно представить себе, что девятнадцать лет спустя Эренбург только убедился бы, что его худшие опасения относительно Чили сбылись: демократически избранный президентом Альенде был не то убит, не то покончил с собой (обстоятельства так и остались невыясненными) во время успешного военного переворота, руководимого генералом Аугусто Пиночетом и поддержанного Соединенными Штатами.

Посещение Индии в январе-феврале 1956 г. протекало в политическом отношении не в пример спокойнее и типичнее для официальных визитов Эренбурга. Он побывал в Нью-Дели, Калькутте, Мадрасе и Бомбее, где встречался с писателями, художниками и левыми политическими деятелями. В Нью-Дели Эренбурга и Любовь Михайловну пригласил на обед премьер-министр Джавахарлал Неру, чьими гостями были также леди Маунтбатен и дочь Неру, Индира Ганди. Сотрудники американского посольства, внимательно следившие за визитом Эренбурга, докладывая в Вашингтон, неизменно отмечали, каким авторитетом он пользуется и как успешно протекает его поездка. Со смертью Сталина Хрущев выступил с инициативой политики «мирного сосуществования» и ему было на руку, чтобы такой писатель как Эренбург, неотделимый от европейской культуры, представлял благие намерения Советского Союза²⁹.

Одного Кремль не учел: поездки Эренбурга укрепляли его престиж в среде ведавшего культурой чиновничества, а это давало ему больше возможностей противиться контролю над искусством и литературой. После смерти Сталина Эренбург способствовал изданию множества книг европейских и советских писателей, зачастую снабжая их предисловиями, где объяснял, почему пьеса Жан-Поля Сартра, стихи Поля Элюара или рассказы Альберто Моравиа при-

надлежат к прогрессивному наследию, которое притязала воплощать собой советская культура. В пятидесятые годы — в период, когда благодаря огромному престижу Эренбурга как героя войны и «всенародно избранного» члена Верховного Совета его голос в поддержку той или иной книги становился решающим фактором для ее опубликования, — Эренбург написал десятки таких предисловий. Он превратил жанр предисловия в форму искусства, вкладывая в две-три странички сведения и оценки, какими редко какое советское издание могло похвастать. У Кремля были собственные, циничные причины оказывать поддержку выдающимся литераторам и ученым Запада; Эренбург использовал свои связи и свой престиж, чтобы расширить доступ советских людей к западной культуре, а Движение за мир содействовало ему в этом, делая такую деятельность возможной.

1956

Рано утром 26 февраля на закрытом заседании XX съезда партии Н. С. Хрущев выступил со своим знаменитым докладом, обличающим «культ личности» Сталина. Он говорил два часа. В своей речи он затронул далеко не все преступления Сталина; ни антисемитизм, ни та цена — в миллионы человеческих жизней, — какая была заплачена за насильственную коллективизацию, упомянуты не были. Отчаянно стараясь сохранить притязания партии на легитимность, Хрущев выдвинул на передний план уничтожение верных сынов и дочерей партии и страх, который испытывали сами члены Политбюро, опасавшиеся за свою жизнь. Вскоре после закрытия съезда Эренбург пригласили в Союз писателей, где он прочитал речь Хрущева; для широкой публики ее текст не публиковался.

Инициатива Хрущева перевернула коммунистический мир. Для советской интеллигенции, вызванные его разоблачениями противоречивые чувства — гнева и облегчения, — воплотились в самоубийстве Александра Фадеева. Талантливый писатель, влюбленный в поэзию и литературу, он в тридцатых годах стал функционером, одним из руководителей Союза писателей, а с 1946 по 1953 г. был его генеральным секретарем. В его обязанности входило подписывать ордера на арест писателей, большинство которых погибли в лагерях или просто исчезли из жизни. В мае 1956 года под грузом стыда, вины и страха, что ему, возможно, придется отвечать как сообщнику сталинских репрессий, Фадеев застрелился. Несколько месяцев спустя после его трагического конца Эренбург передал поэтессе Маргарите Алигер, дружившей с Фадеевым, папку со ста-

тнями и некрологами, появившимися в западной прессе. Эренбург знал о «жестокости» Фадеева и о глубине его личной трагедии. Многие увидели в самоубийстве Фадеева акт покаяния. Как сказал Пастернак над его открытой могилой: «Александр Александрович себя реабилитировал!»³⁰.

***

Откровения Хрущева о сталинских преступлениях привели к волнениям в Польше и Венгрии. Брожение особенно ощущалось в Венгрии и недовольство режимом нет-нет да выплескивалось на поверхность. Эренбургу довелось почувствовать дуновение грядущих событий еще до хрущевского разоблачения Сталина. В октябре 1955 г. при вынужденной посадке в Будапеште он по просьбе твердокаменного лидера венгерских коммунистов Матиаша Ракоши отправился провести вечер с венгерскими писателями. Войдя в зал, где собралось много народу, Эренбург сразу почувствовал царящую в нем напряженность. Писатели казались «озабоченными» и были совершенно равнодушны к рассказу о литературной жизни в России. Один из вопросов — «А почему в Венгрии ваша „Оттепель“ издана в количестве ста экземпляров только для партийного руководства?» — насторожил Эренбурга. Ответа у него не было, зато по жестам и шуму в зале он мог сказать, что его венгерские коллеги чем-то сильно «озлоблены»³¹.

В полную силу кризис в Будапеште разразился в 1956 году. Кремль, по крайней мере, публично, попытался добиться политического соглашения, но восстание ширилось и ужесточалось, а когда новый премьер-министр Венгрии Имре Надь бросил вызов советскому строю — Надь сформировал коалиционное правительство, куда вошли некоммунисты и объявил о намерении Венгрии выйти из Варшавского блока, — Хрушев предпринял полномасштабное вторжение. За первую неделю ноября более одиннадцати советских дивизий оккупировали Венгрию, десятки тысяч человек были убиты и учреждено новое просоветское правительство, возглавленное Яношем Кадаром. Имре Надь, несмотря на гарантии сохранить ему жизнь, был расстрелян в Москве.

Кровавая осень 1956 г. грозила пустить под откос как процесс либерализации в Советском Союзе, так и наметившийся после смерти Сталина прогресс в политических и культурных отношениях с западным миром. Реакция Эренбурга на хрущевское вторжение в Венгрию была сложной и противоречивой. Как советский патриот,

он не хотел нарушения равновесия сил в Европе. Он знал, что западные радиостанции все время подстрекали население Восточной Европы к сопротивлению и обещали, в случае необходимости, помощь Запада — факторы, не позволявшие безоговорочно сочувствовать восстанию в Венгрии. Эренбурга в первую очередь волновало, что вслед за репрессиями в Польше и Венгрии Советский Союз вновь может оказаться в культурной изоляции. Первые сообщения о политическом кризисе в Венгрии появились в «Правде» 25 октября; по случайному совпадению Эренбурги в тот же день устраивали в Москве прием по случаю открытия выставки Пикассо. Хотя выставка действовала только до 12 ноября, ее рассматривали как прорыв в советской культурной политике, прорыв, в осуществление которого Эренбург вложил немало труда. Если события в Восточной Европе разорвали бы связи с Западом — либо из-за отказа Кремля поддерживать подобные инициативы, либо из-за бойкота Советского Союза западной интеллигенцией, — результат был бы однозначен: возвращение к культурной изоляции сталинских времен — положение, которого Эренбург решил во что бы то ни стало избежать.

От Эренбурга как крупного советского деятеля ожидали поддержки военного вторжения в Венгрию. Вскоре ему предоставилось несколько возможностей выступить в защиту советской агрессии. 18 ноября в Хельсинки открылось расширенное заседание Бюро Всемирного Совета Мира. К этому времени многие сторонники Советского Союза, как, например, Жан-Поль Сартр, выступили против советской военной акции в Венгрии; другие, как, например, члены делегации итальянских социалистов, приехали в Хельсинки с единственной целью — заявить о своем выходе из Движения за мир. Эренбург изо всех сил старался найти компромисс, который, позволив противникам советского вторжения чувствовать себя удовлетворенными, предотвратил бы их разрыв с Движением. После бурных дебатов была единодушно принята резолюция, возлагавшая вину за кризис на «холодную войну» и «ошибки предшествующих правителей Венгрии»³². С помощью Эренбурга подобный компромисс сохранил Движение за мир, удержав от полного развала после кремлевского вторжения в Венгрию.

Но советским верхам этого было недостаточно. Они ожидали от Эренбурга большего. По возвращении в Москву он узнал о протесте французских писателей и ученых и ответе на него советских писателей, опубликованном в «Литературной газете». Стараясь не опускаться до перепалок в духе «холодной войны», французы порицали вмешательство Соединенных Штатов в дела Гватемалы и

осуждали «лицемеров», не желавших видеть сходства между политикой Соединенных Штатов в Центральной Америке и советским вторжением на территорию Венгрии. В советском ответе, составленном по всем правилам демагогии «холодной войны», заявлялось, что советское вмешательство оказалось необходимым вследствие проникновения в Венгрию «правых элементов» — фашистов, которые «начинают с сжигания книг и кончают еврейскими погромами»³³.

Эренбурга никогда не прельщало участие в коллективных заявлениях; он знал, как они изготавливаются. К тому же, по его мнению, ответ собратьев-писателей «был пространен и недостаточно убедителен»³⁴. Все же два дня спустя он поставил под ним свое имя, присоединившись к таким либеральным фигурам как Маргарита Алигер, Павел Антокольский и Александр Бек, которые, каждый по своим мотивам, не подписали это письмо по первому требованию. У Эренбурга не было выбора, если он хотел удержать за собой свое официальное положение и завершить то, что, как он все еще надеялся, сможет реально довести до конца³⁵.

Продемонстрировав послушание, Эренбург выступил инициатором собственного мероприятия. В том же году, несколько ранее, он через Общество франко-советской дружбы затеял вместе с Веркором показать в Москве репродукции шедевров французских импрессионистов. Теперь Веркор, который был в числе подписавших протест против советской интервенции в Венгрии, считал, что выставку отменят, Эренбург же, напротив, решил во что бы то ни стало ее спасти. 1 декабря в «Литературной газете» появилось его «Письмо в редакцию», в котором выражалось горячее желание сохранить связи с Западом: «Мне кажется, — писал Эренбург, — нужно уметь отделить наших друзей, которые в том или ином вопросе расходятся с нами, от людей, призывающих к разрыву с Советским Союзом и с коммунистами. Некоторые круги Запада теперь стремятся возродить климат холодной войны и разъединить деятелей культуры, преданных делу мира и прогресса. Я считаю, что в наших интересах, в интересах мира сделать все, чтобы этому воспрепятствовать». Веркор с радостью откликнулся. Хотя он не отступился от своих взглядов на советское вторжение, ему вовсе не хотелось, чтобы Советский Союз вновь оказался в изоляции. 18 декабря «Литературная газета» поместила открытое письмо Эренбургу, в котором Веркор приветствовал возможность привезти свои репродукции в Москву, и вскоре выставка состоялась³⁶.

ПАБЛО ПИКАССО

Эренбурга никогда не покидала вера в то, что художественное творчество в силах преодолевать географические и культурные границы. Его величие как общественного деятеля лучше всего отразилось в этой крепкой вере, в той любви, которую она породила у миллионов людей, и в той ненависти, которую он вызывал у тех же политических фигур, считавших, в разные времена, необходимым и пристойным отмечать его наградами.

Выставка Пикассо 1956 года — типичный пример упорства и настойчивости Эренбурга в этом отношении. Ему пришлось одолевать немалые препятствия и со стороны Союза художников, где Александр Герасимов подавлял абсолютно все, кроме традиционного стиля изобразительной живописи, и со стороны Министерства культуры, чинившего их по политическим соображениям. 25 октября 1956 г. в московском Доме архитектора отмечали семидесятилетие Пикассо; на следующий день намечалось открытие выставки его работ в Пушкинском музее. Предполагалось, что приедет и сам Пикассо, но из-за событий в Венгрии поездка в Москву стала для него невозможной. В Доме архитектора Эренбург встретили «продолжительной овацией», чествуя его «как самого откровенного и самого известного советского поклонника Пикассо»³⁷. В тот же вечер длинная очередь выстроилась на улице у Пушкинского музея и простояла там всю ночь до утра: многим хотелось первыми попасть в залы. Открытию должна была предшествовать краткая церемония — перерезание ленточки. Это предстояло сделать Эренбургу. Когда он прибыл в музей, у входа стояла возбужденная, распаленная нетерпением толпа. Эренбург обратился к напиравшим со всех сторон людям, стремясь унять охватившее их волнение. «Вы ждали тридцать лет, — сказал он. — Подождите же еще десять минут»³⁸.

В своих воспоминаниях, опубликованных несколько лет спустя, Владимир Слепняк, молодой художник-абстракционист, писал: «для меня и для многих молодых художников выставка Пикассо <...> была самым значительным, исключительным событием в нашей художественной жизни <...> В течение целых двух недель у Пушкинского музея уже с самого раннего утра и до закрытия стояла гигантская очередь <...> ожидая на улице, и милиция была вынуждена пропускать людей маленькими группами, потому что счастливицы, попавшие на выставку, не хотели оттуда уходить и в залах нигде было повернуться»³⁹.

Отнюдь не все восторгались Пикассо. Даже среди раввавшихся на

выставку были такие, кто оставил в книге отзывов записи, явно отражающие десятилетия советской пропаганды. «Картины из коллекции Эренбурга, — писал один из посетителей, — особенно ненормальны и бесстыдны»⁴⁰. Эренбургу, когда дело касалось Пикассо, постоянно приходилось бороться с подобными мнениями. Он любил рассказывать о реакции одного важного советского издателя на картину Пикассо, изображавшую жабу.

«В разгар кампании против формализма, — передавал рассказ Эренбурга британский коммунист Айвор Монтегю, — Эренбург заметил, что его гость, известный советский издатель, исподтишка, через плечо, бросает нервные взгляды на отвратительное чудовище, висевшее у него за спиной. “Что это, как вы думаете? — осведомился у него Эренбург. — Карикатура на американский империализм” [объяснил он гостю — Дж. Р.]. “Великолепно! — обрадовался тот, успокоившись. — Замечательно, Илья Григорьевич, самая его суть”»⁴¹.

Писателю Андрею Синявскому довелось непосредственно убедиться в горячей любви Эренбурга к Пикассо, — так сказать, на личном опыте⁴². Впервые они познакомились в 1959 г., когда Синявского попросили прорецензировать раздел в воспоминаниях Эренбурга, посвященный Андрею Белому. Позднее, в том же 1959 году, Синявский и его друг, искусствовед Игорь Голомшток, обратились к Эренбургу с просьбой помочь им опубликовать небольшую книжку о Пикассо — первую в послевоенном Советском Союзе о великом французском художнике. Эренбургу их инициатива понравилась и он предложил написать предисловие — предложение, тотчас же принятое издателями, которые надеялись, что предисловие Эренбурга обеспечит выход книги.

В предисловии Эренбург представил Пикассо советскому читателю, делая акцент на его безграничной энергии в работе, на беспорядке, царящем в его парижских студиях, и, естественно, на его приверженности коммунизму. Правда, в тексте несколько раз мелькают упоминания о том, как Пикассо высмеивал советские воззрения на искусство. Рассказывается, например, как Александр Фадеев, познакомившись с Пикассо на Вроцлавском конгрессе в 1948 году, предъявляет ему претензию в чисто советском стиле. Почему, спрашивает французского художника Фадеев, «вы иногда выбираете форму, непонятную людям?» В ответ Пикассо напоминает ему, как их обоих учили читать — учили по слогам. «Ну, хорошо, а живопись вас учили понимать?» — подытоживает Пикассо. И Фадеев сдается. «Была пора, — комментирует Эренбург, — когда у нас культивировалась живопись, похожая на раскрашенную фотогра-

фию». Приводит он и другой случай, когда Пикассо вышучивает молодого советского художника, разговор с которым происходит в Париже. Пикассо рекомендует ему вместо тюбиков с обозначением красок предложить советским фабрикам наполнять тюбики смесью с названиями «для лица», «для волос», «для мундира». «Это было бы куда разумнее», — заявляет Пикассо молодому человеку⁴³.

С момента, когда два приятеля ознакомили Эренбурга со своим замыслом, он сразу понял, что опубликовать такую книгу будет нелегко, и предпринял некоторые шаги, чтобы ее «пробить». Используя свою излюбленную стратегию, Эренбург связался с парижской «Юманите» и подбил редакцию поместить сообщение о выходе в Москве первой русской книги о Пикассо. Он также заручился помощью Долорес Ибаррури, прославленной испанской коммунистки, рассчитывая, что ее слово изменит обстоятельства. Книга вот-вот должна была увидеть свет, но вмешался кто-то «наверху» и приостановил ее появление. Весь тираж — сто тысяч экземпляров — был задержан по приказу Центрального Комитета. Даже Голумштоку и Синявскому не позволили взять положенные экземпляры. Узнав об этом «аресте», Эренбург обратился к главному идеологу Политбюро М. А. Суслову, приводя в своей просьбе доводы, граничившие с шантажом.

«4 июня 1961 г.

Дорогой Михаил Андреевич!

Я решаюсь беспокоить Вас по вопросу, казалось бы, второстепенному, но который может получить большое значение для Движения сторонников мира. В начале этого года издательство «Знамя» отпечатало брошюру о Пикассо тиражом в 100 тысяч экземпляров. Издательство попросило у меня разрешения напечатать в виде предисловия отрывок из моих воспоминаний о Пикассо. Будучи за границей, на вопросы журналистов я отвечал, что такая книжка выходит, а месяц тому назад, во время моего пребывания в Италии, ответил, что книжка вышла — к этому времени я уже получил авторские экземпляры. В ряде западноевропейских газет я видел заметки и статьи, посвященные этой книге.

Недавно издательство сообщило мне, что оно предполагает уничтожить свыше двух третей тиража. Я сейчас не касаюсь вопроса, удачен ли текст и подбор иллюстраций. Я пишу Вам не как человек, любящий искусство Пикассо, а как один из участников Движения сторонников мира. В этом году французская компартия и прогрессивные французские, да и не только французские организации будут отмечать восьмидесятилетие Пикассо. Было бы очень

неприятно, если бы сообщения об уничтожении большей части отпечатанной у нас книги просочились бы на Запад, а теперь такие вещи обычно туда проникают. Именно это и заставило меня обратиться к Вам с просьбой, если Вы найдете возможным, вмешаться в это дело.

С глубоким уважением

И. Эренбург»⁴⁴.

Иными словами, Эренбург ясно говорил, что уже уведомил западных журналистов о существовании книги и что ничего не стоит дать им знать, если бы по официальному указанию она была уничтожена. Властям пришлось пойти на попятный. Таким образом, книжка о Пикассо, по западным меркам, скромная брошюра — пятьдесят страниц текста и два десятка черно-белых репродукций (включая портрет Эренбурга и работы из его частной коллекции) — поступила в продажу для широкой публики.

Эренбург оставался главным поклонником и ценителем творчества Пикассо в Москве. Летом 1960 г. галерея Тейта обратилась к нему с просьбой: помочь в получении полотен Пикассо из советских музеев для грандиозной ретроспективной выставки художника в Лондоне, а в октябре 1966 г. Эренбургу пришлось вновь вступить в полемику о Пикассо — на этот раз с министром культуры Е. А. Фурцевой, возражавшей против небольшого показа графики Пикассо по случаю его восьмидесятилетия. Эренбург привез из Парижа в Москву сорок две гравюры, рассчитывая развернуть интересную экспозицию. «Не вывесить эти гравюры, мне кажется, было бы не только личной обидой художнику, — писал он самой Фурцевой, — но и политически неправильно по отношению к нашим французским друзьям»⁴⁵. Его аргументы переубедили противников Пикассо, и выставка состоялась⁴⁶.

Отношение советских чиновников к его творчеству сильно задело Пикассо. Несмотря на свою приверженность к коммунистам, он отказался от присужденной ему в 1965 г. Ленинской премии мира. Эренбург и Лизлотта Мэр отправились к нему на юг Франции и только после уговоров Эренбурга он согласился принять премию (израильская газета «Хаарец» утверждала, что премия вручалась тайно⁴⁷). На фотографии, снятой женой Пикассо, Жаклин, оба друга лукаво улыбаются, как напроказившие мальчишки: уж они-то знают, что для художника ранга Пикассо эта премия вряд ли многого стоит. У Эренбурга, правда, имелись серьезные личные причины настоять на том, чтобы Пикассо ее принял: это помогало ему утверждать непреходящую ценность современного искусства в спорах с советскими аппаратчиками.

Эренбург также положил много сил, отстаивая произведения своего давнего друга — советского художника Роберта Фалька. Фальк писал городские и сельские пейзажи в импрессионистической манере, которой овладел в годы учения в Париже. Но в Союзе художников над работами Фалька потешались. Александр Герасимов, глава Союза художников, лично запрещал советским музеям покупать картины Фалька. Фальк умер в октябре 1958 года, и в надгробном слове Эренбург — он говорил последним — предсказал, что наступит время, когда музеи будут спорить за право иметь у себя картины Фалька. Когда в начале 1960 г. в Москве, к великой радости хлынувших на нее любителей искусства, открылась выставка Фалька⁴⁸, большинство признавались, что впервые узнали о художнике из статей и очерков Эренбурга.

Отмечая неослабевающую энергию, вкладываемую Эренбургом в организацию таких мероприятий, Маргарита Алигер в своих воспоминаниях о нем отдала ему дань в следующих словах:

«Вспомните хотя бы его многолетнюю, упорную борьбу с Александром Герасимовым всего только за право истинного искусства, всего только за право живописи быть многообразной и своеобразной — какой безнадежной и бессмысленной казалась тогда эта борьба, но Эренбург не отступал и не складывал оружия. И если в 60-х годах в Москве состоялись выставки Пикассо и Фалька, Тышлера и Гончаровой и многих других, если сейчас мы уже и думать забыли о том, сколь долго были лишены таких возможностей, — это в конечном счете итог борьбы, которую долгие годы вел Эренбург, в сущности, один. Это его победа, и мы не смеем забывать об этом»⁴⁹.

ВТОРАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

Эренбург был далеко не единственным писателем, готовым шагнуть за установленные для советской культуры границы. В 1956 г. Владимир Дудинцев и молодой поэт Евгений Евтушенко (назовем только двоих) опубликовали произведения — роман «Не хлебом единым» первый и поэму «Станция Зима» второй, — которые ставили опасные в идеологическом плане вопросы о советском обществе. Оба эти произведения связаны с периодом, памятным как «вторая оттепель», когда вслед за хрущевским закрытым докладом многие писатели воспользовались возможностью углубиться в политически острые темы.

Ряд писателей был готов идти еще дальше. Вениамин Каверин, друживший с Эренбургом, мечтал о создании независимой прессы, и в 1956 году попытался это осуществить. Вместе с Маргаритой

Алигер они составили и выпустили два тома альманаха «Литературная Москва», внушительное собрание рассказов, очерков и стихотворений, большая часть которых вряд ли увидела бы свет в каких-либо изданиях. Эренбург поддержал это начинание, напечатав в альманахе эссе о творчестве Марины Цветаевой, которое должно было стать предисловием к однотомнику ее поэзии, намечавшегося к выпуску на следующий год; это эссе впервые за много лет нарушило молчание, окружавшее имя Цветаевой. Однако и «Литературная Москва», и однотомник Цветаевой стали жертвами венгерских событий. Н. С. Хрушев лично обрушился на «Литературную Москву» и сделал разнос Каверину и Алигер за то, что они не повинились с должным смирением в своих идеологических ошибках; что же касается цветаевского однотомника, то его издание отложили на неопределенный срок.

Эренбургу также досталось за пропаганду стихов Цветаевой. На собрании в Союзе писателей, созданном для обсуждения «Литературной Москвы», его эссе помянули как неприемлемое для столь крупного советского литератора⁵⁰. В популярном сатирическом журнале «Крокодил» появилась статейка, высмеивающая преклонение Эренбурга перед Цветаевой, которая занимает «скромное место в русской литературе»⁵¹. Даже газета «Правда» не погнушалась использовать для данного случая свой авторитет. Спеша низвести Цветаеву с пьедестала, на который поднял ее Эренбург, «Правда» характеризовала Цветаеву как декадентскую поэтессу, чье имя и стихи не нашли отклика в сердцах советских людей и давным-давно преданы забвению⁵².

Эренбург не испугался окриков и продолжал делать все возможное, чтобы вернуть Цветаевой положенное ей место в русской литературе. Для него это прежде всего было вопросом признания ее как блистательного поэта — сегодня Цветаеву безоговорочно ставят в один ряд с Ахматовой, Мандельштамом и Пастернаком как одного из четырех величайших русских поэтов XX столетия, — и вопросом личного долга памяти давнего друга. Их отношения не были легкими и благостными. Они заспорили уже при первой встрече, когда их познакомили в августе 1917 года в Москве. Несколько позже Волошин писал Цветаевой, что его это нисколько не удивляет: оба они «капризники и задиры». Однако четыре года спустя, когда Эренбург уезжал в Европу, Цветаева считала его близким другом, «добрым, заботливым», как писала Волошину. «Всею моею радостью я обязана ему»⁵³. Тем не менее, после пребывания Цветаевой в 1922 г. в Берлине, где она часто виделась в Эренбургом,

* Главным «мотором» этого проекта был Э. Г. Казакевич (прим. ред.).

встречи с ним «были редкими, случайными, пустыми»⁵⁴. В тридцатых годах она с мужем и двумя детьми жила в Париже. Их семейная жизнь шла к распаду. Сергей Эфрон стал советским агентом, призывавшим эмигрантов признать большевистское правительство; дочь Аля принимала активное участие в просоветской деятельности отца и мечтала вернуться в Москву. Сергей Эфрон выполнял и другие, более каверзные, задания: он был замешан в уничтожении Игнатия Рейсса, бывшего советского шпиона, невозвращенца, искавшего убежища во Франции. После убийства Рейсса в сентябре 1937 г. Эфрон бежал в Москву, где к этому времени уже обосновалась Аля. Вскоре и Цветаева была вынуждена последовать за дочерью и мужем. Вместе с четырнадцатилетним сыном она в 1939 году выехала в Москву. Их воссоединение было недолгим. Сначала Аля, а за ней Сергей Эфрон подверглись аресту. Он был расстрелян, Але предстояло провести шестнадцать лет в заключении.

Одинокая, напуганная, Цветаева оказалась в изоляции: вокруг почти не было друзей, готовых протянуть руку помощи. За ней велось наблюдение и люди боялись: а вдруг их с нею увидят. Решив во что бы то ни стало уберечь сына, она вела скучное существование, зарабатывая переводами для советских журналов. В июле 1940 г. в Москву вернулся Эренбург, но увиделись они год спустя, после немецкого вторжения, когда жизнь стала еще неприкаянней.

О последней встрече с Цветаевой летом 1941 года Эренбург в своих мемуарах пишет с чувством вины: поглощенный сообщениями с фронта он был невнимателен к ней, не сумел дать дельный совет, где ей достать работу. Не в силах продолжать такую жизнь, Цветаева 31 августа 1941 г. покончила с собой в далеком городке Елабуга на реке Кама в Татарской республике.

После смерти Цветаевой официальная точка зрения на ее поэзию оставалась негативной. Только в пятидесятых годах Эренбургу удалось переломить это отношение. Как член комиссии по литературному наследству Цветаевой он помог добиться разрешения опубликовать сборник ее стихов. (Эренбург входил в такие же комиссии по литературному наследству Бабеля, Пильняка, Бориса Пастернака; он предложил возглавить комиссию по литературному наследству Василия Гроссмана после смерти писателя в 1964 году, но Союз писателей кандидатуру Эренбурга отверг). Узнав о готовящемся к печати однотомнике, дочь Цветаевой, Аля Эфрон, тогда всего год как освободившаяся из лагеря, писала Эренбургу в письме от 22 мая 1956 г.: «Ах, Боже мой, как я счастлива, что Вы будете писать предисловие! Вы единственный, который может это сделать — и сердцем, и умом, и знанием ее творчества и чистыми

руками!»⁵⁵ Год спустя, в апреле 1957 года, она писала подруге о книге, все еще стоящей в плане: «Мамина книга по-прежнему висит в воздухе <...> Все это тянется уже два года <...> С нетерпением жду возвращения из Японии Эренбурга, и он может многое сделать, несмотря на то, что все взялось на него за предисловие»⁵⁶. Надежды ее не сбылись. Однотомник вышел только в 1962 г. — с другим составом и без предисловия, подготовленного для него Эренбургом.

В том же, 1962 г., Эренбург председательствовал на первом вечере памяти Цветаевой, устроенном 26 декабря в Москве. Как и на многих подобных мероприятиях, огромная неистовая толпа осаждала вход в зал, слишком маленький, чтобы вместить всех желающих. В своем вступительном слове Эренбург проявил тонкое, глубоко личное понимание поэзии Цветаевой, ее любви к жизни, ее трагического одиночества, подорвавшего ее силы и волю жить: «Она сначала жила, терзалась, плакала, радовалась, а потом уже писала», — сказал Эренбург. Он также напомнил слушателям самые знаменитые строки Цветаевой: «Гетто избранничеств! Вал и ров. / По-шады не жди! / В сем христианнейшем из миров / Поэты — жида!»⁵⁷ Эренбурга с творчеством Цветаевой связывало несколько болезненно волновавших и его вопросов: она не была еврейкой, но ее поглощенность поэзией делало ее изгоем, человеком за пределами нормального общества. До конца своих дней Эренбург оставался верен поэзии Цветаевой. Сравнивая ее творчество с творчеством Пастернака, он заметил в 1966 г.: «Я любил Цветаеву, теперь я ее боготворю. Я боготворил Пастернака, теперь я его люблю»⁵⁸. За день до смерти, беседуя с поэтом Борисом Слуцким, Эренбург сказал ему, что больше всех других стихов восторгался поэзией Мандельштама и Цветаевой⁵⁹.

***

К началу января 1956 г. Эренбург так сильно настроил против себя Центральный Комитет, что среди его членов циркулировала докладная записка, где перечислялись все эренбурговы прегрешения. В Будапеште он позволил себе замечания, которые вполне могли бы цитироваться «сторонниками правого антипартийного уклона в венгерской литературе». В Париже он «нигилистически отозвался о советской критике и литературе, не указав никаких ее положительных и поучительных сторон». Как член редколлегии нового журнала «Иностранная литература» он проталкивал в печать «натуралистическую и бескрылую» повесть Хемингуэя «Ста-

рик и море» и рекомендовал романы Фолкнера, «творчество которого крайне формалистично и мрачно», пытаясь ввести их в советскую культуру. И делался вывод: Эренбурга следует вызвать в Центральный Комитет и указать ему лично, что его высказывания и все поведение в целом «способны наносить ущерб влиянию советской литературы и искусства за рубежом». Однако февральская речь Хрущева сорвала планы этих сталинских овчарок. Только в октябре, когда они вышли из столбняка и стали заново укреплять свою власть, Эренбурга вызвали в Центральный Комитет, заставив выслушать официальные нарекания⁶⁰.

О его реакции на подобного рода давление лучше всего судить по произведениям, которые он тогда создавал. Своими статьями о Бабеле и Марине Цветаевой он извлек их творчество из бездны забвения⁶¹. В 1957, а вслед затем в 1959 г. он опубликовал две большие статьи — о Стендале и о Чехове, в которых продемонстрировал обширную эрудицию и умение, говоря о веке прошедшем, открывать читателю глаза на его собственный век. Именно этот дар к научному исследованию — вдобавок ко всему, созданному Эренбургом поэтом, публицистом и романистом — разжег враждебность к нему в Союзе писателей и Центральном Комитете, объединившим против него свои усилия. Он был слишком образован в области литературы и культуры, слишком *космополитичен* в подлинном смысле этого слова. Кто еще мог бросить вызов режиму, написав две статьи о литературе девятнадцатого века?

Статья Эренбурга о Стендале появилась в одном из летних номеров 1957 г. журнала «Иностранная литература». Отвечая на возобновившийся нажим на литературное сообщество, Эренбург обратился к Стендалю как к средству отстоять свободу художественного творчества. Привлекая широкий круг источников, он показывал, как ущемляли Стендаля из-за его независимых взглядов на французское общество. Он «ненавидел деспотизм и презирал подхалимство», по собственному опыту зная, что условия тирании губительны для искусства. Художнику и ученому необходима свобода. При принуждении нет и не может быть расцвета творческих сил. Эренбург писал, цитируя Стендаля: «Даже если король — ангел, его правительство уничтожает искусство — не тем, что оно запрещает сюжет, картину, а тем, что ломает души художников». Более всего полемический аспект статьи проявлялся, однако, в использованных Эренбургом острых высказываниях Стендаля против тирании. Хрушевское развенчание Сталина на XX съезде зародило сомнение в советской системе в целом — веяние, не на шутку встревожившее Хрущева и его сотоварищей, и они взяли твердую ли-

нию: при любом упоминании преступлений Сталина сводить их к личным порокам умершего диктатора, не допуская, чтобы преступления, которые они согласились признать, относили на счет унаследованной ими системы. Эренбург приводил цитату из Стендаля, чтобы сделать собственные взгляды кристально ясными:

«Бейль [Стендаль — *Дж. Р.*] часто говорил, что дело не в личности тирана, а в сущности тирании, что тиран может быть умным или глупым, добрым или злым <...> его пугают заговорами, ему льстят, его обманывают; полнятся тюрьмы, шепчутся малодушные лицемеры, и твердеет молчание, от которого готово остановиться сердце»⁶².

Только этого абзаца хватило одному американскому комментатору, чтобы сделать вывод: статья Эренбурга, «возможно, самый сильный приговор диктатуре коммунистической партии с того времени, как к власти пришел Сталин»⁶³.

Эренбург писал «Уроки Стендаля», предвидя, что его враги вовсю на нее ополчатся. День спустя после того, как была поставлена последняя точка, он отправил письмо в Ленинград своей многолетней приятельнице Лизе Полонской, в котором писал: «Я борюсь, как могу, но трудно. На меня взъелись за статью о Цветаевой <...> Я долго сидел над двумя статьями. Сначала написал о французских импрессионистах, а вчера кончил большую статью о Стендале. Это, разумеется, не история, а все та же борьба»⁶⁴.

И вновь, в который раз, развернулась кампания, оркестрованная Центральным Комитетом. Ортодоксальные критики бросились наносить ответные удары, ругая Эренбурга на страницах «Литературной газеты» и журнала «Знамя» за то, что он «воспроизводит большое количество ложных суждений о Стендале, пошлостей и глупостей»⁶⁵. Но тут за него вступились его европейские друзья. Луи Арагон, поместив большой отрывок из статьи Эренбурга в коммунистическом еженедельнике «Леттр франсез», сопровождал его детальной и резкой отповедью советским критикам⁶⁶. Как это часто бывало, Эренбург воспользовался дружбой с либерально настроенными коммунистами Запада, чтобы защитить свое положение в Москве.

***

Из русских писателей Эренбург выше всех ставил Чехова. В статье, опубликованной летом 1959 г. в «Новом мире», он в полную силу использовал свой эзопов дар, чтобы представить жизнь и твор-

чество Чехова при царе так, чтобы они перекликались с проблемами послесталинского периода, в особенности с проблемой свободы самовыражения и официальным антисемитизмом. И когда Чехову приходилось соприкасаться с царской тиранией, и когда он столкнулся с враждебностью к евреям во Франции, он неизменно выражал свое негодование. «В глазах Чехова совесть была величайшим арбитром» — так определил Эренбург поведение Чехова. Не позабыл он также напомнить, что в 1903 г., когда царское самодержавие аннулировало избрание Максима Горького в Академию наук, Чехов сложил с себя звание академика. Статья Эренбурга, появившаяся через год после исключения Бориса Пастернака из Союза писателей за роман «Доктор Живаго», звучала язвительным напоминанием о том, как братья-писатели вели себя теперь.

Современник Золя, Чехов с пристальным интересом следил за делом Дрейфуса, и Эренбург в нескольких местах своей статьи с гордостью отмечал, с каким восхищением русский писатель оценивал мужество Золя. Хотя в пятидесятых годах Эренбургу было по сути невозможно говорить об антисемитизме, но и советским цензорам было в равной мере трудно запретить цитировать Чехова. Эренбург выражал свои воззрения через слова Чехова, приводя его взгляд на дело Дрейфуса: «...заварилась мало-помалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней. Когда в нас что-нибудь неладно, мы ищем причины вне нас и скоро находим»⁶⁷.

***

Многие годы читатели поддерживали Эренбурга страстными сочувственными письмами. (Те, кому он не нравился, писали, как правило, в ведущие журналы, в Центральный Комитет, прямо в «органы», рассчитывая изъять имя Эренбурга из анналов советской литературы). Теперь, с приближением преклонного возраста, когда его конфликты с режимом происходили все чаще и становились все острее, такая поддержка со стороны читателей помогала ему укрепить нравственные силы и решимость.

Особенно радовало откровенное бесстрашие Эренбурга его друзей. Писательница Фрида Вигдорова, которую позднее назовут «первой диссиденткой», отправила ему 25 августа 1957 года следующее коротенькое письмецо: «Пользуюсь возможностью сказать Вам, что Вы написали блистательный очерк о Стендале. Огромное Вам за него спасибо. Он будоражит ум и сердце и заставляет думать об очень многом»⁶⁸.

А вот другое письмо, написанное семь месяцев спустя Надеждой Мандельштам. Оно отражает не только внимание к литературным планам Эренбурга самой корреспондентки, но и широкий интерес в кругах московской интеллигенции к тому, над чем он работает и что в ближайшее время собирается публиковать.

«Дорогой Илья Григорьевич!

Очень хотелось бы тебя видеть. Рада тебе сказать, что я много слышу о тебе добрых и теплых слов. Знаешь, что самое главное? Спокойно работать. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы это была книжка о поэзии. Я верю в нее. Любопытно, что всех интересует вопрос, о чем будет твоя следующая книга, и очень предполагают, что это будут либо стихи, либо книга о стихах.

Целую тебя крепко

Надя

Любочка, улыбнитесь — я вас целую»⁶⁹.

И с Фридой Вигдоровой, и с Надеждой Мандельштам Эренбург поддерживал тесные отношения. Обе они пристально следили за публикуемыми им работами, часто писали ему, обращаясь в случае надобности за советом. Но самый поразительный отклик на то, что вышло из-под его пера в конце пятидесятых, пришел от дочери Сталина, Светланы Аллилуевой. Родившаяся в 1926 году, Светлана Аллилуева стала серьезным исследователем литературы и в тот период работала в Институте мировой литературы им. Горького в Москве. Когда в августе 1957 г. она прочитала статью Эренбурга о Стендале, ей захотелось ему написать. «Два дня я ходила с этой неотвязной мыслью», — признавалась она. В письме она говорит о своей любви к литературе, о том, каким чудом воспринимается ею и ее соучениками по университету «процесс оформления чувства и мысли в слова». Но, как явствует из ее письма, действительное положение вещей в советской интеллектуальной жизни вынуждает ее и ее товарищей скрывать свои мысли. «Но вот беда: у каждого из нас <...> есть десятки интересных мыслей об искусстве, но мы никогда их не произносим вслух в те моменты, когда нам представляется трибуна научной конференции и страницы журнала. Там мы пережевываем жвачку известных всем высушенных догм, и это не от нашего лицемерия, — подчеркивает она, — это какая-то болезнь века, и в этой двойственности даже никто не видит порока, это стало единственной формой мышления интеллигенции <...> Я не ломлюсь в открытую дверь, — поясняет она, — нет, я, к сожалению, декларирую все это перед глухой стеной». Статья Эренбурга о Стендале внушила Светлане уверенность, что она может быть откровенной с ним, что он поймет разочарованность молодого чело-

века, который не может выразить свою любовь к литературе, не оглядываясь на строжайший контроль. А далее она делится с Эренбургом очень личными переживаниями, рассказывая о своем трагическом романе с Алексеем Каплером, заплатившим за любовь к ней годами концлагеря. Пишет Светлана и о своей любимой няне, деревенской женщине, прослужившей в семье Сталина тридцать лет. Няня уже умерла, и «похоронили ее <...> рядом с могилой нашей матери» (то есть с могилой Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина, которая покончила с собой в 1932 году) на Новодевичьем кладбище. (Пройдет несколько лет, и в шестидесятых годах Светлана расскажет гораздо больше о своей семье в мемуарах, которые выйдут на Западе после ее нашедшего бегства из Советского Союза в 1967 году). «Я написала Вам все это просто потому, что не могла не написать, — заканчивала она. — Извините меня, если это неинтересно. <...> Я очень признательна Вам за Вашу страстную любовь к искусству и за то, что Вы, один из немногих, умеете находить слова правды, произнося эти слова вслух и не прибегая к той двуличности, которая для нас всех — современных советских обывателей — интеллигентов — стала второй натурой»⁷⁰.

Эренбург был растроган письмом Светланы, увидев в нем трагедию человеческой души, лежавшей за ее одиночеством. Он ответил ей лично — правда, ответ этот затерялся где-то в русских архивах. Десять лет спустя, когда Светлана стала «невозвращенкой», Эренбург был единственным среди крупных общественных фигур в Москве, кто захотел публично сказать о ней добрые слова.

ПАСТЕРНАК И НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Скандал вокруг романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» — скандал, получивший столь громкий резонанс, — разразился сразу вслед за конфронтацией между режимом и московской интеллигенцией в хрущевский период. Когда советские журналы отклонили рукопись Пастернака, он решился на беспрецедентный шаг — передал ее для публикации на Западе Джанджакомо Фельтринелли, члену итальянской компартии и известному издателю. Роман, появившийся сначала в Италии, — 15 ноября 1957 года — вскоре дошел до миллионов читателей во всем мире.

На первых порах Кремль реагировал сдержанно — несколькими публичными порицаниями. Эренбург был одним из немногих советских писателей, высказавших свое мнение о книге до присуждения Пастернаку Нобелевской премии. В разговоре с немецким коррес-

пондентом Гердом Руге Эренбург дал роману восторженную оценку:

«Борис Пастернак — большой писатель <...> Он один из самых больших, ныне живущих поэтов в мире. Я читал «Доктора Живаго»; описание тех дней — замечательные».

Увидев мое удивление этому в целом положительному суждению [продолжал Руге — *Дж. Р.*], Эренбург повторил сказанное, но добавил: «Как я сказал, я читал роман в рукописи. И разумеется, еще не кончил, дошел как раз до революции. Все описания до этого периода, повторяю, замечательные»⁷¹.

Пастернак дал рукописный экземпляр Эренбургу, который всегда был горячим поклонником его поэзии. Однако «Доктор Живаго» Эренбург принял с некоторыми оговорками. «В романе есть поразительные страницы — о природе, о любви; но много страниц посвящено тому, чего автор не видел, не слышал», — писал Эренбург позднее в своих мемуарах⁷². Все же он вовсе не намеревался отворачиваться от старого товарища из-за того, что тот нарушил утвердившееся табу, осмелившись на самочинную публикацию книги на Западе.

Однако власти сочли невозможным далее закрывать глаза на существование «Доктора Живаго». 23 октября 1958 года Шведская Академия присудила Пастернаку Нобелевскую премию по литературе. В последующие две недели разыгралась жестокая драма. Пастернак тотчас сообщил, что принимает премию. Однако власти, склонные считать эту премию не чем иным, как происками адептов так называемой «холодной войны», дали волю своему гневу. 26 октября «Правда» начала полномасштабное наступление, обозвав Пастернака «одиночкой-индивидуалом в советской литературе», писателем, который «никогда <...> не числился среди мастеров первого класса». Что же касается героя романа, Юрия Живаго, то его представляли как «морального уродца, отупевшего от злобы», как создание гнилого либерала и «литературного сорняка»⁷³.

На следующий день состоялось собрание членов Союза писателей, специально созданное для исключения из его рядов Пастернака. Эренбург прийти отказался. Во время присуждения Нобелевской премии он как раз находился в Стокгольме, но уже вернулся в Москву, когда братья-писатели собрались, чтобы покрыть себя позором. Из Союза писателей кто-то упорно звонил Эренбургу; каждый раз, когда раздавались телефонные звонки, Эренбург сам подходил к телефону и, не меняя голос, отвечал одно и то же: «Илья Григорьевич уехал и вернется не скоро»⁷⁴.

Эренбург старался помочь Пастернаку сохранить силу духа. Все время, пока продолжалась шумиха, он просматривал отклики в за-

падной прессе из Москвы и Европы, чтобы затем сообщить сыну Пастернака, Евгению, о реакции таких людей, как Хемингуэй, Стейнбек и членов Пен-клубов (престижной международной писательской организации). Все это (и даже индийское издание «Доктора Живаго») Евгений передавал отцу. В дни скандала вокруг романа Евгений часто приходил к Эренбургу за советом, считая его своим «ребенком» и надеясь с его содействием помочь отцу погасить незатухавший конфликт с Кремлем. Эренбург, насколько мог в те годы, защищал Пастернака. «Я убежден, — написал он в своих мемуарах, — что в помыслах Пастернака не было нанести ущерба нашей стране <...> Он не подозревал, что из его книги создадут дурную политическую сенсацию и что на удар неизбежно последует ответный»⁷⁵.

В отличие от Эренбурга, публично никто не осмеливался сказать доброе слово о Пастернаке. В марте 1960 года Эренбург встречался со студентами Московского университета. Его спросили, как он относится к «Доктору Живаго». Согласно корреспонденции, помещенной в «Нью-Йорк Таймс», Эренбург высказал свое, независимое суждение, хотя и несколько умерил обычное восхищение Пастернаком-поэтом уклончивыми словами о романе.

«Ясно выразив презрение к тем способам, какие здесь пущены в ход в связи с делом Пастернака, г. Эренбург сказал, что ему претит обсуждать роман, которые его слушатели не имели возможности прочитать. Ведь им, сказал он, известно только то, что опубликовано в «Литературной газете» о деле Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии. А в сообщениях этих, намекнул Эренбург, отнюдь не вся история. Подчеркнув, что г. Пастернак — «очень большой поэт», г. Эренбург сказал, что считает «Доктор Живаго» «мучительным» романом. Но не объяснил почему»⁷⁶.

Трагедия завершилась 30 мая 1960 года, когда Пастернак умер от рака желудка. Его похороны в Перedelкино вылились в одну из самых памятных демонстраций любви и преданности поэту, какой когда-либо удостаивался литератор. Незирая на угрозы и предупреждения свыше тысячи человек провожали гроб поэта, который несли на руках от его дачи до поселкового кладбища. Эренбург в день похорон находился за пределами страны, но Любовь Михайловна приехала на похороны, ясно выражая своим присутствием, что будь Эренбург в Москве, он также проводил бы Пастернака в последний путь⁷⁷.

ЭРЕНБУРГ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В первые годы после смерти Сталина очень многое, что долгое время находилось под запретом, стали выносить на свет — правда, с запинкой. Эренбург был в этом процессе главным действующим лицом. Однако и сам он — активно выступавший против официального контроля над культурным наследием страны, оказался мишенью для обвинений: как случилось, что он уцелел? почему был взыскан Сталиным? Больше всего Эренбургу вменялось в вину, что будто бы он был замешан в антисемитских кампаниях Кремля, в особенности в казни еврейских писателей в августе 1952 г.

После официального признания сфальсифицированности «дела врачей» судьба еврейских писателей, естественно, вызвала чрезвычайный интерес как внутри страны, так и за ее пределами. Хрущев и его сотоварищи понимали всю шепетильность этого вопиющего эпизода. Развернутое Сталиным чуть ли не сразу после Второй мировой войны и Холокоста преследование еврейских деятелей культуры ставило под вопрос саму природу советской системы; и это явилось одной из причин, почему еврейских писателей реабилитировали среди первых — в ноябре 1955 года; Эренбург, однако, оставался у многих на подозрении. Только горстка его ближайших друзей знала о смелом шаге, предпринятом им вслед за оглашением «дела врачей», чтобы предотвратить облавы и поголовную депортацию советских евреев. Но все знали, что, кроме Лазаря Кагановича, Эренбург был самым знаменитым советским евреем, уцелевшим при Сталине, — факт, который часто против него использовали.

Один из сложнейших аспектов жизни и деятельности Эренбурга — это его отношение к своему еврейскому происхождению. Ассимилированный еврей, он не питал ни малейшей привязанности к религиозным традициям и не испытывал ностальгии по жизни в

гетто. Напротив, он нередко выражал стыдливое презрение к узким местечковым нравам ортодоксальных евреев, чьи общины посетил в 1927 году, находясь в Польше. В Варшаве он наблюдал учеников ребе Нахмана из Браслава, которые так рьяно почитали своего покойного наставника, что отказались признать его преемника. Вместе с двумя друзьями Эренбург однажды субботним утром совершил поездку в местечко Гер; оставив машину на окраине, чтобы люди не знали о «нарушении» ими субботы, они пешком направились к дому местного раввина. В Гере Эренбургу довелось увидеть воочию истерическое поклонение харизматическому ребе: его приверженцы дрались за возможность есть крошки с его тарелки; казалось они не учителя чтят, а поклоняются Богу. Эренбург понимал, что хасидизм зародился как «мистически-революционный взрыв», но уйдя в быт и нравы, которые писатель увидел в Польше, превратился в «оплот ханжества». Такого рода крайности религиозного рвения претили Эренбургу, усиливая отчуждение от религиозности, которая существовала у него в семье¹. Тем не менее, он горячо откликнулся на страдания, выпавшие на долю евреев. И хотя неоднократно объявлял себя интернационалистом, ничто не задевало его так глубоко, как антисемитизм².

После смерти Сталина режим отступился от вопиющей политики преследования евреев. Отношения с Израилем нормализовались — поворот, который дал советским евреям по крайней мере возможность наладить связь со своими собратьями за пределами Советского Союза. Тем не менее, еврейские общины внутри страны по-прежнему были объектами многочисленных антисемитских выходов, нередко прикрываемых более широкой антирелигиозной кампанией, проводимой по инициативе Хрущева. Так, в конце пятидесятых годов были закрыты многие церкви и синагоги. Число функционирующих синагог уменьшилось с четырехсот пятидесяти в 1956 г. до менее ста в 1959 г.; два с половиной — три миллиона евреев, числящихся гражданами Советского Союза, остались почти без традиционных центров национальной жизни.

Официальные действия властей подстегнули антисемитизм среди широкого населения и некоторых элементов весьма расплодившегося консервативного чиновничества страны. В октябре 1959 года на Рош-га-Шана, еврейский Новый год, в поселке Малаховка хулиганствующие подростки подожгли синагогу. Во время пожара погибла сторожиха; на стенах и заборах были расклеены листовки с угрозами и сожалениями, что Гитлер не довел дела уничтожения евреев до конца. Когда поджигателей поймали, работники след-

ствия обратились к Эренбургу с вопросом, какое впечатление произвел бы на международное мнение открытый процесс. Эренбург, зная что такой процесс послужил бы еще и предостережением доморощеным антисемитам, встретил эту идею с энтузиазмом. Однако власти дали задний ход: суд прошел за закрытыми дверями³.

Год спустя группа так называемых горских евреев, живших среди мусульманского населения, приехала из Дагестана в Москву, чтобы выразить свое возмущение антисемитской акцией, имевшей место в их республике. Местная партийная газета в редакционной статье ополчилась против синагог и обряда обрезания, традиционно существующего у мусульман и евреев. Главной мишенью газетной статьи были евреи, и местная община послала делегацию в Москву — добиться опровержения. Тщетно потолкавшись по официальным учреждениям, делегаты посетили Эренбурга, который вызвался им помочь. Прибегнув к своей обычной тактике, Эренбург обратился с письмом к М. А. Суслову, сообщая ему что эта история стала известна иностранным корреспондентам, так что он, Эренбург, нуждается в совете, как ему на их запросы отвечать. Проигнорировать возможность неприглядного скандала на Западе Суслов не мог. Редактора дагестанского издания перевели на другую работу⁴.

Вскоре советское общество стало свидетелем пропаганды еще более гнусной. В октябре 1963 года Украинская Академия наук выпустила книгу Трофима Клячко «Иудаизм без прикрас» — книгу, повторявшую излюбленный набор мерзких выдумок о евреях: что они любят деньги, что западный капитализм контролируют одни евреи. Особенно поражали иллюстрации; книгу украшали гротескные изображения евреев с крючковатыми носами и другие грубые карикатуры. Через несколько месяцев после публикации книги Клячко Кремлю пришлось ее дезавуировать — правда, сделано это было с невятными извинениями. В 1964 году появилось еще одно антисемитское произведение, метившее непосредственно в Эренбурга, — роман Шевцова «Тля», изобличавший художников-модернистов и евреев, которые якобы вступили в заговор с целью уничтожения советской культуры. В этом роман à clef, то есть романе, герои которого имели легко узнаваемых прототипов, главным злодеем выступал некто Лев Барселонский, художник, чьи живописные работы повторяли по тематике публицистическое творчество Эренбурга⁵.

«Тля» был не первым романом, в котором автор со всей очевидностью ополчался на Эренбурга. В конце пятидесятых Всеволод Кочетов опубликовал свое постыдное детище — «Братья Ершовы»,

грубую апологию Сталина, появившуюся вслед за разоблачительной речью Хрущева. И здесь Эренбургу отводилась роль главного *bête noire*⁵, олицетворявшего все, что ценилось евреями и либералами и что было наиболее ненавистно узколобым приверженцам режима. Квинтэссенция еврея, Эренбург изображался человеком столь суетным и космополитичным, что его верность режиму не могла не вызвать сомнения. На взгляд Кочетова и иже с ним, Эренбург был опасной фигурой, носителем всех тех вирусов западной культуры, уничтожить которые было священным делом советской власти.

В то же самое время, как ни горько это признавать, нашлись евреи, готовые инкриминировать Эренбургу самое худшее — прежде всего, мерзкое предательство, связанное с судьбой еврейских писателей, уничтоженных Сталиным. Самые серьезные обвинения исходили от израильского журналиста Бернара Турнера, который в 1956 году заявил, что, отбывая срок в сибирском исправительно-трудовом лагере, он встретил Ицика Фефера и Давида Бергельсона, находившихся там до расстрела. По словам Турнера, в том же лагере был тогда и Перец Маркиш, которого содержали в одиночном заключении. А еще один подсудимый знаменитого процесса, Соломон Лозовский, по слухам, покончил с собой в Лубянском застенке после жестоких пыток. «Главным свидетелем против арестованных, которых обвиняли в национализме и сионизме, был не кто иной, как Илья Эренбург, — утверждал Турнер. — Он же приложил руку к аресту многих евреев, в том числе и своих родственников, пытаясь, без сомнения, спасти собственную шкуру. Он даже не постеснялся сдать НКВД Соломона Лозовского, своего ближайшего друга»⁶.

Рассказ Турнера — вымысел от начала до конца. Еврейских писателей держали под стражей в строжайшей изоляции до мая 1952 года, когда они выслушали приговор на закрытом суде. В живых осталась одна Лина Штерн; всех остальных расстреляли. В ноябре 1955 года, когда Лина Штерн встретилась с Эстер Маркиш, она подтвердила, что единственным, кто признал себя виновным, был Ицик Фефер; он же дал показания на остальных. Соломон Лозовский с презрением назвал его «свидетелем обвинения», а Перец Маркиш в своем ярком последнем слове вообще отказался признать этот суд. Никаких других свидетелей не было, как не было даже намек на то, что Эренбург «сдал» кого-то из подсудимых в НКВД⁷. После того как сочиненная Турнером история появилась 22 августа 1955 года в газете «Ле Монд». Эренбург послал в редак-

---

⁵ Жупел, пугало (фр.).

цию письмо, возмущаясь ее готовностью публиковать заведомую клевету. «Обвинить человека на основании вымышленных слов мертвых людей, слов, которые мертвые не могут опровергнуть, прием не новый, — писал Эренбург. — Но я не могу скрыть моего удивления, что газета “Монд”, обычно помещающая серьезную информацию, сочла возможным предоставить место инсинуациям, почерпнутым из недобросовестного источника»⁸.

Два года спустя французско-израильский журналист, выходец из Польши, Леон Ленеманн, повторил обвинения Турнера, сильно их разукрасив. Цитируя никем не подтвержденное свидетельство Турнера, Ленеманн живописал, как Эренбург «приезжал на заседания трибунала [судившего еврейских писателей — Дж. Р.] в своем автомобиле. После того как он отягчал судьбу подсудимых своими показаниями, он спокойно возвращался домой»⁹. Согласно этому рассказу Эренбург был попросту хладнокровный соучастник несправедливого судилища; казалось, нет предела мерзостям, на которые он способен. Сам Эренбург считал, что он — «жертва кампании клеветы, развязанной против него в мире еврейства»¹⁰. В 1955 году не успел он выйти из самолета в аэропорту Вены, как на него набросился Турнер, требуя поведать миру о той роли, которую он, Эренбург, сыграл в уничтожении Еврейского антифашистского комитета¹¹. По словам Турнера (вряд ли заслуживающим доверия), «Эренбург побелел, как мел. Губы у него задрожали, у рта выступила пена. Он, пропащая душа, стал пятиться, пятиться и убежал от меня»¹². В апреле 1962 года на выставке Шагала в Париже Эренбурга преследовал израильский романист Мендель Манн, пишущий на идиш. Он настаивал, чтобы Эренбург рассказал об «антиеврейском терроре в России»¹³. Даже Давид Бен-Гурион, легендарный премьер-министр Израиля, не преминул мимоходом обозвать Эренбурга «подлейшим евреем в мире»¹⁴. «В те дни, — отвечал на все это Эренбург, — не было нужды в свидетелях, ни в знаменитых, ни в каких-либо других. Пусть покажут мне человека, какого-нибудь человека, который выступал свидетелем на этих судах. То, что мне на самом деле вменяют в вину, — продолжал он, — то, что я остался жив, тогда как столько людей погибли. В лотерее деспотического режима мой номер — на смерть — так и не выпал. Не выпал он и Пастернаку, который в конце концов умер в своей постели»¹⁵. Как заметил в своих мемуарах Эренбург, разные люди не переваривали его за разное: для одних он был «чуждый элемент, существо если и не обладающее длинным носом, то все же занятое темными “гешефтами”», для других — «человек, потопивший Маркиша, Бергельсона, Зускина»¹⁶.

Находились и другие поводы трепать имя Эренбурга. На следующий год до него дошло, что в Великобритании собираются выпустить его ранний роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» в новом английском переводе. Эренбург выразил протест и попытался остановить издание, но тщетно. Газета «Джерусалем пост» поспешила заявить: «Эренбург раскаивается, что в двадцатые годы написал книгу, озаглавленную “Lazar Roitshwantz” [sic], главный герой которой воплощает в себе ряд отрицательных черт»¹⁷. Позднее в своих мемуарах Эренбург, объясняя, почему он не включил книгу в собрание своих сочинений, писал: «...не потому, что считаю ее слабой или отрекаюсь от нее, но после нацистских зверств опубликование многих сатирических страниц мне кажется преждевременным»¹⁸. У него были и более серьезные причины возражать против переиздания «Лазика». В конце пятидесятых не прекращались его стычки с советскими чиновниками от литературы. В сущности, все что бы он ни написал, от «Оттепели» до статей о Цветаевой и Стендале, порождало недовольство официальной критики, нередко в своих отповедях писателю ссылавшейся на его раннюю тенденциозную поэзию и прозу. «Лазик» — книга не только об еврействе, но и явно антисоветская, и переиздание ее вряд ли осталось бы незамеченным врагами Эренбурга. И он не ошибся в своих предположениях. В марте 1963 года, когда партийное руководство организовало согласованное наступление на неугодных авторов, «Лазик» и его недавнее появление на Западе «среди антикоммунистических кругов» были включены в список провинностей, за которые Эренбурга призывали к ответу¹⁹.

Власти понимали, что когда дело касается «еврейского вопроса», сотрудничество Эренбурга отнюдь не беспредельно. В первых числах ноября 1956 г. П. Н. Поспелов, видный член Центрального Комитета, спешно вызвал Эренбурга с дачи. Эренбург полагал, что разговор пойдет о событиях в Венгрии, где советские войска кончали с вооруженными восстанием. Но одновременно с венгерскими событиями разразился не менее опасный кризис в отношениях между Египтом и Израилем. К удивлению Эренбурга Поспелов заговорил с ним о Ближнем Востоке. В ответ на вооруженные набеги израильтяне заняли Газу и Синайский полуостров, а французские и британские парашютно-десантные войска захватили Суэцкий канал, недавно национализированный Гамалем Абделем Насером. По словам Поспелова, Л. М. Каганович, тогда еще состоявший членом Политбюро, хотел, чтобы Эренбург, вместе с другими пользующимися известностью советскими евреями, заклеил израильскую агрессию. Прочтя предлагаемое заявление, Эренбург обратил

внимание на то, что французы и британцы в нем почти не упомянуты. Вся эта затея напомнила ему 1953 год, когда Сталин пожелал чтобы известные деятели искусства и науки, евреи по национальности, благословили погром. «Я сказал Пospelову, — рассказывал об этом случае Эренбург в «Люди, годы, жизнь», — что я не больше отвечаю за Бен-Гуриона, чем он, и охотно подпишу этот текст, если он, советский гражданин русского происхождения его подпишет»²⁰. Четыре дня спустя, 6 ноября, это заявление появилось в «Правде» с тридцатью двумя подписями; среди прочих там стояли имена журналиста Давида Заславского, историка Исаака Минца, кинорежиссера Михаила Ромма. Имени Ильи Эренбурга среди них не было²¹.

В связи с венгерским кризисом Кремль жаждал отвести внимание мировой общественности от собственных действий, переключив его на события, происходящие на Ближнем Востоке. Московское воззвание, которое Эренбург отказался подписать, было не единственным заявлением такого рода, появившемся в печати. В конце ноября «Известия» опубликовали два открытых письма с осуждением израильской агрессии, на этот раз подписанные высшими религиозными еврейскими деятелями²². Кремль явно стремился предостеречь советских евреев от выражения солидарности с Израилем в момент военной и политической конфронтации. Эренбург в этой акции не участвовал.

«БАБИЙ ЯР»

К осени 1961 года на Западе стали обращать внимание на положение советских евреев. Во Франции, Англии, Италии и Бразилии прошли конференции. Известные деятели культуры и парламентарии различных стран собирались, чтобы, заслушав эмигрантов, ученых и дипломатов, владевших сведениями из первых рук, составить правильное представление об условиях жизни и устремлениях советских евреев — первые усилия в этом плане, не вызвавшие ни массовых демонстраций, ни кричащих заголовков популярных в мире газет. Но тут, 19 сентября 1961 года, прогремело стихотворение Евтушенко «Бабий яр». Оно было написано под свежим впечатлением от посещения им киевского оврага, где в течение двух дней непрерывных расстрелов нацисты убили более тридцати тысяч евреев. Стихотворение появилось в двадцатую годовщину этой чудовищной бойни. Хотя непосредственная тема стихотворения — отсутствие памятника жертвам нацистского преступления, оно также

является откровенным обвинением советскому антисемитизму. В первой и последней строфе поэт заявляет, что страдания евреев есть и его боль — отождествление, неслыханное в советской печати, в особенности от писателя не-еврея.

Над Бабьим яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет
Как самому еврейскому народу.
.....
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам,
как еврей.
И потому
я настоящий русский.²³

Советская публика возвела Евтушенко в звезду первой величины. В своей автобиографии он утверждает, что получил двадцать тысяч писем; почти во всех ему выражалась сердечная благодарность. На поэтических вечерах слушатели хором скандировали приведенные выше строфы наизусть²⁴.

Власти реагировали иначе. Через несколько дней после появления «Бабьего яра», газета «Литература и жизнь» напечатала длинную иезуитскую отповедь Евтушенко, принадлежащую перу литературного критика Дмитрия Старикова. Стариков не отрицал, что фашисты зверски расправлялись с евреями, но выражал недоумение, почему Евтушенко понадобилось говорить только о евреях, когда так много других национальностей тоже пострадали от фашистов. Дабы подкрепить свое несогласие в автором «Бабьего яра», Стариков цитирует выборочно строки из стихотворения Эренбурга под тем же заглавием, написанного в 1944 году, и из его статей военного времени, чтобы показать — евреи лишь одна из многих групп, подвергшихся преследованию. Единственный верный путь — тот, которым, как утверждалось, шел Эренбург, — это неуклонный интернационализм, то, что исключает выпячивание невзгод одной нации перед другой²⁵.

Эренбург пришел в ярость и тут же написал обстоятельный ответ на статью Старикова. Однако «Литературная газета», которой и так уже порядком досталось за то, что рискнула напечатать «Бабий яр», поместить письмо Эренбурга отказалась. Твердо решив сказать в этом деле свое слово и отмежеваться от Старикова, Эренбург

с присущей ему уклончивой гибкостью, обратился к М. А. Суслову. Западные газеты, объяснял он Суслову, просят его, Эренбурга, выразить свое мнение о евтушенковском стихотворении и вызванной им полемикой; и хотя «Литературная газета» отказалась поместить его, Эренбурга, развернутый отклик, он по-прежнему предпочитает высказывать свои взгляды в советской печати, а не в каком-нибудь европейском издании, которое может злоупотребить ими в «антисоветских» целях. Суслов сдался. В итоге ответ Эренбурга, датированный 3 октября, появился в «Литературной газете» только 14 октября. С почти нескрываемым возмущением Эренбург с предельной ясностью излагал свою позицию: «Находясь за границей, я с некоторым опозданием получил номер газеты “Литература и жизнь” от 27 сентября, в котором напечатана статья Д. Старикова “Об одном стихотворении”. Считаю необходимым заявить, что Д. Стариков произвольно приводит цитаты из моих статей и стихов, обрывая их так, чтобы они соответствовали его мыслям и противоречили моим»²⁶. Объясняя, почему между его ответом на статью Старикова и ее появлением в печати прошло более двух недель, Эренбург ссылаясь на свое пребывание за границей. Он на самом деле побывал за это время в Европе, но ссылка потребовалась, чтобы прикрыть вероломные игры властей. Так или иначе, Эренбург свое слово сказал.

Примерно через год на одной из нескольких непростых встреч с интеллигенцией, происходивших между декабрем 1962 и мартом 1963 года, Н. С. Хрущев припомнил историю с «Бабым яром». Он обвинил Евтушенко в разделении убитых гитлеровцами жителей Киева по национальному признаку, добавив, «что в том же повинен и Эренбург». Ни Эренбург, ни Евтушенко подобного разноса не заслуживали. «Евтушенко — молодой русский, я — старый еврей, — писал Эренбург. — Н. С. Хрущев заподозрил меня в национализме. Каждый читатель может сам рассудить, правда ли это»²⁷.

***

Публичные высказывания Эренбурга о судьбе советских евреев свидетельствуют о непоследовательности его воззрений. В своих публичных выступлениях он всегда говорил об Израиле с осторожностью, не желая задевать Кремль, с одной стороны, а с другой, сказать что-либо против Израиля как законного государства. Поэтому трудно определить его роль в возрождении национального чувства, вспыхнувшего в евреях после шестидневной войны 1967

года. Эренбург, к тому же, умер в августе — до того, как эмиграционное движение привлекло внимание мировой общественности, до того, как десятки тысяч советских евреев стали настаивать на своем праве эмигрировать. Эренбург не предвидел такого потока желающих выехать в Израиль навсегда.

В мае 1959 г. Эренбург, как сообщала «Джерусалем Пост», выступая во Франции, заявил, что «не верит, чтобы большие массы советских евреев пожелали покинуть свою страну. Он считает, что число возможных эмигрантов не превысит ста тысяч». Даже такой уровень эмиграции, по его мнению, может иметь неприятные последствия и привести к усилению антисемитизма в СССР²⁸.

В том же году молодой студент, еврей по национальности, изложил Эренбургу в письме свои мысли о судьбе советского еврейства. В ответе ему Эренбург откровенно высказал свои воззрения на этот счет. Он писал, что поддерживает издание «книг, журналов и газет на идиш для тех, кто считает этот язык родным», хотя считает, что большинство центров еврейской культуры уничтожены нацистами и возродить их невозможно. Свое письмо он заканчивал советом лично юному корреспонденту: «не гордиться и не стыдиться своего национального происхождения. И гордость, и стыд мне равно непонятны: я не люблю, когда к людям подходят как к племенному скоту. Из всех национализмов я все же предпочитаю интернационализм». Но даже при этом Эренбург отнюдь не был склонен отбросить с равным презрением все формы национальной гордости. Как он объяснял другому человеку, написавшему ему в начале 1967 года, «национализм и расизм одинаково противное явление среди русских, среди украинцев, среди евреев. Но расизм кошек опаснее, чем расизм мышей»²⁹.

Находясь за границей, Эренбург осмотрительно старался не противоречить официальной советской линии. В 1960 г. его командировали во Францию просить Андре Блюмеля, главу общества «Франция — СССР» и активного деятеля в еврейской диаспоре, добиться отмены конференции о положении советских евреев, которая должна была открыться в Париже³⁰. Если Эренбург и прилагал усилия, чтобы сорвать эту конференцию, то его дипломатичное вмешательство ни к чему не привело. В 1962 году один французский репортер спросил его, как он относится к своему еврейскому происхождению. Эренбург ответил, что нельзя любить человечества, если не любишь народ, к которому принадлежишь. А как насчет Израиля, спросили его в лоб. Ответ был более уклончив: «Я сочувствую некоторым людям, которые были вынуждены из-за преследований туда уехать, но мне не нравится политика этого государства»³¹.

Если, утверждая свои интернационалистские убеждения, Эренбург был искренен, то, тем не менее, вел он себя отнюдь не как завязтый ассимилированный еврей. В своей знаменитой статье в «Правде» в сентябре 1948 года он заявлял, что «мало общего между евреем-тунином и евреем, живущим в Чикаго, который говорит по-американски, да и думает по-американски. Если между ними действительно есть связь, то <...> эта связь порождена антисемитизмом»³². Сам он чувствовал эту связь в себе и часто вел себя так, как если бы все, что случалось с евреями, случалось и с ним. Сталкиваясь с антисемитизмом, Эренбург всегда неуклонно подтверждал, что он еврей. Такие чувства вряд ли выросли на бесплодной почве.

16 марта 1959 года в Москве торжественно отметили столетие Шолом-Алейхема. На вечере его памяти председательствовал Эренбург; именно по его инициативе и благодаря его престижу стало возможным провести этот вечер. Заседание происходило в скромном помещении Литературного музея на улице Дмитрова; зал вмещал всего двести человек. Как вспоминает в своих мемуарах «Долгое возвращение» Эстер Маркиш, «это было событие — впервые за много лет устроили вечер, посвященный жизни и творчеству еврейского писателя». На вечере присутствовала группа сотрудников израильского посольства «с выделявшимися на их лацканах значками государства Израиль»³³. Было много выступавших, некоторые читали стихи. Прозвучал доклад о жизни и творчестве Шолом-Алейхема, и доклад об отношении Шолом-Алейхема к Максиму Горькому. В заключение — оно стало «гвоздем» вечера — Давид Маркиш, сын замученного Переца Маркиша, прочел свои стихи, посвященные этому чествованию.

Эренбург не побоялся заявить о своих чувствах в полный голос. Открывая вечер, он посетовал, что зал слишком мал; следовало бы предоставить более поместительный. Он выразил свое восхищение Шолом-Алейхемом и сообщил о решении Всемирного Совета мира отметить столетие со дня рождения писателя. «Это большая радость, это большая гордость — и потому, что я по национальности еврей, и потому, что я русский писатель, и знаю связь между Шолом-Алейхемом и великой русской литературой, и потому что я советский человек и помню и знаю, что никто больше не защищал подлинный интернационализм, чем Ленин»³⁴.

Одно дело было почтить память Шолом-Алейхема, неоспоримого классика, умершего в 1916 году в Нью-Йорке, и совсем другое — почтить писателя, погибшего при Сталине. Но по мере того как Хрущев набирал силу, власти стали менее строги по части разреше-

ния публичных вечеров, посвященных тем, кто сгинул в лагерях и застенках. Перец Маркиш был одним из известнейших писателей в тридцатых и сороковых. 25 ноября 1960 года усилиями семьи Маркиша был устроен большой вечер, отмечавший шестидесятилетие поэта и собравший его многочисленных поклонников. Вечер проходил в Союзе писателей. Торжественное заседание включало ряд серьезных сообщений о творческом пути Маркиша; среди выступавших была и Анна Ахматова, которая тогда приступила к переводу, пользуясь подстрочником, стихов Маркиша, написанных на идиш, на русский язык. Эренбург — он был очень болен и прийти на вечер не мог — прислал свое выступление, которое Эстер Маркиш назвала «гвоздем вечера», в письменном виде, и оно было зачитано присутствующим вслух:

«Мне горько, что в этот вечер я не могу быть с друзьями, которые соберутся, чтобы преклониться перед неизвестной могилой известного поэта Перца Маркиша. Мне хотелось бы припомнить его молодым и непримиримым в Киеве, где горе и надежды заволакивали туманом его прекрасное лицо и сужали зрачки его мечтательных глаз <...> Я хотел бы рассказать и о последней встрече, о последней короткой беседе, о последнем рукопожатии — на улице Воровского, в тех кулуарах, где многие из нас тогда глазами прощались друг с другом <...> Потом не стало Перца Маркиша... Что может быть бессмысленнее и в то же время осмысленнее такой смерти? Остались стихи, они звенят. Остался образ чистого, смелого и доброго человека. Он многих приподымает, согревает в минуты одиночества, молодит на склоне жизни. Да, стоило так жить, так писать и так умереть»³⁵.

Пять лет спустя Эренбург продолжил хлопоты об увековечении памяти Маркиша. В 1965 г. в письме в Союз писателей он напомнил о дне рождении поэта, настаивая, чтобы на доме, где он последние годы жил в Москве, была установлена мемориальная доска³⁶.

***

Вечера памяти в честь Шолом-Алейхема и Перца Маркиша были значительными событиями в жизни московских евреев. Эти юбилейные торжества, при всей их скромности, отметили вклад еврейских писателей в русскую культуру и продолжающееся присутствие большой еврейской диаспоры в советском обществе — присутствие, которое режим разве только с большим неудовольствием признавал. Эренбург был рад помочь в организации по-

добного рода событий; и до 1967 года, последнего в его жизни, их было еще несколько.

Через пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны Эренбург понял, что советская политическая и историческая пропаганда старается отрицать или замалчивать масштабы утрат, понесенных еврейским народом, и то фундаментальное значение, какое «окончательное решение» имело для планов Гитлера. И Эренбург стал использовать малейшую возможность, чтобы напоминать советским людям о Холокосте. Одна книга на эту тему особенно его взволновала — «Дневник Анны Франк», но только в 1960 году, после ряда лет тщетных усилий, ему удалось «пробить» ее русский перевод. Предисловие, которое Эренбург написал к книге Анны Франк,местило в себя его глубочайшую верность памяти уничтоженным миллионам. Как и в «Черной книге», так и не увидевшей свет, Эренбург использовал свою осведомленность в материале, мало кому доступном, чтобы ознакомить с ним советское общество в целом, и поднять дух у советских евреев в частности.

«Всем известно, что гитлеровцы убили шесть миллионов евреев, граждан двадцати государств, богатых и нищих, знаменитых и неизвестных. Атомная бомба упала на Хиросиму внезапно, от нее нельзя было укрыться. Гитлеровцы в течение нескольких лет устраивали облавы на миллионы людей, как устраивают облавы на волков. Евреи пытались скрыться, прятались в ямах, в заброшенных шахтах, в щелях городов <...> Шесть миллионов были удушены в газовых камерах, расстреляны в ярах или на фортах, обречены на медленную смерть от голода <...> За шесть миллионов говорит один голос — не мудреца, не поэта — обыкновенной девочки»³⁷.

У книги Анны Франк оказался советский аналог. В 1962 году Эренбург узнал, что в Литве существует дневник еврейки, пережившей фашистское нашествие. Мария Рольникайте, писательница, а в то время сотрудница Литовской филармонии, вела во время войны дневник, в котором описала жизнь в Вильнюсском гетто, где оказалась подростком. Эренбург затребовал у нее эти записки, она послала ему экземпляр и попросила совета. Эренбург написал ей сердечное письмо и в течение последующих пяти лет не терял с нею связи. Следуя советам Эренбурга, Мария Рольникайте опубликовала свою книгу сначала в литовском варианте, и это открыло ей путь: книга «Я должна рассказать» — так назывались записки Рольникайте — появилась и на других языках. Рольникайте с радостью сообщала Эренбургу о счастливой судьбе своего дневника, посылая ему письма каждый раз, когда узнавала о новом переводе — на русский, на иврит, на французский, на немецкий и другие языки.

В 1966 году Эренбурга пригласили в дом Эмиля Золя в предместье Парижа — отмечалась очередная годовщина со дня кончины писателя. Выступление Эренбурга стало обличением и осуждением антисемитизма. «Я запомнил одно далекое утро моего детства, — начал Эренбург свое выступление на чтениях в доме Золя. — За утренним завтраком отец читал газету. Вдруг он отбросил лист: “Умер Золя...” Мать заплакала. Мне было одиннадцать лет, я часто слышал разговоры взрослых о деле Дрейфуса и понимал, что случилась большая беда»³⁹. Добрую половину своей речи Эренбург посвятил антисемитизму на рубеже девятнадцатого и двадцатого века, специально остановившись на том, с каким вниманием следил за делом Дрейфуса живший тогда в Ницце Чехов.

Эренбург не рассчитывал публиковать текст своей речи о Золя в Москве. Но тут к нему явился сотрудник «Известий», молодой честолюбивый человек, Юрий Оклянский. Прослышав, что Эренбург готовится выступить с речью о Золя, Оклянский загорелся желанием увидеть ее напечатанной. Эренбург попросил молодого энтузиаста действовать осмотрительно. Когда Оклянский познакомился с текстом, он понял, что предостережение Эренбурга не было напрасным и что «публиковать [статью — Дж. Р.] будет не просто <...> Статья нарушала неуловимые, однако же негласно соблюдаемые нормы и представления о том, что положено и что не положено открыто обсуждать на страницах нашей печати, — вспоминал Ю. Оклянский в своих мемуарах. — Она бросала вызов официальному кодексу приличий и умолчаний». Оклянский решил во что бы то ни стало напечатать статью. За неделю до намечавшегося выступления Эренбурга во Франции Оклянский принялся готовить статью для «Известий», снабдив ее кратким вступлением, которое должно было помочь в разговоре с цензорами. Как раз в то время издавалось Собрание сочинений Золя — двадцать шесть томов в русском переводе, и Оклянский использовал это как повод запустить статью Эренбурга; но ее не напечатали — ни на следующий день, ни через неделю. Как Оклянскому стало известно позднее, цензоры заинтересовались, кто он такой и почему пробивает статью Эренбурга, которая по их мнению, была явно «с душком». Редакция «Известий» попала в затруднительное положение: ведь Эренбург — «стреляный воробей, у него наверху связи, тем более дело касается границы!» Надо думать, заграничные связи оказались решающими. 9 октября, неделю спустя после выступления Эренбурга во Франции, текст все же появился в литературном приложении к «Известиям» — «Неделе»⁴⁰.

Точно так же повезло Эренбургу с переизданием его мемуаров.

В 1962 году начало выходить девятитомное собрание его сочинений, открывавшее, по крайней мере, несколько из его давно не печатавшихся, запрещенных произведений новому поколению читателей. Эренбург намеревался включить «Люди, годы, жизнь» в тома восьмой и девятый, которые стояли в издательских планах на 1966 и 1967 гг. Редактором Собрания была смелая, свободомыслящая женщина, Ирина Чеховская, читавшая Эренбурга и желавшая удовлетворить его требования. Тем более, что ее муж работал в Центральном Комитете и это придавало ей вес. При ее содействии Эренбург смог восстановить, по крайней мере, часть материалов, не пропущенных ранее цензурой⁴¹.

Одно из главных дополнений — большая глава о «Черной книге», которую в 1963 году Эренбург был вынужден снять. Кроме того в 1965 году он написал главу о Василии Гроссмане — через год после смерти писателя, — которую удалось включить в новое издание мемуаров⁴². Эти две главы существенно дополнили еврейскую тему, прозвучавшую в мемуарах Эренбурга — дополнили в период, когда почти ни в одном произведении, появлявшихся тогда в печати, не говорилось — даже не упоминалось, будто этого не было, — о муках, выпавших на долю евреев при нацистах. В годы, приведшие к Шестидневной войне, когда советских евреев захлестнуло беспрецедентное чувство единения с Израилем, «Люди, годы, жизнь», сообщая массу исторических сведений о вкладе евреев в мировую культуру, питали их чувство гордости.

***

И Эстер Маркиш, и Нина Вовси-Михоэлс — обе мысленно сравнивали Эренбурга с вошедшей в историю еврейского народа фигурой — Иосифом Флавием, который был одним из командиров войск Галилеи, когда в первом веке нашей эры в Иудее поднялось восстание против римского владычества. После катастрофического поражения Флавий сдался легионам Веспасиана, а позднее, живя на покое в Риме, написал свою знаменитую хронику «Иудейская война». По мнению Эстер Маркиш и Нины Вовси-Михоэлс, Эренбург придерживался той же стратегии выживания под игом неодолимой власти, что и его далекий предшественник: протоколирую, что знаешь, и надейся, что другое поколение, евреев и не-евреев, существуя в лучших условиях, будет жить более счастливой, более спокойной жизнью. Шолом-Алейхем, Перец Маркиш, Анна Франк — все они были частью исторической и культурной памяти Эренбур-

га. Они вдохновляли его, но он не хотел такого знания для себя одного. После того как в 1944 году он прочел воззвание Тувима «Мы — польские евреи», он перевел его и всюду, где только мог, цитировал — не только потому, что эти строки глубоко его трогали, помогали найти свое еврейское «я», но и потому, что воззвание Тувима не было опубликовано на родном Эренбургу русском языке.

В раннем романе о Лазике Ройтшванце, Эренбург заставил своего героя, когда тот первый раз попал в беду, выслушивая речь большевистского функционера в Гомеле, вздохнуть «жалобно и громко <...> с надрывом»⁴³. Сам Эренбург научился подавлять свой вздох, прикрываясь молчанием и послушанием; но боль он чувствовал — еще как чувствовал! — и это объясняет ту печаль, что гнездится в сердцевине стольких его произведений. Ни слава, ни официальный статус, ни талант, ни то, что он остался жив, не перечеркнуло в нем чувства принадлежности к трагической судьбе русского еврейства.

БОЛЕЗНЬ И СТАРОСТЬ

В конце пятидесятых у Эренбурга появились симптомы рака предстательной железы. Всю свою жизнь он боялся врачей и стоматологов, доведя свои десны до такого состояния, что потерял все зубы, кроме моляров. Когда начались затруднения с мочеиспусканием, он не пошел к врачу и по недомыслию упустил месяцы. Наконец, решился проконсультироваться у московского специалиста, доктора Нехамкиной, работавшей в Городской клинической больнице № 6 («Басманной», как ее любовно называли москвичи по улице, где она находилась). Отнюдь не лучшая в столице по части оснащенности новейшим медицинским оборудованием, эта больница славилась хорошими врачами, и многие из интеллигентских кругов там лечились. Доктор Нехамкина договорилась, чтобы Эренбург прошел в больницу через боковую дверь. Он надел темный берет — частично, чтобы уберечься от промозглой погоды, частично, чтобы не узнали, кто он. Опытный врач, Нехамкина сразу поняла, насколько серьезно состояние Эренбурга: истощенное, серое лицо, частое затрудненное мочеиспускание, нередко с кровью. Осмотр и последующие анализы подтвердили ее подозрения — рак предстательной железы, захвативший мочевой пузырь. В конце пятидесятых уже практиковалась химиотерапия, и обратиться Эренбург к врачу при первом появлении симптомов, метастазов можно было бы избежать, но даже после консультации с Нехамкиной он по-прежнему упорно не хотел лечь в больницу для дальнейшего обследования и лечения. Доктор не стала посвящать пациента в размеры его беды, сказав что у него доброкачественная опухоль, но Фане Фишман (приемной дочери Ирины Эренбург), которая сама была врачом, изложила все как есть, и даже порекомендовала, чтобы Эренбург показался еще одному урологу — подтвердить диагноз и убедить его в необходимости начать лечение.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Эренбург поинтересовался названиями нужных ему лекарств. Наконец, Лизлотта Мэр уломала его посетить стокгольмского специалиста, который, полностью подтвердив диагноз Нехамкиной, назначил курс химиотерапии. От какого-либо хирургического вмешательства — оно могло бы сказаться на его активности — Эренбург наотрез отказался. В Москве Ирина и Фаня периодически советовались с Нехамкиной по телефону, но самого больного доктор больше не видела. Правда, он ей звонил — обсудить новые лекарства или проявление симптомов, но специально просил никому об этих звонках не рассказывать. Когда он умер, в августе 1967 г., дочь обнаружила его запятнанное кровью нижнее белье — Эренбург прятал его на даче¹.

Несмотря на болезнь, Эренбург по-прежнему проявлял такую же энергию и работоспособность, которые характеризовали весь его творческий путь на протяжении десятилетий. При Хрущеве отпала необходимость осторожничать и сдерживаться на общественной сцене, и Эренбург мог открыто возражать на критику. Правда, не все его публичные выступления задевали главные политические струны. Так, в 1959 году он ввязался в длительную дискуссию, развернувшуюся в советской печати по поводу давнишнего спора между представителями гуманитарных и точных наук («лириками» и «физиками») о роли искусства и культуре эмоций в современной жизни. Начало полемики положило безобидное происшествие: ответ Эренбурга на письмо студентке, поведавшей, почему она рассталась со своим женихом, сухим и бессердечным. Вскоре последовали отклики с разными мнениями, которые публиковались «Комсомольской правдой», вызвав внимание широкой аудитории и поток писем, адресованных Эренбургу². Еще Эренбург попытался обогатить советскую агрокультуру, введя в обиход бельгийский салат «витлуф», считая, что возможность выращивать этот сорт зимой даст экономические выгоды России. Он так увлекся этой идеей, что даже решил привлечь к ней внимание самого Хрущева.

***

27 января 1961 года Эренбургу исполнилось семьдесят. В течение почти восьми лет, все годы после смерти Сталина, он непрерывно вступал в столкновения с литературным и политическим генералитетом страны. Несмотря на множество наград и заслуг перед режимом, чиновники от литературы, заправили в Союзе писателей, смотрели на него с едва скрываемым подозрением и завис-

тью. Эренбург это знал. Как-то в шестидесятых, когда он катал по Москве свою парижскую знакомую Женю Найдич, машину остановил милиционер за превышение скорости. Шофер в надежде избежать штрафа объяснил, что хозяин машины — он на заднем сидении — Илья Эренбург, и милиционер их отпустил, ограничившись устным предупреждением. «Вот, а будь он из Союза писателей, — пошутил Эренбург, — мы получили бы повестку в суд»³.

Тем не менее, с точки зрения режима, литературный статус Эренбурга и вклад в Движение сторонников мира перевешивали его постоянные наскоки на ортодоксальные догмы: его день рождения нужно было публично отметить. Режим оказался перед проблемой, которую сам себе создал. Советский комитет защиты мира хотел устроить пышное чествование в Колонном зале Дома союзов, пожалуй, самом престижном и самом вместительном из всех имеющих в столице. Но Центральный Комитет в просьбе отказал, предоставив Союзу писателей решать, как воздать должное Эренбургу «в соответствии со сложившейся ситуацией»⁴.

Как и ожидалось, в январе 1961 г. Эренбург удостоился официального чествования. Леонид Брежнев, в то время Председатель Президиума Верховного совета, лично вручил писателю второй орден Ленина на церемонии в Кремле. Союз писателей планировал торжественное празднование юбилея. Эренбурга пригласили выступить по радио, а газеты поместили хвалебные описания его жизни и творчества. Колонка в «Правде» под легко предсказуемым названием «Писатель — борец за мир» поражала, однако, тоном, необычным по отношению к лауреату Государственных премий. «Творческий путь И. Эренбурга, — говорилось в статье, — был сложен и на разных этапах своих противоречив». Далее подводился итог этому пути: перечислялись конформистские романы Эренбурга, упоминалось о его героической борьбе против фашистов и продолжающихся усилиях для торжества дела мира, но ни единого довода в доказательство того, что его карьера была «сложной» и «противоречивой»⁵, не приводилось. Статья в «Moscow News» отличалась еще большей парадоксальностью; в ней творческий путь Эренбурга был назван пестрым (checkered)⁶.

Утром 26 января юбилейная речь Эренбурга, записанная на пленку, транслировалась по радио в 10 часов 10 минут — время неудобное, явно выбранное с целью свести до минимума число возможных слушателей. Правда, Эренбург повторил свою речь вечером в Доме литераторов и своими замечаниями подтвердил инстинктивную настороженность властей по части того, что он имел сказать.

Торжества в Доме литераторов отразили двойственность статуса

Эренбурга. Старейший дипломат И. М. Майский, знавший Эренбурга добрых сорок лет, говорил о «его глубокой непоколебимой приверженности принципам». По мнению Майского, Эренбург унаследовал «роль Герцена», великого русского писателя девятнадцатого века, политического изгнанника, чей журнал «Колокол» в десятилетия царской реакции помогал поддерживать вольнолюбивые традиции России. Писатель Константин Паустовский, с которым Эренбург сблизился в последние годы, назвал его «нашей сегодняшней совестью», подчеркнув его борьбу против антисемитизма, самого большого порока любой нации. После этих слов Паустовского Эренбург встал, обнял его и расцеловал⁷.

Журналист Михаил Котов, являвшийся также секретарем Московского отделения Движения сторонников мира, вручил Эренбургу золотую медаль и зачитал кипу приветственных телеграмм от таких всемирно известных фигур как британский ученый и активист Движения сторонников мира Джон Бернал, Долорес Ибаррури (Пассионария), маршал Константин Рокоссовский (принимавший в 1945 году парад Победы на Красной площади), Дмитрий Шостакович, Назым Хикмет, Анна Ахматова, чье имя вызвало аплодисменты собравшихся. Как и во всех ее посланиях Эренбургу, и это юбилейное выражало глубокое уважение: «Строгого мыслителя, зоркого бытописателя, всегда поэта поздравляет с сегодняшним днем его современница Анна Ахматова»⁸. Вряд ли кто-нибудь кроме Эренбурга выслушал в свой день рождения столько добрых пожеланий от такого разнообразного круга людей.

Слушая приветственные речи, сам юбиляр выглядел «мрачным, бледным, исхудавшим и старым». Поднявшись на трибуну, он начал со вступительных слов, из которых явствовало, что он вовсе не в восторге от того, как проходит его день рождения. Утренняя радиопередача вызывает у него недоумение: для кого она транслировалась? Для домохозяек? Писатели, как правило, радио не слушают, а читатели его, Эренбурга, книг в это время работают. Газетные статьи также его разочаровали. Все они сообщали, что он начал писать лет этак в сорок, так как все, как по команде, начинали с «Не переводя дыхания» и кончали «Девятым валом». Получалось, что он уже десять лет, как переселился в мир иной. И он вовсе не считал ошибкой свою статью о Стендале или «Оттепель»; время показало, что он прав. После этих спонтанных замечаний, Эренбург повторил переданную по радио речь, в которую включил следующие «крамольные» утверждения:

«Я слышу добрые слова о моих газетных статьях. Про книги большей частью молчат. Может быть, это потому, что я пишу луч-

ше статьи, чем книги. Не знаю. А может быть потому, что некоторым критикам куда легче со мной согласиться, когда я пишу о борьбе против фашизма или о борьбе за мир. Газетная статья посвящена вопросу, как прожить один день, а книга — как прожить всю жизнь. Все, конечно, понимали, что фашистов нужно прогнать, все понимали, что мир необходим. Но вот когда мы дом достраиваем, когда размышляем, как в нем должны жить люди, — это дело посложнее <...>

Вот у нас называют иногда писателей “инженерами человеческих душ”, а в 19-м веке говорили “учителя жизни”. Мне это больше нравится, ближе к воспитателю, чем к инженеру.

Мы все воспитывались на книгах писателей 19-го века. Писатель — он должен увидеть то, что еще не видят современники. Ну, а если он описывает вещи, понятные всем, если он прописывает те самые лекарства, которые отпускают в соседней аптеке, то он, выражаясь по-модному, доподлинный тунейдец, хотя бы он писал с утра до ночи <...>

Не было в мире литературы более гуманистической, чем русская, и я горжусь, что я рядовой русский писатель. В паспорте у меня сказано: не русский, а еврей. Почему же я называю себя русским писателем?»

Далее Эренбург напомнил аудитории, что «антисемитизм — международный язык фашизма». «Да! Я русский писатель, — повторил Эренбург. — А откуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности — “еврей”»⁹.

После этих крамольных слов, евреи — а их было немало среди присутствующих — неистово зааплодировали, отдавая должное способности Эренбурга смело высказать публично то, что все остальные умели только таить про себя. Однако их восторги рассердили Эренбурга, и до такой степени, что он застучал по краю трибуны, предлагая прекратить аплодисменты. Подобная демонстрация была ему ни к чему и, на его взгляд, лишь отражала местечковую ментальность, желание выпятить то, что являлось для него обычной, но необходимой констатацией¹⁰.

В конце речи Эренбург упомянул о смерти, венчающей каждую жизнь, и о решимости крепить силу духа: «А пока сердце бьется, нужно любить со страстью, со слепотой молодости, отстаивать то, что тебе дорого, бороться, работать и жить, жить, пока бьется сердце»¹¹. Зал встал, приветствуя Эренбурга долгими восторженными аплодисментами. Официальные лица, занимавшие первые четыре ряда сидели молча с каменными лицами; сказанное Эренбургом им

явно не понравилось. Не понравилось и Центральному Комитету. Во внутренней докладной записке, поданной пять дней спустя, ее авторы указывали на многочисленные идеологические отступления, прозвучавшие на вечере Эренбурга. Особенно отмечались речи И. М. Майского и К. Г. Паустовского, в которых «сказалось стремление <...> непомерно преувеличить роль и значение И. Эренбурга в нашей литературной и общественной жизни». Двое членов ЦК, «отвечающих» за литературу и искусство, Д. А. Поликарпов и И. С. Черноуцан, подробно докладывали обо всем, что Эренбург сказал об антисемитизме, и выражали неудовольствие присутствием в зале чересчур большого числа евреев. «Как видно, — делали они вывод, — юбилейный вечер был нужен И. Эренбургу для того, чтобы изложить свои тенденциозные, ошибочные взгляды в условиях, когда они никем не могли быть оспорены»¹².

В своей речи Эренбург не без грусти признал, что «по возрасту я пенсионер, даже со стажем <...> Человеку исполняется семьдесят лет. Ничего веселого в этом нет». В последние годы он большую часть времени проводил у себя на даче в Ново-Иерусалиме; там он разбил большой сад и построил теплицу, где зимою выращивал семена и саженцы. У Фани Фишман, рано вышедшей замуж, подрастала дочь. Десятилетняя Ириша была Эренбургу все равно что внучка. Когда из-за плохого самочувствия он не мог работать и вынужден был лежать в постели, общество ему составляла Ириша — никого другого он к себе не подпускал, — которая обычно приходила поболтать с ним и поиграть¹³.

Считается, что человек в преклонном возрасте — особенно человек, пользующийся такими удобствами, как Эренбург, и страдающий такими, как он, болями, — остывает, отходит от дел, тешит себя необременительными занятиями. Эренбург, старый и больной, не знал усталости и не искал покоя. Жизненный заряд в нем далеко еще не кончился. Напротив, он намеревался сыграть еще один — последний — долгий акт, прежде чем опустится занавес. За пять месяцев до юбилея журнал «Новый мир» приступил к публикации его мемуаров «Люди, годы, жизнь», и к концу 1960 г. появились тридцать первых глав. Первая книга (о детстве и изгнаничестве, проведенном в Париже) не вызвала — по крайней мере, публично — какой-либо критики. Однако Эренбургу еще много что оставалось сказать. Мемуары — полный текст которых будет напечатан только годы спустя после смерти писателя — станут венцом славы, сопутствовавшей его творческому пути.

ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ

Почти две тысячи лет назад римский историк Тацит обрисовал опасности, неизбежные при воссоздании истории, слишком близкой к современности: «У древних писателей редко когда отыскивается хулитель, потому что никого не волнует, восхищаются ли они пуническими или римскими боевыми порядками; но потомки многих, подвергнутых при власти Тиберия казни или обесчещению, здравствуют и поныне. А если их род и угас, все равно найдутся такие, которые из-за сходства в нравах сочтут, что чужие злодеяния ставятся им в упрек»¹. Когда в 1958 (или 1959) году Илья Эренбург приступил к написанию своих мемуаров, со смерти Сталина прошло всего пять (или шесть) лет, а когда в 1960 г. они начали появляться в «Новом мире», тело Сталина все еще покоилось рядом с ленинским в мавзолее на Красной площади. И хотя Хрущев закладывал тирана, его преемники правили страной.

Эренбург уже некоторое время подумывал, не начать ли ему писать мемуары, когда любовь к Лизлотте Мэр оказалась последним толчком. Рассказывая ей о людях, которых знал, он понял, что создает свои мемуары — точно так же, как сорок лет назад, развлекая в киевском кафе друзей историями о своих парижских приключениях, он сочинил «Хулио Хуренито». Только на этот раз ему понадобится не двадцать восемь дней, а много больше. Как он сказал агроному Николаю Василенко, регулярно приходившему помогать ему в саду: «Я сажусь за книгу, писать которую буду до конца моих дней»².

Уже первые заметки, сделанные Эренбургом для своих мемуаров, отражают, какими намерениями он руководствовался. «Люди, годы, жизнь» должны были стать книгой о значительных людях, в большинстве своем уже ушедших из жизни, — убитых во время войны, умерших естественной смертью, погибших от рук Сталина.

Записки, сделанные Эренбургом по-французски, — это огромные списки людей с указанием национальности и профессии³. Он дал себе слово не писать ни о ком из живых — Пабло Пикассо и Овадий Савич составили исключение — и писать только о тех, кто был ему приятен и кого он любил. В книге «Люди, годы, жизнь» много страстных страниц, но мало недоброжелательных и горьких; свои воспоминания Эренбург писал не для того, чтобы сводить счеты.

Эренбург тщательно готовился, пересмотрел записные книжки, заказал в Ленинке старые газеты. Большую часть работы он выполнял у себя на даче, где кабинет был у него просторнее и меньше заявлялось посетителей. Чтобы осилить задуманное, он стал еще более рьяным, еще более собранным тружеником: позавтракав, проводил час со своими цветами и другими растениями, высаживая семена или саженцы, обрезая ветви и в то же время собираясь с мыслями. Затем несколько часов сидел за машинкой, обедал, отдыхал с книгой или журналом в руках — днем никогда не ложился вздремнуть — и снова брался за машинку. И часто засиживался за полночь, черпая из тех же внутренних ресурсов силы и энергию, какие проявлял в годы войны; только возраст и недуг брали теперь свое. Но Эренбург не поддавался. Казалось, преодоление физических немощей лишь добавляло мощи тому, что он писал.

К апрелю 1960 г. Эренбург был готов представить рукопись в «Новый мир» — естественный и неизбежный выбор. При Александре Твардовском за журналом, благодаря ряду смелых публикаций, закрепилось доброе имя, которому предстояло даже еще больше укрепиться, когда в шестидесятые годы его страницы украсили мемуары Эренбурга, произведения Виктора Некрасова, Владимира Войновича и Александра Солженицына. 25 апреля 1960 г. Эренбург написал Твардовскому о своих мемуарах, послав ему часть Книги первой⁴. Как только редакторы «Нового мира» ознакомились с начальными главами, Эренбургу стало ясно, какие запреты и сомнения его мемуарам предстоит преодолевать. Уже одно из первых писем к нему Твардовского предвещало все те трудности, какие его ожидали. В стандартной редакторской манере Твардовский перечислял несколько мест в рукописи, где по его мнению, Эренбургу следовало пересмотреть первоначальные варианты. Два пункта в особенности стали предметом разногласий: портрет Н. И. Бухарины и любые упоминания об антисемитизме⁵.

На протяжении последующих пяти лет редакторы бдительно вчитывались в рукопись Эренбурга, изучая, как он описывает жизнь евреев в Советском Союзе, и заставляя его делать вымарки. Как пожаловался Эренбург в Книге шестой, его обвиняли в том, что он

«говорит о евреях, а умалчивает об исландцах»⁶. Редакторы убирали нежелательные факты и тонкие намеки: так, Твардовский попросил Эренбурга вычеркнуть имя Кафки в списке выдающихся личностей прошлого века, здравствовавших в 1891 году, — в год рождения Эренбурга (Кафку в Советском Союзе еще предстояло опубликовать). Несколькими страницами ниже в Книге первой Эренбург, говоря о своем еврейском происхождении, вставил следующую фразу: «Антисемитизма в те времена интеллигенты стыдились, как дурной болезни». Не является ли уточнение «в те времена», спрашивал Твардовский, «лишним». Эренбург, однако, этого отнюдь не считал, и фраза осталась нетронутой — как упрек многим современникам в забвении заветов Чехова и Толстого, которые закрепили преследование евреев⁷.

Когда дело дошло до Бухарина, Твардовский и цензоры были непреклонны. В главе 6 Книги первой Эренбург рассказывает о своем краткосрочном участии в большевистском подполье, включая в повествование любовно написанные портреты своих товарищей по гимназии, Николая Бухарина и Григория Сокольников; оба они в период Большой чистки были приговорены к расстрелу и тогда еще не реабилитированы. Изображая их юношеские похождения, Эренбург подспудно добивался пересмотра их судебных дел. Твардовский понимал, что время для этого еще не наступило. И Эренбургу пришлось пойти на попятный, но сделал он это только после того, как обратился — тщетно — к Н. С. Хрущеву. Письмо к нему Эренбурга датировано 8-м мая 1960 года — то есть оно написано через две недели после того, как рукопись Книги первой ушла в «Новый мир».

«Дорогой Никита Сергеевич!

Мне совестно отнимать у Вас несколько минут, да еще в такое напряженное время*, но я не вижу другой возможности.

В журнале «Новый мир» начинают печатать мои воспоминания. В начале я рассказываю о моем скромном участии в революционном движении в 1906—1908 годах. Там я говорю о Бухарине и Сокольникове того времени — о гимназистах и зеленых юношах. Я решаю послать Вам эту главу и отчеркнуть те две страницы, которые без Вашего слова не могут быть напечатаны. Особенно мне хотелось бы упомянуть о Бухарине, который был моим школьным товарищем.

Но, конечно, если это сейчас политически неудобно, я опущу эти две страницы»⁸.

Одновременно Эренбург отправил менее официальную записку референту Хрущева по вопросам культуры В. С. Лебедеву: «Из пись-

---

* Неделий ранее русскими был сбит американский самолет У-2, пилотируемый Френсисом Г. Пауэрсом (прим. автора).

ма Никите Сергеевичу Вы увидите, в чем моя просьба. Может быть, даже не к чему показывать ему две страницы — я думаю сейчас о его времени. Может быть, Вам удастся просто спросить его в свободную минуту, могу ли я упомянуть в своих воспоминаниях восемнадцатилетнего Бухарина (это для меня существенно)». Секретарь Эренбурга Наталья Столярова вручила оба письма в Кремле лично Лебедеву. Из того, что Лебедев ей сказал, Эренбургу стало ясно: писать об этих его друзьях ему не разрешат:

«Лебедев прочел письмо и сказал, что у Никиты Сергеевича может быть свое мнение, и он его не знает, но ему кажется, что не следует этого печатать, так как Бухарин не реабилитирован, народ знает его как врага и вдруг прочтет, как тепло и душевно пишет о нем Илья Григорьевич — все шишки повалятся на него. В интересах душевного спокойствия Ильи Григорьевича лучше не печатать этого сейчас. Конечно, если Илья Григорьевич будет настаивать, напечатают: ведь у нас цензуры нет, но это не в интересах Ильи Григорьевича. Прощаясь, Лебедев сказал, что он письмо, разумеется, передаст»⁹.

Для Хрущева и Центрального Комитета то, каким Эренбург нарисовал Бухарина, было неприемлемо; они даже настаивали — правда, тщетно, — чтобы все упоминания «Николая Ивановича» были из текста изъяты. Но Эренбург сумел изобрести компромиссный вариант. В главе VI он заменил запрещенный материал следующим многозначительным предложением: «Еще не настало время рассказать о всех моих товарищах по школьной организации». Далее цитировалось донесение, извлеченное из архивов царской полиции, где имя Бухарина и Эренбурга как «уличных пропагандистов» от большевиков стояли рядом¹⁰. Вдобавок в публикации неоднократно упоминался «Николай Иванович» — обычные имя и отчество, но безошибочно наводящие на мысль о Бухарине.

Осенью 1960 г. Анна Ларина, вдова Н. И. Бухарина, передала Эренбургу записку, в которой благодарила его «за первые человеческие слова, появившиеся в печати» о ее покойном муже. Ей хотелось, писала она Эренбургу, «пожать ему руку и поцеловать его». Они встретились три года спустя, и Эренбург передал ей те страницы, которые тщетно старался включить в опубликованный текст¹¹.

***

И вновь Эренбург встретился с трудностями, на этот раз при публикации главы, посвященной Пастернаку, которая, как пред-

полагалось, должна была появиться в январском номере «Нового мира» за 1961 год. Внезапно, без предупреждения, материал был снят. Вмешался Главлит. В письме, помеченном декабрем 1960 г. и адресованном в Центральный Комитет, начальник этого учреждения обвинял Эренбурга в стремлении «реабилитировать его [Пастернака — Дж. Р.] перед общественностью», пренебрегая тем фактом, что «творчество Пастернака никогда не было связано с жизнью советского народа, с социалистическим строительством»¹². Главный цензор добился своего; Эренбургу пришлось пожертвовать портретом Пастернака, убрав его из очередной публикации своих мемуаров в «Новом мире». Первые шестнадцать глав Книги второй, куда входил очерк о Пастернаке, были опубликованы без него.

Ранее Эренбург показал главу о Пастернаке сыну поэта Евгению, который нашел, что Эренбург написал главу, «как надо», и семья рассчитывала увидеть ее в печати¹³. Когда же этого не произошло, у Эренбурга не оставалось иного выбора, как апеллировать непосредственно к Кремлю. Его письмо, датированное 19 января 1961 г., адресовано референту Хрущева В. С. Лебедеву. Как всегда в подобных обстоятельствах, Эренбург находит способ воздействовать на систему, прибегая к аргументам, имеющим для власти предрекающий политический смысл:

«Мне кажется, что, поскольку недавно образовалась комиссия по литературному наследию Пастернака, в которую меня включили, у нас предполагается издать его избранные стихи. После всего происшедшего вокруг “Доктора Живаго” новое издание его стихов будет скорее понятным читателю, прочитавшему мою главу, посвященную Пастернаку-поэту <...> Опубликование главы будет, по моему, скорее политически целесообразным, нежели “преступным”. Такой же точки зрения придерживается А. Т. Твардовский и вся редакционная коллегия журнала “Новый мир”. Однако редакция не может преодолеть возникшие затруднения, и я решил попросить Вас, если найдете возможным, спросить мнение Никиты Сергеевича Хрущева»¹⁴.

Письмо Эренбурга возымело действие. Глава о Пастернаке появилась в февральском номере «Нового мира».

***

Мемуары Эренбурга — как только они появились сначала в Москве, а потом в переводе на Западе — встретили восторженный прием как уникальный вклад в советскую литературу. Правда исто-

рик Исаак Дейчер остался недоволен Эренбургом: в них слишком мало предано гласности. «Эренбург не поднимает железный занавес над прошлым, — писал Дейчер в “Нейшн”, — он лишь приподымает краешек, который уже приоткрыли другие, стоящие у власти <...> Его способность по части воспоминания прошлого с удивительной точностью соответствуют мелочам и частностям, даже темпу официальной десталинизации»¹⁵. Дейчер явно не знал об упорных усилиях Эренбурга, старавшегося опубликовать все, что возможно, и не менее упорного давления режима, желавшего держать под контролем все, что он хочет сказать. Дейчер не сумел оценить то, что Эренбург вопреки жестокому противодействию стремился сделать.

С опубликованием Книги второй стал ясно вырисовываться размах его мемуаров. Они уже достигли четырехсот страниц — а к моменту кончины писателя будет почти тысяча четыреста — и являлись не чем иным, как попыткой воссоздать культурную историю страны. Как писал Эренбург в Книге первой: «История изобилует ущельями, пропастями, а людям нужны хотя бы хрупкие мостики, связывающие одну эпоху с другой». «Люди, годы, жизнь» должны были служить одним из таких мостиков, возрождая работу творцов и эпизоды советской культуры, которые поглотила сталинистская «яма в памяти». Как некогда написал польский поэт Збигнев Герберт, «забвение имен ушедших разрушает правильное представление о существующем мире»¹⁶. Эренбург понимал свою ответственность перед историей. На первой странице мемуаров им написано: «Многие из моих сверстников оказались под колесами времени»¹⁷. Эренбург уцелел и как свидетель хотел во что бы то ни стало помочь новому поколению познать то, на что по воле режима их побуждали закрывать глаза.

По своему нравственному значению и историческому охвату мемуары Эренбурга не имеют себе равных в советской литературе. В ряде случаев созданные им портреты — Цветаевой, Мандельштама, Таирова, Фалька и Михозлса — были первыми, появившимися в постсталинский период. Написанные «тепло и искренне», что особенно обеспокоило Кремль, посвященные этим людям главы производили на читателей глубокое впечатление той любовью, с какой Эренбург вспоминал своих друзей, физически или творчески уничтоженных. Толстой как-то заметил, что посредственность не видит ничего того, что выше ее, а талант распознает гений мгновенно. Эренбург понимал, что многие из этих его друзей были талантливее его самого, и нарисованные им портреты являлись не только прославлением их работ, но и глубоко прочувствованным

воскрешением целой эпохи. Он цитировал стихи Цветаевой и Мандельштама, ни разу не появлявшиеся на страницах советской печати. Он описывал полотна Фалька; рассказывал, как Бабель сочинял рассказ; как Мандельштам слагал в голове стихи; как Мейерхольд и Таиров, каждый в своей манере, создавали свои театральные чудеса; и ясно, без обиняков, сообщал, как они умерли и кто их уничтожил.

А еще Эренбург писал о крупных западных фигурах, почти неизвестных в Советской Союзе. В Париже его друзьями были Модильяни, Аполлинер, Пикассо, Макс Жакоб, Робер Деснос, Юлиус Паскин, Диего Ривера и Марк Шагал. Он давал характеристику их творчества, личности, подробно останавливаясь на связи с русской культурой. Модильяни, итальянский еврей, познакомился с Ахматовой в Париже и в 1911 году написал ее портрет — заурядный факт, из которого, тем не менее, напрашивался вывод, что до революции молодые поэты — такие, как Анна Ахматова — свободно путешествовали, наслаждались жизнью в Париже и возвращались в Россию, не испытывая ни политических, ни бюрократических препон.

В «Люди, годы, жизнь» Эренбург представил европейскую культуру как цельное явление, открыто порицая искусственные барьеры, мешающие советскому искусству и литературе занять подобающее им место. Читатели живо откликнулись. Знакомясь с его мемуарами, они узнавали десятки имен, которые видели впервые. Литературный *самиздат* ширился и набирал популярность: по рукам ходили сборники стихов, их перепечатывали на машинках из старых изданий и распространяли среди друзей и знакомых.

До появления повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» ни одна публикация в «Новом мире» не вызывала таких страстей и споров. 17 августа 1961 года Твардовский, редактировавший Книгу третью для публикации ее в осенних номерах «Нового мира», писал Эренбургу, воздавая ему должное: «Эта книга долга, это книга совести, мужественного осознания своих заблуждений <...> Словом, Вы единственный из Вашего поколения писатель, переступивший некую запретную грань <...> Вам удалось сделать то, чего и пробовать не посмели другие»¹⁸.

В своих мемуарах «Вторая книга» Надежда Мандельштам указывала на влияние Эренбурга, признавая в присущей ей своеобразной, резкой и противоречивой, манере — сделанный им вклад:

«Среди советских писателей он был и оставался белой вороной. С ним единственным я поддерживала отношения все годы. Беспомошный, как все, он все же пытался что-то делать для людей. “Люди, годы, жизнь”, в сущности, единственная книга, которая сыграла положительную роль в нашей стране. Его читатели, главным обра-

зом, мелкая техническая интеллигенция, по этой книге впервые узнали десятки имен. Прочтя ее, они быстро двигались дальше и, со свойственной людям неблагодарностью, тут же отказывались от того, кто открыл им глаза»¹⁹.

Самыми благодарными читателями Эренбурга были родственники безвременно погибших. Их письма — красноречивейшие свидетельства его успеха. Одно из первых ему написала Ариадна (Аля) Эфрон, дочь Марины Цветаевой. Глава, посвященная Марине Цветаевой, появилась в январе 1961 г., положив начало ее реабилитации и вернув ей достойное место в пантеоне русских поэтов. Именно это признает ее дочь в письме от 5 мая 1961 г.

«Мне много и хорошо хотелось сказать Вам, и будь я проклята, если это не сделаю! А пока только скажу Вам спасибо за воскрешенных людей, годы, города <...> Мне ли не знать, какой тяжелый труд — воспоминания, воспоминание, когда уже целым поколениям те времена — время — только спеленутый условными толкованиями <...> Лазарь. Кстати — Вы не из добрых писателей, вы из злых <...>, так вот, когда злой писатель пишет так добро, как Вы в воспоминаниях, то этому добру, этой доброте цены нет; когда эта доброта, пронизывая все скорлупки, добирается до незащищенной сути людей, действий, событий, пейзажей, до души всего и тем самым до читательской — это чудо!»²⁰

Из Праги Эренбургу прислала открытку Лидия Клементис. Эренбург написал о ее покойном муже, Владимире Клементисе, с которым, тогда журналистом, впервые познакомился в двадцатых годах в Словакии, задолго до того, как он сделал карьеру коммунистического функционера — карьеру, закончившуюся трагическим процессом Сланского в 1952 году. «Ваши слова навсегда останутся в моей памяти и в моем сердце», — писала Лидия Эренбургу²¹. В сентябре 1963 г. эта глава была перепечатана в возникшем на волне новых веяний словацком еженедельнике «Жизнь культуры» и знаменовала реабилитацию Клементиса в Словакии²². Отметим появление страниц о Клементисе и посольство Соединенных Штатов в Москве: «Это — первое, насколько нам известно, вмешательство значительного советского лица в проблему несправедливого обращения, которому подвергся словацкий коммунист в сталинские времена, — докладывали из посольства в Вашингтон. — Хотя словаки, несомненно, понимают, что Эренбург — не Хрущев, интересно отметить, что либеральный коммунистический писатель теперь может протянуть через границу руку в знак приветствия словацким писателям и политическим деятелям тех же убеждений»²³.

Усилия Эренбурга возродить работы запрещенных долгие годы

художников и писателей были частью его непрестанной кампании против «социалистического реализма». Все пятидесятые годы он доказывал, как вредно для писателя следовать произвольным правилам «формы и содержания». В «Люди, годы, жизнь» он прямо заявил, что нельзя навязывать вкусы ни художнику, ни его аудитории: «Да и вообще предписать, внедрить или навязать вкусы невозможно, — писал он в 1962 г. — Боги древней Эллады потребляли нектар, который поэты называли божественным напитком; но если бы нектар стали вводить через зонд в желудки афинских граждан, то, наверно, дело кончилось бы всеафинской рвотой». Говоря о поэтах Сергее Есенине, Марине Цветаевой, Борисе Пастернаке, Эренбург не преминул упомянуть, что многие художники приняли Октябрьскую революцию отнюдь не с восторгом — в том числе и он сам. Воспитанные в том, что касалось искусства, политики и личной свободы, в понятиях девятнадцатого века, они с тревогой и болью воспринимали революционное насилие, «бессмысленные жертвы и свирепость расправ»²⁴. Для него и таких, как он, было совершенно естественно, утверждал Эренбург, скептически реагировать на утопические притязания, заявленные революцией. Политические взгляды художника не имели отношения к его или ее поэтическому дару.

Подобные сенсационные заявления вели к далеко идущим последствиям: если правомерно ставить вопрос об Октябрьской революции — образ которой оставался незапятнанным на фоне развала советской идеологии после разоблачения сталинских преступлений, — то какая политическая или культурная догма не может быть подвергнута сомнению? Эренбург, Твардовский и другие «новомиры», сплотившиеся вокруг призыва к свободному творчеству, не были столь наивны, чтобы полагать, что режим отменит цензуру; но они хотели уверить партию, что недовольство цензурой художественных произведений вовсе не означает враждебность к ее, партии, политическому руководству. Ни один из этих писателей в своих отрицаниях советских догм тогда так далеко не заходил. До движения за права человека оставалось еще несколько лет.

Н. С. Хрушев, генеральный секретарь коммунистической партии, и либерально настроенные писатели страны, казалось, действовали в молчаливом согласии. Твардовского широко отмечали высокими наградами — в июле 1960 г. он был удостоен ордена Ленина, а в октябре 1961 г. еще более престижной Ленинской премии. Тогда же, в октябре 1961 года, получив предложение выступить на Двадцать втором съезде партии, Твардовский воспользовался данным ему словом, чтобы защищать «Новый мир» и его авторов перед

партийной элитой. Писатели, заявил он, вправе говорить всю правду, как они ее видят, а читатели не нуждаются в цензуре художественных произведений, — цензуре, которая спасала бы их от вредных идей. В конце съезда — на котором Сталина клеймили даже еще откровеннее, чем на Двадцатом в 1956 году, в результате чего его останки были вынесены из Мавзолея и захоронены у кремлевской стены под бетонной плитой — Твардовского избрали членом Центрального Комитета: неожиданная благосклонность и честь для редактора либерального журнала²⁵.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Успехи Твардовского и Эренбурга привели в ярость московских реакционеров-охранителей. В июне 1961 года критик Александр Дымшиц первым бросился в атаку, открыв цикл нападок. В журнале «Октябрь», главный редактор которого, Всеволод Кочетов, был известен своими реакционными взглядами, Дымшиц ополчился на изданные Эренбургом литературные портреты Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой. Усилия Эренбурга, заявлял критик, свелись к «неоправданной идеализации второстепенных, далеких от революционных путей художественных явлений». Что же касается Бориса Пастернака, то Эренбург оказывал ему непомерно много внимания. Создается впечатление, негодует Дымшиц, что Эренбург даже «попытался оправдать [роман Пастернака — *Дж. Р.*]» — непростительный проступок в дни, когда Пастернака все еще клеймят позором как предателя и ренегата²⁶.

Через два дня после выступления Твардовского слово на съезде получил Всеволод Кочетов. Не называя Эренбурга по имени, Кочетов обрушился на «угрюмых сочинителей мемуаров, которые <...> копаются на свалках своей изрядно подгулявшей памяти, чтобы вновь тащить на свет Божий истлевшие литературные трупы и выдавать их за нечто еще способное жить»²⁷. Высказывания Кочетова были среди самых отвратных наскоков неосталинистов; показательно для настроений тех лет, что по крайней мере ряд делегатов многократно прерывали его речь криками «Хватит!» и «Молчать!»

Судьба мемуаров Эренбурга была связана с судьбой Хрущева и его программы. Пока Хрущев крепко стоял у власти и мог продолжать десталинизацию, положение Эренбурга оставалось, по-видимому, устойчивым, а его «Люди, годы, жизнь» продолжали появляться в печати. Правда, когда повествование дошло до борьбы с фашизмом в 1930-х годах, гражданской войны в Испании, большой

чистки, цензоры стали цепляться сильнее. Даже Твардовский нажимал на Эренбурга, предлагая переделать целые части, а уж упоминание таких фигур, как Андре Жид и Поль Низан, порвавших с коммунистической линией, нужно было либо начисто убирать, либо добавлять к их именам набор отрицательных определений.

Больше всего читателей этих глав поражали не сами воспоминания, своеобразные, нестандартные, а честное признание их автора в том, какой страх владел им в 1937 и 1938 гг. Не оправдываясь и не приукрашивая себя, вспоминал он эти годы. «Я понимал, что людям приписывают злодеяния, которых они не совершали, да и не могли совершить», — писал он. И далее: «Мы не могли признаться во многом даже близким; только порой особенно крепко сжимали руки друзей — мы ведь все были участниками великого заговора молчания»²⁸.

Этого Эренбургу простить не могли: если журналист, такой как он, многие годы живший во Франции, знал, что преследуют невинных мужчин и женщин, то как могли не знать этого Хрущев и его сотоварищи, которые в конце тридцатых годов уже занимали руководящие посты? «Теория молчания», как стали называть эту концепцию Эренбурга, ставила под серьезнейший удар правомочность Хрущева и партии. Изобличая «культ личности» и подчеркивая, каким преследованиям подверглись коммунисты, Хрущев полагал изобразить себя жертвой Сталина, а не его соратником, достигшим высокого поста по трупам других коммунистов. Утверждение Эренбурга необходимо было опровергнуть. Одного Хрущев не понимал: к тому времени, когда он станет упрекать Эренбурга, его собственная уязвимость будет также полностью очевидна.

***

Осенью 1962 г. у консерваторов появились благоприятные возможности. Карибский кризис, закончившийся вывозом советского ядерного оружия с Кубы, сильно подорвал авторитет и престиж Хрущева²⁹. Его оппоненты осмелели, почувствовав себя в силах противодействовать проводимой им политике. Самым удобным и естественным местом для первого хода был идеологический контроль над искусством. С точки зрения консерваторов предоставление художнику свободы самовыражения было неотделимо от критики сталинского периода, от дискуссии, которая в итоге неизбежно ставила под вопрос руководящую роль партии.

Силы реакции приступили к реваншу. На состоявшийся в нояб-

ре 1962 г. специальный пленум Центрального Комитета, посвященный экономической реформе, поступило письмо от группы консервативных художников; они обратились к партийному руководству с призывом поставить предел растущим «формалистическим направлениям» — кодовое обозначение для любого новаторства в искусстве, касавшегося содержания или художественного стиля, для всего, отличавшего произведение живописи, литературы или музыки от отупляющих форм «социалистического реализма». Две недели спустя Хрущев со свитой из партийных вождей и чиновников от культуры посетил небольшую экспозицию современного искусства, организованную в Манеже. Это посещение — один из самых красочных и крупных инцидентов за все правление Хрущева, получивший широкую огласку, — было, по всей вероятности, специально устроено с целью натравить Хрущева именно на тех, кто его поддерживал и в нем нуждался.

Все началось вполне невинно. 26 ноября 1962 г. ученики московского художника Элии Билютина устроили скромную выставку — семьдесят пять картин — в студии своего учителя. По московским стандартам их живопись считалась авангардистской, так как в основном была выполнена в абстрактном стиле. Экспозиция включала несколько скульптур Эрнста Неизвестного. Пока по студии расхаживали западные корреспонденты, советские чиновники по культуре и сотни приглашенных, другие тшетно ждали на улице. Через несколько часов выставку закрыли, чтобы уже не открывать никогда. А менее недели спустя, неожиданно-негаданно, Билютину и его ученикам предложили в пожарном порядке развесить свои картины в трех комнатах на верхнем этаже Манежа, где была развернута ретроспективная выставка традиционного советского искусства. 1 декабря — в субботу днем — туда привезли Хрущева. После беглого осмотра он разразился целой серией гневных окриков. Стоя перед натюрмортом Роберта Фалька, сердито заорал: «Что это должно изображать?» И сравнил картину с пачкотней ребенка, который «сделал свои дела на полотно, пока мамы не было рядом, а потом размазал ручонками»³⁰. Только Эрнст Неизвестный дал расходившемуся премьеру бой. Когда Хрущев стал угрожать ему высылкой из страны, Неизвестный распахнул на груди рубашку и показал ему свои военные шрамы. «Это и моя страна, — сказал он ему, — и вам ее у меня не отнять»³¹.

Либералы тотчасотреагировали, надеясь помешать полномасштабному реакционному шабашу и поддержать либеральную линию Хрущева. Партийному руководству были направлены десятки писем, в том числе и обращение семнадцати крупнейших деятелей

искусства и ученых, включая двух Нобелевских лауреатов Игоря Тамма и Николая Семенова, композитора Дмитрия Шостаковича, кинорежиссера Михаила Ромма, писателей Константина Симонова, Корнея Чуковского и Вениамина Каверина. Илья Эренбург также подписал это обращение и принял деятельное участие в его составлении.

«Дорогой Никита Сергеевич!

Мы обращаемся к Вам, как к человеку больше всего сделавшему для искоренения сталинского произвола из жизни нашей страны.

Мы, люди разных поколений, работали в разных областях искусства. У каждого из нас свои вкусы, свои художественные убеждения. Нас объединяет в этом обращении к Вам забота о будущем советского искусства, советской культуры <...>

Если мы обращаемся к Вам с этим письмом, то только потому, что мы хотим сказать со всем искренностью, что без возможности существования разных художественных направлений искусство обречено на гибель <...>

Мы обращаемся к Вам с просьбой остановить в области изобразительного искусства поворот к прошлым методам, который противен духу нашего времени»³².

Ответа от Хрущева не последовало, однако некоторые из подписавшихся, в том числе и Эренбург, вскоре получили возможность защитить свои взгляды на личной встрече с премьером.

17 декабря 1962 года четыреста писателей, художников, ученых собрались в Доме приемов на Ленинских горах, куда их созвали на встречу с Н. С. Хрущевым. Они пришли туда с надеждой. Особенно один эпизод, казалось, предвещал большую терпимость в делах художественных: Хрущев представил собравшимся Александра Солженицына. Солженицына, тогда школьного учителя из Рязани, почти никто не знал лично, да и о нем, кроме того, что его повесть «Один день Ивана Денисовича» появилась в «Новом мире», никто ничего не знал. Оказывая почтение Солженицыну, Хрущев таким образом, казалось, по-прежнему выступал противником сталинизма, а это всегда было добрым знаком для свободомыслящих.

Однако встреча обернулась сумбурным обменом мнениями. Главным оратором был не Хрущев, а Ильичев, только что назначенный главой Идеологической комиссии. В своей чуть ли не десятичасовой — по рассказам — речи он клялся противостоять давлению, будь то с Запада или изнутри, в пользу свободы творчества. Закончив выступление, Ильичев не стал дожидаться вопросов из зала; полемикой занялся Хрущев, ведя ее в откровенном, но шокирующем тоне. С защитой художников-абстракционистов выступил Ев-

гений Евтушенко. «Я убежден, — сказал он Хрущеву, — что некоторые формалистические тенденции в их творчестве будут со временем исправлены». Ответ на это Хрущева ошеломил присутствующих. «Горбатого могила исправит», — бросил он. Но Евтушенко — и это делает ему честь на века — оказался на высоте положения, преподнеся Хрущеву свое назидание: «Никита Сергеевич, прошли те времена, когда у нас горбатых исправляли только могилой, ведь есть и другие пути»³³. Аудитория взорвалась аплодисментами. Даже Хрущев счел нужным похлопать. Выступил и Эренбург. Он указал на то, что Пикассо и Маяковский, оба — художники-новаторы, не принадлежали к реакционерам в политике, какими, согласно партийной аксиоме, непременно являются все модернисты.

К тому, что последовало, ни Эренбург, ни его коллеги готовы не были. Консервативные противники Эренбурга, несомненно с молчаливого согласия Хрущева, заготовили ему сюрприз. Они не стали задерживаться на литературной критике, а предпочли поднять зловещий вопрос о причастности Эренбурга к преступлениям Сталина. Обвинения исходили от Галины Серебряковой, писательницы консервативного толка и вдовы двух сталинских жертв, одной из которых был однокашник Эренбурга по гимназии, Григорий Сокольников. Согласно Серебряковой, Эренбург предал своих товарищей по Еврейскому антифашистскому комитету. Ничего нового в этих обвинениях не было, но Серебрякова потрясла аудиторию заявлением, что о соучастии Эренбурга она узнала от личного секретаря Сталина, Александра Поскребышева, которого все считали умершим. Серебрякова уверяла, что встретила Поскребышева в доме отдыха, где он писал мемуары. Хотя откровения Серебряковой прозвучали с поощрения режима, они никогда и нигде опубликованы не были, как и ни одно другое известное лицо подобных обвинений по адресу Эренбурга не высказывало. Что же касается его товарищей по писательскому цеху, то нет никаких свидетельств, чтобы хоть один из них принял ее оговор всерьез. Даже Михаил Шолохов подошел к Эренбургу и пожал ему руку — ненужный, но многозначительный жест со стороны многолетнего соперника и врага.

Все же консерваторы расширили фронт своих атак. 4 января 1963 года Александр Лактионов разразился злобной бранью по адресу Эренбурга и его младшего коллеги Юрия Нагибина, возмущаясь ими за поддержку современного искусства. Эренбург, писал Лактионов, слишком долго заражает советскую культуру своим пристрастием к европейской живописи³⁴. Через пять дней эстафету подхватил Александр Герасимов, набросившийся на Эренбурга и Паустовского в газете «Труд» за поддержку современных художественных течений³⁵.

Это было только начало. 30 января 1963 года в газете «Известия», которой, видимо, поручалось вести главное наступление против «Нового мира», появилась длинная многословная рецензия на «Люди, годы, жизнь» критика Владимира Ермилова, известного доносами в органы при Сталине на своих собратьев-писателей. В первой части своего опуса Ермилов хвалил Александра Солженицына и выражал благодарность Эренбургу за память о сгинувших друзьях. Затем, в типичной манере, Ермилов отвергает заявление Эренбурга, признавшегося, что он и другие знали о невинности сталинских жертв, но страх заставлял их молчать и жить «стиснув зубы». «Но трагизм и заключался, наряду с прочим, в том, что преобладала уверенность в правоте Сталина, — утверждал Ермилов, — в непогрешимости всего, что совершается под сенью его имени»³⁶.

Нападки Ермилова отражали давно накипевшее раздражение политической элиты, не прощавшей Эренбургу его откровенного признания. Эренбург возразил немедленно: ни один человек, напомнил он, не выступил публично с протестом против преследования невинных людей. «Известия» и Ермилов, в свою очередь, не задержались с ответом. На этот раз намекая, что Эренбург либо лжет, либо у него во время репрессий открылась «особая прозорливость», некое преимущество, которое мог даровать ему разве только сам Сталин. Подобная инсинуация была нацелена на то, чтобы зародить сомнения относительно прошлого Эренбурга в кругу его свободомыслящих коллег, особенно молодежи, наверняка задававшейся вопросом, как ему, Эренбургу, удалось уцелеть³⁷. А в итоге Эренбургу, казалось его противникам, придется отречься от своих взглядов.

Но Эренбурга этот злобный лай нисколько не напугал. О ермиловской статье он даже был предупрежден заранее и не кем иным, как главным редактором «Известий» Алексеем Аджубеем, который был к тому же зятем Хрущева. «Илья Григорьевич, мы будем выступать против Вас. Но постараемся найти критика полиберальнее». — преподнес Эренбургу Аджубей. — «Ни за что! — ответил Эренбург. — Иначе Вы меня очень обидите, Алеша. Надо, чтобы критик был самый жуткий. Тогда все будет яснее». — «Может, Ермилов?», — спросил Аджубей. «Давайте Ермилова, вот-вот», — сказал Эренбург³⁸. Эренбургу ума было не занимать, он понимал: нравственная репутация у Ермилова такая низкая, что обличение, питающееся из столь сомнительного источника, только повысит его собственный престиж и дискредитирует других критиков.

Однако вслед за ермиловской статьей у Эренбурга начались трудности с публикацией Книги пятой его мемуаров. Это были главы о

Второй мировой войне, о времени, которое Эренбург мог вспоминать с неподдельной гордостью. И снова ему пришлось принимать поправки в рукописи. Большая глава о «Черной книге», с очень важными выдержками из текста, была сокращена до нескольких абзацев, тогда как другие материалы о Холокосте и антисемитизме были вообще изъяты.

Первые главы Книги пятой появились в январском номере «Нового мира», но журнал получил указания последующие части задержать. 13 февраля 1963 года Эренбург обратился за помощью лично к Хрущеву:

«Дорогой Никита Сергеевич!

<...> Редактор “Нового мира” А. Т. Твардовский сообщил мне, что ему предложено снять из февральского номера журнала продолжение пятой части моих воспоминаний. Когда печатались предыдущие части, Главлит и другие инстанции указывали журналу на необходимость изменений или сокращений. Я во многом шел навстречу, и книга продолжала печататься. На этот раз указание снять из февральского номера очередные главы воспоминаний не сопровождалось никакими предложениями об исправлении или изменении текста.

Я обращаюсь к Вам, Никита Сергеевич, не как автор, стремящийся напечатать свое произведение, а как советский гражданин, обеспокоенный возможными политическими последствиями решения, сообщенного А. Т. Твардовскому. Если бы в январском номере “Нового мира” не было напечатано начало пятой части с пометкой “продолжение следует”, я бы не решился Вас беспокоить. Но в наших литературных журналах до сих пор не было ни одного случая, чтобы вещь, начатая печатанием, обрывалась на словах “продолжение следует”.

Я боюсь, что это не только вызовет удивление читателей, но будет использовано антисоветскими кругами за границей, тем более что переводы моей книги печатаются во многих зарубежных странах. Это поставит меня как общественного деятеля в неловкое положение.

Я думаю, что если редакция “Нового мира” укажет в февральском номере, что печатание “Люди, годы, жизнь” будет продолжено в таком-то номере, то это может помешать разворачиванию антисоветской кампании.

Я убежден, что Вы поймете, какими мотивами я руководствуюсь. С глубоким уважением

И. Эренбург.»³⁹

Как это неоднократно бывало и прежде, Эренбург сумел найти правильный тон и нужные доводы, чтобы достучаться до Хрущева. В февральском номере «Нового мира», выпуск которого был задержан на несколько недель, публикация Книги пятой, как и рассчитывал Эренбург, продолжилась.

Эренбург уверился, что сумеет сам справиться с противоречивым поведением Хрущева. И ему очень хотелось остеречь других — тех, у кого было меньше опыта и больше безрассудного задора. Находясь в январе 1963 года в Париже, он счел своим долгом встретиться с молодым поэтом Андреем Вознесенским. Вознесенский, как и Евтушенко, стал любимцем западной прессы, видевшей в них представителей нового поколения советских поэтов, готовых восстать против шибокетов советской жизни. Эренбург сам разыскал Вознесенского в находящемся вблизи Лувра отеле и пригласил пройтись (Вознесенский понял это как намек на то, что номер прослушивается). Как только они очутились на улице, Эренбург прямо приступил к цели своего визита. «Я прочел ваше интервью — то, что вы там наговорили, — сказал он. — не могу решить, герой вы или безумец. Не мне советовать вам, что делать, но все-таки ведите себя осторожней и следите за тем, что говорите»⁴⁰. Но совет его опоздал. Чем-чем, а осторожным Вознесенский в Париже не был. Воодушевленный восторгами своих французских поклонников (известная корреспондентка газеты «Нью-Йоркер» Дженнет Фланнер писала: «Послушать его собралась такая уйма любителей поэзии, что многим пришлось все два часа стоять в конце зала, а другим — сидеть на полу в проходах»⁴¹), Вознесенский, со сцены «Старой голубятни», высоко чтимого авангардистского театра на левом берегу Сены, задирает одну советскую догму за другой. Его слушателями были студенты, члены французской коммунистической партии, русские эмигранты, даже двое завязых врагов — сюрреалист Андре Бретон и писатель-коммунист Луи Арагон. Перед этой толпой, ловившей каждое его слово, Вознесенский тепло говорил о Борисе Пастернаке и о том влиянии, какое покойный поэт оказал на его собственное творчество. Отвечая на вопрос из зала, Вознесенский высказался в защиту сюрреализма: «вопрос не в “изме”, а в качестве произведения», — заявил он. Американский социалист Майкл Харрингтон, присутствовавший на чтениях, был поражен открытостью, чуть ли не бравадой Вознесенского. Возвращаясь из театра, Харрингтон думал о молодом поэте как о «своего рода политике от поэзии» и, в итоге, пришел к выводу, что был свидетелем чего-то «значительного» и «революционного»⁴².

Кремль подобных восторгов не разделял: Вознесенского нужно

было призвать к порядку. В марте он и еще несколько литераторов, в том числе и Эренбург, подверглись испепеляющему разносу за свои высказывания, устные и письменные. Вознесенского заставили публично каяться в печати — болезненный шелчок для бунтаря. Вот от этого унижения и пытался избавить его Эренбург.

ВЕСНА 1963 ГОДА. ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА

Никто не ожидал, что вот-вот разразится буря. В начале марта Эренбург находился в Швеции, откуда его попросили вернуться в Москву. Евтушенко в приказном порядке вызвали из Парижа. Шестьсот, без малого, писателей и художников собрались в Георгиевском зале Кремля, чтобы слушать партийное руководство. Их, словно кучку набезобразничавших школьников, позвали, чтобы прочитать им нотацию за дурное поведение.

Первым их отчитывал Л. Ф. Ильичев, демонстрируя — там, где дело касалось художественного творчества, — полное отсутствие понимания его специфики. В намерения Ильичева входило защитить чистоту «социалистического реализма» от «формалистического трюкачества, абстракционистической мазни, упадочнических стихов под надрывный гитарный звон». Некоторые писатели и художники остро нуждаются в руководящих указаниях партии, и он, Ильичев, желая предстать великодушным, по-отечески отметил покаявшихся Элия Билютина и Евгения Евтушенко, чьи недавние признания своих ошибок свидетельствуют, что они почувствовали «любовную заботу партии»¹.

Весь свой яд Ильичев приберет для Эренбурга. Этот первый день и следующий, когда Хрущев подкрепил ильичевский разнос своим, были из самых невероятных и мучительных в жизни Эренбурга. Советские критики уже сорок лет гвоздили его работы — еще с тех пор, когда «Хулио Хуренито» и «Николай Курбов» оскорбили вкусы приверженцев ортодоксального марксизма. Но никогда прежде руководство страны — включая его главу — не устраивало «проработки» его произведениям с такой тщательностью и категоричностью. «Кто из нас, просидевших два долгих дня на этой встрече, — вспоминала Маргарита Алигер, — может припомнить, за что, собственно, критиковали Илью Эренбурга? Но кто из нас может за-

быть, как чудовишно и безобразно это звучало?»²

Придерживаясь объявленной темы, Ильичев начал с проблемы свободы творчества, укорив Эренбурга в том, что он осмелился использовать высказывания Ленина в поддержку терпимости к экспериментаторству в искусстве. Но не это было главным прегрешением Эренбурга. В своих мемуарах он поднял слишком много колючих для Кремля вопросов, а его «теория молчания» костью сидела у кремлевских вождей в горле.

«Прежде всего, она набрасывает тень на советских людей, которые с энтузиазмом строили социализм и верили в правильность действий Сталина. Согласно же И. Эренбургу, можно подумать, будто все они, зная об отступлениях от ленинизма, лишь спасали свою шкуру и тем помогали злу укрепиться <...>

Надо ясно заявить: коммунисты, наша партия никогда не возводили молчание в принцип».

Далее Ильичев постарался пригвоздить Эренбурга собственными его высказываниями. Эренбургу, сидевшему в зале, пришлось выслушивать, как Ильичев читает его, Эренбурга, панегирики Сталину, бросая их ему в лицо в присутствии шестисот товарищей по цеху.

«Не верна “теория молчания”, кстати, и в отношении самого И. Эренбурга. Вы же ведь не молчали тогда, Илья Григорьевич, а восхваляли и восхваляли в полную меру своего публицистического таланта.

Разве похоже на молчание то, что Вы говорили о Сталине в 1951 году? А говорили Вы буквально следующее: он “помог мне, как всем нам, написать многое из того, что мною написано и <...> поможет написать то, о чем я мечтаю”. А после смерти Сталина Вы, выражая свои личные настроения, а не чью-либо волю, писали о нем как о человеке, который “любил людей, знал их слабости и силу, понимал труд шахтера и каменщика”, “знал думы и чувства сотен миллионов людей, выражал их надежды, их волю, их жажду мира”.

Если я цитирую Ваши слова, то не для того, чтобы выделить Вас из числа многих, поставить Вам в вину приведенные слова. Все мы не лицемеря так писали и говорили. Мы верили и писали. А Вы, выходит, не верили, но писали. Это разные позиции!»

Это был главный козырь в ответе партии на брошенный ей Эренбургом вызов: искренность партии, вера в гениальность Сталина помешали его ближайшему окружению понять, что его жертвами были невинные люди. А вот Эренбург, который признается, что он это знал, предпочел петь диктатору хвалы. По логике Ильичева

выходило, что не кто иной, как Эренбург, а вовсе не партия, упивался циничной и раболепной лестью.

На протяжении всей долгой ильичевской речи Эренбург сидел неподвижно, «потупив глаза, сжав губы», — вспоминал позднее один из присутствовавших. «Почти за час у него ни один мускул не дрогнул. Впервые мы все, там находившиеся, почувствовали холодок топора у себя на затылке»³. Когда Ильичев кончил, Эренбург вышел из зала. Покидая Кремль, он не скрывал, что не питает больше никаких надежд. «Мне не увидеть расцвета советского искусства, — мрачно сказал он сопровождавшему его другу. — Вы увидите — лет через двадцать»⁴.

На следующий день речь Ильичева появилась в «Правде», и в тот же день Хрушев обрушился с еще более длинной и более оскорбительной речью на творческую интеллигенцию. И снова главным объектом гневного презрения главы Советского Союза был Илья Эренбург.

Суть длинной хрущевской речи — воспроизведенная 10 марта в «Правде», она содержала почти пятнадцать тысяч слов — воплощала в себе догматический подход партии по всем видам искусства и провинциальные грубые вкусы самого Хрущева. Искусство — не что иное, как «идеологическое оружие партии», которое необходимо содержать «готовым к боям», чтобы оно эффективно действовало «в борьбе партии за коммунизм». Партия не может допустить, чтобы «под видом произведений искусства преподносили грязную мазню, которую может намалевать любой осел своим хвостом». Об абсолютной свободе не может быть и речи. «Выходки сумасшедших» нужно держать под контролем, и «существует смирительная рубашка, — напомнил аудитории Хрушев, — которую надевают на умалишенных и тем самым лишают их возможности причинять вред себе и окружающим»⁵.

В этом контексте, пересыпанном грубостями и угрозами, Хрушев обратился к Эренбургу, чьи мемуары надо безоговорочно запретить. Хрушев напомнил аудитории, что «даже в партию вступал товарищ Эренбург, а затем отошел от нее. Непосредственного участия в социалистической революции он не принимал, занимая, видимо, позицию стороннего наблюдателя. Думается, не будет искажена правда, если сказать, что с таких же позиций товарищ Эренбург оценивает нашу революцию и весь последующий период социалистического строительства в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь».

В четвертый раз партийное руководство объявляло ложной «теорию молчания» Эренбурга. Хрушев лично изложил окончатель-

ную версию позиции партии. «Спрашивается, знали ли руководящие кадры партии, скажем, об арестах людей тогда? — ставил вопрос Хрущев. — Да, знали. Но знали ли они, что арестовывают ни в чем не повинных людей? Нет, этого они не знали. Они верили Сталину и не допускали мысли, что могут быть применены репрессии против честных, преданных нашему делу людей».

Хрущев даже заявил, что сам был привязан к диктатору. «Когда хоронили Сталина, у многих, в том числе и у меня, были слезы на глазах. Это были искренние слезы. Хотя мы и знали о некоторых личных недостатках Сталина, но верили ему». Исходивший непосредственно от Хрущева, по чьей смелой инициативе на Двадцатом и Двадцать втором съездах партии прозвучали обвинения Сталину, этот возврат к признанию его заслуг означал отступление, трагическое для самого Хрущева. Консерваторы добились своего: частичной реабилитации Сталина и приостановления усилий Хрущева по десталинизации самой партии.

Эренбург уже не был значительной фигурой. После мартовских встреч его продолжали прорабатывать в печати — правда, всерьез больше не угрожали. И Эренбург тоже ясно дал понять — ни отречься, ни каяться он не будет, а при дальнейших нападках на него режим выставит себя в еще более дурацком виде, особенно в глазах левой интеллигенции Запада, многие из которых его, Эренбурга, знают и восхищаются им.

Тем не менее из-за этих официальных выволочек Эренбург находился в угнетенном настроении. Он еще не кончил свои мемуары и теперь беспокоился, что не сможет продолжать публикацию их. Друзья пытались его успокоить. Бывший его секретарь, Елена Зонина, посоветовала писать «в стол». Но для него это было «неприемлемо». «Я так долго тащу этот воз, — сказал он ей, — что уже не могу без него жить»⁶. Как ни ослабели нити, соединяющие его с режимом, он был еще привязан к нему. В отличие от Пастернака и других, Эренбург не был готов отослать свою рукопись за границу и тем самым разорвать с Кремлем.

Андрей Синявский и Игорь Голомшток, выпустившие вместе с Эренбургом книжку о Пикассо, заглянув к нему на улицу Горького, были потрясены, увидев его в неудержимо-яростном гневе. «Эренбург лежал в постели и в полный голос ругательски ругался. Он называл их негодяями и бандитами. Я ожидал, что он будет расстроен, — вспоминал Синявский, давая интервью, — но не мог понять, почему он так мрачен и подавлен, почему так сильно реагирует на хрущевские нападки»⁷. Основная причина была намного проще, чем Синявский мог подозревать, но знали о ней лишь бли-

жайшие друзья Эренбурга. Он боялся, что ему не разрешат выезжать за рубеж и он не сможет встречаться с Лизлоттой Мэр. Он сидел взаперти в своей московской квартире, боясь появляться на улицах, где его могли узнать и устроить стихийную демонстрацию сочувствия и поддержки, что в данный момент «вряд ли пошло бы ему на пользу», как комментировалось в очередном донесении посольства США. — Поэтому он <...> предпочитал жить тихо, пока не рассеются тучи»⁸. Через несколько дней Николай Василенко, приятель Эренбурга, уговорил его ехать на дачу, где, работая в теплице и в саду, он вернул себе бодрость духа.

Не одни лишь занятия в саду утешали и поддерживали. В эти дни, последовавшие за ильичевско-хрущевскими речами, к Эренбургу со всего Союза шли сотни писем и телеграмм. Трогательное письмо (целиком приведенное нами во вступлении к данной книге) написала ему Надежда Мандельштам: «Теперь, после последних событий, — утешала она его, — видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают *все* [sic.]»⁹

Диссидентка Фрида Вигдорова писала ему 8 марта:

«Много раз, возвращаясь из командировки, я хотела написать Вам или передать на словах то, что мне пришлось услышать. Но руки не доходили. Или мешала мысль: Илья Гри[горьевич] все это и сам знает.

А теперь я скажу: не было случая, чтобы, побывав где-нибудь далеко от Москвы, я не слышала вопроса: — А Эренбурга Вы видели? Вы его знаете? Вот кому бы я хотел пожать руку.

И совсем недавно в белорусском селе председатель колхоза <...> сказал мне то, что я слышала уже не раз: — на фронте любую газету — на раскурку, но со статьей Эренбурга — никогда!

От себя мне тоже хочется сказать: Я очень люблю Вас. И очень благодарна Вам за все, что Вы сказали людям — в статьях и книгах.

Может, все это Вам ни к чему, тогда — простите.

От всей души желаю Вам покоя и здоровья.

С глубоким уважением

Ф. Вигдорова»¹⁰.

В конце апреля давний друг Эренбурга Анна Зегерс, побывав у него в Москве, прислала следующую записку (по-французски):

«Мне было ужасно грустно видеть Вас таким грустным и не суметь найти слов, чтобы отвлечь Вас и развеселить. Мне было особенно грустно видеть, что такой человек, как Вы, столько сделавший для всех в дни мира и в дни войны, вынужден терпеть так много нареканий. Но как их избежать в наших долгих, трудных, густо населенных

людьми и событиями, страстных полезных жизнях?»¹¹

Эти утешающие голоса лишь частично компенсировали оскорбления, которые Эренбург все еще вынужден был сносить. Речь Хрущева появилась в мартовском номере «Нового мира», в том же самом номере, где печатались последние главы Книги пятой мемуаров Эренбурга (мартовский номер был задержан выпуском в свет до середины апреля). Пожалуй, только в Советском Союзе — где еще? — бранные слова главы государства могли быть напечатаны вместе с тем литературным произведением, которое были предназначены осудить. Ситуация эта отражала и другое: как много изменилось к лучшему со смерти Сталина: Эренбурга не арестовали, его мемуары продолжали печатать. Тем не менее Александру Твардовскому пришлось учесть хрущевский разнос. В интервью, которое он дал Генри Шапиро — в мае оно было опубликовано на Западе и в «Правде» — Твардовский не преминул заявить: «Мы относимся к этой [хрущевской — Дж. Р.] критике мемуаров Эренбурга со всей серьезностью и ответственностью, уверены, что и Илья Григорьевич сделает из нее необходимые выводы»¹².

КНИГА ШЕСТАЯ

Над Книгой шестой Эренбург начал работать поздней осенью 1962 г. Предполагалось, что это будет заключительная часть его мемуаров, охватывающая годы с 1945 по 1953 — последние жуткие годы жизни Сталина, когда внешняя политика ознаменовалась началом «холодной войны!», а внутренняя жизнь страны — последними волнами сталинских репрессий.

События марта 1963 года выбили Эренбурга из привычной колеи: он не мог писать. «Я давно тебе не отвечал, — извинялся он перед Елизаветой Полонской. — Настроение соответствующее, да и организм, остановленный на ходу, дает знать, что такое *limite d'âge**. В 3 номере «Нового мира» ты найдешь скоро сокращенный конец 5-ой части. Шестую, которую я писал, сейчас оставил *en sommeil*»¹³.

Прошел март, проходил апрель. Эренбург ждал перемены в создавшейся ситуации, но ничего не происходило. Редакторы перестали ему звонить и заказывать статьи. Публикация второго тома мемуаров, куда входили Книга вторая и Книга третья, застопорилась. От приглашений на проходившие в Европе конференции пришлось отказаться. Расстроенный, изнервничавшийся, Эренбург

---

* Ограничения возраста (фр.).

** До лучших времен (фр.).

искал подход к советскому премьеру — то, что вызвало бы в нем понимание.

«27 апреля 1963 года

Дорогой Никита Сергеевич,
товарищ Лебедев передал мне, что Вы согласны меня принять, но сейчас у Вас много срочной работы. Я это хорошо понимаю и решаюсь просить Вас уделить несколько минут моему письму, в котором пытаюсь изложить самое существенное.

Вот уже два месяца, как я нахожусь в очень трудном положении. Я обращаюсь к Вам как к руководителю партии, как к главе правительства, как к человеку с просьбой определить, на какую работу я могу впредь рассчитывать. В областных газетах меня называют “внутренним эмигрантом”. Зарубежная печать пользуется моим именем, ведя очередную кампанию против наших идей, нашей Родины. Так жить я не могу. Вот уже тридцать с лишним лет, как вся моя работа связана с советским народом, с идеями коммунизма. Я никогда не изменял им в самых тяжелых условиях среди наших врагов.

Хотя мне 72 года, я не хочу перейти на положение пенсионера, хочу и могу еще работать. А на меня смотрят с опаской.

Приведу несколько примеров, относящихся к общественной деятельности. В Москве было подписано соглашение о сотрудничестве между Обществом дружбы “Франция — СССР”, с одной стороны, и Советом обществ дружбы, а также Обществом “СССР — Франция”, президентом которого я являюсь, с другой. Один из президентов французского Общества, приехавший в Москву, спрашивал меня, почему под документом не будет моей подписи. Я выворачивался как мог, но видел, что мои объяснения не кажутся ему убедительными. Из Стокгольма мне звонил Брантинг, спрашивал о намеченном заседании “Круглого стола”. Мне кажется, что поддержка такими далекими от нас людьми, как Нозль-Бейкер или Жюль Мок, наших предложений о запрете [ядерных — Дж. Р.] испытаний может быть полезной. Но мне пришлось ответить Брантингу, что я болен, и опять-таки я понял, что мой ответ его не удовлетворил. Профессор Бернал был у меня, ставил вопросы в связи с предстоящей сессией Всемирного совета. Меня связывало отсутствие уверенности, что меня оставят в движении сторонников мира. Общество “Франция — СССР” хочет вместе с мэром Ниццы поставить памятную доску на доме, где жил Чехов. Они обратились ко мне с просьбой прочитать доклад о Чехове. Я не решаюсь поставить этот вопрос перед Ц. К., пока не прояснится отношение ко мне руководящих товарищей <...>

Мне трудно по возрасту изменить мои художественные вкусы, но я человек дисциплинированный и не буду ни говорить, ни писать ни у нас, ни за границей того, что может противоречить решениям партии <...>

Что касается моей литературной работы, то и здесь положение неопределенное. Гослитиздат, выпустив первый том собрания сочинений по подписке, не знает, как быть дальше; редактор говорит, что руководство «ждет указаний». В «Советском писателе» с декабря лежит сверстанная книга — 3 и 4 части воспоминаний, печать Главлита есть, но тоже ждут указаний.

Если бы в нашей газете появилась бы статья на международную тему, о борьбе за мир с моей подписью, это помогло бы различным организациям определить свое отношение к моей дальнейшей работе. Мне кажется, что такое выступление или упоминание где-либо о моей общественной работе подрежут крылья антисоветской кампании, связанной с моим именем»¹⁴.

Хрущев не ответил. Только в августе, когда в Ленинграде состоялась сессия Европейского сообщества писателей, посвященная проблемам современного романа, Эренбурга пригласили в Кремль. Сессия, начавшаяся 5 августа, срывалась. Она была организована при содействии ЮНЕСКО; советская сторона дала согласие провести ее, имея в виду укрепить свой престиж, ничем не поступаясь в проводимой ею политике. Такого рода дискуссии с известными писателями Запада (почти все они считались в собственных странах левыми) хорошо вписывались в советскую манеру вести дела. Однако чиновники от культуры просчитались. Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Натали Саррот и Ален Роб-Грийе, Ганс Магнус Энценсбергер, Уильям Голдинг, Энгус Уилсон — все были тончайшими писателями-эрудитами, приверженными либеральной традиции экспериментирования. Когда советские писатели старшего поколения принялись прохаживаться на счет искусства и литературы Запада, заседание мигом превратилось в «диалог глухих», по меткому определению Натали Саррот. Константин Федин, особенно усердствуя, заявил, что Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Франц Кафка и Сэмюэл Беккет заражены бациллой декадентщины, и сделал многозначительное признание — связал нежелание издавать этих современных классиков Советами с запретом на собственных новаторов в русской литературе двадцатого века. Если открыть возможность советским романистам следовать интуитивной технике Пруста, аргументировал Федин, то тогда логично возродить кое-кого из коренных русских модернистов. Атмосферу враждебности, царящую в зале, усугубило проведенное Фединым сравнение от-

ветственности писателя с ответственностью пилота: ни тот, ни другой не имеют права «быть самим собой за счет других». Ему тут же возразил французский романист Ален Роб-Грийе: литература «не средство передвижения», — парировал он. Советские нападки на «новый» французский роман «позор для страны, которая называет себя колыбелью революции»¹⁵.

В первый же день сессия зашла в тупик и, скорее всего, кончилась бы полным провалом, если бы на нее не командировали Эренбурга — исправлять положение дел. Поначалу он отказался участвовать: не имел желания своим присутствием играть на руку режиму, спешившему «показать европейским писателям, что он жив-здоров», как записал в своем дневнике новомирский критик Владимир Лакшин. — «Он [Эренбург — *Дж. Р.*] прислал обиженное письмо Суркову, что он, де, на пороге могилы и не знает, кто он, что он в своей стране». Согласно Лакшину, Твардовский попросил В. С. Лебедева, референта Хрущева по вопросам культуры, ознакомиться с письмом Эренбурга; в результате, чтобы утолить гнев и гордость старого писателя, последовало приглашение Хрущева¹⁶.

Хрушев принял Эренбурга в Кремле, где между ними состоялся долгий разговор один на один. Хрушев извинился перед Эренбургом, объяснив, что был введен в заблуждение предвзятым набором цитат из «Люди, годы, жизнь». Теперь же у него появилась возможность самому прочитать книгу, и он не нашел в ней ничего предосудительного. Писатель с таким общественным положением и жизненным опытом, как Эренбург, сказал Хрушев, не нуждается в цензуре. Пусть Эренбург продолжает свой труд, ни на кого не оглядываясь.

Эренбург тут же вылетел в Ленинград. Сметнув, что литературные сановники из Союза писателей не озаботятся встретить Эренбурга в аэропорту — обычная форма вежливости, несоблюдение которой может сильно обидеть Эренбурга, и он ближайшим рейсом вернется в Москву, — Твардовский из уважения к маститому писателю, вместе с Лакшиным, по собственному почину отправился в аэропорт, откуда они проводили Эренбурга до гостиницы.

На сессии Эренбург появился на второй день. Появлению его предшествовали слухи — то ли он встречался лично с Хрушевым, то ли разговаривал с главой правительства по телефону. В любом случае потрясающий знак! По этой причине «молодые писатели внимали ему с особым волнением, — писал позднее тем же летом немецкий романист Ганс Вернер Рихтер, — и их волнение передавалось западным собратям по перу». Эренбург «говорил как мудрый человек, прошедший через многие испытания» и не побоялся выс-

казать упреки в адрес своих советских коллег¹⁷. «Говорить о книгах, которые человек не читал, — сказал Эренбург, — или о картинах, которые он не видел, — это значит неминуемо впасть в схоластические и догматические рассуждения <...> Нам, писателям, лучше бы от него [догматизма — Дж. Р.] отказаться». Эренбург был, пожалуй, единственным советским писателем из старшего поколения, который встречался с Джеймсом Джойсом и лично знал близкого друга Кафки — Макса Брода. В своей речи Эренбург постарался охарактеризовать их произведения таким образом, чтобы они оказались приемлемыми для сугубо дидактического советского подхода к литературе.

«Можно ли отрицать Джойса и Кафку, двух больших писателей, непохожих друг на друга? Для меня это прошлое, это исторические явления. Я не делаю из них мишени для стрельбы <...>

Джойс нашел мельчайшие психологические детали, мастерство внутреннего монолога <...> Джойс — это писатель для писателей.

Что касается Кафки, то он предвидел страшный мир фашизма. Его произведения, дневники, письма показывают, что он был сейсмографической станцией, которая зарегистрировала благодаря чуткости аппарата первые толчки. На него ополчаются, как будто он наш современник и должен быть оптимистом, а это крупное историческое явление».

В заключение Эренбург не преминул снять стружку со своих беспардонных советских коллег за их провинциальные и невежественные выступления. Кто еще, кроме Эренбурга, из собравшихся там писателей мог сослаться на то, что говорил в 1934 году на Первом съезде писателей?

«Мне кажется, что не нужно бояться экспериментов. Я приво-дил в моей книге слова Жан-Ришара Блока на Первом съезде советских писателей. Он сказал, что должны быть писатели для пяти тысяч читателей, как должны быть пилоты, работающие на уже испытанных моделях», и летчики-испытатели. Можно и должно отменить шарлатанство, но нельзя отрицать права на существование эксперимента в литературе»¹⁸.

Речь Эренбурга спасла положение. «Аплодисменты, которыми наградили Эренбурга, — вспоминал Ганс Вернер Рихтер, — были больше, чем просто знак одобрения <...> Казалось, словно в одно мгновение уши глухих обрели слух»¹⁹. Для европейских писателей присутствие Эренбурга — а они знали, какая туча над ним нависла, — его уравновешенные суждения снимали наихудшие опасения касательно советской литературы. Как уже ранее заметил западно-германский поэт Ганс Магнус Энценсбергер, немецкие писатели,

как например, Гюнтер Грасс, не могли, говоря о фашистском прошлом, пользоваться прямолинейным реалистическим стилем, для изображения жизни в Германии им необходимо было найти новые формы. Мнения Эренбурга вызвали живой отклик среди более свободомыслящих советских писателей, понимавших, что модернистские приемы письма вполне могут пригодиться для описания сталинской эпохи. Твардовский, Василий Аксенов и ленинградский писатель Даниил Гранин выступили с глубокими по мысли замечаниями, оживив в своих западных коллегах надежду, что диалог с советскими писателями может привести к плодотворному обмену опытом и идеями.

Эренбург почувствовал себя вновь уверенным и востребованным. В сентябре он впервые за много месяцев выступил в центральной печати. В статье, опубликованной в «Правде» 6 сентября, он в пылких, полных оптимизма выражениях говорил о только что подписанном Договоре о запрещении термоядерных испытаний. Для Эренбурга этот договор, в результате которого прекращались испытания в воздухе, на земле и под водой, оправдывал многие годы усилий, которые он положил на движение за мир. Китай, однако, отнесся к Договору враждебно, и Эренбург страстно убеждал китайских руководителей одуматься. Напечатанная в «Правде» статья была одновременно и выражением многих личных надежд писателя и отражением официальной советской политики²⁰.

Два дня спустя Эренбург предпринял еще один важный шаг. Хотя его престиж был теперь восстановлен, «Люди, годы, жизнь» лежали в издательстве «Советский писатель» без движения. Публикация Собрания сочинений — первый том, куда вошли «Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.» и «Тринадцать трубок», не появлявшиеся в Советском Союзе с двадцатых годов, — также застопорилась. На этот раз Эренбург обратился со своими трудностями к Л. Ф. Ильичеву. После хрущевского благословения, которое он не так давно получил, Эренбург имел все основания полагать, что Ильичев — дважды пригвождавший его к позорному столбу — теперь будет вынужден позаботиться о решении его, Эренбурга, дел. Эренбург, по правде сказать, считал Ильичева типичным жидомором и, надо думать, испытывал немалое удовлетворение, обращаясь к нему теперь с нижеследующим письмом²¹.

«8 сентября, 1963

Дорогой Леонид Федорович!

Пишу Вам по следующей причине. Третья и четвертая часть моих воспоминаний “Люди, годы, жизнь” должны были выйти отдельной книгой в издательстве “Советский писатель” в прошлом году, и гранки уже прошли Главлит. В начале августа этого года издательство сообщило мне, что необходимо внести серьезные изменения в текст с учетом сделанных замечаний. Во время встречи с Никитой Сергеевичем я рассказал ему об этом и сказал, что перерабатывать книгу, которая уже опубликована в журнале, а также вышла отдельными изданиями в ряде зарубежных стран, не только неприемлемо для меня лично, но и вредно политически. Никита Сергеевич согласился со мной. Позже тов. Лесючевский написал мне письмо, подтверждая его прежние требования. Я отправил письмо тов. Лесючевского в канцелярию товарища Хрущева, но я хорошо понимаю, что Н. С. Хрушев не может заниматься вопросом публикации каждого конкретного тома. Надеюсь, Вы сможете помочь мне решить этот вопрос, который особенно важен для меня теперь, потому что я заканчиваю шестую, последнюю часть, о которой говорил с Н. С. Хрушевым»²².

Ильичев очевидно постарался выполнить просьбу Эренбурга. Книга мемуаров увидела свет, и подписчики вскоре получили очередные тома Собрания сочинений. Но даже недавняя расположенность Хрущева не сгладили Эренбургу всех сложностей. Издательство «Советский писатель» потребовало от него покаянного вступления к тексту мемуаров, и следующее предисловие «от автора» появилось на первой странице книги:

«Моя книга “Люди, годы, жизнь” вызвала много споров и критических замечаний. В связи с этим мне хочется еще раз подчеркнуть, что эта книга — рассказ о моей жизни, об исканиях, заблуждениях и находках одного человека. Она, разумеется, крайне субъективна, и я никак не претендую дать историю эпохи или хотя бы историю узкого круга советской интеллигенции. Я писал о людях, с которыми меня сталкивала судьба, о книгах и картинах, которые сыграли роль в моей жизни. Есть много больших художников и писателей, о которых я не написал, потому что не знал их лично или знал недостаточно. Эта книга — не летопись, а скорее исповедь, и я верю, что читатели правильно ее поймут. Теперь я работаю над шестой, заключительной частью, в ней я попытаюсь связать мой личный опыт с событиями пережитой эпохи».

То, что представил Эренбург, совсем не походило на отречение, которого от него добивались, и издательство предпослало авторскому введению свое собственное предисловие. Воспоминания Эренбурга приобрели такую политическую остроту, что их необходимо было снабдить предостерегающим знаком «Осторожно!». Издательство предупреждало читателя, что книга грешит «отступлениями от исторической правды».

«В своем предисловии к данному изданию И. Эренбург пишет, книга его “крайне субъективна”. К сожалению, крайний субъективизм проявился не только в частностях, в характеристике тех или иных людей, в оценке отдельных явлений, фактов, но и в освещении важных сторон и процессов общественной жизни — там, где И. Эренбург выступает в роли свидетеля и судьи истории. Это и приводит к нарушению исторической правды».

Точно так же, как Ильичев и Ермилов, а до них Хрушев, издательство остерегало читателей относительно «теории молчания», которая, как утверждалось, «ложно» характеризовало поведение советских людей при Сталине²³.

***

Той же осенью Эренбург возобновил работу над Книгой шестой. Как и во всех предыдущих частях, в шестой части затрагивались щекотливые темы, которые, Эренбург знал, испугают редакцию «Нового мира», и от него потребуют изменений и купюр. Последние годы жизни Сталина ознаменовались ждановским наступлением на литературу и искусство, а также кампанией против «космополитов» — кампанией против еврейской диаспоры. В воспоминаниях Эренбурга об этом говорилось откровеннее, чем в любых текстах, в которых эти темы затрагивались ранее. Как только рукопись, в марте 1964 года, была передана в «Новый мир», Эренбург понял, что на журнал оказывается сильное давление: от журнала требовалось отредактировать эти главы таким образом, что их историческая эффективность оказывалась под серьезной угрозой.

Эренбург делал все, что было в его силах. Список требуемых поправок, который он получил в апреле 1964 г., был длинным и сложным, изменения нередко затрагивали самую суть того, что он старался сказать. Работая с «Новым миром», Эренбург все яснее понимал, что хрущевские заверения, данные ему в августе, никакого значения не имеют, и что если он хочет видеть эти главы напечатанными, многие поправки, которым он предпочел бы воспроти-

виться, ему придется принять. В конце мая он все еще правил текст, надеясь, что его опубликуют летом. И вот, 24 июня Твардовский сам послал Эренбургу непривычно резкое письмо. Судя по моменту его написания — главы были уже готовы для печати — ясно, что Центральный Комитет пытался руками Твардовского препятствовать публикации.

«Дорогой Илья Григорьевич!

Я еще раз прочитал — теперь уже в гранках — шестую часть Ваших воспоминаний. Как редактор, я вынужден буду исключить из текста некоторые фрагменты, которые мы уже не раз обсуждали, по поводу которых торговались и переписывались. Это мое окончательное решение, и я обязан уведомить Вас, что, если перечисляемые ниже купюры не будут сделаны, я не смогу подписать гранки к печати». Далее Твардовский писал, что объяснения Эренбурга по поводу отсутствующей главы о Фадееве ставят редакционную коллегия в смешное и двусмысленное положение; что предпоследний абзац главы шестой, касающийся будущих поколений, выглядит нападками на развитие личности при коммунизме; что упоминание имени «ренегата» Фаста в числе знаменитых писателей, участников борьбы за мир, неуместно; что неуместна и ссылка на «некоего» Николая Ивановича (то есть Бухарина)... В заключение Твардовский просил Эренбурга сообщить, как он собирается решать эти вопросы.

Эренбург ответил Твардовскому на следующий день, частично его удовлетворив. Он согласился убрать имя Фаста, однако потребовал у Твардовского объяснения, почему, обещав вернуться к воспоминаниям о Фадееве, не следует в мемуарах давать дополнительной информации о нем. Что касается упоминания Бухарина, Эренбург предложил компромиссный вариант, который и был в конечном итоге принят.

«Я не могу согласиться на то, чтобы Николай Иванович не упоминался вовсе, но, если это широко распространенное имя и отчество шокирует Вас как политически неприемлемое, я готов добавить Семена Борисовича [друг детства Эренбурга Семен Членов, арестованный в 1937 г. — *Дж. Р.*] и Григория Михайловича [генерал-полковник Штерн, казненный в октябре 1941 г.; Эренбург познакомился с ним в Испании — *Дж. Р.*].

Я огорчен тоном Вашего письма, так непохожим на тон нашего разговора в редакции. Я приписываю это Вашему настроению, а не Вашему отношению ко мне»²⁴.

Обмен письмами дал результат: летом Книга шестая была готова к печати. Но тогда «Новый мир» получил уже прямое запрещение

её публиковать. Эренбург выяснил, что сам Хрушев такого указания не давал, и попытался еще один раз — последний — 14 августа обратиться к главе государства. К этому времени у него было основание полагать, что твердокаменные сторонники режима вмешиваются в его жизнь и в других областях: точно так же, как в 1963 году, ему перестали заказывать статьи и почему-то не находилось возможностей для встреч со студентами и даже с его избирателями. Обо всем этом он делился с Хрушевым, очень надеясь спасти свою книгу и, косвенно, предостеречь Хрушева, дав понять, чем это безобразие с мемуарами должно обернуться для его, Хрушева, политического авторитета.

«Дорогой Никита Сергеевич!

Год назад Вы согласились принять меня. Я вспоминаю наш разговор с чувством искренней благодарности. Если я беспокою Вас еще раз, то только потому, что мои обстоятельства в настоящее время снова стали сложными и неприятными. Мы имели возможность говорить наедине, как мужчина с женщиной. Надеюсь, что и письмо будет передано Вам лично. После той встречи я вышел ободренный. Мы говорили тогда о том, что надо закончить мою книгу воспоминаний. Я сделал это. А. Т. Твардовский и редколлегия “Нового мира” по получении рукописи попросили меня сделать кое-какие изменения, что и было мной исполнено. Редколлегия объявила печатно, что публикация будет завершена в 1964 году. Начало шестой и последней части должно было появиться в июльском номере журнала. Недавно редколлегия уведомила меня, что она была вынуждена отказаться от публикации шестой части по указанию сверху и что она бессильна что-либо изменить <...>

Я работал над этими воспоминаниями в общей сложности более пяти лет. Поэтому для меня они являются итогом очень важной работы. Вы, я уверен, поймете, как больно писателю, особенно пожилому, видеть свое произведение обрезанным по живому. Кроме того, читатели как в нашей стране, так и за рубежом поймут, что публикация последней части запрещена. Лично для меня, Никита Сергеевич, это большое горе. Более 30 лет я постоянно работал в советской печати. И в этом году впервые ни одна наша газета не заказала мне ни одной статьи. Позвольте привести один маленький пример. Группа московских студентов-физиков попросила меня рассказать о встречах с Жолио-Кюри и Эйнштейном. В последний момент выступление было отменено. Я встречаю затрудненности даже при организации встреч со своими избирателями. У меня есть желание и возможность продолжать мою работу писателя и журналиста и участвовать в борьбе за мир. Но запрещение моих воспо-

минаний ставит меня снова с то положение, в котором я находился перед нашей встречей. Мы оба уже не молоды, и я уверен, что Вы поймете меня и дадите разрешение журналу опубликовать мою работу.

С уважением, И. Эренбург»²⁵.

Ответа Эренбург не получил, но пять дней спустя после того, как он отправил письмо, Александр Твардовский имел разговор с В. С. Лебедевым. Лебедев был крайне раздражен упорством Эренбурга. «Вы подсовываете нам его мемуары» — обвинял он Твардовского. Твардовский в долгу не остался. «Кто сделал Эренбурга депутатом, лауреатом и европейски известным писателем? — парировал он. — Последнего, впрочем, — добавил Твардовский, — достиг он сам»²⁶.

А затем в октябре Хрушев был отставлен от должности; сняли его реакционные силы, крайне раздраженные его реформами и провалившимися авантюрами во внешней и внутренней политике. И вдруг, как это ни парадоксально, забрезжила возможность довести до конца публикацию книги «Люди, годы, жизнь», вопреки тому, что новый режим, руководимый Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным, относился враждебно — как вскоре стало ясно из дальнейших событий — к любого рода либеральным начинаниям. Тем не менее в первые месяцы правления новое руководство жаждало уверить интеллигенцию страны в том, что не разделяет хрущевских предпочтений. Их политика казалась даже обнадеживающей. Ученые были удовлетворены отставкой со всех административных постов Т. Д. Лысенко, шарлатана и лжебиолога, которому покровительствовал Хрушев и чьи бредовые теории десятилетиями нарушали научную жизнь страны и разваливали опытную базу в сельском хозяйстве. Новый редактор «Правды», Алексей Румянцев, даже призвал к большей творческой свободе, а творческие работники получили заверения, что цензура не будет ужесточена.

Поскольку Хрушев публично бичевал Эренбурга, гонения на шестую часть его мемуаров теперь рассматривались в свете хрущевского ограниченного и непоследовательного отношения к культуре. Эренбург выглядел жертвой хрущевской политики, а не мишенью тех, кто подкапывался под Хрущева, как это было на самом деле. И Эренбург не преминул извлечь пользу из этой точки зрения. С января 1965 года «Новый мир» стал печатать Книгу шестую, главы которой шли в первых четырех номерах. Эренбург смог увидеть в журнале часть, которая, он полагал, будет в его мемуарах заключительной.

«Мне нелегко было написать эту книгу <...>, — признавался он. — Я знал, начиная эту книгу, что меня будут критиковать: одним покажется, что я о слишком многом умалчиваю, другие скажут, что я про слишком многое говорю». Мемуары, посвященные столь многим людям, Эренбург заканчивал добрыми словами о тех, кого уже не было в живых. «Когда я писал о друзьях, которых нет, — вспоминал он, — порой я отрывался от работы, подходил к окну, стоял, как стоят люди на собраниях, желая почтить усопшего; я не глядел ни на листву, ни на сугробы, я видел милое мне лицо. Многие страницы этой книги продиктованы любовью. Я люблю жизнь, не каюсь, не жалею о прожитом и пережитом, мне только обидно, — заканчивал он, — что я многого не сделал, не написал, не договорил, не долюбил». Он считал, что ему уже пришел конец. «Сейчас у меня слишком много желаний и, боюсь, недостаточно сил»²⁷.

Но до конца было еще далеко. Полтора года спустя он сядет за новую серию глав. Первые брежневские годы наполнили его горечью, вызвав новый прилив энергии и желание высказаться. В Книге седьмой он намеревался дать хронику хрущевского периода — как вызов реакционной политике его преемников. Но ему было уже без малого семьдесят пять лет и, хотя он намеревался воздвигнуть еще одну гору, ушел из жизни раньше, чем успел это завершить.

ЭРЕНБУРГ И ДИССИДЕНТСТВО

Эренбург не был диссидентом. Многолетний депутат Верховного Совета, осыпанный государственными наградами писатель, без конца выезжавший в Европу с официальными поручениями, Эренбург до конца своей жизни находился на привилегированном положении. Даже в самый пик борьбы за опубликование книги «Люди, годы, жизнь» ему и в голову не приходило переправить главы шестой части на Запад, чтобы натянуть нос цензорам.

При этом Эренбург общался со многими писателями и общественными деятелями, активно поддерживавшими и воодушевлявшими движение за права человека. Еще в 1957 году состоялось его знакомство с Фридой Вигдоровой, с которой они вместе занимались делом группы студентов, попавших в немилость к властям по политическим причинам, и помогали восстановиться на работе несправедливо уволенному учителю из г. Гродно. Фриду Вигдорову часто называют «первой диссиденткой» в связи с ее выступлениями в защиту молодого поэта Иосифа Бродского.

Двадцатитрехлетний поэт Иосиф Бродский, который в профессиональных кругах имел прочную репутацию мастера стиха и поэтического перевода, в декабре 1963 года подвергся аресту по обвинению в «тунеядстве»^{*}. Хотя Бродский не закончил среднюю школу, он самостоятельно выучил польский и английский языки, и его переводы метафизических поэтов, в частности Донна, оценивались очень высоко.

---

* По указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 «тунеядцами» считались лица, уклонявшиеся «от общественно полезного труда»; указ имел целью призвать к порядку многочисленных бездельников, промышляющих мелкими кражами и распивающих спиртное в общественных местах. Однако этот же указ применялся против фрондирующих, которых сначала увольняли с работы, а затем использовали их незанятость как предлог для административной ссылки.

Фрида Вигдорова понимала, что режим нацелился покарать Бродского за независимый образ жизни, используя суд над ним для устрашения молодежи. Она отправилась на процесс, происходивший в феврале—марте 1964 года, и сидя в зале суда, отважно вела стенографическую запись всего заседания — запись, которая, потом попав на Запад, привлекла внимание мировой общественности к возмутительному характеру этого дела. Стенограмму заседания Вигдорова показала Эренбургу, советуясь с ним, как лучше вести дальнейшие хлопоты. Благодаря ее усилиям в защиту Бродского выступили три лауреата Ленинской премии — Дмитрий Шостакович, Самуил Маршак и Корней Чуковский. Эренбург также подписал соответствующее обращение. Хотя эти протесты не помешали осудить Бродского и приговорить его к пяти годам ссылки в Архангельскую область, на север, через полтора года ему разрешили вернуться в Ленинград. Международное общественное мнение и мнение внутри страны сыграли свою роль, изменив обычный ход дела такого рода².

Эренбург также принял участие в Кирилле Успенском, первом из членов Союза писателей, арестованном после смерти Сталина. Успенский подружился с группой молодежи (куда входил и Иосиф Бродский), собиравшейся у него на дому и обсуждавшей политические вопросы. Автор нескольких книг, ветеран, служивший после войны в военной разведке в Вене, Успенский пользовался большим влиянием в художественной и литературной среде, охотно ссужал друзей и знакомых малодоступными книгами и побуждал молодежь относиться критически к правительству, да и обществу в целом. Затесавшийся в круг Успенского «стукач» сообщил о нем властям, и 19 июня 1960 г. Успенский был арестован в Ленинграде. Узнав об этом, Эренбург вместе с Александром Твардовским и еще одним писателем, Юрием Домбровским, ходатайствовал за Успенского, которого, в конце концов, 31 июля 1964 г. освободили — за год до истечения срока по приговору. Досрочное освобождение Успенский относил на счет умелого вмешательства в его судьбу трех названных писателей.

***

В начале шестидесятых самиздат приобрел новое качество — все шире стала распространяться насыщенная политикой литература. С освобождением из Гулага миллионов политических заключенных неизбежно появились такие писатели как Солженицын, Гинз-

бург, Шаламов, не говоря о других, — писателей, подробно рассказывающих о своем лагерном опыте. Солженицыну удалось напечатать «Один день Ивана Денисовича» в Москве. Евгения Гинзбург передала свои воспоминания на Запад, где опубликование ее книги возбудило огромный интерес к судьбе советских женщин, оказавшихся в тюрьмах, лагерях и ссылках по политическим статьям. Долгие годы в заключении провела и последний секретарь Эренбурга, Наталья Столярова, проработавшая с ним с 1956 г. до конца его жизни. Дочь знаменитой эсерки Натальи Климовой, участницы покушения на царского премьер-министра П. А. Столыпина, Столярова родилась в Париже в 1906 году. Она была в дружеских отношениях с Ириной Эренбург, с которой там училась в одной школе. Французская гражданка, Столярова еще девочкой решила, что из любви к России будет жить в Советском Союзе, и в 1935 году начала готовиться к отъезду. Однако в Советском консульстве ей отказались помочь, пока Эренбург не дал ей рекомендацию и поручительство. В 1938 году во время Большой чистки Столярова была арестована и восемнадцать лет провела в лагерях и ссылке. Она была знакома с Евгенией Гинзбург по Бутырмам, и когда Гинзбург закончила свои мемуары, помогла ей встретиться с Эренбургом, побудив его прочесть и воспоминания, которые он высоко оценил. В последующие свои выезды в Европу Эренбург неизменно отыскивал иностранные издания мемуаров Гинзбург и привозил их ей в Москву.

Еще до окончания собственных мемуаров и до личного знакомства с Эренбургом Евгения Гинзбург была среди читателей и почитателей его книги «Люди, годы, жизнь» и 20 марта 1961 года написала ему благодарное письмо:

«Только что дочитала вторую книгу “Люди, годы, жизнь”. И захотелось сказать Вам спасибо <...>

Я лет на 15 моложе Вас. Но все равно — уже скоро конец, тем более, если принять во внимание особенности моей биографии. И вот на последних рубежах, да еще в чужом городе, куда после Севера занесла судьба, так дорога была мне эта нечаянная радость — открыть книжку “Нов. мира” и вдруг прочесть в ней такое правдивое и настоящее.

Лет в 17—18 я знала наизусть целые страницы из “Хулио Хуренито” <...> Сейчас я снова по-настоящему взволнована и благодарю Вас за эту работу, за то, что Вы написали о Мандельштаме, о Мейерхольде, о Табидзе и Яшвили, о многих других. Дай Бог, чтобы все у Вас было хорошо и чтобы Вы обязательно дописали эту книгу»¹.

Наталья Столярова чувствовала себя особенно на месте в долж-

ности секретаря Эренбурга, получавшего потоки обращений от бывших заключенных. Они нуждались в содействии: одному нужно было помочь с жильем, другому — получить разрешение на прописку в столичном городе, третьему — восстановиться в учебном заведении, чтобы закончить образование. Мало того, что Столярова склонила Эренбурга прочесть мемуары Евгении Гинзбург, ей удалось достать для него экземпляр «Одного дня Ивана Денисовича» задолго до того, как повесть появилась в газетных киосках. (Согласно Солженицыну, Эренбургу «“Иван Денисович” сильно не понравился», однако на самом деле Эренбург в тех случаях, когда упоминает Солженицына в своих мемуарах, говорит о нем в высшей степени одобрительно⁴). Повседневная работа с таким секретарем, как Столярова, открыла Эренбургу доступ к *самиздату*, к сведениям о движении диссидентства, которое ширилось и развивалось, сначала при Хрущеве, а затем при Брежнев.

Столярова стала близким другом и важным помощником Александру Солженицыну. Используя свои немалые связи с посещавшими Москву иностранцами, она помогала Солженицыну переправлять микрофильмы его произведений, в том числе «В круге первом» и «Архипелаг Гулаг». Она появляется на страницах «Архипелага Гулага», для которого дала материал по Бутыркам и Сибирским исправительно-трудовым лагерям⁵. Даже после насильного выдворения Солженицына из СССР в 1974 г. Столярова оставалась одной из главных его помощниц, участвуя в распределении субсидий семьям политических заключенных, которые выделял для них Солженицынский фонд.

Из писателей-диссидентов шестидесятых годов самые близкие отношения были у Эренбурга с Надеждой Мандельштам. Обе ее мемуарные книги — «Воспоминания» и «Вторая книга» — принадлежат к ярчайшим свидетельствам о сталинских годах. Она показала первый вариант этих воспоминаний Эренбургу; один из немногих, если не единственный их читатель, он не согласился с рядом ее суждений. Надежда Мандельштам славилась своим резким языком, и Эренбург, как все остальные, остерегался ее гнева; но после прочтения ее рукописи он вступил с нею в спор, доходивший даже до крика; он старался убедить ее убрать обвинения в доносительстве людей, «которых в этом подозревали, но которые никого не предавали. Нельзя обвинять тех, кого уже нет в живых, и кто не может себя защитить», — настаивал Эренбург. Его доводы убедили Мандельштам, и она переработала текст⁶.

Эренбург также сыграл решающую роль в организации публичного чествования обоих Мандельштамов — Осипа и Надежды на

вечере, состоявшемся 13 мая 1965 г. С помощью Эренбурга в Московском государственном университете был получен зал, где собралось несколько сотен человек; многие сидели на полу и на подоконниках. Вел вечер Эренбург, его вступительное слово показало, насколько откровеннее он позволял себе высказываться — в момент, когда новый брежневский режим стал препятствовать разоблачению сталинского периода и выражению нелояльных мнений об искусстве и политике. В своей речи Эренбург отметил, что «студенты теперь гонятся за лишним билетом, как жаждущие за стаканом воды. Это жажда по подлинной поэзии». Многие годы, сказал Эренбург, он всячески старался пробить в печать книгу стихов Мандельштама. Еще в 1956 году его заверили, что такой проект рассматривается. Часть проблемы заключалась в том, что стихи Мандельштама абсолютно аполитичны, и начальство находится в растерянности, не зная, какие из них следует подвергнуть цензуре. Выхода книги придется, возможно, ждать еще год, а, возможно, пять лет — это его, Эренбурга, не удивляет, — но книга выйдет. Сегодня все это понимают, — заявил Эренбург⁷.

В заключение он представил собравшимся Надежду Мандельштам. Зал поднялся и приветствовал ее громкими аплодисментами. Из скромности она попросила забыть о том, что присутствует в зале, и продолжать программу. Кульминационным моментом вечера явилось выступление Варлама Шаламова, многолетнего узника лагерей, чьи рассказы о Колыме считаются одними из самых сильных разоблачений сталинского Гулага. Хотя шаламовская проза в официальной печати до 1969 года не публиковалась, да и тогда — лишь в Париже, его рассказы в конце шестидесятых широко распространялись *самиздатом*.

На мандельштамовском вечере Шаламов прочитал «Шерри-бренди» — рассказ о смерти Мандельштама в ледяной пустыне Дальнего севера. Рассказ этот Шаламов написал двенадцать лет назад, когда сам еще был заключенным на Колыме. Во время чтения «кто-то из университетской администрации попросил запиской прекратить выступление», но Эренбург это предостережение проигнорировал и положил записку в карман. Встретившись на этом вечере впервые, Эренбург и Шаламов продолжили знакомство: вскоре между ними завязалась теплая переписка⁸. Шаламов внимательно проследил весь жизненный и творческий путь Эренбурга. Он доверял Эренбургу и понимал, что в сумбурные годы после смерти Сталина Эренбург всячески пытался расширить рамки советской культуры. «У Эренбурга на руках крови нет», — сказал однажды Шаламов своему другу, диссиденту Юлиусу Телесину⁹.

ЭРЕНБУРГ И ВОПРОС О ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА

В том же 1965 году старейший советский журналист Эрнст Генри распространил «Открытое письмо И. Эренбургу», в котором жестко критиковалось написанное Эренбургом о Сталине в заключительных главах Книги шестой. Генри возражал против суждения Эренбурга, утверждавшего, что Сталин был умен, и перечислял ошибки Сталина, приведшие к гитлеровскому нашествию. Упомянул Генри, в частности, и о том, как, следуя указаниям Сталина, немецкие коммунисты отказались сотрудничать с социал-демократами, расколов левые силы, и тем самым помогли Гитлеру прийти к власти. Письмо это Генри, однако, отправил адресату не сразу, а лишь после того, как оно разошлось в *самиздате*, чем, разумеется, обидел Эренбурга¹⁰.

По всем данным, Эренбург, создавая портрет Сталина в своих мемуарах, испытывал большие трудности. Он часами говорил о Сталине, пытаясь постичь культ Сталина и слепую преданность ему людей по всему миру. Борис Закс, ответственный секретарь журнала «Новый мир», оказался свидетелем той борьбы, которую Эренбург вел с самим собой. Закс, через которого осуществлялись, в основном, контакты писателя с журналом, как-то два часа проговорил с ним о Сталине. В этой беседе Эренбург, как показалось Заксу, пытался прояснить для себя, был ли Сталин «сознательным злодеем или все-таки считал, что действует на благо страны»¹¹.

В черновом варианте Книги шестой Эренбург писал: «Мне привелось несколько раз разговаривать с его ближайшими соратниками — Ждановым, Молотовым, Кагановичем, Шербаковым, Маленковым. Их слова были жестче, чем речи Сталина. (Это, конечно, естественно — боялись все.) Как миллионы моих соотечественников, я очень долго думал, что его запугивают мнимыми заговорами». В другом месте Эренбург высказывал предположение, что Сталин вряд ли «расправлялся со старыми большевиками потому, что был жесток, наверное он думал, что ограждает партию и народ от фракционеров, от непослушных, спорщиков, от людей, политически думающих и, следовательно, ненадежных». Овадий Савич, давний друг Эренбурга, первый читатель его мемуаров еще в процессе их написания, остался недоволен «портретом» Сталина. Савич считал, что Эренбург только разбирается, ищет, чтобы прийти к чему-то либо более сложному, либо более простому. На полях рядом с процитированным выше текстом Эренбурга, он написал: — «А не от тех, кто знал его прошлое?»¹²

Эренбург считал, что нельзя отмахнуться от Сталина, видя в нем

просто жестокою гадину. Как вспоминает Даниил Данин, Эренбург как-то вечером, в 1964 году, угостил его четырехчасовым монологом о Сталине:

«Эренбург не мог остановиться... Он искал слова для оправдания нескольких десятилетий своей жизни. Он сам был бы счастлив, если бы Сталина никогда не существовало. Но он существовал. И он, Эренбург, существовал в одно с ним время. И был не только его противником, но и красноречивым умильным льстецом. В то время это было для него внутренней скрытой драмой, сейчас она стала более открытой»¹³.

В конечном итоге, Эренбург отказался от мысли дать в мемуарах исчерпывающую характеристику Сталина. Для этого ему недоставало надежной информации, к тому же ему, верой и правдой служившему Сталину, было чрезвычайно трудно установить, какие причины определили культ Сталина, да и его собственную незыблемую верность.

Проблема эта продолжала его преследовать. В апреле 1966 г. выступая в одной из московских библиотек на читательской конференции по книге «Люди, годы, жизнь», Эренбург коснулся критики Эрнстом Генри тех глав, которые были посвящены Сталину.

«В письме ко мне, которое идет по Москве, меня упрекают, что я называю Сталина умным. А как же можно считать глупым человека, который перехитрил решительно всех своих, бесспорно умных, товарищей? Это был ум особого рода, в котором главным было коварство, это был аморальный ум. И я об этом писал. Не думаю, что дело выиграло бы, если бы я добавил несколько бранных эпитетов в адрес Сталина:

Я сделал то, на что я способен, сделал все в пределах того, что мне понятно, дал психологический портрет наиболее экономными средствами. Но тут граница моего разумения. И в этом я открыто признаюсь и признавался. Ведь исторически дело не в личности Сталина, а в том, о чем говорил Тольятти: “Как Сталин мог прийти к власти? Как он мог удержаться у власти столько лет?” Вот этого-то я и не понимаю. Миллионы верили в него безоглядно, шли на смерть с его именем на устах. Как это могло произойти?

Я вижу петуха в меловом кругу или кролика перед пастью удава и не понимаю. Ссылки на бескультурие и отсталость нашего народа мне неубедительны. Ведь аналогичное мы видели в другой стране, где этих причин не было. Я жажду получить ответ на этот главный вопрос, главный для предотвращения такого ужаса в будущем»¹⁴.

Кто-то из присутствовавших законспектировал выступление Эренбурга и распространил запись по Москве. Текст записи попал

в руки Шаламова, и он тут же написал Эренбургу письмо, поблагодарив за правильные мысли. Особенно понравилось Шаламову утверждение Эренбурга, что «не в Сталине дело», как это старались внушить всем приверженцы режима. «Дело гораздо, гораздо серьезней, как ни кровавы реки тридцать седьмого года», — писал Шаламов. Для него, как и для Эренбурга, сталинский террор нельзя было свести к ссылкам на коварный склад ума и паранойю диктатора. Тут требовалось объяснение намного сложнее, «которое ищется десятилетиями». Что же до Эрнста Генри, то Шаламов не считал его достойным внимания; он — «не из тех людей, которые имели бы право делать Вам [Эренбургу — Дж. Р.] замечания»¹⁵.

Год спустя, когда Эренбург, решив продолжать свои мемуары, сел за Книгу седьмую, загадка всевластия и культа Сталина по-прежнему не давала ему покоя. В Книге седьмой Эренбург размышляет над дневником Роже Вайана, французского коммуниста, искренне верившего Сталину, чья вера рухнула, сокрушенная откровениями Хрущева¹⁶. Тут и была для Эренбурга суть проблемы: как могли честные искренние люди, в том числе и иностранцы, так безоглядно верить в добрый гений Сталина. Что это было именно так, Эренбург видел сам — в Испании, во Франции, в Латинской Америке. Вводя в текст своих мемуаров большой отрывок из дневника Вайана, Эренбург хотел, чтобы советские читатели осознали, насколько всеохватным был «культ личности», и поняли, что ссылками на самодержавное прошлое России или на управление методами террора и принуждения это явление объяснить невозможно. Эренбург и сам отдал дань культу Сталина. «Не веруя, — писал он в своих мемуарах, — я поддался всеобщей вере»¹⁷. Эту его формулировку вряд ли можно считать удовлетворительной. Эренбурга и самого она не устраивала. Сознывая, как сильно он боялся Сталина и как мучительно оплакивал гибель столь многих ни в чем не повинных своих друзей, Эренбург, ставя вопрос о культе Сталина, затем с полной искренностью признался, что сам в этом вопросе так до конца и не разобрался.

Дело Синявского и Даниэля

К 1965 году уже выявилось немало отдельных личностей, готовых по велению совести противостоять некоторым действиям власти предержавших. В ответ на арест двух московских писателей, Андрея Синявского и Юлия Даниэля, стали возникать группы тех, кто проводил прямую связь между свободой художественного выражения

и правом по закону быть защищенным от произвольного ареста. Дело против Синявского и Даниэля, опубликовавших свои рассказы за границей под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак, возбудило серьезные опасения в среде московской интеллигенции. Теперь после снятия Хрущева, друзья и сторонники Синявского и Даниэля, проявили готовность защищать их публично. Их действия — демонстрация на Пушкинской площади в Москве, письма и другие обращения к правительству — послужили примером, в результате которого стартовало Движение за права человека.

В феврале 1966 года Синявского и Даниэля судили по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Эренбургу, среди прочих общественных фигур, предложили подписать ходатайство о прекращении этого дела, но он заколебался, не желая протестовать, раз процесс еще не начался. Он как раз собирался во Францию и боялся, что если подаст голос, в разрешении на выезд будет отказано. Виктория Швейцер, приятельница Синявского, явившаяся к Эренбургу с просьбой подписать письмо, знала о существовании в его жизни Лизлотты Мэр, и понимала, что «это была его единственная радость». Правда, Эренбург пообещал сделать что-нибудь в помощь обвиняемым в Париже. Но, к разочарованию Швейцер, никаких публичных шагов предпринять не смог. Даже после вынесения приговора Эренбург отказался подписать письмо¹⁸.

В итоге он все же подписал одно из самых существенных обращений. Сразу после суда Виктория Швейцер набросала ходатайство об освобождении обвиняемых «под поручительство» литературного сообщества, распространив его среди московских писателей. Эренбург был в тревоге: из-за его прежних колебаний его могли обойти, не предложив подписаться под письмом, а он не хотел прослыть трусом и человеком, равнодушным к судьбе коллег по цеху. Когда Раиса Орлова, известный критик и жена Льва Копелева, пришла к нему за подписью, он немедленно присоединил свое имя к другим¹⁹.

В феврале того же 1966 года Эренбург подписал даже более сенсационное заявление, присоединившись к группе знаменитых ученых, деятелей искусства и писателей, которые в прямом обращении к Брежневу выступили против возможной реабилитации Сталина на предстоящем Двадцать третьем съезде. Предостерегая от этого шага партийных функционеров, интеллектуальная элита предупреждала, что ни советские люди, ни коммунистические партии Запада не поддержат реабилитации Сталина. Под этим письмом рядом с именем Эренбурга стояли имена балерины Майи Плисецкой, старейшего дипломата Ивана Майского и трех всемирно изве-

стных физиков — Игоря Тамма, Петра Капицы и Андрея Сахарова. Это обращение было первым главным выражением несогласия с политической партией со стороны Андрея Сахарова²⁰.

Достойная позиция Эренбурга и поддержка им этих двух обращений привлекло внимание других московских диссидентов. Одной из самых заметных фигур среди активистов движения за права человека был в ту пору Петр Григоренко. Впервые он подвергся аресту в 1964 году за распространение материалов о расстреле рабочих Новочеркасска в 1962 г. и нехватке хлеба во многих частях страны. Обвиненный в «антисоветской пропаганде», Григоренко провел год в ленинградской психиатрической больнице. После освобождения он советовался с Эренбургом, желая знать, почему так мало людей откликнулось на его призыв проявить критическое отношение к действиям правительства. Ответ Эренбурга был неутешительным: «понадобится три смены поколений, пока люди станут слушать», — резюмировал он²¹.

Эренбург разделял разочарование Григоренко. Выступая в Молодежном клубе интересных встреч 9 апреля 1966 года, Эренбург заявил, что с ужасным наследием Сталина «можно будет покончить лишь тогда, когда люди, воспитанные этими годами, физически исчезнут в нашем обществе. Я говорю это не только о людях моего возраста, но и о тех, кто моложе меня лет на двадцать. Надежда моя — на молодежь <...> Она, разумеется, делает глупости, но у нее есть дух критики, дух независимости мысли, она не оглядывается на директивы, а идет, и она найдет».

Отвечая на вопросы, Эренбург продолжал высказывать свое мнение по нескольким животрепещущим темам, в том числе о судьбе Троцкого и культе Сталина, выступив, по сути, с призывом за нравственное противодействие и за реформы:

«Нам надо реабилитировать совесть. Сделать это может (после отказа от религии) только искусство. Но искусство не есть совершенно определенное понятие: искусство разное, потому что люди разные. В одних мир входит через видение, в других через слышимое... На одних искусство действует через Пикассо, на других через Рембрандта, на третьих через Пушкина и Гоголя, на четвертых через Бетховена. На одних действуют привычные формы в искусстве, на других необычное, новое. Необходимо только, чтобы это было подлинное искусство, а не подделка под него <...>

Человек, в котором есть только знание, но нет сознания (а под сознанием я понимаю совесть), это еще не человек, а полуфабрикат. Даже в том случае, если это что ни на есть талантливый физик или еще кто-нибудь. Беда наша в том, что наш мир стал миром

таких полуфабрикатов, <...> которые не только свои мысли и социальные чувства, но и свои отношения к людям строят на последней инструкции или директиве от такого-то числа»²².

В марте в Москве состоялся Двадцать третий съезд партии. Вопреки опасениям, съезд открыто не отступил от прежнего осуждения Сталина. Однако без тягостных моментов не обошлось. В своем выступлении Брежнев сам отклонил все протесты против только что закончившегося процесса над Синявским и Даниэлем, заклеив их как наемных писак, специализировавшихся на очернении советского строя²³. И Михаил Шолохов, получивший в декабре Нобелевскую премию по литературе, произнес постыднейшую из речей за всю историю русской словесности. Он также не преминул высказать свое мнение о недавнем суде, выразив тоску по скорым и решительным сталинским расправам. Шолохов сожалел... о мягкости судебного приговора — Синявский получил семь лет исправительно-трудовых лагерей, Даниэль — пять, и это всего-то за опубликование сатирических новелл на Западе. Шолохов напомнил съезду, что «если бы этих людей с черной совестью поймали в двадцатые годы, когда судили, не слишком заглядывая в уголовный кодекс, а доверяя “революционному правосознанию”, можно себе представить, что бы с ними сделали, с этими оборотнями»²⁴. На эту шолоховскую речь сотни читателейотреагировали гневным протестом — выбрасывали его романы, сваливая их у его дверей.

***

Усилия по защите Синявского и Даниэля не иссякли весной 1966 года. С помощью их жен — Марии Розановой и Ларисы Богораз, — которые во время суда вели стенографические записи, была составлена стенограмма процесса, куда вошли и смелые показания самих подсудимых. На основе этой стенограммы с добавлением дополнительных материалов, охватывавших как статьи, осуждающие Синявского и Даниэля, так и отклики в их защиту западной прессы, активист правозащитного движения Александр Гинзбург скомпоновал обширный сборник, который назвал «Белой книгой». Гинзбург намеревался послать экземпляр «Белой книги» в редакции советских и западных газет, депутатам Верховного Совета и даже в КГБ, надеясь добиться пересмотра приговора. С экземпляром «Белой книги» пришел он за советом к Эренбургу.

Их первая встреча состоялась в 1962 г., когда Гинзбург вернулся в Москву, отбыв два года в исправительно-трудовом лагере, куда

попал за составление для «самиздата» сборников стихов — деятельность, которую режим старался пресечь. Чтобы вновь поселиться в Москве, Гинзбургу требовалось разрешение московских властей, и он пришел к Эренбургу просить о помощи. После долгого обдумывания Эренбург решил для начала послать последний свой роман с дарственной подписью одному из высокопоставленных чиновников в Министерстве внутренних дел. Неделью спустя он отправил этому чиновнику письмо, прося его разрешить Гинзбургу прописку в Москве. И позже объяснил Гинзбургу: отправь он прошение сразу как депутат Верховного Совета, отказ был бы обеспечен. А вот медленная стратегия сработала, и Гинзбург на законных основаниях остался жить в Москве.

В последний раз Гинзбург виделся с Эренбургом в ноябре 1966 года; принес ему экземпляр «Белой книги». «Почему вы не посоветовались со мной, прежде чем давать материал в такой форме?» — попенял Гинзбургу Эренбург, объяснив, что лучше было бы не использовать имена таких западных социологов как Лео Лабедж и Роберт Конквест. «Взяли бы Арагона, и было бы достаточно». Но Гинзбург с этим не согласился, заявив, что предпочитает этих двух авторов таким, как Арагон. «Посадят вас, а не меня», — сказал ему Эренбург²⁵.

И действительно, в январе 1967 года Гинзбурга посадили, а через год судили. В ходе расследования Эренбурга вызывали как свидетеля обвинения — дать показания против Гинзбурга. Эренбург прямо заявил: он заинтересован в судьбе Гинзбурга, этот молодой человек ему нравится, и ничего, что может пойти ему во вред, он, Эренбург, делать не будет. В августе Эренбурга не стало. На процесс, который состоялся в январе 1968 г., обвинение вызвало в качестве свидетельницы Наталью Столярову. Столярова подтвердила, что Гинзбург действительно приходил к Эренбургу и что тот посоветовал не брать «отрывков из буржуазной правой прессы», а взять «известное письмо Арагона и высказывания левой интеллигенции, которые, по мнению Эренбурга, произведут на наше общество большее впечатление»²⁶. На знаменитом этом судилище Гинзбург вместе еще с тремя «подельниками» был осужден и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

КНИГА СЕДЬМАЯ

По первоначальному замыслу Эренбург намеревался закончить свои воспоминания событиями 1953 года. Смерть Сталина проводила черту между двумя периодами и являла собою веку, которой естественно было завершить повествование. К тому же Эренбург понимал, что пока у власти стоит Хрушев, говорить о пятидесятых и шестидесятых годах будет невозможно. Но после снятия Хрущева Эренбург увидел, что формируется система, сулящая еще меньше надежд, и ему захотелось описать советскую жизнь при Хрущеве со всеми ее несообразностями, прежде чем брежневский «аппарат» сумеет похоронить то, чего Хрушев успел достичь.

Новый режим принялся создавать трудности в жизни Эренбурга. В апреле 1965 года намечалась его встреча с читателями в одной из московских библиотек. В последнюю минуту эта встреча была отменена, причем в безобразной форме, приведшей писателя в ярость, о чем свидетельствует его письмо к Д. А. Поликарпову, секретарю Центрального Комитета и того самого чиновника, который пытался сорвать печатание его мемуаров:

«15-го числа у меня должен был быть литературный вечер в одной из библиотек Баумановского района. За несколько часов до начала заведующая библиотекой позвонила мне, что вечер не может состояться, потому что вешалка тесна. Вскоре мне стало известно, что вечер был отменен по указанию Баумановского райкома. Это решение подтвердили товарищи из Московского городского комитета. Было указано, что на предыдущих читательских конференциях, где я читал главы из своих воспоминаний (последняя часть этой книги в настоящее время печатается в журнале «Новый мир»), я будто бы говорил недопустимые вещи. Основным аргументом запрета моих встреч с читателями было то, что я якобы советовал сжечь Третьяковскую галерею.

Наш посол на Кубе, товарищ Алексеев, переслал мне через А. Суркова текст интервью, которое я дал кубинскому корреспонденту. Он счел неправдоподобными ряд утверждений, которые в этом интервью приводятся. На прошлой неделе я ответил А. Суркову письмом, где указываю, что я не фашист, не собираюсь жечь ни книги, ни картины, и что в Третьяковской галерее имеется много холстов, которые я люблю и считаю величайшими ценностями. Я написал, что наш посол может использовать мое письмо так, как сочтет нужным.

Меня чрезвычайно удивляет повторение подобного вранья для объявления запрета моих встреч с читателями. Я буду Вам очень

признателен, если Вы сумеете помочь мне рассеять это недоразумение и снять запрет»²⁷.

Письмо Эренбурга к Поликарпову возымело действие; он получил возможность, по крайней мере изредка, встречаться с читателями.

К написанию Книги седьмой Эренбург приступил в конце 1966 года. Судя по подготовительным заметкам, он явно намеревался продолжать повествование в том же духе, в каком вел его в предыдущих частях, посвящая главы людям и событиям, которые в 1954—1964 годах стояли на переднем плане: Второму съезду писателей; поездкам в Индию и Японию; речи Хрущева на Двадцатом съезде партии; событиям в Венгрии; еврейскому вопросу — вот то, что заполнило первые двадцать глав, завершенные им ко дню своей смерти. Последующие главы должны были ознакомить читателя с трудностями, которые Эренбургу пришлось испытать при Хрущеве, включая события 1963 года и публикацию книги «Люди, годы, жизнь» в «Новом мире». Эренбург также намеревался написать о старых друзьях, Самуиле Маршаке и Анне Ахматовой, умерших в 1964 г. (Маршак) и 1966 г. (Ахматова).

В мае 1967 г. Эренбург сообщил о своей работе над Книгой седьмой Твардовскому и передал несколько глав для публикации в журнал «Наука и жизнь» и в «Литературную газету». До конца лета он не дождался, и из намеченных глав успел закончить лишь половину. 7 сентября, через неделю после смерти Эренбурга, Твардовский отправил Любовь Михайловне следующее письмо:

«Понимаю всю неловкость обращения к Вам в эти дни по делам <...>, но думаю, Илья Григорьевич не осудил бы меня. Незадолго до его болезни я получил <...> уведомление от него о том, что 16 глав седьмой книги “Люди, годы, жизнь” написаны и что он мог бы дать их мне прочесть <...> Это позволяет мне просить Вас, Любовь Михайловна, дать, если возможно, не откладывая, мне на прочтение все то, что было написано до рокового дня»²⁸.

Рукопись Книги седьмой вместе с очерком о Марке Шагале, который уже печатался в журнале «Декоративное искусство», была передана в «Новый мир». С бесшабашной уверенностью редакция журнала стала готовить новые материалы для публикации в весенних номерах 1968 года. Но тут вмешалась цензура, сняв главы о Двадцатом съезде, о восстании в Венгрии и о еврейском вопросе. Верхи этот изрезанный цензурой вариант все равно не устроил; «Новому миру» предложили сделать еще ряд купюр. Узнав об этих препонах и не желая публиковать серию изувеченных глав, с чем Эренбург никогда бы не согласился, его семья решила забрать рукопись²⁹. В 1969 году Любовь Михайловна дала разрешение дисси-

денту, марксистскому историку Рою Медведеву на публикацию нескольких отрывков из Книги седьмой в его самиздатовском журнале «Политический дневник»³⁰.

В течение последующих двадцати без малого лет в советской печати мемуары не только не переиздавались, но даже не упоминались. Крупнейший исследователь жизни и творчества Эренбурга, Борис Фрезинский, автор десятков статей об Эренбурге, всякий раз получал от различных редакторов наставление — мемуары не упоминать. Только летом 1987 г., уже при «гласности», московский еженедельник «Огонек» предпринял печатанье Книги седьмой, давая ее частями из номера в номер; текст, вопреки уверениям в обратном, шел с купюрами. Полный текст — веха в истории публикации этой книги — появился только в 1990 году, когда Б. Фрезинский смог напечатать восстановленные в полном объеме все семь частей мемуаров «Люди, годы, жизнь» вместе с подробным и исчерпывающим комментарием.

1967

В последние месяцы жизни Эренбург стал высказываться все откровеннее и откровеннее. Еще в 1966 году Ангелина Шекина-Кротова, вдова Роберта Фалька, попросила Эренбурга не выступать на открытии выставки ее покойного мужа: она боялась, что Эренбург, не сдержавшись, наговорит что-нибудь против Кремля и тем самым поставит выставку под угрозу. Эренбург знал, что ему стараются заткнуть рот и пользовался каждой возможностью поделиться своими мыслями. В апреле он выступал перед избранной аудиторией в Медицинской библиотеке, расположенной вблизи Кремля. Многие вопросы — как докладывало в Вашингтон посольство Соединенных Штатов — касались «растущего в настоящее время брожения в среде интеллигенции». Один вопрос коснулся Синявского и Даниэля. «Мне их вещи не нравятся, — ответил Эренбург, имея в виду рассказы, напечатанные за рубежом. — Но и приговор им тоже не нравится». Кто-то из присутствующих спросил о недавно прозвучавшей критике по адресу «Нового мира» — на журнал Твардовского сильно нажимали, требуя отказаться от антисталинской позиции. «За кого вы меня принимаете? — сердито отрезал Эренбург. — Зачем, по-вашему, я сюда пришел? Вам критика “Нового мира” кажется несправедливой? Мне тоже так кажется». Но самые крамольные высказывания Эренбург позволил себе о Светлане Аллилуевой, только что отказавшейся вернуться в Советский Союз из поездки в Индию. Его спросили, как он относится к новой философии, которой, по словам Светланы, она собирается следовать. Отвечая, Эренбург явно вспомнил сердечное письмо, которое получил от нее в 1957 году. «Не знаю, что это за философия, — сказал он, — и она мне не интересна. Но мне было бы интересно прочесть роман о доме, в котором Светлана родилась, о ее детстве, о том, как ей жилось»¹.

Подобные публичные откровения звучали криминалом: советским гражданам полагалось предавать «невозвращенцев» анафеме, не оставляя в сердце места для человеческих чувств. В июне из посольства Соединенных Штатов в Вашингтон ушло следующее загадочное послание: «У нас имеется сообщение, по всем данным исходящее из “Швейцарской спецслужбы”, о том, что у известного советского писателя Эренбурга неприятности по причине его защиты Светланы Сталиной, как до ее отъезда, так и после»².

Тем не менее, Эренбургу предстояла еще одна важная поездка в Европу. Его пригласили прочесть доклад на международном Стендалевском конгрессе, который должен был состояться в Парме с 22 по 24 мая. Эренбург обратился в Союз писателей с просьбой помочь ему в получении визы и разрешения после окончания конгресса «отдохнуть в Италии на гонорар»³. Присутствию Эренбурга на конгрессе придавалось значение главного события, и журналисты без конца атаковали его с просьбами об интервью⁴. В Москве, однако, этот его триумф за рубежом вызвал беспрецедентные последствия.

Пока Эренбург находился в Италии, в Москве открылся Четвертый съезд писателей. Эренбург не питал особого уважения к Союзу писателей, и, пожалуй, был только рад оказаться в эти дни за рубежом, но Михаил Шолохов использовал его отсутствие для постыдных выпадов. Речь Шолохова «сокрушила» спокойствие, царящее на съезде, где отмечалось пятидесятилетие Октябрьской революции. После залпа подстрекательских замечаний Шолохов назвал Светлану Аллилуеву «предательницей», имеющей связи с ЦРУ, с «заядлыми белогвардейцами», чуть ли не с «политическим трупом Керенского», который тогда еще был жив и обитал в Нью-Йорке. Затем Шолохов осудил всякий призыв к свободе творчества и, демагогически вплетая в дело войну во Вьетнаме, объявил ее основанием для удушения свободы прессы. Что же касается Эренбурга, то, по мнению Шолохова, его пребывание в Италии было вызовом коллективу, выше которого Эренбург себя ставит⁵. Шолохов явно получил указание свалить в одну кучу бегство Светланы Аллилуевой и продолжающееся непокорство Эренбурга, вместе с его знаменательным отсутствием на съезде. Он даже заявил, что «дурной пример заразителен и <...> глядя на этукую самостоятельность и пренебрежение к нормам общественной жизни Эренбурга, некоторые великовозрастные молодые писатели начинают откалывать такие же коленца, за которые впоследствии им будет самым стыдно, когда по-настоящему повзрослеют»⁶.

Вскоре в беседе с британским журналистом Александром Вертом, посетившим Москву в июне 1967 г., Эренбург признался, что

не выносит официальную советскую культуру. Согласно Верту, Эренбург не скрывал, что он на стороне Солженицына, который только что бросил вызов Союзу писателей, разослав открытое письмо против цензуры. Эренбург не скрывал, что поддерживает Синявского и Даниэля и сомневается, что их коснется предполагаемая по слухам амнистия политзаключенных. И еще объяснил Верту, как организован *самиздат* и как соотносится с контролируемой режимом литературой.

«Наша литература, — сказал Эренбург Верту, — существует в весьма странных условиях. Мы имеем, с одной стороны, исключительную литературную талантливость русского народа, а с другой — гнусную бюрократическую машину, которая только и делает, что тянет за уши посредственности, печатая их в наших “лучших” журналах, зато других..., ну а другим приходится идти в *самиздат*. Но вечно так продолжаться не может. Дрянно то, что Союз писателей, основанный в 1934 году, был сталинским институтом, учрежденным для регламентации мысли <...> Никому он больше не нужен, кроме спекулирующей на нем верхушки — тех, кто имеет с него жирный кусок или сидит в редакторском кресле, да еще продажной бездари, которая живет на подачки от Союза и публикуется вместо настоящих писателей»⁷.

В июне 1967 г. мир был потрясен шестидневной войной на Ближнем Востоке. Советские СМИ открыли непристойную антисемитскую кампанию, используя гротескные рисунки, напоминавшие антисемитские карикатуры из арсенала фашистской пропаганды. Эренбурга попросили подписать заявление, осуждающее израильскую агрессию, — предложение, выполнить которое он наотрез отказался⁸. Александр Верт сам слышал, в каком восторге был Эренбург от победы Израиля.

«Да. Они не дали уничтожить себя арабам — как это было при Гитлере. Хотя в Красной армии была масса бойцов, евреев по национальности, и многие даже стали Героями Советского Союза, до сих пор существует это гадкое представление, что устраивать массовое избиение евреев “нормально”. И если бы, следуя по гитлеровским стопам, арабы устроили массовую резню, эта зараза пошла бы дальше: здесь, у нас, поднялась бы волна антисемитизма. А теперь, в какие-то веки, евреи показали, что *они* [sic] тоже могут дать в зубы <...> На Руси всегда питали большое уважение к солдатам и летчикам, которые знают свое дело. И такими евреи — простите, я хотел сказать израильтяне — бесспорно, себя показали»⁹.

Июль и АВГУСТ

Когда к Эренбургу и Любви Михайловне пришла старость, в семье и среди друзей все в душе полагали, что первой из жизни, скорее всего, уйдет она. Хотя Любовь Михайловна была на восемь лет младше мужа, она страдала болезнью сердца, которая в последнее время обострилась. В 1965 году Любовь Михайловна несколько месяцев провела в санатории, восстанавливая здоровье после сердечного приступа. Эренбург же, несмотря на хроническое недомогание из-за рака предстательной железы и мочевого пузыря, продолжал писать и путешествовать. Правда, как писал знакомый журналист, он «сильно переменялся. Высох, облысел, на голове выступило какое-то желтое пятно, при ходьбе шаркал ногами»¹⁰. Его голос, прежде сильный и звонкий, стал спадать почти до еле слышного шепота. Последний удар — не столько, пожалуй, физический, сколько психологический — нанесла ему смерть ближайшего друга: 19 июля 1967 года в московской больнице умер Овадий Савич.

На похоронах Савича Эренбург заплакал. «Я думаю, что ни один человек, знавший Эренбурга, с его твердой выдержкой и неумением открывать себя людям, не мог представить его плачущим, — вспоминал писатель Владимир Лидин, — Но он не только плакал, он как бы прощался с частью своей жизни, с дружбой, которая освятила ее <...> Со смертью Савича что-то ушло из его жизни, что-то надломилось в Эренбурге, какая-то обреченность словно коснулась ее»¹¹.

В разговоре по телефону с Лизлоттой Мэр Эренбург не сказал ей о смерти Савича — не хватило сил. Он написал ей письмо. Ответ Лизлотты, полный беспокойства о нем, пришел через две недели: «Не могу сказать, как известие о Савиче меня опечалило <...> Когда я с Вами говорила последний раз [по телефону — Дж. Р.], я не могла Вас расслышать. Я лишь поняла: что-то не в порядке <...> Я подумала, что кто-то из ваших заболел»¹².

Некоторое время спустя, в понедельник 7 августа, у Эренбурга случился первый сердечный приступ. Он шел по саду и упал. Сразу же по телефону сообщили Ирине; взяв такси, она примчалась на дачу. Отец был слаб, невероятно бледен; в лице ни кровинки — белое как полотно. Позвонили пользовавшему Эренбурга врачу — В. Коневскому, и когда ему сказали, что у Эренбурга резкая боль в одном из пальцев, доктор, еще не видя больного, понял — это инфаркт.

Эренбург был трудным больным, не желавшим выполнять пред-

---

* Письма Лизлотты к Эренбургу и Эренбурга к ней переведены с французских оригиналов Н. Я. Лейбошиц и Б. Я. Фрезинским. Полный текст переписки опубликован в № 15 журнале «Всемирное слово» (прим. ред.).

писаний врача. На следующий день, во вторник 8 августа, он через силу встал с постели и несколько часов провел за машинкой — кончая 21-ю главу седьмой книги мемуаров. Он как раз начал писать о развернувшейся в 1959 г. полемике по вопросу о том, нужны ли ученым-естественникам более глубокие гуманитарные знания, более высокий уровень уважения к человеческим чувствам — о знаменитом противостоянии «физики — лирики», о споре, который в тот год поглотил у Эренбурга несколько месяцев. Но работу над мемуарами пришлось прервать и вернуться в постель. И это была последняя страница, которую написал Эренбург¹³.

На даче установили круглосуточное дежурство медицинских сестер. Согласно их записям, врачи, стараясь снять боль, применяли традиционные и нетрадиционные методы лечения. Давали наркотические средства. Ставили на спину банки. Пульс и кровяное давление оставались стабильными, но в моче обнаружилась кровь¹⁴.

13 августа, через пять дней после приступа, Эренбург писал Лизлотте: «Я заболел и с утра среды лежу без движения. Может быть, Сорпе [Ирина — Дж. Р.] Вам говорит что-то, а мне они врут. Я живу надеждой увидеть вновь Сиам... Будь сильной. Илья»¹⁵.

Эренбург отказывался слушаться врачей. 14 августа Ирина позвонила Лизлотте в Стокгольм. Телефон на даче не давал возможности международных переговоров, и Ирине пришлось вернуться в Москву, а затем снова ехать на дачу, чтобы ухаживать за отцом. Лизлотта тотчас ответила письмом Эренбургу, умоляя его быть покладистым и проявлять терпение.

«Главное: лечитесь! Вам известны Ваши задачи, Ваши обязательства. Если лучше лечь в больницу и если это возможно для Вас, для Вашего душевного состояния, ложитесь <...> Будьте откровенны с Вашим врачом Коневским, чтобы у него были все данные и таким образом он сможет дать Вам лучший совет по поводу Вашего лечения <...> Как бы я хотела приехать, чтобы вам всем помочь <...> Ирина сказала мне, что она немного рассердилась, когда я заплакала. Но было тяжело услышать обо всем этом и быть в то же время вдалеке...»¹⁶.

В тот же день Лизлотта написала также Ирине, с которой была более откровенна, не скрывая своего беспокойства. Хорошо зная Эренбурга, она понимала, как трудно Ирине осуществлять уход за ним:

«Я не знаю, что делать с собой, со всем <...> Надеюсь, что ты мне простила мои слезы. Я знаю, что ты все делаешь и что тебе приходится слишком много делать <...> Был ли инфаркт обширным? Лежит ли он в постели и прекратил ли курить? <...> Понял ли он с самого начала, как это серьезно? <...> В нем есть та жизнен-

ная сила, которую он должен мобилизовать. Когда он узнает, что перспективы хорошие, он будет спокойнее и благоразумнее. Если же он не сможет думать о перспективах работы, писательстве, путешествиях — тогда будет очень плохо <...> Для него стать инвалидом значительно хуже, чем, например, страх повторения [удара — Дж. Р.]»¹⁷.

15 августа Лизлотта отправила еще одно письмо самому Эренбургу:

«Не будьте таким непокладистым со своими врачами. Бывают минуты, когда им надо помогать <...> В больнице Вам будет лучше; постарайтесь, чтобы Вам там было удобно. Если будет телефон, Вы не будете изолированы <...> Мы можем держать Вас в курсе всего, что происходит. Больному никогда не бывает легко, даже в кругу своей семьи»¹⁸.

19 августа Эренбург послал Лизлотте обнадеживающую записку: «Врачи и женщины, которые меня окружают, говорят, что объективно все идет хорошо; боялись, что будет затронута большая часть сердца. Хорошо, я буду ждать. Думаю, что к 1 сентября переедем в Москву. Надеюсь, как только смогу — поставить вопрос о Цюрихе»¹⁹. Но улучшения не было. Эренбург был очень слаб и жаловался медсестре: «Не могу уже месяц есть»²⁰. Во вторник 22 августа Лизлотта писала Эренбургу:

«Спасибо за Ваши слова, которые я получила с письмом Corine. Я вижу, какие Вы делаете усилия. Единственное, чего я не понимаю, это, как они могут врать <...> Говорите с ним нормально, не осмеивайте медицину. Я связываю все свои надежды с Вашей ответственностью <...> и с Коневским, который, как Вы мне говорили, очень хороший врач <...> Corine мне написала, как все шло день за днем. Я понимаю, что Вы с самого начала все скрывали. Вероятно, это не было очень благоразумно. Больше так не делайте, я Вас умоляю. Я переживаю невероятно тяжелое время, худшее в моей жизни... Я думаю о Вас все время. Вы считаете, что то, через что Вам приходится проходить, унижительно. После каждой процедуры [Лизлотта лечилась от тяжелого нервного недуга — Дж. Р.] мне приходится, как и Вам, лежать неподвижно <...>

Что касается больницы. Если у Вас будет отдельная палата, телефон, посетители, когда у Вас будут силы, такой уход, чтобы Вы чувствовали себя как дома, газеты и книги, и Вы будете отвечать на письма, когда будут силы, то, я думаю, Вам будет покойнее и Вы скорее поправитесь...»²¹

Внутреннее кровотечение не останавливалось, а сделать переливание крови на даче не позволяли условия; слабость и вялость усугублялись. 24 августа Лизлотта писала Эренбургу:

«Получила Ваше второе письмо, спасибо. Сегодня утром я была у нашего друга, врача, специалиста по болезням сердца. Я задала ему кучу вопросов <...> Он сказал, что нет оснований не вести нормальную жизнь — работать, путешествовать и т. д. Все как раньше <...>

Sorine мне сказала — стучу по дереву, — что Вам с каждым днем становится лучше. Очень важно Ваше моральное состояние <...>

Будьте благоразумны и мужественны. Может быть, из Москвы Вы сможете говорить по телефону...»²².

Это письмо Лизлотты было последним от нее, которое Эренбургу суждено было прочесть. Врачи настаивали на больнице или, как минимум, на переезде в городскую квартиру, где было легче создать условия, нужные для лечения. Эренбург все еще сопротивлялся. Его состояние в последующие дни оставалось прежним: отсутствие аппетита, плохой, с перерывами сон, жесткое затрудненное дыхание. В среду утром 30 августа, Эренбурга повезли с дачи в Москву — на городскую квартиру.

Переезд в машине скорой помощи напугал больного. Эренбург капризничал, негодовал, что жена не сидит рядом с носилками, на которых он лежал, привязанный (санитары ей сидеть около носилок не разрешили), и он упрекал ее в том, что она «никогда его не любила». Однако, оказавшись у себя в московской квартире, Эренбург успокоился, и ночь с 30 на 31 августа проспал хорошо. «Весь день больной чувствует себя удовлетворительно, — записала 31 августа дежурившая в тот день сестра. — Кушал дважды бульон, пил сок». Кардиограмма казалась обнадеживающей. Назавтра был заказан телефонный разговор со Стокгольмом; нашли повод удалить на это время из квартиры Любовь Михайловну, чтобы дать Эренбургу свободно поговорить с Лизлоттой. Но до часа разговора он не дождался. Когда в 8.25 вечера сестра считала пульс, сердце Эренбурга остановилось. Немедленно были сделаны необходимые инъекции. Через пятнадцать минут прибыла бригада реаниматоров, чтобы вернуть его к жизни. Но, как сухо констатировала дежурная сестра, «усилиями медицины вернуть И. Г. Э. не удалось». Ильи Григорьевича Эренбурга не стало.

Эпилог

Илья Эренбург умер в нежелательный для режима момент. В тот же вторник, 31 августа 1967 года, закончился второй день судебного разбирательства по делу молодого диссидента Владимира Буковского. Днем позже Буковский будет осужден за организацию несанкционированной демонстрации и приговорен к трем годам трудовых лагерей. Власти боялись, что похороны Эренбурга сразу вслед за процессом Буковского, похороны, которые, вероятно, соберут в центре Москвы огромное скопление людей, пришедших выразить свою скорбь по писателю, вполне могут перерасти в демонстрацию против цензуры. Немедленно были приняты официальные меры. Никаких объявлений о похоронах и гражданской панихиде 4 сентября в Центральном Доме литераторов не вдалеке от Площади Восстания, в квартале, соседствующем со многими посольствами, в том числе и американским — ни в одной газете помещено не было. В то утро сотрудники посольства США с удивлением увидели у себя под окнами тысяч пятнадцать народу ... и десять поливальных машин, размещенных поблизости на случай беспорядков¹.

В самом здании Союза писателей жена Эренбурга и его дочь вместе с несколькими ближайшими друзьями наблюдали неиссякаемый поток людей, входивших и выходивших из зала. Рядом с Любовью Михайловной и Ириной сидели вдова Бабеля, Антонина Пирожкова, вдова Савича, Аля, поэтесса Маргарита Алигер и бывший секретарь Эренбурга, Валентина Мильман. Была с ними и Татьяна Литвинова, активная диссидентка, еще за несколько часов до смерти Эренбурга выступавшая свидетелем защиты на процессе Буковского².

С десяти утра до половины второго пополудни самые разные люди шли и шли длинной чередой мимо открытого гроба. Каждую минуту мимо постаментов проходило тридцать человек, а всего прошло шесть тысяч, и еще несметное число людей терпеливо ждали в

растянувшейся по улице Воровского очереди. Целый строй боевых офицеров с орденскими планками, орденами и медалями, украшавшими грудь, пришли отдать дань Эренбургу, той роли, какую он сыграл в борьбе против Гитлера. Старые евреи, составившие заметную группу, прощались с Эренбургом наряду с массой молодежи. Многие произносили слова благодарности. Группа студентов, в которой каждый нес по цветку и молча опускал его у гроба, оставила особенно трогательное впечатление³.

Скорбный поток был прерван ради официальных, заранее составленных речей — несколько писателей, глава Советского комитета защиты мира, член Испанской компартии. Как и следовало ожидать, они не затронули «трудных» вопросов жизни и творчества Эренбурга. Только Андре Блюмель, председатель общества «Франция — СССР» и ярый сионист, единственный среди ораторов вспомнил о долгих годах, прожитых Эренбургом в Париже, о его ненависти к антисемитизму и его приверженности европейскому искусству и культуре. И только Андре Блюмель за всю панихиду упомянул о том, что Эренбург — еврей⁴.

По завершении церемонии наряд милиции, действуя по приказу, поспешно вынес гроб из здания. Группа известных писателей, рассчитывавшая составить почетный эскорт, ожидала у главного входа на улице Герцена. Но начальство их обошло, направив гроб через другой выход — на улицу Воровского, по другую сторону писательского дома, занимающего чуть ли не целый квартал. Семья Эренбурга и ближайшие друзья проследовали за гробом через сад и центральные помещения Союза писателей; когда они вышли на улицу Воровского, их поразили странные дробные звуки, которые они поначалу не смогли идентифицировать. Это толпа из-за спин и через головы милиции бросала на гроб цветы, и букеты падали в дробном скорбном ритме и ударялись о красное дерево домовины Эренбурга. Огромная толпа, цветы, милиция — похороны грозили превратиться в свалку. Но начальствующие овладели обстановкой и быстро проводили катафалк. Одному из друзей Эренбургов пришлось чуть ли не драться с милиционером, чтобы посадить вдову Эренбурга в машину, прежде чем блюститель порядка успел ее удалить.

В нескольких километрах от Дома литераторов у Новодевичьего кладбища, где милиция отказывалась пропустить к могиле еще большую, двадцатитысячную толпу, шла чуть ли не схватка. «В двух случаях, — сообщила “Манчестер гардиан” — толпа прорвалась сквозь двойную линию солдат, стоящих с оружием перед кладбищенскими воротами»⁵. Даже Александр Твардовский с трудом попал на кладбище: ему пришлось накричать на милиционеров и на-

помнить, что он член Центрального Комитета. Только тогда его согласились пропустить. Согласно «Нью Йорк Таймс», кроме Твардовского никого из главных правительственных и партийных деятелей ни в Центральном Доме литераторов, ни на кладбище замечено не было. Церемонию захоронения провели со всей возможной поспешностью, и ни Борис Слуцкий, ни Маргарита Алигер не смогли сказать перед провожавшими прощального слова, что оба хотели сделать⁸.

Несколько месяцев на могиле Эренбурга стояла его фотография, прислоненная к огромной пирамиде из венков — цветов и листьев. Через год ее сменил великолепный памятник, спроектированный многолетним другом Эренбурга, Натаном Альтманом. С гранитного монолита смотрел барельефный портрет Эренбурга — репродукция в металле со знаменитого наброска Пикассо, — созданный скульптором Ильей Слонимом, мужем Татьяны Литвиновой. Не прошло и четырех лет, как союзники и соперники упокоились на Новодевичьем, присоединившись к Эренбургу. В 1971 году умерли Хрушев и Твардовский; оба были похоронены невдалеке от могилы Эренбурга.

Узнав о смерти Эренбурга, огромное число людей прислали соболезнования лично Любови Михайловне. Андре Мальро, Пабло Пикассо, Луи Арагон, Пабло Неруда — все послали в Москву телеграммы. Одним из самых глубоких и трогательных было собственноручное письмо Романа Яacobсона. Находясь в августе того года в Москве, Яacobсон собирался навестить Эренбурга: «Илья звал меня приехать, я знал — это значит проститься, и когда мне вдруг закрыли путь к нему [дача Эренбурга была за пределом той зоны вокруг Москвы, которую разрешалось посещать иностранцам — *Дж. Р.*] на меня легла тяжесть бессильной грусти, — писал Яacobсон Любови Михайловне. — Сейчас так хотелось бы просто посидеть с Вами, Люба, рука в руку и глаза в глаза, помолчать вместе и вместе повспоминать...»⁹.

За год до смерти Эренбурга, когда ему исполнилось семьдесят пять, английская газета «Дейли миррор» писала: «Его имя всегда в грязи. Он — это Илья Эренбург, прославленный советский писатель, взваливший себе на плечи тяжкое бремя быть постоянно ругаемым — кем-то, где-то, за что-то»¹⁰. После смерти Эренбурга Александр Твардовский отметил ту же несправедливость в «Новом мире». Он вспоминал, как критика постоянно его «журила, поучала и распекала, но и восхищалась им и даже превозносила по обстоятельствам — что угодно, только, — заключал Твардовский, — замолчать его было невозможно»¹¹.

В стихотворении, написанном в 1966 году, Эренбург с поразитель-

ной искренностью выразил мучительную сложность своей жизни:

Пора признать — хоть вой, хоть плачь я,
Но прожил жизнь я по-собачьи,
Не то что плохо, а иначе, —
Не так, как люди или куклы
Иль Человек с заглавной буквы <...>
Не за награды — за побои
Стерег закрытые покои,
Когда луна бывала злая,
Я подвывал и даже лаял,
Не потому, что был я зверем
А потому, что был я верен —
Не конуре, да и не палке,
Не драчунам в горячей свалке,
Не дракам, не красивым вракам,
Не злым сторожевым собакам,
А только плачу в темном доме
На теплой, как беда, соломе.¹²

Эренбург говорит здесь о том, что его коробило: палка, свалки, красивые враки. С приходом к власти Брежнева, при нападках на хрущевские реформы, Эренбург не был склонен пересмотреть положительные мотивы для верности своей стране, включая русскую культуру, борьбу с фашизмом, необходимость культурного взаимопонимания и мира в Европе и во всем мире.

После смерти Эренбурга режим постарался не заметить его нравственных метаний; в «Правде», запинаясь, упомянули, что «его путь был сложным и противоречивым»¹³. Нигде, разумеется, не прозвучало и намек на то, что гимназистом он сначала вступил в партию большевиков, но вскоре из нее вышел, или что его повесть «Оттепель» помогла запустить процесс десталинизации, дав имя судьбоносному периоду в советской истории; «Оттепель», по правде сказать, ни разу даже не назвали. Что же касается того, что Эренбург был по происхождению евреем, то лишь «Литературная газета» мимоходом отметила «в ритмах и его поэзии и прозы <...> печально-лукавые интонации Шолом Алейхема»¹⁴. Ни одно другое периодическое издание и на заикнулось о том, что Эренбург был еврей.

В мировой прессе попытались оценить творческий путь Эренбурга честнее. «Нью-Йорк Таймс» на первой странице подводила итоги его «долгой, насыщенной, бурной жизни». «Мало кто из советских писателей был так увешан наградами, мало кого так ругали за нарушение генеральной линии». А в передовой статье того же номера «Таймс» называла Эренбурга «мастером эзопова языка»,

указывая, что его очерки и написанные в последние годы воспоминания «сохранят политическое и нравственное значение многие годы после того, как большая часть его литературных произведений будет прочно забыта»¹⁵. По мнению американского еженедельника «Ньюсуик» «он [Эренбург — Дж. Р.] был одной из самых выдающихся аномалий советского общества»¹⁶. Английская газета «Манчестер гардиан» величала его «строителем моста между Востоком и Западом»¹⁷. Французская «Ле Монд» называла «Фомой неверующим советской литературы», признавая за ним «нравственное мужество, редкое среди его современников»¹⁸. Лондонская «Таймс», проявляя осведомленность и осторожность, подводила такой баланс: Эренбург «не только один из самых плодovitых и легко пишущих литераторов, но и чрезвычайно эффективный оратор (выступавший на русском и французском языках) с блестящим даром остроумной пикировки». Он не был «бунтарем в прямом смысле слова», но человеком, который нередко проявлял мужество — хотя отнюдь и не безрассудное, — когда дело шло о защите «широких горизонтов»¹⁹.

Правда, нашлись печатные издания, возродившие голословные обвинения. Так, Эдуард Крэнкшоу в статье, напечатанной в лондонской газете «Обсервер», утверждал, что Эренбург «активно участвовал в [сталинском — Дж. Р.] преследовании евреев» и «помогал Жданову устраивать гонения на тех русских, которые выказывали интерес к иностранным идеям»²⁰. Инсинуация эта побудила Айво-ра Монтегю, друга Эренбурга, написать в ответ, что «мелкотравчатые любители холодной войны, никогда не прощавшие ему [Эренбургу — Дж. Р.], что он пережил годы свирепой бури, клянут его даже в некрологах, обвиняя в проступках, для которых нет ни малейших доказательств, даже в подонках профессиональных фантазий»²¹.

Сегодня, когда рассеялись слухи и обвинения, легче видеть, насколько мужество и добрые дела Эренбурга перевешивают компромиссы в его жизни и творчестве, которые пришлось на эпоху диктатуры и террора. Несмотря на десятилетия вынужденного лицемерия, когда он «подвывал и лаял» — что исковеркало и уничтожило миллионы человеческих душ, — Эренбургу достало убежденности и стойкости, чтобы возрождать память о своем обреченном поколении. Вот это его враги не могли ему простить. Удивляясь никак не ожидаемому упорному противостоянию Эренбурга властям в пятидесятых и шестидесятых, один из советников Хрущева заметил: «Не тот он Эренбург, каким мы его знали в войну»²². Но Эренбург был человеком куда более последовательным, чем его хулителям,

западным и советским, хотелось его представить. «Если человек за одну жизнь много раз меняет кожу, почти как костюмы, — писал Эренбург в своих мемуарах, — то сердца он все же не меняет — сердце одно»²³.

По всей Восточной Европе и Советскому Союзу поклонники Эренбурга искали у него совета и указаний. 4 сентября, в день похорон Эренбурга, «Нью-Йорк Таймс» опубликовала на первой полосе статью с сенсационным сообщением об обращении трехсот чехословацких писателей. Сытые по горло неосталинистскими репрессиями, «охотой на ведьм», организованной против всего сообщества писателей Чехословакии, они выражали свое возмущение и призывали целую когорту знаменитых литераторов, в том числе Артура Миллера, Джона Стейнбека, Альберто Моравиа, Жан-Поля Сартра, Бертрана Рассела, Гюнтера Грасса и Генриха Белля — прийти им на помощь. Что касается советских писателей, то тут чехам пришли на ум только четыре имени, принадлежавшие людям достаточно известным и достаточно им сочувствующим, чтобы откликнуться — Александр Солженицын, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и Илья Эренбург. Это обращение было предвестником злощастной «Пражской весны» 1968 года, которую Илья Эренбург, без сомнения, поддержал бы²⁴.

Наблюдая за тем, как большевики завладевали Российской империей, Эренбург в 1918 году писал: «Я не грущу о том, что памятник Александру III или Скобелеву будут эвакуированы в склады, но, увы! — на их место поставят “памятник революции”». Очевидно, — продолжал он, — ни российские троны, ни московские площади не могут пустовать. Трудно представить себе, что революционные истуканы будут лучше царских»²⁵.

Только с горбачевскими реформами и провалом заговора захватить власть остатками сталинского аппарата в августе 1991 года большевистских истуканов постигла участь царских, которые они заменили. Эренбурга это не удивило бы. Всегда еврей, аутсайдер, Илья Эренбург не был ограничен своими противоречиями. Он был куда шире их.

БЛАГОДАРНОСТИ

В работе над этой книгой мне помогало много людей, и я хочу выразить им признательность за поддержку и участие.

Первый, кто весной 1980 года одобрил мое желание взяться за книгу об Эренбурге, был Марк Кучмент; он не без удивления наблюдал, как быстро я, вслед за ним, стал горячим поклонником Эренбурга.

В течение восьми поездок, с 1982 по 1994 г. в Москву для сбора материала, Ирина Ильинична Эренбург принимала меня у себя дома, отвечая на мои бесконечные вопросы о ее отце. Аля Яковлевна Савич — она умерла вскоре после моего визита в Москву в 1991 году, — долгие годы дружившая с Эренбургом, отнеслась ко мне, как к родному внуку, и помогла понять, что означало жить и выжить при режиме террора. Особую благодарность мне хочется принести исследователю жизни и творчества Эренбурга, петербургскому историку литературы Борису Фрезинскому за время и внимание, которые он мне подарил; ничего лучшего, чем встреча со столь тщательным и вдумчивым биографом, нельзя было и пожелать. Неоценимую помощь в плане библиографии мне в Москве оказала Валя Мордерер, а Мартин Шервин помог организовать двухмесячное пребывание в советской столице. Благодаря его стараниям я получил возможность часами работать в РГАЛИ (Российский Государственный архив литературы и искусства), где хранится основная часть архива Эренбурга. Сотрудники РГАЛИ также неизменно оказывали мне содействие.

В самом начале моей работы Борис Кац, Сусанна Кейзен, Сусанна Квин, Уилл Уотсон и Марк Кучмент читали еще в рукописи отдельные части из написанного мною, делая существенные замечания. Дэвид и Кей Аризл, Майкл Беренбаум, Напуа Давой, Наталья Кац, Ферн Миллер, Говард Норман, Ричард Соболев, Кэти Мосс

Уорнер, Ронни Маэ Уейс, Эллен Хьюм, Джон Шатук и Шомер Цвеллинг все эти годы поддерживали меня, воодушевляли и поощряли, как и моя мать, Рут Рубинштейн, и брат Марк. Я также очень благодарен за долготерпение и помощь сотрудникам Гарвардской библиотеки Уайднера, Нью-Йоркской публичной библиотеки, Библиотеки Колумбийского университета, Архива Гуверского института, Национального архива, Библиотеки Британского музея, Национальной библиотеки Израиля и Российской Государственной библиотеки. Выражаю также признательность Русскому исследовательскому центру Гарвардского университета, членом которого я являюсь, и Американскому Совету научных обществ, избранием в члены которого я был удостоен в 1985 году, что позволило мне прервать мою основную работу в организации «Международная амнистия» и посвятить все свое время задуманному труду. Мои коллеги по «Международной амнистии» были, как и я, весьма удивлены, когда я обнаружил, что Эренбург оказался одним из тех видных общественных деятелей, к которому при своем основании наша организация обращалась за поддержкой.

Я хотел бы поблагодарить десятки и десятки людей, — всех, кто дал мне интервью, — общение с которыми (иногда лишь по телефону) сделало мою работу над книгой особенно приятным. Это — Василий Аксенов, Маргарита Алигер, Рафаэль Альберти, Натали Бабель, Сара Бабенышева, Рита Баррис, Нина Берберова, Борис Биргер, Лариса Богораз, Иосиф Бродский, Абрам Брумберг, Николай Василенко, Веркор (Жан Брюллер), М-м Астье де ла Вижери, Жак Вишняк, Жерар Вишняк, Изабелла Вишняк, Владимир Войнович, Андрей Вознесенский, Наталья Вовси-Михоэлс, Нина Вовси-Михоэлс, Дарья Гамсараган, Александр Гинзбург, Евгений Гнедин, Эдуард Гольдштюкер, Самуил Графтон, Зинаида Григоренко, Роман Гуль, Даниил Данин, Евгений Евтушенко, Борис Закс, Елена Зонина, Йорис Ивенс, Люс Ильсум, Лоу Кадар, Джек Камайко, Вениамин Каверин, Жан Кассу, Жан Катала, Бронка Клебаньски, Шломо Коварский, Лев Копелев, Наум Коржавин, Нина Кот, Израиль Кроник, Лейб Куняховский, Анна Ларина, Арий Левави, Энтони Лим, Семен Липкин, Павел Литвинов, Майя Литвинова, Татьяна Литвинова, Аннет Лотт, Михаил Макаренко, Эстер Маркиш, Рой Медведев, Артур Миллер, Стефан Мэр, Женя Найдич, Елена Нехамкина, Фред Уорнер Нил, Раиса Орлова, Хирш Ошерович, Элен Пармелен, Евгений Пастернак, Шломо Перлмуттер, Антонина Пирожкова, Владимир Познер, Александра Прегель, Александр Риндзинский, Маша Рольникайте, Абрам Сабрин, Аля Савич, Дов Садан, Артур Сандауэр, Андрей Синявский, Хирш Смоляр, Гарри-

сон Солсбери, Наталья Столярова, Сайрус Сульцбергер, Юлиус Телесин, Лидия Тынянова, Кирилл Успенский, М-м Ив Фарж, Иосиф Фишман, Фаня Фишман, Эфраим Фишман, Зина Фогельман, Борис Фрезинский, Джон Херасси, Стефа Херасси, Люс Илсум, Александр Цвиели, Мр. и Мсс. Генри Шапиро, Виктория Швейцер, Уильям Ширер, С. Л. Шнейдерман, Ангелина Шекина-Кротова, Александр Щедринский, Алексей Эйсер, Ирина Эренбург, Виктор Эрлих и Роман Якобсон. Я встречался с ними во время моих поездок в Англию, Францию, Швецию и Испанию, в Израиль, Москву и Ленинград (С.-Петербург), в Нью-Йорк, Мадисон и Сан-Франциско. Хочу особо отметить Стефана Мэра, предоставившего мне возможность ознакомиться с письмами его матери.

Хочу также выразить сердечную признательность моему агенту, Робин Штраус, за неиссякаемый энтузиазм, с которым она занималась продвижением моего труда, Эндрю Нюрнбергу за его неоценимую помощь в Лондоне, Лелии Рюкенштейн за постоянное дружеское внимание, Стиву Фрайзеру, моему редактору в «Basic Books» за умную тщательность, с какой он исполнял свои обязанности, Майклу Уайльду за его неиссякаемые усилия и Кертису Кларку, сотруднику «University of Alabama Press» за веру в успех этой книги.

Особая благодарность моей жене, Джилл Дженоуз; присоединившись ко мне на последнем, труднейшем этапе, она проявила силу духа, литературное чутье, выдержку и преданность при тех длительных усилиях, которые потребовались для завершения этого труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все цитаты из мемуаров Эренбурга взяты из его книги: *И. Эренбург. Люди, годы, жизнь: В 3 т. / Издание исправленное и дополненное. Подг. к печати И. И. Эренбург и Б. Я. Фрезинским. М.: Советский писатель, 1990. Ниже это издание обозначается сокращенно — ЛГЖ.*

Сокращение РГАЛИ обозначает Российский государственный архив литературы и искусства, где хранится основная часть архива И. Г. Эренбурга.

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. Воспоминания. М., 1990. С. 20.

² Биргер Б. Интервью, данное автору в Москве в 1984 г.

³ ЛГЖ. Т. 1. С. 544.

⁴ *Мандельштам Н. Я.* Письмо И. Г. Эренбургу, написанное после выступления против него Н. С. Хрущева весной 1963 г. // Архив Н. И. Столяровой (Москва).

⁵ Швейцер В. Интервью, данное автору в Амхерсте в 1983 г.

⁶ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. *Op. cit.* С. 20.

ГЛАВА I. ОТ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ ДО ПАРИЖА

¹ Цит. по: *The Jews in Soviet Russia since 1917 / Ed. by Kochan L. New York—Oxford, 1978. P. 1.*

² ЛГЖ. Т. 1. С. 55.

³ *Эренбург И. Г.* Книга для взрослых // Собр. соч. М., 1991. Т. 3. С. 538.

⁴ Архив И. И. Эренбург. Поминальное слово было зачитано в Киеве 27 ияра 5664 г. по сврейскому календарю (12 мая 1904 г.). По другим источникам, дед И. Эренбурга умер в 1903 г. — см. комм. в ЛГЖ (т. I, с. 567; поминальное слово помечено датой по еврейскому календарю). Согласно интервью, данному мне по телефону профессором Древне-

еврейского университета Дов Саданом, известный сионистский историк Бен-Сион Динур, сотрудник Министерства просвещения и культуры Израиля и президент Яд Вашем с 1953 по 1959 гг., сообщил ему, что среди мальчиков, которых он однажды в Полтаве готовил к Бар-Мицве, был Илья Эренбург, и что он не упомянул об этом факте в своих мемуарах (*Ben Zion Dinur. Olam She-Shakah / Ed. by prof. D. Sadan. Jerusalem, 1958*), потому что Эренбург оказался «сукиным сыном».

⁵ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 533.

⁶ См.: *Ettinger S. The Jews in Russia at the Outbreak of the Revolution // The Jews in Soviet Russia since 1917. Op. cit. P. 16.*

⁷ *Arnshtein, Yehuda Leib. Al Mah Yichye Ha-Adam. Cracow, 1893.* Эта редкая книга имеется в Национальной библиотеке Иерусалима. Книга посвящена «сыну моей сестры Илии бен Захария Эренбургу». Среди двоюродных братьев Эренбурга некоторые также носили имя Илья.

⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 56 и 282. В начале 1944 г. Эренбург получил письмо от офицера Красной армии, еврея по национальности, который спрашивал его, почему он не поменял свою фамилию, звучащую как немецкая. «Я не люблю немцев (не только нацистов, но и нацию). Но фамилию я сейчас бы не поменял, — отвечал ему Эренбург. — В наших условиях это не немецкая, а еврейская фамилия, и ее перемена была бы отказом не от немецкого звучания, а от еврейского происхождения». — См.: Советские евреи пишут Илье Эренбургу 1943—1966 / Под ред. М. Альтшулера, Иц. Арада, Ш. Краковского. Иерусалим, 1993. С. 135.

⁹ Краткая биография Ильи Лазаревича Эренбурга, двоюродного брата И. Г. Эренбурга, имеется в архиве Гуверовского института (Стэнфордский университет, Калифорния; B. I. Nicolaevsky. Collection, box 244, folder 2). Там же есть упоминание о Лазаре Эренбурге, дяде И. Г. Эренбурга.

¹⁰ ЛГЖ. Т. 3. С. 101. В краткой автобиографии, датированной 5 мая 1958 г., Эренбург так сформулировал свой взгляд на этот вопрос: «А покада на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности “еврей”» (см. РГАЛИ. Ф. 1204; оп. 1, ед. хр. 18).

¹¹ В своих мемуарах Эренбург пишет, что его семья переехала в Москву в 1896 году. Основываясь на материалах, обнаруженных в русских архивах, Б. Фрезинский установил, что семья Эренбургов переехала в Москву в сентябре 1895 г. См.: *Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т. 1. 1891—1923. СПб., 1993. С. 12.*

¹² Израиль Бродский (1823—1888) был известен по всей России, так же, как его сыновья Лазарь Бродский (1848—1904) и Лев Бродский (1852—1923), которые после смерти отца расширили семейное предприятие. Другой семейный клан — Высоцкие — были известны как поставщики чая. В разгар революции 1917 года среди антисемитов была

популярна присловка: «Сахар — Бродского, чай — Высоцкого, Россия — Троцкого».

¹³ Moscow // Encyclopedia Judaica. V. XII. Jerusalem, 1978. P. 364.

¹⁴ Эренбург И. Г. О маме // Собр. соч. Т. 1. С. 30.

¹⁵ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 539.

¹⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 67; 568 — комментарии. В своих мемуарах Эренбург ошибочно называет этот журнал «Новый луч».

¹⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 70.

¹⁹ Из 171 делегата, отвечавших на анкету на партийном съезде летом 1917 г., 58 стали членами большевистских организаций между 1904 и 1916 гг. Эти сведения взяты из книги: *Cohen S. F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York, 1975. P. 10.*

²⁰ ЛГЖ. Т. 1. С. 71, 70, 73, 77. Сокращенный вариант главы о Бухарине и гимназической большевистской группе см.: Неделя. 1988, 16—22 мая. С. 10.

²¹ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников // Собр. соч. Op. cit. Т. 1. С. 349.

²² ЛГЖ. Т. 1. С. 78. См. также Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Op. cit. С. 31—55. Авторы приводят десятки документов, относящихся к деятельности шестнадцатилетнего Эренбурга в большевистском подполье.

²³ Литературное наследство. Т. 65. М., 1958. С. 444.

²⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 82.

²⁵ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 460.

²⁶ При царском режиме арест подростков и учащихся был вполне обычным делом. В ноябре 1907 г. в Киеве аресту подвергся двоюродный брат Эренбурга — Илья Лазаревич Эренбург. Он был на четыре года старше своего московского кузена и активный меньшевик. Сохранилось несколько его писем из тюрьмы к семье, в которых он выказывает стойкий оптимизм. Ему разрешали передачи — еда и одежда, а когда он заболел чесоткой, то его поместили в тюремную больницу, где, как он уверял родителей, было чисто и пристойно. Однако Илья Лазаревич Эренбург явно шадил свою семью, не обременяя ее сведениями об ужасах тюремной жизни. Камеры были переполнены. В них свирепствовал тиф, унесший жизни многих заключенных. Илья Лазаревич Эренбург стал свидетелем убийства своего сокамерника, когда тот читал у окна книгу и был застрелен охранником, выстрелившим в него без предупреждения. Об этом Илья Лазаревич родителям ничего не сообщал; напротив, он старался их утешить и ободрить. «Смирились ли вы с мыслью, что каждого студента в какой-то момент ждет тюрьма?» — спрашивал он их в письме через месяц после ареста. — Сейчас столько народу сидит <...>, что это, можно считать, будничная вещь» (Hoover Institution Archives. B. J. Nicolaevsky Collection. Box 244, Folders 2 and 3).

²⁷ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Ор. cit. Т. 3. С. 464.

²⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 74.

²⁹ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Ор. cit. Т. 3. С. 464.

³⁰ Эренбург И. Г. Лик войны. Берлин, 1923. С. 165—166.

³¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 90, 95. При подготовке своих мемуаров Эренбург ознакомился с документами из царских архивов; донесения из полицейских папок свидетельствовали о том, какая тщательная слежка была за ним установлена.

ГЛАВА 2. ЭКС-БОЛЬШЕВИК

¹ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 498.

² ЛГЖ. Т. 1. С. 97.

³ Ibid. С. 91.

⁴ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 498.

⁵ ЛГЖ. Т. 1. С. 101.

⁶ Фрезинский Б. Я. Из воспоминаний М. Киреевой // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 153.

⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 105.

⁸ Замечания Эренбурга о Троцком распространялись в «самиздате» в 1966 г., а также процитированы в газете «Советская культура» (1991, 26 января. С. 15).

⁹ ЛГЖ. Т. 1. С. 105; Т. 3. С. 250.

¹⁰ Интервью, данное автору Алексеем Эйсером в Москве в 1982 г.

¹¹ Hoover Institution Archives, Stanford, Calif., В. I. Nicolaevsky Collection, box 207, folder 8. В тот период Елизавета Полонская еще носила свою девичью фамилию — Мовшенсон.

¹² Экземпляр журнала «Бывшие люди», ставший библиографической редкостью, имеется в Гуверовском институте (Hoover Institution). Этот журнал, а также «Тихое семейство», упоминает в своих мемуарах Роман Гуль. См.: Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Нью-Йорк, 1981. С. 73—74; Т. 2. Нью-Йорк, 1984. С. 239—240. См. также: Aline. Lénine à Paris. Paris, 1929. P. 73; Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... С. 62 — о реакции Г. Е. Зиновьева.

¹³ Hoover Institution Archives. В. I. Nicolaevsky collection, box 207, folder 8.

¹⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 81; Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 531.

¹⁵ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Т. 3. С. 333.

¹⁶ Ibid. С. 533, 534.

¹⁷ Эренбург И. Г. Детское. Париж, 1914. С. 5.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 18.

¹⁹ Русская мысль, 1911, № 2. С. 232—233. Цит. по кн.: *Эренбург И. Г.* Собр. соч. Т. 1. С. 589.

²⁰ Аполлон, 1911. № 5. С. 78. Гумилев в письме к Брюсову возражал против его похвал Эренбургу. «Я не нашел в нем ничего, кроме безграмотности и неприятного снобизма» — см. *Попов В. В., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 76.

²¹ Английский перевод стихотворения «Еврейскому народу» опубликован в журн.: *Midstream*. 1971. April. P. 56—57.

²² Аполлон. 1911. № 10. С. 74.

²³ РГАЛИ ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 18.

²⁴ Hoover Institution Archives. B. I. Nicolaevsky Collection, box 244, folder 3.

²⁵ *Эренбург И. Г.* Книга для взрослых // Собр. соч. Ор. cit. Т. 3. С. 496.

²⁶ Александра Прегель. Интервью, данное автору в Нью-Йорке в 1983 г.

²⁷ *Marevna (Воробьева-Стебельская М. Б.).* Memoirs d'une Nomade. Paris, 1979.

²⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 160.

²⁹ *Эренбург И. Г.* Новые поэтессы // Гелиос. 1913. № 2 (декабрь). С. 45—46.

³⁰ *Эренбург И. Г.* Поэты Франции. Париж, 1914.

³¹ *Попов В. В., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 82.

³² *Эренбург И. Г.* Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 31.

³³ ЛГЖ. Т. 1. С. 175—176.

³⁴ *Knightley, Phillip.* The First Casualty. New York, 1975. P. 80.

³⁵ *Shaw, John Roger.* Ilya Ehrenburg. The Career of a Soviet Writer. Ph. D. diss. University of Washington, 1960. P. 25.

³⁶ *Gómez de la Serna.* Retratos Contemporáneos. Buenos Aires, 1941. P. 342—343.

³⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 192.

³⁸ *Эренбург И. Г.* Лик войны. Ор. cit. С. 16.

³⁹ *Эренбург И. Г.* Книга для взрослых // Собр. соч. Ор. cit. Т. 3. С. 531.

⁴⁰ *Marevna.* Memoirs d'une Nomade. Ор. cit. P. 207.

⁴¹ *Эренбург И. Г.* Русское шампанское // Биржевые ведомости. 1916, 6 декабря, утр. выпуск. С. 3.

⁴² ЛГЖ. Т. 1. С. 221.

⁴³ Ibid. С. 225. В статье, опубликованной в «Commentary» в августе 1947 г., русский эмигрант, пишущий под псевдонимом Мартин Томас (Martin Thomas), утверждал, что Эренбург вернулся в Россию с помощью Ленина в «пломбированном вагоне», следовавшем из Цюриха через Германию. Эта абсурдная выдумка ставит под сомнение и другое утверждение Томаса, будто бы Илья Лазаревич Эренбург вернулся в

Россию, путешествуя в том же вагоне. См.: Hoover Institution Archives. B. I. Nicolaevsky Collection, box 244, folder 2.

⁴⁴ Биржевые ведомости. 1917, 21 июля, утр. вып. С. 5.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 230, 247.

⁴⁷ Биржевые ведомости. 1917, 15 октября, утр. вып. С. 7.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

¹ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито... // Собр. соч. Т. 1. С. 380.

² «Слову — свобода!» Экземпляр этой газеты мне показали друзья в Москве.

³ Эренбург И. Г. Молитва о России. М., 1918. С. 15.

⁴ Цитируется в комментариях к собранию сочинений: Op. cit. Т. 1. С. 595.

⁵ Русская мысль, № 3430. 1982, 16 сентября. С. 9.

⁶ Письмо к издателю // Русская книга. 1921. № 9 (сентябрь). С. 6.

⁷ Большая советская энциклопедия. Т. 64. М., 1934. С. 583.

⁸ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. Op. cit. Т. 3. С. 538.

⁹ Цит. по: ЛГЖ. Т. 1. С. 599.

¹⁰ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 324.

¹¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 239.

¹² Новости дня. М., 1918. 27 (14) марта. С. 3. Несколько выпусков этой газеты имеются в Российской государственной библиотеке (РГБ). До последнего времени хранились в закрытом фонде.

¹³ См.: Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1918.

¹⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 268.

¹⁵ Ibid. С. 269.

¹⁶ Ibid. С. 281.

¹⁷ Цит. по: ЛГЖ. Т. 1. С. 599. (Комментарии).

¹⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 282, 286.

¹⁹ Новая русская книга. 1922. № 6 (июнь). С. 39.

²⁰ Стефа Херраси. Интервью, данное автору в Путни (шт. Вермонт) в 1981 г. Хотя Любовь Михайловна всегда говорила, что родилась в 1900 г., на самом деле она родилась в 1899 г. За эту справку я благодарен Б. Я. Фрезинскому.

²¹ Соммер Я. И. Записки / Публикация Б. Я. Фрезинского // Минувшее. Вып. 17. М., 1994. С. 129—130.

²² ЛГЖ. Т. 1. С. 306.

²³ Соммер Я. И. Записки. Op. cit. С. 133.

²⁴ Гладков А. К. Поздние вечера // Воспоминания об Илье Эренбурге. М., 1975. С. 265.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3664.

²⁶ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга... Ор. cit. С. 19.

²⁷ *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. М., 1999. С. 128.

²⁸ Новая русская книга. 1922. № 4 (апрель). С. 44.

²⁹ *Эренбург И. Г.* Понедельник // Киевская жизнь, 1919. № 14, 11 (24) сентября. С. 1. Несколько выпусков этой газеты имеются в РГБ. До недавнего времени хранились в закрытом фонде.

³⁰ Ibid. 1919. 6 (19) сентября. С. 1. Экземпляр этого выпуска газеты «Киевская жизнь» имеется в School of International Affairs, Columbia University, New York.

³¹ *Эренбург И. Г.* Хулио Хуренито... // Собр. соч. Т. 1. С. 428. Весною 1934 г. Эренбург еще раз был вынужден подумать о том, что его еврейская внешность может навлечь на него беду, на этот раз со стороны нацистов. Находясь в Праге, он решал, как лучше доехать до Парижа. Один дипломат посоветовал ему лететь через Нюрнберг: «Лицо может меня выдать», — писал Эренбург (Известия. 1934, 18 апреля. С. 6).

³² *Эренбург И. Г.* Еврейская кровь // Киевская жизнь. 1919. № 20. 19 сентября (2 октября).

³³ *Эренбург И. Г.* Старый скорняк // Красная новь. 1928. № 6 (июнь). С. 116—119.

³⁴ Цит. по: *Heifetz, Elias.* The Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919. New York, 1921. P. 113—114.

³⁵ *Эренбург И. Г.* О чем думает жид // Киевская жизнь. 1919. № 33, 9 (22) октября.

³⁶ Цит. по: *Мстиславский С.* Погромы // Былое. 1925. Т. XXIX. С. 193.

³⁷ *Shneiderman S. L.* Ilya Ehrenburg Reconsidered // Midstream. 1968. October. P. 57.

³⁸ *Соммер Я. И.* Записки. Ор. cit. С. 137—138.

³⁹ Ibid. С. 148 и 167 прим.

⁴⁰ *Попов В. В., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 174, 176.

⁴¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 298.

⁴² Hoover Institution Archives. B. J. Nicolaevsky Collection, box 244, folder 2.

⁴³ ЛГЖ. Т. 1. С. 307.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ *Соммер Я. И.* Записки. Ор. cit. С. 145—146.

⁴⁶ *Эренбург И. Г.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 104—105.

⁴⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 306.

⁴⁸ *Эренбург И. Г.* Раздумья. Рига, 1921. С. 18.

⁴⁹ ЛГЖ. Т. 1. С. 317.

⁵⁰ *Эренбург И. Г.* Книга для взрослых // Собр. соч. Ор. cit. Т. 3. С. 481.

⁵¹ «Любопытное происшествие» было включено Эренбургом в сб.

«Неправдоподобные истории», который вышел в Берлине в 1922 г. Этот сборник был переиздан в Москве в 1991 году. «Любопытное происшествие» появилось также двумя годами ранее в журнале «Огонек» (1989. № 21. 20—27 мая. С. 26—29).

⁵² Эренбург И. Г. Портреты русских поэтов. *Op. cit.* С. 127, 128, 130.

⁵³ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. *Op. cit.* С. 25.

⁵⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 328, 329.

⁵⁵ *Ibid.* С. 337.

⁵⁶ Эренбург И. Г. О штанах, о полушубке, о душистом горошке // Прожектор. 1928. № 2. С. 10—12.

⁵⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 363.

⁵⁸ Эренбург И. Г. Раздумья. *Op. cit.* С. 29—30.

ГЛАВА 4. ПИСАТЕЛЬ В ИЗГНАНИИ

¹ Эренбург И. Г. Ускомчел // Неправдоподобные истории. Берлин, 1922. С. 123.

² Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1931. С. 100—101.

³ Новая русская книга. 1922. № 4 (апрель). С. 45.

⁴ Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви // Шкловский В. Б. Жили-были. Москва, 1966. С. 242.

⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 371, 373.

⁶ Общее дело (Париж) 1921, 27 мая. С. 1. Несколько номеров этой эмигрантской газеты имеются в РГБ.

⁷ Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 37—38.

⁸ Нина Берберова. Интервью, данное автору в Принстоне в 1984 г. В биографии Эренбурга, составленной Лилли Марку, на основании проделанных автором уникальных разысканий в архивах французской полиции и государственных архивах, утверждается, что Эренбурга подозревали в большевистской пропаганде. На пятый день его возвращения в Париж за ним и его женой было учреждено наблюдение. Вначале в полиции не разобрались кто он такой, однако вскоре там установили, что имеют дело с тем же самым «Ильей Эренбургом», который жил в Париже до русской революции. Согласно полицейским донесениям, в правительстве его стали считать сторонником Керенского; подозрительными оставались только его высказывания о жизненной силе советского искусства, а также бойкот, объявленный ему одним из белоэмигрантов. — См.: *Marcou L. Ilya Ehrenburg*. Paris, 1992. С. 70—73.

⁹ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // Собр. соч. *Op. cit.* Т. 3. С. 540.

¹⁰ Цит. по: ЛГЖ. Т. 1. С. 601. Комментарии.

¹¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 377.

¹² Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: моё Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тиши-

на, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши, в дни мира, войны и революции, в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения о трубах, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, о еврейском племени и многом другом // Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 221, 438.

¹³ Эренбург И. Г. Введение к «Необычайным похождениям Хулио Хуренито» // Собр. соч. М. 1962. Т. 1. С. 9.

¹⁴ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 220, 275, 347.

¹⁵ Эренбург И. Г. Белый уголь, или Слезы Вертера. Л., 1928. С. 153.

¹⁶ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 364, 235, 292.

¹⁷ Цит. по: Schoenberger G. The Yellow Star. New York, 1973. С. 121.

¹⁸ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 403, 389, 405, 414, 415.

¹⁹ Полный текст стихотворения «Где-то в Польше» см.: Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 53; а также в антологии «Неопалимая купина» (сост. Ал. Донат; Нью-Йорк, 1973. С. 320). В этой антологии собраны русские стихотворения, посвященные еврейству.

²⁰ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито. Гл. XI // Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 295—301.

²¹ Эренбург И. Г. Белый уголь... С. 86—91. Очерк датирован 1925 годом.

²² Цит. по: Эренбург И. Г. Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 612. Комментарии.

²³ Правда. 1922, 28 июня. С. 2. А. К. Воронский отнюдь не всегда выступал как поклонник Эренбурга. В 1918 году он выговаривал ему и другим писателям за то, что они не восторгаются новой советской действительностью, и обвинял их в том, что они живут на «совершенно другой планете». См.: Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 630.

²⁴ Цит. по: Эренбург И. Г. Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 613. Комментарии к «Необычайным похождениям Хулио Хуренито».

²⁵ Цит. по: ЛГЖ. Т. 2. С. 414. Комментарии.

²⁶ Бухарин Н. И. Предисловие к «Хулио Хуренито» // Необычайные похождения Хулио Хуренито... М. 1928.

²⁷ Новая русская книга. 1922. № 4 (апрель). С. 45.

²⁸ Крупская Н. К. О Ленине. М., 1925. С. 95. Ленин попросил советское посольство в Германии прислать ему «Хулио Хуренито». См.: Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 243.

²⁹ Замятин Е. И. Эренбург // Россия, 1923. № 8. С. 28. Эренбург ценил мнение Замятина выше всех остальных. Он считал Замятина «единственным европейцем» среди других своих русских товарищей по цеху; 16 мая 1923 г. он послал ему теплое письмо с благодарностью: «Мое восприятие Вас как самого большого мастера заставило меня с волнением сердца ожидать Вашей оценки. Поэтому Ваши хорошие слова

так порадовали и ободрили меня». См.: Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 257, 315.

³⁰ Андрей Синявский, интервью, данное автору в Париже в 1983 году.

³¹ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Собр. соч. Ор. cit. Т. 1. С. 443, 445.

ГЛАВА 5. ПИСАТЕЛЬ В ДВУХ МИРАХ

¹ Эренбург И. Г. Виза времени. Берлин, 1929. С. 6, 10—11.

² Русская книга. 1921, № 1 (январь). С. 1—2. В январе 1922 г. «Русская книга» переименовала название на «Новая русская книга». За краткий период существования этого периодического издания Эренбург опубликовал в нем шесть статей и двенадцать рецензий.

³ См.: Русская книга. 1921. № 5 (май). См. также: Русский Берлин / Сост. Л. Флейшман и др. Париж, 1983. С. 137.

⁴ Au-dessus de la mêlée // Русская книга. 1921, № 7—8 (июль—август). С. 1—2.

⁵ Русская книга. 1921, № 9 (сентябрь). С. 2.

⁶ Эренбург И. Г. Рец. на сб.: Б. Пастернак. «Сестра моя, жизнь» // Новая русская книга. 1922. № 6 (июнь). С. 10—11.

⁷ Новая русская книга. 1922. № 2 (февраль). С. 17.

⁸ Ibid. № 3 (март). С. 10. Григорий Бостунич родился в Киеве. Позднее стал офицером СС и доверенным лицом Гитлера. См.: Laqueur W. Russia and Germany. London, 1965. P. 134—137.

⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 164.

¹⁰ Ibid. Т. 1. С. 391.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2712, оп. 1, ед. хр. 163. Письмо к Галине Издебской от 18 ноября 1922 г.

¹² Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 131, 228, 255.

¹³ О пребывании Цветаевой в Берлине см.: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Париж, 1988. С. 286—297.

¹⁴ Цит. по: Встречи с прошлым. Т. 4. М., 1987. С. 158. Сразу после прибытия Пастернака в Берлин Эренбург писал Е. Полонской, что Пастернак — «это единственный поэт, которого я сумел полюбить настоящей человеческой любовью (человека)». См.: Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 273. Эренбург бесконечно восхищался поэзией Пастернака, так что тот, подарив ему одну из своих книг, сделал надпись, в которой упомянул его «глупую любовь» к своей поэзии.

¹⁵ Накануне. 1922, 29 октября. С. 4—7. См. также: Русский Берлин. Ор. cit. С. 46—47.

¹⁶ Роман Гуль. Интервью, данное автору в Нью-Йорке в 1984 г. Гуль

подверг Эренбурга резкой критике, обвиняя его в том, что он «лжет Западу о России, а в России лжет советским людям о Западе» — см.: Народная правда. 1951, январь. С. 15—16; см. также рецензию Р. Гуля на повесть Эренбурга «Оттепель» (Новый журнал. 1955. № 40. С. 295—301).

¹⁷ Вишняк Ж. и Вишняк И. Интервью, данное автору в Женеве в 1984 году. Также интервью, данное автору их сыном Жераром в 1985 г. в Ньютоне (Масс.).

¹⁸ Эренбург И. Г. А все-таки она вертится. Москва-Берлин, 1922. С. 34, 37, 46.

¹⁹ Вещь. 1922. № 1—2 (март—апрель). С. 1.

²⁰ Эренбург И. Г. А все-таки она вертится. *Op. cit.* С. 23.

²¹ В комментариях к ЛГЖ (т. I, с. 614) цитируется письмо от 3 июня 1922 г.

²² Новая русская книга. 1922, № 4 (апрель). С. 45.

²³ Каверин В. А. Собеседник. М., 1973. С. 23.

²⁴ ЛГЖ. Т. I. С. 393.

²⁵ Новая русская книга. 1922, № 5—6 (май—июнь). С. 16.

26 На посту. 1923. № 1 (июнь). С. 10. Статья называлась «Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик». Два месяца спустя А. Воронский ответил на нападки Волина, зло высмеяв ортодоксальных марксистских критиков и решительно встав на сторону Эренбурга и других независимо мыслящих писателей. См.: Красная новь. 1923. № 5 (август-сентябрь). С. 347—384.

²⁷ См.: Собр. соч. *Op. cit.* Т. 2. С. 704—705. Комментарии к роману «Николай Курбов».

²⁸ Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... *Op. cit.* С. 308.

²⁹ Эренбург И. Г. Трест Д. Е. // Собр. соч. М., 1962. Т. I. С. 271.

³⁰ ЛГЖ. Т. I. С. 330.

³¹ Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 291; публикация Б. М. Сарнова, в письме Эренбурга к Мейерхольду от 5 марта 1924 г. из Ленинграда.

³² Цит. по: Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 281. Более подробно об этой постановке в кн.: Starr S. F. Red and Hot. The Fate of Jazz in the Soviet Union, 1917—1980. New York, 1983.

³³ Rotha P. The Film Till Now. London, 1967. P. 263.

³⁴ Close-up. 1927. № 6 (December). P. 21. К величайшей досаде Эренбурга, постановщики фильма изъяли из сюжета романа все, что, как им казалось, оскорбляло нравственность. В фильме Жанне и Андрею не дозволяется спать вместе, как это происходит в романе; добродетельные режиссеры заставляют их провести ночь на стульях, отдельно друг от друга. В романе Эренбурга Жанна отдается негодю Халыбьеву, тщетно пытаясь сохранить Андрею жизнь; в фильме не только она избегает объятий Халыбьева, но и Андрей спасается от казни, а Халыбьева уводит полиция. Трагический финал подменяется оптимисти-

ческим «хэппи эндом». Такое бесстыдное оскпление романа привело Эренбурга в ярость: ни в жизни, ни в искусстве он пуританином не был. В письме в газету «Frankfurter Zeitung», появившемся на первой полосе 29 февраля 1928 года, Эренбург выражал протест фирме UFA, экранизовавшей его роман совсем не так, как ему обещали. Эренбург напоминал своим немецким читателям, что написал роман о любви, безоглядной и безграничной, ради которой героиня не только прощает убийцу своего отца, но продает себя, чтобы спасти его. Особенно раздражала Эренбурга «фальшивая мораль» фильма. Так, в гостиничном номере, куда привела любовников неутоленная страсть, «висит распятие, но нет кровати, на которой проститутки принимают своих клиентов. Допустим, что этот вообще-то обыкновенный предмет обстановки сглотнул благонамеренный цензор», — иронизировал Эренбург, представляя себе, как зрители фильма уйдут домой в уверенности, что Андрея и его молодую жену ждет идиллическое буржуазное будущее: «gemütliche квартирка, колыбель, электропылесос, кофе без кофеина и раз в неделю сенсационный фильм от UFA. Да здравствуют прелестные молодожены! Да здравствует бдительная заботливая сваха, фрау UFA!» (Frankfurter Zeitung. 1928, 29 февраля. С. 1—2). Вполне естественно, что Эренбург поносил режиссеров фильма за изменения, так его огорчившие. Однако в одном он не разобрался: фирме UFA нужен был фильм в тогдашней голливудской манере, и она «американизировала» сюжет, чтобы лента годилась на экспорт. А это, очевидно, требовало счастливого конца и изъятия эпизодов, двусмысленных в моральном плане.

³⁵ Эренбург И. Г. Белый уголь или слезы Вертера. *Op. cit.* С. 105, 107.

³⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 379.

³⁷ Пролетарская правда (Киев). 1924, 24 февраля. С. 5.

³⁸ Ирина Эренбург. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве. Чтобы получить визу, она ходила к Бухарину.

³⁹ Эренбург И. И. Лотарингская школа. Заметки французской школьницы. М., 1935. С. 82.

⁴⁰ Неделя. 1988. № 20, 16—22 мая. С. 10. См. слегка измененный вариант в: ЛГЖ. Т. 2. С. 164—165.

⁴¹ В однодневной газете «Ленин» приняли участие крупные писатели и целые группы литераторов. Вырученные от продажи средства должны были пойти на вспомоществование нуждающимся писателям. Экземпляр этой газеты имеется в Гарвардской Вайденовской библиотеке (Harvard's Widener Library).

⁴² Эренбург И. Г. Рвач. Париж, 1925. С. 446. В девятитомном Собрании сочинений И. Г. Эренбурга, где роман включен в т. 2, описание похорон Ленина было изъято.

⁴³ Каверин В. А. Собеседник. *Op. cit.* С. 26—27.

⁴⁴ Эренбург И. Г. Рвач. *Op. cit.* С. 98.

⁴⁵ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Собр.

соч. Ор. cit. Т. 1. С. 436.

⁴⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 459—460.

⁴⁷ Эренбург И. Г. В Проточном переулке // Собр. соч. Ор. cit. Т. 2. С. 680.

⁴⁸ Эренбург И. Г. Бурная жизнь Лазика Ройтшванца // Собр. соч. Ор. cit. Т. 2. С. 35, 61—62.

⁴⁹ Ibid. С. 212.

⁵⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 38. Этот эпизод в более ранних изданиях был выпущен.

⁵¹ См.: Известия. 1923, 1 октября. Стб. 4.

⁵² Евдокимов И. Илья Эренбург // Новый мир. 1926, Август—сентябрь. С. 225—226. Годом ранее критик Н. Терешенко в тенденциозной брошюре, изданной в Ленинграде, с идеологических позиций резко критиковал шесть художественных произведений И. Г. Эренбурга. Эта брошюра, вероятно, была первой книжкой, посвященной творчеству Эренбурга.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 114. Это — рукописная записка издателью, который в ней не назван. Другой критик предостерегает возможного издателя Эренбурга: не следует «рассыпаться в восторгах» в предисловии; издателям Эренбурга приходилось соблюдать осторожность: можно было себе навредить. См.: РГАЛИ. Ф. 613, оп. 1, ед. хр. 4409.

⁵⁴ Красная газета (Ленинград). 1927, 26 октября. Вечерний выпуск.

⁵⁵ Цит. по: ЛГЖ. Т. 1. С. 622. Комментарии.

⁵⁶ Письмо к Е. Полонской от 9 сентября 1925 г. Приношу благодарность шведской исследовательнице Дж. Брет-Гаррисон (J. Brett-Harrison) за предоставление мне материалов о жизни и творчестве Эренбурга в двадцатые годы и за беседы с ней.

⁵⁷ Письмо к Е. Полонской от 5 октября 1925 г.

⁵⁸ Письмо к Е. Полонской от 25 октября 1925 г.

⁵⁹ Письмо к Е. Полонской от 30 декабря 1925 г.

⁶⁰ Мандельштам О. Э. Собрание сочинений. Т. 3. Нью-Йорк, 1969. С. 224.

⁶¹ Цит. по: Brown Edw. J. The Proletarian Episode in Russian Literature. New York, 1953. P. 29.

⁶² См.: Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург: Хроника. Ор. cit. С. 204.

⁶³ Немецкий поэт Райнер Мария Рильке сообщал в письме к отцу Бориса Пастернака, что прочел стихотворения его сына в «маленькой антологии, изданной Ильей Эренбургом». См.: Рильке, Пастернак, Цветаева. Письма. 1926. М., 1990. С. 48. Письмо к Л. Пастернаку датировано 14 марта 1926 г.

⁶⁴ Eastman M. Artists in Uniform. New York, 1934. P. 88. Истман посвятил главу Замятину, в которой рассказал о трудностях, чинимых ему советскими цензорами. В письме в «Литературную газету» (7 ок-

тября 1929 г.) в ответ на нападки на него критика Бориса Волина, чья статья была опубликована в одном из предшествующих номеров, Замятин упоминал о помощи ему Эренбурга. Пятью годами ранее, в письме от 1 декабря 1924 г., Эренбург сообщал Замятину, что пытается организовать переводы его произведений на французский язык. См.: Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 203.

⁶⁵ Вечерняя Москва. 1926, 11 июня. С. 3.

⁶⁶ Эренбург И. Г., Савич О. Г. Мы и они. Берлин, 1931. С. 5. Овадий Савич (1897—1967) после окончания московской гимназии поступил на юридический факультет, но тяга к литературе и искусству оказалась сильнее. В 1915 г. он впервые опубликовал свои стихи. Работал также актером в театре, несмотря на протесты родителей. С Эренбургом познакомился в 1923 г. в Берлине, куда приехал повидаться с матерью, эмигрировавшей из Советской России. Вскоре Савич стал парижским корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Подобно Эренбургу, он и его жена долгие годы жили во Франции.

⁶⁷ Frank N. Memoire Brisee. V. 2. Paris. 1968. С. 14. Журнал «Бифур» просуществовал недолго, но отличался незаурядностью. Он издавался с 1929 по 1931 гг., и среди иностранных консультантов его редакции были Джеймс Джойс, Уильям Карлос Уильямс, Борис Пастернак и Рамон Гомес де ла Серна. Секретарем редакции был Нино Франк. В первом номере журнала (май 1929 г.) появился французский перевод романа Эренбурга «Заговор равных». В «Бифуре» также были опубликованы три рассказа Бабеля и фотографии, выполненные Андре Кертешем и Ласло Моголи-Надем.

Разбирая архив французской полиции конца двадцатых годов, Лилли Марку обнаружила, что пребывание Эренбурга в Париже не вызывало у полиции опасений. Наблюдение за ним продолжалось, в донесениях отмечалась его обширная переписка и большое число выписываемых им иностранных журналов; его считали «анти-большевиком», придя к заключению, что в эмигрантской колонии он «не является объектом критики с политической точки зрения». См.: Marcou L. Ilya Ehrenburg. Paris, 1992. P. 96.

ГЛАВА 6. СТАЛИН И ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА

¹ Предисловие к кн.: Эренбург И. Г. Белый уголь... Op. cit. С. 4.

² Правда. 1928, 29 марта. С. 2.

³ Goldberg A. Ilya Ehrenburg. Writing, Politics and the Art of Survival. London, 1984. P. 10.

⁴ Литературная газета. 1929, 26 августа. С. 1.

⁵ См.: Pilnyak Boris. Mother Earth and Other Stories / Tr. and ed. Vera T. Reck and Michael Green. New York, 1968. P. XVI.

⁶ *Zamyatin Evg. A Soviet Heretic / Ed. Mirra Ginsburg. Chicago, 1970. P. 309.*

⁷ Письмо к Е. Полонской от 25 июля 1927 г.

⁸ *Эренбург И. Г. В Словакии. В центре Франции // Виза времени. Берлин, 1929. С. 239—271, 97—108. Оба очерка датированы 1928 г.*

⁹ Красная новь. 1928. № 3. С. 182, 183, 207.

¹⁰ Ibid. С. 183, 191, 185, 186, 190.

¹¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 521.

¹² Ibid. С. 492.

¹³ Письмо к Е. Полонской от 21 ноября, 1930 г.

¹⁴ *Раскольников Ф. Предисловие // Эренбург И. Г. Виза времени. М., 1931. С. 3—8. Это предисловие не нарушило дружеских отношений, сложившихся между Раскольниковым и Эренбургом. Раскольников высоко ценил дружбу с Эренбургом, с которым впервые встретился в двадцатых годах, когда был редактором «Красной нови». 13 февраля 1934 г. Ф. Раскольников, находясь в Копенгагене, послал Эренбургу книгу с теплой дарственной надписью. (Книга находится среди немногих, оставшихся от парижской библиотеки Эренбурга, которые сохранились в семье Вишняков в Женеве). В 1939 г., когда Раскольников решал, возвращаться ли ему в Москву или остаться на Западе, он встретился с Эренбургом, ища у него совета.*

¹⁵ Малая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1931. С. 312.

¹⁶ ЛГЖ. Т. 1. С. 541, 543.

¹⁷ *Эренбург И. Г. Лето 1925 года // Собр. соч. Т. 2. М., 1964. С. 368—369, 374.*

¹⁸ *Эренбург И. Г. В предчувствии конца // Красная газета. 1931, 25 февраля, веч. выпуск. С. 3.*

¹⁹ *Эренбург И. Г. Перед зимой // Проектор. 1931. № 31—33. С. 10—11.*

²⁰ ЛГЖ. Т. 1. С. 541.

²¹ Статьи Эренбурга о суде над Горгуловым печатались в газете «Известия» за 26, 27, 28 и 29 июля 1932 года.

²² *Соммер Я. Записки // Минувшее. Вып. 17. М., 1994. С. 156.*

²³ ЛГЖ. Т. 1. С. 552.

²⁴ Архив И. И. Эренбург, Москва.

²⁵ Письмо Эренбурга к Валентине Мильман от 14 января 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

²⁶ Письмо к В. Мильман от 3 марта 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

²⁷ Письмо к В. Мильман от 6 января 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

²⁸ Письмо к В. Мильман от 9 марта 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

²⁹ Письмо к В. Мильман от 27 марта 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

³⁰ ЛГЖ. Т. 1. С. 561.

³¹ Письмо к В. Мильман от 22 апреля 1933 г. // Архив И. И. Эренбург.

³² ЛГЖ. Т. 1. С. 561—562. Интервью, данное автору Б. Я. Фрезинским в Москве в 1990 г.

³³ Эренбург И. Г. День второй // Собр. соч. Оп. cit. Т. 3. С. 250, 251, 298, 334—335, 337, 340—341.

³⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 560, 541, 544.

ГЛАВА 7. ПОДЛОЕ, БЕССОВЕСТНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

¹ Frank N. Memoire Brisee. V. II. Op. cit. P. 20.

² Beauvoir S. de. The Prime of Life. Cleveland, 1962. P. 224.

³ Barzini L. Memories of Mistresses. Reflections from a Life. New York, 1986. P. 80

⁴ Сименон Ж. Интервью // Иностранная литература. 1971. № 10. Перепечатано в кн.: Сименон Ж. Новые парижские секреты. М., 1988. С. 303.

⁵ Putman S. Paris was our Mistress. New York, 1947. P. 93—95.

⁶ Известия. 1932, 16 декабря. С. 2.

⁷ Основные статьи, написанные Эренбургом о европейской культуре для «Литературной газеты», появились в следующих ее выпусках 1933 года: 29 мая — статья «Мигель Унамуну и ничья земля»; 11 июня — рецензия на книгу А. Мальро «Условия человеческого существования»; 17 июня — статья «Сюрреалисты»; 5 июля — статья о Франсуа Мориаке; 29 июля — статья о Жорже Дюамеле. Эти статьи и другие были позднее изданы в сб. «Duhamel, Gide, Malraux, Mauriac, Morand, Romain, Unamuno vus par un Ecrivain d' U.R.S.S.» (изд. Gallimard), который вышел в свет 6 июня 1934 г. как раз в тот день, когда Эренбург прибыл в Москву на Первый съезд советских писателей.

⁸ Письмо Эренбурга к В. Мильман от 7 февраля 1934 г. // Архив И. И. Эренбург.

⁹ Известия. 1934, 15 февраля. С. 2.

¹⁰ Письмо Эренбурга к В. Мильман от 3 марта 1934 г. из Праги // Архив И. И. Эренбург.

¹¹ Репортажи Эренбурга о революционных событиях в Австрии печатались в газете «Известия» в номерах за 6, 9, 12 и 15 марта 1934 года. В том же году эти статьи были переведены на английский язык Айвором Монтегю и вышли в Лондоне отдельным изданием под заголовком «A Soviet Writer Looks at Vienna».

¹² Эренбург И. Г. Гражданская война в Австрии. М., 1934. С. 8.

¹³ Письмо Эренбурга к В. Мильман от 9 марта 1934 г. В предыдущем году в письме к В. Мильман от 5 сентября 1933 г. Эренбург ссылался на свою договоренность с «Известиями»: «Условие обычное. Статья должна быть напечатана без купюр» // Архив И. И. Эренбург.

¹⁴ Переводы Пастернака из грузинских поэтов публиковались в следующих выпусках «Известий» за 1934 год: 3 марта, 6 апреля, 6 мая и 21 ноября.

¹⁵ Harvard Library Bulletin 15, 4.1967 (October). С. 324; письмо датировано 6 марта, 1933 г.

¹⁶ Известия. 1934, 24 февраля. С. 2.

¹⁷ Цикл статей Эренбурга под общим заглавием «В джунглях Европы» публиковался в следующих выпусках «Известий» за 1934 год: 18 апреля, 6 мая, 11 мая.

¹⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 8.

¹⁹ Литературная газета. 1933, 11 июня. С. 2.

²⁰ Ibid. 1934, 16 июня. С. 1.

²¹ Ibid.

²² Письмо Эренбурга к В. Мильман от 8 мая 1934 г. // Архив И. И. Эренбург.

²³ Литературная газета. 1934, 18 мая. С. 2.

²⁴ Известия. 1934, 18 июня. С. 2.

²⁵ Ibid. 1934, 26 июля. С. 3—4.

²⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 28. При публикации Книги четвертой мемуаров в «Новом мире» в 1962 г. Эренбургу не разрешили упоминать имя Бухарина. Однако несколько позднее при издании девятитомного Собрания сочинений, где мемуары печатались в двух последних томах, Эренбург смог вставить имя Бухарина. См.: *Эренбург И. Г. Собр. соч.* Т. 9. М., 1967. С. 33.

²⁷ *Мандельштам Осип.* Собр. соч. Т. 1. Munich, 1967. С. 202, 511.

²⁸ События, связанные с арестом Осипа Мандельштама описаны его женой, Надеждой Мандельштам, в ее «Воспоминаниях».

²⁹ О роли Эренбурга в этом эпизоде см.: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С. 185—187.

³⁰ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Опр. cit. С. 173.

³¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 7. Эти питаемые Эренбургом в 1934 г. надежды вызвали критические замечания В. Кожинова в его рецензии на антисталинский роман А. Рыбакова «Дети Арбата». В критике Эренбурга В. Кожиновым слышится антисемитский душок. См.: *Наш современник.* 1988. № 4. С. 160—175.

³² Стенографический отчет о заседаниях съезда был опубликован в том же году в Москве. См.: Первый всесоюзный съезд советских писателей. М., 1934.

³³ Известия. 1934, 12 августа. С. 1. Фотографии Эренбурга были помещены в выпусках «Известий» за 23 и 25 августа. 12 августа в «Известиях» напечатан групповой портрет писателей — участников съезда; среди них — И. Г. Эренбург.

³⁴ Например, А. Селивановский отметил, что ранее Эренбург проявлял скептицизм; но теперь «оптимистичен и понимает, что капитализм рушится, тогда как социализм означает расцвет человечества». См.: *Известия.* 1934, 12 августа. С. 3.

³⁵ Английский перевод речей Горького, Жданова и др. главных советских функционеров см. в кн.: *Problems of Soviet Literature* / Ed. H.

G. Scott. New York, 1935.

³⁶ Первый всесоюзный съезд советских писателей (стенографический отчет). М., 1934. С. 479—503.

³⁷ Цит. по: *Cohen S. F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York, 1975. P. 356 (по: *Глинка Глеб*. На путях в небытие // Новый журнал. № 35. 1953. С. 136).

³⁸ *Regler G.* The Owl of Minerva. London, 1959. P. 208.

³⁹ Первый всесоюзный съезд советских писателей. Op. cit. С. 279—280.

⁴⁰ *Malraux C.* Le Bruit de Nos Pas. V. 4. Paris, 1973. P. 287.

⁴¹ Первый всесоюзный съезд советских писателей. Op. cit. С. 191, 286—287.

⁴² ЛГЖ. Т. 2. С. 38. В письме к московскому редактору в 1936 г. Эренбург писал: «Как бы высоко я ни ставил литературу, рассчитанную на миллионы, я не могу отказаться от литературы, требующей известной квалификации читателя». См.: Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 210.

⁴³ Полный текст речи Эренбурга на съезде см. в кн.: Первый всесоюзный съезд советских писателей. Op. cit. С. 182—186.

⁴⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 44, 45.

⁴⁵ *Фрезинский Б. Я.* «Париж начинался в Одессе» // Невское время. 1995. 27 июня. С. 4.

⁴⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 401. Комментарии. См. также рец. Н. Горбаневской на кн.: *Berard Ewa.* La Vie Tumultueuse d'Ilya Ehrenbourg. Paris, 1991 (Русская мысль. № 3875. 1991, 9 апреля. С. 13).

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ *Эренбург И. И.* Лотарингская школа. Заметки французской школы. М., 1935. Книга была впервые опубликована в альманахе «Год 17» (№ 4. 1934).

⁴⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 47. Сходный текст был опубликован Эренбургом в: Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 53.

⁵⁰ Неделя. 1988. № 20, 16—22 мая. С. 10; также ЛГЖ. Т. 2. С. 166.

⁵¹ Известия. 1934, 2 декабря. С. 2.

⁵² Любовь Михайловна однажды сказала Борису Биргеру: «Я вышла замуж за хорошего поэта, а потом оказалась женой политического деятеля» (Интервью Б. Биргера, данное автору в 1984 г. в Москве).

⁵³ Статьи Эренбурга о событиях в Сааре печатались в «Известиях» в 1934 г. в выпусках от 24, 28 и 29 декабря.

⁵⁴ Известия. 1935, 15 июня. С. 2.

⁵⁵ Ibid. 1935, 23 июля. С. 2.

⁵⁶ Ibid. 1935, 24 апреля. С. 2.

⁵⁷ ЛГЖ. Т. 2. С. 44.

⁵⁸ См.: *Fischer D. J.* Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement. Los Angeles, 1988.

⁵⁹ Известия. 1934, 26 октября. С. 1. Это произошло, когда Андре Жид председательствовал на собрании французских писателей, где

обсуждался Первый съезд советских писателей.

⁶⁰ Фрезинский Б. Я. «Париж начинался в Одессе». *Op. cit.* С. 4.

⁶¹ Lottman H. R. *The Left Bank*. Boston, 1982. P. 84.

⁶² Regler G. *Owl of Minerva*. *Op. cit.* P. 231.

⁶³ Пастернак Е. Б. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

⁶⁴ Литературная газета. 1933, 17 июня. С. 2. Много лет спустя французский писатель, член французской компартии Пьер Декс спросил его, как он, друг Пикассо и автор «Хулио Хуренито», мог так беспощадно поносить сюрреалистов. «Я написал то, во что не верил, — ответил Эренбург. — Мне велели это написать, потому что Бретон стал врагом. У меня не было выбора. Я был убежден, что это вопрос жизни и смерти» (Пьер Декс, интервью, данное автору в 1984 г. в Париже).

⁶⁵ Lottman H. R. *The Left Bank*. *Op. cit.* С. 3—4. См. также: *Thirion Andre. Revolutionaries Without Revolution* / Tr. J. Neugroschel. New York, 1975. P. 380, где цитируются слова Бретона: «Этот выпад меня только порадовал, я всегда ненавидел [Эренбурга — Дж. Р.]».

⁶⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 60.

⁶⁷ Известия. 1935, 22 июня. С. 3.

⁶⁸ Regler G. *Owl of Minerva*. *Op. cit.* P. 231.

⁶⁹ Известия. 1935, 26 июня. С. 2.

⁷⁰ Regler G. *Owl of Minerva*. *Op. cit.* P. 231.

⁷¹ Цит. по кн.: Lottman H. R. *The Left Bank*. *Op. cit.* P. 93.

⁷² Известия. 1935, 26 июня. С. 1.

⁷³ Ibid. С. 2.

⁷⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 78.

⁷⁵ *Serge V. Memoirs of a Revolutionary* / Tr. P. Sedgwick. Oxford, 1980. P. 103.

⁷⁶ Савич А. Я. Интервью, данное автору в 1990 г. в Москве.

⁷⁷ ЛГЖ. Т. 2. С. 77.

⁷⁸ Эренбург И. Г. Книга для взрослых // *Собр. соч.* *Op. cit.* Т. 3. С. 516, 517. Эту уникальную черту в карьере Эренбурга отметила однажды Анна Ахматова. Вспоминая Модильяни, который в 1911 г. в Париже написал ставший впоследствии знаменитым ее портрет, она, между прочим, заметила: «Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не услышу... Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург...». См.: *Ахматова А. А. Стихи и проза*. Л., 1976. С. 570—571.

⁷⁹ Эренбург И. Г. Книга для взрослых. *Op. cit.* С. 472, 445.

⁸⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 78.

⁸¹ Знания. 1936. № 5. С. 21. Ср. с. 45—46, которые были вклеены в отдельное опубликованное в том же году издание: *Эренбург И. Г. Книга для взрослых*. М., 1936.

⁸² Письмо Эренбурга к В. Мильман от 9 августа 1935 г. // *Архив И. И. Эренбург*.

⁸³ Эпилог был напечатан в московском журнале «Крокодил». См.:

Крокодил. 1936. № 6. С. 5—6.

⁸⁴ Письмо Эренбурга к В. Мильман от 9 июня 1936 г. (процитировано в: ЛГЖ. Т. 2. С. 406).

⁸⁵ *Rysseberghe, Maria van. Les cahiers de la petite dame // Cahiers Andre Gide. Paris, 1975. V. 5. P. 478—479.*

⁸⁶ Тонин В. Встречи с Ильей Эренбургом // Литературная газета. 1935, 11 ноября. С. 6.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 155.

⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 990, оп. 2, ед. хр. 4(3).

⁸⁹ Известия. 1935, 24 ноября. С. 4.

⁹⁰ Эренбург И. Г. Традиции Маяковского // Известия. 1936, 6 января. С. 3.

⁹¹ Правда. 1936, 28 января. С. 3.

⁹² См.: Литература и действительность. Речь тов. В. Инбер // Литературная газета. 1936, 29 февраля. С. 4.

⁹³ Литературная газета. 1936, 27 марта. С. 2.

⁹⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 403—404. Комментарии. Письмо датировано 5 апреля 1936 г.

⁹⁵ Неделя. 1988, № 20, 16—22 мая. С. 10 и ЛГЖ. Т. 2. С. 166.

⁹⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 182, 77, 180.

⁹⁷ Ibid. С. 84.

ГЛАВА 8. ИСПАНИЯ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

¹ Эренбург И. Г. Белый уголь, или Слезы Вертера. *Op. cit.* С. 223—224.

² Эренбург И. Г. В Испании // Красная новь. 1932. № 3. С. 58. Статьи Эренбурга о его поездке в Испанию в 1931 г. публиковались в первых трех номерах «Красной нови» за 1932 г.

³ Литературная газета. 1933, 29 мая. С. 2.

⁴ Красная новь. 1932. № 3. С. 67.

⁵ См.: Эйссер А. Воспоминания // Иностранная литература. 1957. № 6. С. 251—252.

⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 87, 93.

⁷ См.: *Beauvoir S. de.. Memoirs of a Dutiful Daughter. Cleveland, 1959. P. 293.* Стефа Херасси подружилась с Симоной де Бовуар, когда только еще начинала заниматься в Сорбонне, и именно Стефа сыграла решающую роль в знакомстве Бовуар с интеллектуально-артистической средой Парижа. В своих воспоминаниях Бовуар написала также и о Фернандо Херасси. См.: Ibid. P. 303.

⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 97—103. Другие записи и письма, имеющие отношение к М. И. Розенбергу и В. А. Антонову-Овсеенко, находятся в архиве И. И. Эренбурга. Хотя Кольцов и Эренбург совместно разрабатывали много проектов, касающихся европейской интеллигенции, неразрывно пути их пересеклись в Испании. Еще за три года до начала там

гражданской войны, Кольцов подарил Эренбургу свою книгу «Испанская весна» со следующей надписью: «Мы все испанцы понемногу». Архив Ж. и И. Вишняков в Женеве.

⁹ См.: *Guéhenno J. Journal d'une revolution, 1937—1938. Paris, 1939; Guilloux L. D'un voyage en URSS. Hommage à André Gide, 1869—1951 // La Nouvelle Revue Française. Paris, 1951. November. P. 244—251.*

¹⁰ *Ehrenburg I. Duhamel, Gide, Malraux, Mauriac, Morand, Romain, Unamuno vus par un écrivain soviétique. Paris, 1934. P. 209.*

¹¹ *Gide A. Return from the USSR. New York, 1937. P. XIV.*

¹² *Rysseberghe M. van. Les cahiers de la petite dame. Op. cit. P. 565.*

¹³ ЛГЖ. Т. 2. С. 56.

¹⁴ *Regler G. The Owl of Minerva. Op. cit. P. 313.*

¹⁵ Известия. 1937, 1 января. С. 2.

¹⁶ *Wat A. My Century. The Odyssey of a Polish Intellectual. Berkeley, 1988. P. 253.*

¹⁷ *Gómez de la Serna R. Retratos contemporáneos. Buenos Aires, 1941. P. 353—356.*

¹⁸ Известия. 1936, 20 декабря. С. 2.

¹⁹ *Maariv. 1971, 23 July. P. 13.*

²⁰ Стефа Херасси. Интервью, данное автору в 1981 г. в Путни (штат Вермонт).

²¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 136.

²² *Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. New York, 1940. P. 417.*

²³ *Ibid. P. 229.*

²⁴ Известия. 1937, 4 апреля. С. 2.

²⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 127.

²⁶ *Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. Op. cit. P. 237.*

²⁷ *Petrement S. Simone Weil. New York, 1976. P. 277—278.*

²⁸ Известия. 1937, 8 марта. С. 2.

²⁹ Стефа Херасси. Интервью, данное автору в 1981 г. в Путни (штат Вермонт).

³⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 145.

³¹ *Last J. Noble Pages in History's Book // Spanish Front, Writers on the Civil War. Ed. V. Cunningham. Oxford, 1986. P. 96.*

³² Известия. 1937, 9 июля. С. 3.

³³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3626.

³⁴ *Werth A. Do Svidaniye Ilya // Nation. 1967. Oct. 9. P. 344. Этим некрологом Верт попрощался со своим старым другом.*

³⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 143, 124, 294.

³⁶ Известия. 1937, 3 ноября. С. 4.

³⁷ Письмо Андре Жида в: *La Flèche. 1937, Nov. 20. Цит. по: Guéhenno J. Journal d'une revolution. Op. cit. P. 213—217.*

³⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 154—155.

³⁹ Литературная газета. 1937, 26 декабря. С. 6.

⁴⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 156.

⁴¹ Эренбург И. И. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

⁴² *Ehrenburg I. Memoirs: 1921—1941. Cleveland, 1964. P. 421.*

⁴³ ЛГЖ. Т. 1. С. 471.

⁴⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 158.

⁴⁵ *Ibid.* С. 159.

⁴⁶ *Ibid.* С. 166—167. Также: Неделя. 1988. № 20, 16—22 мая. С. 10.

Борис Ефимов, советский карикатурист, брат Михаила Кольцова, сидел рядом с Эренбургом во время суда над Бухариным. «Теперь растерянный, он слушал показания своего бывшего одноклассника и, поминутно хватая меня за руку, бормотал: "Что он говорит? Что это значит?" Я отвечал ему таким же растерянным взглядом». См.: Огонек. 1988. № 43. С. 3.

⁴⁷ Эренбург И. И. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве.

⁴⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 167—168.

⁴⁹ Известия. 1938, 30 марта. С. 2.

⁵⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 161.

⁵¹ ЛГЖ. Т. 1. С. 46.

⁵² ЛГЖ. Т. 3. С. 233.

⁵³ Неделя. 1988. № 20. 16—22 мая. С. 10.

⁵⁴ О деле Мейерхольда, Бабеля и Кольцова см.: Огонек 1989. № 39 (сентябрь). С. 6—7; о деле Исаака Бабеля см. там же. С. 22—23; и Литературная газета. 1988, 4 мая. С. 12.

⁵⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 173.

⁵⁶ Известия. 1938, 18 июля. С. 3.

⁵⁷ Известия. 1938, 10 октября. С. 2. Двумя неделями позже, 26 октября — за считанные недели до «хрустальной ночи» Эренбург снова писал в «Известиях» о случаях яркого антисемитизма и угрозах в адрес евреев г. Мюльхаузен (центральная Германия).

⁵⁸ Известия. 1938, 2 октября. С. 2.

⁵⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 182.

⁶⁰ ЛГЖ. Т. 1. С. 471.

⁶¹ Al-Hamishmar (На страже). 1967, 3 сентября. С. 3.

⁶² Известия. 1939, 6 марта. С. 4. Начиная с декабря 1938 г. и кончая апрелем 1939 г. Эренбург опубликовал в «Известиях» цикл полных го- речи статей. 18 декабря он описывал, как немецкий антисемитизм заражает Францию, компрометируя ее хваленую свободу. 25 января не- годовал на призывы закрыть границу для испанских беженцев. 28 ян- варя убеждал, что Франции необходимо признать фашистскую опас- ность. 2 февраля сообщал, что Франция угрожает вернуть беженцев в Испанию силой. 10 февраля осуждал французское правительство, же- лавшее чтобы Испанская республика признала свое поражение. 12 февраля рассказывал о положении раненых в лагерях для беженцев, о длинных очередях за водой. 22 февраля в статье под заголовком «Стыд- но» Эренбург вновь возвращается к описанию лагерей для беженцев и говорит, что ему стыдно за страну, которую он любит. И 1 марта в

статье «Это — не Франция» описывал, как французское правительство передало Франко собственность Испанской республики.

⁶³ Женя Найдич. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

⁶⁴ На том же теплоходе эвакуировался испанский военачальник-республиканец Валентино Гонсалес, известный под именем Эль Кампесино. В своих воспоминаниях он утверждает, будто тем же теплоходом возвращался в СССР Эренбург, который, предостерегая его, советовал хранить верность Сталину и не «приходить в ужас», когда увидит, как «обстоят дела на самом деле». См.: *Gonzalez V, Gorkin J. Life and Death in Soviet Russia*. New York, 1952. P. 40—41. Эренбурга на этом теплоходе не было, как не было и Михаила Кольцова, единственного столь же известного в Испании советского журналиста. Вполне возможно, что Эль Кампесино встретил на борту теплохода Савича и позднее спутал его с Эренбургом. Однако совершенно исключено, чтобы Савич (или Эренбург) могли вести себя с Эль Кампесино подобным образом. Рассказ о встрече — так, как это изложено Кампесино — сплошной вымысел.

⁶⁵ См. комментарии к ЛГЖ. Т. 2. С. 418. Письмо датировано 26 мая 1939 г. Вплоть до 1990 г. Б. Я. Фрезинскому не разрешали упоминать о том, что Эренбург восхищался книгой Кёстлера.

⁶⁶ Роман Якобсон. Интервью, данное автору в 1981 г. в Кембридже (штат Массачусетс).

⁶⁷ ЛГЖ. Т. 2. С. 199.

⁶⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 200.

⁶⁹ Жак Вишняк. Интервью, данное автору в 1984 г. в Женеве.

⁷⁰ Женя Найдич. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже. Согласно Симоне де Бовуар, по крайней мере несколько друзей Эренбурга боялись посещать его из-за явного полицейского наблюдения. См.: *Beauvoir S. de. The Prime of Life*. Op. cit. P. 322.

⁷¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 202.

⁷² *Beauvoir S. de. The Prime of Life*. Op. cit. P. 304. По мнению Бовуар, Эренбург был близок к самоубийству.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 631, оп. 15, ед. хр. 511(1). В первоначальном варианте мемуаров, публиковавшихся в 1960 г. в «Новом мире», Твардовский не разрешил Эренбургу поместить эпизод о том, как Катаев ухитрился присвоить себе дачу Эренбурга. См.: ЛГЖ. Т. 2. С. 421. Комментарий.

⁷⁴ Роман Якобсон, интервью данное автору в 1981 г. в Кембридже (шт. Массачусетс); Генри Шапиро, интервью, данное автору в 1984 г. в Мэдисоне (шт. Висконсин).

⁷⁵ ЛГЖ. Т. II. С. 212—213. Люс Ильсум, соседка Эренбургов, жившая этажом выше в том же доме на рю Котантен, была свидетелем тяжелого физического состояния Эренбурга и его ареста французской полицией в мае 1940 г. В мае—июне 1940 г. она вела дневник, который показала мне, давая интервью в 1984 г. в Париже. Согласно архивам французской полиции Эренбург считался «сталинистом». В апреле 1940 г. был выпи-

сан ордер на его высылку из Франции. 12 мая 1940 г. он был арестован французской полицией и ему было предложено выехать из Франции до 22 мая. Эренбург уже хлопотал о визе, однако спор из-за налогов (платить которые ему не полагалось) задержал его выезд из Франции. Дело осложнялось еще и неудачной попыткой обеспечить перелет на самолетах, присланных Сталиным. См.: *Marcou L. Ilya Ehrenburg. Op. cit. P. 191.*

Предвидя победу немцев, Эренбург, без сомнения, предпочел бы отказаться за пределами Парижа, когда туда вступят гитлеровцы; его репутация антифашиста вполне могла перевесить статус советского журналиста. Полицейские донесения, приводимые в книге Л. Марку, двойственны и не дают ясной картины, когда именно в ту судьбоносную весну Эренбург стал хлопотать о визе и насколько серьезны были намерения властей выслать его из Франции. В 1921 г., при значительно менее напряженной обстановке, полиция действовала с большим рвением. К тому же среди французских высших чиновников было, по крайней мере, несколько таких, как Жорж Мандель, которые восхищались Эренбургом, были готовы защищать его и даже использовать в своих последних попытках противостоять гитлеровскому наступлению. Луи Арагон в романе «Коммунисты» (1951) описывает в драматических тонах арест Эренбурга теми силами, которые вскоре создадут коллаборационистское правительство в Виши.

⁷⁶ *Ehrenburg Il. The Fall of France Seen Through Soviet Eyes. London, 1941. P. 16.*

⁷⁷ ЛГЖ. Т. 2. с. 217.

⁷⁸ Лев Копелев. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке. См. также: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1586.

⁷⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 422, 427. Комментарии. Этот эпизод не был включен Эренбургом в его мемуары. Назвав Дорио «злодеем», он не мог бы поместить этот эпизод в советской прессе шестидесятых годов. К тому же Эренбург дал себе слово не писать о людях, ему неприятных. Очевидно, Дорио не стоил того, чтобы сделать из этого правила исключение.

⁸⁰ Наталья Бабель. Интервью, данное автору в 1984 г. в Вашингтоне.

⁸¹ *Ehrenburg Il. The Fall of France... Op. cit. P. 25.*

⁸² ЛГЖ. Т. 2. С. 221.

⁸³ *Pergale. 1989. № 10. С. 119.*

⁸⁴ Правда. 1939, 1 ноября. С. 1—2.

⁸⁵ *Pinchuk B.-C. Soviet Media on the Fate of Jews in Nazi-Occupied Territory (1939—1941) // Yad Vashem Studies. Jerusalem, 1976. V. 11. P. 221—223.*

⁸⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 226.

⁸⁷ Евгений Пастернак. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

⁸⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 224. Статьи появились в газете «Труд» (1940 г.) от 31 августа; от 4 сентября; от 7 сентября; от 11 сентября и от 19 сентября.

⁸⁹ *Ehrenburg II. The Fall of France...* Op. cit. P. 25.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 631, оп. 15, ед. хр. 511(2). Следует отметить еще один кричащий случай, когда имя Эренбурга оказалось «пропущенным». Библиограф Н. Мацуев в течение ряда десятилетий публиковал перечни произведений советских писателей. В 1939 г. он представил в цензуру рукопись, охватывающую 1933—1937 гг. Хотя за этот период Эренбургом было опубликовано, по крайней мере, десять романов, его имя у Мацуева не значилось — многозначительный сигнал, заставивший Эренбурга спросить себя, каково отношение к нему советского режима. См.: *Мацуев Н. И.* Художественная литература 1933—1937. М., 1940.

⁹¹ Знамя. 1941. № 3. Публикация в «Знамени» закончилась в № 6 того же года.

⁹² Аннет Лотт. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

⁹³ ЛГЖ. Т. 2. С. 228.

⁹⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 436. Комментарии.

⁹⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 218, 229; и комментарии на с. 421, 424. Полный текст стихотворения «Когда погребают эпоху» см.: *Ахматова А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 207. Стих. датировано 5 августа 1940 г.

⁹⁶ Полный текст стихотворения см.: *Мандельштам О.* Собр. соч. Т. 1. Op. cit. С. 162.

ГЛАВА 9. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ХОЛОКОСТ.

¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 233.

² Ibid. С. 246—247.

³ Жан Каталя. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

⁴ *Ортенберг Д. И.* Годы военные // Воспоминания об Илье Эренбурге / Ред. Г. Белая и Л. Лазарев. М., 1975. С. 85.

⁵ Красная звезда. 1941, 27 сентября. С. 3.

⁶ *Ортенберг Д. И.* Годы военные. Op. cit. С. 86.

⁷ Красная звезда. 1941, 12 октября. С. 2.

⁸ Красная звезда. 1942, 24 июля. С. 4. «Убей». Летом 1942 г. Эренбург был отнюдь не единственным журналистом, выразившим такие чувства. К. Симонов опубликовал в той же газете стихотворение, озаглавленное «Убей его». См.: Красная звезда. 1942, 18 июля. С. 3.

⁹ *Волошин М. А.* Русская мысль. 1982. № 3430. 16 сентября. С. 9.

¹⁰ *Werth, Al.* Russia at War, 1941—1945. New York, 1964. P. 411—412.

¹¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 397.

¹² Лев Копелев, Раиса Орлова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке. См. также: *Копелев Л. З.* Хранить вечно. М., 1990. С. 251, 452. После статьи Александрова в апреле 1945 г. ссылки на высказывания Копелева против позиции Эренбурга были из обвинительного заключения, предъявленного Копелеву, исключены.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 223. Об этих фактах Эренбург

упомянул в выступлении 14 января 1943 г. перед Военной комиссией Союза советских писателей.

¹⁴ Bloch J.-R. L'U. R. S. S. et la civilization // Ehrenburg Il. Cent lettres. Paris, 1945. P. 8—9.

¹⁵ Сайрус Сульцбергер. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже. Сульцбергер вспоминал также, как Эренбург менял водку на марочное французское вино, найденное советскими солдатами среди имущества бежавших после разгрома немцев.

¹⁶ Ирина Эренбург. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

¹⁷ Лев Копелев. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке.

¹⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 240.

¹⁹ Даниил Данин. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

²⁰ Известия. 1990, 3 сентября. С. 3. Позднее Зорза стал высоко уважаемым обозревателем газеты «Вашингтон пост» (Washington Post).

²¹ Александр Цвиели. Интервью, данное автору в 1983 г. в Иерусалиме. См. также: Zvieli Al. Jews of the Koltubianka // Jerusalem Post Magazine. 1978, August 18. P. 18.

²² Czapski J. The Inhuman Land. London, 1951. P. 116—117.

²³ Генри Шапиро. Интервью, данное автору в 1984 г. в г. Мадисон (шт. Висконсин).

²⁴ Stowe L. Off to the Soviet Front with Stowe // Evening Bulletin. 1942, October 13. P. 1, 4. Это был первый из двадцати двух репортажей Леланда Стоу. (Выражаю благодарность Историческому обществу штата Висконсин за предоставленные мне газетные вырезки).

²⁵ Stowe L. They Shall not Sleep. New York, 1944. P. 256—257.

²⁶ Stowe L. Evening Bulletin. 1942, October 28. P. 19.

²⁷ Гаррисон Солсбери. Интервью, данное автору в 1982 г. в Нью-Йорке.

²⁸ Newsweek. 1945, April 23. P. 65.

²⁹ Генри Шапиро. Интервью, данное автору в 1984 г. в г. Мэдисон (шт. Висконсин).

³⁰ Жан Катала. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже. См. также предисловие Ж.-Р. Блока к выступлению Эренбурга в Париже 4 октября 1946 г. (Ehrenburg Ilya. L'U. R. S. S. et la civilization. Paris, 1946. P. 16).

³¹ Лев Копелев. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке.

³² Bloch J.-R. L'U. R. S. S. et la civilization. Op. cit. P. 16—17.

³³ Татьяна Литвинова. Интервью, данное автору в 1985 г. в Брайтоне (Англия).

³⁴ Гудзенко С. П. Армейские записные книжки. М., 1962. С. 35.

³⁵ Гаррисон Солсбери. Интервью, данное автору в 1982 г. в Нью-Йорке.

³⁶ New York Times. 1944, May 13. P. 5. В своих военных мемуарах Шарль де Голль заметил, что Эренбург чрезвычайно талантлив, «но решил использовать [свой талант — Дж. Р.] исключительно в пред-

писанном направлении и тоне». См.: *The War Memoirs of Charles de Gaulle, 1944—1946*. New York, 1960. P. 72. В августе 1944 г. А. Я. Вышинский публично критиковал Эренбурга за чрезмерные похвалы де Голлю. См.: *Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey*. London, 1990. P. 248.

³⁷ Правда. 1944, 11 июня. С. 3; Ibid. 1944, 14 июня. С. 1.

³⁸ Все эти речи, включая речь Эренбурга, широко цитировались в советской прессе. См.: Правда. 1941, 25 августа. С. 3—4; Известия. 1941, 26 августа. С. 3.

³⁹ Виктор Эрлих. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Хейвене (шт. Коннектикут). В. Эрлих лишь недавно получил из советских архивов документы о судьбе своего отца и Виктора Альтера. См. также: *Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in War-Time Russia*. Boulder, Colo, 1982. С. 21.

⁴⁰ Цит. по: *Попов В. В., Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 321.

⁴¹ *Frank N. Memoire Brisée*. V. II. Op. cit. P. 22—23.

⁴² Биржевые ведомости. 1917, 15 (28) апреля. Утр. выпуск. С. 59.

⁴³ ЛГЖ. Т. 1. С. 402—403. Польско-еврейская актриса Ида Каминская рассказала Шимону Редлиху, что Эренбург был намерен «использовать статью Тувима в своих писаниях, независимо от того, разрешат «они» ему это или нет».

⁴⁴ ЛГЖ. Т. 3. С. 403. Комментарии.

⁴⁵ Письмо Василия Гроссмана к И. Эренбургу в 1941 г., конец ноября. Из архива И. И. Эренбург. См. также: ЛГЖ. Т. 3. С. 403. Комментарии.

⁴⁶ Цит. по: *Levin N. Jews in the Soviet Union Since 1917*. V. I. New York, 1988. P. 415.

⁴⁷ ЛГЖ. Т. 2. С. 433. Комментарии.

⁴⁸ Красная звезда. 1942, 1 ноября. С. 3.

⁴⁹ Иосиф Фишман. Интервью, данное автору в 1985 г. в г. Хайфа (Израиль).

⁵⁰ ЛГЖ. Т. 2. С. 322.

⁵¹ Ирина Эренбург. Интервью, данное автору в 1991 г. в Москве.

⁵² ЛГЖ. Т. 2. С. 323, 356—357. См. также: *I. Ehrenburg. Cent lettres*. Paris, 1945.

⁵³ Шломо Коварский. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке.

⁵⁴ Хирш Смоляр. Интервью, данное автору в 1983 г. в г. Тель-Авив. О своих тревогах поведал Эренбургу также другой партизан-герой, Лейб Куняховский. В конце апреля 1945 г., в дни, когда вот-вот должен был пасть Берлин, он, по совету еврейского писателя Давида Бергельсона, пришел к Эренбургу домой. Гражданский инженер, Куняховский мог вернуться в родную Литву. «Что мне делать? — спросил он Эренбурга. — Работать на них? Они убили мою семью», — сказал Куняховский,

имея в виду литовских коллаборационистов. Эренбург не мог сдержать охватившей его от волнения дрожи; он поднялся со стула. «Я тоже еврей, — сказал он. — Что можно сделать?». И он поведал Куняховскому о своем разговоре со старым литовским коммунистическим лидером Антанасом Снечкусом. «Я сказал ему, что руки его народа в крови моего народа. Я больше того ему сказал, но об этом помолчу». — Лейб Куняховский. Интервью, данное автору по телефону в 1983 г. О подвигах партизана Лейба Куняховского см.: *Bauer Y. They Fought Back*. New York, 1978. P. 160.

⁵⁵ Это стихотворение впервые опубликовано в кн.: *Эренбург И. Г. Дерево*. М., 1946. С. 45—46. В то же время им написано на сходную тему стихотворение «В это гетто люди не придут»:

В это гетто люди не придут.
Люди были где-то. Ямы тут.
Где-то и теперь несутся дни,
Ты не жди ответа — мы одни,
Потому что у тебя беда.
Потому что на тебе звезда,
Потому что твой отец другой,
Потому что у других покой.

Опубликовано в кн.: *Эренбург И. Г. Дерево*. *Op. cit.* С. 47.

⁵⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 351.

⁵⁷ Еврейский народ против фашизма. Москва, 1945. С. 56. Эта книга была опубликована издательством «Дер Эмес», связанным с Еврейским антифашистским комитетом.

⁵⁸ *Sutzkever A. Moznayim*. 1985, May—June. P. 53.

⁵⁹ Правда. 1944, 29 апреля. С. 4.

⁶⁰ *Sutzkever A. Moznayim*. *Op. cit.* P. 56; *Rodin E. La-Ben*. Tel-Aviv, 1943.

⁶¹ National Archives. Report № EES/21445/2/12 СССР. Political information. 1945, April 19.

⁶² Фаня Фишман. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве; Иосиф Фишман. Интервью, данное автору в 1985 г. в Хайфе (Израиль). Эфраим Фишман. Интервью, данное автору в 1985 г. в Тель-Авиве. См. также: *Ehrenburg Il., Grossman V. The Black Book*. New York, 1980. P. 357—358.

Весною 1958 г. самолет, в котором Эренбург летел из Тегерана в Париж, сделал часовую посадку в аэропорту Лидда под Тель-Авивом. Как сообщила местная газета «Хаарец» (Haaretz) Эренбург вместе с четырьмя спутниками провел этот час на аэродроме в буфете (Haaretz. 1958, April 1. P. 5). У другой газеты — «Jerusalem Post» — был заготовлен более подробный отчет о пребывании Эренбурга в аэропорту под Тель-Авивом. В заметке под сенсационным заглавием «Дочь Эренбурга напрасно его ждала» «Jerusalem Post» сообщала, что Эренбург отка-

заялся покинуть аэропорт и встретиться с дочерью, которая, писала газета, «прибыла в Израиль под чужим именем, чтобы избежать огласки». Далее делалось предположение, что Эренбурга, возможно, ждала не родная дочь — ее нет в Израиле, — а приемная, которую он в дни войны подобрал тяжело раненой на поле боя под Москвой. В 1948 г. девушка, узнав, что один из ее братьев обосновался в Израиле, с помощью Эренбурга выехала из России и соединилась с братом. Эренбург — по слухам — был очень расположен к своей приемной дочери, и его отказ встретиться с ней объясняется тем, что его сопровождают двое телохранителей, по всей видимости, тайные агенты НКВД.

«Jerusalem Post» раздула известный факт в клеветническую легенду. Эренбург действительно помог Фане Фишман, но она оставалась в Москве. Никакой дочери у Эренбурга в Израиле не было. Эта заметка имеется в архиве «Jerusalem Post». Однако в выпусках газеты автор ее не обнаружил. Возможно, умный редактор не дал ей ходу.

⁶³ Шломо Перлмуттер. Интервью, данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве. См. также его записи в журнале (на древнееврейском языке) *Yalkut Moreshet*, 1982, июнь. С. 7—45, декабрь. С. 37—62.

⁶⁴ См. очерк В. Гроссмана о Треблинке (*The Black Book*. Op. cit. С. 399—429). Этот очерк был также опубликован в Советском Союзе отдельным изданием. См. также: *Cathala J. Sans fleur ni fusil*. Paris, 1981. С. 371. В августе Эренбург предложил Каталя послушать рассказы солдат о том, что они увидели в Треблинке. К ним должен был присоединиться и Гроссман, но, вернувшись из лагеря, он почувствовал себя дурно — приступ неудержимой рвоты — и вынужден был лечь в постель.

⁶⁵ *Ehrenburg Il., Grossman V. The Black Book*. Op. cit. С. 256—257. См. также: ЛГЖ. Т. 2. С. 357—358. Этот эпизод, включенный Эренбургом в главу о «Черной книге» в свои мемуары, в публикации «Нового мира» был опущен и восстановлен при издании Собрания сочинений в 1966 году.

⁶⁶ *Eynikayt*. 1944, 27 January. Цит. по: *Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia...* Op. cit. P. 67.

⁶⁷ Советские евреи пишут Илье Эренбургу... Op. cit. С. 140, 159—160.

⁶⁸ Знамя. 1944. № 1—2. С. 185—196.

⁶⁹ *Altman Il. Toward the History of the «Black Book» // Yad Vashem Studies*. V. 21. Jerusalem, 1991. P. 225—230.

⁷⁰ Хирш Смоляр. Интервью, данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве.

⁷¹ Остальные материалы, собранные Эренбургом во время войны, были опубликованы совместно Яд Вашем (Иерусалим) и Государственным архивом Российской Федерации. Эта книга, озаглавленная «Неизвестная черная книга», изд. Ицхаком Арадом в 1993 г., содержит показания о зверствах нацистов, а также сведения о сотрудничестве с ними советских граждан.

⁷² Письмо к Суцкеверу опубликовано в: *Moznayim*. 1986. № 5—6. Р. 56. Такое же письмо Эренбург послал Василию Гроссману. См.:

ЛГЖ. Т. 2. С. 440. Комментарии.

⁷³ *Ehrenburg Il.* Post-War Years. Cleveland, 1967. P. 130.

⁷⁴ *Altshuler M., Ycikas S.* Were There Two Black Books About the Holocaust in the Soviet Union? // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe.* 1992 (spring). V. I, № 17. P. 48—49.

⁷⁵ См.: *Bloch J.-R.* Introduction // *L'U. R. S. S. et la civilization.* Op. cit. P. 18.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 2162.

⁷⁷ *White W.* Рец. на кн.: *Ehrenburg Il.* The Tempering of Russia (Закал России) / *Tr. Al. Kaun. N. Y., 1944* (*Saturday Review of Literature.* 1944, August 8. P. 7). На обложке журнала помещен портрет Эренбурга.

⁷⁸ *New York Herald Tribune.* 1945, March 15. P. 22.

⁷⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 434. Комментарии.

⁸⁰ См.: *Зелинский К.* В июне 1954 // *Вопросы литературы.* 1989. № 6. С. 172—173.

⁸¹ Правда. 1944, 7 августа. С. 3. В ответ на эту статью Эренбург получил множество писем, главным образом от евреев, чьи родственники были убиты немцами. «Читал я вслух, написанные Вами строки в присутствии товарищей из коллектива, — писал ему читатель из московского пригорода. — Дочитать статью я не был в силах, ибо слезы душили меня». См.: *Советские евреи пишут Илье Эренбургу.* Op. cit. С. 148.

⁸² Правда. 1944, 17 декабря. С. 3. О немецких лагерях смерти и о посещении их советскими воинами перед тем, как они вступили на территорию Германии, много писалось в советской прессе. См. сообщения о Майданеке в газете «Правда»: 1944, 11 августа, с. 2; 12 августа, с. 4. Еще одна статья на целую страницу о Майданеке появилась в «Правде» 16 сентября 1944 г., а в выпуске от 27 октября 1944 г. в «Правде» была опубликована статья об Освенциме, где специально упоминалось о еврейских жертвах.

⁸³ *Volkischer Beobachter.* 1943, Marz 25. S. 1.

⁸⁴ ЛГЖ. Т. 2. С. 251—252. Фюрер отметил Эренбурга не впервые. Еще в апреле 1943 г. он назвал Эренбурга советником Рузвельта и приписал ему план полного уничтожения Европы. В неудачах на Восточном фронте Гитлер винил евреев, а Эренбурга считал главным виновником провала. 1 января 1945 г. Гитлер, объединив Эренбурга, де Голля и Моргантау, назвал их частью гигантского западного иудейско-капиталистического и восточного иудейско-большевистского заговора. См.: *Marcou L.* Илья Ehrenburg. Op. cit. P. 213. Примечательно, что Остин Дж. Эпп, один из первых представителей американской академической элиты, которые попытались отрицать Холокост, также обвинял Эренбурга и Моргантау в насилиях, которые солдаты Красной армии совершали над немецкими женщинами. См.: *Deborah E. Lipstadt.* Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory. New York, 1944. P. 97.

⁸⁵ См.: Красная звезда. 1944, 15 октября. С. 4; и: Soviet Russia Today, 1944 (December). P. 9—10.

⁸⁶ ЛГЖ. Т. 2. С. 275, 395—396.

⁸⁷ Каверин В. А. Эпилог. *Op. cit.* С. 365.

⁸⁸ Красная звезда. 1945, 11 апреля. С. 3.

⁸⁹ Решин Л. «Товарищ Эренбург упрощает». Подлинная история знаменитой правдинской статьи // Новое время. 1994. № 8. С. 50—51.

⁹⁰ Правда. 1945, 14 апреля. С. 2. На следующий день статья была перепечатана «Красной звездой» (1945, 15 апреля. С. 2).

⁹¹ New York Times. 1945. April 15. P. 8.

⁹² Newsweek. 1945, April 23. P. 265—266.

⁹³ Time. 1945. April 23. P. 57; London Times, 1945, April 17. P. 3.

⁹⁴ Le Monde. 1945. April 20. P. 1. В выпуске от 20 апреля 1945 г. (с. 5) New York Times отметила эту статью.

⁹⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 443—444. Комментарии. В 1990 г. Б. Я. Фрезинский считал, что Эренбург не отослал это письмо Сталину. Однако обнаруженные впоследствии материалы в архивах Кремля убедили его, что письмо было послано и что Сталин его прочел. См.: Фрезинский Б. Я. Разгадка 14 апреля 1945 г. Почерк вождя // Невское время. 1995, 14 апреля. С. 6.

⁹⁶ Архив И. И. Эренбург.

⁹⁷ ЛГЖ. Т. 2. С. 385. В 1966 г. Эренбург через Анре Мальро, который при де Голле был министром культуры, вернул ружье во французский музей.

⁹⁸ Дымищ А. Л. Трудная любовь // Воспоминания об Илье Эренбурге. *Op. cit.* С. 57—58.

⁹⁹ ЛГЖ. Т. 2. С. 394—396.

ГЛАВА 10. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

¹ New York Times. 1945, December 12. P. 5. Этридж посетил Болгарию и Румынию в октябре и ноябре 1945 г. в качестве личного представителя президента Трумэна.

² Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941 — 1946. New York, 1975. P. 524.

³ New York Times. 1946, January 1. P. 16.

⁴ ЛГЖ. Т. 3. С. 17 — 18.

⁵ О М. Рудиче см.: Encyclopedia Judaica. V. 14. P. 379. Я благодарен его сыну Р. Рудичу, сообщившему мне, что именно его отец узнал Эренбурга в Бухарестском ресторане. О поездке Эренбурга в Румынию глазами бывшего дипломата см.: Дангулов С. А. Два портрета // Октябрь. 1985. № 6. С. 187.

⁶ Эренбург И. Г. Дороги Европы. М., 1946. С. 6.

⁷ В Болгарии // Огонек 1946. №3; В Македонии // Огонек. 1946.

№ 4; В Албании // Огонек. 1946. № 12; В Праге // Огонек. 1946. № 14 — 15; Дороги Европы // Известия. 1946, 1 января; В Болгарии // Вокруг света. 1946. №2 (февраль); По Европе // Молодь Украины. 1946. № 19.

⁸ Saturday Review of Literature. 1947, March 29. P. 28.

⁹ Ефимов Б. Е. Работа, воспоминания. М., 1963. С. 174 — 176.

¹⁰ Эренбург И. Г. Дороги Европы. Op. cit. С. 171.

¹¹ О Суцкевере см.: ЛГЖ. Т. 3. С. 31. См. также Leftwich J. Abraham Sutzkever. Partisan Poet. New York, 1971. P. 10, 51.

¹² New York Times. 1946, March 3. P. 1 Речь Черчилля была озаглавлена «Основа мира». (The Sinews of Peace).

¹³ Цит. по: New York Times. 1946, March 12. P. 1.

¹⁴ Выступление Кларка Клиффорда по американскому телевидению. Март 1990 г.

¹⁵ New York Herald Tribune. 1945, March 11, P. 1 — 9.

¹⁶ ЛГЖ. Т. 3. С. 39.

¹⁷ Liberation. 1946, April 16. P. 1.

¹⁸ ЛГЖ. Т. 3. С. 38.

¹⁹ New York Times. 1946, April 20. P. 5.

²⁰ Ibid. 1946, April 21. P. 4.

²¹ ЛГЖ. Т. 3. С. 40.

²² Christian Science Monitor. 1946, April 23. P. 4.

²³ New York Times. 1946, May 13. P. 18. В этой газете освещались почти все публичные выступления Эренбурга в Нью-Йорке.

²⁴ РМ. 1946, May 2. P. 11.

²⁵ ЛГЖ. Т. 3. С. 60.

²⁶ New York Times Book Review. 1946, May 19. P. 3.

²⁷ Джон Херасси. Интервью, данное автору в 1990 г. в Нью-Йорке.

²⁸ Женя Найдич. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

²⁹ Стефа Херасси. Интервью, данное автору в 1984 г. в Пулти (шт. Вермонт); Джон Херасси, интервью данное автору в 1990 г. в Нью-Йорке. Кроме того, Эренбург принял приглашение на обед в честь дирижера Сергея Кусевицкого, где встретился с американским корреспондентом Уильямом Ширером, с которым пересекался в Париже во время немецкой оккупации. Ширер слышал публичные высказывания Эренбурга в Нью-Йорке о том, какой свободой пользуются советские писатели. За обедом, однако, Эренбург говорил откровеннее и ясно дал понять Ширеру и Кусевицкому, как скверно обстоят дела на самом деле. Уильям Ширер. Интервью, данное автору по телефону в 1989 г.

³⁰ Harvard Grimson. 1946, May 7. P. 1, 4. См. также: Harvard Alumni Bulletin. V. 48. № 16. 1946, May 25. P. 649—650.

³¹ См.: Einstein A. Unpublished Preface to a Black Book // Einstein A. Out of My Later Years. New York, 1950. P. 258—259.

³² St. Louis Post-Dispatch, 1946, April 30, final 2** ed. P. 3 B.

³³ New York Post. 1946, May 23. P. 32. Сэмюэл Графтон. Интервью, данное автору в 1990 г. в Нью-Йорке.

³⁴ Jackson Daily News. 1946, May 22. P. 1.

³⁵ Neal F. W. I Escorted the Soviet Big Shots // Saturday Evening Post. 1951, January 6. P. 82.

³⁶ Сэмюэл Графтон. Интервью, данное автору в 1990 г. в Нью-Йорке.

³⁷ Neal F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. Op. cit. P. 27.

³⁸ Фаня Фишман. Интервью, данное автору в 1991 г. в Москве.

³⁹ Globe and Mail. 1946, June 15. P. 5. В конце войны Сталин оккупировал часть северного Ирана, советские войска находились там еще весною 1946 г. и это крайне беспокоило Запад: боялись, что советские войска намерены остаться в Иране.

⁴⁰ Globe and Mail. 1946, June 18. P. 6.

⁴¹ New York Times. 1946, June 26. P. 11.

⁴² Фаня Фишман. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве.

⁴³ New York Post. 1946, May 23. P. 32.

⁴⁴ New York Times. 1946, June 26. P. 11.

⁴⁵ Известия. 1946, 7 августа. С. 4.

⁴⁶ Ibid. 9 августа. С. 4.

⁴⁷ Tovarich // Harper's Magazine. 1946. December. P. 582.

⁴⁸ Симонов К. М. Он был бойцом // Воспоминания об Илье Эренбурге. Op. cit. С. 133—134.

⁴⁹ В Париже Эренбург также встретился с Анри Матиссом и по предложению художника трижды ему позировал. Матисс сделал цикл из пятнадцати портретов. Рисунки эти уникальны и удивительны: Эренбург поражает исключительной живостью и молодостью. См.: *Aragon L. Matisse. Moscow, 1978. P. 28.* Позднее Матисс объяснил Арагону, что как раз перед тем, как Эренбург пришел в студию позировать, он, Матисс, посмотрел документальный фильм о выступлении советских спортсменов на Красной площади. Это зрелище произвело на него такое сильное впечатление, что он невольно внес в портрет Эренбурга молодость и задор молодых спортсменов.

⁵⁰ Ж. и И. Вишняки. Интервью, данное автору в 1984 г. в Женеве. Эренбург всегда держался осторожно с западными коммунистами — и не только потому, что среди них могли быть осведомители, но и потому что их наивность или сознательная слепота по части сталинской России подвергала их опасности. Эренбург как-то сказал Нине Кот, жене его давнего друга Пьера Кота, что его изумляет, как легко французские коммунисты клюют на советскую пропаганду. Одна молодая французская чета без конца просила его помочь снять квартиру в Москве; Эренбург услышал их только после смерти Сталина. Он никому не хотел помогать в переезде из Европы в Советский Союз (Нина Кот, интервью, данное автору в 1984 г. в Париже). Однако в одном случае Эренбург сделал исключение. Обе его сестры, Евгения и Изабелла, после войны остались в Париже. С возрастом — обеим было за шестьдесят — им становилось все труднее жить самостоятельно. До Эрен-

бурга дошли слухи, что они питаются отбросами. Так же, как в 1924 г., он считал, что им будет лучше жить под его присмотром в Париже, так и в 1952 г., когда Сталин был еще жив, он начал хлопотать об их возвращении в Москву. Они прибыли уже после смерти Сталина и поселились на даче Эренбурга, где прожили до конца своих дней (обе умерли в 1965 году). См.: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1172.

⁵¹ Цит. по кн.: *Haight, Amanda*. Anna Akhmatova. New York, 1976. P. 143—145. Видимо такого же мнения были об Эренбурге в семье Ждановых. По словам Светланы Аллилуевой жена Жданова как-то заявила, что «Илья Эренбург любит Париж, потому что там голые женщины». См.: *Alliluyeva Sv.* Only One Year. New York, 1969. P. 418.

⁵² ЛГЖ. Т. 3. С. 34. В первых изданиях мемуаров абзац о Жданове был изъят и восстановлен только в издании 1990 г.

⁵³ Культура и жизнь. 1947, 10 апреля. С. 4. См. также статью Эренбурга «Ответ Давиду Лоренсу» (Культура и жизнь. 1947, 20 апреля. С. 4).

⁵⁴ New York Times. 1947, April 12. P. 4.

⁵⁵ *Smith W. B.* My Three Years in Moscow. Philadelphia, 1950. P. 180.

⁵⁶ New York Times. 1947, April 12. P. 4.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 279. Радиопередача состоялась 12 августа 1949 г.

⁵⁸ См. телеграмму от 30 марта 1948 г., отправленную в Госдепартамент из американского консульства в Марселе. Национальный архив в Вашингтоне. Вполне возможно, что Эренбург написал эту пьесу с целью помочь А. Я. Таирову и Р. Р. Фальку. Таиров поставил «Льва на площади», Фальк написал декорации. Пьеса Эренбурга дала им возможность показать себя в идеологически приемлемой постановке.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 618, оп. 14, ед. хр. 854. С. 3, 10, 95, 96, 103, 106.

⁶⁰ Отзыв Эренбурга о Бертроне Расселе см.: Культура и жизнь. 1949, 11 декабря. С. 4. Отзыв о Сартре см.: Большевик, 1949. № 2. С. 62—63. Несколькими годами ранее, выступая на читательской конференции, Эренбург сообщил слушателям, что прочел пьесу Сартра «За закрытой дверью» во время перелета в Соединенные Штаты. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 14, ед. хр. 839.

⁶¹ Правда. 1949, 13 декабря. С. 2. Подобного рода подобострастное славословие было типично для советской печати тех лет. Перец Маркиш писал: «Мудростью и спокойствием дышит каждое слово речи товарища Сталина. Мы заново испытали покоряющую силу его мысли. Мы заново увидели, как она двигала науку, труд, народные порывы в предвоенные годы и в годы войны; как она ставила самое судьбу на служение интересам народа; как она руководила фронтами на необозримых просторах земли» (См.: Литературная газета, 1946, 10 февраля. С. 3). Дифирамб этот Маркиша не спас.

⁶² Интервью, данное автору знакомой Эренбурга, пожелавшей сохранить анонимность.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 278. Вряд ли кто-либо из его слу-

шателей знал, что двумя годами ранее он вывез из Америки «Бьюик» и холодильник.

⁶⁴ *Frisch M. Sketchbook 1946—1949* / Tr. G. Skelton. New York, 1977. P. 209.

⁶⁵ *Montagu I. Ilya Ehrenburg, Peacemonger, 1891—1967* // *Anglo-Soviet Journal*. V. XXVIII. 1968, № 2. P. 29 (РГАЛИ. Ф. 1816, оп. 2, ед. хр. 303).

⁶⁶ *Frisch M. Sketchbook...* Op. cit. P. 209.

⁶⁷ Литературная газета, 1948, 1 сентября. С. 2.

⁶⁸ *Sakharov A. D. Memoirs*. N. Y, 1990. P. 97.

⁶⁹ Г-жа Ив Фарж. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

⁷⁰ См.: Знамя. 1988. № 4. С. 58—59.

⁷¹ К своим депутатским обязанностям Эренбург относился очень серьезно. О его работе как депутата см.: ЛГЖ. Т. 2. С. 337—343. Документы о его депутатской работе см.: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3271. Серьезность его отношения к своим депутатским обязанностям подтвердила мне Н. И. Столярова (интервью, данное в 1984 г. в Москве).

⁷² Супруги Шапиро. Интервью, данное автору в 1984 г. в Мадисоне (шт. Висконсин). См. также *Newsweek*, 1949, April 18. P. 39—40.

⁷³ *Schulberg B. Collision with the Party Line* // *Saturday Review of Literature*. 1952, August 30. P. 34. Б. Шульберг присутствовал на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.

⁷⁴ Примеры критики романа И. Г. Эренбурга «Буря» см.: Знамя. 1948. № 6. С. 174—180; Известия. 1948. 30 января. С. 3; Октябрь. 1948. № 1. С. 183—191.

⁷⁵ *Эренбург И. Г. Избранные соч.* М., 1953. Т. 3. С. 443.

⁷⁶ Василий Аксенов. Интервью, данное автору в 1983 г. в Вашингтоне.

⁷⁷ Письма Шостаковича к Эренбургу см.: Нева. 1989. № 8. С. 205—208. Публ. Б. Я. Фрезинского. Шостакович присутствовал на похоронах Эренбурга в 1967 г. Переписка Прокофьева и Эренбурга хранится в РГАЛИ (Ф. 1929, оп. 2, ед. хр. 509 и 763). 3 января 1953 г. Эренбург передал Прокофьеву короткую записку, в которой говорилось, что он «тронут» вниманием композитора.

⁷⁸ Лариса Богораз. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

⁷⁹ Два письма Анны Ахматовой к Эренбургу, написанные во время Второй мировой войны, хранятся в РГАЛИ (Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1243).

⁸⁰ ЛГЖ. Т. 3. С. 35.

⁸¹ *Steinbeck J., Capa R. A Russian Journal*. New York, 1948. P. 217.

⁸² *Эренбург И. Г. Защитники культуры* // *Новое время*. 1947. № 46. С. 5—10.

⁸³ Елена Зонина. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

⁸⁴ Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама / Ред. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1990. С. 50.

⁸⁵ *Мандельштам Н. Я. Воспоминания*. Op. cit. 451. В архиве И. И. Эренбург хранится рукописная записка Н. Я. Мандельштам к Эренбургу по поводу его портрета, нарисованного Пикассо: «Это — что

увидел Пикассо, это то, что понимал Ося в тебе, а следовательно и я. Доказательство у тебя было — если б не это представление, он не назвал бы тебя перед смертью. Портрет удивительный — в пятьдесят бабы сентиментальны. Я не могла его забыть. Целую тебя — старого друга. Надя».

⁸⁶ Публичное выступление на Варшавском конгрессе Ильи Эренбурга. 1951, 15 января // Department of State. National Archives. Washington. D. C. 700.001/1—1551. P. 1—2. Голландскому документалисту Йорису Ивенсу, снимавшему на Конгрессе фильм, предложили непременно включить аплодисменты, которыми сопровождалось выступление Эренбурга и Фадеева — Йорис Ивенс, интервью данное автору в 1984 г. в Париже. Эренбург старался привлечь внимание советской публики к Пикассо, пользуясь для этого каждым удобным случаем. Во время Второй мировой войны он дважды упомянул Пикассо в своих военных статьях. См.: Красная звезда. 1944, 16 ноября. С. 4. Советское искусство. 1944, 7 ноября. С. 3.

⁸⁷ *Salisbury H.* Moscow Journal. Chicago, 1961. P. 33—34.

ГЛАВА 11. АНТИСЕМИТИЗМ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

¹ Подробнее об этом периоде см.: The Soviet Government and the Jews, 1948—1967 // Ed. B. Pinkus. Cambridge, 1984; *Rapoport L.* Stalin's War Against the Jews. New York, 1990; *Gilboa Y.* The Black Years of Soviet Jewry. Boston, 1971; *Vaksberg A.* Stalin Against the Jews. New York, 1994.

² ЛГЖ. Т. 3. С. 95.

³ Александр Риндзинский, интервью, данное автору в 1983 г. в Беер-Шева (Израиль); Израиль Кроник, интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке; Шломо Коварский, интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке.

⁴ Аля Савич. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве. Раввин Мазэ выступал свидетелем защиты на знаменитом киевском процессе Бейлиса в 1913 г. В Тель-Авиве именем Мазэ названа улица.

⁵ Александр Риндзинский. Интервью, данное автору в 1983 г. в Беер-Шева (Израиль).

⁶ Ibid.

⁷ Наталья Вовси-Михоэлс. Интервью, данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве.

⁸ Ibid. См. также: *Alliluyeva S.* Only One Year. Op. cit. P. 153 — где упоминается, как она почти стала свидетельницей намеренного убийства: в ее присутствии Сталин дал по телефону указание объявить, что Михоэлс погиб в «автомобильной катастрофе».

⁹ Архив И. И. Эренбург.

¹⁰ Архив И. И. Эренбург. Полный текст речи Эренбурга см.: Театр.

1990. № 4. С. 8—35. Там же подробно описываются похороны Михоэлса и даны тексты других речей.

¹¹ Наталья Вовси-Михоэлс, интервью данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве; Эстер Маркиш, интервью данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве.

¹² *Namir M. Shlihut bi-Moskva*. Tel-Aviv, 1971. P. 49.

¹³ *Salisbury H. To Moscow and Beyond*. New York, 1960. P. 74.

¹⁴ Правда. 1948, 21 сентября. С. 3. Англ. перевод см.: *Soviet Government and the Jews, 1948—1967*. Op. cit. P. 39—42.

¹⁵ *Namir M. Shlihut Bi-Moskva*. Op. cit. P. 60.

¹⁶ См.: *Schneiderman S. L. Ilya Ehrenburg Reconsidered // Midstream*. 1968, October. P. 47—67.

¹⁷ *Алхилуева С. И.* Двадцать писем к другу. СПб., 1994. С. 149.

¹⁸ *Namir M. Shlihut bi-Moskva*. Op. cit. P. 65—68. Дополнительная информация дана Генри Шапиро в интервью автору в 1984 г. в Мэдисоне (шт. Висконсин) и израильским дипломатом Арией Левави в интервью автору в 1985 г. в Иерусалиме.

¹⁹ В 1946 г. братья Фани Фишман, Иосиф и Эфраим, гостили у Эренбургов в квартире на ул. Горького. Они часто говорили о своем намерении уехать в Палестину. Любовь Михайловна напомнила им, что они живут «в доме советского писателя и попросила не говорить в открытую о Палестине». — Иосиф Фишман, интервью данное автору в 1985 г. в Хайфе (Израиль); Эфраим Фишман, интервью данное автору в 1985 г. в Тель-Авиве.

²⁰ Гаррисон Солсбери в своих воспоминаниях (*A Journey for Our Times*. New York, 1983. P. 252) высказывает подозрение относительно Паркера, считая его осведомителем КГБ. Книга Паркера о его работе в Советском Союзе (*Parker R. Moscow Correspondent*. London, 1949) могла быть написана только человеком, сознательно позволявшим советскому режиму дурачить себя.

²¹ *Namir M. Shlihut bi-Moskva*. Op. cit. P. 83—91.

²² Правда. 1949, 28 января. С. 3.

²³ Эстер Маркиш. Интервью данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве.

²⁴ ЛГЖ. Т. 3. С. 102—105.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Markish E. The Long Return*. New York, 1978. P. 238.

²⁷ ЛГЖ. Т. 3. С. 105.

²⁸ Израиль Кроник. Интервью, данное автору в 1984 г. в Нью-Йорке.

²⁹ Аноним. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

³⁰ И. И. Эренбург. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве. Эти папки были сразу спрятаны от властей семьей Эренбурга после его смерти.

³¹ См.: «Приезд Ильи Эренбурга». Донесение № 650 посольства США в Бельгии, адресованное госдепартаменту; датировано: 12 мая 1950 г. С. 1—2. Сходные донесения посольств США в Москве, Париже и других европейских столицах сообщали в госдепартамент о передвижении

ях Эренбурга начиная с конца сороковых годов и вплоть до его смерти в 1967 г. (National Archives. Washington. D. C.).

³² ЛГЖ. Т. 3. С. 164.

³³ *Goldberg A. Ilya Ehrenburg. Writing, Politics and the Art of Survival.* London, 1984. P. 11, 240.

³⁴ См.: Литературная газета. 1951, 27 января. С. 1.

³⁵ Ibid. 1951, 30 января. С. 2.

³⁶ ЛГЖ. Т. 3. С. 179.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 613, оп. 7, ед. хр. 433 (внутренняя рецензия Б. Новикова на роман «Буря». Датирована: 28 октября 1951 г.).

³⁸ РГАЛИ. Ф. 613, оп. 7, ед. хр. 433 (внутренняя рецензия Платоновой на роман «Не перевода дыхания» критиком. Датирована: 24 апреля 1952 г.).

³⁹ РГАЛИ. Ф. 613, оп. 7, ед. хр. 433 (внутренняя рецензия Б. Новикова на роман «Буря» от 28 октября 1951 г. Рецензент пишет, что «не мог высказать эти замечания открыто»).

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 613, оп. 7, ед. хр. 433 (внутренняя рецензия В. Аксинского на романы «День второй» и «Не перевода дыхания». Датирована: 13 июня 1952 г.).

⁴¹ ЛГЖ. Т. 3. С. 180.

⁴² РГАЛИ. Ф. 613, оп. 7, ед. хр. 433. 11 апреля 1953 г.

⁴³ Правда. 1952, 21 декабря. С. 1.

⁴⁴ Хирш Ошерович. Интервью, данное автору в 1983 г. в Тель-Авиве.

⁴⁵ *Dzhirkvelov I. Secret Servant: My Life with the KGB.* New York, 1987. P. 250. Стоит также указать на страницы мемуаров Ефима Долинского, где он рассказывает о встрече М. А. Суслова с руководителями Еврейского антифашистского комитета по поводу официального предложения переселить всех евреев Советского Союза в новую еврейскую автономную республику, созданную на базе уже существующей республики Биробиджан. Эренбург на этой встрече не присутствовал. Остальные руководители Комитета вскоре были арестованы — возможно, потому, что выражали против сусловского плана. См.: Звенья. Т. 1. Москва, 1991. С. 535—539. (Публикуется обществом «Мемориал»).

⁴⁶ *Cotic M. The Prague Trial. The First Anti-Zionist Show Trial in the Communist Bloc.* New York, 1987. P. 144.

⁴⁷ Правда. 1953, 13 января. С. 1. На с. 1 была опубликована передовая статья, а на с. 4 — статья с дополнительными подробностями.

⁴⁸ ЛГЖ. Т. 3. С. 227.

⁴⁹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. *Op. cit.* С. 137.

⁵⁰ Архив И. И. Эренбург.

⁵¹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943—1966. *Op. cit.* С. 315—319.

⁵² Правда. 1953, 28 января. С. 1.

⁵³ ЛГЖ. Т. 3. С. 226—227.

⁵⁴ Телеграмма из СССР от 28 января 1953 г. № 1089, Государствен-

ному секретарю США. (National Archives. Washington. D. C.). Цит. по: *Rapoport L. Stalin's War Against the Jews. New York, 1990. С. 184.*

⁵⁵ ЛГЖ. Т. 3. С. 228. В издании шестидесятых годов Эренбург смог сказать о том, что произошло, и того меньше: «События продолжали разворачиваться. Февраль оказался для меня очень трудным, а о пережитом мною тогда я считаю преждевременным рассказывать. В глазах многих читателей я был писателем, который мог пойти к Сталину, сказать ему, что я в том-то с ним не согласен. На самом деле я был таким же “колесиком” и “винтиком”, как мои читатели. Я попробовал запротестовать. Решило дело не мое письмо, но судьба». См.: *Эренбург И. Г. Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 730.*

⁵⁶ Маргарита Алигер, интервью, данное автору в 1988 г. в Москве; Семен Липкин, интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

⁵⁷ Ирина Эренбург, интервью, данное автору в 1984 г. в Москве; Аля Савич, интервью, данное автору в 1984 г. в Москве; Вениамин Каверин и его жена, Лидия Тынянова, интервью, данное автору в 1982 г. в Переделкино.

⁵⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 36—37.

⁵⁹ Иосиф Бродский. Интервью, данное автору в 1981 г. в Нью-Йорке.

⁶⁰ А. Н. Яковлев, либеральный советник М. С. Горбачева, высказал мнение, основанное на знакомстве с секретными архивами Кремля, что Сталин не стоял непосредственно за планом выселения евреев. Яковлев считает, что перед смертью Сталин отменил этот план и что Эренбург, «который написал Сталину, сыграл тут определенную роль». См.: *Marcou L. Ilya Ehrenbourg. Op. cit. P. 289; Yakovlev A. Ce Que Nous Voulons Faire de l'Union Sovietique. Entretien avec Lilly Marcou. Paris, 1991. P. 147—148.* Н. С. Хрушев дает совершенно иную версию. Согласно Хрущеву, Микоян и Молотов возразили против плана депортации и даже Ворошилов сказал, что такой акт будет преступным, сходным с действиями Гитлера. Эти возражения, сообщает Хрушев, привели Сталина в ярость, и несколько дней спустя с ним произошел удар. См.: *Le Monde. 1956, April 17. P. 3.* Нет никаких оснований предполагать, что кто-либо из Президиума возражал Сталину по какому-либо вопросу. Версия Хрущева, очевидно, предназначена исключительно для его собственных целей.

ГЛАВА 12. ОТТЕПЕЛЬ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

¹ ЛГЖ. Т. 2. С. 230, 229.

² Правда. 1953, 11 марта. С. 4.

³ *Sulzberger C. L. A Long Row of Candles. New York, 1969. P. 885.*

⁴ ЛГЖ. Т. 3. С. 317.

⁵ Знамя. 1953. № 10. С. 165.

⁶ Текст выступления Эренбурга и дискуссии в Московской библиотеке 17 декабря 1953 г. см.: РГАЛИ. Ф. 618, оп. 16, ед. хр. 11.

⁷ *Эренбург И. Г.* Собр. соч. Оп. cit. Т. 6. С. 22, 70.

⁸ РГАЛИ. Ф. 618, оп. 16, ед. хр. 143.

⁹ Статьи Симонова см.: Литературная газета. 1954, 17 июля, с. 2—3 и 1954, 20 июля, с. 2—3. Ответ Эренбурга см.: Литературная газета. 1954, 3 августа, с. 3. Выступление Шолохова появилось на второй странице той же газеты от 18 сентября 1954 г. Письмо к редактору вместе с редакторской оценкой см.: Литературная газета. 1954, 5 октября. С. 3—4.

¹⁰ Материалы выступления Эренбурга в московской библиотеке 15 октября 1954 г. см.: РГАЛИ. Ф. 618, оп. 16, ед. хр. 88.

¹¹ *Эренбург И. Г.* Собр. соч. Оп. cit. Т. 1. С. 201. Стихотворение называется «Последняя любовь» и датировано 1965 г.

¹² ЛГЖ. Т. 3. С. 245.

¹³ Когда я рассказал в подробностях о взаимоотношениях Лизлотты и Эренбурга Б. Я. Фрезинскому, он спросил меня о значении слова Сиам. Я сказал, что это прежнее название Таиланда. «Тогда это система, — сказал он. — Эренбург называл другую свою подругу — Японка». Борис Фрезинский. Интервью, данное автору в 1990 г. в Москве.

¹⁴ Архив Стефана Мэра. Стокгольм. Среди бумаг его покойной матери подобных телеграмм несколько десятков.

¹⁵ ЛГЖ. Т. 3. С. 267. Присутствовавший на заседании Александр Твардовский считал, что Шолохов «выступил постыдно». См.: Знамя. 1989. № 7. С. 150.

¹⁶ Второй Всесоюзный съезд советских писателей. М., 1956. С. 32. Романистка Галина Николаева, произнося свою речь, не преминула сказать, что «Эренбург сплошь заселил свою «Оттепель» мелкими, пассивными, нетипичными людьми и создал в ней странную для нас атмосферу бездеятельности». Ibid. С. 386.

¹⁷ См.: Ibid. С. 142—145. См. также: *Whitney Th. Ehrenburg Lifts the Iron Curtain a Bit* // *New York Times Magazine*. 1954, December 26. P. 9.

¹⁸ Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Оп. cit. С. 377.

¹⁹ *Gerstein E. Memoirs and Facts* // *Anna Akhmatova. Poems, Correspondence, Reminiscences, Ikonography* / Ed. by Ellendea Proffer. Ann Arbor, 1977. P. 103—114.

²⁰ Наталья Бабель. Интервью, данное автору в 1984 г. в Вашингтоне.

²¹ Архив И. И. Эренбург. Москва.

²² Книга: *Бабель И. Э.* Избранное. М., 1957 г. — была издана с предисловием Эренбурга (с. 5—10). Антонина Николаевна Пирожкова, интервью, данное автору в 1984 г. в Москве; Наталья Бабель, интервью, данное автору в 1984 г. в Вашингтоне.

²³ См.: Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 286—287. Упомянутая записка была написана 27 декабря 1957 г. Указанный выпуск «Вопросов литературы» содержит ряд документов из архивов Центрального Комитета, относящихся к Эренбургу. Эти документы показывают, как

пристально власти следили за всем, что он писал, и за его выступлениями и как он их раздражал.

²⁴ Знамя. 1958. № 4. С. 194—202.

²⁵ Литературная газета. 1958, 24 апреля. С. 3.

²⁶ Полный текст речи Эренбурга в переводе на английский язык см.: *Isaac Babel. You Must Know Everything*. New York, 1969. P. 223—237.

²⁷ См.: *Бабель И. Э. Избранное*. Кемерово, 1966. С. 5—14 — предисловие Эренбурга.

²⁸ Правда. 1954, 3 сентября. С. 3.

²⁹ См.: «Визит Эренбурга в Индию, январь—февраль 1956». Донесение № 894 от 15 февраля 1956 г. из посольства США в Нью-Дели, адресованное госдепартаменту (National Archives. Washington. D. C.). См. также эссе Эренбурга в кн.: *The Legacy of Nehru* / Ed. K. Natwar-Singh. New York, 1965. P. 53—55.

³⁰ *Ивинская О. В.* В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. М., 1992. С. 167.

³¹ ЛГЖ. Т. 3. С. 284—285.

³² Ibid. С. 311.

³³ Литературная газета. 1956, 22 ноября. С. 1.

³⁴ ЛГЖ. Т. 3. С. 312.

³⁵ Литературная газета. 1956, 24 ноября. С. 1.

³⁶ Ibid. 1956, 1 декабря. С. 4; ibid. 1956, 18 декабря. С. 4. Веркор. Интервью, данное автору в 1983 г. в Куломье (Франция). Дружба между Эренбургом и Веркором сложилась необычно. Во время войны их отношения начались неблагоприятно. Эренбург написал рецензию на знаменитый роман Веркора «Молчание моря», первое литературное произведение о французском Сопротивлении. В «Молчании моря», написанном в первые месяцы немецкой оккупации, нацисты характеризовались весьма сдержанно: поведение немцев во Франции было несравнимо с тем, что они творили на Восточном фронте. Эренбург раскритиковал книгу Веркора, а его назвал фактическим коллаборационистом. Встретившись после войны, Эренбург и Веркор стали добрыми друзьями. В конце пятидесятых секретарь Эренбурга, Наталья Столярова, перевела «Молчание моря» на русский язык.

³⁷ *Slepian V. The Young vs the Old // Problems of Communism*. V. 11. 1962. № 3. P. 55.

³⁸ Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

³⁹ *Slepian V. The Young vs the Old*. Op. cit. P. 56—57.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3208. Друг Эренбурга, турецкий поэт Назым Хикмет, посетивший выставку, оставил в «Книге отзывов» следующую запись: «[Пикассо — Дж. Р.] как истинный коммунист и поэт ни к сектантам, ни к фанатикам не принадлежит».

⁴¹ *Montagu I. Ilya Ehrenburg, Peacemonger, 1891—1867 // Anglo-Soviet Journal*. V. 28. 1968. № 2. P. 32. РГАЛИ. Ф. 1816, т. 2. С. 303.

⁴² Андрей Синявский. Интервью, данное автору в 1983 г. в Париже.

⁴³ И. Г. Эренбург. Предисловие // Голомшток И., Синяевский А. Пикассо. Москва, 1960. С. 4—9.

⁴⁴ Архив И. И. Эренбург.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1180. Письмо датировано: 24 октября 1966 г.

⁴⁶ Еще одна выставка работ Пикассо состоялась в Академгородке. Ее организатором был Михаил Макаренко, активист правозащитного движения и сообщества художников. Макаренко неоднократно общался с Эренбургом по поводу работ Марка Шагала и Роберта Фалька. В 1965 г. Макаренко был арестован и приговорен к восьми годам исправительно-трудового лагеря за организацию несанкционированной художественной выставки. В настоящее время живет в Вашингтоне. Михаил Макаренко. Интервью, данное автору по телефону в 1991 г.

⁴⁷ Naaretz. 1966, April 28. P. 3.

⁴⁸ Ангелина Шекина-Кротова (вдова Роберта Фалька). Интервью, данное автору в 1988 г. в Москве. См. также: *Шекина-Кротова А. В. Становление художника* // Новый мир. 1983. № 10. С. 227.

⁴⁹ Этот абзац Маргарита Алигер намеревалась включить в свою статью «Нас сдружила поэзия», которая публиковалась в книге «Воспоминания об Илье Эренбурге» в 1975 г.; однако цензура изъяла эти строки вместе с другим «острым» материалом. Архив Маргариты Алигер. Москва.

⁵⁰ Сара Бабенышева. Интервью, данное автору в 1991 г. в Бруклине (Массачусетс).

⁵¹ Крокодил. 1957, 20 февраля. С. 10—11.

⁵² Правда. 1957, 20 февраля. С. 5.

⁵³ Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника... Ор. cit. С. 131, 228.

⁵⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 243.

⁵⁵ См.: ЛГЖ. Т. 1. С. 592. Комментарии.

⁵⁶ Литературное обозрение. 1990. № 4. С. 16.

⁵⁷ Архив И. И. Эренбург.

⁵⁸ Борис Фрезинский. Интервью, данное автору в 1990 г. в Москве.

⁵⁹ Огонек. 1991. № 3 (январь). С. 21.

⁶⁰ См.: *Фрезинский Б. Я.* Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 295.

⁶¹ Заслуживают упоминания еще два случая, когда Эренбурга подвергли официальной проработке. Летом 1956 г. он поместил благожелательную статью о поэзии Бориса Слуцкого в «Литературной газете» (1956, 28 июля, с. 3). Не прошло и трех недель, как в той же газете (1956, 14 августа, с. 3) и он и Слуцкий были зло раскритикованы. В 1957 г. Эренбург написал небольшую статью для книги памяти Лидии Сейфуллиной, советской романистки, близкого друга Бабея. Эренбург подчеркивал ее честность, ее ненависть к русскому шовинизму. При переиздании книги в 1958 г. эта статья была изъята. См.: Л. Н.

Сейфуллина в жизни и творчестве / Ред. А. Коптелов. Новосибирск, 1957. С. 88—91. Стоит указать, что в 1939 г. Исаак Бабель на допросах, где из него выбивали показания, вовлек в свое «дело» Сейфуллину. Ей приписывалась принадлежность к «троцкистской» группе и связь со шпионажем в пользу Австрии. Однако Сейфуллина, как и Эренбург, арестована не была. Во время Второй мировой войны Сейфуллина помогала Эренбургу в работе над «Черной книгой».

⁶² Эренбург И. Г. Собр. соч. Оп. cit. Т. 6. С. 132. Эссе о Стендале впервые было опубликовано в журнале «Иностранная литература» (1957. № 6. С. 199—212).

⁶³ Critchlow J. // The New Leader. 1959, October 16. P. 11—12.

⁶⁴ Фрезинский Б. Я. Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 295.

⁶⁵ Знамя. 1957. № 10. С. 224. См. также: Литературная газета. 1957, 22 августа. С. 3. Эти нападки не прошли мимо внимания «New York Times». Прочитывая «Литературную газету», обозреватель Times комментировал: Эренбургу устроили выволочку за прославление «эмоционального самовыражения» и за то, что он осмелился утверждать, будто личный опыт автора существеннее для творчества, нежели требования общества». См.: New York Times. 1957, September 8. P. 28. В пятидесятые годы в «Times» не знали, как им с Эренбургом быть. 24 марта 1957 г. на первой полосе объявлялось, что Эренбург в «Литературной газете» защищал достижения американской культуры. А двумя днями позже в передовой, одумавшись, ставили под сомнение нравственность писателя, ибо он «давно поражает людей как в России, так и вне ее безошибочным чутьем на то, с какой стороны его хлеб мажется маслом». См.: No Thanks, Ilya // New York Times. 1957, March 26. P. 32.

⁶⁶ Les Lettres Françaises. № 688. 1957. September 19—25. P. 1, 5.

⁶⁷ Эренбург И. Г. Собр. соч. Оп. cit. Т. 6 С. 218, 219.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1370.

⁶⁹ Архив И. И. Эренбург.

⁷⁰ Фрезинский Б. Я. Письмо Светланы Сталиной Илье Эренбургу // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 299—304.

⁷¹ Ruge G. Conversations in Moscow // Encounter. 1958 (October). P. 25.

⁷² ЛГЖ. Т. 1. С. 256.

⁷³ Правда. 1958, 26 октября. С. 4. (английский перевод всей статьи см.: R. Conquest. The Pasternak Affair. Philadelphia, 1962. P. 164—171).

⁷⁴ Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве. Отвечая на письмо одного из своих читателей, Эренбург 18 ноября 1965 г. написал: «Я не был согласен с исключением его [Пастернака — Дж. Р.] из Союза писателей и в голосовании не участвовал». См.: ЛГЖ. Т. 1. С. 597. Комментарии.

⁷⁵ ЛГЖ. Т. 1. С. 256.

⁷⁶ New York Times. 1960, March 10. P. 2.

⁷⁷ Haaretz. 1960. June 10. P. 3.

ГЛАВА 13. ЭРЕНБУРГ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

¹ Красная новь. 1928. № 4 (апрель). С. 165.

² Об отношении Эренбурга к своему еврейскому происхождению см. вступительную статью М. Альтшулера в кн.: Советские евреи пишут Илье Эренбургу... *Op. cit.* С. 9—105.

³ Об анонимном письме Эренбургу о событиях в поселке Малаховка см. ЛГЖ. Т. 3. С. 324 и Советские евреи пишут Илье Эренбургу... *Op. cit.* С. 420—421.

⁴ Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве. См. также: Коммунист (Дагестан) 1960, 14 июля, 30 июля, 6 августа, 13 августа, 16 августа. В номере от 6 сентября на с. 1 республиканский партийный комитет дезавуировал ранее опубликованные статьи, в которых осуждалось обрезание, принятое среди еврейского и мусульманского населения, как и наличие синагоги в Дагестане. Эренбург также обратился в Центральный Комитет в защиту еврея из Грузии, которого летом 1962 г. обвиняли в употреблении крови христианского младенца; человека этого позже освободили. См.: Советские евреи пишут Илье Эренбургу. *Op. cit.* С. 431—440.

⁵ См.: ЛГЖ. Т. 3. С. 325.

⁶ Первоначально статья Бернара Турнера появилась в Израиле в журнале на идиш: *Die Goldene Keyt*. 1956. № 25. S. 3—37. Частично была перепечатана в «*Dissent*» (1957 (winter), p. 88—91), и в «*Le Monde*» (1957, Auguste 22, p. 3). Турнер называл С. А. Лозовского «ближайшим другом» Эренбурга, что было нелепостью. Эренбург познакомился с Лозовским в 1909 г., когда тот исполнял должность редактора журнала коммунистической партии в Париже. Во время Второй мировой войны Эренбург много общался с Лозовским, который был тогда замминистра иностранных дел и начальником Совинформбюро, а также председателем Еврейского антифашистского комитета. Но близкими друзьями они никогда не были.

⁷ *Markish E. The Long Return*. New York, 1978. P. 241—245.

⁸ *Le Monde*. 1957, septembre 26. P. 10.

⁹ *Lenemann L. La tragedie des Juifs en U. R. S. S.* Paris, 1959. P. 95.

¹⁰ *Jerusalem Post*. 1963, January 27. P. 3.

¹¹ *Turner B. With the Yiddish Writers in Siberia // Dissent*. V. 4, № 1. 1957 (Winter). P. 91.

¹² *Ibid.*

¹³ *Jerusalem Post*. 1962. June 24. P. 1.

¹⁴ Цит. по: *Segev T. Ha-Milyon Hashviyi*. Jerusalem, 1991. P. 192.

¹⁵ *Jerusalem Post*. 1963, January 27. P. 3.

¹⁶ ЛГЖ. Т. 3. С. 326.

¹⁷ *Jerusalem Post*. 1965, August 15. P. 3.

¹⁸ ЛГЖ. Т. 3. С. 100.

¹⁹ См. речь Л. Ф. Ильичева, произнесенную 7 марта 1963 г. Полный текст в английском переводе в кн.: Khrushchev and the Arts. The Politics of Soviet Culture, 1962—1964 / Ed. Johnson P., Labedz L. Cambridge (Mass.), 1965. P. 137—147.

²⁰ ЛГЖ. Т. 3. С. 310.

²¹ Правда. 1956, 6 ноября. С. 5.

²² См. открытое письмо от религиозных евреев г. Ташкента: Известия. 1956. 28 ноября. С. 4. Открытое письмо от религиозных деятелей других городов см.: Известия. 1956, 29 ноября. С. 4.

²³ Стихотворение «Бабий яр» впервые появилось в: Литературная газета, 1961, 19 сентября. С. 4. Два года ранее Виктор Некрасов опубликовал в той же газете открытое письмо, в котором протестовал против проекта разбить в Бабьем яру парк и построить стадион. См.: Литературная газета. 1959, 10 октября. Эренбург полностью разделял возмущение Некрасова. В письме к одной из своих корреспонденток, Шаргородской, от 30 ноября 1959 г., он писал: «Я полностью разделяю взгляды Некрасова и неоднократно обращался к ряду городов, где есть такие же “Бабьи яры”, указывая на необходимость сохранять могилы жертв фашизма». Архив И. И. Эренбург.

²⁴ Yevtushenko Ye. A Precocious Autobiography. New York, 1963. P. 121—122.

²⁵ Стариков Д. Об одном стихотворении // Литература и жизнь. 1961, 27 сентября. С. 3.

²⁶ Литературная газета. 1961, 14 октября. Борис Фрезинский, интервью, данное автору в 1990 г. в Москве.

²⁷ ЛГЖ. Т. 3. С. 325.

²⁸ Jerusalem Post. 1959, May 11. P. 1.

²⁹ Оба письма из архива И. И. Эренбург.

³⁰ Ro'i Yaakov. The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948—1967. Cambridge, 1991. P. 138—139.

³¹ Jerusalem Post. 1962, January 26. P. 1.

³² Правда. 1948, 21 сентября. С. 3.

³³ Markish E. The Long Return. Op. cit. P. 254—255.

³⁴ Экземпляр речи Эренбурга и другие материалы вечера хранятся в архиве Литературного музея в Москве. В 1959 г. в Советском Союзе вышло шеститомное Собрание сочинений Шолом Алейхема на русском языке. Тираж — 225.000

³⁵ Markish E. The Long Return. Op. cit. P. 256—257.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1168. Письмо датировано 12 октября 1965 г.; день рождения Переца Маркиша — 25 ноября.

³⁷ Дневник Анны Франк. Москва, 1960. С. 5—6. В том же году Эренбург пытался — на этот раз безуспешно — опубликовать книгу о восстании в Варшавском гетто. См.: Советские евреи пишут Илье Эренбургу. Op. cit. С. 445—446.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 2116 — письма Марии Рольникайте к Эренбургу. Записки «Я должна рассказать» были опубликованы в:

Звезда. 1965. № 2. С. 132—171; № 3. С. 102—130. Эренбург написал предисловие к французскому изданию книги, вышедшему в 1966 г. Мария Рольникова. Интервью, данное автору в 1994 г. в С.-Петербурге.

³⁹ *Ehrenburg II. Hommage a Zola. October 2, 1966.* См. также: *Cahiers Naturalistes.* 1966. № 2. По-русски впервые появилось в: Неделя. 1966. № 42, 9—15 октября. С. 16.

⁴⁰ *Оклянский Ю. М.* Счастливые неудачники. Москва, 1990. С. 380—389.

⁴¹ Борис Фрезинский. Интервью, данное автору в 1990 г. в Москве. И. Чеховская была замужем за И. Черноуцаном, чья подпись стоит под несколькими записками Отдела культуры ЦК КПСС (в пятидесятые и шестидесятые годы), в которых Эренбург подвергался резкой критике. По иронии судьбы в то же самое время его жена помогала публиковать книгу «Люди, годы, жизнь» в более полном варианте, что ее муж как работник Отдела культуры при ЦК КПСС вряд ли одобрил бы. После смерти И. Чеховской Игорь Черноуцан женился на поэтессе Маргарите Алигер, добром друге Эренбурга.

⁴² Дополнительный материал о Василии Гроссмане и судьбе «Черной книги» появился в главах 20 и 21 Книги пятой. См.: *Эренбург И. Г.* Собр. соч. Т. 9. Москва, 1967. С. 407—418. Согласно Шимону Маркишу (сыну замученного поэта) мемуары «Люди, годы, жизнь» имели огромное влияние на молодых советских евреев: «Никто кроме Эренбурга не смог открыто, во весь голос и в миллионах экземпляров преподать нашей молодежи этот первый урок национального воспитания <...> Ни одна книга в русской советской литературе за пятнадцать лет после смерти Сталина не сделала столько для еврейского пробуждения, сколько «Люди, годы, жизнь». Цит. по: Советские евреи пишут Илье Эренбургу... *op. cit.* С. 491.

⁴³ *Эренбург И. Г.* Бурная жизнь Лазика Ройтшванца // Собр. соч. *Op. cit.* Т. 3. С. 12.

ГЛАВА 14. БОЛЕЗНЬ И СТАРОСТЬ

¹ Ирина Эренбург, Фаня Фишман, д-р Елена Нехамкина. Интервью, данные автору в 1991 г. в Москве.

² Письмо Эренбурга, открывшее дискуссию, появилось в газете «Комсомольская правда», 1959, 2 сентября, с. 3. Отклики читателей газета публиковала в течение октября и ноября. В статье, напечатанной 24 декабря 1959 г., Эренбург подвел итоги дискуссии.

³ Женя Найдич. Интервью, данное автору в 1984 г. в Париже.

⁴ Записки Отдела культуры ЦК КПСС и партийных работников о торжествах в связи с семидесятилетием И. Г. Эренбурга см.: Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 288—294.

⁵ Правда. 1961, 25 января. С. 4. Там же объявлено о выступлении Эренбурга по радио в 10 ч. 10 минут утра. В следующем номере — Правда, 1961, 26 января — на первой странице был помещен указ о награждении Эренбурга орденом Ленина. Указ был подписан Л. И. Брежневым.

⁶ Moscow News. 1961, January 28. Цит. по: телеграмме от американского посольства в госдепартамент от 27 января 1961 г. (National Archives. Washington. D. C.).

⁷ Архив И. И. Эренбург. См. также: ЛГЖ. Т. 3. С. 101.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1243.

⁹ Архив И. И. Эренбург. См. также: ЛГЖ. Т. 3. С. 101.

¹⁰ Эренбурга не радовали особые претензии со стороны своих соотечественников евреев. В ответе на письмо (июль 1962) еврея-эмигранта из России, проживающего на Майами, в котором тот спрашивал, не должны ли евреи быть в обиде на Шекспира за образ Шейлока, Эренбург 9 ноября писал: «Мне кажется у евреев столько же оснований сердиться на Шекспира [за Шейлока — *Дж. Р.*], сколько у британцев — за леди Макбет и у мавров — за Отелло». Оба письма хранятся в архиве И. И. Эренбург.

¹¹ Архив И. И. Эренбург.

¹² См.: Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 291.

¹³ Фаня Фишман. Интервью, данное автору в 1986 г. в Москве.

ГЛАВА 15. «Люди, годы, жизнь»

¹ Тацит. Сочинения. СПб., 1993. С. 124.

² Николай Василенко. Интервью, данное автору в 1991 г. в Москве.

³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 134.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1702, оп. 9, ед. хр. 38. Эренбург уважал Твардовского. Однажды он сказал польско-еврейскому критику Артуру Сандауэру: «У Твардовского вид хулигана, но он порядочный человек». Артур Сандауэр. Интервью, данное автору в 1985 г. в Бруклине (Масс.).

⁵ РГАЛИ. Ф. 1702, оп. 9, ед. хр. 47 (часть 2).

⁶ ЛГЖ. Т. 3. С. 8. В записках из Главлита и от других чиновников, ведающих культурой, постоянно обращается внимание на «тенденциозные» взгляды Эренбурга касательно антисемитизма. Как указывалось в одной из таких записок (февраль, 1963 г.) Эренбург «снова и снова искусственно подымает вопрос о дискриминации евреев в нашей стране». См.: Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 302.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1702, оп. 9, ед. хр. 47 (часть 2).

⁸ Архив И. И. Эренбург.

⁹ ЛГЖ. Т. 1. С. 569. Комментарии. Также: Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

¹⁰ См.: Новый мир. 1960. № 8 (август). С. 43.

¹¹ Анна Ларина. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

¹² Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 425.

¹³ Евгений Пастернак. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве. Тщательно работая над своими мемуарами, Эренбург, как правило, давал на отзыв отдельные главы заинтересованным лицам. Портрет Исаака Бабеля он показал Антонине Пирожковой, главу о М. М. Литвинове — дочери дипломата, Татьяне Литвиновой. (Антонина Пирожкова, интервью, данное автору в 1984 г. в Москве; Татьяна Литвинова, интервью, данное автору в 1985 г. в Брайтоне. В РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1820 хранится подробный, взволнованный отклик Т. Литвиновой на письмо Эренбурга).

¹⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 594. Комментарии.

¹⁵ *Deutscher I. Survival's Favorite Son* // *Nation*. 1964, December 21. P. 495.

¹⁶ *Herbert Zb. Mr. Cognito on the Need for Precision* // *Herbert Zb. Report from the Besieged City and Other Poems* / Tr. J. and B. Carpenter. New York: Ecco. P. 67.

¹⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 191, 46.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 2218.

¹⁹ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. Op. cit. С. 20.

²⁰ ЛГЖ. Т. 1. С. 590. Комментарии.

²¹ ЛГЖ. Т. 3. С. 385—386. Комментарии.

²² См.: *Kulturny Zivot*. 1963, September 14. P. 1, 8. В редакционной сноске читателям сообщалось, что материал был получен от Эренбурга в рукописи. Корреспондент Анатолий Шуб в своей книге «An Empire Loses Hope» (New York, 1970) на с. 176 пишет, что это был поразительный случай, когда «братиславские мятежники призвали на помощь советских либералов». В начале шестидесятых, пишет Шуб, венгерские реформаторы переводили и публиковали поэзию и прозу таких советских писателей как Эренбург, Евтушенко, Ахматова, бросая тем самым вызов венгерской цензуре. См.: *Shub A. An Empire Loses Hope*. Op. cit. P. 181.

²³ Телеграмма от 4 октября 1963 г. из американского посольства в госдепартамент США (National Archives. Washington. D. C.).

²⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 270, 307.

²⁵ См.: *Spechler D. Permitted Dissent in the USSR*. New York, 1982. В книге исследуется эволюция в отношении Александра Твардовского, редактора «Нового мира», к диссидентству.

²⁶ *Дымищ А. Л.* Мемуары и история // Октябрь. 1961. № 6. С. 194—198.

²⁷ *Кочетов В. А.* Речь на XXII съезде КПСС // Правда. 1961, 31 октября. С. 8. Вне Советского Союза мемуары Эренбурга самой суровой критике подверглись в Западной Германии. Как только книга появилась в немецком переводе, правые силы вновь выдвинули против него нацистские обвинения. «*Deutscher Soldaten Zeitung*» клеймила Эренбурга как «величайшего подстрекателя к убийствам, какого знала ис-

тория». Книжные магазины не должны были брать мемуары для продажи, предполагалось даже устроить бойкот. См.: *Der Spiegel*, 1962, September 5. S. 71—76; Sonntag, 1962, September 30. S. 6.

²⁸ ЛГЖ. Т. 2. С. 159, 180.

²⁹ Во время Карибского кризиса Эренбурга вызвали в Кремль и предложили написать статью, где утверждалось бы, что на Кубе нет советских ракет. Эренбург отказался. «У меня есть репутация в мире. Сегодня я напишу такую статью, а через неделю на Кубе вдруг обнаружат ракеты. И я окажусь в глупом положении». Борис Биргер. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

³⁰ Khrushchev and the Arts. The Politics of Soviet Culture. Op. cit. P. 101—102. Эта книга исключительно полезна по части информации по рассматриваемому в ней периоду.

³¹ Эрнст Неизвестный. Интервью, данное автору в 1981 г. в Нью-Йорке.

³² Архив И. И. Эренбург.

³³ Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 11.

³⁴ Правда. 1963, 4 января. С. 4.

³⁵ Труд. 1961, 9 января. С. 3.

³⁶ Известия. 1963, 30 января. С. 3—4.

³⁷ Известия. 1963, 6 февраля. С. 4.

³⁸ Молодежь Эстонии. 1989. № 88, 6 мая. С. 2. Один из многолетних почитателей Эренбурга, Александр Баренбойм, чье танковое подразделение во время войны «зачислило» Эренбурга в свой состав, написал ему из Одессы 6 февраля. Письмо Баренбойма — пример той горячей поддержки, какой Эренбург пользовался по всей стране, особенно среди ветеранов Отечественной войны, евреев и молодежи.

«Дорогой Илья Григорьевич!

Только что прочел Ваше письмо в «Известиях» и ответ на него этого подонка. Не понимаю, зачем Вы вступаете в полемику с таким негодяем <...> То, что Вы объяснили ему в своем письме, ясно каждому порядочному человеку, и десять человек, с которыми мне случилось поговорить после первой [ермиловской — Дж. Р.] блевотины, очень точно и недвусмысленно поняли, какого рода стряпню этот расист и лицемер против Вас изготовил. Я с радостью поделился бы с Вами их мнениями, знай я наверняка, что Ваш секретарь не женщина...

Будьте здоровы, чтобы пережить всех Ваших и наших врагов.

Искренне Ваш

Александр Менделевич Баренбойм»
(РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1258).

Много лет спустя А. М. Баренбойм опубликовал цикл статей о своих военных встречах с Эренбургом в газете Тагинского райкома КПСС Ростовской области «Свет Октября» за 1982, 20, 23, 25, 27 ноября и 2, 4 декабря.

³⁹ Архив И. И. Эренбург.

⁴⁰ Андрей Вознесенский. Интервью, данное автору в 1984 г. в Перс-делкине.

⁴¹ *Flanner J.* Letter from Paris // *The New Yorker*. 1963, January 26. P. 102.

⁴² Harrington M. The New Parabolist // *The Reporter*. 1963, February 14. P. 52.

ГЛАВА 16. ВЕСНА 1963 ГОДА. ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА

¹ Правда. 1963, 9 марта. Полный текст речи Л. Ф. Ильичева на встрече с работниками искусства и писателей в англ. переводе см.: Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 137—147.

² Архив Маргариты Алигер. Москва.

³ *Blum R.* Reporter at Large // *The New Yorker*. 1965, August 28. P. 96.

⁴ Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 23.

⁵ Правда. 1963, 10 марта. С. 1—2. Полный текст речи Н. С. Хрущева в англ. переводе см.: Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 147—186.

⁶ Елена Зонина. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

⁷ Андрей Синявский. Интервью, данное автору в 1983 г. в Париже.

⁸ Телеграмма из американского посольства в Москве в госдепартамент США от 9 сентября 1963 г. (National Archives. Washington. D. C.).

⁹ Архив Натальи Столяровой. Москва.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1370. Эренбург также получил телеграмму от группы итальянских писателей, включая Итало Кальвино, Альберто Моравиа, Джорджо Бассани и Пьера Пазолини; они предлагали свою поддержку. См.: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1930.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1586.

¹² Правда. 1963, 12 мая. С. 4—5. Английский перевод интервью, данного Александром Твардовским американскому корреспонденту Генри Шапиро см.: Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 210—216.

¹³ Цит. по: *Фрезинский Б. Я.* К двадцатипятилетию опубликования Книги шестой мемуаров И. Г. Эренбурга // Памятные книжные даты. Москва, 1990. С. 138.

¹⁴ Архив И. И. Эренбург. В записке на оборотной стороне конверта, переданной Юрию Жукову, советскому журналисту и официальному деятелю в Движении за мир, Эренбург написал: «Через десять лет после моей смерти поймут, что в 1963 г. мне было не двадцать девять лет, а семьдесят два и что я тридцать два года защищал за границей доброе имя нашей страны». Архив И. И. Эренбург.

¹⁵ Khrushchev and the Arts... Op. cit. P. 65.

¹⁶ *Лакшин В. Я.* «Новый мир» во время Хрущева (1961—1964) // Знамя. 1990. № 6. С. 90.

¹⁷ *Рихтер Г. В.* Писатели на берегах Невы // Новое русское слово.

1963, 22 сентября. С. 7—8.

¹⁸ *Эренбург И. Г.* Собр. соч. *Op. cit.* Т. 6. С. 318—324. Полный текст выступления в английском переводе см.: Khrushchev and the Arts... *Op. cit.* Р. 240—245. Обозреватель «Манчестер гардиан» был поражен негибасмостью Эренбурга: «В свои преклонные годы Эренбург не стал ни амбициозным, ни осторожным; разруганный в пух и прах Хрущевым за грубые идеологические ошибки, он не спасовал, что, пожалуй, произошло бы с писателем меньшего масштаба, а ответил на удар, и это, надо полагать, очень понравилось свободомыслящей молодежи, которая и так смотрит на Эренбурга как на выразителя своих мыслей» (Manchester Guardian. 1963, August 14. Р. 6).

¹⁹ *Рихтер Г. В.* Писатели на берегах Невы. *Op. cit.* С. 7—8.

²⁰ Правда. 1963, 6 сентября. С. 6.

²¹ *Werth A.* Russia. Hopes and Fears. New York, 1970. Р. 182.

²² Архив И. И. Эренбург.

²³ *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1963. С. 5—9.

²⁴ Памятные книжные даты. *Op. cit.* С. 139.

²⁵ Архив И. И. Эренбург.

²⁶ *Лакшин В. Я.* «Новый мир» во время Хрущева. *Op. cit.* С. 139.

²⁷ ЛГЖ. Т. 3. С. 259, 260.

ГЛАВА 17. ЭРЕНБУРГ И ДИССИДЕНТСТВО

¹ См. два письма Фриды Вигдоровой к Эренбургу: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1370; письма Эренбурга к Вигдоровой: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 518. Имеется также письмо от Вигдоровой к Эренбургу от 2 октября 1962 г., в котором она просит Эренбурга помочь приятельнице Пастернака Ольге Ивинской, тогда все еще находившейся в исправительно-трудовом лагере. Из письма явствует, что Эренбург уже помог добиться для Ольги Ивинской лучших условий содержания в лагере. В 1991 г. Александр Даниэль прочел московским студентам цикл лекций о правозащитном движении в Советском Союзе. Сын Юлия Даниэля и Ларисы Богораз, он был одним из активнейших диссидентов и непосредственным свидетелем всех событий в Москве, связанных с этим движением, начиная с его первых шагов в 1965 году до перестройки и гласности при Горбачеве. В своих лекциях А. Даниэль назвал Фриду Вигдорову «первой диссиденткой».

² Стенограмму суда над И. Бродским см.: The New Leader. 1964, August 31. Р. 6—17. Согласно Симоне де Бовуар, Эренбург побудил Жан-Поля Сартра обратиться с письмом в защиту Бродского к Анастасу Микояну, который тогда, в 1965 г., был председателем Президиума Верховного совета. Вскоре И. Бродский был освобожден. См.: Beauvoir S. de. All Said and Done. London, 1974. Р. 314—315.

³ Архив И. И. Эренбург. В эпилоге к своим мемуарам Евгения Гин-

Эренбург указывает на помощь, оказанную ей Эренбургом в издании ее книги в Советской Союзе. См.: *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. М., 1990. С. 595—596.

⁴ См.: *Solzhenitsyn A.* Invisible Allies. Washington, 1995. P. 147.

⁵ Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве. См. также: *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг, 1918—1956. М., 1989. Т. 1. С. 132; Т. 2. С. 219, 517 — где Солженицын ссылается на Н. Столярову как на источник информации о положении политических заключенных при Сталине. Согласно М. Скаммелу, по Москве ходил слух, что Эренбург сфотокопировал повесть «Один день Ивана Денисовича» и давал ее читать друзьям. См.: *Scammell M.* Solzhenitsyn. New York, 1984. P. 425. Также полагают, что Эренбург написал письмо в Союз писателей, в котором поддержал награждение Солженицына Ленинской премией по литературе. См.: *Khrushchev and the Arts...* Op. cit. P. 75. О дружбе Солженицына и Н. Столяровой см. также: Литературная газета. 1991, 28 августа. С. 12.

⁶ Борис Биргер. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

⁷ Отчет о вечере памяти Осипа Мандельштама хранится в РГАЛИ. Ф. 1893, оп. 2, ед. хр. 9. См. также: Грани. 1970. № 77. С. 82—88.

⁸ Письма Варлама Шаламова к Эренбургу хранятся в РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 2116. См. также: *Фрезинский Б. Я.* Илья Эренбург — Варлам Шаламов. Диалог 1966 года // Советская культура. 1991, 26 января. С. 15.

⁹ Юлиус Телесин. Интервью, данное автору в 1983 г. в Иерусалиме. В конце шестидесятых годов Юлиус Телезин был известен в Москве как активнейший диссидент. Его называли «королем *самиздата*», потому что карманы у него всегда были полны *самиздатской* литературой. Отношение Шаламова к Эренбургу дорогого стоит. Солженицын считал Шаламова образцом для себя. См.: *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг... Op. cit. С. 9: «Может быть, в “Колымских рассказах” Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния».

¹⁰ Открытое письмо Эрнста Генри к Эренбургу было опубликовано в 1988 г. См.: Дружба народов. 1988. № 3. С. 231—239.

¹¹ Борис Закс. Интервью, данное автору в 1981 г. в Джерси Сити.

¹² ЛГЖ. Т. 3. С. 397. Комментарии.

¹³ Даниил Данин. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве. Материалы из архива Д. Данина. См. также: Культура и жизнь. 1948, 31 октября. С. 4.

¹⁴ Советская культура. 1991, 26 января. С. 15.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 2116.

¹⁶ ЛГЖ. Т. 3. С. 296—301.

¹⁷ Ibid. С. 345.

¹⁸ Виктория Швейцер. Интервью, данное автору в 1983 г. в Амхерсте (шт. Массачусетс).

¹⁹ *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. Ann Arbor, 1988. С. 185.

Текст обращения с именами всех подписавшихся имеется в Архиве Самиздата. № 4, АС 219—301, № 220.

²⁰ О том, как это обращение подписал А. Д. Сахаров, см. в его воспоминаниях: *Sakharov A. D. Memoirs*. Op. cit. P. 268—269.

²¹ Зинаида Григоренко. Интервью, данное автору по телефону в 1992 г. в Нью-Йорке.

²² Советская культура. 1991, 26 января. С. 15. Русская писательница эмигрантка Нина Берберова восхищалась усилиями Эренбурга в этом направлении. Прочтя в шестидесятых годах «Люди, годы, жизнь», она высоко оценила их воздействие в своих мемуарах: «Не могу оторваться от его страниц, для меня его книга значит больше, чем все остальные за сорок лет. Я знаю, что большинство его читателей судят его. Я благодарна ему. Я благодарю его за каждое слово <...> Только в пробуждении сознания — ответ на все, что было, и только один из всех — Эренбург, — невнятно мыча и кивая в ту сторону, указывает нам (и будущим поколениям) дорогу, где это сознание лежит» (*Берберова Н. Курсив мой*. Москва, 1996. С. 602—603).

²³ *New York Times*. 1966, April 4. P. 13.

²⁴ *Ibid*, 1966, April 2. P. 4. Эренбург всегда испытывал неприязнь к Шолохову, считая его фашистом.

²⁵ Александр Гинзбург. Интервью, данное автору в 1981 г. в Нью-Йорке (шт. Массачусетс). Книга Гинзбурга о деле Синявского и Даниэля в английском переводе была опубликована в 1966 г. См.: *Ginsburg A. On Trial / Tr. and with Intr. by Max Hayward*. New York, 1966.

²⁶ Текст показаний Столяровой дан в кн.: *Trial of the Four / Comp. by Pavel Litvinov, ed. by Peter Peddaway*. New York, 1972.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1174. Позднее в том же году Эренбург подвергся резким нападкам в «Литературной газете» за то, что назвал двадцатые годы «золотым веком» советской литературы по сравнению со сталинскими тридцатыми, когда поэты сочиняли вирши к торжественным датам и т. д. Статья была частью брежневской кампании, имевшей целью умерить более откровенное обсуждение советской истории культуры, каковое позволялось при Хрущеве. См.: *New York Times*. 1965, December 29. P. 10.

²⁸ ЛГЖ. Т. 3. С. 401. Комментарии.

²⁹ *Ibid*. С. 402.

³⁰ *Медведев Р. Политический дневник*. Amsterdam, 1972. С. 603—608. Также: Рой Медведев. Интервью, данное автору в 1982 г. в Москве.

ГЛАВА 18. 1967

¹ Телеграмма от 9 мая 1967 г. из американского посольства в Москве в Госдепартамент США. (National Archives. Washington. D. C.).

² Телеграмма от 2 июня 1967 г. из американского посольства в Москве в Госдепартамент США. (National Archives. Washington. D. C.).

³ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1168. Письмо Эренбурга в Секретариат Союза писателей датировано: 12 апреля 1967 г.

⁴ «Le Monde» называла выступление Эренбурга на конференции «глубоко волнующим». См.: Le Monde. 1967, May 31, suppl. P. II.

⁵ Телеграмма от 26 мая 1967 г. из американского посольства в Москве в Госдепартамент США. (National Archives. Washington. D. C.).

⁶ London Times. 1967, May 25. P. 1.

⁷ Werth A. Russia, Hopes and Fears. Op. cit. С. 186—187. О самиздате Эренбург также рассказывал Симоне де Бовуар и Жан-Поль Сартру. См.: Beauvoir S. de. All Said and Done. Great Britain, 1974. P. 319—320.

⁸ Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

⁹ Werth A. Russia, Hopes and Fears. Op. cit. P. 218—219.

¹⁰ Оклянский Ю. М. Счастливые неудачники. Op. cit. С. 365.

¹¹ ЛГЖ. Т. 3. С. 401. Комментарии.

¹² Цитируемые письма Лизлотты Мэр к Эренбургу и его дочери Ирине хранятся в РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1889.

¹³ Ирина Эренбург, Фаня Фишман, Аля Савич. Интервью, данные каждой отдельно автору в 1991 г. в Москве о смерти Эренбурга. Наталья Столярова, интервью на ту же тему, данное автору в Москве в 1984 г.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3772. Рукописные записки медицинских сестер, дежуривших у Эренбурга.

¹⁵ Архив Стефана Мэра. Выражаю особую признательность Стефану Мэру за предоставленную мне возможность ознакомиться и скопировать последние рукописные записки Эренбурга к его матери, Лизлотте Мэр.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1889.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Архив Стефана Мэра.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 3772.

²¹ Ibid., ед. хр. 1889.

²² Ibid.

Эпилог

¹ Телеграмма от 5 сентября 1967 г. из американского посольства в Госдепартамент. (National Archives. Washington. D. C.). Также в частном сообщении (18 апреля 1983 г.), сделанном автору сотрудником американского посольства в 1967 г. Йейлом Ричмондом.

² Показания Татьяны Литвиновой в защиту Владимира Буковского см. в кн.: Litvinov P. The Demonstration in Pushkin Square. Boston, 1969.

Р. 87—90. Татьяне Литвиновой были особенно близки мемуары Эренбурга. Он показал ей первоначальный вариант главы о ее отце, и она ответила длинным, подробным, благодарным письмом, включив материал, которым Эренбург дополнил портрет Литвинова. Письмо датировано: 3 февраля 1964 г. См.: РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1820.

³ Описание похорон Эренбурга основано на интервью, данных автору Ириной Эренбург (Москва, 1986), Алей Савич (Москва, 1986), Борисом Биргером (Москва, 1984), Даниилом Даниным (Москва, 1984) и Борисом Фрезинским (Москва, 1986). См. также очерк Маргариты Алигер в сб. Воспоминания об Илье Эренбурге. *Op. cit.* С. 210—211.

⁴ Haaretz. 1967, September 5. P. 3.

⁵ Manchester Guardian. 1967, September 5. P. 7.

⁶ Владимир Войнович. Интервью, данное автору в 1984 г. в Бруклине (шт. Массачусетс).

⁷ New York Times. 1967, September 5. P. 43.

⁸ См. антологию: *An End to Silence* / Ed. and with Intr. by Stephen F. Cohen. New York, 1982. P. 271. В антологию входят материалы из *самиздатского* журнала Р. Медведева «Политический дневник».

⁹ ЛГЖ. Т. 1. С. 620. Комментарии.

¹⁰ Daily Mirror. 1966, January 27. P. 11.

¹¹ Новый мир. 1967. № 9. С. 286.

¹² *Эренбург И. Г.* Собр. соч. *Op. cit.* Т. 1. С. 204—205.

¹³ Правда. 1967, 3 сентября. С. 3.

¹⁴ *Бажан М.* Перо гуманиста // Литературная газета. 1967, 6 сентября. С. 8.

¹⁵ New York Times. 1967, September 2. P. 25, 24.

¹⁶ Newsweek. 1967, September 18. P. 48.

¹⁷ Manchester Guardian. 1967, September 2. P. 7.

¹⁸ Le Monde. 1967, September 2. P. 20.

¹⁹ London Times. 1967, September 2. P. 12.

²⁰ London Observer. 1967, September 3. P. 4.

²¹ *Montagu I.* Ilya Ehrenburg, Peacemonger, 1891—1967. *Op. cit.* (РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 303).

²² Наталья Столярова. Интервью, данное автору в 1984 г. в Москве.

²³ ЛГЖ. Т. 1. С. 52.

²⁴ New York Times. 1967, September 4. P. 1. В данной связи стоит также отметить, что с предложением о поддержке в 1961 г. к Эренбургу обращался британский юрист Питер Бененсон, когда задумал основать Международный комитет по амнистии (Amnesty International). Чтобы заручиться поддержкой этому начинанию Бененсон разослал письма знаменитым людям всех стран и континентов. Адрес Эренбурга он получил у своей тетки, известной переводчицы русской литературы Мани Хирари (ей принадлежит перевод на английский язык «Оттепели», а также «Доктора Живаго» совместно с Максом Хейордом). Ответ Эренбурга утерян. В письме от 7 января 1992 г. к автору этой книги

Бененсон сообщал, что ответ Эренбурга «был благоприятным, хотя и окутан дымкой таинственности, что, надо полагать, было в его характере и требовалось его положением». Письмо П. Бененсона к Эренбургу хранится в РГАЛИ. Ф. 1204, оп. 2, ед. хр. 1272.

²⁵ *Эренбург И. Г. Le Roi S'Amuse* // Новости дня. 1918, 9 (22) апреля. С. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — незаменимый источник для каждого изучающего его жизненный и творческий путь. Мемуары появлялись в нескольких вариантах, что требует от его биографа тщательно проследить и выявить как видимые, так и небольшие малозаметные изменения, которые в них вносились.

Вначале мемуары Эренбурга (начиная с Книги первой и вплоть до Книги шестой) печатались последовательно частями в журнале «Новый мир» (1960. №№ 8—10; 1961. №№ 1—2, 9—11; 1962. №№ 4—6; 1963. №№ 1—3; 1965. №№ 1—4). Затем мемуары Эренбурга были опубликованы в 1961, 1963 и 1966 гг. отдельным изданием в трех томах издательством «Советский писатель». Они также составили т. 8 и т. 9 — наиболее полный текст на то время — девятитомного Собрания сочинений (последнего прижизненного) И. Г. Эренбурга, выпущенного в шестидесятых годах. В 1987 г. в журнале «Огонек», в №№ 22—25, появился почти полный вариант Книги седьмой, впервые опубликованной как целое. Наконец, в 1990 г. Б. Я. Фрезинский совместно с дочерью Эренбурга, И. И. Эренбург осуществил выпуск в свет трехтомного издания книги «Люди, годы, жизнь» (М.: Советский писатель, 1990), восстановив, насколько это было возможно, полный текст и снабдив все три тома подробными комментариями.

В Соединенных Штатах мемуары Эренбурга вышли в четырех книгах: «Люди, годы, жизнь, 1891—1921», пер. Анны Босток и Ивонны Капп (New York: Knopf, 1962); «Мемуары, 1921—1941», пер. Татьяны Шебуниной и Ивонны Капп (Cleveland: World, 1964); «Война, 1941—1945», пер. Татьяны Шебуниной и Ивонны Капп (Cleveland: World, 1964); «Послевоенные годы», пер. Татьяны Шебуниной и Ивонны Капп (Cleveland: World, 1967).

В течение жизни Эренбурга появилось три отдельных издания его Собраний сочинений: восьмитомное в 1927—1928 гг.; пятитомное в 1952—1954 и девятитомное в 1962—1967 гг. Каждое из этих изданий включает романы, рассказы, стихи и статьи, а также снабжено вступи-

тельной статьей и комментариями. В 1990—2000 гг. вышло в свет восьмитомное Собрание сочинений И. Эренбурга (составление и подготовка текста И. И. Эренбург и Б. Я. Фрезинского, комментарий Б. Я. Фрезинского).

В написании данной биографии были также использованы следующие книги и статьи И. Г. Эренбурга (перечислены в алфавитном порядке):

Англия. М.: Федерация, 1931.

А все-таки она вертится. М.: Геликон, 1922.

Белый уголь, или слезы Вертера. Л.: Прибой, 1928.

Виза времени. Берлин: Петрополис, 1929.

Война. Июнь 1941 — апрель 1942. М.: Гослитиздат, 1942.

Война. Апрель 1942 — март 1943. М.: Гослитиздат, 1943.

Война. Апрель 1943 — март 1944. М.: Гослитиздат, 1944.

В смертный час. Киев: Летопись, 1919.

Дерево. Стихи. М.: Советский писатель, 1946.

Затянувшаяся развязка. М.: Советский писатель, 1934.

Испанские репортажи. Сост. Б. Фрезинский, В. Попов. М.: АПН, 1986.

Испанский закал. М.: Гослитиздат, 1938.

Кануны. Берлин: Мысль, 1921.

Книга для взрослых. М.: Советский писатель, 1936.

Летопись мужества. Сост. Л. Лазарев. М.: Советский писатель, 1983.

Лик войны. 2-е изд. Берлин: Геликон, 1923.

Молитва о России. М.: Северные дни, 1918.

Мой Париж. М.: Изогиз, 1933.

Мы и они. Берлин: Петрополис, 1931. (В соавторстве с О. Савичем).

Неизвестная «Черная книга». Сост. Ицхак Арад. Иерусалим: Яд Вашем и М.: Гос. архив Российской Федерации, 1993.

Неправдоподобные истории. Берлин: С. Эфрон, 1922.

Огонь. Гомель: Века и дни, 1919.

Портреты русских поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922.

Раздумья. Рига: Дзинтарас, 1921.

Рвач. Париж: Наварре, 1925.

Совость народов. М.: Советский писатель, 1956.

Тень деревьев. Сост. Л. Зонина. М.: Прогресс, 1969.

Условные страдания завсегда кафе. М.: Новая жизнь, 1926.

Французские тетради. М.: Советский писатель, 1958.

Что человеку надо. М.: Худож. литература, 1937.

Шесть повестей о легких концах. Москва и Берлин: Геликон, 1922.

Я живу. СПб., 1911.

Япония, Греция, Индия. М.: Искусство, 1960.

The Black Book. Ed. with V. Grossman. Tr. by J. Glad and Y. S. Levine. New York: Holocaust Library, 1981.

- Cent Lettres. Tr. by A. Roudnikov. Paris: Hier et Aujourd'hui, 1945.
- Chekhov, Stendhal and Other Essays. Tr. by A. Bostock and Y. Kapp. London: MacGibbon & Kee, 1962.
- Duhamel, Gide, Malraux, Mauriac, Morand, Romain, Unamuno vus par un écrivain soviétique. Tr. by M. Etard. Paris: Gallimard, 1934.
- European Crossroads: A Soviet Journalist in the Balkans. Tr. by A. Markov. New York: Knopf, 1947.
- The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Disciples. Tr. by U. Vanzler. New York: Covici Friede, 1930.
- The Fall of France Seen Through Soviet Eyes. London: Modern Books, 1941.
- The Fall of Paris. Tr. by G. Shelley. New York: Knopf, 1944.
- The Life of the Automobile. Tr. by J. Neugroschel. New York: Urizen Books, 1976.
- The Love of Jeanne Ney. Tr. by H. Chrouschoff Matheson. New York: Doubleday, Doran, 1930.
- The Ninth Wave. Tr. by T. Shebunina and J. Castle. London: Lawrence and Wishart, 1955.
- Out of Chaos. Tr. by Al. Bakshy. New York: Henry Holt, 1934.
- Russia at War. London: Hamish Hamilton, 1943.
- A Soviet Writer Looks at Vienna. Tr. by I. Montagu. London: Martin-Lawrence, 1934.
- The Storm. Ed. by I. Schneider and Anne T. White, tr. by J. Fineberg. New York: Gaer Associates, 1949.
- The Stormy Life of Lasik Roitschwanetz. Tr. by L. Borochowicz and G. Flor. New York: Polyglot Press, 1960.
- A Street in Moscow. Tr. by S. Volochova. New York: Covici Friede, 1932.
- The Tempering of Russia. Tr. by Al. Kaun. New York: Knopf, 1944.
- The Thaw. Tr. by M. Harari. Chicago: Henry Regnery, 1955.
- We come as Judges. London: Soviet War News, 1945.
- What I Have Learned // The Saturday Review, 1967, September 30. P. 28—31.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Айзенштадт Я.* Наследственное дело Ильи Эренбурга // *Время и мы.* 1984. № 79. С. 153—158.
- Алилуева С. И.* Двадцать писем к другу. СПб., 1997
- Берберова Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996.
- Бунин И. А., Бунина В. Н.* Устами Буниных. Франкфурт: Посев, 1981.
- Воспоминания об Илье Эренбурге. Сост. Г. Белая, Л. Лазарев. М.: Советский писатель, 1975.
- Гинзбург Е. С.* Крутой маршрут. М.: Советский писатель, 1990.
- Горбачев Г.* Современная русская литература. Л.: Прибой, 1928.
- Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 1. New York: Most, 1981; Т. 2. 1984.
- Дементьев А. Г. В. И. Ленин и советская литература.* М.: Худож. литература, 1977.

Дементьев А. Г. Второй Всесоюзный съезд писателей — важная веха в истории советской литературы. М.: Знание, 1955.

Документы свидетельствуют. Публ. М. Емельниковой, Ю. Никифоровой // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 262—325.

Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. М.: Либрис, 1992.

Копелев Л. З. Хранить вечно. М.: Вся Москва, 1990.

Ландау Е. Мемуары, история и современность // Простор. 1962. № 6. С. 98—103.

Литературное наследство. Т. 65. Ред. В. В. Виноградов. М.: Изд. Академии Наук, 1958.

Литературное наследство. Т. 81. Ред. В. Г. Базанов. М.: Наука, 1969.

Литературное наследство. Т. 82. Ред. В. Г. Базанов. М.: Наука, 1970.

Литературное наследство. Т. 93. Ред. Г. П. Бердников. М.: Наука, 1983.

Лундберг Евг. Записки писателя, 1920—1924. Т. 1. Л.: Изд. писателей, 1930.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1990.

Некрасов В. П. Часы добра и недобра // Новое русское слово. 1986, 19 января. С. 5.

Об Анне Ахматовой. Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990.

Оклянский Ю. М. Счастливые неудачники. М.: Советский писатель, 1990.

Орлова Р. Д. Хемингуэй в России. Ann Arbor: Ardis, 1985.

Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. Ann Arbor: Ardis, 1988.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934.

Попов В. В., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т. 1. 1891—1923. СПб.: Лина, 1993.

Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г. М.: Книга, 1988.

Рильке Райнер Мария; Пастернак Б. Л., Цветаева М. И. Письма. 1926. М.: Книга, 1990.

Рубашкин А. И. Письма // Вопросы литературы. 1987. № 12. С. 160—182.

Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М.: Наука, 1969.

Русский Берлин 1921—1923. Сост.: Л. Флейшман, М. Рэфф, О. Раевская-Хьюз. Paris: YMCA Press, 1983.

Савич О. Г. Два года в Испании. М.: Советский писатель, 1961.

Синяевский А. Д., Голомисток И. Пикассо. М.: Знание, 1960.

Советские евреи пишут Илье Эренбурга, 1943—1966. Сост. М. Альтшулер, И. Арал, Ш. Краковский. Иерусалим: Яд Вашем, 1993.

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М.: Партиздат ЦУ ВКП(б), 1936.

Терещенко Н. А. Современный нигилист. Л.: Прибой, 1925.

Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1981.

Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem: Magnes Press, 1984.

Франк Анна. Дневник Анны Франк. Пер. Р. Райт-Ковалевой. М.: Иностранная литература, 1960.

Фриче В. М. Заметки о современной литературе. М.: Московский рабочий, 1928.

Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Paris: Syntaxis, 1988.

Шкловский В. Б. Зоо или письма не о любви // Шкловский В. Б. Жили-были. Воспоминания и мемуарные записи. М.: Советский писатель. 1966. С. 165—256.

Эрдман Н. Р. Пьесы. Интермедии. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990.

Эренбург И. И. Лотарингская школа. Заметки французской школы. М.: Худож. литература, 1935.

Alexandrova V. A History of Soviet Literature. Tr. by M. Ginsburg. New York: Doubleday, 1963.

Aline (pseud.) Lénine à Paris. 2d ed. Paris: Les Revues, 1929.

Alliulueva S. Only One Year. Tr. by P. Chavchavadze. New York: Harper & Row, 1969.

Altman, Ilya. Toward the History of the «Black Book» // Yad Vashem Studies 21, ed. by A. Weiss. Jerusalem, 1991.

Altshuler M., Ycikas S. Were There Two «Black Books» about the Holocaust in the Soviet Union? // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe 1. № 17 (Spring 1992) P. 37—55.

Antonov-Ovseenko, Anton. The Time of Stalin. Tr. by G. Saunders. New York: Harper & Row, 1981.

Aragon, Louis. Les Communistes (Mai 1940). Paris: La Bibliothèque Française, 1951.

Avin, Carol. Border Crossings. The West and Russian Identity, 1917—1934. Berkeley: University of California Press, 1983.

Babel, Isaac. You Must Know Everything. Ed by N. Babel. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1969.

Baron, Salo W. The Russian Jew Under Tsars and Soviets. New York: Macmillan, 1964.

Barsini, Luigi. Memories of Mistresses. Reflections from a Life. New York: Macmillan, 1986.

Beauvoir, Simone de. All Said and Done. Tr. by P. O'Brian. London: Andre Deutsch, 1974.

Beauvoir, Simone de. Force of Circumstance. Tr. by R. Howard. New York: G. P. Putnam's Sons, 1965.

- Beauvoir, Simone de.* Memoirs of a Dutiful Daughter. Tr. by J. Kirkup. Cleveland: World Publishing, 1959.
- Beauvoir, Simone de.* The Prime of Life. Tr. by P. Green. Cleveland: World Publishing, 1962.
- Bell, Daniel.* The Erosion of Soviet Ideology // The New Leader. 1963, April 15: P. 18—23.
- Bloch, Jean-Richard.* L'Homme du Communisme. Paris: Éditions Sociales, 1949.
- Blot, Jean.* Ehrenbourg entre Montparnasse et Moscou // Preuves: 1962 (January). P. 69 — 74.
- Brachfeld, Georges I.* Andre Gide and the Communist Temptation. Geneva: Librairie E. Droz, 1959.
- Brown, Clarence.* Mandelstam. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Brown, Edward J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928—1932. New York: Columbia University Press, 1953.
- Brown, Edward J.* Russian Literature Since the Revolution. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982.
- Brumberg, Abraham.* The Screws Are Tightened Again // The Reporter, 1963, May 9. P. 21 — 23.
- Cathala, Jean.* Sans fleurs ni fusil. Paris: Albin Michel, 1981.
- Cattel, David T.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley: University of California Press, 1955.
- Cattel, David T.* Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War. Berkeley: University of California Press, 1957.
- Caute, David.* The Fellow Travelers. Intellectual Friends of Communism. New Haven: Yale University Press, 1988.
- Cohen, Stephen F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York: Vintage, 1975.
- Conquest, Robert.* The Pasternak Affair. Courage of Genius. Philadelphia: Lippincott, 1962.
- Czapski, Joseph.* The Inhuman Land. Tr. by G. Hopkins. London: Chatto and Windus, 1951.
- Dabit E.* Journal Intime (1928—1936). Paris: Gallimard, 1939.
- DAV a davisti. Ed. by St. Drug. Bratislava: Obzor, 1965.
- Dubnow S. M.* History of the Jews in Russia and Poland. Vols. 2 and 3. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1918—1920.
- Duhamel, Georges.* The French Position. Tr. by B. Collier. London: Basil Collier Dent, 1940.
- Dzhirkvelov, Jlya.* Secret Servant. My Life with the KGB and the Soviet Elite. New York: Harper & Row, 1987.
- Eastman, Max.* Artists in Uniform. New York: Knopf, 1934.
- Einstein, Albert.* Out of my Later Years. New York: Philosophical Library, 1950.
- An End of Silence. Ed. By St. Cohen. New York: Norton, 1982.

Erlich, Victor. Ilya Ehrenburg Takes a Bow // Problems of Communism. 1965 (Sept-Oct.) P. 72 — 74.

Erlich, Victor. The Metamorphoses of Ilya Ehrenburg // Problems of Communism. 1965 (July-August). P. 15 — 24.

Fast, Howard. Being Red. Boston: Houghton Mifflin, 1990.

Fisher, David James. Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement. Berkley: University of California Press, 1988.

Frank, Nino. Memoire brisée. Vols 1,2. Paris: Calmann-Levy, 1967—1968.

Fyvel, T. R. The Stormy Life of Ilya Ehrenburg // Encounter. 1961 (December). P. 82 — 90.

Gide, A. Littérature engagée. Paris: Gallimard, 1950.

Gide, A. Return from the USSR. New York: Knopf, 1937.

Gilboa, Yehoshua. The Black Years of Soviet Jewry. Boston: Little, Brown, 1971.

Goldberg, Anatol. Ilya Ehrenburg. Writing, Politics, and the Art of Survival. London: Weidenfeld and Nicolson, 1984.

Goldberg, Anatol. Ilya Ehrenburg // Jews in Soviet Culture. Ed. by J. Miller. New Brunswick: Transaction, 1984.

Gómez de la Serna, Ramon. Retratos Contemporáneos. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1941.

Gorkin, Julian, El Campesino (Valentin Gonzalez). Life and Death in Soviet Russia. Tr. by I. Barea. New York: G. P. Putnam's Sons, 1952.

Gouzenko, Igor. This Was My Choice. Montreal: Palm Publishers, 1968.

Graebner, Walter. Round Trip to Russia. Philadelphia: Lippincot, 1943.

Graf, Oskar Maria. Reise in die Sovietunion. Luchterland, 1974.

Guéhenno, Jean. Journal d'Une Revolution, 1937—1938. Paris: Grasset, 1939.

Haight, Amanda. Anna Akhmatova. New York: Oxford, 1976.

Harriman, Averell W.; Abel, Elie. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. New York, 1975.

Hayman, Ronald. Sartre. New York: Simon & Shuster, 1987.

Hayward Max. Writers in Russia, 1917—1978. Ed. by P. Blake. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1983.

Heifetz, Elias. The Slaughter of the Jews in 1919. New York: T. Seltzer, 1921.

Hemingway, Ernest. For Whom the Bell Tolls. New York: Charles Scribner's Sons, 1940.

The Jews in Soviet Russia Since 1917. Ed. by L. Kochan. New York: Oxford. 1978.

Khrushchev and the Arts. The Politics of Soviet Culture, 1962 — 1964. Ed. by Pr. Johnson, L. Labedz. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1965.

Knightley, Phillip. The First Casualty. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1975.

Koestler, Arthur. Spanish Testament. London: Victor Gollancz, 1937.

- Korey, William. Ehrenburg. His Inner Jewish Conflict // Jewish Frontier. 1968 (March). P. 25 — 31.
- Korey, William. The Soviet Cage. New York: Viking, 1973.
- Labeledz, Leopold. A Chronicle of the Chill // Partisan Review. 1975. P. 99—108.
- Lacouture, Jean. Andre Malraux. Tr. by A. Sheridan. New York: Pantheon, 1975.
- Lauterbach, Richard E. These Are the Russians. New York: Book Find Club, 1945.
- Laychuk, Julian. The Evolution of I. G. Ehrenburg's *Weltanschauung* During the Period 1928—1934 // Canadian Slavonic Papers. Vol. 12. 1970 № 4. P. 395 — 416.
- Laychuk, Julian. Ilya Ehrenburg. An Idealist in an Age of Realism. Bern: Peter Lang, 1991.
- Leftwich, Joseph. Abraham Sutzkever. Partisan Poet. New York: Thomas Yoseloff, 1971.
- Lenemann, Léon. La Tragédie des Juifs en U.R.S.S. Paris: Desclee de Brouwer, 1959.
- Lenormand, Henri-Rene. Les Confessions d'un Auteur Dramatique. Vol. 2. Paris: Albin-Michel, 1953.
- Levin, Nora. The Jews in the Soviet Union Since 1917. Paradox of Survival. Vols 1, 2. New York: New York University Press, 1988.
- Literature and Revolution in Soviet Russia 1917—1962. Ed. by M. Hayward, L. Labeledz. London: Oxford, 1963.
- Lottman, Herbert R. The Left Bank. Boston: Houghton Mifflin, 1982.
- Malraux, Clara. Le Bruit de Nos Pas. Vol. 4. Paris: Bernard Grasset, 1973.
- Mandelstam, Osip. The Prose of Osip Mandelstam. Tr. by Cl. Brown. Princeton: Princeton University Press. 1965.
- Marcou, Lilly. Ilya Ehrenbourg. Paris: Plon, 1992.
- Marcou, Lilly. Ce Que Nous Voulons Faire de l'Union Sovietique (An interview with A. Yakovlev). Paris: Seuil, 1991.
- Markish, Esther. The Long Return. Tr. by D. J. Goldstein. New York: Ballantine, 1978.
- Mathewson, Rufus. Ehrenburg as Hero // Partisan Review. 1963. (Spring). P. 117—22.
- Medvedev, Roy. Nikolai Bukharin. The Last Years. Tr. by A. D. P. Briggs. New York: Norton, 1980.
- Mirsky, Dmitry S. Contemporary Russian Literature, 1881—1925. New York: Knopf, 1926.
- Morath, Inge; Miller, Arthur. In Russia. New York: Viking, 1969.
- Parker, Ralph. Moscow Correspondent. London: Frederick Miller, 1949.
- Pasternak, Boris. I Remember. Sketch for an Autobiography. Tr. by D. Magarshak. New York: Pantheon, 1959.
- Paz, Abel. The People, Armed. Tr. by N. Macdonald. Montreal: Black Rose Books, 1976.

Pinkus, Benjamin. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. Cambridge : Cambridge University Press, 1988.

Pinkus, Benjamin. The Soviet Government and the Jews, 1948—1967. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Problems of Soviet Literature. Reports and Speeches at the First Writers Congress. Ed. by H. G. Scott. Moscow: Cooperative Publishing Society of Foreign Writers in the U.S.S.R., 1935.

Putman, Samuel. Paris Was Our Mistress. New York: Viking, 1947.

Redlich, Shimon. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. The Jewish Antifascist Committee in the U.S.S.R., 1941—1948 // East European Monographs. № 108: East European Quarterly, 1982.

Redlich, Shimon. The Crimean Affair // Jews and Jewish Topics 2. 1990. № 12. P. 55—65.

Regler, Gustav. The Owl of Minerva. Tr. by N. Denny. London: Rupert Hart-Davis, 1959.

Rodin, Elisha. La-Ben. Tel Aviv: Am-Oved, 1942.

Ro'i, Yaacov. The Struggle for Soviet Jewish Emigration 1948—1967. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Rotha, Paul. The Film Till Now. London: Spring Books, 1967.

Rothberg, Abraham. The Heirs of Stalin. Dissidence and the Soviet Regime, 1953—1970. Ithaca: Cornell University Press, 1972.

Rysselberghe, Maria van. Les cahiers de la petite dame. Vols 5, 6 // Cahiers André Gide. Paris: Gallimard, 1974 et 1975.

Salisbury, Harrison E. To Moscow — And Beyond. A Reporter's Narrative. New York: Harper & Brothers, 1960.

Salisbury, Harrison E. A Journey for Our Times. New York: Carrol & Graf, 1984.

Serge, Victor. Memoirs of a Revolutionary. Tr. by P. Sedgwick. Oxford: Oxford University Press, 1980.

Shaplen, Robert. Kreuger. Genius and Swindler. New York, 1960.

Shaw, John Roger. Ilya Ehrenburg: The Career of a Soviet Writer. Ph. D. diss. University of Washington. 1960.

Shub, Anatole. An Empire Loves Hope. New York: Norton, 1970.

Souvarine, Boris. Les Mémoires d'Ehrenbourg // Preuves, 1962 (December). P. 76—81.

The Soviet Cultural Scene 1956—1957. Ed. by W. Z. Laqueur, G. Lichtheim. London: Atlantic Books, 1958.

Spanish Front. Writers on the Civil War. Ed. by V. Cunningham. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Starr, Frederick. Red And Hot. The Fate of Jazz in the Soviet Union, 1917—1980. New York: Oxford University Press, 1983.

Steinbeck, John. A Russian Journal. (With pictures by R. Capa) New York: Viking, 1948.

Stevens, Leslie C. Russian Argument. Boston: Little, Brown, 1953.

Stowe, Leland. They Shall Not Sleep. New York: Knopf, 1944.

- Sulzberger, C. L.* A Long Row of Candles. New York: Macmillan, 1969.
- Thomas, Hugh.* The Spanish Civil War. 3d ed. London: Hamish Hamilton, 1977.
- Ulam, Adam B.* The Bolsheviks. New York: Macmillan, 1974.
- Vaksberg, Arkady.* The Prosecutor and the Prey. Tr. by J. Butler. London: Weidenfeld and Nicolson, 1990.
- Vercors [Jean Bruller].* The Silence of the Sea. Tr. by C. Connolly. New York: Macmillan, 1944.
- Vercors [Jean Bruller].* The Battle of Silence. Tr. by R. Barrise. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968.
- Vorobyov, Marevna.* Mémoires d'une Nomade. Paris: Encre, 1979.
- Vovsi-Mikhoels, Natalya.* Avi Shlomo Mikhoels. Tr. by M. Ben-Iyygar. Tel Aviv: Hakibbutz Hameuchad, 1982.
- Wat, Alexandr.* My Century. The Odyssey of a Polish Intellectual. Tr. and ed. by R. Lourie. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Werth, Alexander.* The Khrushchev Phase. London: Robert Hale, 1961.
- Werth, Alexander.* Russia at War. New York: Dutton, 1964.
- Werth, Alexander.* Hopes and Fears. New York: Simon and Shuster, 1970.
- Wurmser, André.* Fidèlement Votre. Paris: Bernard Grasset, 1979.
- Yevtushenko, Yevgeny.* A Precocious Autobiography. Tr. by A. R. MacAndrew. New York: Dutton, 1963.
- Zamyatin, Yevgeny.* A Soviet Heretic. Ed by M. Ginsburg. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Биржевые ведомости
Известия
Красная звезда
Литературная газета
Правда

Haaretz
L'Humanité
Maariv
Le Monde
New York Times
Yediot Ahronot

ДОПОЛНЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Уже после выхода американского издания книги опубликован ряд произведений и писем Эренбурга, в также относящихся к нему документов; опубликованы, а частности, и некоторые тексты, которые в книге приводились по архивным источникам. Перечислю наиболее важные из них.

I. Публикации Президентского архива РФ

1. Обращение И. Г. Эренбурга к Сталину // Источник. 1997. № 1. С. 141—146.
2. Письма И. Г. Эренбурга Бухарину, Сталину, Селиху, Хрущеву и Шепилову // Источник. 1997. №2. С. 109—119.
3. «Эренбург не сделал выводов» // Источник. 2000. № 2. С. 103—112.

II. Публикации Б. Я. Фрезинского

1. Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915—1918) (совм. с Д. Зубаревым) // Звезда. 1996. № 2. С. 157—201.
2. Парижские журналы Ильи Эренбурга // Русская мысль (Париж). 1996. № 4132, 4133, 4134.
3. Леонид Мартынов и Илья Эренбург // Складчина-2. Омск, 1996. С. 525—539.
4. Андре Дерен удивлен и разобижен // Русская мысль (Париж). 1996. № 4147.
5. Илья Эренбург и Серапионовы братья // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 234—260.
6. Очень прошу вникнуть // Русский еврей (Москва). 1997. № 1. С. 18—21.
7. Помутневший Источник или О чем просили евреи Сталина // Литературная газета. 1997, 23 июля.
8. Илья Эренбург в Киеве (1918—1919) // Минувшее. Вып. 22. СПб., 1997. С. 248—335.
9. Илья Эренбург и Пабло Пикассо // Памятники культуры. Новые открытия. 1996. М., 1998. С. 166—192.
10. Великая иллюзия — Париж, 1935 // Минувшее. Вып. 24, СПб., 1998. С. 166—235.
11. Еврейская тема мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» в переписке 1961 года // Вестник Еврейского университета в Москве. 1998. № 2 (18). С. 157—169.
12. Эренбург и Бухарин // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 291—334.

13. Эренбург и Слуцкий <в составе публикации: «Борис Слуцкий в зеркале переписки с друзьями»> // Вопросы литературы. 1999. № 3. С. 288—329.

14. Письма И. Г. Эренбурга Е. Г. Полонской // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 284—330. № 2 С. 231—290.

15. Илья Эренбург в 1924—1931 годах.. Хроника. Т. 2 (совм. с В. Поповым). СПб., 2000. 363 с.

16. Илья Эренбург. Стихотворения и поэмы. Составление, вступительная статья и примечания Б. Я. Фрезинского. (Новая библиотека поэта.) СПб.: Академический проект, 2000. 816 с.

17. Эренбург и Франция // Всемирное слово. 2000. № 13. С. 77—85.

18. Письма И. Эренбурга Г. Издебской // Russian Studies. 2000. Т. 3. № 3. С. 238—257.

19. Скрещения судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич) // Диаспора (СПб.; Париж). 2001. № 1. С. 145—178.

20. Илья Эренбург в 1932—1935 годы. Хроника. Т. 3 (совм. с В. Поповым). СПб, 2001, 336 с.

21. Илья Эренбург. Несобычайные похождения. Составление, вступительная статья, комментарии Б. Я. Фрезинского. (Библиотека мировой литературы). СПб.: Кристалл, 2001. 1150 с.

22. Два «английских» сюжета прошедшего века // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 124—129.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В АНАЛИЗИРУЮЩИХ ЛУЧАХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Время неумолимо бежит вперед, засыпая прошлое сначала редким, потом густым слоем песка и пыли — из него проступает все меньше фигур и событий. Между тем, страсти, пережитые в античную эпоху, в Ассирии или в Древнем Египте, нам понятны, и, скажем, письма Плиния, переведенные на сегодняшние языки, не закрыты от читателей каменной стеной комментариев.

Наряду с патриотизмом пространства (известно, какие изуверские формы он подчас принимает) существует и патриотизм времени (тоже опасный). XX век, близкий и родной еще большинству наших современников, ушел в прошлое, и головы, повернутые вперед, радостно устремились в век XXI-й. Так вроде бы и сто лет назад Илья Эренбург смотрел вперед, жил только новым искусством и новыми стихами, многое предсказал и согражданам казался впереди идущим. Однако умный Виктор Шкловский звал его Павлом Савловичем, а сам Эренбург ценил двуликого Януса: «он видит в гору путь и путь с горы». Вот уже больше трети века Эренбурга нет на земле, и реплики: да кому это нужно и кто это теперь помнит? — ждешь с разных сторон.

Соображение про обреченность народа, не имеющего исторической памяти, стало банальностью и утешает слабо.

Америка, которую одни бранят, и которой другие втайне завидуют, подает в этом спокойный пример: её интересуют загадки нашего прошлого, интересуют попытки разобраться в наших переплетениях — верности и неверности. Вот и книга Джошуа Рубинштейна разбирается с одной из непростых судеб нашего XX века — с судьбой Ильи Эренбурга. Левое теперь везде не в почете. Сартр раньше был богом — теперь его отмыывают от левизны, ищут виновных в совращении наивного гения. Ему противостоит никем не совращенный Камю, которого отмыывать не нужно. Раннего Мальро (он тогда был ближайшим другом Эренбурга) перечеркивают послевоенным, а Эренбурга моделируют демоном-иску-

сителем. Книга Джошуа Рубинштейна написана для Запада, она ему объясняет сложность и нетривиальность фигуры Эренбурга.

У нас в России проблема сходная. Н. Я. Мандельштам называла Илью Эренбурга белой вороной. Он всегда был под перекрестным огнем: белые считали его красным, а красные — белым. Комортодоксы не верили его переходу в советские писатели (была такая формула: поскребите хорошенько Эренбурга и вы найдете — далее каждый вставлял, что хотел). Правда, в Отечественную войну его приняли все разом (от Ахматовой до Грибачева), но потом пришла оттепель (именно он дал это имя эпохе надежд и иллюзий, сформировавшей поколение, простившееся с коммунизмом) — мнения опять разделились. Ортодоксы обвиняли его в любви к Западу, а там его считали слишком советским. Теперь так считают и здесь. Молодежь не хочет ничего об этом знать, но американцев уважает. Что ж, почитаем американца...

Книга Джошуа Рубинштейна отвечает на вызов, содержащийся в поставленном к ней провокативном эпиграфе. Это суждение об Эренбурге бытовало на Западе в пору холодной войны и его в составе большого меню старательно закладывали в головы потребителям готовых блюд. Джошуа Рубинштейн взял на себя нелегкий труд разобраться с этим блюдом. В предисловии он пишет без обиняков: «Об Эренбурге говорят — как еврей он предал свой народ, как писатель — свой талант, а как человек — молчал о преступлениях Сталина». И продолжает: «Но при более близком взгляде на жизнь Эренбурга, более оснащенном знанием фактов, открывается стойкое постоянство, которое сейсмические сдвиги истории, в случае Эренбурга, всегда затемняли. Его западные и советские хулители проходили мимо (каждый по своим причинам, добавим от себя — Б. Ф.) и актов независимости от сталинской политики, и полной боли реакции на Холокост, и прошедшее через всю жизнь противостояние антисемитизму, как и значение писателя для советских граждан, чтивших его за старание поддерживать нерушимой связью России с искусством и культурой Европы».

Такова главная тема этой литературно-политической биографии. Биографии, буквально нашпигованной фактами, документами, цитатами, свидетельствами. Автор предупреждает читателя: он хочет быть биографом, который пытается понять и объяснить, а не оценить и осудить. Что и говорить, такой подход, а Рубинштейн выдерживает его на протяжении всей книги, очень близок к забытой теперь русской интеллигентской традиции — у нас ныне сплеча рубят всех и вся, забыв чеховский завет: «Обвинителей, прокуроров и жандармов и без нас много» (Эренбург разделял мысль Чехова, часто её цитировал; надо полагать, она произвела должное впечатление и на автора этой книги).

Джошуа Рубинштейн родился в США в 1949 году (его бабушки и бабушки — выходцы из Пинска, Бердичева, Вильно и Каунаса, но уже отец и мать родились в Америке). По окончании Колумбийского университета (одной из его специальностей стала русская литература)

Джошуа занимался историей диссидентского движения в России; и поныне он возглавляет американское региональное отделение организации «Amnesty international». Два издания выдержала его книга «Советские диссиденты. Их борьба за права человека» (1980, 1985). Он хорошо знает эту тему и отголоски его знания можно почувствовать в книге об Эренбурге. Американец послевоенного поколения, Рубинштейн хорошо знает положение дел в СССР, все прелести нашего тоталитарного режима и потому понимает, как трудно было противостоять этому режиму, почему это мало кому удавалось (а в некоторые исторические периоды — почти никому).

На идею заняться биографией Эренбурга Рубинштейн натолкнули беседы с русскими диссидентами — многие называли ему эренбурговскую «Оттепель». Так у него возникла мысль о том, что литературно-общественная деятельность Ильи Эренбурга способствовала формированию поколения тех, для кого неприятие тоталитаризма стало делом жизни. Чем больше Рубинштейн погружался в оказавшуюся почти безбрежной тему, тем настойчивее становились его поиски и тем более впечатляющими казались ему результаты.

Тринадцать лет (1982—1995) Рубинштейн работал с типично американской энергией и, думается, с неожиданно русским самозабвением. Не один год я наблюдал его в процессе работы и видел, как стремительно разрастались знания, с каждым годом становясь, как и его русский язык, все богаче. Настало время, когда Джошуа стал не только задавать вопросы, но и сообщать нечто здесь неизвестное — речь идет об информации из зарубежных и недоступных тогда у нас источников. Надо сказать, что на Западе Рубинштейн досконально изучил все, связанное с Эренбургом, — в библиотеках и архивах разных стран, беседуя с людьми, в разное время встречавшимися с Эренбургом (читателя, несомненно, поразило обилие интервью, взятых автором в различных странах и континентах, и масштабность перечня проинтервьюированных лиц). Из этой мозаики постепенно и складывался портрет Эренбурга. Начавшаяся в СССР перестройка создала Рубинштейну возможность работы в наших архивах и с нашими (как правило, запуганными режимом) людьми. В СССР он работал с той же американской тщательностью, выходявшей подчас за пределы узко рабочей задачи. Перестройка существенно облегчила его работу и потому еще, что в ходе неё впервые вышли издания, представившие тексты Эренбурга без цензурных изъятий и достаточно подробно прокомментированные. Дотошные читатели этой книги без труда установят, что все это Рубинштейном пристально изучено, а иногда и перепроверено по ссылкам на архивы.

Надо сказать, что книга Джошуа Рубинштейна — не первая вышедшая на Западе об Илье Эренбурге. Фигура писателя давно вызывала там интерес, и, хотя времена, когда он был не только мишенью для ядовитых политических стрел, но и объектом поклонения, отошли (уже треть века, как «современного нигилиста», «политического эмиссара Стали-

на», «великого борца против войны и фашизма» и «человека оттепели» нет в живых), его имя не забыто.

Счет новым трудам об Эренбурге в конце XX века открыла книга А. М. Гольдберга, популярнейшего в годы нашего застоя обозревателя русской службы Би-би-си. Она увидела свет в Лондоне в 1984 году (автор немного не дождался выхода книги). В ней на 280 страницах текста изложена политическая биография Эренбурга, которого Гольдберг встречал на Западе еще в 1920-е годы, и этот рассказ, осуществленный с несомненной внутренней симпатией к герою, рассказ, не скрывающий ни восхищения, ни горечи, стал первой на Западе попыткой взвешенного, объективного повествования о жизненном пути писателя в контексте его времени (дополнительную ценность книге сообщала публикация 11 не печатавшихся прежде документов — писем Эренбурга Сталину, Хрущеву и т. д. — они были нелегально переданы Гольдбергу дочерью писателя И. И. Эренбург).

С начала 1990-х годов одна за другой вышли четыре монографии об Эренбурге — две по-английски и две по-французски. Это книги американца М. Клименко (Нью-Йорк, 1990): банальные провинциально-университетские лекции, в которых всего понемногу — о политике и о времени, о стихах и о стиле, о скептицизме и конструктивизме и т. д.; канадца Дж. Лейчука (Берн, 1991): подробное хронологическое повествование с обширной, но небрежной библиографией до начала 1980-х годов (то есть без тех существенных публикаций последующего времени, которые ввели в обращение новые материалы — неискаженные цензурой тексты Эренбурга, его переписку, биографические документы — без них биография писателя уже немислима); парижанки, а прежде варшавянки Е. Берар (Париж, 1991) и парижанки, а прежде жительницы Румынии Л. Марку (Париж, 1992): литературно-политические биографии, насыщенные массой фактического материала, в том числе и прежде неизвестного. Можно пожать плечами: что за американцы? и даже: что за француженки? Но не об этом речь.

Из перечисленных книг наибольший резонанс (даже в России) имела книга Евы Берар «Бурная жизнь Ильи Эренбурга» (фрагменты её печатались в 1993 г. в «Звезде», её рецензировали «Вопросы литературы»). Дополнительный вес этой книге придало предисловие Ефима Эткинда. В годы оттепели посылавший свои надписанные книжки «очень дорогому писателю, поэту и человеку Илье Григорьевичу Эренбургу», Эткинд был изгнан из СССР, и, став парижским мэтром, аттестовал умершего Эренбурга уже как посредственного романиста, слабого поэта и автора мемуаров, которые «далеко не шедевр жанра». Монография Евы Берар, отмеченная тонкой иронией автора, в которой ощущалась прежняя, перегоревшая любовь к герою книги, вполне соответствовала безапелляционному тону предисловия.

В приведенный перечень по жанру не вписывается созданное на Западе и вышедшее по-русски отдельным изданием эссе Бориса Пара-

монова «Портрет еврея» (Петербург-Париж, 1993) — по существу это философский фельетон, точнее: фельетон, оснащенный грузом литературно-философской эрудиции автора. Книжка Парамонова интересна бойко выраженными спорными мыслями, неординарна, но самый стиль её избавляет от необходимости о ней здесь говорить — речь ведь идет о капитальных монографиях (понятно однако, что жанр сам по себе — отнюдь не гарантия глубины и обстоятельности).

Характерно, что все эти книги, содержащие в заглавии имя Ильи Эренбурга, имели еще и подзаголовки, определяющие ракурс, в котором рассматривалась судьба героя. У Гольдберга это «Писательство. Политика. Искусство выживания», у Клименко «Попытка литературного портрета», у Лейчука «Идеалист в эпоху реализма», у Берар «Еврей, русский, советский», у Марку «Человек своего века» — они все характерны и говорят о направлениях книг (второй и четвертый подзаголовки — вполне советские, что естественно выдает взгляды и ориентацию их авторов).

Подзаголовок книги Джошуа Рубинштейна — «Жизнь и время Ильи Эренбурга» — столь же определенно говорит о широкоохватной задаче, поставленной автором. Эта монография — не первая, знакомящая западного читателя с биографией русского писателя, но первая зарубежная книга об Эренбурге, которая выходит в России. Выходит не случайно и безусловно своевременно.

Сорок лет назад нелегко было найти в СССР человека, который бы не слышал имени Эренбурга (говоря об эпохе, которой был свидетелем). Общественно-литературная деятельность писателя в годы оттепели (напомню, что именно он окрестил эту эпоху столь емким и не принятым тогдашней властью словом), шесть книг его мемуаров, открывшие молодому поколению панораму культурной и политической жизни страны и мира в первые две трети XX века, включая прорыв до того запрещенных, изъятых из оборота имен и событий — все это было на устах читающей страны. А уж во время Отечественной войны его имя знали все — на фронте и в тылу зачастую день начинался с чтения едва ли ежедневных яростных статей Эренбурга в «Красной звезде»; об этом существует масса мемуарных и эпистолярных свидетельств: от маршалов до рядовых. Теперь же выросло и утвердилось в жизни поколение, которое, пожалуй, этого имени не знает вовсе, а может, быть, даже и два таких поколения. Причин тому несколько. Во-первых, сразу после смерти Эренбурга (1967 год) власти практически запретили издание его лучших книг, а о мемуарах «Люди, годы, жизнь» даже простые упоминания цензура вымарывала — там, где дома книг Эренбурга не было, молодежь вырастала без них. С другой стороны, так сложилось, что значительная часть эренбурговских читателей (и почитателей, и оппонентов) эмигрировала из СССР. В перестройку, которая открыла многие шлюзы, в страну хлынула такая лавина информации, что книжному рынку стало в общем-то не до Эренбурга (к тому же политические препоны сменились

экономическими). На двенадцать лет растянулось издание 8-томного прокомментированного собрания его лучших сочинений — но, слава Богу, завершилось и оно; вышел по существу академический том стихов Эренбурга в «Новой библиотеке поэта»; в журналах, альманахах и сборниках опубликована значительная часть его переписки и многие исторические документы, имеющие к Эренбургу прямое отношение.

Таким образом, перевод книги Дж. Рубинштейна в России появляется, с одной стороны, когда литературно-общественная деятельность писателя неизвестна многим читателям, либо знакома по сугубо предвзятым, исторически ошибочным и ложным оценкам, а, с другой стороны, когда заинтересованному российскому читателю в принципе доступно практически все наследие писателя, которое раньше было за семью печатями.

Читателю этого издания книги Дж. Рубинштейна, думаю, интересно будет узнать, что его основательный, строго объективный, увлеченный и увлекательный труд пользуется большим успехом за рубежом (в США вышло уже два издания, готовятся переводы на другие языки). Об успехе, разумеется, можно судить и по обилию положительных рецензий (из широкого спектра откликов разных авторов — от Сульцбергера до Парамонова — упомяну только статьи Р. Пайпса в литературном приложении к «Таймс» 4 октября 1996 и Т. Венцловы в «Нью рипаблик» от 16 сентября 1996). Словом, книга Дж. Рубинштейна открыла англоязычным читателям в жизни и судьбе Ильи Эренбурга нечто совершенно им неведомое.

Название книги (*Tangled loyalties* — буквально: запутавшиеся верности) нелегко перевести на русский: русское «верность», как и лояльность, не имеет множественного числа. Слово «верность» с конца 1930-х годов — ключевое в словаре Эренбурга. Так называется сборник его стихов, вышедший в Москве в 1941-м, так названы и два очень важных для Эренбурга стихотворения 1939 и 1958 годов; слово это возникает на самых исповедальных страницах мемуаров «Люди, годы, жизнь». Поэтому именно строка: «Верность сердцу и верность судьбе» из стихотворения «Верность» точнее всего передает смысл, вложенный автором в название его монографии (такой перевод авторизован Рубинштейном, хотя возможно, эта строка романтичнее того, как хотелось бы ему назвать свою книгу). Так, из мыслимого автором переплетения выделяются всего две нити, но поэтические, следовательно, многозначные — на их столкновении построено немало трудно распутываемых коллизий в жизни и судьбе Ильи Эренбурга.

Мотив верности искусству и верности тому выбору, который, по мысли Эренбурга, сделала Россия в разгул революции, как и верности личному выбору писателя (он определился в 1931 году): верности республиканской Испании и демократической, антифашистской Франции, верности России, всем её мукам XX века — едва ли не главный в концепции книги Рубинштейна. Это, разумеется, не означает, что ав-

тор пытается спрямить биографию Эренбурга, обойти острые углы или огорчительные моменты (скажем, участие писателя в антиамериканской кампании конца 1940-х годов, инициированной лично Сталиным), но всякий раз Рубинштейн считает необходимым понять, почему все произошло так, а не иначе.

400 страниц основного текста книги Рубинштейна и 100 страниц примечаний (для специалистов и читателей, интересующихся подробностями, — не менее увлекательных) — это 13 лет работы: загадок и постепенных разгадок.

У Рубинштейна нет комплекса американских политологов, связанных с эпохой идеологического обеспечения холодной войны, он свободен в своих выводах и суждениях, и это существенно облегчило ему работу.

Мне кажется, что читательская аудитория этой книги в России будет чрезвычайно широкой — каждый грамотный непредвзятый читатель найдет в ней для себя массу интересного. Конечно, российскому профессионалу книга Рубинштейна интересна прежде всего его западными раскопками. Их много: это и многочисленные свидетельства американской и израильской прессы, доклады посольства США в Москве Госдепартаменту, фрагменты неизвестных у нас воспоминаний Н. Франка, Л. Барзини, Г. Реглера, С. де Бовуар, М. Фриша, А. Гарримана, Р. Гомеса де ла Серны, М. Намира, секретарши А. Жида и т. д. Столь же интересны и часто цитируемые многочисленные интервью автору, хотя подчас создается ощущение недостаточной критичности к этим сообщениям.

Книга строится как биографическое, хронологизированное повествование; в её основе не поэтические домыслы, а добытые факты. Общая канва жизненной хроники Эренбурга и те акценты, которые делает в ней Рубинштейн, в целом не вызывают возражений. Жизнь Эренбурга (очень длинный и очень увлекательный роман) всесторонне охватить даже в такой серьезной книге невозможно. И все же разговор о публицистике Эренбурга 1918—1919 годов мог быть более подробным (это, кстати, вполне удалось Е. Берар), как, впрочем, и обсуждение конструктивистских увлечений молодого Эренбурга (книга «А все-таки она вертится» и журнал международного авангарда «Вещь», издававшийся вместе с Эль Лисицким в Берлине в 1922 г., конечно, упоминаются, но мимоходом). Или сюжет, связанный с кризисом Эренбурга 1929—1931 годов (его истоками была суперпозиция идеологических ужесточений в СССР и международного финансового кризиса). В качестве основной причины, толкнувшей тогда Эренбурга в объятия Сталина, Рубинштейн рассматривает нарастающую фашистскую угрозу. Между тем, помимо угроз и опасений были также иллюзии, и, прежде всего, иллюзия «революции с человеческим лицом» (такой увидел Эренбург испанскую революцию в 1931 году), иллюзия «нового человека», в которую писатель заставил себя поверить, побывав в Кузнецке в 1932-м. Обе эти поездки (Испания и Кузбасс) необычайно важны в биографии Эренбурга, по-

сколько укрепили его на выбранном пути; они заслуживают большего внимания.

Две темы особенно близки автору книги и особенно тщательно им исследуются — тема «писатель и тоталитарное государство» и еврейская тема.

О взаимоотношениях Эренбурга с советской властью на Западе писали давно и много (особенно это занимало русских эмигрантов, скажем, Р. Гуля — когда-то дружившего с Эренбургом, а потом его возненавидевшего). В критическом плане эта тема в СССР была предметом лишь «разговоров на кухне». Интервью и зарубежные документы позволили Рубинштейну сказать здесь немало нового. Заметим также, что тема «Эренбург и советские диссиденты» впервые рассмотрена именно Рубинштейном — исторично и тщательно.

Еврейская тема применительно к Эренбургу казалась в СССР актуальной, когда заходила речь лишь о событиях 1948—1953 годов. Эренбург всегда подчеркивал, что он — русский писатель и проблема еврейства для него сводится к проблеме антисемитизма. В СССР все это было публично не обсуждаемо (само слово «еврей» считалось едва ли не запретным: что Эренбург — в книге Ф. Левина о Бабеле, изданной в 1972 г., не сыскать этого слова!) В западных публикациях последнего десятилетия еврейская тема применительно к Эренбургу обсуждалась — в эссе Ш. Маркиша, основанном на аргументированном анализе литературных текстов, в упомянутой книжке Б. Парамонова, наконец, в монографии Евы Берар, где именно еврейская тема (особенно сюжет 1948 года) стала главным мотивом осуждения Эренбурга. Отмечу, что уже и у нас появились публицистические выступления об этом (скажем, статья Б. Сарнова в журнале «Алеф»; сошлюсь и на свою полемику с М. Гореликом в журнале «Народ Книги в мире книг»). Дж. Рубинштейн уделяет еврейскому вопросу и эволюции взгляда Эренбурга на него много места (три главы посвящены этому целиком). Он подробно рассказывает о работе Эренбурга в Еврейском антифашистском комитете и о судьбе «Черной книги», об отношении писателя к государству Израиль (здесь помимо известной статьи Эренбурга «По поводу одного письма» и переведенных у нас воспоминаний Г. Меир, впервые использованы чрезвычайно информативные мемуары на иврите М. Намира). В итоге читатель не может не понять, что, если для Г. Меир пылкие проявления солидарности с Израилем десяти тысяч энтузиастов в Москве 1948 года самодостаточны, то Эренбург в своих действиях исходил из того, чем московские демонстрации на улице Архипова обернутся для всего еврейского населения СССР. Обсуждая позицию Эренбурга, автор не переqualифицируется в адвоката — для него важна истина, а не положительная репутация героя во что бы то ни стало, и это придает его книге особую убедительность.

Там, где Рубинштейн обладает меньшей документальной базой, он менее убедителен; применительно к еврейским сюжетам — это глава о

детстве (само её название «От черты оседлости до Парижа» ошибочно, ибо и Киев, и Москва, где прошло детство Эренбурга, в черту оседлости, разумеется не попадали; некоторые вещи в этой главе поправлены для настоящего издания, некоторые остались — скажем, деда Эренбурга автор называет Борис Аринштейн, хотя он был Беркой Зеликовичем Аринштейном, как писали киевские газеты в некрологах 1904 года). Понятно, что в больших работах мелких неточностей не миновать — но в процессе редактирования перевода большинство из них автором устранено, в необходимых случаях редактором сделаны соответствующие примечания.

Есть в книге Рубинштейна еще одна тема, которой не очень-то принято было у нас касаться, — тема личной жизни писателя. Американская традиция иная, и Дж. Рубинштейн описывает взаимоотношения Эренбурга с его женами и возлюбленными, основываясь на рассказах «очевидцев», и здесь, мне кажется, ему не всегда хватало такта (хотя, конечно, на фоне сочинений г-на Б. Носика это повествование может показаться скорее пуританским).

Книга Дж. Рубинштейна — итог многолетних и тщательных трудов — сочетает стремление к истине с любовью к герою повествования, а это, полагаю, принесет ей успех на родине Ильи Эренбурга.

Борис Фрезинский

P. S.

Русский перевод книги Джошуа Рубинштейна об Илье Эренбурге появляется едва ли не одновременно с почти восьмисотстраничной монографией Г. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М.: Международные отношения, 2001), книгой, содержащей более тысячи двухсот ссылок на многочисленные источники, включая архивные (есть среди них и ссылка на американское издание книги Рубинштейна об Эренбурге). На страницах этого труда не только упоминается имя Ильи Эренбурга, но и предлагается трактовка нескольких важных (применительно к обозначенной в заголовке книги темы) эпизодов деятельности писателя. Это сюжеты 1945 г. (статья Александра «Товарищ Эренбург упрощает» и судьба запрещенной Сталиным «Черной книги»), 1948 г. (статья Эренбурга «По поводу одного письма» и столкновение с Г. Меир) и 1953 г. (история с отказом Эренбурга подписать коллективное письмо евреев в «Правду» и его обращением к Сталину). Все эти существенные для биографии писателя сюжеты подробно и многоаспектно рассматриваются в книге Рубинштейна. В то же время в их изложении автором «Тайной политики Сталина» очевидны предвзятость и односторонность; он трактует деятельность Ильи Эренбурга, чья борьба с антисемитизмом в СССР общепризнанна, всего лишь как раболопное исполнение заданий Крем-

ля «искусным пропагандистом сталинской политики». Автор демонстрирует поверхностное знание как биографии Эренбурга, так и существования тех исторических обстоятельств, в которых ему приходилось действовать. Недаром, заметим попутно, издавая книгу Костырченко, солидное издательство «Международные отношения» вынуждено было предупредить читателей: оно «не считает нужным скрывать, что не согласно с отдельными оценками автора, в частности, касающимися персональных характеристик ряда государственных и общественных деятелей, представителей культуры» (с. 12).

Не останавливаясь на всех перечисленных сюжетах, отмечу лишь, что в изложении событий января—февраля 1953 года Костырченко создает у читателя неверное впечатление, будто Эренбург подписал первый вариант коллективного письма 58 знаменитых евреев СССР в «Правду», вызвавший ощущение надвигающейся угрозы для еврейского населения СССР. Это достигается, с одной стороны, тем, что не указана дата обращения писателя к Сталину (3 февраля 1953 г.), фиксирующая момент отказа подписать письмо в «Правду», а хронология подготовки письма в аппарате ЦК приводится после описания реакции Эренбурга. И, с другой стороны, тем, что смазывается принципиальная разница между первым, до сих пор не опубликованным, вариантом письма в «Правду», подготовленным в январе 1953 г. (именно его в январе — первых числах февраля отказались подписать несколько человек, хотя их имена и стояли уже в гранках письма; а Эренбург не только не подписал, но и обратился с письмом к Сталину, найдя такие аргументы и такой тон послания, которые единственно и могли убедить диктатора отменить планируемую акцию; замечу, что Костырченко подчеркнуто пренебрежительно характеризует этот мужественный поступок писателя) и последним вариантом этого письма (подготовленным под редакцией Шепилова уже после того, как Сталин прочитал письмо Эренбурга), почти не касавшимся темы «врачей-убийц» и посвященным в основном «критике» сионизма и Израиля, а, стало быть, не содержащим угрозы для евреев СССР и свидетельствовавшим о несомненном «отбое» начатой кампании. Именно этот последний «неопасный» вариант письма евреев в «Правду» и был в 1997 году опубликован коллегами Костырченко в журнале «Источник» под видом того обращения, которое не подписал Эренбург, обратившись в связи с ним к Сталину (подробнее об этом см. мою статью «Помутневший Источник, или О чем просили евреи Сталина» — «Литературная газета», 23 июля 1997 г.). То, что переживали многие вынужденные тогдашние подписанты первого варианта письма в «Правду», читатель может почувствовать, обратившись к психологически точным страницам великого романа Вас. Гроссмана «Жизнь и судьба», повествующим о муках Виктора Штрума.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абакумов В. С. 242
 Аджубей А. И. 376
 Айзенштадт Я. 486
 Айхенвальд Ю. И. 54
 Аксенов В. П. 18, 272, 390, 426, 462
 Аксинский В. 465
 Александр I, имп. 19
 Александр I Карагеоргиевич 146
 Александр II, имп. 19, 157
 Александр III, имп. 424
 Александров Г. Ф. 242—244, 278, 452, 504
 Александрова В. 488
 Алексеев, посол 409
 Алигер М. И. 231, 300, 321, 324, 329, 330, 380, 419, 421, 426, 466, 469, 473, 477, 482
 Аллилуева Н. С. 337
 Аллилуева С. И. 285, 336, 337, 412, 413, 461, 463, 464, 469, 470, 486, 488
 Альберти Р. (Alberti) 170, 171, 193, 426
 Альенде С. (Aliende) 320
 Альтер В. 218, 219, 454
 Альтман Н. И. 421
 Альтшулер М. (Altshuler) 429, 457, 471, 487, 488
 Амаду Ж. (Amado) 312
 Амальрик А. А. 18
 Андерс В. (Anders) 212
 Андерсон Ш. (Anderson) 148
 Андреева Е. А. см. Бальмонт Е. А.
 Антокольский П. Г. 324
 Антонов-Овсенко А. В. 488
 Антонов-Овсенко В. А. 172, 183, 447, 488
 Аполлинер Г. (Apollinaire; Kostrowicky G. Ap.) 42, 44, 82, 368
 Арагон Л. (Aragon) 143, 154, 156, 158, 195, 289, 298, 312, 316, 317, 334, 378, 408, 421, 451, 460, 488
 Арад И. 429, 456, 487
 Аренштейн Л. 21, 22, 429
 Аржак Н., псевд. см. Даниэль Ю. М.
 Аринштейн (Аренштейн) Б. З. 20, 21, 504
 Аринштейн (Аренштейн) Х. Б. см. Эрэнбург А. Б.
 Ариэл Д. 425
 Ариэл К. 425
 Астрей М. (Astray) 187
 Астье де ла Вижери, м-м 426
 Ахматова А. (Горенко А. А.) 15, 40, 75, 111, 141, 144, 202, 261, 262, 270—273, 293, 312, 314, 330, 351, 359, 368, 410, 446, 452, 461, 462, 467, 475, 487, 490, 497
 Аш Ш. 232
 Бабель Е. Б. 314, 315
 Бабель И. Э. 8, 16, 76, 97, 144, 145, 149, 155, 157, 163, 164, 166, 175, 185, 186, 189, 190, 192, 271, 305, 312—319, 331, 333, 368, 419, 441, 449, 467—470, 475, 488, 503
 Бабель Н. И. 315, 316, 426, 451, 467, 488
 Бабенышева С. 426, 469
 Бабеф Ф. Н. (Babeuf) 118
 Бажан М. (Н. П.) 482
 Базанов В. Г. 487
 Бальзак О. де (Balzac) 142
 Бальмонт Е. А. 44
 Бальмонт К. Д. 38, 44, 54, 58, 94
 Барбюс А. (Barbusse) 154
 Баренбойм А. М. 476
 Барзини Л. (Barzini) 133, 443, 488, 502

---

* Составил М. Д. Эльзон.

- Баррис Р. 426
 Барту Ж.-Л. (Bartou) 146
 Бассани Д. 477
 Батя Т. (Bata), фабрикант 124
 Бах И. С. (Bach) 72
 Бейлис М.-М. 463
 Бек А. А. 324
 Беккет С. (Beckett) 387
 Белая Г. А. 452, 486
 Белл Д. (Bell) 181, 489
 Бёлль Г. (Büll) 424
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 75, 96, 97, 326
 Бен-Гурион Д. 344, 346
 Бенда Ю. (Benda) 266
 Бененсон П. (Benenson) 482, 483
 Бентон У. (Benton) 253, 256
 Берар Е. 499—503
 Берберова Н. Н. 83, 426, 435, 480, 486
 Бергамин (Bergamin) 182
 Бергельсон Д. Р. 219, 287, 292, 343, 344, 454
 Бердников Г. П. 487
 Бердяев Н. А. 79
 Беренбаум М. 425
 Берия Л. П. 218
 Бернал Д. Д. (Bernal) 359, 386
 Бернанос Ж. (Bernanos) 179
 Бетховен Л. ван (Beethoven) 406
 Бидо Ж. (Bidault) 237
 Билютин Э. 373, 380
 Биргер Б. 426, 428, 445, 476, 479, 482
 Бирнс Д. 247, 248, 253
 Блок А. А. 58, 75, 433
 Блок Ж.-Р. (Bloch) 143, 145, 147, 154, 170, 216, 225, 389, 453, 457, 489
 Блюм Л. (Blum) 135, 168, 171, 191
 Блюмель Аю (Blumel) 349, 420
 Бовуар С. де (Beauvoir) 133, 387, 443, 447, 450, 478, 481, 488, 489, 502
 Богораз Л. И. 407, 426, 462, 478
 Бодлер Ш. (Baudelaire) 131
 Боннар П. 166
 Босток А. (Bostock) 486
 Бостунич Г. В. 94, 437
 Брантинг Г. 386
 Брегман С. 295
 Брежнев Л. И. 8, 31, 358, 395, 396, 400, 405, 407, 409, 422, 474, 480
 Бретон А. (Breton) 134, 155, 156, 378, 446
 Брехт Б. (Brecht) 155
 Брик О. М. 438
 Брод М. (Brod) 389
 Бродские, сахарозаводчики 23, 429
 Бродский А. 302
 Бродский И. А. 18, 302, 397, 398, 426, 466, 478
 Бронштейн О. Д. см. Каменев О. Д.
 Браумберг А. (Brumberg) 426, 489
 Брюсов В. Я. 40, 58, 75, 94, 432
 Буковский В. К. 419, 481
 Булгаков М. А. 165, 305
 Бунин И. А. 54, 55, 83, 435, 486
 Бунина В. Н. 435, 486
 Бурлюк Д. Д. 59
 Бухарин Н. И. («Бухарчик») 9, 10, 27—29, 35, 36, 74, 77—79, 89, 90, 95, 97, 104, 105, 117, 118, 136, 137, 141—150, 162, 166, 167, 175, 186—191, 197, 204, 363—365, 393, 430, 436, 439, 444, 445, 449, 489, 491, 494
 Вайян Р. Ф. (Вайан, Vailland) 404
 Ваксберг А. И. (Vaksberg A.) 463, 493
 Ван Бетховен Л. см. Бетховен Л.
 Ван Риссельберг М. см. Риссельберг М. ван
 Василевский И. М. 96, 97
 Василенко Н. Г. 362, 384, 426, 474
 Васильев Г. Н. 172
 Васильев П. Н. 185
 Васильев С. Д. 172
 Ват А. (Wat) 174, 448, 493
 Вейль С. (Weil) 179, 448
 Веншлова Т. 501
 Верди Д. (Verdi) 248
 Веркор (Vercors; Bruller J.) 324, 426, 468, 493

- Баррис Р. 426
 Барту Ж.-Л. (Bartou) 146
 Бассани Д. 477
 Батя Т. (Bata), фабрикант 124
 Бах И. С. (Bach) 72
 Бейлис М.-М. 463
 Бек А. А. 324
 Беккет С. (Beckett) 387
 Белая Г. А. 452, 486
 Белл Д. (Bell) 181, 489
 Бёлль Г. (Böll) 424
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 75, 96, 97, 326
 Бен-Гурион Д. 344, 346
 Бенда Ю. (Benda) 266
 Бененсон П. (Benenson) 482, 483
 Бентон У. (Benton) 253, 256
 Берар Е. 499—503
 Берберова Н. Н. 83, 426, 435, 480, 486
 Бергамин Х. (Bergamin) 182
 Бергельсон Д. Р. 219, 287, 292, 343, 344, 454
 Бердников Г. П. 487
 Бердяев Н. А. 79
 Беренбаум М. 425
 Берия Л. П. 218
 Бернал Д. Д. (Bernal) 359, 386
 Бернанос Ж. (Bernanos) 179
 Бетховен Л. ван (Beethoven) 406
 Бидо Ж. (Bidault) 237
 Билютин Э. 373, 380
 Биргер Б. 426, 428, 445, 476, 479, 482
 Бирнс Д. 247, 248, 253
 Блок А. А. 58, 75, 433
 Блок Ж.-Р. (Bloch) 143, 145, 147, 154, 170, 216, 225, 389, 453, 457, 489
 Блюм Л. (Blum) 135, 168, 171, 191
 Блюмель А. (Blumel) 349, 420
 Бовуар С. де (Beauvoir) 133, 387, 443, 447, 450, 478, 481, 488, 489, 502
 Богораз Л. И. 407, 426, 462, 478
 Бодлер Ш. (Baudelaire) 131
 Боннар П. 166
 Босток А. (Bostock) 486
 Бостунич Г. В. 94, 437
 Брантинг Г. 386
 Брегман С. 295
 Брежнев Л. И. 8, 31, 358, 395, 396, 400, 405, 407, 409, 422, 474, 480
 Бретон А. (Breton) 134, 155, 156, 378, 446
 Брехт Б. (Brecht) 155
 Брик О. М. 438
 Брод М. (Brod) 389
 Бродские, сахарозаводчики 23, 429
 Бродский А. 302
 Бродский И. А. 18, 302, 397, 398, 426, 466, 478
 Бронштейн О. Д. см. Каменева О. Д.
 Брумберг А. (Brumberg) 426, 489
 Брюсов В. Я. 40, 58, 75, 94, 432
 Буковский В. К. 419, 481
 Булгаков М. А. 165, 305
 Бунин И. А. 54, 55, 83, 435, 486
 Бунина В. Н. 435, 486
 Бурлюк Д. Д. 59
 Бухарин Н. И. («Бухарчик») 9, 10, 27—29, 35, 36, 74, 77—79, 89, 90, 95, 97, 104, 105, 117, 118, 136, 137, 141—150, 162, 166, 167, 175, 186—191, 197, 204, 363—365, 393, 430, 436, 439, 444, 445, 449, 489, 491, 494
 Вайян Р. Ф. (Вайан, Vailland) 404
 Ваксберг А. И. (Vaksberg A.) 463, 493
 Ван Бетховен Л. см. Бетховен Л. ван
 Ван Риссельберг М. см. Риссельберг М. ван
 Василевский И. М. 96, 97
 Василенко Н. Г. 362, 384, 426, 474
 Васильев Г. Н. 172
 Васильев П. Н. 185
 Васильев С. Д. 172
 Ват А. (Wat) 174, 448, 493
 Вейль С. (Weil) 179, 448
 Веншлова Т. 501
 Верди Д. (Verdi) 248
 Веркор (Vercors: Bruller J.) 324, 426, 468, 493

- Верлен П. (Verlaine) 44
 Верт А. (Werth) 182, 208, 413, 414, 448, 452, 478, 481, 493
 Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан) 354
 Вигдорова Ф. А. 335, 336, 384, 397, 398, 478
 Вийон Ф. (Villon) 43, 206
 Вильгельм II 45, 151
 Вильсон В. (Wilson) 151
 Виноградов В. В. 487
 Вишневский В. В. 172, 182
 Вишняк А. Г. 96, 97
 Вишняк В. Л. 96, 97
 Вишняк Жак (Vichniac) 261, 426, 438, 442, 448, 450, 460
 Вишняк Жерар 426, 438
 Вишняк И. 261, 426, 438, 442, 448, 460
 Вишняк Р. 96
 Владимов Г. (Волосевич Г. Н.) 18
 Власов А. А., генерал 223, 224
 Вовси-Михоэлс Нат. С. 314, 426, 463, 464, 493
 Вовси-Михоэлс Нина С. 314, 354, 426
 Вознесенский А. А. 378, 379, 424, 426, 477
 Войнович В. Н. 18, 363, 426, 482
 Волин Б. (Фрадкин Б. М.) 100, 114, 118—120, 438, 441
 Волошин М. (Кириенко М. А.) 43, 45, 54, 56, 57, 61, 68, 70—72, 208, 330, 452, 494
 Воробьева М. Б. (Воробьева-Стебельская) 42, 43, 47, 48, 432, 493
 Воронский А. К. 89, 113, 114, 120, 436, 438
 Ворошилов К. Е. 150, 466
 Врангель П. Н. 71, 73, 74
 Вулих Т. 37, 38
 Вульф В. (Woolf) 181
 Высоцкие, частотровцы 429, 430
 Вышинский А. Я. 57, 167, 454
 Галактионов М. Р. 252—254, 259
 Галансков Ю. Т. 408, 480
 Галилей Г. (Galilei) 131, 271, 485
 Галкин С. З. 287, 295
 Гамсараган Д. 426
 Гамсун К. (Hamsun; Pedersen K.) 31
 Ганди И. (Gandhi) 320
 Ганс А. 115
 Гарри А. (Эрлих И. Л.) 139
 Гарриман А. (Harriman) 458, 490, 502
 Гарсия Х., псевд. см. Савич О. Г.
 Гвабар К. Р. 159
 Геббельс Й. (Goebbels) 240, 262
 Гейне Г. (Heine) 142, 214, 215, 224, 245, 246
 Генри Э. (Ростовский С. Н.) 402—404, 479
 Георгиу-Деж Г. 249
 Герасимов А. М. 325, 329, 375
 Герберт З. (Herbert) 367, 475
 Геринг Г. (Goering) 250, 262
 Герцен А. И. 68, 115, 128, 359
 Герштейн Э. Г. 467
 Гете И.-В. (Goethe) 14, 84, 118, 439, 447, 485
 Гибб Д. (Gibb) 240
 Гилмор Д. (Gilmore) 257, 258
 Гиляровский В. А. 28
 Гиммлер Г. (Himmler) 86
 Гинзбург А. И. 8, 407, 408, 426, 480
 Гинзбург Е. С., мать В. П. Аксенова 398—400, 478, 479, 486
 Гитлер А. (Hitler; Schiklgruber A.) 10, 13—16, 86, 125, 129, 135—137, 146, 147, 151—153, 157, 168, 171, 180, 183, 187, 191—247, 251, 271, 282—285, 310, 341, 352, 402, 414, 420, 437, 451, 457, 466
 Гладков А. К. 433
 Глинка Г. А. 445
 Гнедин Е. 426
 Гоголь Н. В. 115, 142, 406
 Голдинг У. (Golding) 387
 Голль Ш. де (De Gaulle) 197, 200, 216, 237, 293, 453, 454, 457, 458
 Голомшток И. Н. 326, 327, 383, 469, 487

- Голубов-Потапов В. И. 279
 Гольдберг А. М. (Goldberg) 118, 291, 292, 441, 465, 490, 499, 500
 Гольдберг Б. Э. 232
 Гольдштюкер Э. 426
 Гомес де ла Серна Р. (Gomez de la Serna) 46, 174, 175, 432, 441, 448, 490, 502
 Гонсалес В. (Gonzalez) 178, 450, 490
 Гончарова Н. С. 329
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 273
 Горбаневская Н. Е. 445
 Горбатов Б. Л. 230
 Горбачев Г. Е. 486
 Горбачев М. С. 29, 59, 411, 424, 466, 478, 498, 500
 Горгулов П. 126, 127, 442
 Горелик М. 503
 Горький М. (Пешков А. М.) 44, 59, 79, 103, 111, 119, 143, 144, 155, 173, 279, 335, 350, 433, 444
 Гракх Бабеф см. Бабеф Ф. Н.
 Гранин Д. (Герман Д. А.) 390
 Грасс Г. (Grass) 390, 424
 Граф О. М. (Graf) 143, 490
 Графтон С. (Graftone) 257—259, 426, 459, 460
 Грибачев Н. М. 497
 Григоренко З. 426, 480
 Григоренко П. Г., генерал 8, 406
 Грис Х. (Gris) 42
 Гронфайн Е. Б. см. Бабель Е. Б.
 Гроссман В. П. 222, 231, 235, 236, 300, 305, 354, 454—456, 473, 485, 505
 Груздев И. А. 113
 Гудзенко С. П. 216, 453
 Гуль Р. Б. 97, 100, 426, 431, 437, 438, 486, 503
 Гумилев Л. Н. 293, 314
 Гумилев Н. С. 40, 41, 432
 Гумилева А. А. см. Ахматова А.
 Гурвич А. С. 288
 Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) 129
 Давай Н. 425
 Даладьё Э. (Daladier) 135, 154
 Дангулов С. А. 458
 Данин Д. (Плотке Д. С.) 211, 212, 403, 426, 453, 479, 482
 Даниэль А. Ю. 478
 Даниэль Ю. М. 11, 404—407, 412, 414, 478, 480
 Дантон Ж. Ж. (Danton) 266
 Де Бальзак О. см. Бальзак О. де
 Де Бовуар С. см. Бовуар С. де
 Де Голль Ш. см. Голль Ш. де
 Дейчер И. (Deutscher) 367, 475
 Декс П. (Дэкс; Daix) 446
 Дементьев А. Г. 486, 487
 Деникин А. И. 65—68, 71, 159
 Дерен А. 494
 Деснос Р. (Desnos) 368
 Дженоуз Д. 427
 Джойс Д. (Joyce) 62, 387, 389, 441
 Дзержинский Ф. Э. 138
 Дзиган Е. Л. 172
 Диас Х. (Diaz) 172, 180
 Диккенс Ч. (Dickens) 102, 280
 Дисней У. (Disney) 259
 Добровольский А. А. 408, 480
 Довженко А. П. 164
 Долицкий Е. 465
 Домбровский Ю. О. 398
 Донат А. 436
 Донн Д. (Donne) 397
 Дорио Ж. (Doriot) 198, 451
 Дос Пассос Д. (Dos Passos) 62, 148
 Достоевский Ф. М. 66, 96, 115
 Драйзер Т. (Dreiser) 148
 Дрейфус А. (Dreyfus) 23, 159, 335, 353
 Дубнов С. М. 489
 Дудинцев В. Д. 329
 Думер П. (Doumer) 126
 Дуррути Д. (Durruti) 170, 172, 176, 179
 Дымшиц А. Л. 371, 458, 475
 Дэкс П. см. Декс П.
 Евдокимов И. В. 112, 440
 Евтушенко Е. А. 11, 227, 306, 329, 346—348, 374, 375, 378, 380, 424, 426, 472, 475, 493
 Ежов Н. И. 186
 Екатерина II 19

- Елизавета (Elisabeth), королева Бельгии 291
 Емельникова М. 487
 Ермилов В. В. 376, 392, 476
 Есенин С. А. 75, 92, 94, 114, 370
 Ефимов Б. (Фридлянд Б. Е.) 250, 449, 459
 Жакоб М. (Jacob) 43, 368
 Жамм Ф. (Jammes) 39, 40, 43, 52
 Жданов А. А. 143, 148, 236, 261, 262, 267, 273, 296, 392, 402, 444, 461
 Жемчужина П. С. 285, 287, 310
 Жид А. (Gide) 15, 134, 147, 148, 153—155, 163, 164, 173—175, 182—184, 193, 372, 445—448, 486, 489, 490, 502
 Жолио-Кюри И. (Jolio-Curie) 267
 Жолио-Кюри Ф. 267, 394
 Жуков Ю. А. 477
 Закс Б. В. 402, 426, 479
 Замятин Е. И. 89, 90, 111, 114—121, 157, 436, 440—442, 493
 Заславский Д. И. 346
 Зегерс А. (Seghers) 155, 197, 298, 312, 384
 Зелинский К. Л. 238, 457
 Зиновьев Г. (Радомысльский Г. Е.) 58, 101, 117, 150, 167, 170, 431
 Золя Э. (Zola) 23, 335, 353, 473
 Зонин А. С. 274
 Зонина Е. (Л.) А. 274, 383, 426, 462, 477, 485
 Зорза В. (Zorza) 211, 212, 453
 Зошенко М. М. 261, 270, 271
 Зубарев Д. И. 494
 Зускин В. Л. 344
 Ибаррури Д. (Ibárruri) 170, 327, 359
 Иванов А. А. 66
 Иванов В. И. 54
 Ивенс Й. (Ivens) 426, 463
 Ивинская О. В. 468, 478, 487
 Издебская Г. 437, 495
 Ильичев Л. Ф. 374, 380—382, 384, 390—392, 472, 477
 Ильдун Л. 426, 450
 Инбер В. М. 165, 447
 Иннокентий VI 40
 Ионов И. (Бернштейн И. И.) 112
 Истмен Д. 124
 Каверин В. (Зильбер В. А.) 88, 99, 107, 299, 300, 329, 330, 374, 426, 438, 439, 458, 466
 Каганович Л. М. 111, 148, 285, 340, 345, 402
 Кадар Л. (Kadar) 426
 Кадар Я. 322
 Калинин М. И. 225
 Кальвино И. (Calvino) 477
 Каляев И. П. 23
 Камайко Д. 426
 Каменев Л. (Розенфельд Л. Б.) 35, 58, 76, 77, 101, 117, 150, 167, 170
 Каменева О. Д. 76
 Каминская И. 454
 Кампесиано, псевд. см. Гонсалес В.
 Камю А. (Camus) 496
 Капа Р. (Cара) 179, 181, 273, 462, 492
 Капица П. Л. 79, 406
 Каплан Ф. Е. 61
 Каплер А. Я. 337
 Капп И. (Kapp) 484, 486
 Кассиди Г. (Cassidy) 214
 Кассу Ж. 426
 Кастро Рус Ф. (Castro Rus) 372, 409, 476
 Катаев В. П. 195, 196, 213, 450
 Катала Ж. (Cathala) 426, 452, 453, 456, 489
 Каули М. 180
 Кауфман Р. И., жена Л. О. Пастернака 200
 Кафка Ф. (Kafka) 187, 364, 387, 389
 Кац Б. А. 425
 Кац Н. 425
 Квин С. 425
 Квитко Л. А. 287
 Кейзен С. 425
 Кейтель В. (Keitel) 250
 Кенневиль Ш. 50

- Кеннеди Д. (Kennedy) 372, 476
 Керенский А. Ф. 51, 53, 55, 413, 435
 Кертеш А. 441
 Кестлер А. (Koestler) 194, 450, 490
 Кибальчич Л. И. 157
 Кибальчич Н. И. 157
 Киреева-Левина М. Н. 431
 Киров С. М. (Костриков С. М.) 146, 149, 150, 167, 173, 186
 Кларк К. 427
 Клебаньски Б. 426
 Клементис В. (Clementis) 296, 369
 Клементис Л. 369
 Клер Р. (Claire; Chomette R.) 115, 164
 Клименко М. 499, 500
 Климова Н. 399
 Клиффорд К. 459
 Клячко Т. 342
 Коварский Ш. 225, 277, 426, 454, 463
 Коган П. С. 89
 Кожинов В. В. 444
 Козинцев Г. М. 104
 Козинцев М. 104
 Козинцева А. Г. 104
 Козинцева Л. М. 9, 17, 62—78, 82, 83, 92, 96, 97, 104, 108, 127, 138, 146, 148, 159—164, 168, 184, 187—189, 197, 201, 211, 216, 228, 229, 255, 258, 261, 262, 278, 289, 290, 298, 300, 309—311, 315, 316, 320, 336, 339, 410, 415—421, 433, 441, 445, 464, 504
 Кокто Ж. (Cocteau) 42
 Колдуэлл Э. (Caldwell) 254
 Кольцов М. (Фридлянд М. Е.) 154, 155, 170, 172, 178, 183, 185, 186, 190, 250, 447—450
 Компанис Л. 172
 Коневский В., врач 415—417
 Конквест Р. (Conquest) 408, 470, 489
 Копелев Л. З. 209, 405, 426, 451—453, 479, 487
 Коптелов А. Л. 469
 Корак А. 309, 310
 Коржавин Н. (Мандель Н. М.) 426
 Корсакас К. 198
 Костырченко Г. 504, 505
 Косыгин А. Н. 395
 Кот Н. 426, 460
 Кот П. 196, 197, 319, 460
 Котов М. И. 359
 Кочетов В. А. 342, 343, 371, 475
 Краковский Ш. 429, 487
 Красова В. И. 225
 Кревель Р. 155, 156
 Крейгер И. 124
 Крейзер Я. Г. 300
 Крестинский Н. Н. 186
 Кроник И. 277, 290, 426, 463, 464
 Крупская Н. К. 89, 97, 436
 Крэнкшоу Э. 423
 Кунаховский Л. 426, 454, 455
 Купер Ф. (Cooper) 31
 Кусевицкий С. А. 459
 Кучмент М. 425
 Кюри М. см. Склодовская-Кюри М.
 Кюри П. (Curie) 267
 Лабедж А. (Labeledz) 408, 472, 490, 491
 Лазарев Л. (Шиндель Л. И.) 452, 485, 486
 Лактионов А. И. 375
 Лакшин В. Я. 388, 477, 478
 Ландау Е. 487
 Лапин Б. М. 149, 184, 185, 188, 204, 205, 230, 312
 Ларина А. М. 189, 365, 426, 475
 Ласт Ж. (Last) 182, 448
 Ласунский О. Г. 462
 Лашкова В. И. 408, 480
 Лебедев В. С. 364—366, 386, 388, 395
 Левави А. 426, 464
 Левин Ф. М. 503
 Леже Ф. (Lége) 14, 99
 Лейбошиц Н. Я. 415
 Лейчук Д. (Lauchuk) 491, 499, 500
 Лскаж Б. 159
 Лекаж Д. 127, 159
 Ле Корбюзье (Le Corbusier; Jeanneret C. E.) 99, 128, 255

- Ленеманн Л. (Lenemann) 344, 471, 491
- Ленин Н. (Ульянов В. И.) 9, 14, 27, 29, 32—39, 51, 54, 57—61, 65, 66, 78, 81, 87—92, 97, 100, 104—107, 117, 143, 150, 152, 162, 167, 186, 209, 350, 362, 371, 381, 431, 432, 435, 436, 439, 486, 487
- Лермонтов М. Ю. 131
- Лесков Н. С. 165
- Лесючевский Н. В. 391
- Либион В. 42
- Лидин В. (Гомберг В. Г.) 415
- Лим Э. 426
- Линч Ч. 258
- Липкин С. И. 426, 466
- Литвинов М. М. (Валлах М.) 153, 193, 224, 243, 475, 482
- Литвинов П. М. 426, 480, 481
- Литвинова М. 426
- Литвинова Т. М. 419, 421, 426, 453, 475, 481, 482
- Ллойд Джордж Д. (Lloyd George) 94
- Лобанов В. Н. 447
- Лозовский С. А. 219, 235, 236, 285, 295, 343, 471
- Лоренс Д. 461
- Лорка Ф. Г. (Lorca) 171, 228
- Лотт А. (Lott) 426, 452
- Лундберг Е. Г. 487
- Лысенко Т. Д. 395
- Льюис Э. 256
- Мажино А. 200
- Мазэ А. Я. см. Савич А. Я.
- Мазэ Я. 278, 463
- Майский И. (Ляховецкий И. М.) 238, 359, 361, 405
- Макаренко М. 426, 469
- Макаров А. Н. 317
- Малевич К. С. 98
- Маленков Г. М. 285, 288, 402
- Мальро А. (Malraux) 10, 134, 137—147, 153—164, 170, 176, 180, 190, 195, 421, 443, 448, 458, 486, 491
- Мальро К. 138, 144, 491, 496
- Мандель Ж. 197, 451
- Мандельштам А. Э. 68, 69, 71, 73
- Мандельштам Н. Я. 14, 17, 18, 72, 65, 71, 74, 76, 83, 113, 141, 274, 297, 305, 336, 368, 384, 400, 401, 428, 433, 435, 444, 462, 465, 475, 487, 497
- Мандельштам О. Э. 8, 14—17, 62, 64, 68—76, 94, 113, 115, 141, 142, 175, 202, 203, 228, 271, 274, 293, 312, 330, 332, 367, 368, 371, 399—401, 440, 444, 452, 462, 463, 479, 489, 491
- Манн Г. (Mann) 148, 155
- Манн К. 143
- Манн М. 344
- Манн Т. 148
- Марджанов К. А. (Марджанишвили) 103
- Маревна (Marevna), псевд. см. Воробьева М. Б.
- Маринин М. (Хавинсон Я. С.) 299, 301
- Маркиш Д. П. 288, 350, 351
- Маркиш П. Д. 62, 217, 219, 279, 288, 289, 314, 343, 344, 350, 351, 354, 461, 472
- Маркиш Ш. (С.) П. 288, 351, 473, 503
- Маркиш Э. 288, 289, 314, 343, 350, 351, 354, 426, 464, 471, 472, 491
- Маркс (Marx), братья 259
- Маркс К. 13, 26, 27, 31, 67, 100, 166, 380
- Марку Л. (Marcou) 435, 441, 451, 457, 466, 491, 499, 500
- Мартен дю Гар Р. (Martin du Gard) 148
- Марти А. (Martie) 177, 178
- Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 37
- Мартынов Л. Н. 494
- Маршак С. Я. 217, 398, 410
- Матисс А. (Matisse) 460
- Маунтбатензе 320
- Мацуев Н. И. 452
- Мачадо А. (Machado-y-Ruis) 228
- Маэ Уейс Р. 425
- Маяковский В. В. 56, 58, 65, 75, 92, 94, 95, 99, 165, 375, 447

- Медведев Р. А. 411, 426, 480, 482, 491
- Меир Г. 281, 286, 287, 503, 504
- Мейерхольд В. Э. 76, 77, 101, 102, 149, 164, 165, 185, 186, 189, 190, 368, 399, 438, 449, 487
- Менделеев Д. И. 66
- Меркулов В. А. 274, 462
- Мечников И. И. 66
- Микитенко И. К. 185
- Микоян А. И. 466, 478
- Миллер А. (Miller) 424, 426, 491
- Миллер Ф. 425
- Мильман В. А. 128—130, 135, 136, 139, 162, 265, 274, 315, 419, 442, 444, 446, 447
- Минц И. И. 299, 301, 346
- Мирова Е., корр. ТАСС 178
- Мирский Д. (Святополк-Мирский Д. П.) см. Mirsky D. S.
- Михаил Александрович, вел. кн. 50
- Михоэлс С. (Вовси С. М.) 10, 217, 219, 232—236, 250, 277, 279—281, 283, 289, 295—298, 314, 367, 463, 464, 493
- Моголи-Надь Л. 441
- Модильяни А. (Modigliani) 14, 42, 48, 82, 161, 368, 446
- Мок Ж. 386
- Мола Э. 168
- Молотов В. И. (Скрябин) 10, 15, 150, 153, 193—195, 199, 203, 237, 261, 271, 274, 285, 287, 310, 402, 466
- Монзи А. де 196, 197
- Монробер Д. см. Лекаж Д.
- Монтегю А. (Montagu) 267, 326, 423, 462, 482, 486
- Моравиа А. (Moravia; Pincherle A.) 320, 424, 477
- Морган П. (Morgan) 124
- Моргентау Г. (Morgentau) 457
- Мордерер В. Я. 425
- Мориак Ф. (Mauriac) 134, 139, 443, 448, 486
- Морозов И. Г. 285
- Мосс Уорнер К. 425
- Мстиславский С. (Масловский С. Д.) 434
- Муромцева-Булнина В. Н. см. Бунина В. Н.
- Мусоргский М. П. 66
- Муссолини Б. (Mussolini) 137, 146, 152, 158, 168, 180, 183, 184, 187
- Мэр Л. 10, 269, 309—311, 328, 357, 362, 384, 405, 415—418, 467, 481
- Мэр С. 426, 427, 467, 481
- Мэр Я. 309—311
- Нагибин Ю. М. 375
- Надь И. (Nady) 322
- Назым Хикмет Ран (Nazim Hikmet Ran) 359, 468
- Найдич Е. 358, 426, 450, 459, 473
- Найтли Ф. (Knightley) 46, 432, 490
- Намир М. (Namir) 282, 284, 286, 287, 464, 502, 503
- Наполеон Бонапарт (Napoleon Bonapart) 217, 245
- Насер Г. А. 345
- Нахман, ребе 341
- Не-Буква, псевд. см. Василевский И. М.
- Неизвестный Э. И. 373, 476
- Некрасов В. П. 363, 472, 487
- Нельсон У. (Nelson) 257, 258
- Неру Д. (Nehru) 320, 468
- Неруда П. (Neruda) 10, 11, 294, 312, 319, 421
- Нехамкина Е., врач 356, 357, 426, 473
- Низан П. 170, 372
- Никитин Н. Н. 438
- Никифорова Ю. 487
- Николаева Г. (Волянская Г. Е.) 467
- Николаевский Б. И. 166, 429—434
- Николай I 19
- Николай II 9, 25—28, 44, 49—51, 55, 60, 65, 119, 335
- Никулин Л. (Ольконицкий Л. В.) 165
- Нил Ф. У. (Neal) 426, 460
- Нин А. 181, 182
- Новиков Б. 465
- Норман Г. 425

- Носик Б. М. 504
 Нострадамус (Nostradamus; Michele de Notredame) 42
 Нозль-Бейкер Ф. 386
 Нюрнберг Э. 427
- Оклянский Ю. М. 353, 473, 481, 487
 Орджоникидзе Г. К. 149
 Орлова Р. Д. 405, 426, 452, 479, 487
 Ортенберг Д. И. 205—207, 210, 224, 452
 Оруэлл Д. (Orwell; Blair E.) 114
 Ошерович Х. 426, 465
- Пабст Г. В. 103
 Паз М. 158
 Пазолини П. П. (Pasolini) 477
 Пайпс Р. (Pipes) 501
 Пальме У. (Palme) 309
 Парамонов Б. 499—503
 Паркер Р. (Parker) 286, 464, 491
 Пармелен Э. 426
 Паскаль Б. (Pascal) 131
 Паскин Ю. 368
 Пассионария см. Ибаррури Д.
 Пастернак Б. Л. 11, 15, 58, 75, 92, 94—96, 114, 131, 137, 141—145, 155, 157, 163, 165, 166, 184, 186, 200, 241, 255, 272, 273, 293, 305, 306, 312, 313, 322, 330—339, 344, 365, 366, 370, 371, 378, 383, 437, 440—444, 468, 470, 478, 482, 487—489, 491
 Пастернак Е. Б. 339, 366, 426, 446, 451, 475
 Пастернак Л. Л. см. Слейтер Л.
 Пастернак Л. О. 200, 440
 Паустовский К. Г. 359, 361, 375
 Пауэрс Ф. Г. (Powers) 364
 Перлмуттер Ш. 230, 426, 456
 Петен А. Ф. (Pétain) 197
 Пикассо П. (Picasso; Ruizy Picasso) 14, 42, 43, 82, 161, 164, 266, 275, 323, 325—329, 363, 368, 375, 383, 406, 421, 446, 462, 463, 468, 469, 487, 494
 Пикассо Ж. 328
 Пилсудский Ю. (Pilsudski) 122, 123
 Пильняк Б. (Boray Б. А.) 81, 111, 118—120, 185, 271, 312, 331, 441
 Пиночет А. (Pinochet Ugarte) 320
 Пирожкова А. Н. 315—318, 419, 426, 467, 475
 Плеханов Г. В. 27
 Плиний (Гай Плиний Секунд) 496
 Плисецкая М. М. 405
 Подгорецкий М. Г. 102
 Познер В. 426
 Покровский М. Н. 89
 Поликарпов Д. А. 361, 409, 410
 Полонская Е. (Мовшенсон Е. Г.) 35, 37, 38, 88, 89, 112, 113, 121, 124, 220, 334, 385, 431, 437, 440, 442, 494
 Попов В. В. 429—432, 434, 436—438, 440, 454, 458, 469, 485, 487, 494
 Попова Л. С. 98
 Поскребышев А. Н. 375
 Пospelов П. Н. 316, 317, 345, 346
 Потемкин Г. А. 155
 Прегель А. 426, 432
 Примо де Ривера М. (Primo de Rivera) 169
 Прокофьев С. С. 272, 462
 Пруст М. (Proust) 387
 Пугачев Е. И. 72
 Пудовкин В. И. 103
 Пузиков А. И. 316
 Путмен С. (Putman) 134, 443, 492
 Пушкин А. С. 142, 406
 Пятаков Г. Л. 167
- Р. Александр 283, 284
 Р. Д. см. Эрде
 Рабинович И. М. 68, 69
 Радек К. (Собельсон К. Б.) 139, 140, 167, 189
 Раевская-Хьюз О. 487
 Райт Р. (Ковалева Р. Я.) 488
 Раковский Х. Г. 186
 Ракоши М. (Rákosi) 322
 Рапорт Я. Л. 487
 Раскольников Ф. (Ильин Ф. Ф.) 125, 442

- Расп Ф. 245
 Рассел Б. (Russel) 264, 424, 461
 Реглер Г. (Regler) 143, 144, 151, 155, 157, 445, 446, 448, 492, 502
 Резерфорд Э. (Rutherford) 79
 Рейзер М. О. 300
 Рейсс И. 331
 Рембо А. (Rimbaud) 44
 Рембрандт (Rembrandt Harmenz van Rijn) 274, 406
 Ренуар Ж. (Renoir) 115
 Ренуар О. 159
 Решин Л. 458
 Риббентроп И. (Ribbentrop) 10, 15, 153, 194, 195, 199, 262, 271
 Ривера Д. (Rivera) 14, 42, 43, 46, 48, 64, 82, 84, 368
 Рильке Р. М. (Rilke) 440, 487
 Риндзинский А. 277, 426, 463
 Риссельберг М. ван (Van Rysselberghe) 163, 174, 447, 448, 492
 Рихтер Г. В. 388, 389, 477, 478
 Ричмонд Й. 481
 Роб-Грийе А. (Robbe-Grillet) 387, 388
 Робсон П. (Robeson) 255, 294
 Родин Г. (Rodin) 229
 Родин Э. 228, 492
 Родченко А. М. 75, 98, 115
 Розанова М. В. 407
 Розенберг А. 250, 262
 Розенберг И. 232
 Розенберг М. И. 172, 183, 255, 447
 Розенберг Н. Е. 231, 232
 Ройтблат Ф. Х. см. Каплан Ф. Е.
 Рокоссовский К. К. 359
 Роллан Р. (Rolland) 148, 153, 154, 445, 490
 Рольникайте М. Г. 352, 426, 472, 473
 Романовы, династия 44
 Ромм М. И. 346, 374
 Рубашкин А. И. 487
 Рубинштейн Б. 5, 497
 Рубинштейн М. 426
 Рубинштейн Р. 426, 497
 Руге Г. (Ruge) 338, 470
 Рудич М. 248, 458
 Рудич Р. 458
 Рудницкий К. Л. 438, 487
 Рузвельт Ф. Д. (Roosevelt) 457
 Рузвельт Э. 251
 Румянцев А. М. 395
 Рыбаков А. (Аронов А. Н.) 444
 Рыков А. И. 167
 Рэфф М. 487
 Рюкенштейн Л. 427
 Сабрин А. 426
 Савинков Б. В. 494
 Савич А. Я. 128, 160, 278, 300, 419, 425, 426, 441, 446, 463, 466, 481, 482
 Савич О. Г. 115, 128, 178, 187, 192—194, 231, 255, 278, 300, 363, 402, 415, 419, 441, 450, 485, 487
 Садан Д. (Sadan) 426, 429
 Салвемини Г. 158
 Сандауэр А. 426, 474
 Сарнов Б. М. 438, 503
 Саррот Н. (Sarraute) 387
 Сартр Ж.-П. (Sartre) 264, 320, 323, 387, 424, 461, 478, 481, 490, 496
 Сахаров А. Д. 265, 268, 406, 462, 480
 Святополк-Мирский Д. П. см. Mirsky D. S.
 Северин, псевд. см. Гвабар К. Р.
 Сейфуллина Л. Н. 469, 470
 Селивановский А. П. 444
 Селих Я. Г. 494
 Семенов Н. Н. 374
 Сервантес Сааведра М. де (Cervantes Saavedra) 142
 Сергей Александрович, вел. кн. 23
 Серебрякова Г. И. 375
 Серж В. (Serge; Кибальчич В. Л.) 157—159, 175, 446, 492
 Сименон Ж. (Simenon) 133, 134, 443
 Симонов К. М. 213, 252—259, 271, 308, 313, 374, 452, 460, 467
 Синаевская М. В. см. Розанова М. В.

- Синявский А. Д. 11, 18, 326, 327, 383, 404—407, 412, 414, 426, 437, 468, 469, 477, 480, 487
- Ситроен А. 124
- Склодовская-Кюри М. (Sklodovska-Curie) 267
- Скобелев М. Д. 424
- Скоропадский П. П. 61
- Сладков В., фабрикант 29, 30
- Сланский Р. 295, 296, 369
- Слейтер Л. 200
- Слепян В. (Slepian) 325, 468
- Слоним И. 421
- Слуцкий Б. А. 332, 421, 469, 494
- Смит У. Б. (Smith) 252, 263, 461
- Смоляр Х. 226, 426, 454, 456
- Снечук А. 455
- Соболь А. (Ю. М.) 62
- Соболь Р. 425
- Сокольников Г. (Бриллиант Г. Я.) 29, 31, 162, 167, 364, 375
- Солженицын А. И. 7, 8, 11, 18, 307, 363, 368, 374, 376, 398—400, 414, 424, 479, 487
- Солсбери Г. (Salesbury) 215, 276, 282, 426, 453, 463, 464, 492
- Соммер Я. И. 63—73, 82, 83, 127, 433, 434, 442
- Сорокин Т. И. 104, 108
- Сорокина Е. О. см. Шмидт Е. О.
- Спендер С. 180
- Сталин И. (Джугашвили И. В.) 7, 10—16, 29, 31—34, 57—60, 76, 81, 90, 97, 111, 117—125, 130, 134, 135, 139—155, 162—166, 170—194, 199—253, 256, 264—273, 276, 279—282, 284—289, 292—310, 312—314, 319—322, 333—337, 340—343, 346, 350, 357, 360, 362, 367, 369—376, 381, 383, 385, 392, 398—409, 412, 422—424, 435, 441, 444, 450, 451, 458—466, 473, 479, 480, 487—490, 492, 494, 497—499, 502, 504, 505
- Сталина С. И. см. Аллилуева С. И.
- Стариков Д. В. 347, 348, 472
- Стейнбек Д. Э. (Steinbeck) 254, 255, 273, 339, 424, 462
- Стендаль (Stendhal; Beyle H.-M.) 305, 333, 335, 336, 345, 359, 413, 470, 486
- Стенич В. (Сметанич В. О.) 62
- Стефа см. Херасси С.
- Столыпин П. А. 399
- Столярова Н. И. 365, 399, 400, 408, 426, 428, 462, 468—471, 474, 477—482
- Стоу Л. (Stowe) 214, 255, 453, 492
- Суворов А. В. 209, 224
- Сульцбергер С. Л. (Sulzberger) 304, 305, 426, 453, 466, 492, 501
- Сун Ятсен 294
- Сурков А. А. 312, 313, 388, 409
- Суслов М. А. 327, 328, 342, 348, 465
- Сутин Х. (Soutine) 43
- Суцкевер А. Г. (Sutzkever) 228—231, 236, 250, 455, 456, 459, 491
- Табидзе Т. Ю. 73, 312, 399
- Таиров А. Я. 367, 368, 461
- Тамм И. Е. 265, 374, 406
- Таро Г. 181
- Татлин В. Е. 98
- Тацит (Публий Корнелий Тацит) 362, 474
- Твардовский А. Т. 363—372, 377, 385, 388, 390, 393—398, 410, 412, 420, 421, 450, 467, 474—477
- Телесин Ю. 401, 426, 479
- Терещенко Н. А. 440, 488
- Терц А., псевд. см. Синявский А. Д.
- Тиберий Клавдий Нерон 362
- Тито И. Б. (Broz Tito) 249, 267, 293
- Тихонов Н. С. 157
- Толлер Э. (Toller) 155, 194
- Толстой А. Н. 42, 54, 55, 83, 97, 111, 155, 238, 271
- Толстой Л. Н. 21—24, 39, 66, 142, 164, 364, 367
- Тольятти П. (Togliatti) 403
- Томас М. (Thomas) 432
- Томский М. (Ефремов М. П.) 167

- Тонин В., псевд. см. Лобанов В. Н.
Третьяков П. М. 409
Третьяков С. М. 185
Триолё Э. Ю. 115, 195, 289
Троцкий Л. (Бронштейн Л. Д.) 9, 26, 35—37, 76, 81, 115, 117, 156, 158, 180, 186, 189, 190, 406, 430, 431, 470
Трумэн Г. (Truman) 248, 251, 458
Тувим Ю. (Tuwim) 221, 222, 284, 355, 454
Тургенев И. С. 306
Турнер Б. (Turner) 343, 344, 471
Тухачевский М. Н. 181, 182
Тцара Т. 155
Тынянова Л. Н. 300, 427, 466
Тышлер А. Г. 62, 329
- Уайз С. С. 254
Уайльд М. 427
Уборевич И. П. 181
Уилсон Э. 387
Уильямс У. К. 441
Унамуно М. де (Unamuno) 134, 169, 443, 448, 486
Уоллес Г. А. 237, 255
Уотсон У. 425
Успенский К. 398, 427
- Фабрэ («Хулио Хуренито») см. Сладков В., фабрикант
Фадеев А. А. 200, 213, 238, 266, 267, 312, 321, 322, 326, 393, 463
Фальк Р. Р. 329, 367, 368, 373, 412, 461, 469
Фарж И. (Farge) 269, 294, 427, 462
Фаст Г. (Fast) 393, 490
Федин К. А. 113, 318, 387
Фельтринелли Д. 337
Фефер И. 232, 233, 236, 287, 292, 295, 343
Фиккер Й. 176, 177
Фишман Д. 454
Фишман И. М. 427, 455, 464
Фишман Ф. М. 230, 259, 356, 357, 361, 427, 455, 456, 460, 464, 473, 474, 481
Фишман Э. М. 427, 455, 464
- Флаксер М. 284, 285
Фланнер Д. (Flanner) 378, 477
Флейшман Л. С. 437, 444, 487, 488
Фогельман З. 255, 427
Фолкнер У. (Faulkner) 254, 333
Форд Г. (Ford) 124
Форрестол Д. 264
Форстер Э. М. 154, 155
Фрайзер С. 427
Франк А. (Frank) 352, 354, 472, 488
Франк Н. 116, 133, 220, 441, 443, 454, 490, 502
Франко Баамонде Ф. (Franco Bahamonde) 168—176, 181—184, 187—194, 216, 450
Фрезинский Б. Я. 4, 411, 415, 425, 427—485, 487, 494, 496—505
Фриче В. М. 488
Фриш М. (Frish) 266, 267, 462, 502
Фрунзе М. В. 120
Фурманов Д. А. 172
Фурцева Е. А. 328
- Хазина Н. Я. см. Мандельштам Н. Я.
Хаксли Д. (Huxley) 266
Хаксли О. 154, 155
Хацревин З. Л. 205
Хейорд М. 482
Хемингуэй Э. (Hemingway) 177—179, 215, 254, 332, 339, 448, 487, 490
Херасси Д. (Т.) 255, 427, 459
Херасси С. 172, 177, 255, 427, 433, 448, 459
Херасси Ф. 255, 447
Хикмет Н. см. Назым Хикмет Ран
Хирари М. 482
Ходасевич В. Ф. 97
Ходжа Э. 249
Хрушев Н. С. 7, 8, 11, 13, 16, 17, 31, 146, 166, 229, 269, 305, 312, 314, 320—322, 329, 330, 333, 337, 340—343, 348, 350, 357, 362—411, 421—423, 428, 466, 472, 476—480, 490, 493, 494, 499
Хрущева Р. Н. 376
Хьюм Э. 425

- Цвеллинг Ш. 426
 Цветаева М. И. 8, 16, 43, 72, 75,
 94—96, 114, 157, 305, 330—334,
 345, 367—371, 437, 440, 487, 488
 Цвиели Ф. (Zvieli) 427, 453
- Чаадаев П. Я. 68
 Чайлдс М. 256
 Чапаев В. И. 172, 178
 Чапский Ю. (Czapski) 212, 213, 453,
 489
 Черноуцан И. С. 354, 361, 473
 Черчилль У. (Churchill) 251, 458,
 459
 Чехов А. П. 333—335, 353, 364, 386,
 486, 497
 Чеховская И. Ю. 354, 473
 Членов С. Б. 393
 Чуковский К. (Корнейчук Н. В.)
 374, 398
- Шагал М. (Chagall) 14, 42, 255,
 344, 368, 410, 469
 Шаламов В. Т. 8, 399, 401, 404, 479,
 Шамсон А. 154
 Шапиро Г. 213—215, 240, 276, 286,
 385, 427, 450, 453, 462, 464, 477
 Шапошникова М. 192, 316
 Шатук Д. 425
 Швейцер В. 405, 427, 428, 437,
 479, 488
 Шебунина Т. 484, 486
 Шевцов И. М. 342
 Шекспир В. (Shakespeare) 274, 279,
 474
 Шепилов Д. Т. 300, 494, 505
 Шервин М. 425
 Шерешевская М. А. 4
 Ширер У. 427, 459
 Шкловский В. Б. 82, 97, 121, 274,
 435, 488, 496
 Шмидт Е. О. 39, 40, 52, 104, 108,
 129, 310
 Шнейдерман С. Л. (Schneiderman)
 427, 434, 464
 Шолом-Алейхем (Рабинович Ш.
 Н.) 232, 279, 350, 351, 354, 422,
 472
- Шолохов М. А. 166, 222, 223, 308,
 311—313, 375, 407, 413, 467, 480
 Шостакович Д. Д. 15, 163, 165, 238,
 272, 359, 374, 398, 462
 Штерн Г. М. 393
 Штерн Л. С. 294, 295, 343
 Штраус Р. 427
 Штрейхер Ю. 250
 Шуб А. (Shub) 475, 492
 Шульберг Б. (Schulberg) 271, 462
 Шульгин В. В. 67
- Шедринский А. 427
 Шекина-Кротова А. В. 412, 427,
 469
 Шербаков А. С. 166, 219, 224, 296,
 402
 Щипачев В. С. 361
 Щипачев С. П. 361
 Щипачева И. В. 361
- Эзоп 422
 Эйзенштейн С. М. 56, 103, 164, 255
 Эйнштейн А. (Einstein) 140, 232,
 233, 256, 394, 459, 489
 Эйсер А. В. 427, 431, 447
 Экстер А. А. 62, 65
 Эль Кампесино см. Гонсалес В.
 Эль Лисицкий (Лисицкий Л. М.)
 98, 502
 Элюар П. 266, 320
 Энценсбергер Г. М. 387, 389
 Эпл О. Д. 457
 Эпштейн Ш. 233
 Эрде, псевд. (Р. Д.?) 112, 440
 Эрдман Н. Р. 488
 Эренбург А. Б. 9, 20—24, 28, 30,
 32, 38, 44, 50, 52, 53, 60, 61,
 162, 218, 254, 353, 430
 Эренбург Г. Г. 9, 20—32, 38, 39, 44,
 60, 66, 69, 162, 353
 Эренбург Г. И. 20, 22, 161, 428
 Эренбург Е. Г. 9, 20, 21, 24, 104,
 252, 460, 461
 Эренбург Изабелла Г. 9, 20, 21, 24,
 104, 252, 460, 461
 Эренбург Илья Л. 41, 70, 429, 430,
 432, 495

- Эренбург Ирина И. 9, 40, 52, 104, 105, 129, 130, 140, 149, 168, 178, 184—189, 196, 224, 230, 231, 241, 255, 289, 300, 310, 311, 356, 357, 399, 415—420, 425—428, 439, 442—488, 499
- Эренбург Л. Г. 22, 429
- Эренбург М. Г. 9, 20, 21, 24, 104, 227, 252
- Эренбург Н. Л. 41, 42
- Эрлих В. (Erllich) 427, 454, 490
- Эрлих Х. 218, 219, 454
- Эткинд Е. Г. 499
- Этридж М. 248, 458
- Эфрон А. С. 96, 331, 332, 369
- Эфрон Г. С. 331
- Эфрон С. Я. 72, 95, 96, 331
- Якир И. Э. 181, 182
- Якобсон Р. О. 194, 255, 421, 427, 450
- Яковлев А. Н. 466, 491
- Ясенский Б. (В. Я.) 185, 423, 424
- Яшвили П. Д. 73, 399
- Ященко А. С. 93, 98
- Abel E. 458, 490
- Alberti R. см. Альберти Р.
- Aliende S. см. Альянде С.
- Aline, pseud. 431, 488
- Altman I. 456, 488
- Altschuler M. см. Альтшулер М.
- Amado G. см. Амаду Ж.
- Anders V. см. Андерс В.
- Anderson Sh. см. Андерсон Ш.
- Apollinaire G., pseud. см. Аполлинер Г.
- Aragon L. см. Арагон Л.
- Arnstein см. Аренштейн
- Astray M. см. Астрей М.
- Avins C. 488
- Babeuf F. N. см. Бабеф Ф. Н.
- Bach J. S. см. Бах И. С.
- Bakshy A. 486
- Balzac H. de см. Бальзак О. де
- Barbusse H. см. Барбюс А.
- Barea J. 490
- Baron S. W. 488
- Barrise R. 493
- Bartou J.-L. см. Барту Ж.-Л.
- Barzini L. см. Барзини Л.
- Bata T. см. Батя Т.
- Baudelaire C. см. Бодлер Ш.
- Bauer Y. 455
- Beauvoir S. de см. Бовуар С. де
- Beckett S. см. Беккет С.
- Beethoven L. van см. Бетховен Л. ван
- Bell D. см. Белл Д.
- Benda J. см. Бенда Ю.
- Benenson P. см. Бененсон П.
- Ben-Iyyar M. 493
- Benton W. см. Бентон У.
- Ben Zion Dinur 429
- Bérard E. 445
- Bergamin J. см. Бергамин Х.
- Bernal D. D. см. Бернал Д. Д.
- Bernanos G. см. Бернанос Ж.
- Bidault G. см. Бидо Ж.
- Blake P. 490
- Bloch J.-P. см. Блок Ж.-П.
- Blot J. 489
- Blum L. см. Блюм Л.
- Blum R. 477
- Blumel A. см. Блюмель А.
- Böll H. см. Бёлль Г.
- Borochowicz L. 486
- Bostock A. см. Босток А.
- Brachfeld G. 489
- Brecht B. см. Брехт Б.
- Breton H. см. Бретон А.
- Brett-Harrison J. 440
- Brod M. см. Брод М.
- Brown C. 489, 491
- Brown E. J. 440, 489
- Broz Tito J. см. Тито И. Б.
- Brumberg A. см. Брумберг А.
- Butler J. 493
- Caldwell E. см. Колдуэлл Э.
- Calvino I. см. Кальвино И.
- Camus A. см. Камю А.
- Capa R. см. Капа Р.
- Carpenter B. 475

Carpenter J. 475
 Cassidy G. см. Кассиди Г.
 Castle J. 486
 Castro Rus F. см. Кастро Ф.
 Cathala J. см. Катала Х.
 Cattel D. 489
 Caute D. 489
 Cervantes Saavedra M. de см.
 Сервантес Сааведра М. де
 Chagall M. см. Шагал М.
 Chavchavadze P. 488
 Chrouschoff Matheson H. 486
 Churchill W. см. Черчилль У.
 Clementis см. Клементис
 Cocteau J. см. Кокто Ж.
 Cohen S. F. 430, 445, 482, 489
 Collier B. 489
 Connoly C. 493
 Conquest R. см. Конквест Р.
 Cooper F. см. Купер Ф.
 Copine см. Эренбург Ирина И.
 Cotic M. 465
 Critchlow J. 470
 Cunningham V. 448, 492
 Curie P. см. Кюри П.
 Czapski J. см. Чапский Ю.

Dabit E. 489
 Daix P. см. Декс П.
 Daladier E. см. Даладьс Э.
 Danton J. J. см. Дантон Ж. Ж.
 Denny N. 492
 Desnos R. см. Деснос Р.
 Deutscher J. см. Дейчер И.
 Diaz J. см. Диас Х.
 Dickens C. см. Диккенс Ч.
 Disney W. см. Дисней У.
 Donne J. см. Донн Д.
 Doriol J. см. Дорио Ж.
 Dos Passos J. см. Дос Пассос Д.
 Doumer P. см. Думер П.
 Dreiser T. см. Драйзер Т.
 Dreyfus A. см. Дрейфус А.
 Drug S. 489
 Duhamel G. 443, 486, 489
 Durruti B. см. Дуррути Б.
 Dzirkvelov J. 465, 489

Eastman M. 440, 489
 Einstein A. см. Эйнштейн А.
 Elisabeth см. Елизавета, королева
 Бельгии
 Erlich W. см. Эрлих В.
 Ettinger S. 429

Fast H. см. Фаст Г.
 Faulkner W. см. Фолкнер У.
 Fink W. 488
 Fischer D. J. 445, 490
 Flanner J. см. Фланнер Д.
 Flor G. 486
 Ford G. см. Форд Г.
 Franco Bahamonde F. см. Франко
 Баамонде Ф.
 Frank см. Франк
 Fyvel T. R. 490

Galilei G. см. Галилей Г.
 Gandhi I. см. Ганди И.
 Gaulle C. de см. Голль Ш. де
 Gibb G. см. Гибб Д.
 Gide A. см. Жид А.
 Gilboa Y. 463, 490
 Gilmore D. см. Гилмор Д.
 Ginsburg M. 442, 488, 493
 Goebbels J. см. Геббельс И.
 Goldberg A. см. Гольдберг А.
 Golding W. см. Голдинг У.
 Goldstein D. J. 491
 Gollancz V. 490
 Gomez de la Serna R. см. Гомес де
 ла Серна Р.
 Gonzales V. см. Гонсалес В.
 Göring H. см. Геринг Г.
 Gorkin J. 450, 490
 Goethe J.-W. см. Гёте И.-В.
 Gouzenko I. 490
 Graebner W. 490
 Graf O. M. см. Граф О. М.
 Graftone S. см. Графтон С.
 Grass G. см. Грасс Г.
 Grasset B. 491, 493
 Green M. 441
 Green P. 489
 Gris J. см. Грис Х.
 Guehemo J. 448, 490

Guilloux L. 448

Haight A. 461, 490

Hale R. 493

Hamsun K. см. Гамсун К.

Harari M. 486

Harriman A. см. Гарриман А.

Harrington M. 477

Hayman R. 490

Hayward M. 480, 490, 491

Heifetz E. 434, 490

Heine H. см. Гейне Г.

Hemingway E. см. Хемингуэй Э.

Herbert Z. см. Герберт З.

Himmler H. см. Гиммлер Г.

Hitler A. см. Гитлер А.

Hopkins G. 489

Howard R. 488

Huxley см. Хаксли

Ibarruri D. см. Ибаррури Д.

Ivens J. см. Ивенс Й.

Jacob M. см. Жакоб М.

Jammes F. см. Жамм Ф.

Johnson P. 472, 490

Joliot-Curie см. Жолио-Кюри

Joyce J. см. Джойс Д.

Kadar см. Кадар

Kafka F. см. Кафка Ф.

Kapp Y. 486

Kaun A. 457, 486

Keitel W. см. Кейтель В.

Kennedy D. F. см. Кеннеди Д. Ф.

Kirkup J. 489

Knightley P. см. Найтли Ф.

Kochan L. 428, 490

Koestler A. см. Кестлер А.

Korey W. 491

Labedz L. см. Лабедж Л.

Lacourture J. 491

Laqueur W. Z. 437, 492

Last J. см. Ласт Ж.

Lauterbach R. E. 491

Lawrence 486

Laychuk J. см. Лейчук Д.

Le Corbusier, pseud. см. Ле
Корбюзье

Leftwich J. 459, 491

Léger F. см. Леже Ф.

Lenemann L. см. Ленеманн Л.

Lenormand H.-R. 491

Levin N. 454, 491

Lipstadt D. E. 457

Lloyd George D. см. Ллойд Джордж
Д.

Lorca F. G. см. Лорка Ф. Г.

Lott A. см. Лотт А.

Lottman H. R. 446, 491

Lourie R. 493

Mac Andrew A. R. 493

Macdonald N. 491

Mac Gibbon 486

Machado y Ruis A. см. Мачадо А.

Magarshak D. 491

Malraux A. см. Мальро А.

Malraux C. 445

Mann см. Манн

Marcou L. см. Марку Л.

Markov A. 486

Marti A. см. Марти А.

Martin du Gard R. см. Мартен дю
Гар Р.

Marx см. Маркс

Mathewson R. 491

Matisse H. см. Матисс А.

Mauriac F. см. Мориак Ф.

Miller A. см. Миллер А.

Miller F. см. Миллер Ф.

Miller J. 490

Mirsky D. S. (Святополк-Мирский
Д. П.) 491

Modigliani A. см. Модильяни А.

Montagu I. см. Монтегю А.

Morand P. 443, 448, 486

Morath I. 491

Moravia A. см. Моравиа А.

Morgan P. см. Морган П.

Morgentau G. см. Моргентан Г.

Mussolini B. см. Муссолини Б.

Nagy I. см. Надь И.

Namir M. см. Намир М.

Napoleon Bonaparte см. Наполеон
Бонапарт

Natwar-Singh K. 468

Nazim Hikmet Ran см. Назым
Хикмет Ран

Neal F. W. см. Нил Ф. У.

Nehru D. см. Неру Д.

Nelson W. см. Нельсон У.

Neruda P. см. Неруда П.

Neugroschel J. 446, 486

Nostradamus см. Нострадамус

O'Brian P. 488

Orwell G. см. Оруэлл Д.

Palme U. см. Пальме У.

Parker R. см. Паркер Р.

Pascal B. см. Паскаль Б.

Pasolini P. P. см. Пазолини П. П.

Paz A. 491

Peddaway P. 480

Petain H. F. см. Петен А. Ф.

Petremont S. 448

Picasso P. см. Пикассо П.

Pilsudski J. см. Пилсудский Ю.

Pinchuk B.-C. 451

Pinkus B. 463, 492

Pinochet Ugarte A. см. Пиночет А.

Pipes R. см. Пайпс Р.

Powers F. G. см. Пауэрс Ф. Г.

Primo de Rivera M. см. Примо де
Ривера М.

Proffer E. 467

Proust M. см. Пруст М.

Putman S. см. Путмен С.

Rákosi M. см. Ракоши М.

Rapoport L. 463, 466

Reek V. F. 441

Redlich S. 454, 456, 492

Regler G. см. Реглер Г.

Regnery H. 486

Rembrandt Harmens van Rijn см.
Рембрандт

Renoir см. Ренуар

Ribbentrop J. см. Риббентроп И.

Rimbaud A. см. Рембо А.

Robbe-Grillet A. см. Роб-Грийе А.

Robeson P. см. Робсон П.

Rodin E. см. Родин Э.

Ro'i Y. 492

Rolland R. см. Роллан Р.

Romains G. 443, 448, 486

Roosevelt F. D. см. Рузвельт Ф. Д.

Rotha P. 438, 492

Rothberg A. 492

Roudnikov A. 486

Ruge G. см. Руге Г.

Russel B. см. Рассел Б.

Rutherford E. см. Резерфорд Э.

Rysselberghe M. van см. Риссельберг
М. ван

Sadan D. см. Садан Д.

Sallsbury H. см. Солсбери Г.

Sarraute N. см. Саррот Н.

Sartre J.-P. см. Сартр Ж.-П.

Scammell M. 479

Schneiderman S. L. см.

Шнейдерман С. Л.

Schoenberger G. 436

Schulberg B. см. Шульберг Б.

Scott H. G. 444, 492

Sedgwick P. 446, 492

Segev T. 471

Seghers A. см. Зегерс А.

Seltzer T. 490

Serge V., pseud. см. Серж В.

Shakespeare W. см. Шекспир В.

Shaplen R. 492

Shaw J. R. 432, 492

Shelley G. 486

Sheridan A. 491

Shub A. см. Шуб А.

Simenon G. см. Сименон Ж.

Skelton G. 462

Skłodowska-Curie M. см.

Скловдовская-Кюри М.

Slepian V. см. Слепьян В.

Smith W. B. см. Смит У. Б.

Soutine H. см. Сутин Х.

Souvorine B. 492

Spechler D. 475

Starr S. F. 438, 492

Steinbeck J. см. Стейнбек Д.

Stendhal (Beyle H. M.) см. Стендаль

Stevens L. C. 492
Stowe L. см. Стоу Л.
Sulzberger см. Сульцбергер
Sutzkever A. см. Суцкевер А. Г.

Thirion A. 446
Thomas H. 493
Thomas M., pseud. см. Томас М.
Togliatti P. см. Тольятти П.
Toller E. см. Толлер Э.
Truman G. см. Трумэн Г.
Turner B. см. Турнер Б.
Tuwim J. см. Тувим Ю.

Ulam A. B. 493
Unamuno M. см. Унамуно М.

Vailland R. F. см. Вайян Р. Ф.
Vanzler U. 486
Vercors (Bruller J.) см. Веркор
Verdi G. см. Верди Д.
Verlaine P. см. Верлен П.
Vichniac см. Вишняк
Villon F. см. Вийон Ф.
Volochova S. 486

Wat A. см. Ват А.
Weil S. см. Вейль С.
Weiss A. 488
Werth A. см. Верт А.
White A. T. 486
White W. 457
Whitney T. 467
Wilson T. V. см. Вильсон В.
Wishart 486
Woolf V. см. Вульф В.
Wurmser A. 493

Ycikas S. 457, 488

Zola E. см. Золя Э.
Zorza V. см. Зорза В.
Zvieli A. см. Цвиели А.

Содержание

<i>К русскому переводу</i>	7
<i>Хронология</i>	9
ВВЕДЕНИЕ	12
Глава 1. ОТ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ ДО ПАРИЖА	19
Москва	23
В подполье	25
В тюрьме и после	30
Глава 2. ЭКС-БОЛЬШЕВИК	33
Париж, о Париж!	34
Прочь от политики	35
Новая вера	38
Поэт среди богемы	39
Война и революция	44
Глава 3. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	54
Еврей на Украине	60
В Крыму	70
Любопытное происшествие	74
Из Москвы в Париж еще раз	75
Глава 4. ХУЛИО ХУРЕНИТО	80
Две недели в Париже	81
Мефистофель-пророк	84
Глава 5. ПИСАТЕЛЬ В ДВУХ МИРАХ	92
Берлинские романы	99
Смерть Ленина	104
Парижские романы	106
Реакция критики	111
Мост между двумя мирами	114
Глава 6. СТАЛИН И ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА	117
Кризис на Западе	121
День второй	126
Глава 7. ПОДЛОЕ, БЕССОВЕСТНОЕ ДЕСЯТИЛЕНИЕ	133
Эренбург, Бухарин и советская культура	136
На Первом всесоюзном съезде советских писателей	142

Глава 14. БОЛЕЗНЬ И СТАРОСТЬ	356
Глава 15. ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ	362
Глава 16. ВЕСНА 1963 ГОДА. ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА	380
Книга шестая	385
Глава 17. ЭРЕНБУРГ И ДИССИДЕНТСТВО	397
Эренбург и вопрос о личности Сталина	402
Дело Синявского и Даниэля	404
Книга седьмая	409
Глава 18. 1967	412
Июль и август	415
ЭПИЛОГ	419
<i>Благодарности</i>	425
<i>Примечания</i>	428
<i>Библиография</i>	484
<i>Борис Фрезинский. Илья Эренбург в анализирующих лучах нового времени</i>	496
<i>Указатель имен</i>	506

**ДЖ. РУБИНШТЕЙН. ВЕРНОСТЬ СЕРДЦУ И ВЕРНОСТЬ СУДЬБЕ.
ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА / Пер. с англ. М. А. Шерешев-
ской; Ред. Б. Я. Фрезинский — СПб.: Академический проект, 2002 —
512 с. (Современная западная русистика, т. 44)**

В книге Джошуа Рубинштейна прослеживается личная и творческая биография Ильи Эренбурга, одной из центральных фигур советской культурной истории. Поэт, прозаик, журналист, теснейшим образом связанный с русской культурой «Серебряного века», человек, для которого европейский авангард 1910—1920 гг. был человечески близкой, живой средой, он оказался в эпицентре трагической русской истории XX столетия, ее жертвой, символом, творцом, летописцем. Исследователь использует богатейший мемуарный и документальный материал, значительная часть информации получена им непосредственно от участников событий, друзей и родных Эренбурга в личных беседах.

ISBN 5-7331-0164-4

9 785733 101644

Научное издание

Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *А. Т. Драгомощенко*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 20.01.2002. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 32. Уч. изд. п. л. 27,4. Тираж 1000 экз. Заказ № 26.

Гуманитарное агентство "Академический проект"
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26

Отпечатано в типографии ООО «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

